Санкт-Петербургский общественный фонд
«Музей Галины Васильевны Старовойтовой»

Старовойтовский конкурс как академический исследовательский проект: замысел, участники, исследовательские проблемы, публикации

Сборник статей призеров конкурсов научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея», 2000–2009

Под редакцией О.В. Старовойтовой, В.В. Костюшева

НОРМА

Санкт-Петербург
2010

ББК60.5+67.400.7(2 Рос)
С77

Старовойтовский конкурс как академический исследовательский
С77 **проект: замысел, участники, исследовательские проблемы, публи-**
кации: [сборник] / Под ред. О.В. Старовойтовой; науч. ред. проф. В.В. Костюшева: Сборник статей призеров конкурсов научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея», 2000–2009. – СПб.: Норма, 2010. – 704 с. с илл.

ISBN 978-5-87857-169-2

Выражаем благодарность за поддержку Председателю Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Сергею Михайловичу Миронову.

ББК60.5+67.400.7(2 Рос)

© СПб общественный фонд
«Музей Галины Васильевны Старовойтовой», 2010
©Старовойтова О. В., предисловие, послесловие, 2010
© Костюшев В.В., вступительная статья, 2010
© Оформление. Изд-во «Норма», 2010

Совсем не научное предисловие

20 ноября 1998 г., около 23 часов, Галина Васильевна Старовойтова была убита тремя выстрелами – в грудь, в голову и – в затылок – то, что называется «контрольный выстрел».

В моей квартире в начале двенадцатого ночи раздался телефонный звонок. Тревожный мужской голос сказал: «В Галину Васильевну стреляли. Приезжайте». Спрашиваю: «Где? Куда приезжать? Кто говорит?» Ответ: «Да здесь у нас, на канале, это сосед». «Как она себя чувствует?» - «Приезжайте скорее. Только не говорите родителям».

Это был Владимир Андреев, бывший депутат Ленсовета, того самого, 21-го созыва, сосед из квартиры напротив... (К сожалению, несколько лет назад Владимир скончался. Это он с женой спас тогда Руслана Линькова, истекавшего кровью...)

Как в тумане – ночь над ней, посещение городского ОМОНа, пока врачи вынимали пули, разговоры: «Ельцин звонил... Степашин вылетает...», шум собравшихся попозже высших чинов города, МВД, ФСБ...

В тумане – похороны...

Хорошо помню только тысячи людей на прощании. Я выглядывала из зала Александра III в Этнографическом музее на улицу – был мороз, но люди шли и шли...

После многочасового прощания гроб установили в тот катафалк, в котором когда-то везли останки царской семьи, и процессия выехала на Невский, люди стояли с обеих сторон, бросали цветы, многие кланялись...

Главное - родители держались молодцом. Потом они вспоминали Галин младенческий лепет... Ведь для них она – не политический деятель, а доченька!

Однако наш отец, Василий Степанович, крупный ученый в оборонной промышленности, орденоносец, лауреат, сказал журналистам: «Она погибла за свободу. Свобода – это и есть жизнь. Свобода – важнее жизни».

Мама сказала: «Я не самая горькая мать России. Я знаю могилу моей дочери, я знаю, что ее помнят. А сколько матерей не знают, где сгинули их дети? Особенно матери Чечни...» Она имела в виду (я потом спрашивала) и матерей из самой Чечни, и матерей солдат, сгинувших там...

Какие могут быть тут мысли, идеи, планы? Но через несколько дней мне позвонил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Поехала к нему. Дмитрий Сергеевич рассказал, что Галина Васильевна была у него дважды, и в последний раз то ли 9-го, то ли

10-го ноября. Они обсуждали организацию фонда по поддержке молодых талантов. Они прекрасно знали, что студенты и аспиранты материально живут очень трудно, многие ищут приработок, что нормально, особенно если это близко с выбранной специальностью. Но какая-то часть молодежи бросает науку – жить-то надо сегодня. Я слышала об идее фонда впервые – мы не успели поговорить с Галиной. Дмитрий Сергеевич разъяснил, что было придумано название – «Галатея», что учредителями решено сделать Лихачева, Старовойтову, Кривулина.

Надо что-то делать! Это понятно. Только вот не ясно – как. В это время в депутатскую приемную Галины Старовойтовой звонили люди, просили, требовали, чтобы ее память была увековечена в городе. Нужен музей или что-то в этом роде...

Дмитрий Сергеевич Лихачев первым обратился с письмом к Президенту России Б.Н. Ельцину с просьбой об увековечении памяти Галины Васильевны в России. Вскоре в Законодательном собрании Петербурга нового созыва (выборы прошли 8 декабря 1998 г.) с такой инициативой выступил Сергей Михайлович Миронов, тогда заместитель председателя ЗакСа.

Вскоре умер Дмитрий Сергеевич.

Виктор Кривулин, крупный русский поэт конца XX века, по-моему, до сих пор по достоинству еще не оцененный, тоже вскоре скончался.

Нам удалось создать фонд, организовать музей. Помогли в этом многие люди. Учредителями фонда стали: О. Старовойтова, Г. Маркелова, В. Марьянков, Ю. Рыбаков, П. Шелищ, В. Ривкин. КУГИ города выделило нам помещение для фонда - две смежные комнаты, которые много лет были депутатской приемной Г.В. Старовойтовой.

Вскоре при помощи ведущих сотрудников Музея политической истории России была создана и размещена в фонде мемориальная экспозиция. Ее концепция принадлежит старшему научному сотруднику музея, ныне – заместителю директора по науке, Елене Константиновне Костюшевой. Множество идей придумано и осуществлено художником Виталием Барановым.

Если бы не помощь людей, попытка реализовать идею Галины Васильевны по поддержке молодежи не удалась. Но подключились друзья и коллеги Галины Васильевны, те, кто понимал, как важно сохранить память, продвигать идеи ученого, правозащитника и политика Свою лепту внесли Санкт-Петербургский Союз ученых, Ассоциация социологов, Институт антропологии и этнографии, где Г.В. Старовойтова проработала двадцать три года, Институт региональной прессы, Институт независимых социологических исследований, факультет социологии СПбГУ, Европейский университет в Петербурге, другие организации.

Наш общественный фонд является общественным в полном смысле этого слова. Все работают без зарплаты. Мы с Галиной Георгиевной Маркеловой, которая была основным помощником Г.В. Старовойтовой по округу, даже и вопросом таким ни разу не задавались. Так же без всяких гонораров работают и все, без кого ежегодный конкурс не мог состояться. Из тех, кто стоял у истоков конкурса, возник организационный комитет и составилось квалифицированное жюри. Жюри выбирает тематику, оценивает поступающие работы молодых авторов, помогает нам во всем.

И вот уже состоялось десять конкурсов. В настоящее время проходит одиннадцатый.

Пришло время промежуточных итогов, и мы решили, что нужно издать сборник работ победителей и призеров конкурса «Галатея» за эти десять лет. Читатели увидят, какие темы прорабатывали молодые люди, как они воспринимали предлагаемую тематику, каков уровень материалов. В последние годы сильно расширилась и география конкурса. Однажды мы получили работу от матроса подводной лодки из г. Артем. Очень жаль, что этот автор не вошел в число победителей. Но мы написали ему и его командиру письмо с благодарностью. В последние годы в конкурсе участвовали молодые люди из двенадцати субъектов Российской Федерации. В том числе победителями становились студенты из Петрозаводска (Карелия) и из Улан-Удэ (Бурятия).

Нам очень интересно узнать, как сложились судьбы конкурсантов. О некоторых из них мы знаем. Многие сообщили, что участие в конкурсе «Галатея» повлияло на их жизнь, на дальнейшую работу.

В содержании перечислены темы каждого из десяти конкурсов. Разумеется, темы выбирались не только по их актуальности, но и по тому, насколько они близки деятельности Галины Васильевны и как ученого, и как правозащитника, и как политика.

Идея фонда, которую задумала сама Галина Васильевна, в той или иной степени реализуется. Я уверена, что мы делаем очень важное дело. И делаем его хорошо. Когда начинался первый конкурс, в нем участвовали молодые люди от 1975 до 1980 годов рождения. Теперь наши участники – это те, кто появился на свет в самом конце 80-х и даже в начале 90-х годов. Время бежит стремительно, а в эпоху новых технологий – и того быстрее. И очень интересно посмотреть, как за эти годы изменились молодые люди, их взгляды, их жизнь. Мы, организаторы конкурса, уверены, что идеи Галины Васильевны, далеко не все из которых она смогла реализовать, актуальны. Поэтому совершенно необходимо, чтобы как можно больше молодых людей были вовлечены в эту деятельность.

Постановлением Правительства Санкт-Петербурга (№3 от 13 января 2004 г.) была увековечена память Галины Васильевны Старовойтовой в нашем городе. Этот документ явился целой программой. В результате установлена мемориальная доска на доме, где она жила и была убита. Ее имя присвоено школе-гимназии № 397 в Кировском районе. Эту школу когда-то Галина Васильевна закончила. Мы проводим в школе открытые уроки, награждаем школьников призами за их работы и рефераты. В этой гимназии создан музей истории школы, центральное место в экспозиции посвящено Г.В. Старовойтовой.

В центре города создан прекрасный Сквер Галины Старовойтовой, где каждый год в ее день рождения, 17 мая, читают стихи и поют молодые люди.

Правительством Санкт-Петербурга учреждены две годовые городские стипендии памяти Галины Старовойтовой. Победитель конкурса получает бронзовую медаль ее памяти, созданную одним из лучших медальеров, А.А. Королюком. Первый приз победителю вручается от Сергея Михайловича Миронова. Другие призеры получают различные подарки. Все участники ежегодной итоговой конференции конкурса «Галатея» получают памятные книги. В организации этой конференции много лет принимает активное участие и оказывает нам поддержку СПб представительство фонда Конрада Аденауэра.

За эти годы несколько раз в итоговой конференции конкурса участвовали и гимназисты. Они получали специальные призы. Надеемся, что скоро они смогут всерьез конкурировать со студентами и аспирантами будущих конкурсов «Галатея».

Большую работу по организации конкурса провели наши секретари Оргкомитета, координаторы проекта «Галатея». Это Сергей Костюшев, Мария Львова, Агния Алесина, Александр Степанян.

Эта книга дает представление о новом поколении в большинстве своем независимо мыслящих, активных девушек и юношей, которые будут строить новую, молодую и свободную Россию.

...А у сына Галины Васильевны, Платона, растет дочка, которую они с женой назвали Галей...

Старовойтовский конкурс как академический исследовательский проект: замысел, участники, исследовательские проблемы, публикации

(предисловие научного редактора)

Владимир Костюшев

Замысел

При подготовке настоящего издания перечитал более сотни конкурсных статей, и качественный научный результат проекта проявился ясно и четко: исследовательские проекты участников конкурса, объединенные тематически, стали значимым событием в профессиональном исследовании проблем российского общества. Можно сказать, что совокупность конкурсных работ представляет собой коллективный исследовательский проект, обладающий общим предметом исследования, профессиональной методологией анализа, современной научной концептуализацией, актуальностью рассматриваемых научных проблем, качественными научными результатами.

Реализована задуманная миссия проекта: конкурс продолжает научный опыт социолога, этнографа и выдающегося российского политика Г.В. Старовойтовой и является – в корпусе научных текстов – достойной формой гражданской, социальной и научной памяти о замечательном ученом и человеке.

Если другие важные формы памяти – издание научных трудов и мемуарных книг, подготовка музейных экспозиций и выставок – являются сохранением наследия, то конкурс научных работ реализуется как продолжение исследовательской работы в области современных проблем этнографии, социологии, права, политических наук – дисциплин, в которых профессионально работала Г.В. Старовойтова.

Идея конкурса была высказана самой Галиной Васильевной – незадолго до ее трагической гибели – в беседе с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, активно поддержавшим этот научный проект. И конкурс стал посмертной памятью его автору.

***

Конкурс является тематическим – каждый год оргкомитет и жюри конкурса определяли конкурсную тему в связи с исследовательской и политической деятельностью Г.В. Старовойтовой и актуальным политическим контекстом в современном мире.

В настоящее юбилейное издание включены лучшие работы десяти научных конкурсов, проведенных в 2000-2009 гг..

Конкурс проводился по следующим научным темам:

2000 г.: «Этничность и национализм в современном мире»,

2001 г.: «Права человека в Российской Федерации»,

2002 г.: «Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход?»,

2003 г.: «Свобода слова и свобода совести в электронную эру: Россия и международный опыт»,

2004 г.: «Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи России в начале XXI века»,

2005 г.: «Теория и практика становления и развития гражданского общества в России»,

2006 г.: «Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт»,

2007 г.: «Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность»,

2008 г.: «Современные молодежные сообщества в культуре и политике»,

2009 г,: «Права человека: история и современность».

Жюри конкурса

Жюри конкурса, состоящее из известных ученых и общественных деятелей, изучает работы, поданные на конкурс, определяет победителей и призеров.

За период 2000-2009 гг. жюри конкурса возглавляли:

В.А. Ядов, директор Института социологии РАН, докт.философ.наук, проф. (первый конкурс по теме «Этничность и национализм в современном мире», 2000 г.);

Н.М. Гиренко[1], старший научный сотрудник Института антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), правозащитник, канд. ист.наук (второй конкурс по теме «Права человека в Российской Федерации», 2001 г.);

Я.А. Гордин, главный редактор журнала «Звезда», писатель, историк (третий конкурс по теме «Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход?», 2002 г.);

Б.М. Фирсов, почетный ректор Европейского ун-та в СПб, докт.философ. наук, проф. (четвертый конкурс по теме «Свобода слова и свобода совести в электронную эру: Россия и международный опыт», 2003 г.);

В.В. Костюшев, профессор кафедры прикладной политологии ГУ-ВШЭ в СПб, канд.философ.наук (пятый конкурс по теме «Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи России в начале XXI века», 2004 г.; девятый конкурс по теме «Современные молодежные сообщества в культуре и политике», 2008 г.);

В.М. Воронков, директор Центра независимых социологических исследований (шестой конкурс по теме «Теория и практика становления и развития гражданского общества в России», 2005 г.);

Д.В. Дубровский, директор программы «Права человека» Смольного института свободных искусств и наук, канд.ист.наук (седьмой конкурс по теме «Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт», 2006 г.; десятый конкурс по теме «Права человека: история и современность», 2009 г.).);

В.Я. Гельман, профессор факультета политических наук и социологии Европейского ун-та в СПБ, канд.полит.наук (восьмой конкурс по теме «Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность», 2007 г.).

Конкурсные работы оценивали члены жюри и приглашаемые эксперты: политолог, исполнительный директор СПб центра «Стратегия», канд.физ.-мат. наук М.Б. Горный; психолог, докт.психолог.наук, профессор СПбГУ Н.В. Гришина; политолог, докт.философ.наук, зав. кафедрой, профессор СПбГУ О.В. Попова; социолог, доцент Европейского ун-та в СПб и ГУ-ВШЭ в СПб, научный сотрудник ЦНСИ, канд.соц.наук М.М. Соколов; социолог, декан факультета социологии СПбГУ, докт.философ.наук, профессор Н.Г. Скворцов; политолог, зав. отделением прикладной политологии ГУ-ВШЭ в СПб, президент СПб центра «Стратегия», докт.полит.наук А.Ю. Сунгуров; экономист и журналист, директор Центра исследования модернизации Европейского университета в

[1] Известный петербургский ученый, правозащитник, член жюри конкурса, наш друг и коллега Николай Михайлович Гиренко был злодейски убит 19 июня 2004 года экстремистами – выстрелом через дверь – вследствие своей профессиональной деятельности в области судебной экспертизы преступлений на почве национальной розни. С осени 2004 года в рамках конкурса учреждена специальная премия памяти Н.М. Гиренко, присуждаемая за лучшие работы в области этнических и правовых проблем. См.: Страницы, опаленные смертью. Александр Мень, Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Николай Гиренко / Сб. статей (статьи, публичные выступления, эссе, главы из книг, экспертные заключения). – М.: Журнал «Вестник Европы», 2006.

СПб, канд.экон.наук Д.Я. Травин; социолог, старший научный сотрудник Института антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) им. Петра Великого, канд.философ.наук В.Г. Узунова; журналист, директор Института региональной прессы А.А. Шароградская; юрист, известный адвокат, председатель Комитета «Адвокаты за права человека» Ю.М. Шмидт, другие специалисты.

Жюри определяет победителей и призеров конкурса по разным номинациям, проводит награждение лауреатов премиями. Победитель конкурса за работу, получившую высшие оценки жюри, получает Памятную бронзовую медаль имени Г.В. Старовойтовой[2], а также специальный приз Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ С.М. Миронова. Призеры конкурса получают денежные премии, специальные призы, информационную поддержку от общественных и академических организаций Санкт-Петербурга: от Санкт-Петербургской ассоциации социологов, Центра независимых социологических исследований, Европейского университета в СПб, Государственного университета – Высшей школы экономики в СПб, фонда «Открытая Россия», Института региональной прессы, СПб центра «Стратегия», социологического журнала «Телескоп», радиостанции «Эхо Москвы», «Новой газеты», других общественных организаций и информационных изданий.

С 1999 года Петербургское Бюро фонда Конрада Аденауэра помогает конкурсу в организации научной конференции, приобретении книг и подарочных изданий. С 2007 года два победителя конкурса, определяемые членами жюри, получают годовые стипендии имени Г.В. Старовойтовой, учрежденные Правительством Санкт-Петербурга[3].

По результатам конкурса, в конце мая каждого года, проводится научная конференция участников конкурса, представляющих свои конкурсные работы научными докладами. Работа конференции, как и организация конкурса, освещается в средствах массовой информации, на специальном сайте фонда[4].

Бесценную работу по изданию материалов конкурса проводит СПб издательство «Норма» под руководством известного петербургского издателя и нашего коллеги Маргариты Львовны Филипповой.

[2] Бронзовую медаль разработал известный российский скульптор и художник А.А. Королюк.

[3] Стипендия имени политика и ученого Галины Старовойтовой для студентов гуманитарных факультетов учреждений высшего профессионального образования учреждена постановлением Правительства Санкт-Петербурга 22 мая 2007 г.

[4] Сайт Фонда: http://www.starovoitova.ru

Участники

Для многих участников конкурс «Галатея» был первым самостоятельным научным опытом. Многие конкурсанты в последующем стали профессиональными исследователями, преподавателями высших учебных заведений Санкт-Петербурга и России, защитили диссертации, получили известность в своей профессиональной области. Некоторые из участников (М. Соколов, А. Новиков, А. Балаян) стали членами жюри и экспертами конкурса. Участники конкурса специализировались в области социологии, этнографии, политических наук, истории, психологии, философии, права, международных отношений. За 10 лет в конкурсе приняли участие более 300 студентов и аспирантов, представляющих высшие учебные заведения Санкт-Петербурга и других городов России.

В изданиях, представляющих материалы проведенных в 2000-2009 гг. конкурсов, опубликована 131 научная статья[5]. Некоторые из изданных конкурсных работ стали значимыми событиями в профессиональной научной среде.

Тематически все конкурсные работы сфокусированы на трех основных предметных областях, связанных с профессиональной научной деятельностью Г.В. Старовойтовой: этничность, соблюдение и защита нарушаемых прав человека, политические процессы и государственное строительство. Сквозной темой оставались вопросы динамики молодежных сообществ и проблемы государственной молодежной политики.

Рассмотрим научные конкурсы 2000-2009 гг.

Этничность и национализм в современном мире (Первый конкурс, 2000 год)[6]

Тема Первого конкурса определена членами оргкомитета[7] и жюри конкурса[8] в связи с основным профессиональным интересом этнографа, социо-

[5] Библиографию публикаций конкурса см. в Приложении к настоящему изданию.

[6] Этничность и национализм в современном мире. Сборник работ участников Первого конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / [Под ред. В.А. Ядова.] – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Изд-во «Петрополис», 2000.– 276 с.

[7] Председатель оргкомитета – Ольга Васильевна Старовойтова, президент фонда «Музей Галины Васильевны Старовойтовой», зам. председателя – В.В. Костюшев, профессор кафедры прикладной политологии ГУ-ВШЭ в СПб. Функции ответственного секретаря конкурса выполняли студенты петербургских вузов: Агния Алесина (факультет социологии СПбГУ), Сергей Костюшев (факультет международных отношений СПбГУ), Мария Львова, с 2007 г. – Александр Степанян (факультет политологии СПбГУ).

[8] Жюри конкурса 2000 г.: В.А. Ядов (председатель жюри), В.М. Воронков, Н.М. Гиренко, Н.В. Гришина, В.Я. Гельман, Д.В. Дубровский, Н.Г. Скворцов, В.Г. Узунова, А.А. Шароградская.

лога и политика Г.В. Старовойтовой – проблемами этничности и национализма.

Во время подготовки конкурса усилиями коллег и друзей была переведена на русский язык, подготовлена к печати и издана научная монография Г.В. Старовойтовой «Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев»[9], написанная автором в 1996 г. и опубликованная в 1997 г.[10] во время работы Галины Васильевны преподавателем в Уотсоновском институте международных отношений Университета Брауна в США.

В продолжение темы данной монографии была определена и тема конкурса. Эта научная монография развивала некоторые академические вопросы, поставленные в исследовании 1987 года, посвященном пониманию этничности в современном городе[11].

Жюри Первого конкурса возглавил известный российский социолог, основатель Ленинградской социологической школы[12], директор Института социологии РАН, докт.философ.наук профессор Владимир Александрович Ядов. Конкурс объявлен в мае и завершен научной конференцией участников и изданием тома конкурсных работ в ноябре 2000 г.[13].

Работы первого конкурса объединяет общая тема этнической идентичности и самоидентификации людей в современном мире. Лучшей было признано профессиональное изящное социологическое исследование Елены Паршиной, студентки факультета социологии Морского технического университета, посвященное анализу ситуативной структуры этнической идентичности петербургских

[9] Г. Старовойтова. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев / Сост. О. Старовойтова, Л. Иодковская; ред. перевода Б.Винер; послесл. проф. К.В. Чистова. – СПб.: Лимбус Пресс, 1999. – 208 с.

[10] Galina Starovoitova. National Self-Determination: Approaches and Case Studies. - Thomas J. Watson Jr. Institute for International Studies. Brown University. Occasional Paper #27. - 1997. - 179 p.

[11] Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном городе (социологические очерки) / Отв. ред. К.В. Чистов. – Л.: «Наука», 1987. – 175 с. Другие публикации см.: Страницы, опаленные смертью. Александр Мень, Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Николай Гиренко / Сб. статей (статьи, публичные выступления, эссе, главы из книг, экспертные заключения). – М.: Журнал «Вестник Европы», 2006. – С.116-209.

[12] См.: Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы). – М.: Ин-т социологии РАН, 1998.

[13] В 2001-2009 гг. конкурс начинался в ноябре (20 ноября – день гибели Галины Васильевны Старовойтовой) и завершался в мае последующего года (17 мая – день рождения Галины Васильевны).

студентов[14]. Премиями также отмечены работы, посвященные депортационной политике советского руководства в отношении латышского населения в 1940-е годы (третья премия)[15], дискриминации в исследовании наций (третья премия)[16] и исследованию такой нетривиальной для академических исследований темы, как «фальсификация» этничности, процесса конструирования «искусственной» этнической идентичности (вторая премия)[17]. Рассмотрены актуальные этнические проблемы разных стран (Болгария, Армения, Германия, Франция, Япония, Сербия, Хорватия, Украина).

Всего опубликовано 17 (из поступивших 25) конкурсных работ, признанных членами жюри исследованиями, результаты которых значимы для научного сообщества[18]. Участниками конкурса стали студенты и аспиранты СПбГУ (факультеты истории, международных отношений, социологии, психологии, философии, юридический), Европейского университета в СПб (факультет политических наук и социологии), Государственного Технического Морского университета (факультет социологии), Петрозаводского государственного университета (исторический факультет).

Профессионализм представленных на конкурс студенческих и аспирантских работ убедил оргкомитет и жюри в успехе конкурсного проекта, получившего – в

[14] Паршина Е. Ситуативная структура этнической идентичности петербургских студентов // Этничность и национализм в современном мире… – СПб., 2000. – С.9-18.

[15] Жуйкова О. Депортационная политика советского руководства в отношении латышского населения в 1940-х года. – С. 30-51.

[16] Попова В. Онтология дискриминации в исследовании наций: социальная обусловленность науки и политические последствия. – С.52-66.

[17] Костюшев С. Фальсификация этничности. – С.19-29.

[18] Помимо отмеченных призеров, в сборнике Первого конкурса опубликованы: Степанова Е. Немецкая национальная идентичность: проблемы и противоречия. – С.67-84; Гершевская Н. Формирование полиэтнической французской нации. Культурно-исторический анализ. – С. 85-97; Ярыгин Г. Квебекский национализм на рубеже веков. – С. 98-113; Морозова Я. Национализм в Японии. – С.114-127; Медведева М. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии в 90-е гг.: структура и динамика. – С.128-139; Хейфец В. Этнические меньшинства и кризис общества в Болгарии. – С. 140-157; Габриелян З. Геноцид армян в Западной Армении 1895-1922 гг.: история и современность. – С.158-184; Машарский Л. Национальное движение, ислам и политическая борьба в Татарстане, 1988-1997 гг. – С. 185-202; Рущенко Г. Национализм, этнические предрассудки и дискриминация в Чечне. – С. 203-215; Кирюхина Е. Особенности социальной идентичности алтайских немцев как фактор эмиграции. – С. 216-231; Колосова В. Конструирование фольклора как способ формирования национального самосознания (по материалам экспедиции в село Старые Бросковцы Сторожинецкого района Черновицкой области, Украина). – С. 232-238; Лярская Е. Комплекс женских запретов и правил у ненцев Ямала (по материалам экспедиции 1998 года.). – С.239-256; Кишиков М. Государственная поддержка малых народов Севера (социально-экономический аспект). – С. 257-274.

соответствии с замыслом – ясные академические рамки исследований актуальных проблем национализма и этнической самоидентификации, продолжающих исследования Г.В. Старовойтовой.

Защита прав человека в Российской Федерации (Второй конкурс, 2001 год)[19]

Жюри Второго конкурса возглавил Николай Михайлович Гиренко, известный этнограф, ведущий научный сотрудник Института антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), профессионал в области изучения этничности, один из лучших российских экспертов в области квалификации преступлений, совершенных на почве национальной розни.

Небольшой том работ Второго конкурса, посвященный проблеме прав человека, остается одним из самых интересных за 10 лет проведения конкурса. Участники конкурса рассмотрели острые социальные проблемы современного российского общества, связанные с нарушением прав человека, незащищенностью людей в повседневной жизни.

Первую премию конкурсное жюри[20] присудило Зое Соловьевой за исследование нарушения прав бездомных в России, проблем их дискриминации в российском законодательстве, в публичном дискурсе и в повседневной жизни, проведенное автором в общественной благотворительной организации «Ночлежка» в 1999-2000 гг.

В других работах рассмотрены проблемы незащищенных социальных групп: инвалидов войны в Афганистане (Н. Данилова, вторая премия), вынужденных мигрантов (О. Жуйкова, поощрительная премия), выпускников детских домов (Т. Кузнецова, поощрительная премия), представителей сексуальных меньшинств. Проанализированы теоретические вопросы правоприменения (М. Соколов, третья премия), правовой дискриминации, нарушения прав на национальную самоидентификацию[21].

[19] Защита прав человека в Российской Федерации. Сб. работ участников Второго конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. О.В. Старовойтовой. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Изд-во «Петрополис», 2001.– 116 с.

[20] Жюри конкурса 2001 г.: Н.М. Гиренко (председатель жюри); В.М. Воронков, Д.В. Дубровский, В.Я. Гельман, Н.В. Гришина, В.В. Костюшев, Н.Г. Скворцов, В.Г. Узунова, А.А. Шароградская, Ю.М. Шмидт.

[21] Из поступивших на конкурс 22 работ жюри решило опубликовать 8 научных статей, представлявших несомненный научный интерес. Приятно отметить, что многие авторы данных работ в настоящее время являются известными специалистами в своей профессиональной области, исследователями и преподавателями высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход? (Третий конкурс, 2002 год)[22]

Тема третьего конкурса определилась жизнью начала 2000-х: резкое усиление ксенофобских настроений, проявившееся в это время, экстремистские выходки и даже убийства на национальной почве, террористические акты на улицах российских городов, в том числе в Санкт-Петербурге, заставили членов жюри предложить потенциальным участникам конкурса эту сложную и ответственную тему.

Конкурсное жюри[23] возглавил известный историк и литератор, главный редактор знаменитого петербургского литературного журнала «Звезда» Яков Аркадьевич Гордин.

Интеллектуальным событием конкурса, отмеченным жюри первой премией, была признана работа аспирантки Европейского университета Натальи Даниловой, посвященная эволюции значений понятия «терроризм» на основе анализа словосочетания «чеченский терроризм» в публичном дискурсе 1994-2002 гг. Автором на основании понимания терроризма как метода, посредством которого организованные группы стремятся достичь своих целей через систематическое использование насилия, выделяются государственный и индивидуально-групповой терроризм, проводится общенаучная типология терроризма, анализируются изменения в понимании терроризма в российском правовом поле, начиная с 1960 года[24].

Тематически близкими исследовательскими проектами были работы, посвященные представлению исламского мира в российских СМИ (И. Смирнова, вто-

В сборнике Второго конкурса опубликованы статьи: Соловьева З. Свободные БОМЖи свободной страны. – С. 9-24; Данилова Н. Ситуация ограничения прав человека: проблема измерения (на примере группы инвалидов войны в Афганистане). – С. 25-37; Соколов М. Границы применения доктрины прав человека в современной российской культуре: суд над полковником Будановым и его противники. – С. 38-47; Жуйкова О. Правовая дискриминация вынужденных мигрантов в России. – С. 48-62; Кузнецова Т. Проблемы социальной адаптации выпускников детских домов. – С. 63-79; Ноженко М. Право личности на национальную самоидентификацию: выбор между государством и гражданским обществом. – С.80-89; Иванян Р. Права ребенка – декларация и реальность. – С. 90-101; Нартова Н. Лесбийское сообщество в России: политика запрещения и/или политика исключения. – С. 102-110.

[22] Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход? Сб. работ участников Третьего конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея». – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Изд-во «Петрополис», 2001. – 212 с.

[23] м Жюри конкурса 2002 г.: Я.А. Гордин (председатель жюри), В.М. Воронков, В.Я. Гельман, Н.В. Гришина, Д.В. Дубровский, В.В. Костюшев, Н.Г. Скворцов, М.М. Соколов, В.Г. Узунова, А.А. Шароградская, Ю.М. Шмидт.

[24] Данилова Н. «Чеченский терроризм»: эволюция значений // Ксенофобия, экстремизм и терроризм. – С.10-22.

рая премия), теоретико-правовому дискурсу государственного насилия (К. Крылов, вторая премия), правовому регулированию экологического терроризма (Н. Петрова, третья премия), пониманию левого экстремизма в Германии, мотивации терроризма, этнокультурному кодированию ксенофобии, и другие работы[25].

Свобода совести и свобода слова в электронную эру: Россия и международный опыт (Четвертый конкурс, 2003 год)[26]

Тема свободы совести и свободы слова была предложена для конкурсных исследований председателем жюри, ректором Европейского университета в СПб, известным российским социологом и общественным деятелем, д.ф.н., профессором Борисом Максимовичем Фирсовым. Тема также была академической и остро актуальной: интернет и правовые вопросы свободы слова вошли в жизнь общества.

Решением жюри[27] победителем конкурса был признан студент факультета журналистики СПбГУ Александр Новиков, написавший о свободе доступа к экологической информации в современной России[28]. Автор проанализировал сложные правовые вопросы доступа к экологической информации, представленные в российском законодательстве, российскую практику незаконности расширения массива секретной информации, международный опыт рассмотрения и решения данного вопроса, изучил конкретные случаи открытости/закрытости экологической информации в России.

[25] Смирнова И. Исламский мир глазами российских СМИ. – С. 23-39; Крылов К. Проблема теоретико-правового дискурса политического (государственного) насилия. – С. 40-48; Петрова Н. Актульаные проблемы правового регулирования экологического терроризма в РФ. – С. 49-61; Степанова Е. К вопросу о левом терроризме в Германии. Террористическая деятельность Фракции Красной Армии. – С. 62-79; Данилов А. «Исторические двойники» и политико-правовые проблемы новейшей истории (исследование взаимоотношений России и Чечни). – С. 80-108; Брюльгарт Р. Мотивы международных террористических актов. История и современность. – С. 109-121; Сафонова Т. Использование этнических понятий в контексте внутрирелигиозного конфликта (на примере борьбы за здание Санкт-Петербургского храма «Дацан Гунзэчойнэй»). – С. 122-132; Панакова Я. «Свое» и «чужое»: этнокультурное кодирование ксенофобии. –С. 133-141; Бозе Э. Культурные модели Западной цивилизации и Исламский мир. – С. 142-158; Либуркина Е. Следует ли бороться против исламского терроризма? – С. 159-190; Фирсов Е., Кривулина В. Система: «Монологи о нас». – С. 192-207.

[26] Свобода совести и свобода слова в электронную эру: Россия и международный опыт. Сб. работ участников Четвертого конкурса научных работ молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. Б.М. Фирсова. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Норма, 2003. – 138 с.

[27] Жюри конкурса 2003 г.: Б.М. Фирсов (председатель), В.М Воронков, В.Я. Гельман, Н.М. Гиренко, Н.В. Гришина, Д.В. Дубровский, Н.Г. Скворцов, М.М. Соколов, А.А. Шароградская, Ю.М. Шмидт.

[28] Новиков А. Проблемы свободы доступа к экологической информации в современной России // Свобода совести и свобода слова в электронную эру, с.9-26.

Две вторых премии конкурса были присуждены авторам работ, посвященных свободе слова: возможности свободы слова в зависимых от государства средствах массовой информации[29] и проблемам реализации международных стандартов свободы слова в контексте формирования представительной демократии в России (Н. Миронов)[30]. Другие работы конкурса[31] были посвящены свободе деятельности СМИ в кризисных ситуациях, свободе совести в религиозных общинах, анализу интернет-технологий в социальном лоббировании и иным вопросам.

Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи России в начале XXI века (Пятый конкурс, 2004 год)[32]

Участникам Пятого конкурса жюри[33] под руководством зав. сектором социологии общественных движений Социологического института РАН к.ф.н. Владимира Владимировича Костюшева предложило рассмотреть проблемы ценностей, политического участия, повседневных практик молодежных сообществ в современной России.

Из 23 допущенных к конкурсу работ научным событием, привлекшим внимание жюри и участников научной конференции, явилось оригинальное исследование студентки вечернего отделения факультета социологии СПбГУ Татьяны Сафоновой, посвященное процессу рекрутирования студентов-социологов в профессию, основанное на автоэтнографическом анализе собственного опыта

[29] Черняк Е. Свобода слова в зависимых СМИ. Возможно ли это? // Свобода совести и свобода слова в электронную эру. – С. 27-41.

[30] Миронов Н. Свобода слова и представительная демократия в России // Свобода совести и свобода слова в электронную эру. – С. 42-64.

[31] Ларина И. Нужно ли ограничивать средства массовой информации в кризисных ситуациях? Кто должен это сделать: сами СМИ или власть? – С. 65-69; Гурова О. Свобода самовыражения – свобода морали? (репрезентация женской гомосексуальности в современной российской массовой культуре). – С. 70-80; Настоящев Е. New Age м свобода. – С. 81-93; Кривушина В. Свобода совести или «православный консенсус»? – С. 94-109; Белобородов С. Интернет для социального лоббирования: технологии и перспективы. – С. 110-122; Панакова Я. Человек публичный: политика и этика публичного дискурса. –С. 123-136.

[32] Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи России в начале XXI века. Сб. работ участников Пятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. В.В. Костюшева. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Норма, 2004. – 182 с.

[33] Жюри конкурса 2004 г.: В.В. Костюшев (председатель), М.А. Белоусова, В.М. Воронков, В.Я. Гельман, М.Б. Горный, Н.В. Гришина, С.В. Дамберг, Д.В. Дубровский, Е.В. Клицунова, А.В. Новиков, Н.Г. Скворцов, М.М. Соколов, А.А. Шароградская, Т.Б. Щепанская.

и специальном исследовании академической социализации[34] (первая премия и другие специальные премии).

Две вторых премии получили студенты-социологи СПбГУ Я. Панакова и В. Давыдов за исследования повседневной жизни молодых северян[35].

Отмечены специальными премиями жюри и другие конкурсные работы, посвященные паттернам социального неравенства в интернет-коммуникациях (П.Аронсон, 3 премия), индивидуальным интерпретациям и преобразованиям социальной среды (В. Симонова, Е. Гусакова, 3 премия), этническим стереотипам школьников, политическому участию и аполитичности молодых людей и другим вопросам[36].

Теория и практика становления и развития гражданского общества в России (Шестой конкурс, 2005 год)[37]

В 2005 году на конкурс было допущено 28 работ, авторы которых анализировали проблемы гражданского общества в России в рамках таких наук, как социология, этнология, культурная антропология, право, искусствоведение, политические науки, журналистика и история.

Жюри конкурса возглавил директор петербургского Центра независимых социологических исследований российский социолог Виктор Михайлович Воронков, сборник работ конкурса редактировал сотрудник этого центра М.М. Соколов.

[34] Сафонова Т. Обольщение профессией (Исследование рекрутирования молодых петербургских социологов) // Тревоги и надежды моего поколения. – С. 7-19.

[35] Панакова Я. Повседневность. Нормальность. Другие (на материалах молодых северян в Санкт-Петербурге). – С. 20-35; Давыдов В. Студенты-северяне в Петербурге: феномен этнокультурной аутентичности в крупном российском городе. – С. 36-50.

[36] Аронсон П. Интернет-коммуникация как способ воспроизводства паттернов социального неравенства. – С. 51-59; Симонова В. Интерпретация социальной среды Петербурга студентами-северянами. – С. 60-69; Гусакова Е. Подросток во дворе: особенности преобразования социального пространства. – С. 70-81; Воронина А. Аниме и коммуникации в молодежной среде. – С. 82-94; Серикова И. Экономика и профессиональное самоопределение – скрытая зависимость? – С. 95-112; Емельянов И. Представление себя «психом» в повседневной жизни: применение драматургического подхода И.Гофмана. – С. 113-119; Тарасенко Г. Выпускники начальных общеобразовательных православных школ: особенности включения в светское общество. – С. 120-129; Акифьева Р. Этнические стереотипы школьников Санкт-Петербурга: данные социолингвистического эксперимента. – С. 130-144; Шишкина Е. Портрет молодого поколения как общий показатель результативности социализации. – С. 145-151; Настоящев Е. НБП: как это понимать. – С. 152-164; Эренбергер Э. Молодежь в движении: готова к обмену? – С. 165-171; Смирнова И. Телереклама: чему все возрасты покорны? – С. 172-180.

[37] Теория и практика становления и развития гражданского общества в России. Сб. работ участников Шестого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. М.М. Соколова. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Норма, 2006. – 108 с.

Были определены две первые, две вторые и две третьи премии конкурса.

В работе студентки Петрозаводского государственного университета Анны Тарасенко (первая премия) проанализирована «история одного успеха» (успешный опыт Молодежного правозащитного союза Республики Карелия в реализации права законотворческой инициативы – в подготовке и принятии законопроектов по защите прав призывников в соответствии с международными стандартами. Анна Лежикова, студентка факультета политических наук и социологии Европейского университета в СПб, также получившая первую премию, на основании концепции социально-этической экономики и принципа социальной ответственности бизнеса рассмотрела вопросы социального партнерства, взаимодействия бизнеса и общества[38].

Интересно были проанализированы проблемы рисковых коммуникаций (А. Новиков, 2 место), прав человека в контексте культуры (В. Симонова, 2 место), деятельности регионального омбудсмана по защите прав человека (Ю. Макарова, 3 место), особенности избирательной системы в России (А. Абдрехимова, 3 место), институционализации культурных групп в российском обществе[39].

Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт (Седьмой конкурс, 2006 год)[40]

Петербургу, его социальной и культурной жизни был посвящен конкурс 2006 года, по результатам которого было опубликовано 8 научных работ из 29 заявленных[41].

[38] Тарасенко А. История одного успеха: Почему некоторым общественным организациям удается участие в законотворческом процессе? // Теория и практика становления и развития гражданского общества в России. – С. 9-20; Лежикова А. Социальное партнерство: какое оно сегодня, и каким оно может быть завтра. – С. 21-32.

[39] Новиков А. Рисковые коммуникации как механизм, способствующий развитию гражданского общества (на примере атомной отрасли). – С. 33-46; Симонова В. Гражданское общество = права человека + права культуры. – С. 47-54; Макарова Ю. Деятельность института Уполномоченного по правам человека в России на примере Калининградской области. – С. 55-69; Абдрехимова А. Гражданское общество и избирательная система в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспектива формирования. – С. 70-80; Давыдов В. Институционализация культурных групп и гражданское общество. – С. 81-87; Настоящев Е. Гражданское общество и авторитаризм: взгляд Льва Тихомирова. – С. 88-94; Пенкин О. Становление гражданского общества в современной России: национально-культурный ресурс. – С. 95-106.

[40] Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт: Сб. лучших работ участников Седьмого ежегодного конкурса памяти Галины Старовойтовой «Галатея» / Под ред. О.В. Старовойтовой. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Норма, 2006. – 104 с.

[41] Санина А. «От «Восстания» до «Мужества» – 15 минут ужаса»: петербургские маршрутки как социальный и культурный феномен // Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт. – С. 7-19; Сафонова М. Студенческое землячество казахстанцев в

Жюри конкурса возглавлял Дмитрий Викторович Дубровский, руководитель программы «Права человека» Смольного университета свободных искусств и наук, к.и.н.

Две первые премии получили работы аспирантки факультета социологии СПбГУ Анна Санина, проанализировавшей реальные социальные практики поведения петербуржцев в маршрутках, и аспирантка Европейского университета в СПб Мария Сафонова, чье исследование было посвящено практикам повседневной жизни казахстанского землячества в СПб.

В других конкурсных работах отражены результаты исследований новых религиозных практик горожан (Я. Грусман, 2 премия), петербургского публичного пространства (Т. Сафонова, 2 место), проблемы социальной адаптации представителей северных народов в петербургском пространстве (С. Сорокина, специальный приз памяти Н.М. Гиренко), формы религиозного обращения (В. Исаева, специальный приз).

Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность (Восьмой конкурс, 2007 год)[42]

В работах данного конкурса были продолжены исследования вопросов терпимости/нетерпимости, ксенофобии, стигматизации, толерантности/интолерантности в современном российском обществе. На конкурс было подано более 40 работ, в финальный тур жюри допустило 17 работ, третья часть которых была представлена участниками из российских регионов (Алтайский край, Ульяновск, Казань)[43].

Петербурге: общежитие, клубные вечеринки, сети и миграция. –С. 20-32; Грусман Я. Новые религиозные практики горожан: движение Анастасии как феномен религиозной и социокультурной жизни современного Петербурга. – С. 33-45; Сафонова Т. Коллоиды и коагулянты петербургского публичного пространства. – С. 46-55; Сорокина С. Коренные народы Сибири и Дальнего Востока в Санкт-Петербурге: проблемы социальной адаптации студентов Института народов Севера. – С. 56-75; Исаева В. Феномен религиозного обращения в социокультурной среде Петербурга. – С.76-85; Рантман Ю. Образовательная миграция: повседневность иногородних студентов в Санкт-Петербурге. – С. 86-91; Аметова Е. Мы и немцы. – С. 92-102.

[42] Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность. Сб. работ участников Восьмого конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. В.Я. Гельмана. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Норма, 2007. – 192 с.

[43] Смирнова Т. Конструирование национальной идентичности в современных российских мультфильмах // Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе. – С. 8-23; Карбаинов Н. «Эй, хунхуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ. – С. 24-35; Цыганкова А. Слышащие – Глухие: 1-0. – С. 36-52; Костерина И. Конструирование образа «врага русского народа» в благосфере Рунета. – С. 53-68; Настоящев Е. Толерантность в отношениях светского религиоведения и теологии: российская специфика и перспективы. – С. 69-85; Сибирева М. Воспитание толерантности у ребенка. – С. 86-102; Ясинский Д. Толерантность и интолерантность (Перспективы дискуссии в публичном пространстве Санкт-Петербурга). – С. 103-109; Витушкин Д. «Плавильный тигль» или «салатница». – С. 110-121; Силаева З. Взгляд молодого политолога на проблему проявлений нетерпимости и ксенофобии в современном российском обществе. – С. 122-135; Зуенко В. Проблемы ксенофобии в современной России. – С. 136-149; Винников Р. Толерантность и интолерантность. – С. 150-165; Покидышева И. Правовое регулирование защиты прав национальных меньшинств в языковой сфере. – С. 166-176; Давыдова А. Современная молодежь: политические взгляды и национализм. – С. 177-190.

Руководил работой жюри российской политолог, профессор Европейского университета в СПб, канд.полит.наук Владимир Яковлевич Гельман.

Победителем конкурса было признано исследование бытования в российской культуре «языка вражды» на примере конструирования национальной идентичности в современных детских российских мультфильмах, проведенное студенткой СПбГУ и Смольного института свободных искусств и наук Татьяной Смирновой. На основе анализа визуального ряда серии мультфильмов, экранизирующих сказки народов России, автор приходит к выводу о формировании посредством мультфильмов, вопреки замыслу их авторов, «реальных дискриминационных и сегрегационных практик».

Четырем работам конкурса, имевшим разную тематическую направленность и получившим в оценках членов жюри равные баллы, было присуждено второе место: изучение «уличных войн» (а также премия памяти Н.М. Гиренко, Н. Кабаинов), стигматизация слабослышащих и глухих (Н. Цыганкова), конструирование образа врага в интернете (И. Костерина), вопросы толерантности в религиоведении и теологии (Е. Настоящев).

Современные молодежные сообщества в культуре и политике (Девятый конкурс, 2008 год)[44].

Конкурс 2008 года продолжил тему конкурса 2004 года, посвященного ценностям, политическому участию и повседневным практикам молодых людей в российском обществе[45]. На конкурс было подано более 40 заявок, опубликовано

[44] Современные молодежные сообщества в культуре и политике: Сб. статей участников Девятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. В.В. Костюшева. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Норма, 2008. – 226 с.

[45] Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи России в начале XXI века: Сб. работ участников Пятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. В.В. Костюшева. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Норма, 2004. – 182 с.

20 научных статей[46]. Различными призами и премиями жюри[47] отметило работы 7 авторов: Веры Галиндабаевой (аспирантки кафедры истории, археологии и этнографии Бурятского государственного университета) (первое место и премия памяти Н.М. Гиренко); Анатолия Бреславского (студента 4 курса кафедры экономики управления Бурятского государственного университета) (первое место); Катерины Губы (студентки 1 курса факультета политических наук и социологии Европейского университета в СПб) (второе место) и Анны Желниной (аспирантки факультета политических наук и социологии Европейского университета в СПб) (второе место); Анны Агафоновой (студентки 3 курса факультета социологии ГУ-ВШЭ в СПб) (третье место и стипендия Правительства СПб имени Г.В. Старовойтовой) и Евгения Валикова (студента 3 курса отделения прикладной политологии ГУ-ВШЭ в СПб) (третье место и стипендия Правительства СПб имени Г.В. Старовойтовой). Специальной премией «Надежда» отмечен Антон Казун, ученик 11 класса гимназии №278 Санкт-Петербурга.

Несомненным интеллектуальным событием конкурса, по единогласному мнению жюри, стало исследование «метисности» в молодежной среде Бурятии, представленное Верой Галиндабаевой, в частности, вывод о доминировании в

[46] Галиндабаева В. «Иногда я русский, а иногда бурят»: стратегии конструирования «метисности» в молодежной среде Бурятии // Современные молодежные сообщества в культуре и политике. – С. 12-26; Бреславский А. Молодежь в «движении» - сообщество в пространстве субкультуры. – С. 27-39; Губа К. Неформальное интеллектуальное сообщество, или Куда пойти, куда податься студенту в университете? – С. 40-55Желнина А. Мобилизация университетского сообщества: политизация аполитичного. – С. 56-63; Валиков Е. Солидарность в левых молодежных движениях Санкт-Петербурга. – С. 64-83; Агафонова А. Особенности включения молодежи в общину христиан полного евангелия и участия в ее жизни. – С. 84-90; Казун А. Выбор современных гимназистов. – С. 91-101; Цымбелов А. Подверженность молодых людей экстремистским идеям: дань моде или сложившаяся тенденция? – С. 102-115; Шонова О. Преступление versus Протест: актуальный опыт шестидесятых. – С. 116-119; Балаян А. Киберпанк в России: общество - инертно, герой – пассионарен… – С. 120-126; Кочкин Е. ЖЖ как средство массовой информации, или Латентные способы использования сайта www/lovejournal.com. – С. 127-133; Ведмецкая Л. Гендерный фактор в системе политического представительства и деятельности институтов гражданского общества и молодежь: точка пересечения. – С. 134-144; Кадынина А. Молодежное общественное движение «Оборона». – С. 145-157; Лисицкая В. Стратегия толерантности молодежи Восточной Германии: опыт Мекленбурга и Передней Померании. – С. 158-163; Костюнина Е. Молодежь и политика: участие молодежи в политической жизни обшества. – С. 164-175; Ванюшина К. Проблемы участия молодежи в выборах. – С. 176-188; Силаева З. Формирование активной политической позиции современной молодежи как одно из важнейших направлений молодежной политики. – С. 189-200; Вахрушева К. Социальная революция, сэр… – С. 201-207; Шабалин К. Религиозность современных старшеклассников. – С. 208-214; Глухова Е. Семья, любовь, дружба: ценности современных старшеклассников. – С. 215-225.

[47] Жюри конкурса 2008 г.: В.В. Костюшев (председатель жюри); В.М. Воронков, В.Я. Гельман, О.В. Попова, М.М. Соколов, А.Ю. Сунгуров, А.А. Шароградская.

современной повседневной жизни практик традиционного расизма, подкрепляемых политическим и научным дискурсами и ставших частью массового этноцентрического мышления. Автор зафиксировала и описала «драматический конфликт» данных практик с практиками межэтнических браков, размывающих этнические границы.

Ценным научным вкладом в понимание практик повседневной жизни молодых людей явилось исследование Анатолия Бреславского (Бурятский государственный университет), посвященное криминализации публичной жизни молодежных сообществ, распространяемых в настоящее время, по обобщению автора, на всю культуру, на политическую и общественную жизнь современного российского общества.

Ярким интеллектуальным опытом жюри посчитало конкурсные работы молодых исследователей Европейского университета в СПб: Анны Желниной – о вынужденной политизации неполитических молодежных сообществ (важнейший процесс, малоизученный в современной социологии и политических науках), Екатерины Губы – о сложностях профессионального самоопределения студентов в современной университетской среде, административные рамки которой отторгают инициативные исследовательские практики студентов. Работы студентов ГУ-ВШЭ в СПб Анны Агафоновой и Евгения Валикова, отмеченные премиями жюри, посвящены участию молодых людей в современных сообществах разного типа: в политических и религиозных. Авторы профессионально описали мотивацию, механизмы включения и участия молодых людей, вопросы солидарности молодежных сообществ. И, конечно, следует обратить внимание на работу ученика 11 класса Антона Казуна, отмеченную специальной премией жюри «Надежда» ввиду юного возраста автора, – за профессиональное социологическое рассмотрение вопросов жизненного самоопределения старшеклассников в ситуации выбора будущей профессии.

Среди опубликованных исследований конкурса 2008 года отмечу ценную реферативную работу Ольги Шоновой[48], не отмеченную призами и потому не включенную в настоящее издание. Работа посвящена малоизвестной в российском социологическом и политическом сообществе статье Ральфа Тернера 1969 года, которая остается, по моему мнению, остро актуальной для современной отечественной политической практики: американский автор, в последующем социолог с мировым именем, проводит аргументированное социологическое различение практик гражданского протеста с практиками уличного хулиганства, что

[48] Шонова О. Преступление versus Протест: актуальный опыт шестидесятых // Современные молодежные сообщества в культуре и политике. – С.116-119.

привело к различению данных практик в административном и уголовном законодательствах США.

Права человека: история и современность (Десятый конкурс, 2009 год)[49]

Десятый конкурс, в рамках которого были продолжены исследования прав человека, оказался самым большим по числу представленных профессиональных работ: том материалов конкурса включил в себя 21 опубликованную работу, большинство которых было посвящено юридическим вопросам соблюдения и защиты прав человека[50].

Жюри Десятого конкурса[51] возглавил Дмитрий Владимирович Дубровский, историк и правозащитник, преподаватель и руководитель программы «Права человека» и преподаватель Смольного института свободных искусств и наук, канд.ист.наук.

Лучшей работой конкурса было признано историческое исследование студентки факультета подготовки следственных работников СПб университета МВД России

[49] Права человека: история и современность: Сб. статей участников Десятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. Д.В. Дубровского. – СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой; Норма, 2009. – 296 с.

[50] Мацакова Н.А. Расстрелян за веру и правду // Права человека: история и современность. – С. 9-29; Коновалова А.И. Дискурс прав человека в политических нарративах А. Меркель. – С. 30-47; Попова М.А. Права сексуальных меньшинст. – С. 48-51; Беззубцев-Кондаков А.Е. Добровольная несвобода: советский опыт. – С. 52-76; Лазарев Е. Смертная казнь как нарушение прав человека. – С. 77-85; Кравцова А.Е. Эффективность Европейского суда по правам человека для РФ. – С. 86-93; Ботнарюк К.С. Положение рома в сфере образования в России. – С. 94-111; Бабинцева Е.В. Домохозяйства Прибайкальской зоны: борьба за право на «рыбное место». – С. 112-125; Александрова Е.Н. К вопросу о соблюдении водворенных в изоляторы временного содержания органов внутренних дел и осужденных к лишению свободы в уголовно-исполнительной системе ФСИН России (на примере Самарской области). – // С. 126-135; Соболева И.В. Негосударственные способы защиты прав человека в России: анализ правозащитных кампаний НКО и НПО. – С. 136-147; Мареева Н.С. Права человека в условиях гуманитарной интервенции. – С. 148-158; Виньков С.В. Характеристика жилищных гарантий сирот в российском законодательстве. – С. 159-174; Иванова Е.Н. Право на связь с внешним миром несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы. – С. 175-186; Кузнецова С.В. Защита прав человека при экстрадиции. – С. 187-199; Васяев Д.В. Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны права на неприкосновенность частной жизни в России. – С. 200-213; Алексеева О.Б. Судебная защита избирательных прав граждан Российской Федерации. – С. 214-228; Куликова Е.А. Эссе о пытке. – С. 229-238; Белов К.В. Проблемы соблюдения прав человека в современном японском обществе. – С. 239-247; Хаджиева М.Д. Соблюдение и нарушение прав репрессированных народов (на примере реабилитации балкарского народа). – С. 248-264; Пахоруков К.И. Проблемы прав иммигрантов во Франции. – С. 265-280; Пелюх Е.И. Правозащитная деятельность нового религиозного движения «Фалуньгун» на территории Российской Федерации. – С. 281-292.

[51] Жюри конкурса 2009 г.: Д.В. Дубровский (председатель жюри); В.М. Воронков, В.Я. Гельман, В.В. Костюшев, О.В. Попова, М.М. Соколов, А.Ю. Сунгуров, А.А. Шароградская.

Надежды Мацаковой, посвященное трагическим судьбам жителей села Усть-Вымь –узникам ГУЛАГа. На основании анализа документов, архивных материалов, личных интервью с жителями ее родного села автор восстановила историю репрессий и гибели людей: «Необходима кропотливая работа, чтобы можно было поклониться каждой жертве сталинских репрессий, каждому невинно погибшему в стенах ГУЛАГовских тюрем. Мы обязаны рассказать будущим поколениям о «черных полосах» истории, чтобы не повторились годы кровопролития без войн на нашей земле»[52].

Вторыми премиями были отмечены работы студентки Смольного института свободных искусств и наук А. Коноваловой о дискурсе прав человека в выступлениях Федерального канцлера Германии А.Меркель, студентки юридического факультета МГПУ М. Поповой о правах сексуальных меньшинств, третьими премиями – историческое исследование бытовых коммун А. Беззубцева-Кондакова и студента факультета политологии СПбГУ Е. Лазарева о смертной казни в контексте прав человека, студентки юридического факультета СПбГУ А. Кравцовой – эффективности Европейского суда по правам человека для РФ. Приз памяти Н.М. Гиренко присужден студентке Смольного института свободных искусств и наук К. Ботнарюк за исследование положения рома в сфере образования в России.

Заключение

Конкурсу памяти Г.В. Старовойтовой более десяти лет, его научные результаты вполне достойны – мы надеемся, что деятельность оргкомитета и жюри конкурса и в последующем будет помогать молодым исследователям раскрывать свои таланты и научный потенциал и будет способствовать пониманию сложных вопросов жизни нашего общества: соблюдению прав человека, свобод личности, социальной справедливости, демократии. Научные статьи участников конкурса, представленные в настоящем издании, помогают нам, по словам Г.В. Старовойтовой, «всматриваться в собственное отражение в зеркале социальной реальности, узнавая и не узнавая свои черты»[53].

Конкурс как научный проект выполняет свою миссию: в исследованиях молодых талантливых ученых продолжается научная жизнь Галины Васильевны Старовойтовой – российского ученого, правозащитника, выдающегося политического деятеля.

[52] Мацакова Н.А. Расстрелян за веру и правду // Права человека: история и современность. – С. 19.

[53] Цит. по: Страницы, опаленные смертью / Александр Мень, Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Николай Гиренко / Сб. статей. – М.: Журнал «Вестник Европы», 2006. – С.172.

Приложение

Библиография опубликованных работ конкурса научных работ молодых ученых памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» (2000-2009 гг.)

2000 г.

[1] Паршина Е. Ситуативная структура этнической идентичности петербургских студентов // Этничность и национализм в современном мире... - СПб., 2000. – С.9–18.

[2] Костюшев С. Фальсификация этничности // Там же, с.19–29.

[3] Жуйкова О. Депортационная политика советского руководства в отношении латышского населения в 1940-х годах // Там же, с.30–51.

[4] Попова В. Онтология дискриминации в исследовании наций: социальная обусловленность науки и политические последствия // Там же, с.52–66.

[5] Степанова Е. Немецкая национальная идентичность: проблемы и противоречия // Там же, с. 67–84;

[6] Гершевская Н. Формирование полиэтнической французской нации. Культурно-исторический анализ // Там же, с. 85–97;

[7] Ярыгин Г. Квебекский национализм на рубеже веков // Там же, с. 98–113;

[8] Морозова Я. Национализм в Японии // Там же, с. 14–127;

[9] Медведева М. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии в 90-е гг.: структура и динамика // Там же, с. 128–139;

[10] Хейфец В. Этнические меньшинства и кризис общества в Болгарии // Там же, с. 140–157;

[11] Габриелян З. Геноцид армян в Западной Армении 1895-1922 гг.: история и современность // Там же, с.158–184;

[12] Машарский Л. Национальное движение, ислам и политическая борьба в Татарстане, 1988-1997 гг. // Там же, с.185–202;

[13] Рущенко Г. Национализм, этнические предрассудки и дискриминация в Чечне // Там же, с. 203–215;

[14] Кирюхина Е. Особенности социальной идентичности алтайских немцев как фактор эмиграции // Там же, с. 216–231;

[15] Колосова В. Конструирование фольклора как способ формирования национального самосознания (по материалам экспедиции в село Старые Бросковцы Сторожинецкого района Черновицкой области, Украина) // Там же, с. 232–238;

[16] Лярская Е. Комплекс женских запретов и правил у ненцев Ямала (по материалам экспедиции 1998 года) // Там, с. 239–256;

[17] Кишиков М. Государственная поддержка малых народов Севера (социально-экономический аспект) // Там же, с. 257–274.

2001 г.

[18] Соловьева З. Свободные БОМЖи свободной страны // Защита прав человека в Российской Федерации, с. 9–24;

[19] Данилова Н. Ситуация ограничения прав человека: проблема измерения (на примере группы инвалидов войны в Афганистане) // Там же, с. 25–37;

[20] Соколов М. Границы применения доктрины прав человека в современной российской культуре: суд над полковником Будановым и его противники // Там же, с. 38–47;

[21] Жуйкова О. Правовая дискриминация вынужденных мигрантов в России // Там же, с. 48–62;

[22] Кузнецова Т. Проблемы социальной адаптации выпускников детских домов // Там же, с. 63–79;

[23] Ноженко М. Право личности на национальную самоидентификацию: выбор между государством и гражданским обществом // Там же, с. 80–89;

[24] Иванян Р. Права ребенка – декларация и реальность // Там же, с. 90–101;

[25] Нартова Н. Лесбийское сообщество в России: политика запрещения и/или политика исключения // Там же, с. 102–110.

2002 г.

[26] Данилова Н. «Чеченский терроризм»: эволюция значений // Ксенофобия, экстремизм и терроризм, с. 10–22;

[27] Смирнова И. Исламский мир глазами российских СМИ // Там же, с. 23–39;

[28] Крылов К. Проблема теоретико-правового дискурса политического (государственного) насилия // Там же, с. 40–48;

[29] Петрова Н. Актуальные проблемы правового регулирования экологического терроризма в РФ // Там же, с. 49–61;

[30] Степанова Е. К вопросу о левом терроризме в Германии. Террористическая деятельность Фракции Красной Армии // Там же, с. 62–79;

[31] Данилов А. «Исторические двойники» и политико-правовые проблемы новейшей истории (исследование взаимоотношений России и Чечни) // Там же, с. 80–108;

[32] Брюльгарт Р. Мотивы международных террористических актов. История и современность // Там же, с. 109–121;

[33] Сафонова Т. Использование этнических понятий в контексте внутрирелигиозного конфликта (на примере борьбы за здание Санкт-Петербургского храма «Дацан Гунзэчойнэй») // Там же, с. 122–132;

[34] Панакова Я. «Свое» и «чужое»: этнокультурное кодирование ксенофобии // Там же, с. 133–141;

[35] Бозе Э. Культурные модели Западной цивилизации и Исламский мир // Там же, с. 142–158;

[36] Либуркина Е. Следует ли бороться против исламского терроризма? // Там же, с. 159–190;

[37] Фирсов Е., Кривулина В. Система: «Монологи о нас» // Там же, с.192–207.

2003 г.

[38] Новиков А. Проблемы свободы доступа к экологической информации в современной России // Свобода совести и свобода слова в электронную эру, с. 9–26;

[39] Черняк Е. Свобода слова в зависимых СМИ. Возможно ли это? // Там же, с. 27–41;

[40] Миронов Н. Свобода слова и представительная демократия в России // Там же, с. 42–64;

[41] Ларина И. Нужно ли ограничивать средства массовой информации в кризисных ситуациях? Кто должен это сделать: сами СМИ или власть? // Там же, с. 65–69;

[42] Гурова О. Свобода самовыражения – свобода морали? (репрезентация женской гомосексуальности в современной российской массовой культуре) // Там же, с. 70–80;

[43] Настоящев Е. New Age м свобода // Там же, с.81-93;

[44] Кривушина В. Свобода совести или «православный консенсус»? // Там же, с. 94–109;

[45] Белобородов С. Интернет для социального лоббирования: технологии и перспективы // Там же, с. 110–122;

[46] Панакова Я. Человек публичный: политика и этика публичного дискурса // Там же, с. 123–136.

2004 г.

[47] Сафонова Т. Обольщение профессией (Исследование рекрутирования молодых петербургских социологов) // Тревоги и надежды моего поколения, с. 7–9;

[48] Панакова Я. Повседневность. Нормальность. Другие (на материалах молодых северян в Санкт-Петербурге) // Там же, с. 20–35;

[49] Давыдов В. Студенты-северяне в Петербурге: феномен этнокультурной аутентичности в крупном российском городе // Там же, с. 36–50;

[50] Аронсон П. Интернет-коммуникация как способ воспроизводства паттернов социального неравенства // Там же, с. 51–59;

[51] Симонова В. Интерпретация социальной среды Петербурга студентами-северянами // Там же, с. 60–69;

[52] Гусакова Е. Подросток во дворе: особенности преобразования социального пространства // Там же, с. 70–81;

[53] Воронина А. Аниме и коммуникации в молодежной среде // Там же, с. 82–94;

[54] Серикова И. Экономика и профессиональное самоопределение – скрытая зависимость? // Там же, с. 95–112;

[55] Емельянов И. Представление себя «психом» в повседневной жизни: применение драматургического подхода И.Гофмана // Там же, с. 113–119;

[56] Тарасенко Г. Выпускники начальных общеобразовательных православных школ: особенности включения в светское общество // Там же, с. 120–129;

[57] Акифьева Р. Этнические стереотипы школьников Санкт-Петербурга: данные социолингвистического эксперимента // Там же, с. 130–144;

[58] Шишкина Е. Портрет молодого поколения как общий показатель результативности социализации // Там же, с. 145–151;

[59] Настоящев Е. НБП: как это понимать // Там же, с. 152–164;

[60] Эренбергер Э. Молодежь в движении: готова к обмену? // Там же, с. 165–171;

[61] Смирнова И. Телереклама: чему все возрасты покорны? // Там же, с. 172–180.

2005 г.

[62] Тарасенко А. История одного успеха: Почему некоторым общественным организациям удается участие в законотворческом процессе? // Теория и практика становления и развития гражданского общества в России, с.9–20;

[63] Лежикова А. Социальное партнерство: какое оно сегодня, и каким оно может быть завтра // Там же, с. 21–32;

[64] Новиков А. Рисковые коммуникации как механизм, способствующий развитию гражданского общества (на примере атомной отрасли) // Там же, с. 33–46;

[65] Симонова В. Гражданское общество = права человека + права культуры // Там же, с. 47–54;

[66] Макарова Ю. Деятельность института Уполномоченного по правам человека в России на примере Калининградской области // Там же, с. 55–69;

[67] Абдрехимова А. Гражданское общество и избирательная система в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспектива формирования // Там же, с. 70–80;

[68] Давыдов В. Институционализация культурных групп и гражданское общество // Там же, с. 81–87;

[69] Настоящев Е. Гражданское общество и авторитаризм: взгляд Льва Тихомирова // Там же, с. 88–94;

[70] Пенкин О. Становление гражданского общества в современной России: национально-культурный ресурс // Там же, с. 95–106.

2006 г.

[71] Санина А. «От «Восстания» до «Мужества» – 15 минут ужаса»: петербургские маршрутки как социальный и культурный феномен // Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт, с. 7–19;

[72] Сафонова М. Студенческое землячество казахстанцев в Петербурге: общежитие, клубные вечеринки, сети и миграция // Там же, с. 20–32;

[73] Грусман Я. Новые религиозные практики горожан: движение Анастасии как феномен религиозной и социокультурной жизни современного Петербурга // Там же, с. 33–45;

[74] Сафонова Т. Коллоиды и коагулянты петербургского публичного пространства // Там же, с. 46–55;

[75] Сорокина С. Коренные народы Сибири и Дальнего Востока в Санкт-Петербурге: проблемы социальной адаптации студентов Института народов Севера // Там же, с. 56–75;

[76] Исаева В. Феномен религиозного обращения в социокультурной среде Петербурга // Там же. с. 76–85;

[77] Рантман Ю. Образовательная миграция: повседневность иногородних студентов в Санкт-Петербурге // Там же, с. 86–91;

[78] Аметова Е. Мы и немцы // Там же, с. 92–102.

2007 г.

[79] Смирнова Т. Конструирование национальной идентичности в современных российских мультфильмах // Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе, с. 8–23;

[80] Карбаинов Н. «Эй, хунхуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ // Там же, с. 24–-35;

[81] Цыганкова А. Слышащие – Глухие: 1-0 // Там же, с. 36–52;

[82] Костерина И. Конструирование образа «врага русского народа» в благосфере Рунета // Там же, с. 53–68;

[83] Настоящев Е. Толерантность в отношениях светского религиоведения и теологии: российская специфика и перспективы // Там же, с. 69–85;

[84] Сибирева М. Воспитание толерантности у ребенка // Там же, с. 86–102;

[85] Ясинский Д. Толерантность и интолерантность (Перспективы дискуссии в публичном пространстве Санкт-Петербурга) // Там же, с. 103–109;

[86] Витушкин Д. «Плавильный тигль» или «салатница» // Там же, с. 110–121;

[87] Силаева З. Взгляд молодого политолога на проблему проявлений нетерпимости и ксенофобии в современном российском обществе // Там же, с. 122–135;

[88] Зуенко В. Проблемы ксенофобии в современной России // Там же, с. 136–149;

[89] Винников Р. Толерантность и интолерантность // Там же, с. 150–165;

[90] Покидышева И. Правовое регулирование защиты прав национальных меньшинств в языковой сфере // Там же, с. 166–176;

[91] Давыдова А. Современная молодежь: политические взгляды и национализм // Там же, с. 177–190.

2008 г.

[92] Галиндабаева В. «Иногда я русский, а иногда бурят»: стратегии конструирования «метисности» в молодежной среде Бурятии // Современные молодежные сообщества в культуре и политике, с. 12–26;

[93] Бреславский А. Молодежь в «движении» – сообщество в пространстве субкультуры // Там же, с. 27–39;

[94] Губа К. Неформальное интеллектуальное сообщество, или Куда пойти, куда податься студенту в университете? // Там же, с.40-55.

[95] Желнина А. Мобилизация университетского сообщества: политизация аполитичного // Там же, с. 56–63;

[96] Валиков Е. Солидарность в левых молодежных движениях Санкт-Петербурга // Там же, с. 64–83;

[97] Агафонова А. Особенности включения молодежи в общину христиан полного евангелия и участия в ее жизни // Там же, с. 84–90;

[98] Казун А. Выбор современных гимназистов // Там же, с. 91–101;

[99] Цымбелов А. Подверженность молодых людей экстремистским идеям: дань моде или сложившаяся тенденция? // Там же, с. 102–115;

[100] Шонова О. Преступление versus Протест: актуальный опыт шестидесятых // Там же, с. 116–119;

[101] Балаян А. Киберпанк в России: общество – инертно, герой – пассионарен... // Там же, с. 120–126;

[102] Кочкин Е. ЖЖ как средство массовой информации, или Латентные способы использования сайта www/lovejournal.com // Там же, с. 127–133;

[103] Ведмецкая Л. Гендерный фактор в системе политического представительства и деятельности институтов гражданского общества и молодежь: точка пересечения // Там же, с. 134-144;

[104] Кадынина А. Молодежное общественное движение «Оборона» // Там же, с. 145-157.

[105] Лисицкая В. Стратегия толерантности молодежи Восточной Германии: опыт Мекленбурга и Передней Померании // Там же, с. 158–163;

[106] Костюнина Е. Молодежь и политика: участие молодежи в политической жизни обшества // Там же, с. 164–175;

[107] Ванюшина К. Проблемы участия молодежи в выборах // Там же, с. 176–188;

[108] Силаева З. Формирование активной политической позиции современной молодежи как одно из важнейших направлений молодежной политики // Там же, с. 189–200;

[109] Вахрушева К. Социальная революция, сэр... // Там же, с. 201–207;

[110] Шабалин К. Религиозность современных старшеклассников // Там же, с. 208–214;

[111] Глухова Е. Семья, любовь, дружба: ценности современных старшеклассников // Там же, с. 215–225.

2009 г.

[112] Мацакова Н.А. Расстрелян за веру и правду // Права человека: история и современность, с. 9–29;

[113] Коновалова А.И. Дискурс прав человека в политических нарративах А. Меркель // Там же, с. 30–47;

[114] Попова М.А. Права сексуальных меньшинств // Там же, с. 48–51;

[115] Беззубцев-Кондаков А.Е. Добровольная несвобода: советский опыт // Там же, с. 52–76;

[116] Лазарев Е. Смертная казнь как нарушение прав человека // Там же, с. 77–85;

[117] Кравцова А.Е. Эффективность Европейского суда по правам человека для РФ // Там же, с. 86–93;

[118] Ботнарюк К.С. Положение рома в сфере образования в России // Там же, с. 94–111;

[119] Бабинцева Е.В. Домохозяйства Прибайкальской зоны: борьба за право на «рыбное место» // Там же, с. 112–125;

[120] Александрова Е.Н. К вопросу о соблюдении прав водворенных в изоляторы временного содержания органов внутренних дел и осужденных к лишению свободы в уголовно-исполнительной системе ФСИН России (на примере Самарской области) // Там же, с. 126–135;

[121] Соболева И.В. Негосударственные способы защиты прав человека в России: анализ правозащитных кампаний НКО и НПО // Там же, с. 136–147;

[122] Мареева Н.С. Права человека в условиях гуманитарной интервенции // Там же, с. 148–158;

[123] Виньков С.В. Характеристика жилищных гарантий сирот в российском законодательстве // Там же, с. 159–174;

[124] Иванова Е.Н. Право на связь с внешним миром несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы //Там же, с. 175–186;

[125] Кузнецова С.В. Защита прав человека при экстрадиции // Там же, с. 187–199;

[126] Васяев Д.В. Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны права на неприкосновенность частной жизни в России // Там же, с. 200–213;

[127] Алексеева О.Б. Судебная защита избирательных прав граждан Российской Федерации // Там же, с. 214–228;

[128] Куликова Е.А. Эссе о пытке // Там же, с. 229–238;

[129] Белов К.В. Проблемы соблюдения прав человека в современном японском обществе // Там же, с. 239–247;

[130] Хаджиева М.Д. Соблюдение и нарушение прав репрессированных народов (на примере реабилитации балкарского народа) // Там же, с. 248–264;

[131] Пахоруков К.И. Проблемы прав иммигрантов во Франции // Там же, с. 265–280;

[132] Пелюх Е.И. Правозащитная деятельность нового религиозного движения «Фалуньгун» на территории Российской Федерации // Там же, с. 281–292.

Этничность и национализм в современном мире

Первый конкурс, 2000 год

Елена Паршина
Первая премия

Ситуативная структура этнической идентичности петербургских студентов

Данная работа представляет собою некоторые размышления о конструировании этнической идентичности, рассматриваемом на примере петербургских студентов.

В современной социологии и социальной антропологии процессы формирования и функционирования этнической идентичности — одна из самых популярных тем [Скворцов, 1996; Ericsen, 1993]. Особенно актуальная она для стран бывшего СССР, переживающих настоящее «этническое Возрождение» [Воронков, Освальд, 1998; Дробижева, 1996].

Этническая идентичность ситуативна по своей природе. Один человек способен обладать целым репертуаром «идентичностей», в определенный момент демонстрируя наиболее уместную из них. Актуализация этничности в том или ином виде определяется социальным контекстом. В некоторых контекстах этническая принадлежность «недокоммуницируется», просто выносится за скобки социального взаимодействия. Например, это характерно для случаев, когда наиболее важна идентичность всех участников как «профессионалов» или «единоверцев» [Ericsen, 1993]. Иногда, напротив, она (принадлежность) «сверхкоммуницируется», выделяется и выступает как основная в процессе формирования ожиданий в отношении партнеров по интеракции.

В социологии и социальной антропологии существует несколько теорий этничности. И прежде всего эти теории различаются предположениями относительно основного контекста актуализации этнической идентичности. Так, например, инструменталистская теория Абнера Коэна выдвигает тезис о том, что этнически окрашенное взаимодействие будет прослеживаться в первую очередь в областях, тесно связанных с экономикой. В этом случае этнические маркеры, скорее всего, будут использоваться как средства предотвращения проникновения «чужих» в группы, занимающие более благоприятное положение в системе производства [Cohen, 1974].

Напротив, с точки зрения других представителей Манчестерской школы (в частности, Митчелла – [Mitchell, 1974]) этническая идентификация выступает тем средством, при помощи которого мы можем спроецировать свои ожидания

по поводу будущего поведения незнакомца, основываясь на его принадлежности к какой-либо культуре. Следовательно, этничность начнет актуализироваться прежде всего в ситуациях, когда участники взаимодействия не осведомлены в достаточной степени о намерениях и стратегиях друг друга. В этом случае они будут вынуждены действовать на основании использования обобщенных стереотипов. И только по мере того, как взаимодействие будет становиться менее формальным, можно ожидать уменьшения важности влияния этничности. Или, если принять точку зрения коммуникативных концепций этничности [Deutsh, 1966], она будет значимой в ситуациях кросскультурного взаимодействия, причем в тех областях, в которых объективные различия между культурами наибольшие.

Учитывая эти соображения, можно предположить, что через исследование контекстов актуализации этничности представляется возможным изучение природы этничности в совокупности с ее функциональными применениями. При этом сравнение объяснительной силы теорий может проводится на основании верификации вытекающих из них гипотез относительно типа этих контекстов.

На этом предположении более или менее эксплицитно основывалось большинство антропологов, использовавших метод включенного наблюдения. Однако в фокусе их внимания, как правило, оказывались ситуации взаимодействия. В исследовании, начальные стадии которого представлены в этой работе, акценты смещаются от ситуации к биографии, от изучения институтов и паттернов культуры к изучению стратегий личности, действующих в рамках, заданных этими институтами и паттернами. Другими словами, за основу этой работы взята методология «этнографии личности».

Методология

Термин «этнография личности» используется в социологии для обозначения работ Ирвина Гоффмана [Абельс, 1999]. Отталкиваясь от идей символических интеракционистов, Гоффман в качестве центрального объекта своих исследований рассматривает личность, стратегически использующую социальные ожидания для увеличения выигрышей и уменьшения затрат [Гоффман, 2000; Goffman, 1967]. В его работах описываются манипуляции ситуациями и правилами поведения в них, которые люди осуществляют для своих целей. Гоффман наблюдал, как акторы действуют в различных ситуациях, что они делают в каждой из них и за ее пределами.

Однако здесь возникают определенные сложности. За исключением тотальных институтов (и, как замечает Гоффман, зачастую даже в них), люди не могут постоянно находиться на глазах друг друга, ревностно следуя принципам разде-

ления аудитории. Вряд ли кто-либо из нас позволит вести за собой постоянное наблюдение. Иногда, однако, мы делаем исключения. Это происходит в случаях общения с близкими людьми. Мы позволяем им наблюдать нас в нескольких разных контекстах. Хотя при этом вряд ли даже они могут составить полное впечатление о нас, поскольку эти близкие люди сами становятся частью ситуации.

Программа исследования, на основании которого написана эта работа, опирается на предположение, что даже такого рода искаженные данные могут сообщить многое о природе этничности. Работа базируется на наблюдении за несколькими людьми, с которыми я лично знакома. С этими людьми у меня сложились за годы общения близкие, доверительные отношения. Следовательно, я могу отнести их к группе тех, кому позволяю наблюдать за собой в разных контекстах и ситуациях. Безусловно, построение более надежной теории этничности требовало бы проверки полученных результатов другими методами. Однако это требует дополнительного тщательного изучения и остается для меня делом будущего.

Методология исследования основывалась на стратегии построения «идущей от фактов» теории, предложенной Глэзером и Строссом [Glaser, Strauss, 1967]. Выборка строилась по принципам аналитической индукции, предложенным ими. К моменту написания этого текста были собраны и проанализированы материалы по трем случаям.

Для исследования отбирались люди, имеющие сходные социально-демографические и профессиональные характеристики. Вероятно, что дальнейшее изучение проблемы обнаружит какие-либо новые факты и внесет существенные изменения в исследование. На сегодняшний момент эта статья представляет собою лишь предварительные первичные результаты, требующие дальнейшего, более глубокого анализа.

Информация о случаях

Все три информанта (хотя скорее их можно было бы назвать со-исследователями) прочитали черновик этой статьи. Все данные в ней опубликованы с их согласия. Кроме того, они могли заменить свои имена любым псевдонимом (не разрешалось только выбирать имена другого пола). В дальнейшем они будут фигурировать в этой статье как Елена, Константин и Ольга.

Елена – 22 года. Студентка, изучающая социологию в Петербурге. Родилась и выросла в Воронеже. Отец — художник, мать — экономист. Согласно паспортным данным Елена является «русской». Однако сама определяет свое этническое происхождение как «наполовину еврейское, наполовину казаческое».

Константин – 21 год. Студент, изучающий вычислительную технику и программирование (на момент написания статьи находился в академическом отпуске). Работает программистом. Родился и вырос в Петербурге. «Русский» по паспорту, сам о себе говорит, что «на четверть украинец, на четверть армянин, на четверть цыган». Родители – преподаватели одного из университетов Санкт-Петербурга.

Ольга – 21 год, студентка-социолог, родилась и выросла в Петербурге. Родители – инженеры. «Русская», о себе «не так давно узнала, что она на четверть еврейка». В отличие от Елены и Константина, Ольга имеет большой опыт общения с выходцами из других стран Восточной и Центральной Европы, приобретенный в ходе нескольких заграничных стажировок.

При отборе именно этих людей для анализа я руководствовалась следующим: с одной стороны, они были сходны по своим основным формальным характеристикам (за исключением субъективно ощущаемого этнического происхождения), с другой — сильно различались по опыту и ситуациям межкультурных контактов.

Результаты

В начале наблюдения за всеми тремя информантами одним из первых результатов было выделение трех уровней этнической / национальной идентичности, присутствовавших у каждого из них. (Я не рассматриваю здесь вопросы, связанные с региональной идентичностью «петербуржцев».)

Эти уровни можно условно обозначить как:

- гражданство (подтверждаемое записью в паспорте).
- «национальность» (принадлежность к одной из этнических групп, также официально закрепленная государством в виде записи в паспорте).
- этническое происхождение (ощущаемая или предполагаемая наследственность, часто выявленная информантом самостоятельно).

В первых двух случаях идентичности как бы «навязаны» или прикреплены извне. Все трое информантов воспринимали гражданство или национальность как своего рода приговор, вынесенный обществом. Нередко при оформлении паспорта при достижении шестнадцатилетнего возраста перед нами встает вопрос о выборе национальности и гражданства. Например, при получении паспорта я намеревалась взять белорусскую национальность, так как моя мама — белоруска. Однако в паспортном столе мне долго и подробно объясняли «невыгодность» такого поступка. В итоге мне вписали «более надежную и дающую больше прав» национальность — русская. В вопросе национальности нередко решающее зна-

чение имеют непосредственно национальные группы, играющие в свои игры и требующие соблюдения правил этих игр.

С другой стороны, этническое происхождение информантов воспринималось ими как «голос крови» или «голос предков», идущий откуда-то из глубины сознания и не подкрепленный никакими внешними видимыми санкциями. (Эриксен говорит по этому поводу о том, что этничность может быть или «мы-группой», или «нас-группой» (Ericsen, 1993). Однако, вероятно, здесь можно пронаблюдать параллельное сосуществование). Исполнение ролей «россиянина» и «русского по национальности» мотивировалось соображениями, открыто утилитарными по характеру. Это обусловлено многими причинами. Все информанты проживают в России, а следовательно, придерживаются правил поведения и исполнения ролей, характерных для данной реальности. А роль «на четверть еврейки» или «на четверть цыгана» преподносилась как судьба, которая формировала индивидуальные (или менее распространенные) модели поведения.

Также различия наблюдались и в области маркеров, обозначающих принадлежность к каждой из групп. Критерии гражданства жестки и однозначны. Они закреплены в соответствующей записи в паспорте. Напротив, этнические корни ни в одном из случаев не были самоочевидными, их требовалось угадывать или разведывать, а не получать извне от бюрократических учреждений. В таком случае не вызывает удивления, что ясность в их отношении никогда не была полной (за исключением, например, каких-то документов, подтверждающих принадлежность к той или иной этнической группе). В результате этого в вопросе установления этнической идентичности зачастую использовалось более гибкое определение своей принадлежности с учетом половин, четвертей и даже восьмых долей той или иной «крови».

Характерно, что информанты не проявляли большого интереса к логическим подкреплениям критериев, используемых государственными учреждениями. Напротив, этничность своих дедов и прадедов, как правило, обосновывалась или указанием на физико-антропологические признаки, или какими-то биографическими эпизодами и семейными преданиями.

Принципиально различались ситуации, в которых актуализировались эти три вида идентичности. Гражданство становилось важным тогда, когда обсуждались вопросы международной политики, технологического развития и спорта — другими словами, в областях, в которых государства находились в конкуренции друг с другом. Национальность упоминалась при дискуссиях относительно внутренней политики, региональных взаимоотношений, организованной преступности и этнического предпринимательства.

Ситуации, в которых становилось актуальным происхождение, принципиально отличаются от предыдущих. Для всех информантов этот вопрос в целом оставался достаточно интимным и к его обсуждению допускался ограниченный круг друзей. Часто это было связано с процессом самопознания и самораскрытия. Открыть что-то о своем происхождении – значит открыть что-то о себе, и эта тема становилась актуальной только в контекстах, в которых информанты стремились быть понятыми другими и/или понимать себя сами.

Это подводит нас к последнему различию между «нас-» и «мы-» групповыми принадлежностями — функциональному. Принимая на себя роли гражданина или лица определенной «национальности», мы мотивируем это прежде всего соображениями индивидуальной и/или коллективной безопасности. Такие идентификации опираются прежде всего на видение политики как игры между командами – государствами и национальными группами – соревнующимися друг с другом. От рождения каждый из нас приписан к определенной группе, и никто не может просто отказаться от участия в ней. Своеобразной моделью такого рода отношений являются, например, командные виды спорта.

Для Константина и Елены правила игры в отношениях между государствами были чрезвычайно жесткими. Это, к примеру, выражалось в том, что оба поддерживали на выборах Жириновского. Они оба одобряли силовые меры в утверждении Россией своего международного авторитета. Константин даже на какое-то время примкнул к кругу «Новых правых». Он принимал активное участие в различных виртуальных компьютерных конференциях, посвященных вопросам возрождения России, проводимых «Новыми правыми». Однако в беседе со мной он утверждал, что делает это несерьезно, скорее играет. (Как-то он рассказывал, например, что модератором неонацистской телеконференции, посвященной перспективам «окончательного решения еврейского вопроса», является его знакомый еврей, и что половина пишущих в нее, по утверждению этого знакомого, — тоже).

С другой стороны, все информанты серьезно рассматривали перспективы переезда в другую страну и смены гражданства, правда, используя разные способы: Ольга — через образовательные каналы, Константин — через профессиональные, а Елена — через замужество. Переход в другую группу не вызывал морального осуждения. Вероятно, это объяснялось тем, что, поскольку принадлежность к той группе, в которой каждый оказывался от рождения — в данном случае это была Россия и национальная группа русских, — не выбиралась сознательно и вступление в нее не сопровождалось принятием обязательств, никто не мог требовать верности ей. Мои наблюдения позволяют предположить, что

именно сторонники жесткого курса России в ситуациях межнациональных кризисов наиболее склонны стремиться к смене гражданства, причем чаще всего – с российского на американское. Чем жестче правила игры, тем больше поводов, чтобы постараться оказаться на стороне сильнейшей команды.

По большому счету, второй уровень идентичности — уровень официальной национальности — является уменьшенной копией первого (гражданства). Если, например, провести аналогию со спортом, мы увидим здесь, как соперничество команд внутри одного государства дополняет соперничество национальных сборных на более высоком уровне, и игроки-противники на внутринациональном чемпионате становятся своими на чемпионате мира.

В разговорах с информантами часто звучала гипотеза, что существует соперничество – или, скорее, возможность соперничества – между этническими группами внутри России. В качестве возможного инициатора всегда называлось русское националистическое движение, которое могло прийти к власти и начать преследования «нерусских». Значит, логичным было бы причислять себя к русским. Елена («наполовину еврейка») больше всех была озабочена опасностью подобных репрессий. Голосуя за Жириновского, она объясняла свой выбор тем, что последний также является наполовину евреем и не допустил бы дискриминации такого рода.

Третий вид идентичности основан на этническом происхождении и в функциональном отношении был совершенно непохож на оба предыдущих. Прежде всего, указывая на этническую идентичность, информанты всегда упоминали то, что выделяло их из общего русского этнического фона, а не то, что объединяло их с большинством. В контекстах, когда происхождение становилось актуальным, никто не говорил, что он или она является «наполовину русским», всегда упоминалась вторая половина или даже четверть. Именно этим объяснялось то, что найти чистых русских для включения в исследование не удалось. Сама ситуация актуализации идентичности этого рода требовала обнаружить у себя иноэтнические корни. Один из моих знакомых, все известные предки которого причисляли себя к русским, тем не менее предположил, что происходит по одной линии – от монголов, а по другой – от поляков. При этом он основывался на этимологии фамилии своей бабушки и форме ног своего дедушки (небольшая кривизна голеней трактовалась им как свидетельство происхождения от кочевников, всю жизнь проводивших на конском крупе). Ни бабушка, ни дедушка не согласились с подобными гипотезами.

Причина, вызывающие к жизни интерес в обнаружении этнических отличий, определяется самими функциями идентичности этого рода — объяснению и легитимации отличий от других во всех остальных областях жизни. Прежде всего, она актуализировалась тогда, когда надо было дать отчет – самому себе или кому-либо из близких друзей – в том, почему человек ведет себя именно так, а не иначе. Так, Елена и Ольга вспоминали о своем частично еврейском происхождении, объясняя, почему они верны или не верны своим постоянным сексуальным партнерам. И та и другая ссылались на стереотипы в отношении еврейских женщин (однако до разговора с Еленой и Ольгой я никогда ранее не сталкивалась и не слышала о существовании подобных стереотипов) и утверждали, что «голос крови» побуждает их вести себя соответствующим образом. При этом использовавшиеся стереотипы были диаметрально противоположны: одна утверждала, что «большинство евреек – очень верные жены», а вторая — напротив, что они, как правило, развратны и неверны мужьям. Однако сама идея, что «голос крови» может служить объяснением — действительным или мнимым — чертам собственной личности, объединяла их.

Этничность выступает здесь способом легитимировать собственную оригинальность, отличность от других, способом решить одну из основных проблем человека в современных обществах — подверженность одновременно страху быть слишком отличным от других и страху полностью слиться с ними и потеряться среди них (подробнее развитие этой темы у Гоффмана и Хабермаса рассматривается в [Абельс, 1999]). Действительно, указывая на приверженность традициям своей национальной культуры или на отражение в собственной личности черт «национального характера», мы как бы противопоставляем себя своему непосредственному окружению, в то же время подтверждая свою верность группе, хотя эта группа находится вне нынешнего круга общения, а порой существует только в мифах.

Этническая культура расширяет тот экспрессивный репертуар, на который мы имеем признанные другими права по причине нашего происхождения из группы, которой принадлежит эта культура. Еще более ценно то, что эти права зачастую эксклюзивны — другие, не имея «нужной» крови, не могут вести себя так же, как мы. Константин вел себя в соответствии с этими принципами, когда прочитал в 4-м классе школы несколько томов «Махабхараты» — священного древнеиндийского эпоса. Он объяснял это тем, что «он — частично цыган, а цыгане — родом из Индии». Любые попытки последовать его примеру воспринимались с некоторым негодованием, словно были покушением на его символическую собственность.

Другая моя знакомая, будучи «наполовину украинкой», предпочитала угощать гостей блюдами украинской кухни — прежде всего множеством вариаций

борща, к приготовлению которого она подходила очень творчески. Готовить их, однако, она научилась не от родственников или знакомых украинцев, а по кулинарным книгам. По тем же книгам она экспериментировала и с армянскими и грузинскими рецептами (должна добавить — с не меньшим успехом), но не рисковала использовать их в торжественных случаях, поскольку «украинка, готовящая борщ, и украинка, готовящая харчо, – это, знаешь ли, разные вещи».

Добавлю к вышесказанному, что существует очевидная связь между представлении о «голосе крови», шепчущем внутри каждого из нас, и интересом к той культуре, на языке которой этот голос, предположительно, говорит. Человек, знающий о себе, что он или она происходит от представителей этнической группы *A*, скорее всего, проявит гораздо больше любопытства к культуре *A* и к стереотипам относительно *A*, чем если бы он этого не знал. Более того, за счет избирательности восприятия (как в случае с противоположными стереотипами относительно еврейских женщин) и отбора паттернов поведения, он или она наверняка сможет придти к выводу, что происхождение и правда накладывает отпечаток на личность, а также преуспеет в убеждении в этом окружающих. Это представление, таким образом, имеет тенденцию обращаться в самовыполняющееся пророчество.

Литература

Абельс Х.1999. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя.

Воронков, В. и Ингрид Освальд (ред.). 1998. Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин.

Гоффман И.2000. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц / Кучково Поле.

Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. 1996. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль.

Скворцов Н.Г. 1996. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Издательство СПбГУ.

Anderson B. 1983. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nations. London: Verso.

Barth F. (ed). 1969. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Cultural Differences. Bergen/London: Universitets Forlaget/George Allen and Unwin.

Cohen, Abner. 1974. Introduction. The Lesson of Ethnicity // Abner Cohen – ed. Urban Ethnicity. London: Tavistock Publications. P. 9–22

Deutsh K. W. 1966. Nationalism and Social Communication. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Ericsen Th. Hyland. 1993. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives.

Gellner E. 1983. Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell.

Glaser B. G. and Strauss A. 1967. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitive Research. Chicago: Aldine.

Goffman E. 1967. Strategic Interaction. Chicago: Chicago University Press.

Clyde M. 1974. Perception of ethnicity and ethnic behaviour: an empirical exploration // Abner Cohen – ed. Urban Ethnicity. London: Tavistock Publications. P. 23–48.

Сергей Костюшев
Вторая премия

Фальсификация этничности

В статье формулируется и раскрывается проблема фальсификации этничности как процесса конструирования «искусственной» этнической идентичности. Проблема рассматривается на примере деятельности разведчиков-«нелегалов».

Я использую определение этничности, наиболее адекватное, на мой взгляд, для решения поставленной исследовательской задачи. Этничность – это социальный конструкт, являющийся одним из уровней социальной идентичности личности, в ядре которой находится этническая самоидентификация, основанная «на всей полноте представлений человека о своем этносе, а также чувствах и намерениях, связанных с этими представлениями» (3, с.121). Данное определение соответствует так называемому бристольскому подходу к пониманию этничности (там же). Существует и другие определения и подходы к пониманию этничности и идентичности (1,5–11).

В связи с этим представляется интересным следующее теоретическое изыскание: опираясь на подходы бристольской школы и «Социального конструирования реальности» Бергера и Лукмана, проследить формирование такого социального конструкта, как этническая идентичность, и определить главный образующий компонент этничности.

Для этого разумно обратиться к этничности в процессе ее конструирования, чтобы увидеть ее составляющие и – самое главное – базовую, первичную из них. Однако этот путь традиционен, и поэтому мне нет смысла идти исхоженной дорогой и повторять уже совершенные ошибки. Это не значит, что я отказываюсь от исследования процесса конструирования. Напротив, я выберу способ более надежный, как мне кажется, для того чтобы различить эту главную, базовую составляющую этничности среди прочих. Для этого я должен определить для нее надежный (по моему мнению) критерий.

Я попытаюсь действовать методом «от противного». *Для того чтобы найти сущность этничности, нужен пример, в котором эта сущность отсутствует.* Таким образом, критерием сущности этничности будет являться отсутствие элемента (включенного в определение, приведенное мной выше) в конечной конструкции.

Понятно, что этничность без основного элемента – ненастоящая, искусственная, фальшивая. Фальсификация этничности – это процесс создания конструкта, внешне трудно отличимого от этничности. Значит, он состоит из элементов, входящих в этничность. Но поскольку этот конструкт – *фальсифицированная этничность*, в нем должна отсутствовать ее основная составляющая. Попытаюсь выяснить, какая составляющая отсутствует (то есть какого элемента не хватает для того, чтобы этничность была настоящей).

Фальсификация этничности – процесс конструирования искусственной этничности.

Конкретный пример фальсификации этничности – «феномен Штирлица», подготовка профессионалов внешней разведки (так называемых «нелегалов»), работающих не на родине, а в стране, большинство населения которой принадлежит другому этносу, является носителем элементов иной этничности. Разведчик-нелегал «вливается» в этнокультурную среду другого этноса и воспринимается ею как «свой». Принципиально отметить, что нашим субъектом фальсификации этничности является «идеальный шпион», то есть индивид, изначально не принадлежавший к этносу, в котором он будет работать в роли его настоящего представителя. В следующей цитате представлен образ фальсификатора:

«Хотя оба были англичане, по-французски говорили безупречно и бегло, а по внешнему виду их невозможно было бы выделить из толпы французов на улице, в поезде или ресторане. <...> Французского пошива одежда, белье, различные предметы туалета, вплоть до последней мелочи. <...> Каждому вручили пояс, содержащий сто тысяч франков. В бумажнике находилось удостоверение личности и другие французские документы: фотографии, старые газетные вырезки, местные трамвайные билеты и т. п. – подтверждения легенд, которые прочно засели в их памяти» (16, с. 11).

Я попытаюсь воссоздать фальсификацию этничности субъекта, образно выражаясь, вместе в Бергером и Лукманом, при этом опираясь на фактический материал, представленный в мемуарах и автобиографических произведениях разведчиков.

Сопоставление фальсификации этничности и социализации

Для рассмотрения фальсификации этничности целесообразно познакомиться со сценариями первичной и вторичной социализаций (Бергера и Лукмана) с акцентом на то, какие элементы этничности конструируются на каждом этапе. Затем, используя общую картину социализации, я опишу некоторые важные моменты фальсификации этничности.

«Идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности» (4, с. 279). Поэтому конструирование этничности как одной из иден-

тичностей – субъективный процесс, находящийся, однако, в диалектической связи с обществом. Суть связи с обществом для субъекта состоит в *интернализации* – «непосредственном постижении или интерпретации объективного факта как определенного значения, то есть как проявления субъективных процессов, происходящих с другими, благодаря чему этот факт становится субъективно значимым для меня самого» (там же, с.211). Когда индивид, со временем взрослея, достигает высокой степени интернализации, он становится членом общества. Процесс этот называется *социализацией*.

Бергер и Лукман различают *первичную* социализацию (которую индивид проходит в детстве) и *вторичную* социализацию («каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора социализированного мира его общества» (4, с. 213)).

Известно, что этническая самоидентификация формируется у детей в 6–7 лет, а в подростковом возрасте проявляется уже вполне осознанная этническая идентичность (2, с. 44). Это значит, что этничность начинает формироваться в процессе первичной социализации.

Предположим, что в основе конструирования этнической самоидентификации, которая с позиции бристольского подхода является ядром этнической идентичности, лежит процесс хабитуализации (опривычивания), описанный Бергером и Лукманом.(4, с. 89–92) Он заключается в том, что «любое действие, которое часто повторяется, становится образцом.» (4, с. 90) Используя термин Бергера и Лукмана, «значимые другие», то есть родители, другие близкие люди или те, кто отвечает за первичную социализацию, многократно указывают ребенку на его принадлежность к определенной группе. Это знание усваивается им и становится основой для самоидентификации. В процессе дальнейшей социализации и интернализации это знание обрастает другими представлениями о своем этносе, а также связанными с ними чувствами и намерениями.

Очевидно, что фальсификация этничности предпринимается индивидом, когда первичная социализация – то есть период социальной биографии, когда обычно формируется или начинает формироваться этничность, – завершилась. Поэтому для ее рассмотрения нам остается тщательно разработанный сценарий вторичной социализации (не исключено, что мы вернемся к сценарию первичной). Возможно, мой пример не иллюстрирует вторичную социализацию в чистом виде, поскольку он довольно специфичен и являет собой скорее исключение из общей массы стандартного набора социальных биографий. Позднее я разберу отличительные стороны этого процесса, которые представляют особый интерес.

«Прошлое» субъекта фальсификации этничности (его первичная и вторичная социализации)

В рассмотрении «прошлого» субъекта фальсификации этничности (т. е. периода социальной биографии до начала процесса фальсификации) я ограничусь кратким теоретическим построением без использования фактического материала, ибо, во-первых, у меня нет цели фактами проверять П. Бергера и Т. Лукмана; во-вторых, специфика социальной биографии субъекта построения фальсифицированной этничности появляется только с момента начала фальсификации. До этого момента все этапы и все содержание социализации могут быть совершенно тривиальными. Однако модель, которую я построю, должна давать довольно ясную картину процессов социализации, потому что впоследствии она послужит мне полигоном для построения фальсифицированной этничности.

Первичная социализация

Сконцентрируем внимание на субъекте фальсификации этничности до начала этого процесса. Субъектом является (возьмем собирательный пример) молодой человек примерно 25 лет, получивший высшее образование и поступающий в специальное высшее учебное заведение, обучающее непростому ремеслу разведчика-нелегала.

Интерпретируем эту ситуацию в терминах Бергера и Лукмана. Субъект уже прошел через первичную социализацию, одним из главных результатов которой стал высокий уровень интернализации, достаточно высокий для того, чтобы стать членом общества.

В рамках этого процесса еще ребенком, будучи эмоционально привязанным к значимым другим, он идентифицировал себя с ними. И посредством хабитуализации приобрел (или перенял) «субъективно понятую и благовидную идентичность» (4, с. 214–215). На следующем этапе, абстрагировавшись от конкретных значимых других, он начал идентифицировать себя с обобщенным другим, то есть с обществом, что явилось решающей фазой первичной социализации, а также показателем «установливаемой объективной реальности» (мир) и «субъективного установления целостной идентичности» (Я) (4, с. 216–217).

Целостная идентичность, установленная для индивида, включает этническую идентичность со следующими ее основными элементами: это язык и различные модели и мотивы поведения – элементы, в определенной степени отражающие менталитет этноса.

Таким образом, в ходе первичной социализации индивид приобрел собственную идентичность, включающую достаточно осознанную этническую идентичность и самоидентификацию.

Данный процесс в известном смысле является прообразом фальсификации этничности хотя бы потому, что в его рамках происходит конструирование некоторых важнейших элементов этничности. Теперь же обратимся к вторичной социализации субъекта.

Вторичная социализация

Принципиально отметить, что *вторичная социализация индивида протекает в его родной этнокультурной среде*. Это значит, что его этническая идентичность и самоидентификация с определенным этносом будут укрепляться и развиваться.

Индивид, взятый нами для примера, в ходе вторичной социализации интернализирует «институциональные или институционально обоснованные «подмиры»» (4, с. 225). Содержанием данного процесса интернализации является**:** восприятие «специального» знания (или «специфическо-ролевого знания»), носителем которого индивид вынужден стать как член персонала определенного социального института; это знание включает такие базовые элементы, как приобретение «специфическо-ролевого словаря», овладение «специфическо-ролевым языком» и способностью чувствовать оценки, эмоциональные окраски «семантических полей, структурирующих обыденные интерпретации и поведение в рамках институциональной сферы» (другое определение – овладение так называемым «невыразимым словами пониманием») (4, с. 225).

Такими интернализированными «подмирами» являются, к примеру, системы среднего и высшего образования, через которые прошел субъект. Очевидно, что их может быть гораздо больше. Но в цели этой работы не входит их подробное рассмотрение.

Справедливо было бы заметить, что данный процесс можно расчленить на несколько вторичных социализаций. Это объясняется тем, что каждый интернализированный институт обладает своей системой «специального» знания, все компоненты которого, естественно, различаются. Предположительно, одним из немногих компонентов, их объединяющих, является этническая идентичность, в идеале всеобщая для данного общества.

Кроме того, «само собой разумеется, что этот процесс интернализации включает субъективную идентификацию с ролью и соответствующими ей нормами типа: “Я – кавалерист” (4, с. 226–227) Это говорит о том, что после идентификации с обобщенным другим интернализация протекает без эмоционально заряженной идентификации со значимыми другими, а на основе простой взаимной идентификации субъектов как институциональных функционеров.

Таким образом, процессы вторичных социализаций, изменяя субъективную реальность индивида, вместе с тем укрепляют и развивают его этническую идентичность и самоидентификацию, которые дополняются новыми представлениями о своем этносе, почерпнутыми из «специальных» знаний различных социальных институтов.

Я рассмотрел не все аспекты и проблемы вторичной социализации. Моей целью в данном параграфе было лишь дать ее общую картину-схему. Многие важные аспекты я разберу позднее, в процессе анализа фальсификации этничности, которая содержит много свойств как первичной, так и вторичной социализации.

Этничность: постановка проблемы фальсификации

«Каждому ясно, что нелегалами не рождаются, ими становятся...»
Из воспоминаний разведчика Михаила Федорова (12)

Для Бергера и Лукмана реальность, обретаемая индивидом в процессе первичной социализации, утверждается «естественно». По сравнению с ней «все более поздние реальности являются «искуственными» (4, с. 233) Из этого следует, что этническая идентичность, уже формировавшаяся в первичной социализации, является «естественным» конструктом, а фальсификация этничности – «искусственным». Однако эта логика не учитывает качественного содержания процесса фальсификации этничности. В последующих главах анализ содержания этого процесса в терминах Лукмана и Бергера, предположительно, покажет, что фальсификация сочетает элементы как первичной, так и вторичной социализации.

Фальсификация этничности как первичная социализация

Первичная социализация – «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» (4, с. 212). В этом определении есть два понимания общества. Первое – общество в широком смысле, или общество как социальный мир людей; второе – общество как конкретная группа. В процессе первичной социализации ребенок становится членом общества в обоих смыслах. Поэтому индивид, становясь личностью в мире личностей, приобретает и этническую идентичность в процессе интернализации конкретной реальности или, другими словами, в процессе вхождения в конкретное этническое (со)общество.

Первое важное сходство первичной социализации и фальсификации этничности в этом вхождении в этническое общество, которое предполагает если не одинаковые процессы, то родственные и взаимосвязанные.

Я рассмотрю подробнее процесс «вхождения» фальсификатора этничности (он же – разведчик-нелегал, он же – шпион, он же – агент) в этническое общество, чтобы привести пример родственного аспекта в первичной социализации и фальсификации этничности, поскольку рассмотреть все общие и различные моменты этих процессов не позволяет объем данной работы (я говорю «этническое общество», так как в данном случае мне интересен именно этнический признак общества).

По Бергеру и Лукману, в первичной социализации «индивид становится тем, кем он является, будучи направляем значимыми другими. Процесс этот не является одностороним и механическим. Он предполагает диалектическую связь между идентификацией со стороны других и самоидентификацией, между объективно предписанной и объективно установленной идентичностями» (с. 215). В законе развития первичной социализации частично отражен процесс реализации фальсифицированной этничности на практике.

Разведчик, прошедший специальную подготовку, но еще ни разу не побывавший в живой атмосфере этничности, которую он фальсифицировал (он интернализировал ее «заочно»), очутившись в ней, начинает сам приспосабливаться к новой для него обстановке, начинает «вхождение» в общество в том числе с точки зрения этнической идентичности. Важно отметить, что главной целью фальсификации этничности является «идентификация со стороны других»; то есть разведчик должен влиться в атмосферу фальсифицированной им этничности, не нарушая гомогенности этнокультурной среды. Для этого «он становится тем, кем он является, будучи направляем» другими, то есть он контролирует свои действия так, чтобы они были «естественны» в контексте данной этничности. Ориентиром для него являются действия и поведения других. В этом сходство.

Насколько здесь присутствует диалектическая связь между идентификацией со стороны других и самоидентификацией (сходство здесь или различие) – вопрос не совсем очевидный и требует дальнейшего анализа, в том числе сопоставления черт вторичной этничности и черт фальсификации этничности.

Еще один важный момент – «передача запаса знаний» (4, с. 223), необходимого как для первичной социализации, так и для фальсификации этничности. Понятно, что знание, которое получает ребенок, по своей интеллектуальной сложности несравнимо со знанием, получаемым разведчиком. Однако в свойствах этих знаний есть общие моменты, а именно, некоторые моменты поведения, мышления, менталитета, которые интернализируются вместе с языком.

Фальсификация этничности как вторичная социализация

Фальсификация происходит после нескольких вторичных социализаций, о чем мы говорили выше. Это наводит на размышления. Социализации, оставившие отпечаток на личности субъекта, должны детерминировать фальсификацию этничности как процесс, предположительно родственный вторичной социализации (хотя бы потому, что оба эти процесса детерминируются первичной социализацией). Как считают Бергер и Лукман, во вторичной социализации «роли характеризуются высокой степенью анонимности, то есть они весьма удалены от их индивидуальных исполнителей» (4, с. 231) Из этого можно заключить, что вторичная социализация выполняет функцию предварительного тренинга способности индивида к принятию и использованию особых социальных ролей, удаленность которых от его индивидуальности в процессе фальсификации будет значительно увеличиваться.

Вторичная социализация – «интернализация институциональных миров» (4, с. 225). Приведем цитату из воспоминаний разведчика:

«Первоначально перед нами была поставлена задача прочно обосноваться в Австралии на “постоянное” место жительства, найти подходящую работу, составить себе репутацию добропорядочных лояльных граждан» (12, с. 27).

С одной стороны, перед нами полное совпадение примерной схемы вторичной социализации (которую я обозначил выше) и действий, входящих в фальсификацию этничности. В принципе, не обязательно подделывать желание найти хорошую работу и составить себе хорошую репутацию. Действия, направленные на достижение этих целей, «естественны» в конкретном контексте. Такая социализация будет сопровождаться интернализацией специфическо-ролевого знания, языка и словаря, присущих различным социальным институтам. Но, с другой стороны, в отличие от локальной вторичной социализации, фальсификация проходит в атмосфере этничности, которую разведчик пытался подделать. Поэтому он интернализирует институционное знание с иным этническим характером, другими словами, знание, подчиняющееся моделям мышления иной этничности. Таким образом, он приобретает элементы соответствующей этнической идентичности.

Приведем другую цитату из воспоминаний разведчика:

«Прежде всего, необходимо в совершенстве знать, по крайней мере, язык той страны, гражданином которой должен на несколько лет стать разведчик. Но мало владеть чужим языком как своим родным. Надо еще знать, хотя бы в объеме учебных программ, литературу этой страны, книжки, которые читают школьники, кинофильмы, которыми они увлекаются, их кумиров – путешественников, ис-

следователей, спортсменов, киноактеров... Необходимо также научиться со временем думать на чужом языке, чтобы в случае внезапного пробуждения среди чужих людей или какого-либо потрясения не раздалась бы твоя родная, в том числе и матерная, речь, от которой истинно русскому человеку очень нелегко отвыкать. Уже одна эта задача требует от разведчика высшего самоконтроля в самых разнообразных условиях. <...> Надо было вжиться в свою "легенду", то бишь новую, синтетически составленную историю жизни. Для этого мало знать назубок свою новую биографию, надо научиться играть роль другого человека, жить его жизнью, поступать так, как поступил бы этот персонаж, высказывать его мнение по различным вопросам». (13, с. 46–47).

Здесь есть и вторичная социализация, которая сопровождается интернализацией, например, института гражданства и соответствующим специфическим ролевым знанием, обладающим специфическим этническим характером. Но особое место в данном контексте стоит уделить понятию роли. Бергер и Лукман, анализируя вторичную социализацию, высказали мысль, которая дает вполне подходящее и четкое объяснение отношения разведчика к роли. «Индивид может интернализировать различные реальности без идентификации с ними. Поэтому при появлении альтернативного мира во вторичной социализации индивид может осуществить выбор в его пользу манипулятивным образом.<...> Индивид интернализует новую реальность, но вместо того, чтобы сделать ее своей реальностью, он пользуется ею для специфических целей. Так как это включает исполнение определенных ролей, он сохраняет по отношению к ним субъективную дистанцию – он целенаправленно и произвольно «надевает» их на себя» (4, с. 278).

Если сравнить данные положения с приведенной выше цитатой, можно подумать, что они изначально относились к отношению разведчика к фальсифицированной им этничности, настолько научное объяснение согласуется с примером. В связи с этим можно было бы предположить, что фальсификация этничности представляет собой частный случай вторичной социализации. Но в предыдущей главе мы обнаружили в фальсификации и некоторые элементы первичной социализации, что говорит о том, что это более сложный процесс, синтезирующий различные элементы.

Выводы

Таким образом, из вышесказанного можно заключить, что фальсификация этничности является более сложным процессом, чем первичная или вторичная социализации, по всей видимости, она включает в себя элементы обеих социализаций. В результате этого процесса разведчик усваивает новую для него идентичность, но не идентифицирует себя с ней непосредственно, воспринимая ее как одну из ролей, которой сопутствует специфическо-ролевое знание.

Следовательно, в социальном конструкте, называемом мной фальсифицированной этничностью, отсутствует самоидентификация субъекта с самой этничностью. Это означает, что *этническая самоидентификация является основным образующим элементом этничности, что соответствует бристольскому подходу к пониманию этничности*.

Данная работа является не решением, а попыткой постановки проблемы фальсификации этничности с целью вычленения основного, с точки зрения бристольского подхода, элемента этничности – этнической самоидентификации. Продолжение исследования в этом направлении представляется мне перспективным.

Литература

1. *Скворцов Н. Г.* Этничность и трансформационные процессы // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. Сб. статей / Науч. ред В. Дресслер-Холохан, Н.Г. Скворцов, К.Н. Хабибуллин. СПб, 1995.

2. *Винер Б. Е.* Общественные движения и социальная идентичность // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию / Отв. ред. В.В. Костюшев. М., 1999.

3. *Винер Б. Е.* К построению качественной регрессионной модели этнической идентификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3.

4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

5. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.

6. *Гозман Л., Эткинд А.* Идентичность, культурное самосознание // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 33.

7. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

8. *Сорокин П.* Проблема социального равенства // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

9. *Старовойтова Г. В.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб., 1999.

10. *Карпенко О.* Быть национальным: страх потерять и страх потеряться. На примере татар Санкт-Петербурга // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В.Воронкова и И.Освальд. СПб., 1998. С. 46.

11. *Серио П.* Этнос и демос: дискурсивное построение коллективной идентичности // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. Сб. статей / Науч.ред. В. Дресслер-Холохан, Н.Г. Скворцов, К.Н. Хабибулин. СПб., 1995.

Мемуары и автобиографические произведения разведчиков

12. *Федорова Г., Федоров М.* Будни разведки. М., 1994.
13. *Колосов П., Молодый Т.* Мертвый сезон: конец легенды. М., 1998.
14. *Мартынов В.* Явка в Копенгагене: записки нелегала. М., 1998.
15. *Леонов Н. С.* Лихолетье. М., 1995.
16. *Черчилль П.* Дуэль умов. М., 1997.

Валентина Попова

Третья премия

Онтология дискриминации в исследовании наций: социальная обусловленность науки и политические последствия

При упоминании слова «нация» часто можно услышать слово «дискриминация». Чтобы убедиться в этом, достаточно послушать активистов любого национального движения. Даже если принимать большую часть их высказываний за риторический пафос или козыри в политической игре, все равно такое внимание к проблематике симптоматично и не может не настораживать.

Дискриминация означает ограничение или лишение прав по определенному признаку. Она ведет к снижению статуса и является одной из форм насилия, а следовательно, угрозой безопасности. Любой вид дискриминации, в том числе и по национальному признаку, в современном мире не приветствуется. Зачастую это оценивается как нечто постыдное, недостойное цивилизованного человека. Однако в данном исследовании речь пойдет не о преодолении национальной дискриминации в повседневной жизни.

Актуальные для нас вопросы можно сформулировать следующим образом: как существует дискриминация на уровне практик научного исследования? В каких терминах характеризуется организовавшаяся на сегодняшний день ситуация сосуществования, взаимопересечения и взаимозависимости множества различающихся сообществ? Как из конфигурации научной теории можно реконструировать нацию как жизненный факт и не будет ли эта реконструкция отличаться от декларируемого проекта?

Как можно определить социальную позицию ученого и его принадлежность к традиции в широком понимании, исходя из его научной теории? Ведь любая научная концепция имеет четкие социальные коннотации, обусловлена, укоренена в тот социальный контекст, который и вызвал ее к жизни.

И сколько бы ни говорили о непредвзятости и автономности научного исследования от политической конъюнктуры, повседневных выгод, служении исследователя только интересам получения истины, но связь ученого с социальным контекстом, в рамках которого он работает, глубинна и всепроникающа. И сама

та истина, которая является нам результатом научного исследования, принимает локальный, частный характер, показывает свое глубинное родство с широким набором представлений, касающихся будущего и настоящего, абстрактной теории и реальной (политической) практики.

Этот вопрос порождает ряд следующих, имеющих поверхностно видимые политические смыслы. Как на основе теорий о возникновении и развитии наций можно спроектировать возможные взаимодействия реальных наций? Каковы вероятные сценарии такого взаимодействия? Встретятся ли нации как равноправные соучастники неподконтрольного, многомодусного, полицентрического, свободного от канонизированных истин постоянно свершающегося факта? Или, может быть, отправятся воплощать очередной великий социальный проект под руководством ответственных и последовательных носителей Бремени Белого Человека – самого человечного человека в мире, точно знающего цель и путь к ней? Какие пути преодоления подобного можно предложить?

Попытка ответить на эти вопросы и будет представлена в данной работе.

Теоретические исследования национализма

Говоря о национализме, необходимо развести исторически сложившиеся формы употребления этого понятия.

Во-первых, это *национальное движение*, путь народа, осознающего себя этнической общностью. Это сила, идущая «снизу», «из глубины» народных масс. Именно сюда, следуя внутренней логике, следует отнести «национальное самосознание», «национальное чувство» (1).

Во-вторых, это сознательно планируемая *политика государства* как института управления и контроля. В таком виде национализм предстает как осознанная стратегия, цель которой подчинена нуждам государства (2). Национализм легко справляется с выполнением специфических функций идеологии (как формы мышления), что очень важно для государства.

И наконец, третий способ представления национализма. Он качественно отличается об двух первых и представляет собой недавно появившийся феномен. Это национализм как *теоретическое понятие*, исследовательский инструмент (3). По свойствам он близок к *идеальному типу* Макса Вебера, и аргументы в пользу его необходимости также можно позаимствовать у Вебера. Такой тип представления непременно должен присутствовать в работах, претендующих на научность.

Феномен национализма просуществовал достаточно долго до того, как подвергся теоретической рефлексии. Немецкие историографы датируют первые теоретико-исследовательские работы о национализме 70-ми годами 20 века (4). Возможно, это

вызвано тем, что долгое время национализм был дискредитирован связью с экстремистскими режимами. Но в связи с изменившейся ситуацией в мире: разрушением колониальной системы, образованием новых государств, новой волной движений национальных меньшинств на территории «старых государств», – появление теоретико-исследовательского интереса к национализму представляется неизбежным.

И, что обыкновенно для феномена, только недавно оказавшегося в фокусе теоретического внимания, концепции национализма нуждаются в *теоретической рефлексии*.

Кроме собственно научной значимости, эта работа имеет и насущное политическое значение. Ведь по результатам ее вскроется конфигурация глубинных связей, невидимых интуитивно, социологического знания и того жизненного контекста, в котором оно было произведено. Анализ подобного рода и последующий синтез элементов теории во вновь организованную целостность поможет по-новому представить роль научной теории в общественном дискурсе.

Несомненно, одной из самых известных в России является концепция английского социолога Эрнста Геллнера. В этой работе автор сделал заявку на построение целостной и всеохватной концепции, объясняющей как внутренние особенности национализма, так и своеобразие его внешних проявлений. В наиболее общем виде она изложена в его работе «*Нации и национализм*», вышедшей в свет в 1983 г. С тех пор она выдержала 6 изданий, в том числе и на русском языке – в 1991 г. (5).

В основе модели Геллнера лежит оппозиция агрописьменного и индустриального общества. Эти термины не соответствуют делению на феодальный и капиталистический периоды, принятому в формационной теории, и связаны с разной ролью культуры (соответственно, в этих обществах были реализованы разные типы культур). Термины «этничность», «этнос» Геллнер также старательно избегает употреблять в своих концептуальных построениях.

Геллнер не дает четкого определения нации, но говорит о необходимости для ее появления слияния доброй воли, культуры и государства. Именно национализм, по мнению автора, порождает нацию, а не наоборот.

Агрописьменное общество характеризуется культурной неоднородностью, постоянным напряжением. На одном полюсе этого напряжения – высокая культура, которая передается с помощью формального образования, зафиксирована в текстах и постулирует «некие социально-трансцедентные нормы». На другом – одна или несколько «низких» культур, которые не заданы в отчужденной письменной форме, «существуют лишь в самом течении жизни и, следовательно, не могут подняться выше ее, здесь и теперь происходящей» (6).

Императивы индустриального способа производства принципиально преображают роль культуры. Сложное и динамически изменяющееся разделение труда делает сущностной чертой социального строя необходимость смены занятий. Именно в этом «сложном и бесконечном» разделении труда Геллнер видит корни национализма. Таким образом, национализм признается феноменом исключительно только индустриального общества и индустриального типа культуры.

Индустриальное общество имеет принципиально отличную от существовавшей в агропись менной *систему обучения*. Эта система предшествует специализированной деятельности индивида и предшествует ей. Она менее других специализированна и более унифицирована.

Метод коммуникации – «стремительный обмен сообщениями между анонимными, далеко друг от друга отстоящими собеседниками», «уничтожает контекст» (7). И как результат, впервые в истории человечества культура становится всеобъемлющей: «она операционализируется и охватывает общество в целом». Более того, именно «пронизанность» единой стандартизированной культурой становится условием эффективного функционирования общества.

Все это создает главную предпосылку для распространения национализма. Высокая культура для своего постоянного воспроизводства нуждается в поддержке извне, так как содержание соответствующей системы образования очень дорого. Эту поддержку берется осуществить государство, одной из главных задач которого с этого времени становится культурная гомогенизация общества. Ведь у современного государства есть только два пути самолегитимации: либо обеспечение постоянного стабильного экономического роста (что очень трудно), либо охрана и развитие культуры, характерной обществу. Но и «всякая стандартизированная культура стремится обрести собственное государство», что делает процесс обоюдным.

Основной линией развития нации Геллнер считает развитие от одной культуры к одной государственности. Таким образом, источник появления национализма – в функциональном соответствии нации-государства и политической, а особенно социально-экономической, модернизации, идущих в Европе в XIX веке.

Практически одновременно в работой Э. Геллнера была опубликована книга ирландца Бенедикта **Андерсона,** философа и культуролога. Его основная работа по этому вопросу называется «*Воображаемые сообщества. Размышление о происхождении и распространении национализма*» (8).

Андерсон представил национализм как культурный артефакт особого рода. По мнению ученого, он связан не с политическими идеологиями (которые рационализированы), а с большими культурными системами, ему предшествующими.

Национализм возник *из них* и *как противоположность* им. Таким образом, национализм становится рядоположен религиозным общностям и династическому принципу государственного устройства, противостоя, наравне с ними, как марксизму, так и либерализму (9).

Нацию Андерсон определяет как воображаемое политическое сообщество, которое обладает неотъемлемыми качествами обособленности и суверенности. «Воображаемое» – дефиниция, введенная Андерсоном, поэтому представляется уместным ее несколько прояснить.

Воображаемыми являются все крупные сообщества, где связи между людьми существуют не на основании личных знакомств и контактов. Национализм становится равноправным *принципом*, *стилем воображения* нации (как одна из возможных центральных категорий, как и родство, вассалитет, классовый принцип и т. д.). Это решительно отличает его концепцию от взглядов Э. Геллнера, который считал нацию изобретением национализма и национальные сообщества – второстепенными и ложными на фоне других факторов объединения.

Центральным в концепции Андерсона, это определено самой постановкой проблемы, явился вопрос: как же нация (как концепция) может быть воображена, а затем моделируема, трансформируема и адаптирована к реальности? То есть не то, какие процессы запустили механизм нациообразования (Геллнер), а то, какие черты общественной жизни сделали возможным в то время *вообразить* нацию? Таким образом, это вопрос о появлении и воцарении на доминирующих позициях националистического дискурса.

Андерсон сконцентрировал внимание на исследовании представлений, символов и мифов, которые составляли национализм как культурную среду. Ведь простой параллельный перенос комплекса идей, который традиционно связывается с идеологиями, некорректен. Идеологии, к примеру, не интересуются вопросами смерти и бессмертия, столь актуальными для национализма.

Национализм – культурная система, которая сменила религиозный и династический принцип восприятия мира в XVI–XVII вв. Ее характер – модульный, с возможностью частичной трансформации, модернизации.

Важной предпосылкой распространения и утверждения националистического дискурса, по мнению Андерсона, стало развитие *печатной индустрии*, *Реформация* в церкви и утверждение диалектов как инструментов *административной централизации*.

Таким образом, в его концепции нет прямой связи национализма с индустриальной революцией, как у Геллнера. Индустриальная революция у Андерсона только один из ряда факторов, к тому же не играющий основной роли. Главным

фактором он считает социальные коммуникации. И именно *печатные* языки Андерсон считает основой национального самосознания.

Еще одной работой, где национализм связывался с процессами модернизации, явился труд английского историографа Эрика Хобсбаума. В этой работе по отношению к предыдущим существенно сменены акценты. Его взгляды представлены в книге «*Нации и национализм: мифы и реальность после 1780 г.*» (10)

Хобсбаум считал, что нация возможна только в современном бюрократическом централизованном государстве. Этот вывод он сделал на основании анализа словарей: современное – в социальном и политическом смысле – значение дефиниции «нация» вошло в обиход с 80-х гг. XIX века, эпохи буржуазных революций. Национализм, таким образом, должен быть рассматриваем как сознательно сконструированное явление, которое как возникло примерно 200 лет назад, так и исчезнет в свое время.

Он определял нацию как любую достаточно большую группу людей, которая считает себя таковой. Эволюция национализма в этом свете – эволюция концепции нации.

Современная нация, по его убеждениям, имеет в своей основе не общую этническую принадлежность или общее историческое прошлое. Она возникла как торжество общего интереса над частным, общественного блага над сословными привилегиями. Так, объединение граждан на основании политической суверенности после Великой Французской революции – «единая и неделимая нация». Нации возникли в эпоху буржуазных революций и как их результат. Процесс образования наций тесно связан с нуждами государства и инициирован именно им.

Таким образом, здесь идет речь о смещении акцентов с модернизации как таковой к специфическим потребностям государства, возникшим после этой модернизации.

Но национализм не является *продуктом* государственной модернизации. Он стоял с государством на равных, как *рядоположная* автономная политическая *сила*, вне зависимости от его роли (положительной или отрицательной для других сил и процессов) в процессе модернизации. И именно как такая сила мог использоваться этим модернизационным процессом. Этот процесс шел как изобретение патриотических традиций для нужд доминирующих сил. Хобсбаум употребляет именно термин «изобретение», и эти традиции, по его мнению, инициировалось именно государством в своих целях – здесь и культ гимна и флага, памятники и т.д.

То есть происходило сознательное и целенаправленное социальное моделирование, манипулирование «сверху». Хотя в таком моделировании источником

могут быть и несотворенные самим государством, но заимствованные им у протонации элементы: неофициально существующие ксенофобия, шовинизм, и т. п. Но их природа, чуждая государству и модернизации, приводит к тому, что они могут выйти из-под контроля.

Но является ли только апология модернизации характерной для современного общества? Нет, и эта тенденция также отражается в науке, обращающейся к признанию ценности *интеграции* общества, что сделало очень важными понятия института, социализации, роли.

Это можно генетически связать с произошедшими в 1950–1960-е гг. крупными социальными изменениями. Именно на это время пришлось крушение колониальной системы, рост национально-освободительных движений и межгосударственных конфликтов на этой почве. С 90-х гг. пошел процесс образования по этническому принципу новых государств на территории бывшего СССР. В Западной Европе заговорили о том, что европейская интеграция – угроза собственной этнической идентичности.

В этих условиях социальная антропология стала новым взглядом на причины, следствия, характеристики национализма. Как попытку социально-антропологической интерпретации этой грани реальности можно привести следующую концепцию Энтони **Смита**. Этот английский историк пришел к созданию концепции национализма через критику уже существующих. В поле его внимания та социальная реальность, которую национализм стремится истолковать и изменить: работы «*Этнические основания наций*» и «*Национальная идентичность*» (11).

Если Геллнер, Андерсон, Хобсбаум утверждали решительный поворот человеческой истории на пути национализма только с наступлением индустриальной эпохи, то Смит придерживается другой точки зрения. Его концепция имеет две значительные отличительные черты. Во-первых, это внимание к *символической стороне культуры*, и, во-вторых, длительная *историческая ретроспектива*.

Он утверждает, что в сфере культуры нет той пропасти между Средневековьем и Новым временем, как в сфере технологии или в формах политической организации общества, связанных с экономическим контекстуальным рядом. Более того, *культурные атрибуты* и соответствующие им *формы человеческой ассоциации* очень устойчивы: они не только изменялись с течением истории, но и, в свою очередь, воздействовали на формы общественной трансформации.

Задачей его работы становится проследить корни наций в прошлом и установить их связь с этнической общностью. Смит пытается доказать, что этничность

является возможной формой социо-культурной организации людей с начала 3 тысячелетия до н. э.

Сами нации как явление современности появились не ранее конца XVII века – с этим Смит согласен. Но он находит и в досовременный период параллельные идее нации формы идентичности и движения, так же, как и национализм, обеспокоенные защитой территории и культуры.

В процессе нациообразования он выделяет два типа факторов: объективные и субъективные. Объективные – экономические ресурсы, система коммуникации и бюрократической централизации, численность населения и т. д. – по его мнению, очень важны. Но гораздо важнее субъективные моменты человеческого взаимодействия.

Для того чтобы их исследовать, Смит обращается к *символам, мифам, памяти* и *ценностям*. Он утверждает, что ядро этничности, как оно обуславливает индивидуальный опыт и отражено в исторических записях, заключается в этих компонентах культуры. Чтобы объяснить специфические качества и историческую устойчивость отдельных этносов, надо комплексно изучать именно эти компоненты культуры. Этот комплекс определяет общий *стиль, форму* выражения этнической культуры и делает ее узнаваемой, проявляясь во всем (так, в Иране культурная определенность сохранилась, несмотря на смену нескольких государственностей и религии).

Этнос он определяет следующим образом: «общность людей, имеющая имя, разделяющая мифы о предках, имеющая совместную историю и культуру, ассоциирующаяся со специфической территорией и обладающая чувством солидарности» (12). Здесь важен *символический* смысл, который земля имеет для связанного с ней народа. Это может быть и «этническая родина» – место, где расположены священные центры, места паломничеств (хотя бы только мысленных). Для этнического самосознания необходимо и *внешнее признание* ассоциации данного народа с его территорией, даже если оно не несет немедленных политических выгод.

У наций Нового времени – этнические корни, которые детерминируют характеристики современной нации. Именно из этих этнических общностей образуются современные нации – «население, имеющее общее имя, владеющее исторической территорией, общими мифами и исторической памятью, обладающее общей экономикой, культурой и предоставляющее общие права и обязанности своим членам» (13). Таким образом, в определении нации (в отличие от этноса), уже присутствует не только символичность, но и представление о единой хозяйственной жизни, общей юрисдикции и владении территорией.

Общественно-политическое значение теоретизирования о национализме

В то время, когда злободневными становятся проблемы, связанные с постколониальной и посториентальной историей, важен тот факт, что эти теории наций и национализма можно оценивать, беря за критерий отношение к европейской современности.

В общем виде это можно представить в ряде следующих тезисов:

1. Современная нация появляется не так давно. Она – результат развития социальных (экономической модернизации, появления системы массовых социальных коммуникаций, смены параметров государственности) и социокультурных процессов. Националистический дискурс стал возможным и необходимым на некотором этапе общественного развития, когда потребовались новые основания для подкрепления общественной солидарности. Он является фактором, способным определять действия людей, их мобилизацию для достижения целей, выдвигаемых модернизируемым обществом.
2. Модернизация предполагает *стадиальное развитие общества*. При этом характер отношений носит *функциональный* характер: модель «правильной» конфигурации общества задана и должна поддерживаться с помощью определенных процедур. Подобные процедуры определяют и национальное, которое либо становится вторичным в общественном взаимодействии, либо получает очерченные рамки.
3. Национализм теоретически мыслится в методологических рядах, соответствующих социологическим представлениям о современном обществе. Эти представления декларируют научную объективность и ценностную нейтральность. Но действующие лица истории, политические акторы, занимающие доминирующие позиции, все же оцениваются. Оцениваются по критериям, определенным самой логикой развития европейской цивилизации (к примеру, относительно прогресса).

Здесь главенствуют европоцентрические тенденции и *европейски ориентированный экспликативный ряд*. Путь человечества описан в терминах, являющихся ценностно-нагруженными (с положительной окраской), что связано с новой европейской рациональностью, либеральной идеологией, демократическими и гражданскими ценностями. При этом оценка определяется внешним фактором, самоценность института не предполагается.

Это представление закономерностей социальной жизни можно эксплицировать на более широкий контекст. Общество определяется не своей природой,

традициями, не произволом, но усилиями действующих лиц, которые, освобождаясь от уз и пут прошлого, ир-, не– и внерациональности, движутся к будущему, идеальные параметры которого заданы: разумность, полезность, осознанная гражданская активность и т. п. Знание системы и понимание принципов и причин деятельности акторов здесь равнозначны. Индивид, его желания и стремления оказываются неотделимы от общественного прогресса, индивидуальная свобода и участие в общественной жизни кажутся четко взаимосвязанными (14).

Функциональные связи, иерархия и зависимость внутри системы остается фактом. В этом случае различия между исследуемыми нами теориями национализма представляются только как смена точек зрения на одну и ту же картину реальности, а не построением новой картины. Самым смелым заявлением здесь является тезис, что в рамках традиционной европейской социологии вообще невозможен *принципиально иной* подход к проблеме национализма. Что она имплицитно предполагает дискриминацию неевропейских сообществ только на основании их включенности в другую ментальную схему.

Как это отражается на реальной политике? Как это определяет нашу повседневную жизнь? Есть ли предпосылки для преодоления этого состояния?

Исследователи современности, и это не может не внушать здравый оптимизм, презентируют изменения устоявшегося мира. Они утверждают, что в последние несколько десятилетий в жизни человека как существа социального происходят принципиальные изменения. В широко принятых терминах эти изменения характеризуются как переход от общества модерна (modern) к обществу постмодерна (postmodern). Индикаторами такого перехода выступает смена типов рациональности, солидарности, изменение внутри шкал жизненных ценностей и приоритетов престижности, переоформление времени и пространства, новые понимания «горизонтальности» (скажем, в оформлении власти) и т. д.

Широкое распространение получила и постмодернистская критика европейской социальной науки. В чем важность этого факта для дальнейшего переосмысления национализма?

Дж. Лемке, теоретик социальной семиотики, к примеру, считает, что сам факт выделения постмодернистской критики политичен по своей сути. Ведь с этой точки зрения то, что европейская наука и философия считала истиной на абстрактном и программном уровне, на самом деле «исторически специфическая культурная конструкция, которая часто служит скрытой функцией наделенных властью членов доминирующего класса и исключению Другого» (15). По его мнению, это фундаментальная революция, развивающаяся пока в интеллектуальном поле. Несмотря на сравнительно недавнюю вербализацию этой проблемы, механизмы этой практики были открыты и описаны еще Фрейдом как символические и ассоциативные (или риторические) приемы. Его лозунг – «Ищите третьего!».

В данном случае нам важно то измерение критики, которое было инициировано разрушением колониальной системы и выходом в научное сообщество представителей бывшего «третьего мира». Они дают новое представление о национализме. Этот новый образ представлен сегодня в теориях постколониализма. Это теории, рожденные взглядом «с другой стороны» дискурса, не обусловленные контекстом европейского знания. Самыми влиятельными представителями постмодернистской критики в этой области на сегодняшний день являются являются Эдвард Сэд, Джэетри Спивак и Оми Бабба (16). Несомненно, ученые укоренены в европейскую мыслительную традицию через институты образования, но они, по факту рождения, также и носители других традиций и дискурсов.

Постколониализм уходит своими корнями в теорию негритюда и изначально строился на методологии предпочтения локального и специфического общему и глобальному. С одной стороны, здесь присутствует выделение локального (колонизация) как особой культуры, с другой – исключение локального как претендующего на тотальность. Основная проблема теоретического постколониального консенсуса – это то, что он означает «разные вещи для разных людей с разными историями». И сейчас постколониализм развивается в двух направлениях: критика европоцентризма и критика либеральной теории. Это косвенным образом еще раз подтверждает наш тезис о связи и обусловленности классических теорий национализма с общим комплексом европейских ценностей.

Центральный вопрос, на который отвечает постколональная и посториентальная теория, критикующая европоцентризм: как страны третьего мира пишут свою собственную историю? Кажется, что это должно происходить в радикально антифундаменталистской манере, так как требует отказа от тех способов мышления, которые представляют неевропейский мир как религиозный, недоразвитый, бедный, национализированный и невестернизированный.

Одной из центральных проблем станет здесь: каким образом понимаются в контексте либеральных посылок о свободе и равенстве граждан в публичной сфере самые разные требования тех, кто, как правило, населяя определенную территорию, является формально гражданином, но при этом находится в состоянии конфронтации?

Итак, постколониальный и посториентальный мир, где последние годы идет массированная артикуляция националистической проблематики, должен быть переосмыслен как Другой. Только задав новые методологические рамки, мы сможем по-новому подойти к разрешению практических вопросов, связанных

с национализмом, национальными конфликтами и национальной дискриминацией. Возможно, снять долю экстремизма и нетерпимости в отношениях между нациями.

Социальная наука должна создать новую теорию, объясняющую национализм, переосмыслить его снова. Для этого нужно, в частности, обратиться к критике предшествующего опыта. Необходимо «деконструировать» логику фоно-, лого- или этноцентризма, которая делает логос максимально приближенным к смыслу; логос не признает и не видит Другого (Иного) именно как Другого (17).

Отрицая Другого как Другого, классическая европейская социологическая парадигма, по сути, отрицает различие (differance). Ее теории описывают триумф дискурса-гегемона, сумевшего исключить все коннотации, поскольку все они в итоге сводятся к универсальным принципам.

Новация заключается в требовании не признания Другого как уже изначально своего, как момент усложнения социальной классификации и стратификации и развитие коммуникативных навыков, а именно признание Другого как Другого. Критическая позиция исследователей – не в доказательстве того, что проблема современной демократии и политики равенства наций заключается в отказе от плюрализма мнений, их адекватной репрезентации и т. д. Нельзя отрицать, что эта интенция непосредственно следует из основ демократического проекта. Ошибка демократии, по мнению ее критиков, состоит в том, что, «признавая» *точку* зрения, она не принимает *способа ее признания*. Таким образом, признание Другого происходит одновременно с выносом его точки зрения из логики ее собственного дискурса (то есть дискурса, на который она опирается) и его содержания. Отказываясь от его формы или языка, она формализует его уже по-своему. На сегодняшний день демократический проект превращается в самоцель, все менее и менее признающую свою искусственность и инструментальность, обусловливая это тем, что она сегодня самый адекватный словарь отражения реальности.

Критика заключается не в нахождении неучтенных точек зрения, но открытии неизбежности исключения Другого, в том числе себя как Другого.

В чем особенность исследовательского праксиса, который может опираться на подобные теории?

Критическим приемом становится фокусирование внимания на принимаемых без рефлексии дискурсивных структурах. Ведь именно они задают смысловые, «узловые» точки ментальных репрезентаций и моделей. Эти дискурсивные структуры отражаются в схемах заголовков и передовиц в прессе, порядком медиа-сообщений и т. д. Они постепенно становятся «предпочтительными» моделями социальной коммуникации. Это наиболее котроткий путь манипуляции: сообщить мнение или веру имплицитно, то есть без актуального их утверждения и с наименьшей вероятностью, что они вызовут вопрос или будут оспорены. И они будут восприниматься как «суперестественные». Любое из ряда вон выходящее событие, не укладывающееся в рамки превалирующего дискурса, либо вообще не будет расценено как событие, либо доведется до уровня обобщения, что, по сути, одно и то же.

Например, после драки между черным и белым (кавказским и русским) мальчиками, первого могут выгнать из школы, а второго представить как жертву в его же собственных глазах. Это никем не ставится под вопрос. Любое возмущение тут же риторически гасится приемом: «Я, конечно, не расист, в наше время недопустимо, чтобы нарушались права человека, но эти дети... в их семьях такой низкий культурный уровень, нельзя допускать, чтобы это бескультурье разъедало наше общество». Таким образом, происходит непринятие Другого как Другого, по схеме «я, конечно не... но», «я, конечно, против/согласна... но».

Так происходит подавление другой модели, ее «местная интерпретация». Этот вид дискриминации должен анализироваться как целостное явление во всех областях, возникающих в результате противодействия существующему порядку – в частности, в вопросах этноцентризма, антисемитизма, национализма.

Проблема для практики состоит в том, что основные положения этих же критических теорий разрушают возможность изменения повседневных дискурсивных практик. Власть дискурсов потому и является сильной, что не подвергается рефлексии. Распространяется же она на все уровни социальной жизни человека, поскольку он является человеком социальным.

Таким образом, в самом повседневном осуществлении социальной жизни мы находим принцип, экспликация которого на национальные вопросы приводит нас к двум противоположным выводам. Во-первых, к мысли о необходимости теоретического пересмотра проблематики. Во-вторых, к мысли о проблематичности применения результатов такого переосмысления для изменения реальной политики и о невозможности избавления от проблемы дискриминации.

Литература

1. Sturm R. Nation / Nationalismus – Wörtebuch Staadt und Politik / Hrsg. D. Nohlen. – Piper München Zürich. – 1991. P. 403.

2. Op. cit., p. 403.

3. Op. cit., p. 404.

4. См.: Winkler H. A., Schnabel T. Bibliographie zum Nationalismus. – Göttingen: Vandenhoeck &Ruprecht, 1979. (Arbeitsbücher zur modernen Geschichte. Bd. 7.)

5. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

6. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь, 1992, №1. С. 9–62. С. 14.

7. Указ. соч., с. 18.

8. Anderson B. Imagined communites. Reflection on the origin and spead of nationalism. L.; N.Y., 1983.

9. Миллер А.И. Бенедикт Андерсон: Национализм как культурная система // Нация и национализм: Пробл.-тематич. сб. М., 1999. С. 70–80.

10. Hobsbaum E. Nation and Nationalism Since 1780. Programme, Myth, Reolity. Cambridge, 1990; Hobsbaum E. J. Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780. Frankfurt; New York., 1992.

11. The ethnic origins of nation. Oxford, 1986; National identity. L., 1991.

12. Цит. по: Коротеева В. В. Энтони Смит: Историческая генеалогия современных наций // Нация и национализм: Пробл.-тематич. сб. М., 1999. С. 34–56. С. 37.

13. Цит. по: указ. соч., с. 44.

14. См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

15. См.: Lemke J. L. Important Theories for Research Topics On This Website. http://academic.brooklyn.cuny.edu/education/jlemke/theories

16. См.: Reed T. V. Theory and Method in American Cultural Studies: A Bibliographic Essay. http://www.wsu.edu/~amerstu/tm/

17. См.: История современной зарубежной философии: компаративистский подход. СПб.: Лань, 1997. С. 464–470.

Ольга Жуйкова
Третья премия

Депортационная политика советского руководства в отношении латышского населения в 1940-х годах

ВВЕДЕНИЕ

С конца 30-х годов реально сложившаяся международная обстановка, настроение населения и нажим сталинской дипломатии подтолкнули правительство Латвийской республики, как и правительства двух других стран Прибалтики, к заключению соглашения с СССР, по которому предусматривалось размещение на территории Латвии советского военного контингента и создание военных баз. Несомненно, советские вооруженные силы оказали большое воздействие на внутриполитическую жизнь республики. Уже сам факт их присутствия создавал определенные условия для активизации левых сил. Следует подчеркнуть, что латвийское правительство, понимая, что их страна стала разменной монетой в секретных соглашениях между Германией и СССР, выбрало меньшее зло, заключив договор с СССР. По крайней мере так считало большинство членов правительства. Например, в воспоминаниях, опубликованных в 1963 г. бывшим министром иностранных дел В. Мунтерсом, занимавшим этот пост в правительстве Латвии в 1939–1940 гг. отмечалось, что при подписании договора латышская делегация исходила из того, что «только так можно сохранить латышский народ, обеспечить ему мир, не допустить уничтожения его Германией»[1].

Но соблюдение условий договора СССР и Латвии от 5 октября 1939 года, который поначалу не посягал на суверенные права Латвии и не затрагивал ее общественного и государственного развития, продолжалось недолго – до лета 1940 года.

Летом 1940 года Советское правительство направило ноту руководству Латвии (16 июня), в которой указывало, что считает необходимым сформировать там такое правительство, которое могло бы обеспечить «четкое проведение в жизнь» договора с СССР о взаимопомощи. Аналогичные ноты получили и правительства Литвы и Эстонии. Также было предъявлено и требование об увеличении численности советских войск на территории Прибалтики.

[1] *Мунтерс В.* Воспоминания. Рига, 1984. С. 34.

В Латвии введение дополнительных контингентов войск Красной Армии было встречено населением без энтузиазма, но, как отмечал в воспоминаниях Мунтерс, «с пониманием сложившейся обстановки»[2], а некоторыми слоями трудящихся – даже с радостью, о чем писала свидетельница тех событий А. Л. Стронг[3]. Английский посланник в Латвии К. Орд телеграфировал в Лондон: «Значительная часть населения встретила советские войска приветственными возгласами и цветами»[4]. Однако не обошлось и без эксцессов. Так, «при вступлении Красной Армии в Латвию произошла перестрелка с латвийскими пограничниками в районе Масленки Лугшпильской волости»[5].

Оккупация Прибалтики советскими войсками, а также изоляция этого региона от стран Запада создали условия для смены правительств мирным путем. 14–15 июля в Латвии, как и в двух других странах, Литве и Эстонии, состоялись выборы в верховные органы власти, в которых приняло участие большинство населения этих стран. В Латвии в качестве верховного органа был избран Народный сейм, который провозгласил в республике советскую власть и принял решение о вхождении последней в состав Советского Союза.

Вообще вопрос о вхождении Латвии в состав Советского Союза до последнего времени остается дискуссионным. Что это было: насильственный захват, оккупация или свободный выбор народа? Известно, что в советской историографии события 1939–1940 гг. в Латвии и остальных прибалтийских странах однозначно рассматривались как победа социалистической революции мирным путем. И в настоящее время при освещении этой проблемы встречаются диаметрально противоположные оценки и трактовки, часто построенные на эмоциях и одностороннем подходе к сложнейшим проблемам этих событий конца 30-х годов.

Многие современные историки, как отечественные, так и зарубежные (прежде всего прибалтийские), утверждают, что советизация республик Прибалтики была определена секретным протоколом от 23 августа 1939 года, подписанным Молотовым и Риббентропом одновременно с советско-германским пактом о ненападении. И с этих позиций вступление советских войск на территорию прибалтийских государств, осуществленное в соответствии с договорами о взаимопомощи, заключенными между СССР и Латвией, Эстонией, Литвой в сентябре–октябре 1939 года, оцениваются как оккупация, а вступление этих республик в СССР – как аннексия[6].

Вступление Латвии в Советский Союз осложнило внутриполитическую обстановку в республике: обострилась социально-политическая конфронтация различных слоев населения, которая усиливалась в связи с репрессивными мерами со стороны советского руководства.

Данная работа посвящена рассмотрению политики депортаций как одной из форм репрессивной политики советского руководства по отношению к латышскому населению Латвийской ССР в 1940-х. Актуальность предмета исследования обусловлена тем, что в настоящий момент как в зарубежной, так и в советской и современной нашей историографии не существует исследования, которое бы всесторонне рассматривало эту тему. Кроме того, изучение данного вопроса позволяет выявить причины негативного отношения латышского населения по отношению как к русскоязычному населению Латвийской ССР, так и к бывшим советским гражданам, оставшимся на территории Латвии после распада Советского Союза.

В качестве основной источниковой базы данной работы были использованы следующие опубликованные документы: приказы, директивы и указания советских государственных органов, а также воспоминания и свидетельства очевидцев событий.

В данном исследовании вышеуказанные документы законодательного характера в основном представлены журнальными публикациями последнего десятилетия. С конца 80-х годов нашего века были опубликованы частично документы и материалы, касающиеся депортаций, борьбы с антисоветскими выступлениями и т. п. Но что касается прибалтийских республик, то подобного рода публикации почти не были представлены до начала 90-х годов. Первые публикации источников относительно политики депортаций в Латвийской ССР появились в прибалтийском журнале «Радуга» в 1990 году[7]. В этой связи очень важной в России стала публикация документов, подготовленная в 1993 году руководителем группы по истории национальных отношений РФ Института истории Российской АН доктором исторических наук Н. Бугаем и опубликованная в журнале «Молодая гвардия»[8]. В настоящей подборке предлагаются ранее не публиковавшиеся доку-

[2] *Мунтерс В.* Указ.соч. С. 36.

[3] *Стронг А.Л.* Ссылка из Латвии. Рига, 1986. С. 21.

[4] Под маской независимости // Известия ЦК КПСС. 1990. №11. С. 113.

[5] Полпреды сообщают... М., 1990. С. 46.

[6] *Юсуповский А.М.* Поиски новых подходов к решению национальных проблем: уроки истории. М., 1990 С. 45–46; Латвия на грани эпох. Рига, 1987. С. 34–37.

[7] Указы Президиума Верховного Совета СССР.// Радуга. 1990. № 9. С. 61–62.

[8] О депортации народов из Прибалтики в 40–50-е гг. // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 213–223.

менты, выявленные в коллекции документов Госархива Российской Федерации и принадлежавшие ведомствам, руководившим депортацией латышей, эстонцев и литовцев, – НКВД – НКГБ СССР и др. В частности, данная публикация содержит следующие важные законодательные акты, характеризующие депортационную политику советских властей в республике в 40-х – первой половине 50-х годов:

Директива о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии[9];

Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР – О запрещении бывшим руководителям буржуазных правительств Латвии, руководителям буржуазных политических партий и антисоветских организаций, активным участникам латышского националистического подполья, осужденным и отбывшим наказание, возвращаться в Латвийскую ССР[10];

Указ Президиума Верховного Совета – О порядке разрешения возвращаться к прежним местам жительства некоторым категориям граждан, находившихся в прошлом на спецпоселении[11].

Такие субъективные источники, как воспоминания и свидетельства очевидцев, имеют, бесспорно, важное значение, однако относиться к ним стоит критически, так как подобные источники содержат в основе прежде всего личные впечатления. А кроме того, необходимо принимать во внимание, что их авторы являлись либо теми, кто представлял политику Центра в республике (например, воспоминания секретаря КП Латвии Я. Э. Калнберзина (1940–1959 гг.)[12], либо убежденными противниками этой политики (воспоминания министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса (1939–1940)[13].

Воспоминания секретаря КП Латвийской ССР Я.Э.Калнберзина (Калнберзиньш) отражают прежде всего его взгляды на политику, проводимую советским руководством по отношению к латышскому населению. Будучи, с одной стороны, латышом по национальности, а с другой – представителем советского порядка в республике, Калнберзин не сомневается в правильности и необходимости репрессивных мер, даже если подобная политика идет вразрез с его этическими представлениями.

[9] Директива о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики...// Указ. соч. С. 214.

[10] Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. // Там же. С. 219–220.

[11] Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР. // Там же. С. 221–222.

[12] *Калнберзин Я.Э.* Воспоминания. Рига, 1981. С. 1–156.

[13] *Мунтерс В.* Указ. соч. Рига. 1984. С. 1–204.

Будучи депортированным еще в 1941 году и перенеся 15 лет ссылки, В. Мунтерс в своих воспоминаниях упрекает тех латышей, которые слепо исполняют приказания «оккупантов» (советских властей), не задумываясь о дальнейших судьбах своих соотечественников.

Историографической традиции изучения репрессивной политики центра по отношению к народам СССР, если вести речь об отечественной исторической науке, еще предстоит сложиться. Надо сказать, что в советской исторической науке в 50–70-е годы эта тема как научная проблема практически не рассматривалась. В тех же работах, которые затрагивали каким-то образом данную тему, проблемы депортационной политики 40-х годов в Латвиии других регионах СССР получили субъективное, одностороннее освещение. Все обвиненные в антисоветских действиях однозначно именовались «врагами народа», «бандитами» и «националистами», а само сопротивление советским властям – «буржуазно-националистическим подпольем». Следовательно, официальная советская концепция провозглашала, что репрессивные действия советских властей в отношении латышского населения являлись единственно правильной и приемлемой политикой в тех обстоятельствах. Среди подобных трудов можно выделить работу Ю.И. Голдманиса «Борьба КП Латвии против буржуазного национализма в годы строительства социализма в республике»[14], коллективные монографии «Критика фальсификаций национальных отношений в СССР»[15] и «Ленинская национальная политика в действии»[16].

Голдманис в своей работе основное внимание уделяет политике Латвийской компартии по отношению к антисоветской деятельности латышских националистических организаций во время Великой отечественной войны и в послевоенные годы. Автор признает, что «в основе репрессий лежит стремление защитить завоевания советской власти в Латвии»[17]. Авторы вышеупомянутых коллективных монографий занимают аналогичную позицию в определении политики депортаций латышского населения.

Западная историография того времени, затрагивавшая данную проблему, не менее субъективна в оценке политики депортаций. Западные исследователи, такие как английский историк J. Romuald и шведский историк A. Lieven, в своих работах[18] противников советской власти выдавали за единственных защитников нацио-

[14] *Голдманис Ю.И.* Борьба КП Латвии против буржуазного национализма... Рига, 1962. С. 1–234.

[15] Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1974. С. 5–495.

[16] Ленинская национальная политика в действии. М., 1976. С. 3–275.

[17] *Голдманис Ю.И.* Указ. соч. С. 127.

[18] *Romuald J.* The Baltic States years of dependance. Berkely, 1973. P. 3–306.

нальных интересов, «борцов за независимость», уходя от фактов террора против собственного народа. Сами же депортации рассматривались как нарушение прав целого народа, ссылаясь в этом вопросе прежде всего на «нарушение Статьи 25 Международного Соглашения по гражданским и политическим правам 1948 года (Article 25 of the 1948 International Covenant on Civic and Political Rights)»[19].

Таким образом, одномерность трактовки депортационной политики Союза в Латвийской ССР в 40-х – первой половине 50-х гг. искажала суть процессов, происходивших в этом регионе, и не позволяла увидеть и должным образом оценить сущность данной политики.

В отечественной историографии всплеск интереса к непосредственной теме работы произошел только во второй половине 80-х годов и был связан с перестроечным процессом в СССР и последовавшим затем пересмотром политики советского руководства в республиках. К работам общего характера, посвященным политике советского руководства в Латвийской ССР, появившимся в конце 80-х годов, можно отнести такие коллективные монографии советских историков, как «Мы в Латвии»[20], «Латвия за годы Советской власти»[21], «Интеллигенция в политической истории XX века»[22]. Однако это в основном работы обобщающего характера, затрагивающие лишь отдельные стороны взаимоотношений Центра и республики. Кроме того, как и любые работы советского периода? эти труды еще не лишены некоторого идеологического налета. В частности, в коллективном труде «Мы в Латвии» отмечается, что «националистические и сепаратистские силы в нынешней Латвии, захватившие позиции в органах государственной власти, не оставляют попыток дискредитировать социалистический выбор латышского народа... Переписывая историю, они стремятся не только реабилитировать, но и возвести в ранг чуть ли не “национальных героев” участников различных антисоветских движений и выступлений, умалчивая о негативных последствиях их политики в отношении остального населения Латвийской ССР...»[23].

С начала 90-х годов нашей новейшей историографией и публицистикой были предприняты первые попытки правдиво осветить политику Центра по отношению к латышскому населению. Подобные публицистические труды были напечатаны в журналах «Даугава», «Родник», «Дружба народов»[24]. Однако публицисты, особенно латышские авторы, опираясь в основном на воспоминания и эмоции, не всегда занимают правильную позицию, в частности в оценках роли и места Центра, республиканских правительств в проведении депортационных мер в отношении латышей.

Хотя научное исследование данной проблемы стало возможным лишь с начала 90-х годов, когда появился допуск к ранее засекреченным архивным документам, пока еще нет монографической работы, в которой данная тема была бы исследована со всех сторон. В эти годы появляются только воспоминания лиц, подвергшихся репрессивным действиям со стороны советских властей, а также статьи в периодической печати, большинство из которых имеет ярко выраженный публицистический характер, так как в них практически не использовались архивные материалы. Основной упор делался на показ репрессивного характера советского режима в республике в отношении местного населения.

В то же время появляются и статьи научного характера, в которых широко использованы архивные данные. Это прежде всего публикации Б. Цилевича, О. Щипцова[25]. Авторы стараются с новых позиций подойти к характеристике политики Центра в отношении населения республики.

В статье Б. Цилевича рассматриваются социально-политические процессы в Латвии в 40-60-е годы. Он указывает, что в те годы «социальная база для ожесточенной политической конфронтации по вопросу об отношении к советской власти в республике на уровне гражданской войны внутри латышского населения была налицо. Поэтому политика Центра в данной ситуации оставалась довольно жесткой ко всему населению, не особо разбираясь в том, кто прав, а кто виноват, так как главной ее задачей было не только выживать в такой обстановке, но и нормально функционировать»[26].

Современная латышская историография по данной проблеме второй половины 90-х годов на данный момент в основном представлена работами на латышском языке, недоступными автору вследствие незнания языка.

Итак, завершая историографический обзор имеющейся в наличии литературы по теме, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, данная тема не подвергалась системному изучению в историографии. Во многих работах рассматривались лишь отдельные моменты. Кроме того, как советская, так и зарубежная историография грешат односторонними взглядами на данную проблему. Во-вторых, ее научное изучение началось только с начала 90-х годов нашего века,

[19] *Lieven A.* Latvia: The path to independance. London. 1974. P. 3–314.

[20] Мы в Латвии. Рига, 1989. С. 3–278.

[21] Латвия за годы Советской власти. Рига. 1987. С. 3–255.

[22] Интеллигенция в политической истории 20 в. М., 1988. С. 3–302.

[23] Указ. соч. С. 93–94.

[24] *Трускиновская Д.* Письма из Латвии // Дружба народов. 1995. № 8. С.152–162.

[25] *Щипцов О.Д.* Записки депутата.// Горизонт. 1996. № 3. С. 23–31.

[26] *Цилевич Б.* Альтернатива // Родник. 1998. № 6. С. 56–67.

следовательно, данная тема еще недостаточно изучена в отечественной историографии. Кроме того, очень важно, чтобы современная историография по этой проблеме вышла за рамки литературы малых форм (газетные и журнальные публикации) и обогатилась трудами обобщающего монографического характера.

Учитывая сложность и недостаточно большую разработанность данной проблемы, географические рамки охватывают только территорию бывшей Латвийской ССР. Выбор именно этого региона в качестве объекта исследования обусловливает тот факт, что некоторые современные латышские исследователи выделяли Латвию как республику, которая «в меньшей степени была «заражена» духом антисоветизма», и, следовательно, рассматривали репрессивную политику Центра в отношении населения, обвиненного в нелояльном отношении к советской власти, как «слишком жесткую и бессмысленную, так как большинство латышей выступали не против советской власти, а против антигуманного характера принятых директивными советскими органами решений»[27].

I. Политика депортаций латышского населения в первой половине 1940-х годов

Со времени ввода в Латвию советских войск в июне 1940 года в официальных документах, в печати, на всевозможных собраниях все чаще и настойчивее звучали призывы к безжалостной «борьбе с вредительством». Уже 23 июня министр внутренних дел «народного правительства» республики, известный писатель Вилис Лацис, заявил: «Важнейшая задача, стоящая перед министерством внутренних дел, – это окончательно и решительно очистить государственный аппарат от реакционного элемента и врагов народа»[28].

Директивные указания – как обращаться со всеми этими «врагами народа» – 21 июля дал сталинский эмиссар в Латвии А.Я. Вышинский в своем обращении к манифестантам в Риге. Он сказал: «Советский народ – это новый Мессия, который несет в старый мир новое слово коммунистической правды... Но это слово коммунизма... надо уметь отстаивать... не останавливаясь перед тем, чтобы нанести сокрушительный удар врагу, который посмеет посягнуть на благо нашего социалистического народа».[29] Подобные призывы содержались и в воззвании «Повысить классовую бдительность» первого секретаря ЦК КПЛ Я.Калнберзиньша-Закиса.

[27] *Карклиньш Р.* Национальные отношения в СССР: перспектива снизу. Рига, 1994. С. 5–357.

[28] *Риекстиньш Я.* Начало сталинских репрессий в Латвии // Даугава. 1992. № 1. С. 139.

[29] Там же. С. 140.

После подобных предсказаний и «выводов» уже летом 1940 г. была начата повсеместная охота за «врагами народа» и другими «классово отчужденными элементами», их розыск и учет. Так, например, «был составлен список офицеров всех бывших айзсаргских полков, который 25 ноября 1940 г. был заверен генерал-майором Архипчиковым»[30]. Во всех городах и уездах составлялись списки всех бывших владельцев заводов, фабрик, прочих предприятий, торговцев, домовладельцев, держателей вкладов, а также других «эксплуататоров» и « неблагонадежных элементов». Например, «в Бауском уезде в феврале 1941 года был составлен обширный список “кулаков” и “спекулянтов”, а также работающих в «Бауском уисполкоме айзсаргов или лиц, состоявших в других фашистских организациях». Против каждой фамилии стояли пометки: «айзсаргс» (член военизированной организации «Айзсаргов» («Охранников»), главной задачей которой являлось исполнение полицейских функций), «яунсаргс» (член молодежной националистической организации) , «член крестьянского союза», «член национальной лиги женщин» и др.[31].

Указом Президиума Верховного Совета СССР в феврале 1941 года Народный комиссариат внутренних дел СССР был разделен на два ведомства – Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат государственной безопасности. Наркомом внутренних дел был назначен Л.Берия, наркомом госбезопасности – В. Меркулов. В Латвии в свою очередь наркомом внутренних дел стал А. Новикс, а наркомом госбезопасности – С. Шустин. Оба наркомата при активной поддержке советских и партийных органов приступили в этот период к подготовке широкой акции против граждан Латвии. Многие документы неоспоримо свидетельствуют, что независимо от того, встретила бы советская власть сопротивление или нет, аресты и депортация жителей Латвии были заранее предопределены. Например, Народный комиссариат внутренних дел СССР уже загодя подготовил приказ № 001223 «О процедуре депортации антисоветских элементов в Литве, Латвии и Эстонии»[32], а 14 мая 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР принято постановление «О высылке социально чуждых элементов из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии»[33]. На этом основании работники комиссариата государственной безопасности составили списки подлежащих высылке граждан Латвии и создали особые оперативные группы. «В списках подлежащих высылке

[30] *Станчинский Г.А.* Русские и балты. СПб., 1994. С. 124.

[31] Под маской независимости // Известия ЦК КПСС. 1990. №11. С. 114.

[32] Инструкция № 001223...// Радуга. 1994. № 11. С. 49–53.

[33] Директива о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики...// Указ. соч. С. 214.

«кулаков» Бауского уезда указывались только главы «кулацких» семей, а в Лиепайском уезде в подобные черные списки были внесены все члены «кулацких» семей, указывались сборные пункты высылаемых и имена начальников оперативных групп. Также были подготовлены и соответствующие «инструкции» о реализации имущества депортируемых»[34]. На местах создавались специальные комиссии, производившие проверку квартир и имущества, брали на учет все имущество высланных, подлежащее изъятию в доход государства, и обеспечивали охрану и сохранность этого имущества до его реализации. По составлении списков «неблагонадежных граждан» были разработаны инструкции по отчуждению имущества. Так, в «Инструкции о порядке и сроках проведения описи ценностей у бывших владельцев, врагов народа, ростовщиков и прочих нетрудовых элементов» говорилось: «Что подлежит описи? Описи подлежат все ценности и вещи, излишние в домашнем обиходе, а именно: изделия из благородных металлов – платина, золото, серебро, валюта, часы, украшения, хрусталь. Художественные картины, ковры, мебель, музыкальные инструменты, разные машины, продукты свыше месячного запаса, книги и т. д.

Примечание: описи не подлежит:

2 пары обуви летней на каждого члена семьи.

2 пары обуви зимней на каждого члена семьи.

4 летних и 2 зимних платья на каждую женщину.

3 летних и 3 зимних костюма на каждого мужчину.

По одному пальто на каждого члена семьи.

Белье по 6 смен на каждого члена семьи.

Самая необходимая кухонная утварь.

Инструменты, книги, спец. одежда, необходимая для профессиональной деятельности.

Продовольствие до 1 месячного запаса.

Разные тряпки, коробки, ящики, не представляющие особой ценности»[35].

Таким образом, было предусмотрено все – что отнять, что оставить, как использовать. Так же подробно были спланированы и сами депортации населения Латвии.

Впервые выселение людей из Латвии и отправка их, как правило, в малообжитые и отдаленные районы СССР на поселение были произведены в 1940–1941 гг. Такая участь постигла в первую очередь бывших помещиков, фабрикантов, крупных торговцев и прочих, как тогда говорили, классово чуждых с семьями. Наиболее крупная довоенная депортация была осуществлена в середине июня 1941 года. Эта

[34] *Земсков В.Н.* Некоторые данные о спецпоселенцах-прибалтах // Радуга. 1990. № 9. С. 56.

[35] Латвия за годы Советской власти. Рига. 1987. С. 143

депортация проводились в соответствии с Директивой о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии[36], в основе которого было Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. о «категориях лиц, подлежащих выселению по этой директиве». В соответствующей документации НКВД в графе «По какому постановлению выселены» записано: «Выселение произведено по распоряжению товарища БЕРИЯ от 14.06 1941 года, данного им в соответствии с указанием Правительства»[37] (это «распоряжение товарища БЕРИЯ» касалось Латвии, Литвы, Эстонии и Молдавии).

Акция по депортации 14 июня 1941 года проводилась во всех уездах Латвии. Янис Риекстиньш в статье «Начало сталинских репрессий в Латвии» приводит донесение Тукумского уездного комитета Центральному комитету КП(б)Л от 18 июня 1941 года о проведении насильственной депортации в уезде: « Подготовкой, организацией и проведением операции, составлением оперативного плана руководила уездная пятерка, в составе: начальника УГБ тов. Лейман, уполномоченного НКГБ ЛССР тов. Колтина, уполномоченного НКВД тов. Васенкова, секретаря уездного комитета КП(б)Л тов. Мазецис и уполномоченного ЦК КП(б)Л и СНК ЛССР тов. Белоглазова:

Оперативная пятерка проводила операцию по заранее разработанному списку, строго согласованному и применительно к условиям уезда. Были созданы оперативные группы по 4-5 человек каждая, назначены старшие групп, проинструктированы, вручены дела на всех подлежащих аресту и дополнительно даны указания опергруппам об особенности ареста в каждом отдельном случае.

Сама операция была начата в 12 часов ночи с 13.06.41 г. на 14.06.41 г. одновременно по городу и волостям уезда.

Подлежало изъятию – глав семей – 148 человек

Изъято глав семей – 131 человек

Изъято членов семей – 318 человек

Бежало и скрылось от ареста – 11 человек

Уехало в Ригу(не оказалось на месте) –4 человека.

Уехало в Елгаву (не оказалось на месте) – 1 человек.

Больной –1 человек.

Операция в основном была закончена: по городу – в 6 час. утра, а по волостям уезда в отдельных случаях затянулась до 6-8 часов вечера 14.06.41 г. Сам эшелон (вагоны) с изъятыми был задержан и простоял около 2 суток на ст. Тукумс-2.

[36] Директива о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики...// Указ. соч. С. 214.

[37] *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 57

Отрицательные стороны проведения операции:

Каждая оперативная группа имела задание на арест 4-5 семейств, расположенных на разных расстояниях усадьбы от усадьбы, что создавало некоторые затруднения в ускорении работы и сохранении конспирации.

Высланная в помощь уезду из Риги рабочая гвардия – 25 чел. – прибыла на место на 3 часа позднее начала операции, в силу чего они не были полностью использованы на оперативной работе.

Старшие оперативных групп НГБ также прибыли из Риги до начала операции за 1-2 часа, поэтому они не смогли хорошо ознакомиться с материалом и обстановкой на месте.

Таким образом, аппарат УОНКГБ, НКВД из учтенных 1800 человек айзсаргов, бывших полицейских и др. антисоветского элемента оформили по изъятию их только 131 чел»[38]. Слабость работы этих отрядов объясняется их неопытностью в руководстве, неукомплектованностью штата и отсутствием опытного оперативного состава работников.

Надо сказать, что таким же образом акция по депортации населения проводилась и в других уездах Латвии. В одном секретном документе того времени упоминались о проведении в тот день всего 54 акций по загрузке людей в 661 вагон. «В Лиепае для высылаемых предусматривалось 40 вагонов, в Елгаве – 31, в Вентспилсе – 26, Гулбене – 17, Тукумсе – 23, Крустпилсе – 17, Даугавпилсе – 24, Резекне – 16, Лудзе – 14, Мадоне – 14, Валке – 12, Скрунде – 14, Салдусе – 11, Калвене – 8, Дурбе – 3, Приекуле – 6, Вайнеде – 4, Добеле – 5, Ауце – 7, Аури – 2, Мейтене – 3, Угале – 4, Дундаге – 9, Стенде – 11, Джуксте – 2, Руйене – 2, Алое – 4, Пабажи – 2, Сунтажи – 4, Валмиере – 5, Цесисе – 10, Сигулде – 7, Пиебалге – 7, Балви – 6, Жигури – 6, Абрене – 6, Лиелварде – 3, Скривери – 2, Гарозе – 1, Вецумниеки – 12, Даудзеве – 9, Краславе – 3, Индре – 3, Ливаны – 3, Ницгале – 3, Эглайне – 6, Гриве – 5, Вараклянах – 9, Зилупе – 8, Аглоне – 3, Вишки – 2, Иецаве – 18, Бабите – 3 и в Риге – 185»[39].

Всего 14 июня 1941 года из Латвии в Сибирь и на Урал «было насильно вывезено 14 693 человека. В первую очередь были депортированы бывшие «офицеры царской армии и буржуазной армии Латвии (380 чел.), руководящие кадры буржуазных правоохранительных органов (601 чел.), активисты бывших правых партий и участники антисоветских организаций (2329 чел.), крупные владельцы

[38] *Риекстиньш Я.* Начало сталинских репрессий в Латвии // Указ. соч. С. 141–142.

[39] *Голдманис Ю.И.* Указ. соч. С. 203–204.

частной собственности и высшие чины бывшего госаппарата (1240 чел.), а также служители католической церкви (921 чел.)»[40].

В то же время высылке подверглись люди, против которых не было необходимости применять такую чрезвычайную меру. «Среди депортированных было 5154 женщины и 3225 детей»[41]. Совершенно неоправданной была депортация членов семей арестованных или высылаемых.

Еще в начале акции мужчин отделили от семей и послали на каторжные работы, по сути дела – в лагеря смерти, а женщин и детей – на так называемое спецпоселение – в Сибирь, на Урал, на Крайний Север, Дальний Восток и в другие районы.

Дела граждан Латвии, арестованных и заключенных в различные лагеря в 1940–1941 году, были «рассмотрены» только в 1942–1943 гг. Мотивы приговоров были однообразными – «кулацкое происхождение», «состоял в айзсаргах», «воевал против большевизма», «служил в полиции», «использовал наемную рабочую силу» и т. д. Значительное число депортированных погибло в пути от голода и болезней. Часть детей, выселенных 14 июня 1941 года, вернулись на родину в 1946–1947 гг., но многие из них в конце сороковых и в начале пятидесятых были вновь высланы в прежние места «спецпоселения». Оставшиеся в живых мужчины и женщины смогли вернуться в Латвию лишь в середине пятидесятых годов, а некоторые даже позже.

Латышский историк Б. Цилевич считает депортацию 1940–1941 года «началом политики геноцида против латышского народа, продолжившейся после Второй мировой войны и развернувшейся тогда с новой силой и с еще более широким размахом»[42].

II. ДЕПОРТАЦИИ ЛАТЫШЕЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945-1950)

Послевоенные депортации советское руководство также связывало непосредственно с деятельностью в годы войны и после нее антисоветского подполья и националистических организаций различной политической окраски, поддерживавших фашистский режим. Наиболее активными были профашистские организации «Перконкрустс» (Громовой Крест), «Айзсарги» (Охранники), КОЛА (Боевая организация освобождения Латвии), ЛНЛ (Латвийский национальный легион), «Ванаги» (Соколы) и др. Общим для всех этих организаций было культивирование идеи национальной исключительности и восстановления национальной независимости Латвии.

[40] Мы в Латвии. Рига, 1989. С. 232.

[41] *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 59

[42] *Цилевич Б.* Альтернатива // Указ. соч. С. 47.

Выселение из Латвии после войны в 1945–1949 гг. проводилось на основании следующих директивных распоряжений: телеграфное распоряжение НКВД СССР от 16 июня 1945 г., директива МВД СССР от 10 декабря 1946 г. и приказ МВД СССР от 18 декабря 1946 г. о выселении из Латвийской ССР членов семей главарей и активных участников банд; постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. о выселении из Латвийской, Литовской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов[43]. В момент прибытия на спецпоселение было учтено 152 543 человека (без умерших и бежавших во время транспортировки), выселенных по этим распоряжениям из Прибалтики в 1945–1949 гг., из них примерно 40 тыс. латышей[44].

Пожалуй, из всех слоев населения эта акция наиболее жестоко затронула крестьянство. Волна депортаций 22–27 мая 1948 г., 25–28 марта и 11 апреля–3 мая 1949 г., 31 августа–1 октября 1950 г. официально была направлена против всех крестьян, не желавших вступать в колхозы. Председатель одного из крупных латышских колхозов В. Кронсберг вспоминал: «Милиция с автоматами загоняли людей в холодные помещения, без пищи держала там три дня: записывайся в колхоз, иначе в Сибирь поедешь. А ночью приходят « лесные братья» за хлебом, тоже стучат винтовками, грозят: пойдешь в колхоз – убьем»[45]. Так, деревня Клепочай Вентспилского уезда за отказ вступить в колхоз была полностью депортирована.

О массовости депортаций свидетельствует то, что за послевоенные годы из Латвии было депортировано 30 тыс. семей. По неполным данным, было вывезено: крестьян – 2188, крестьянок – 1474, 27 агрономов и 149 других лиц, занятых в сельском хозяйстве»[46].

На спецпоселенцев-латышей распространялось действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»[47], установившего меру наказания за побег со спецпоселения – 20 лет каторжных работ. Этот Указ был отменен 13 июля 1954 г.

В летне-осенний период количество побегов было несравнимо больше, чем в зимне-весенний. Например, «с 1 января по 31 октября 1948 г. со спецпоселения бежали 424 латыша, выселенные в 1945-1948 гг., из них за январь–апрель – 47, в мае – 9, июне – 39, июле – 86, августе – 111, сентябре – 91 и октябре – 41 человек»[48].

[43] Латвия: новые флаги // СССР: демографический прогноз. М., 1990. С. 533.

[44] Там же. С. 534.

[45] *Кронсберг В*. Воспоминания. Рига, 1976. С. 59–60.

[46] *Станчинский Г.А*. Русские и балты. Спб., 1994. С. 131.

[47] *Щипцов О.Д.*Записки депутата // Указ. соч. С. 23.

География расселения латышей была обширной, но в основном это Урал и Сибирь (см. табл. 1)[49].

Таблица 1

Расселение находившихся в наличии спецпоселенцев-прибалтов, выселенных в 1945–1949 гг. (по состоянию на 1 января 1953 года)

Территории	Всего	Литовцы	Латыши	Эстонцы
Иркутская обл.	40 480	38 355	58	2 067
Красноярский край	35 319	29 137	27	6 155
Омская обл.	21 177	-	19 583	1 594
Томская обл.	16 625	2 356	14 240	29
Новосибирская обл.	9 187	3	4	9 180
Амурская обл.	4 949	-	4 949	-
Бурят-Монгольский край.	3 828	3 828	-	-
Пермская обл.	2 021	2 021	-	-
Свердловская обл.	1 328	1 314	14	-
Тюменская обл.	1 195	1 195	-	-
Хабаровский край	757	748	9	-
Коми АССР	721	721	-	-
В исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и на спецстройках МВД	499	305	-	194
Кемеровская обл.	119	116	3	-
Якутская АССР	96	80	3	13
Алтайский край	14	-	13	1
Другие области, края и республики	22	10	8	4
ИТОГО:	138 337	80 189	38 911	19 237

Кроме того, к прибалтийскому контингенту спецпоселенцев можно отнести и выселенных в 1950 году из Псковской области (по постановлению Совета Министров СССР от 29 декабря 1949 г. о выселении кулаков, семей бандитов, националистов и репрессированных бандпособников[50]). После вступления в 1940 году Латвии и Эстонии в состав СССР и уточнения границ с РСФСР некоторые районы этих республик с преобладающим русскоязычным населением отошли к Псковской области. Отсюда-то в 1950 г. и происходило выселение (среди выселенных было много латышей и эстонцев).

Латыши были и в составе такого контингента спецпоселенцев, как «иеговисты» (члены религиозной секты иеговистов, выселенные в 1951 г. из Прибалтики

[48] Там же. С24.

[49] *Земсков В.Н*. Некоторые данные о спецпоселенцах-прибалтах. С. 58.

[50] *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 59.

и других республик), а также в составе некоторых других контингентов (например, среди немцев). Немцы-спецпоселенцы, насчитывавшие 1,2 млн человек, делились на пять подконтингентов: «выселенные», «репатриированные», «местные», «мобилизованные», «другие». В подконтингент «другие» входили лица других национальностей, выселенные вместе с немцами. Так, «в марте 1949 г. у немцев-спецпоселенцев численность подконтингента «другие» составляла 1 721 человек, куда среди прочих входили и 104 латыша»[51].

Происходившее в середине 50-х гг. массовое освобождение из спецпоселений, естественно, коснулось и латышей, хотя в отношении их, как и остальных прибалтов, в отличие от калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар и др., в 1954–1957 гг. не было специальных решений. Однако с июля 1954г. по март 1958 г. был принят целый ряд постановлений Совета Министров СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР о снятии с учета спецпоселений у всех контингентов, включая прибалтов, следующих лиц: участников ВОВ и лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза; женщин, вступивших в брак с местными жителями; одиноких инвалидов и лиц, страдающих неизлечимым недугом; преподавателей учебных заведений; лиц, выселенных за пособничество фашистским оккупантам (кроме пособников националистического подполья); избранных в местные Советы депутатов трудящихся, в состав профсоюзных и комсомольских органов и находившихся на их иждивении членов семей; лиц, которым к моменту выселения на спецпоселение не было 16 лет, и др.

«К 1 июля 1957 г. численность прибалтийского контингента спецпоселенцев послевоенного выселения сократилась до 62 527 человек, из которых латышей осталось 5 387 человек, соответственно литовцев и эстонцев – 51 217 и 5 923 человек, а к 1 января 1958 г. – до 43 108 человек (35 633 литовца, 3 314 латышей и 4 161 эстонец)[52]. Оставшиеся в начале 1958 г. латышские спецпоселенцы подразделялись на «пять групп:

- бандиты и националисты – 646;
- члены семей бандитов и националистов – 1 080;
- пособники бандитов и националистов – 109;
- члены семей пособников – 235;
- кулаки-националисты с семьями – 1 244»[53].

В свою очередь спецпоселенцы группы «члены семей бандитов и националистов» подразделялись на пять подгрупп(см. табл. 2)[54].

[51] *Крупников П.Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989. С. 310.

[52] *Станчинский Г.А.* Указ. соч. С. 147–148.

[53] *Станчинский Г.А.* Указ. соч. С.150–152.

[54] Там же. С. 154.

Таблица 2

Спецпоселенцы – члены семей бандитов и националистов (на 1 июня 1958 г.)

№№п/п	Всего	Литовцы	Латыши	Эстонцы
Члены семей лиц, убитых при ликвидации банд.	404	340	30	34
Члены семей отбывающих наказание в лагерях, колониях и тюрьмах или осужденных к высшей мере наказания.	954	634	244	86
Члены семей освобожденных из лагерей, колоний и тюрем и проживающих вместе с семьями на спецпоселении.	2 252	1 462	601	189
Члены семей находившихся на нелегальном положении.	415	636	25	27
Члены семей бандитов и националистов, местонахождение которых неизвестно.	1 942	1 701	113	128
ИТОГО:	5 967	4 490	1 013	464

Когда в январе 1958 г. в Москве решался вопрос о снятии с учета спецпоселений пособников бандитов и националистов, брались в расчет предложения министров внутренних дел союзных республик. Так, министр внутренних дел Эстонской ССР И.Я. Ломбак считал, что «пособников националистов и членов их семей надо освободить из спецпоселений и запретить им возвращаться только в те районы, откуда они выселялись, и в режимные города, разрешив им приезжать в другие районы республики»[55]. В то же время министр внутренних дел Латвийской ССР И.Д.Зуян заявил, что , по его мнению, «этих лиц надо снять с учета спецпоселений и не запрещать им возвращаться в места прежнего жительства»[56].

В конечном итоге Москва приняла «соломоново решение»: она стала фиксировать в соответствующих постановлениях и указах об освобождении спецпоселенцев – пособников националистов и других лиц одновременно и запрещение возвращаться им в те места, откуда они были выселены, и разрешение возвращаться туда по решениям местных органов власти. Именно таким был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 г. о снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев[57]. Таким образом, в сентябре 1958 г. оставшиеся на спецпоселении латыши послевоенной депортации делились на две группы: «бандиты и националисты» – 502 латыша и «члены их семей» – 967 латышей[58].

Последнее крупное освобождение спецпоселенцев-прибалтов произошло в январе 1960 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1960 года[59]. Не-

[55] Латвия на грани эпох. Рига, 1987. С.68.

[56] Там же. С. 69.

[57] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 г. // Радуга. 1990. № 9. С. 61.

[58] *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 59.

[59] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1960 г. // Радуга. 1990. № 9. С. 61–62.

смотря на то, что возвращение в места прежнего жительства допускалось только с разрешения местных органов власти, на практике для освобожденных спецпоселенцев-прибалтов запретительная часть указов Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 г. и от 7 января 1960 г.[60] не была большой помехой при решении вопроса о возвращении в Прибалтику, так как Советы Министров Латвийской, Литовской и Эстонской ССР обычно удовлетворяли соответствующие просьбы бывших спецпоселенцев – латышей, литовцев и эстонцев. К тому же самовольно возвратившиеся, как правило, не подвергались преследованиям со стороны местных органов власти в Прибалтике.

Итак, можно заключить, что мероприятия по выселению латышских граждан являлись чрезвычайной мерой и обусловливались сложившейся внешней и внутриполитической обстановкой, деятельностью различных профашистских организаций и значительным количеством лиц, выступавших против Советской власти, вплоть до совершения террористических актов в отношении партийного и советского актива, а в послевоенный период и вооруженными выступлениями националистических бандформирований. Как свидетельствует анализ архивных материалов, «в 1941–1956 гг. в Латвии бандформированиями совершено 2426 вооруженных нападений. Убито советских активистов – 1125 человек, 963 ограбления государственного, кооперативного и личного имущества, 21 нападение на волисполкомы, 18 диверсий»[61]. Как отмечал председатель Комитета государственной безопасности СССР в 1985 году В. Чебриков: «Что касается предложения ЦК Компартии Латвии о признании неправомерными решений союзных инстанций о депортациях в 40–50-х годах, то одновременная реабилитация всех категорий высланных была бы неоправданной, поскольку значительное число лиц, подвергшихся выселению, активно боролось против советской власти»[62].

Однако в процессе осуществления мероприятий по выселению имели место факты грубых нарушений – необоснованные аресты ряда граждан, преувеличенная оценка их социальной опасности. Но в течение 60–80-х годов по ходатайствам граждан часть дел на лиц, арестованных и высланных из республики, была пересмотрена, и они были полностью реабилитированы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Включение Латвии под угрозой применения силы в состав СССР создало правовую и мотивационную основу оппозиционного поведения латышского

[60] Там же. С. 61–62.

[61] Там же. С. 59.

[62] *Карклиньш Р.* Национальные отношения в СССР: перспектива снизу. Рига, 1994. С. 157.

населения по отношению к советскому руководству в республике. Но, с другой стороны, советское руководство ориентировалось в своей деятельности среди местного населения прежде всего на силовые приемы, а не на удовлетворение его потребностей. Следовательно, сама дальнейшая политика Центра в Латвийской ССР способствовала росту недовольства и националистической отчужденности некоторых слоев и групп населения, так как специфической чертой проводимого советской властью политического курса являлось жесткое подавление любых форм оппозиции всеми возможными методами и средствами.

В общем итоге двух кампаний массовых депортаций в 40-х – первой половине 50-х годов, а также в результате последующей репрессивной политики советского руководства в отношении латышского населения республика лишилась лучших представителей интеллектуальной элиты, многих политических лидеров и лучших работников.

Таким образом, социально-политическая конфронтация, вызванная сложившимися условиями как в ходе Второй мировой войны, так и в последующие годы (50-е – первая половина 80-х гг.), трагически отразилась на судьбе населения Латвийской ССР. Ее рецидивы в виде вооруженной политической борьбы против сталинских репрессий, диссидентства и других явлений сопротивления репрессивному курсу советского руководства в республике запечатлелись в общественном сознании и стали питательной почвой для возникновения во второй половине 80-х годов нашего века освободительного движения в республике против административно-бюрократической системы и за восстановление национального суверенитета Латвии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Источники

1. Директива о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 214.

2. Инструкция № 001223 относительно способа проведения депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии // Радуга. 1994. № 11. С. 49–53.

3. Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 219–220.

4. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР. // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 221-222.

5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 г.// Радуга. 1990. № 9. С. 61.

6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1960 г. // Радуга. 1990. № 9. С. 61–62.

7. Полпреды сообщают... М., 1990.

8. *Калнберзин Я.Э.* Воспоминания. Рига, Лиеспа. 1981. 156 с.

9. *Кронсберг В.* Воспоминания. Рига, Аугус. 1976. 160 с.

10. *Мунтерс В.* Воспоминания. Рига, Лиеспа. 1984. 234 с.

11. *Стронг А.Л.* Ссылка из Латвии. Рига, Авотс. 1986. 211 с.

12. *Трускиновская Д.* Письма из Латвии // Дружба народов. 1995. № 8. С.152–162.

13. *Щипцов О.* Записки депутата.// Горизонт. 1996. № 3. С. 23–31.

2. Литература

1. *Голдманис Ю.И.* Борьба КП Латвии против буржуазного национализма... Рига, Прогресс. 1962. 234 с.

2. *Земсков В.Н.* Некоторые данные о спецпоселенцах-прибалтах. // Радуга. 1990. № 9. С. 56–62.

3. *Карклиньш Р.* Национальные отношения в СССР: перспектива снизу. Рига, Инсайт. 1994. 357 с.

4. Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М., Издательство политической литературы. 1974. 495 с.

5. *Крупников П.Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, Лиеспа. 1989. 318 с.

6. Латвия за годы Советской власти. Рига, Талси. 1987. 255 с.

7. Латвия на грани эпох. Рига, Даугава. 1987. 137 с.

8. Латвия: новые флаги // СССР: демографический прогноз. М.: Прогресс. 1990. С. 511–533.

9. Ленинская национальная политика в действии. М.: Наука. 1976. 275 с.

10. Мы в Латвии. Рига, Авотс. 1989. 278 с.

11. Под маской независимости // Известия ЦК КПСС. 1990. №11. С.112–124.

12. *Риекстиньш Я.* Начало сталинских репрессий в Латвии // Даугава. 1992. № 1. С. 139–146.

13. *Станчинский Г.А.* Русские и балты. СПб., 1994.

14. *Цилевич Б.* Альтернатива // Родник. 1998. № 6. С. 56–67.

15. *Юсуповский А.М.* Поиски новых подходов к решению национальных проблем: уроки истории. М.: Мысль.1990. 456 с.

16. *Lieven A.* Latvia: The path to independance. London. Rainbow. 1974. P. 314.

17. *Romuald J.* The Baltic States years of dependance. Berkely, Salts. 1973. P. 306.

Защита прав человека в Российской Федерации

Второй конкурс, 2001 год

Зоя Соловьева[1]

Первая премия

Свободные БОМЖи свободной страны

«Лицо без определенного места жительства» – термин, перешедший из милицейских протоколов советской эпохи в повседневный язык граждан новой свободной России.

Бывшие заключенные, выпускники детских домов, не обеспеченные жильем; беженцы; люди, потерявшие жилье в результате обмана или сознательно продавшие квартиру и не нашедшие нового жилья; утратившие прописку по различным причинам, но живущие в удовлетворительных условиях у своих друзей или родственников; оказавшиеся на улице в связи с конфликтом в семье – все они попадают в одну категорию «БОМЖ», но не многие получают шанс из нее выйти. Способ, который государство и его граждане выбирают для решения проблемы бездомности, может служить важным индикатором экономических и политических изменений, происходящих в стране, и их соответствия декларациям о демократизации и либерализации общества.

Целью этой статьи является рассмотрение различных аспектов нарушения прав бездомных в России: дискриминация в законодательстве, публичном дискурсе и повседневной жизни. Материалом для нее стали законодательные акты Российской Федерации, публикации благотворительных организаций, оказывающих помощь бездомным, а также результаты полевого исследования, проведенного автором в общественной благотворительной организации Санкт-Петербурга «Ночлежка» в 1999–2000 гг.

Политика государства в отношении лиц БОМЖ

Одним из важнейших прав человека является право на свободу передвижения и выбор места пребывания и места жительства. Это право гарантировано основными международными документами в области прав человека, участницей которых является Россия. В частности, статья 13 Всеобщей декларации прав человека 1948 года гласит[2]:

[1] Зоя Соловьева – аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге, факультет политических наук и социологии.

[2] Право на свободу передвижения также гарантируется ст. 2 Протокола №4 к Европейской конвенции о правах человека, ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года.

«1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну[3]».

Статья 27 Конституции РФ также гарантирует право каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, свободно передвигаться, выбирать место пребывания и место жительства. Впервые это право было закреплено в новой Конституции 1993 года новой либеральной России.

Закон 1993 года «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» впервые в российской законодательной практике установивший уведомительный, а не разрешительный порядок выбора места жительства, содержит важное положение, согласно которому «регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией РФ, законами РФ, Конституциями и законами республик в составе РФ»[4].

Однако этот закон систематически нарушается. Жертвами нарушений становятся как лица без определенного места жительства, не имеющие прописки или вида на жительство в России (в том числе беженцы, бывшие жители союзных республик, которые по разным причинам не имеют российского гражданства), так и фактические бездомные, большая часть которых не имеет документов, удостоверяющих личность и наличие регистрации.

Начало бесплатной приватизации жилья и отсутствие реальной защиты прав новоиспеченных собственников; стремительный рост доли населения, находящейся за чертой бедности, и одновременно появление риэлтеров, готовых «увеличить» благосостояние малоимущих граждан в обмен на жилплощадь; а также образование новых независимых государств, а с ними и потоков беженцев и экономических иммигрантов, не имеющих российского гражданство и перспектив его получения, – все это привело к беспрецедентному росту численности бездомных. Неэффективная система государственного социального обеспечения и резкое сокращение объемов строительства государственного жилья в рыночных условиях лишают бездомных шансов на социальную реабилитацию и реинтеграцию в общество, из которого они оказались исключены.

[3] Всеобщая декларация прав человека, Санкт-Петербург: На Дне, 1999. С. 13–14.

[4] Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий, Москва: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. С. 162.

Численность лиц без определенного места жительства[5] в Санкт-Петербурге, как и в России в целом, неизвестна. Существует лишь примерная оценка, сделанная сотрудниками благотворительной организации «Ночлежка» в 1994 году для Петербурга – 54 тысячи человек. Эта цифра вот уже 7 лет «перекочевывает» из одной газетной публикации в другую и проскальзывает в коротких телерепортажах, посвященных проблеме бездомности. Статистики, в которой были бы отражены количество и состав лиц БОМЖ, на сегодняшний день не существует. И это вполне понятно. Зачем нужно вести учет этой категории лиц, тратить на дорогостоящую процедуру учета средства, если группа полностью исключена из сферы социальной политики государства? Гораздо проще и выгоднее сделать вид, что бездомных не существует.

Хотя с 1991 года бездомность не является уголовным преступлением и статьи 209 УК – систематическое бродяжничество и попрошайничество и 198 – нарушение правил прописки – отменены, существующее в настоящий момент российское законодательство во многом сохранило старые нормы, действовавшие в советский период и характерные еще для репрессивного уголовного кодекса 1926 года. Фактически советское законодательство и правоприменительная практика были рассчитаны на обеспечение прав человека, имеющего прописку. Прописка являлась эффективным средством контроля за гражданами и своего рода ресурсом. Наличие прописки автоматически обеспечивало бесплатное медицинское обслуживание, социальное обеспечение, право на труд и избирательное право. Утративший прописку переставал быть «человеком и гражданином» и лишался всех прав. Комментарий, составленный ведущими юристами России к Уголовному кодексу 1996 года, демонстрирует, что в официальном дискурсе бездомность и попрошайничество остаются «антиобщественными действиями»:

Антиобщественными действиями закон признает употребление спиртных напитков или одурманивающих средств, а также занятие проституцией, *бродяжничеством или попрошайничеством*. (Из комментариев к действующему Уголовному кодексу 1996 года.)

Статья 178 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях предусматривает наказание за проживание без прописки в виде предупреждения или штрафа в размере до 1/10 минимального месячного размера оплаты труда. Действующий в Санкт-Петербурге и Ленинградской области нормативный акт[6] увеличивает штраф за нарушение правил регистрации до двукратного размера оплаты труда, а при последующих взысканиях до 15–20- кратного размера.

Карательные меры советского периода сменили безразличие и полная беспомощность государственных структур решить проблему бездомности. «Зачистки» вокзалов и центральных улиц, массовый вывоз бездомных зимой за пределы города (факт, так и не признанный администрацией Петербурга, но неоднократно подтвержденный бездомными клиентами благотворительных организаций[7]), безуспешные попытки переделать приемники-распределители в Центры социальной адаптации, ужесточение паспортного режима – вот неполный список мер противоречивой политики государства в отношении бездомных.

До 1995 года статья 60 Жилищного Кодекса РФ (ч. 1 и п. 8 второй части)[8] «Сохранение жилого помещения за временно отсутствующими гражданами» позволяла выписать человека из квартиры по настоянию соседей или родственников. Жертвами законодательства становились ушедшие на военную службу, осужденные (в том числе находящиеся под следствием, которое может длиться несколько лет) и «злостные неплательщики» за коммунальные услуги. Сегодня этот пункт не действует, однако недостаток жилой площади и халатность районных администраций откладывают получение жилья для большинства возвращающихся из мест лишения свободы на неопределенный срок. В начале – середине 90-х годов бывшие заключенные составляли существенную долю фактических и юридических бездомных. Так, по данным санкт-петербургского отделения «Врачей без границ», из обратившихся в организацию в 1998 году одну треть составляли бывшие заключенные, по данным ОБО «Ночлежка», в начале 90-х их доля была

[5] Лицо БОМЖ – не имеющее официально зарегистрированного места жительства, оформленного в виде прописки или вида на жительство/

[6] «О регистрационном учете граждан на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области» (от 22.11.93)/

[7] В 1998 году общественная благотворительная организация «Ночлежка» (Санкт-Петербург) устраивала пресс-конференцию, целью которой было привлечение внимания общественности к вопиющему акту нарушения прав человека, а именно вывозу бездомных с вокзала за пределы города. Большинство вывозимых не имело теплой одежды и обуви, часть находилось в состоянии алкогольного опьянения. Акция проходила в холодное время года, и многие жертвы получили обморожение. Губернатор так и не взял на себя ответственность за проведенное мероприятие.

[8] По решению Конституционного суда РФ от 23.06.95 часть 1 и пункт 8 второй части статьи 60 ЖК РФ утратили силу. Положения части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР, допускающие лишение гражданина (нанимателя жилого помещения или членов его семьи) права пользования жилым помещением в случае временного отсутствия, были признаны не соответствующими статьям 40 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а положение пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР – также статьям 19, 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации. Временное отсутствие гражданина (нанимателя жилого помещения или членов его семьи), в том числе в связи с осуждением к лишению свободы, само по себе не может служить основанием лишения права пользования жилым помещением. http://www.pravo.org.ru/laws/jp/mur.htm (on-line 1.05.01)

существенно выше, в конце 90-х значительно увеличилась категория бездомных, потерявших жилье в связи с махинациями с недвижимостью. Работа по предоставлению жилья бывшим заключенным единственной категориилиц БОМЖ, которой занимается государство, – на данный момент остается крайне неэффективной[9].

Помощь бездомным в России оказывают преимущественно международные благотворительные организации: «Врачи мира», «Врачи без границ», религиозные организации – «Армия Спасения», «Каритас», «Мальтийский орден» (Maltese Knights Social Services) и неправительственные организации, также существующие при поддержке иностранных фондов. Спектр деятельности перечисленных организаций довольно широк – от бесплатных столовых и раздачи гуманитарной помощи (еды и одежды) до социальных и юридических консультаций.

Государство также постепенно включается в эту работу. Так, в Петербурге в 1997 г. был открыт Городской пункт учета лиц без определенного места жительства. Его деятельность заключается в восстановлении утерянных документов, помощи в оформлении и получении пенсии и медицинского полиса, сотрудники пункта проводят юридические консультации. Взаимодействуя с другими государственными организациями, пункт способствует устройству бездомных в дома престарелых и инвалидов, оказывает содействие в получении жилья. Однако организация оказывает помощь исключительно имевшим ранее прописку в Санкт-Петербурге.

В феврале 2001 г. было принято распоряжение губернатора Санкт-Петербурга «О создании в административных районах Санкт-Петербурга домов ночного пребывания для граждан без определенного места жительства». Однако получить место в таком доме смогут лишь проживавшие раньше не менее двадцати лет в Петербурге (Ленинграде)[10].

Международные правозащитные организации – о нарушении права на свободу передвижения и выбор места жительства в России

Международные организации, наблюдающие за соблюдением прав человека во всем мире, в том числе в России, являющейся участницей международных соглашений, рассматривают сохранившуюся в России с советской эпохи систему

[9] Независимое представление о положении в России лиц БОМЖ (без определенного места жительства – бездомных) и соответствии этого положения Международному Пакту о гражданских и политических правах, Санкт-Петербург: ЦБФ «Ночлежка», 1995. С. 7.

[10] http://smironov.spb.ru/press/zapros/about_bomg.htm (on-line 1.05.01)

регистрации, целью которой является ограничение и контроль за передвижением граждан, как дискриминационную. В качестве основного нарушителя права на свободное передвижение и выбор места жительства указываются власти Москвы и Московской области, а также южных регионов России[11].

Human Rights Watch: «Несмотря на некоторые улучшения, система гражданской регистрации, которая требует от постоянных жителей и гостей зарегистрироваться в полиции, остается в России чрезмерно сложной и дискриминационной. Несомненно то, что настоящая система регистрационных правил в Москве равносильна лицензионной системе и не основана на уведомительном принципе, зафиксированном в федеральных правилах. Эта система нарушает право на свободу передвижения, так же как и предшествовавшая ей система прописки – обязательного разрешения, которое фиксировалось (и продолжает фиксироваться) как штамп во внутреннем паспорте каждого гражданина с указанием места жительства»[12].

«Врачи без границ» (программа социальной помощи бездомным «MSF» в Санкт-Петербурге закончилась в 1999 году) неоднократно высказывали свое негативное отношение к дискриминационным правилам регистрации и нечеловеческому обращению с бездомными в России, а также к действиям городской администрации, которая своими решениями препятствует работе благотворительных организаций помощи бездомным (в частности, организации раздачи горячего питания)[13].

Существующая на сегодня система регистрации (прописки) является плодотворной почвой для развития взяточничества и вымогательства со стороны работников милиции и ответственных лиц, а также нечеловеческого отношения к людям, не имеющим прописки, и физического насилия над ними.

Создание негативного образа БОМЖа в прессе

В России сегодня доминирует дискриминационный публичный дискурс бездомности. Немногочисленные правозащитные журналисты, работающие с этой темой

[11] В Московской области распоряжениями главы администрации на физических и юридических лиц возложена обязанность приобретать лицензии на право приглашения в Московскую область иногородних специалистов и установлена стоимость лицензий – от 6 до 9 тысяч рублей за семью из 3 человек, в зависимости от близости района к Москве. Согласно Постановлению правительства Москвы, прописке подлежат только лица, уплатившие установленный Законом сбор. (Конституция, с.170.)

[12] MOSCOW: Open Season, Closed City. http://www.hrw.org/hrw/pubweb/Webcat-83.htm#P1314_171670 (on-line 3.05.01).

[13] Никифоров А. (координатор программы помощи бездомным в Москве организации «Врачи без границ») (1998), Бездомность вчера, сегодня... Завтра? // Правозащитник, № 3, http://www.hro.org/editions/hrdef/03/0303.htm(on-line 10.02.01).

(например, журналисты газеты «На Дне», «Вестника Благотворительности», «Пчелы») не в состоянии заглушить «убедительные» голоса своих оппонентов, пишущих в русле доминирующей идеологии и печатающихся в многотиражных газетах.

Анализ газетного дискурса за 1998–2001гг. и законодательства[14] позволяет описать следующие стратегии формирования негативного образа проблемы бездомности и самой проблемной группы.

1. Создание противоположных, противостоящих групп, например, «бездомные» по отношению ко всему обществу, при этом и само общество репрезентируется как однородное сообщество; группа репрезентируется как аутсайдер по отношению к основному сообществу, как носитель контр-культуры – враждебный или «исключенный», жертва структурных изменений, которая должна быть возвращена в сообщество; дискуссия строится по принципу: что «мы», домашние, должны делать с «ними», бездомными, как «мы» должны относиться к «ним»;

2. Генерализация определенных ценностей или качеств части группы на всю группу и деконструкция этой стратегии в правозащитных статьях:

Пример: «Лица БОМЖ... не желают изменять свой образ жизни, они довольны своим существованием...»[15] – из обследования лиц БОМЖ Министерства труда

«Самая малочисленная группа – это люди, для которых бездомность – жизненный выбор, однако именно они создают неприглядный образ бездомного» – координатор программы «Врачей без границ».

Наиболее часто встречающиеся генерализации: «все бездомные – это бывшие заключенные» или «все бездомные – алкоголики».

3. Выстраивание причинно-следственной связи между определенными событиями, явлениями. Например, между ростом преступности и отменой статьи, предусматривавшей уголовную ответственность за нарушение правил паспортной системы:

«В декабре 1991 года Верховным Советом Российской Федерации из Уголовного Кодекса исключена статья 198 Уголовного Кодекса РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за злостное нарушение правил паспортной системы. Отмена уголовной ответственности, малая эффективность мер административного воздействия в отношении нарушителей регистрационных правил, без проработки стабилизирующих обстановку мер, явилась одним из условий роста преступлений, совершаемых иногородними гражданами, удельный вес которых за 1994 год составил свыше 30 процентов» – из обоснования Проекта Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях».

4. Степень активности группы в определенных действиях, которым приписывается отрицательный или положительный смысл: агент (активная позиция), пациент (реципиент помощи) или объект.

Практически во всех публикациях бездомный рассматривается как пассивный реципиент помощи со стороны государственных структур и негосударственных благотворительных организаций. На мой взгляд, эта оценка позиции бездомного характерна сегодня как для НГО, так и для государственных организаций.

5. Описание группы и ситуаций в черно-белых тонах: плохие – хорошие, упрощение;

Этот прием можно проиллюстрировать статьей в газете «Смена»[16]. Факт потери городской квартиры и выселение в область описывается автором не просто как закономерный, но как вредительский в отношении жителей села. «Переселенные» в сельскую местность городские жители рассматриваются автором однозначно не как жертвы махинаций с недвижимостью, а как причина того, что в село не едут молодые специалисты (!!):

Бывшие горожане «серьезно осложняют жизнь селянам»: часть переселенных в сельские квартиры уезжает, «прихватив с собой оконные рамы и срезав линолеум. В итоге зимой возникают серьезные проблемы с отоплением многоквартирных домов. Попасть в эти квартиры невозможно, так как они приватизированы и являются частной собственностью. Поэтому в отопительный сезон в доме постоянно лопаются трубы и батареи, а местные власти ничего не могут сделать... Но некоторые люмпены предпочитают оседлость и, оставаясь в поселках пытаются заработать на выпивку или дозу». «Сегодня вся область превратилась в пресловутый 101-й километр» (автор приводит цитату из интервью с директором одной из фирм области). Тот же директор на встрече с губернатором области предложил «внести соответствующие коррективы в законодательство» (то есть восстановить

[14] Указ Б. Ельцина №1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества», 2.11.93, Постановление правительства № 1003 от 7.10. 1993 о создании домов ночного пребывания для лиц без определенного места жительства и занятий, Постановление правительства РФ №1105, от 5.11.1995, предусматривающее развитие сети учреждений социальной помощи для лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определенного места жительства и занятий: домов ночного пребывания, социальных приютов, социальных гостиниц, центров, проект Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», 23 мая 1995 года № 27.

[15] *Юликова Е. П., Новикова М.А., Маршак А.Л.* Проблемы лиц без определенного места жительства (БОМЖ) и пути их решения, Социально -бытовое обслуживание пенсионеров и инвалидов, вып. 5. Москва: ЦБНТИ Минтруда России, 1997.

[16] Питерские люмпены захватывают села. Смена, 1.09.00

отмененные ранее пункты ст. 60): «Мы испытываем сегодня острый дефицит квалифицированных кадров, прежде всего молодых специалистов. Чтобы привлечь их, нужно, прежде всего, предоставить жилье. А его занимают экс-городские алкоголики».

Плохие «люмпены» вредят хорошим «жителям села» и мешают привлечению «молодых специалистов»[17], для изменения ситуации предлагается ужесточить законодательство.

6. Идеологически нагруженный язык, используемый для репрезентации группы, например, определение бездомных: «социальные паразиты» или «жертвы экономических реформ».

Во властном дискурсе люди, исключенные из жилищных отношений, определяются практически исключительно как «лица без определенного места жительства и занятий», то есть без определенного властью места, наличие которого позволяет контролировать индивида. В правозащитным дискурсе они прежде всего «без-домные» – то есть обездоленные, лишенные дома, а с ним и возможности работать, получать образование, пользоваться медицинским обслуживанием, обеспечивать себе нормальный уровень жизни.

Перечисленные дискурсивные стратегии являются универсальными при конструировании негативной репрезентации групп-аутсайдеров или создания образа врага (виноватого), будь то бездомные, расовые, национальные или сексуальные меньшинства[18].

Стигматизация и исключение

Исключение

Существенная часть европейской дискуссии о бездомности сегодня связана с социальным исключением и группами, исключенными из общества (Avramov, 1999, Edgar et al., 1999)[19].

[17] По выборочному обследованию ОБО «Ночлежка», проведенному в апреле 2001 года, почти 20 процентов их клиентов составляют бездомные, потерявшие жилье в результате обмана и махинаций агентств недвижимости. Их жертвой чаще всего становятся беспомощные старики, инвалиды и алкоголики, нуждающиеся в лечении, не приспособленные к жизни в сельской местности. Клиенты подобных агентств часто становятся обладателями несуществующего либо непригодного для жизни жилья.

[18] См. например, *Goede De M.* Ideology in the US Welfare Debate// Discourse and Society, 1996, vol.1,No.3, p. 317–58; *Young I.* Justice and the Politics of Difference, University Presses of California, Columbia and Princeton, Princeton University Press, 1990.

[19] *Edgar B. et al*.Services for Homeless People: Innovation and change in the European Union, Bristol: Policy Press, 1999; *Avramov D. et al.* Coping with homelessness: Issues to be tackled and the best practices in Europe, Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Ashgate,1999.

В последние годы термин «социальное исключение» все больше внедряется в дискуссию о социальной справедливости в Европе. Каким бы индивидам или группам ни приписывался этот термин, ясно, что он направлен на определение более широкого круга вопросов, чем абсолютный и относительный уровень доходов и благосостояние, обычно ассоциирующиеся с дискуссией о бедности. Социальное исключение предполагает, что общество находится на таком уровне солидарности, что определенные группы населения могут систематически отторгаться. Бергман (цит. по Silbey, 1998)[20] предлагает рамку анализа, которая учитывает множественные измерения социальной интеграции и связи, исключение из которых может рассматриваться как социальная болезнь. С точки зрения этого подхода социальное исключение определяется как нарушение в одной или нескольких подсистемах:

– демократической или правовой системе, которая обеспечивает гражданскую интеграцию;

– рынке труда, обеспечивающем экономическую интеграцию;

– системе социального обеспечения, обеспечивающей социальную интеграцию;

– семье и сообществе, которые обеспечивают межличностную интеграцию.

Первопричиной проблем большинство исследователей полагает исключение с рынка труда, поэтому работа рассматривается как приоритетный метод преодоления исключения.

В отношении бездомных в России можно говорить о нарушении во всех четырех подсистемах. Для этой группы характерна правовая дискриминация, отсутствие эффективной системы социальной политики и реабилитации[21], разрыв семейных связей и исключение с рынка труда, фактически бездомные вытеснены в сферу «серой» экономики и неквалифицированного труда. По закону, нарушающему право каждого на труд, наниматель подвергается штрафу за прием на работу лица БОМЖ.

Стигматизация

Под «стигмой» понимается признак, на основании которого человеку приписываются отрицательные свойства (Goffman, 1963:3)[22]. По определению, «нор-

[20] *Sibley D.* Problematizing Exclusion: Reflections on Space: Difference and Knowledge// International Planning Studies, 1998, Vol.3 Issue 1 February, p. 93–101.

[21] По данным С. Сидоренко, в 1995 году в России было только 25 домов ночного пребывания, 5 социальных гостиниц и 40 специнтернатов. Уже в 1995 году устроить туда бездомных было крайне сложно (Сидоренко, 1997: 9). Государственных служб социальной и психологической реабилитации не существует.

[22] *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Prentice-Hall, Inc. Englewood Cliffs, N.J, 1963

мальные» полагают, что индивид со стигмой не вполне «человек». На основе этого предположения «нормальные» дискриминируют стигматизированного индивида, снижая, иногда неосознанно, его жизненные шансы (Goffman, 1963:5). Люди, носящие определенную стигму, склонны усваивать сходный опыт и изменения собственной личности (Self)[23] (Goffman, 1963:32). Для индивидов, стигматизированных во взрослом состоянии, характерен разрыв прежних социальных связей (Goffman, 1963:35).

По свидетельству моих информантов (жителей «Ночлежки»), им «стыдно» обращаться за помощью или просто встречаться со своими прежними друзьями, знакомыми или даже близкими родственниками, потому что они не хотят, чтобы их видели в «таком» состоянии. Контакты с внешним миром во многом ограничиваются для бездомных взаимодействием с другими представителями маргинального сообщества, владеющими специфической информацией о ресурсах, которые предоставляет улица.

По мнению Светланы Сидоренко, проводившей исследование бездомных в Москве, для связей между бездомным характерна двойственность: «С одной стороны, налицо быстрое завязывание связей, а с другой – эти связи весьма непрочные и быстро разрушаются. Слабые связи не свидетельствуют о том, что бездомные – патологические индивиды, отказывающиеся от социальной идентификации (как это изображали советские специалисты, занимавшиеся бездомными). Эти связи при негативном статусе группы и скудных ресурсах вполне функциональны. Они обеспечивают минимальную взаимоподдержку и придают определенную устойчивость бездомным. Но эти связи не могут помочь преодолеть бездомности» (Сидоренко, 1997: 36)[24].

В 1999 году издательским домом «На Дне» и фондом «Ночлежка» был организован конкурс жизненных историй бездомных. Авторам-победителям были обещаны призы: оплата аренды жилья на год, оплата обучения специальности на курсах, помощь в устройстве на работу и ценные подарки. Все призы были вручены осенью 1999 года. Цель конкурса и дальнейшей публикации историй в газете «На Дне» и специальном сборнике «Расскажи свою историю», по словам сотрудников издательства, заключалась в том, чтобы показать обывателям – читателям газеты, «нормальным» людям, что бездомные в той же степени «нормальны», что и домашние: те, кто сегодня не имеют жилья, живут в подвале и питаются по-

[23] Гофман подчеркивает, что нужно отличать категорию индивидов с определенной стигмой от истории самой стигмы (Goffman, 1963:32).

[24] *Стивенсон С.* Бездомные в социальной структуре большого города. М.: ИНИОН РАН, 1997.

моями, вчера работали и жили рядом с нами, воспитывали детей, строили планы на будущее и т.д.

Собранные истории позволяют нам рассмотреть процесс отталкивания от большого сообщества и интеграции в уличное сообщество или погружения в ситуацию полной изоляции. По ним можно реконструировать процесс трансформации идентичности исключенного индивида. В историях проводится граница между «нормальностью» в прошлом, с описанием других «нормальных», к которым рассказчик принадлежал раньше – родственники, друзья, коллеги по работе, и сегодняшним «я – бомж», «мы – бомжи». Характерно, что в автобиографиях описывается трансформация «практической идентичности». Переопределение себя осуществляется через повседневные практики, а не установки или ценности:

Во-первых, у «человека» должен быть «свой угол», куда можно «*прийти вечером домой*», «*лечь спать на нормальную кровать*» «*с книжкой*», «*утром принять душ*», «*выпить кофе*», «*посмотреть на рассвет за окном*». «Человек» может *посмотреть телевизор* или *послушать радио*, *поиграть с детьми, погулять с семьей*. У бездомного «*вместо телевизора – сны, вместо радио – аккомпанемент падающих из подвальных труб капель*». Вместо «угла» – «*тихий подвал*», «*ступеньки в парадной*», «*электричка*», ванну и душ заменяет «*старое ведро*», в котором можно постирать и помыться самому. Происходит вызывающая отчаяние проблематизация самых элементарных повседневных практик: как «*зашить порвавшуюся одежду*», «*постричь ногти или усы с бородой*», «*если захочется пить, нужно искать поликлинику или общественный туалет, чтобы воды напиться*». При отсутствии условий для приготовления пищи процесс еды также превращается в проблему: бомжу «*приходится брать то, что можно есть сразу*», покупать дешевые продукты «*типа круп, макарон или картошки*», так как нет возможности готовить (поэтому основой меню становится быстрорастворимая лапша, консервы, продукты, которые не нужно варить). Нитка и иголка «одалживаются» в поликлинике, а вилка и нож – в ларьке.

Иногда «бомж» приближается к состоянию «человека», например, заработав на временной работе или найдя деньги, можно «*купить нормальной водки, закуски нормальной*», «*в столовую сходить, в баню*», «*в кафе посидеть, как человек*». Но, как правило, у бездомного сужается круг «доступных» практик, теперь они связаны с «борьбой за выживание»: «*жизнь превратилась в борьбу за выживание. Сузилась до размеров буханки хлеба*» (Расскажи свою историю, 1999)[25].

[25] Расскажи свою историю, СПб.: На Дне, 1999.

Появляются новые практики: сбор бутылок, прошение милостыни, проституция, уборка вагонов на вокзале, работа подносчика или уборщика, разборка мусорных баков, еда в бесплатных столовых, получение гуманитарной помощи, а с ними и новые жизненные опыты: опыт эксплуатации, физического насилия и унижения, полной незащищенности, жизнь сегодняшним днем, без планов на будущее и надежды на улучшение, остается лишь тоска по прошлому:

«*Постоянно вспоминаются сцены из «той», другой жизни, родные, друзья. Часто представляется, что было бы сейчас, живи я нормальной жизнью: иногда ремонт в квартире делаю, мебель передвигаю, хожу гулять со своей семьей*».

Угнетенное психическое состояние приводит к высокому уровню самоубийств среди бездомных. Чем выше был статус человека до потери жилья, тем труднее ему адаптироваться к улице и ее правилам. По данным городского морга, в 1994 году в Санкт-Петербурге умерло 3 515 лиц БОМЖ. Из них 55 человек – от переохлаждения, 4 человека – от истощения, 68 человек – покончили жизнь самоубийством, 1 068 лиц БОМЖ умерли на улице и во дворах, в парадных и подвалах, на чердаках, лестницах и вокзалах[26].

Что делать?

Как показывают исследования организаций, занимающихся реабилитацией бездомных[27], для реинтеграции бездомного (в особенности одинокого уличного) в большое сообщество, из которого он был исключен, недостаточно обеспечить его жильем. Для этого необходим процесс длительной социальной и психологической реабилитации, результатом которого должен стать выход из уличного сообщества и постепенная экономическая, гражданская и межличностная интеграция в сообщество «домашних».

Для этого предпринимаются следующие меры:

- устройство на работу; в частности, к работам, которые имеют шанс получить бездомные, относится продажа социальных газет. В Москве и Санкт-Петербурге успешно действует социальная газета «На дне», входящая в Международную ассоциацию уличных газет. При этом оплата за работу не должна быть символической (как было в дореволюционных работных домах и домах трудолюбия[28], где трудолюбцы выполняли однообразную низкооплачиваемую работу), оплата должна позволять ее исполнителю удовлетворять свои основные потребности. Работа помогает исключенному индивиду преодолеть изоляцию, компенсировать недостаток общения, почувствовать собственную значимость и т.д.;
- восстановление документов;
- восстановление утерянных связей с семьей (для кого это возможно);
- психологические консультации;
- обеспечение жильем (в приюте, временном или постоянном социальном жилье).

Все эти меры должны предприниматься одновременно, в противном случае долгое пребывание под опекой благотворительных организаций и служб может привести к закреплению статуса «бездомного», а продажа социальной газеты – к институциализации попрошайничества.

Однако на реализацию такой программы необходимы большие средства, чаще всего у благотворительных служб их хватает лишь на организацию бесплатного питания и ночлежных домов. Директор крупного ночлежного дома (на 300 мест) в Будапеште рассказывал в интервью, что только их организация в Будапеште реализует такую многостороннюю реабилитационную программу, потому что она активно поддерживается государством. Маленькие НГО не могут себе позволить держать в штате всех специалистов – юристов, психологов, социальных и медицинских работников[29]. Эта проблема характерна и для российских НГО. Государство же предлагает лицам без определенного места жительства лишь место в приемнике-распределителе или койку в инфекционной больнице[30], где счастливчики могут провести несколько недель в холодное время года. Принимаемые законы о создании центров социальной адаптации и домов ночного пребывания не подкреплены материально, а существующие службы пока могут охватить лишь незначительную часть нуждающихся.

Российским БОМЖам предоставляется полная свобода в выборе своего будущего – покончить жизнь самоубийством, умереть от обморожения на улице, вы-

[26] Независимое представление о положении в России лиц БОМЖ (без определенного места жительства – бездомных) и соответствии этого положения Международному Пакту о гражданских и политических правах. Санкт-Петербург: ЦБФ «Ночлежка», 1995

[27] См. например, *Ravenhill M.* Homelessness and Vulnerable Young People: A social audit of KeyChange Charity's supported accommodation, London: LSE, CASE, 2000.

[28] Например, в 1897 году в Санкт-Петербурге было 12 домов трудолюбия, где трудолюбцы «ради воспитательных соображений или ради того, чтобы не предоставить престарелых призреваемых полному безделию и скуке», в частности, щипали канаты и сушили пеньку за мизерную плату.

[29] Интервью с директором ночлежного дома, г. Будапешт, июль 2000, David Gyorgy.

[30] В Санкт-Петербурге существует специальное отделение для бездомных в инфекционной больнице Боткина.

бранной ими же[31], воровать или питаться объедками и т.д. Однако вызывает сомнение, что именно эти свободы гарантированы Конституцией России. На мой взгляд, только реформа законодательства в области защиты прав собственников и благотворительности, изменение позиции власти в отношении бездомных и строительство социального жилья, а также поддержка гражданских инициатив может изменить ситуацию, близкую к катастрофической.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека. СПб.: На Дне, 1999. С. 13–14.

2. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий, М,: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда. 1997. С. 162.

3. Независимое представление о положении в России лиц БОМЖ (без определенного места жительства – бездомных) и соответствии этого положения Международному Пакту о гражданских и политических правах. СПб.: ЦБФ «Ночлежка», 1995.

4. Никифоров А. Бездомность вчера, сегодня... Завтра?// Правозащитник, 1998, №3, http://www.hro.org/editions/hrdef/03/0303.htm (on-line 10.02.01).Расскажи свою историю. СПб.: На Дне, 1999.

5. *Стивенсон С.* Бездомные в социальной структуре большого города, Москва: ИНИОН РАН, 1997.

6. *Юликова Е. П., Новикова М.А., Маршак А.Л.* Проблемы лиц без определенного места жительства (БОМЖ) и пути их решения, Социально-бытовое обслуживание пенсионеров и инвалидов, вып. 5. М.: ЦБНТИ Минтруда России, 1997.

7. *Avramov D. et al.* Coping with homelessness: Issues to be tackled and the best practices in Europe, Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Ashgate, 1999.

8. *Edgar B. et al.* Services for Homeless People: Innovation and change in the European Union, Bristol: Policy Press, 1999;

9. *Goede De M.* Ideology in the US Welfare Debate// Discourse and Society, 1996, vol. 1,№ 3. P. 317–58.

10. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Prentice-Hall, Inc. Englewood Cliffs, N.J, 1963.

11. MOSCOW: Open Season, Closed City. http://www.hrw.org/hrw/pubweb/Webcat-83.htm#P1314_171670 (on-line 3.05.01).

[31] Однако увеличение в городе частного пространства и облагораживание публичных мест (в частности вокзалов), резко сокращает выбор места проживания для бездомного.

12. *Ravenhill M.* Homelessness and Vulnerable Young People: A social audit of KeyChange Charity's supported accommodation, London: LSE, CASE, 2000.

13. *Sibley D.* Problematizing Exclusion: Reflections on Space: Difference and Knowledge// International Planning Studies, 1998, Vol.3 Issue 1 February, pp.93 -101.

14. Young Justice and the Politics of Difference, University Presses of California, Columbia and Princeton, Princeton University Press, 1990.

Использованные веб-сайты:

1. http://www.msf.org (сайт организации «Врачи без границ»).

2. http://www.hrw.org (Сайт «Human Rights Watch»).

3. http://www.shelter.org.uk (сайт организации помощи бездомным «Shelter», Великобритания).

4. http://www.pravo.org.ru/laws/jp/mur.htm (on-line 1.05.01).

5. http://smironov.spb.ru/press/zapros/about_bomg.htm (on-line 1.05.01).

Наталья Данилова[1]
Вторая премия

Ситуация ограничения прав человека: проблема измерения
(на примере группы инвалидов войны в Афганистане)

В данной работе выделяется два значения категории прав человека: дискурсивное и структурное. В первом случае ситуация ограничения прав рассматривается как проблема выбора той или иной дискурсивной формы определения правового статуса группы. Во втором случае анализ ситуации ограничения прав проводится на основе анализа структурных условий реализации прав. Методологическим основанием работы является теория взаимовлияния структурных условий и действий агента П. Бурдье. Под структурными условиями в работе понимается сфера социального обеспечения.

Анализ дискурсивных форм определения правового статуса проводится на примере феноменов инвалидности и социальной политики инвалидов. Для выделения структурных оснований ограничения прав служит случай – обеспечения прав инвалидов войны в Афганистане, проживающих в Санкт-Петербурге.

Структуру работы можно представить следующим образом. В первой части работы анализируются теоретические концепты инвалидности как основание понимания прав инвалидов. Во второй части проводится анализ категорий права в системе социального обеспечения инвалидов в нашей стране. В третьей части работы выделяются некоторые структурные основания ограничения прав инвалидов.

Анализ теоретических концептов социальной политики инвалидности

На основе анализа литературы в поле исследований инвалидности выделим три основных подхода:

1. Инвалидность как функция,
2. Инвалидность как значение,
3. Инвалидность как социальная компетентность, «гражданство».

Инвалидность как функция

[1] Аспирантка Европейского университета в Петербурге, факультет политических наук и социологии.

В этом подходе позиция индивида определяется по критерию выполнения им функции. Выбор типа функции формирует соответствующий тип социальной политики.

Для данного подхода классической работой является исследование медицинской практики Талкотта Парсонса (Parsons 1953). Парсонс рассматривает *болезнь* как состояние нарушения функционирования организма как биологической и социальной систем (Parsons 1953:431). Таким образом, инвалидность рассматриваться как разновидность хронической болезни, и положение инвалида опеределяется следующим образом.

Во-первых, инвалидность как биологическая дисфункция определяется в категориях физических, анатомических и психологических нарушений функций организма индивида (Doyle 1995:5, Hahn 1987:181).

Во-вторых, производится деление общества на две группы по критерию физической способности: на инвалидов – «больных» и «нормальных» – здоровых. В современной социологии эта позиции обозначается термином «инвалидизм» (disablism) и рассматривается как основание развития дискриминации и притеснение инвалидов (Шапиро 1996:412, Ярская-Смирнова 1999: 38).

В-третьих, в результате освобождения от повседневных обязанностей и ответственности за свои действия, которое в случае инвалидности становится постоянным, индивид не рассматривается как компетентный член общества, способный самостоятельно определять сферу и характер своей деятельности (Gartner 1987:4). Функции «заботы» и принятия решений берут на себя представители социальных институтов (медицины, государства, семьи). Наличие физических ограничений рассматривается как основание ограничения умственных способностей и потребностей индивида (Шапиро 1996:412).

В-четвертых, предполагаемой стратегией действия инвалида является пассивное приспособление к условиям среды.

В рамках данного подхода можно выделить две модели определения принципа функциональной роли индивида: медико-биологическую социально-экономическую (профессиональную).

В *медико-биологической модели* индивид рассматривается как организм, определение инвалидности строится на основе медицинских и биологических критериев. В рамках социальной политики реабилитационный механизм инвалидов предполагает проведение медицинской реабилитации по восстановлению нормального функционирования физических и психических функций организма.

В *социально-экономической,* или *«профессиональной», модели* индивид рассматривается как работник. Инвалидность определяется как способность или неспособность индивида выполнять определенные виды трудовой деятельности (Berkowitz, Johnson, and Murphy 1976:8, Hahn 1987: 182). Социальная политика выражается в организации профессиональной реабилитации, которая состоит в восстановлении способностей индивида к выполнению профессиональных обязанностей (профориентации, профобучении) и в разработке системы государственных мер по благоприятствованию участия инвалидов на рынке труда (например, введение квот, налоговых льгот для предприятий инвалидов).

Таким образом, в рамках этого подхода формируется патронажная система социального обеспечения. Социальные институты обладают безусловным правом определения сфер ограничений деятельности, размера и типа обязанностей и ответственности индивида. Реализация этого подхода предполагает пассивность субъекта и его приспособление к требованиям среды в рамках институционально закрепленных ограничений жизнедеятельности индивидов, тогда как среда остается нечувствительной к их потребностям.

Инвалидность как значение

В этом подходе значение инвалидности формируется в процессе взаимодействия инвалидов и «здоровых» (Barnes 1998:145).

Основные положения данного подхода описываются в рамках теории социальных взаимодействий И. Гофмана. Инвалидность определяется в категориях стигмы «физического недостатка», которая предполагает соответствующие практики взаимодействия, стереотипы о способностях, потребностях членов группы и адекватные способах их удовлетворения (Goffman 1963: 53). Проблема стигматизации актуальна при реализации социальной помощи, поскольку процесс оказания помощи предполагает взаимодействие инвалидов и представителей социальных служб (Spicker 1984:21).

В данном подходе признается социальный характер инвалидности. В социаль ной политике это выражается в разработке нового типа реабилитации – *социальной реабилитации*. Социальная реабилитация ограничена выработ кой адекватных форм приспособления, адаптации индивида к среде, а не ее изменения. Позиция инвалида остается зависимой от структурных экономических, политических и социальных условий, на которые индивид не может повлиять.

Инвалидность как социальная компетентность (гражданство)

В рамках данного направления инвалидность, во-первых, рассматривается как физический опыт индивида, во-вторых, приобретает структурное измерение, в-третьих, политизируется (Corker, French 1999:2–3).

Средством изменения положения инвалидов становится изменение категорий повседневного, бюрократического языка, используемого для обозначения их статуса. Форма обозначения инвалидности становится политической категорией, которая должна строиться на основе принципа равных возможностей инвалидов и не инвалидов (Corker 1999:198, Hahn 1987:191).

Происходит расширение понятия *среды*. В нее включаются политические, экономические, социальные и физические условия функционирования общества. Изменение понятия среды приводит к изменению принципов социальной политики. Основным механизмом «включения» инвалидов становится *социальная интеграция*. Суть ее заключается во взаимном приспособлении среды и человека с ограниченными возможностями (Funk 1987: 24–25).

Состояние физической городской среды рассматривается как фундаментальное ограничение личной свободы индивида с физическими проблемами и функциональное препятствие для реализации его гражданских прав. Усовершенствование технологических изменений, доступность и возможность использования городской инфраструктуры, эстетичность реабитационных приспособлений (колясок, кос тылей и т. д.) являются условиями обеспечения самостоятельности и независимости инвалидов (McMurray 1987:143, Hahn 1987:189).

В данном подходе статус гражданина становится определяющим для обозначения позиции инвалида (Funk 1987:8). Значение категории «гражданства» заключается в признании равенства возможностей и прав всех граждан государства независимо от расы, пола, национальности и физических способностей.

В рамках данного подхода инвалидность рассматривается как социально-политического явление. Основным принципом социальной политики является социальная интеграция (социальная реабилитация), которая заключается во взаимном приспособлении среды и индивида.

Индивид приобретает субъектность, что дает ему возможность выбора собственного способа взаимодействия со средой. Однако при использовании данного подхода следует учитывать, что условием реализации гражданского статуса инвалида является обеспечение принципов демократии и функционирования гражданского общества.

Таким образом, изменение принципов понимания инвалидности можно представить как эволюцию признания прав человека. Так, в рамках модели

функциональных ограничений (медицинской, профессиональной системах) индивид получает право выполнять предписания. Он лишен права выбора видов деятельности, сфер интересов, общения и полноценного участия в жизни общества. В рамках этих моделей «права» инвалида ограничены его «правом на получение медицинского обслуживания» и «правом на труд», при том что способ реализации этих прав определяется внешними по отношению к индивиду институтами. Все остальные права инвалида как полноправного человека и гражданина дискурсивно отрицаются. Индивид и его недуг являются объектами заботами социума, но не само общество с его стереотипами и неприспособленными для этих людей лестницами, дорогами, лифтами. В результате можно говорить, что *ситуация нарушения прав выражается в фактическом непризнании «прав человека» для инвалидов.*

Переход к пониманию инвалидности как значения и социальной компетентности приводит к изменению понимания и расширению категории права для инвалидов. В рамках модели «значения» воздействие на социальную среду ограничено внутренним миром индивида. Поскольку в обществе существуют стереотипы по отношению к инвалидам, основная задача человека заключается в выработке наиболее безболезненной для себя стратегии реагирования на ситуацию. *В этой модели человек «получает право» на свой внутренний мир и выработку способов изменения взгляда на существующую действительность.*

Только в рамках третьего подхода «социальной компетентности» индивид получает «гражданские права»: «право» выбора сферы деятельности и «право» воздействия на среду, право требовать уважения. Социальные, физические условия рассматриваются как гибкие, чувствительные к потребностям инвалидов. *Ситуация ограничения возможностей, нарушения прав инвалидов выражается в отсутствии структурных условий (неприспособленности физической среды, отсутствии институтов, стереотипах) как средств обеспечения прав.*

Положение инвалидов в российской системе социального обеспечения

В нашей стране до недавнего времени инвалидность определялась с точки способности или неспособности человека к труду. Выбор данной концепции был обоснован тем, что «в социалистическом обществе труд, показанный по состоянию здоровья, способствует развитию процесса компенсации, улучшает моральное и материальное состояние инвалидов и удовлетворяет их естественное стремление к участию в социалистическом строительстве». На основании этих принципов инвалидность определялась как «стойкое нарушение трудоспособности, которое приводит больного к необходимости прекращения профессионального труда на длительный срок или значительных изменений условий труда»[2]. В законодательстве это определение инвалидности обозначается как экономическое.

В этом определении реализуется подход к «функции» инвалидности – инвалида как «больного» и «работника». Труд определяется не только как средство трудовой (профессиональной) реабилитации, но и социальной реабилитации, которая рассматривается как производная от профессиональной реабилитации.

Определение группы инвалидности осуществлялось врачебно-трудовыми экспертными комиссиями (ВТЭК). Они должны были фиксировать причину получения инвалидности и предписывать мероприятия по медицинской и «социально-трудовой» реабилитации, которая предполагала определение сфер и условий занятости в соответствии с физическими возможностями человека.

В 1995 году делается попытка изменить подход к инвалидности. Инвалидом начинает признаваться «человек, который имеет нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, ограничение жизнедеятельности (полная или частичная утрата способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться или заниматься трудовой деятельностью), необходимость осуществления мер социальной защиты»[3].

При изменении правовых категорий происходит расширение представления о правах инвалидов как полноправных граждан. Данное определение инвалидности строится на основе наличия медицинских показаний и ограничений действий в разных сферах жизнедеятельности человека. Предполагается построить гуманную социальную политику, в которой помощь будет оказываться не с точки зрения полезности индивида, а с точки зрения уважения к его правам личности с разнообразными потребностями.

Изменение концепции предполагало изменение системы определения инвалидности. ВТЭК в 1996 году должна была преобразоваться в новую административную структуру медико-социальную экспертизу (МСЭК)[4]. Таким обра-

[2] Инструкция по определению групп инвалидности (утв. Минздравом СССР и ВЦСПС, 1–2 августа 1956 г.).

[3] Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. , ст. 1.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1996 года № 965 «О порядке признания граждан инвалидами».

зом, было институционально закреплено понимание инвалидности как медико-социального явления.

Изменения должны были произойти в системе регистрации инвалидов в МСЭК. Для оформления группы инвалидности появился новый регистрационный документ – «индивидуальная карта реабилитации инвалида». Выбор индивидуальной карты можно рассматривать как попытку реализации индивидуального подхода к инвалидности.

К уже существующим блокам данных, касающимся медицинской и профессиональной реабилитации, добавился блок по социальной реабилитации. Он включает консультирование по вопросам социально-бытовой реабилитации, обучение инвалида средствам технической реабилитации, рекомендации к обеспечению техническими средствами передвижения, оказание консультационных услуг по юридическим вопросам, содействие в обеспечении необходимой социальной зашиты инвалидов.

Формирование «трудовой рекомендации МСЭК» должно осуществляться на основе методических рекомендаций, в которых определены специальности и профессии, показанные инвалидам с конкретными заболеваниями. Действие данных рекомендаций можно охарактеризовать до принятия Закона «О социальной защите инвалидов» 1995 года как добровольно-принудительное. Человек мог трудоустроиться только в соответствии с рекомендациями ВТЭК, в противном случае он получал отказ при приеме на работу на основании «несоответствия состояния здоровья условиям труда». Теперь индивид формально получил право выбора сфер занятости без учета рекомендаций специалистов экспертизы.

Таким образом, в российской системе законодательства сделана попытка перейти от определения инвалидности на основе трудовых функций к социальной модели и обеспечению прав инвалидов как полноправных граждан.

Вместе с тем граница между категориями «здоровых» и «инвалидов» сохраняется. Инвалидность продолжает определяться по принципу «несоответствия», нетрудоспособности, недееспособности. Ситуация инвалидности рассматривается как «трудная жизненная ситуация», положение «ущербности», «зависимости».

Обеспечение «прав» на практике

Опыт и типы инвалидности разнообразны. Выбор конкретной группы позволяет типизировать ситуацию. Группа инвалидов войны в Афганистане имеет следующие базовые характеристики: во-первых, причиной их инвалидности является участие в боевых действиях (в Афганистане), во-вторых, инвалидность

получена в результате (вследствие) военной травмы, в-третьих, членами группы в подавляющем большинстве являются мужчины в возрасте от 18 до 40 лет.

В общей сложности в боевых действиях в республике Афганистан принимало участие 546 тысяч солдат и офицеров, в том числе 525 тысяч из ограниченного контингента советских войск (ОКСВ – Министерство обороны), около 90 тысяч из пограничных войск и других подразделений Комитета государственной безопасности и порядка 5 тысяч человек от Министерства внутренних дел[5].

Численность инвалидов военной службы после участия в боевых действиях в Афганистане составляла 17 980 человек (на декабрь 1992 года). За десять лет войны в Афганистане около 400 тысяч человек перенесли заболевания, получили ранения, около 280 тысяч перенесли инфекционные заболевания (Захаров 1999:7). Данные о полученных ранениях и перенесенных заболеваниях позволяет говорить о потенциальной возможности увеличения численности группы инвалидов с течением времени.

Материалом для анализа ситуации послужили данные городского военкомата Санкт-Петербурга и врача специализированного кабинета для инвалидов войн в поликлинике № 51. В результате анализа статистического материала и оценок экспертов примерная численность ИВА составляла на март 2000 года от 350 до 500 человек в Санкт-Петербурге.

Среди инвалидов военной травмы наиболее распространенной группой инвалидности является третья группа – около 60%, вторая и первая группа инвалидности, соответственно, примерно 34% и 6%. В среднем наличие третьей группы инвалидности дает право на работу и пенсию в размере 340–400 рублей в месяц. Вторая группа инвалидности дает право на пенсию примерно 430–470 рублей в месяц. Первая группа инвалидности, самая тяжелая, размер пенсии может составлять от 550–630 рублей. Сравнение размера пенсий с минимальным набором потребительской корзины позволит оценить возможности поддерживать жизненный уровень инвалидов. В Санкт-Петербурге на ноябрь 1999 года цена потребительской корзины составляла 1233 рубля. Как можно заметить, пенсии составляют меньше половины этой суммы.

Преобразования системы социального обеспечения, в нормативной модели которой было заложено переопределение понятия инвалидности, не произошло.

[5] Данные из доклада Министра Обороны от 5 мая 1993 года на Всеармейской конференции воинов-интернационалистов (цитируется по хронике журнала «К совести», 1993, № 3, 35). Тот факт, что в боевых действиях принимали участие представители разных силовых министерств, создает существенные трудности при определении численности группы. Исследователю не удалось получить доступ к данным об общей численности инвалидов военной травмы, которые принимали участие в боевых действиях в Афганистане.

По закону ВТЭК должна была преобразоваться во МСЭК еще в 1996 году, но в связи с недостаточным финансированием этот процесс не завершился до сих пор. В индивидуальных картах реабилитации инвалида заполняется по-прежнему только блок по профессиональной реабилитации, поскольку нет структуры медицинских, социальных институтов, специалистов, которые должны были бы проводить социально-психологическую реабилитацию. Изменился формат документации ВТЭК, врачебно-трудовая экспертная комиссия была преобразована в медико-социальную экспертизу, но не изменился принцип работы, и даже вывески на дверях остались старые. Инвалид продолжает рассматриваться государством с точки зрения его «способности быть полезным» и трудиться для общества советского типа.

Такой подход к определению инвалидности предполагает реализацию прав инвалидов на получение медицинского обслуживания и на труд. Рассмотрим, как обеспечиваются эти права.

Бесплатное оказание медицинской помощи осуществляется в ограниченных размерах, поскольку государственные поликлиники не имеют собственных средств для закупки необходимых лекарств и проведения процедур, анализов. Вследствие этого «бесплатное» лечение требует значительных финансовых вложений. По оценкам экспертов, показатель привлечения личных средств населения на нужды медицинского обслуживания в Санкт-Петербурге составляет 7,2%, в то время как по всей России – 3,4% (Федоров 1999:17). Так, например, в поликлинике № 51, которая специализируется на обслуживании и лечении ИВА и Чечни, с апреля 2000 года доля платных услуг составляет 30%.

Ранее возможности получения медицинской помощи и проведения необходимой медицинской реабилитации были значительно шире. В 1989 году в России было создано несколько реабилитационных центров («Байкал», «Русь», «Лазурный» и др.), в Санкт-Петербурге в поликлинике № 51 был открыт кабинет специализированной помощи. К 1997 году многие центры закрылись, с 1998 года стали возникать трудности с обеспечением лекарствами. Сегодня поликлиника № 51 и военный госпиталь остались единственными местами, куда инвалид Афганистана может обратиться за бесплатной специализированной помощью.

Потребность в специализированной помощи обоснована спецификой заболеваний участников войны в Афганистане. Особенности климатических условий (распространение желудочно-кишечных заболеваний), последствия участия в боевых действиях (посттравматический синдром) влияют на проведение лечения. Среди заболеваний самыми распространенными являются контузии, гепатиты, минно-взрывные ранения. Почти каждый из них нуждается в проведении

медико-социальной, психологической реабилитации. В поликлинике № 51 нет должности психолога или психотерапевта, и получение бесплатной помощи от специалистов этого профиля возможно только в рамках психиатрической лечебницы.

С годами происходит чаще всего ухудшение состояния и возрастает потребность в получении стационарного и санаторно-курортного лечения. За все время работы кабинета существовал разрыв в 1,5–2 раза между потребностью в лечении и исполнении.

Сложно реализовать право на получение бесплатных лекарственных препаратов. Причина заключается в ограниченном бюджетном финансировании программы обеспечения бесплатными лекарственными препаратами (Гридасова 1997:3).

Реабилитационного центра для участников боевых действий до сих пор в Санкт-Петербурге нет. Есть специалисты, есть опыт проведения медицинской реабилитации ветеранов и инвалидов войны (Военно-медицинская академия, военные госпитали), есть фундамент здания медико-реабилитационного центра для участников войн, которое строится по инициативе Межгосударственного НИИ реабилитации участников войн.

Более благополучно складывается ситуация в реализации права на бесплатное протезирование. Но «бесплатно» инвалид может получить «простой» протез, за более удобные протезы надо платить. Протезы нуждаются в постоянной замене, поэтому проблема протезирования вновь возникает через определенный период времени.

Реализация прав по санаторно-курортному обслуживанию также проблематична. Проблема заключается в ограниченном количестве путевок, так как, во-первых, ограничено число санаторно-курортных учреждений, специализирующихся на лечении этой категории граждан. Так, например, от Российского Фонда инвалидов в Афганистане (РФИВА) было выделено на Санкт-Петербург не более 12 путевок за последние два года в санаторий «Русь» в Подмосковье. Существует возможность получить путевку социального обеспечения по месту работы. Однако это требует значительных затрат времени и моральных сил. Второй проблемой является высокая стоимость путевок. С 1997 года льготой на санаторно-курортное лечение воспользовалось меньше инвалидов, большинство из них предпочли получить денежную компенсацию. Примерно до 1997 года размер компенсации почти на 50% покрывал расходы на путевку. С 1997 года размер компенсации за санаторно-курортное лечение не изменился. В Санкт-Петербурге он составляет 20 минимальных пенсий, что составляет 2600 рублей,

выделяется раз в два года, при этом средняя стоимость путевки выросла в 2-3 раза (9–10 тысяч рублей). В результате «право» на санаторно-курортное обслуживание остается по большей части фиктивным.

Сфера профессиональной реабилитации значительное время занимала основное место в структуре реабилитационных процедур. Однако на данный момент противоречия ее проведения стали наиболее яркими. Ситуацию можно описать следующим образом. Во-первых, ВТЭК (МСЭК) выдает рекомендации на основании списка профессиональных занятий, адекватных возможностям индивида, но не адекватных ситуации на рынке труда, а следовательно, априорно невостребованных. В результате «справка о группе инвалидности» эффективно до сих пор действует как ограничитель сфер занятости для человека при поиске работы на государственных предприятиях и не дает возможности выбора. Фактически сама система способствует тому, чтобы человек старался обойти существующие правила, работал фиктивно или на негосударственном предприятии.

Одним из основных инструментов трудоустройства является предоставление квот для инвалидов на предприятиях. В Федеральном законе «О социальной защите инвалидов» указано на введение субъектами Федерации квоты на прием инвалидов (3% от общей численности работников). Однако в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга решение о квотировании до сих пор не принято, поэтому прием инвалидов на работу осуществляется на общих основаниях. Существует специфика видов работ, которые предлагаются инвалидам. В большинстве своем это неквалифицированный труд. Наиболее распространены предложения по специальностям сторожей, курьеров, уборщиц, телефонных диспетчеров и тому подобное. Специализированных предприятий недостаточно, а желание инвалидов трудиться на «обычных» предприятиях, рядом со здоровыми людьми, не может быть реализовано вследствие отсутствия необходимых приспособлений и «желания» руководителей предприятий оказывать содействие в решении этой проблемы (Хибовская 1999: 47).

Право инвалидов на доступ к объектам городской инфраструктуры также остается необеспеченным. На территории города отсутствуют пандусы, пологие съезды с панелей в местах, обозначенных для пешеходных переходов, перила, специальная сигнализация, подъемники и т. д. Городская среда продолжает оставаться неприспособленной к потребностям инвалида. Физические ограничения являются свидетельством существования социальных ограничений для инвалидов полноценно участвовать в жизни общества. Такой вывод строится на предположении о взаимовлияния социального и физического пространства П. Бурдье (1993: 36).

Итак, условия функционирования системы социального обеспечения в Санкт-Петербурге не дают возможности воспользоваться предоставленными льготами. Следовательно, происходит фактическое нарушение прав группы инвалидов, и инвалидов войны в частности. Выделим ряд факторов, стимулирующих воспроизводство ситуации ограничения прав.

Во-первых, отсутствует институциональная база для реализации прав, закрепленных в законодательстве (нет институтов и специалистов).

Во-вторых, постоянное ограниченное финансирование, огромное количество льготников без четкого механизма выбора по обеспечению прав той или иной группы приводит к тому, что несоблюдение прав группы заложено в планировании бюджета сферы социального обеспечения.

В-третьих, организация городского пространства, процедура получения инвалидности (ВТЭК), в целом сам механизм функционирования системы социального обеспечения в российском обществе способствуют воспроизводству дискриминируемого положения инвалидов и ограничению их прав.

Социальная интеграция инвалидов и соблюдение их прав остается далеким проектом будущего.

Литература

1. *Бурдье П.* (1993). Социология политики. М., Socio-Logos.

2. *Гридасова О.* (1997). Бой за льготную пилюлю. Санкт-Петербургские ведомости, 1997, 11 февраля.

3. *Захаров В.И.* (1999). Структурно-функциональные основы медико-социальной реабилитации раненых и больных // Проблемы реабилитации, № 1, 7–11.

4. *Федоров А.В.* (1999). Социальная защита молодых инвалидов-горожан в условиях перехода к рыночной экономике. СПб.: Изд-во СПбГУ.

5. *Хибовская Е.* (1999). Жизненный уровень инвалидов в Москве. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, № 1(39), 47–53

6. *Шапиро Б.Ю.* (1996). Идеологические аспекты социальной работы с людьми с ограниченными возможностями // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальной политики / Под общ ред. Т.И. Заславской, М., Аспект-Пресс, 410–414.

7. *Ярская-Смирнова Е.* (1999). Профессиональная этика социальной работы: Учебник. М.: Ключ-С.

8. *Barnes C.* (1998). Review of The Rejected Body by Susan Wendell, Disability and Society, 13 (1): 145–146.

9. *Berkowitz M., Johnson W. and Murphy E.* (1976). Public Policy Toward Disability. New York: Praeger.

10. *Corker M.* (1999). New Disability Discourse, the Principle of Optimization and Social Change, ‚Disability Discourse' ed. by Marian Corker and French Sally, Buckingham. Philadelphia, Open University Press, 191–209.

11. *Corker M. and French S.* (1999). Reclaiming Discourse in Disability Studies, in ‚Disability Discourse' ed. by Marian Corker and French Sally, Buckingham. Philadelphia, Open University Press, 1–11.

12. *Doyle B.* (1995). Disability, Discrimination and Equal Opportunities., London., Mansell.

13. *Gartner A., Joe T.* ‚Images of the Disabled, Disabling Images', ed. by New York, Praeger.

14. *Goffman E.* (1963). Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, NJ: Penguin Books.

15. *Funk R.* (1987). Disability Rights: From Caste to Class in the Context of Civil Rights, in 'Images of the Disabled, Disabling Images', ed. by Gartner, Alan, Joe Tom, New York, Praeger, 7–30.

16. *Hahn H.* (1987). Civil Rights for the Disabled Americans: the Foundation of a Political Agenda, 'Images of the Disabled, Disabling Images', ed. by Gartner, Alan, Joe Tom, New York, Praeger, 181–203.

17. *McMurray G.* (1987). Easing Everyday Living: Technology for the Physically Disabled, in 'Images of the Disabled, Disabling Images', ed. by Gartner, Alan, Joe Tom, New York, Praeger, 143–160.

18. *Parsons T.* (1951). The Social System. chap. 'Social Structure and Dynamic Process: the Case of Modern Medical Practice', Free Press, NY, 1951, 428–465.

19. *Spicker P.* (1984). Stigma and Social Welfare. New York, St. Martin's Press.

Михаил Соколов[1]

Третья премия

Границы применения доктрины прав человека в современной российской культуре: суд над полковником Будановым и его противники

Ночью 27 марта 2000 года полковник Юрий Буданов ворвался в дом Кунгаевых в селе Танги-Чу и увез с собой 18-летнюю Эльзу. Несколько часов спустя он вызвал трех своих подчиненных в штаб 160 танкового полка и, отдав им тело девушки, велел зарыть его за пределами части. На следующий день прибыли сотрудники военной прокуратуры и арестовали полковника. Во время ареста Буданов выхватил пистолет и выстрелил из него, ранив себя в ногу. Позднее он утверждал, что пытался застрелиться. Следствие установило, что накануне убийства Эльзы полковник отдал своему начальнику разведки лейтенанту Багрееву приказ выпустить несколько снарядов по Танги-Чу. Когда Багреев попытался уклониться от исполнения этого распоряжения, он был брошен в яму, игравшую в 160-м полку роль гауптвахты, а позднее избит начальником штаба Федоровым.

30 марта прокуратура предъявила Буданову обвинения в похищении, предумышленном убийстве и превышении служебных полномочий, повлекшем за собой тяжкие последствия. Адвокаты обвиняемого настаивали на том, что полковник арестовал Эльзу, поскольку он располагал сведениями о том, что девушка была снайпером в одной из групп сепаратистов, и убил ее во время допроса, поскольку подозревал, что она повинна в гибели нескольких солдат. Однако представители Кунгаевых отвергли это подозрение и, кроме того, выдвигали новое обвинение, утверждая, что Эльза была изнасилована перед смертью (этот пункт не вошел в окончательную формулировку, данную прокуратурой).

Судебный процесс начался 11 месяцев спустя в Ростове-на-Дону и с первого же дня стал предметом ожесточенных дискуссий. Здание суда пикетировалось членами РНЕ, ЛДПР, НБП и КПРФ, требовавшими немедленного освобождения Буданова (сторонники КПРФ участвовали в этих акциях не всегда, а представи-

[1] Аспирант СПб филиала Института социологии РАН.

тели многих левых, и в особенности анархистских организаций высказывались за осуждение полковника). С другой стороны, появлялись и противники Буданова. Между ними непрерывно происходили перебранки, а на одном из первых заседаний суда даже вспыхнула драка, после которой процесс сделали закрытым для всех, включая журналистов. Это привело к тому, что в последующие недели наружу просачивалась лишь самая скудная информация о ходе слушаний, оставлявшая возможности для каких угодно предположений.

Тем временем в поддержку Буданова высказывались все новые люди и организации. Генерал Шаманов, бывший в течение некоторого времени непосредственным начальником Буданова, дал интервью, в котором определил происходящее как «идеологическую интервенцию стран Запада против России»[2]. Президент Бурятии Леонид Потапов, по инициативе местного отделения Комитета солдатских матерей, обратился к Владимиру Путину с просьбой внимательно разобраться в деле Буданова (ранее 160-й полк дислоцировался на территории Бурятии). Брянский Комитет солдатских матерей под руководством Аллы Власовой пошел дальше, прося президента «вмешаться в происходящее и освободить полковника Буданова»[3]. Офицерское собрание Волгоградского гарнизона направило Путину письмо, требующее прекратить суд, поскольку «в лице Буданова судят всю армию за исполнение своего долга в Чечне»[4]. Правление Всевеликого Войска Донского потребовало «поддержать армию в лице полковника Буданова», объявив, что отношение казаков к Путину в дальнейшем будет определяться решительностью его действий в этой ситуации[5].

Общим для всех этих обращений было то, что их авторы требовали (как правило, лично от Путина) прекратить определенный законом ход судебного процесса или, по крайней мере, радикально изменить его течение. Их требования основывались не на возражениях против права на жизнь как такового или против уголовного преследования за убийства вообще. Тем не менее в данном конкретном преступлении было нечто, что выводило его – с точки зрения противников суда – за пределы применимости доктрины прав человека и действия уголовного законодательства, основанного на этой доктрине. Мы можем предположить, что эта особенность данного дела заключалась в том, что жертва была чеченкой, а преступник – героем-полковником федеральной армии, получившим несколько

[2] Интервью газете «Сегодня», 3 марта 2001 года.

[3] Национальная информационная служба Стран.Ru (http://south.strana.ru/). Сообщение, датированное 02.03.01, 18:14.

[4] Стран.Ru (http://south.strana.ru/). Сообщение, датированное 11.03.01, 18:12.

[5] Стран.Ru (http://south.strana.ru/). Сообщение, датированное 05.03.01, 16:18

наград за свои успехи в первой и второй чеченских кампаниях. Строго говоря, ничего другого об убитой и убийце и не было известно широкой аудитории, которая тем не менее, как мы увидим далее, смогла составить определенное мнение о сути дела и о желательном его разрешении. Ничем другим мы не сможем объяснить и того, что суд над полковником Будановым вообще привлек к себе такое внимание, в отличие от тысяч других процессов по делам об убийствах, шедших в то же время.

В этом эссе рассматриваются коллективные представления, на основании которых утверждается, что суда над полковником Будановым вообще не должно было быть. Я пытаюсь реконструировать те контексты, в которых, с точки зрения современной российской культуры, правосудие, основанное на доктрине всеобщих прав, невозможно или нежелательно.

Стратегия и методы исследования

В этой статье рассматривается аргументация противников суда над Будановым. Анализировались, прежде всего, тексты, призывавшие к и обосновывавшие необходимость его освобождения. Та разновидность дискурсивного анализа, которая при этом использовалась, может быть описана как создание «насыщенного описания» публичных выступлений сторонников Буданова. Стратегия создания насыщенных описаний введена в социальные науки Клиффордом Гирцем и заключается в том, чтобы, анализируя отдельные события, реконструировать смыслы, руководствуясь которыми люди их произвели, и целые символические системы, из которых эти смыслы происходят[6]. В работах самого Гирца такими событиями, как правило, становились образцы социального взаимодействия, наблюдавшиеся им среди представителей изучаемой культуры. Однако нет препятствий для применения стратегия создания насыщенных описаний к исключительно дискурсивным данным[7].

Выборка текстов сторонников освобождения Буданова осуществлялась методом случайного отбора с помощью машин поиска в Интернет. В строку поискового сервера Yandex вводились слова «полковник Буданов», и документы включались в выборку в очередности, в которой они занимали верхние строчки в результатах поиска. Интерес представляли те из них, в которых высказывалось (или передавалось высказанное другими) требование освободить полковника. Действуя так, я пред-

[6] Geertz Clifford. 1973. Interpretation of Cultures. N.Y.: Basic Books, Inc. Publishers.

[7] Преимущества и недостатки реконструкции культурных моделей на основании дискурсивных данных обсуждаются в Agar, Michael. 1995. The Professional Stranger. N.Y.: Academic Press.

полагал, что любые аргументы, встречающиеся в политических дискуссиях по эту сторону виртуального пространства, будут представлены и по ту.

Некоторые документы представляли собой тексты (например, газетные статьи на сервере газеты «Завтра» или сообщения информационных агентств на сайтах Страна.Ру и Лента.Ру). Другие были дискуссиями с несколькими авторами в гостевых книгах (на том же сайте газеты «Завтра») или в группах новостей (например, группе, модерируемой редакцией онлайновой газеты «Утро»). В общей сложности, было проанализировано около 30 статей и групп новостей, после чего отбор был прекращен из-за того, что новые единицы не прибавляли ничего к результатам анализа. Там, где онлайновые тексты воспроизводили бумажные газетные статьи, я привожу ссылки на последние.

Результаты

Возможно, сильнее всего бросающейся в глаза деталью при знакомстве с дискуссией об освобождении Буданова является та уверенность, с которой каждая из сторон излагает свою версию произошедшего. Несмотря на двусмысленность и противоречивость имеющейся информации о ходе расследования[8], осталось, кажется, очень немного людей, которые признают, что не знают, что же именно произошло в ту ночь в окрестностях Танги. Иллюстрацией этой уверенности служат результаты опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМом с 24 по 27 марта этого года[9]. На вопрос о том, что, по их мнению, произошло, были получены следующие ответы:

- полковник Буданов изнасиловал и убил чеченскую девушку – 10%;
- задушил, когда узнал, что это снайпер -27%;
- дело сфальсифицировано, чтобы скомпрометировать российскую армию – 32%;
- затруднились ответить – 31%.

[8] Даже относительно самых важных деталей дела разные источники противоречат друг другу. Через несколько дней после ареста Буданова пресс-служба Главного управления исполнения наказаний сообщила о наличии у нее доказательств причастности Эльзы к отрядам сепаратистов. Буквально в тот же день представитель прокуратуры выступил с противоположным по смыслу заявлением. Еще больше путаницы связано с предполагаемым изнасилованием. В деле фигурировало два заключения, подписанных одним и тем же экспертом, в одном из которых утверждалось, что на теле обнаружены следы прижизненного насилия, а во втором – что их там нет.

[9] Данные опроса взяты с сайта Стран.Ru (http://south.strana.ru/). Они включены в сообщение от 30.03.01, 17:48. Ранее результаты были опубликованы на сайте ВЦИОМ (www.wciom.ru).

Как мы видим, более двух третей респондентов смогли предпочесть одну из версий, опираясь на очевидно недостаточные данные. (Маловероятно, что кто-либо из них лично знал Буданова или Эльзу, или даже что сколько-нибудь значительная часть из них лично побывали в Чечне и имели возможность познакомиться с обстановкой на месте, иными словами, знал что-то помимо того, что передавали СМИ.) Тем не менее большинство из них обладало вполне определенной картиной того, что происходит на Северном Кавказе, и в свете этой картины интерпретировало любые новые данные, отбирая те из них, которые укладываются в существующие стереотипы. Эти стереотипы позволяют предположить, что одно из перечисленных событий – изнасилование и убийство девушки российским полковником, принадлежность 18-летней чеченки к снайперам, участие средств массовой информации в заговоре с целью опорочить армию – более вероятно или, по крайней мере, менее невероятно, чем другие.

Даже если внести поправку на свойство формализованных вопросников принуждать людей выбирать один из предложенных ответов вместо того, чтобы отражать разнообразие и пластичность реально существующих мнений, картина получается весьма красноречивой. Еще более красноречивы ответы на следующий вопрос – респондентов просили определить, как, по их мнению, следует поступить с полковником. Только 22% затруднились ответить, тем самым оставляя возможность для суда установить виновность или невиновность Буданова (11% предложили «наказать его за совершенные преступления по всей строгости закона», 27% – «проявить снисхождение, учитывая обстоятельства военного времени и боевые заслуги», 24% – «освободить как невиновного», 16% оправдать, «так как в борьбе с бандитами все средства хороши»).

От суда в этих условиях ждут вовсе не того, что он установит истину. Истина кажется очевидной. Суд важен постольку, поскольку он демонстрирует, какой из версий предпочитает придерживаться государство, представляемое им, и, соответственно, чью сторону оно принимает в конфликте[10]. Действительно, очевидно, что, помимо истинности, каждая из версий обладает еще и свойством быть выгодной для одних и невыгодной для других социальных групп. Версия о невинности жертвы выгодна для противников чеченской войны, а версия, гласящая,

[10] Идея разделения властей и независимости суда нигде не проникает в рассуждения такого рода. Те, кто писал письма Путину с просьбами поддержать Буданова, были склонны игнорировать тот факт, что в рамках закона на этой стадии процесса президент никак не мог повлиять на его течение. Наличие у всех ветвей государственной власти единой позиции воспринимается как аксиома. Более того, как аксиома воспринимается и предположение о том, что суд вынесет приговор в соответствии с этой позицией, а не в соответствии с Уголовным кодексом.

что дело сфальсифицировано, выгодна для сторонников продолжения военной кампании и в целом для армии. Приняв одну из версий в качестве истинной, суд встанет на одну из сторон, тем самым усилив ее позиции.

Типичен пример освещающих процесс статей в газете «Завтра». Его ход рассматривается исключительно в контексте отношений Путина и армии, поддержавшей его на выборах и предаваемой им сейчас[11]. Согласно одной из версий, Путин поступает так под давлением со стороны кредиторов из Большой Семерки, согласно другой – он хочет избежать необходимости отдавать долги за услуги со стороны военных в период избирательной кампании. И в том и в другом случае, однако, не подвергается сомнению, что Путин попустительствует процессу, или даже стимулирует его, поощряя трансляцию соответствующей информации через подконтрольные СМИ[12].

Важность процесса Буданова для наблюдающих за ним, таким образом, состоит не в том, что на нем решается судьба полковника, а в том, что он служит своего рода индикатором, позволяющим определить, какими принципами руководствуется государство в своей политике. Наибольшее значение будет иметь приговор суда. Однако само начало процесса было демонстрацией со стороны государства приверженности некоторым принципам, которые для значительной части аудитории являются неприменимыми в данной ситуации. Именно возражениями против этих имплицитных оснований судебного разбирательства объясняются выступления против судебного процесса вообще и требования немедленно прекратить его.

Эти принципы могут быть кратко описаны следующим образом: все граждане обладают равными правами на жизнь, свободу и неприкосновенность. Лишить этих прав человека может только приговор суда. Исключения делаются для случаев, когда чьи-либо действия представляют прямую угрозу для безопасности других людей и применение насилия объясняется самозащитой. Тяжесть преступления не зависит от принадлежности того, кто его совершил, и того, против кого оно совершено, к определенной социальной группе. Не может быть никаких оснований, этических или прагматических, для того чтобы уклониться от рассмотрения нарушения прав в суде – нет соображений, по которым осуществление правосудие могло бы быть нежелательным для общества.

[11] Например в статьях Владислава Шурыгина «Полковник Путин и полковник Буданов» («Завтра», 5 марта 2001 года, № 10 (379)), В. Смоленцева «Тень Лебедя над Чечней» («Завтра», 2 апреля 2001 года, № 14 (331)), Георгия Судовцева «На западном направлении» («Завтра», 18 апреля, № 16 (333)

[12] Опять же, никто не предполагает, что проправительственные СМИ могут руководствоваться иными соображениями, кроме выполнения правительственного заказа.

Против этой доктрины существует несколько возражений, два из которых используются противниками суда над полковником Будановым. В продолжении этой статьи мы рассмотрим эти аргументы, которые условно можно назвать «этнически этическим» и «корпоративно прагматическим».

Этнически этический аргумент направлен против суждения о том, что представителей всех этнических групп следует судить по одним и тем же законам, или, вернее, что отношения между всеми людьми, вне зависимости от их этнической принадлежности, могут регулироваться одним и тем же набором этических норм. Этот аргумент далек от стереотипного шовинизма с его верой в то, что представители своей группы объективно лучше других и, соответственно, заслуживают лучшего отношения. Они не имеют ничего общего и с релятивистским требованием оценивать поступки представителя каждой группы в соответствии с ценностными стандартами этой группы. Вместо этого мы имеем дело здесь с имплицитным представлением о человечестве как об общности, состоящей из множества этнических групп, в разной степени дружественных или враждебных друг другу. Один и тот же поступок в отношении представителя своей группы, другой группы, с которой отношения доброжелательные, и третьей, с которой отношения дурные, может иметь совершенно разную этическую оценку. Моральные стандарты в индивидуальных отношениях определяются отношениями между группами, к которым принадлежат эти индивиды[13].

Международное законодательство признает по крайней мере один тип групповых отношений, который позволяет индивидам из таких групп совершать поступки, неприемлемые в других условиях, – отношения войны между государствами. Однако большинство культур сохраняет гораздо больше градаций близости или удаленности между группами, имеющих моральные импликации для межличностных отношений. Не зафиксированные в нормах формального права, они, тем не менее, отражаются в интуитивных этических оценках. Эти оценки часто вступают в конфликт с приговорами, которых заслуживает тот или иной поступок с точки зрения уголовного кодекса, – самым очевидным примером является бесконечно эксплуатируемое массовой культурой сочувствие благородным преступникам.

[13] Насколько мне известно, впервые модель, связывавшая кровно-территориальную удаленность и этические стандарты, была предложена Маршаллом Саллинзом для описания реципрокности при экономическом обмене в примитивных обществах. См. Саллинз Маршалл. 1999 (1972). Экономика каменного века. М.: ОГИ На примере рассматриваемого дела легко убедиться, что модель, предложенная Саллинзом, имеет гораздо более широкое применение, нежели область чистой экономики.

С точки зрения многих наблюдателей конфликт в Чечне является, по сути, конфликтом между русскими и чеченцами. В этом смысле преступление, вменяемое Буданову, является нормальным поступком для русского по отношению к чеченке, так как можно привести много примеров того, как чеченцы вели себя аналогичным образом по отношению к русским женщинам. Аргументы такого рода очень редко озвучиваются политиками, даже принадлежащими к радикальной оппозиции. Они также редко попадают в печать. Однако более чем достаточно примеров подобных рассуждений можно встретить в сетевых дискуссионных группах, в которых анонимность способствует непосредственности в выражении своего мнения. Так, дискуссия по поводу статьи Вячеслава Шурыгина на сайте газеты «Завтра» содержит подписанное именем Марина сообщение, гласящее, что поступок Буданова становится понятен в свете примеров действий чеченских преступников, отрезавших пальцы девочке-заложнице[14].

Это сообщение поступило в ответ на послание другого участника дискуссии, писавшего под именем «Авлади» и сообщившего, что он сам чеченец. Авлади пожелал своим собеседникам, чтобы их дочери когда-нибудь повстречали полковника Буданова. На это один из них ответил, что гораздо меньше беспокоится о возможной встрече своей дочери с Будановым, чем с кем-нибудь из живущих в России чеченцев. Действительно, пытаясь прогнозировать индивидуальные отношения на основании групповых, мы придем к выводу о том, что любой чеченец потенциально опасен для русской девушки, вне зависимости от того, проявил он себя каким-нибудь подозрительным образом или еще нет. С другой стороны, полковник Буданов, совершивший преступлений против Эльзы, находящейся по другую стороны этнического барьера, может быть абсолютно безопасен для тех девушек, которые стоят по ту же сторону, что и он сам. Вынесение приговора ему не обосновано необходимостью изолировать опасного субъекта, поскольку он доказал свою опасность только для этнических врагов. Попытка судить его и тех, с кем он воевал, по одним законам, бессмысленна и даже преступна, поскольку выгодна противнику, который, в свою очередь, никогда не сделает подобного.

Подобная политика множественных этических стандартов оправдана тем, что, когда мы имеем дело со взаимодействующими этническими группами, очевидно, что, если одна из групп будет в целом относиться к другой с бо́льшим дружелюбием (или, хотя бы, с меньшей враждебностью), чем та к ней, то эта терпимость приведет к потере преимуществ во взаимоотношениях. Соответственно, задача представителей любой этнической группы – определить отношения с другими таким образом, чтобы относиться к противоположной стороне по крайней мере не лучше, чем противоположная сторона относится к ним[15]. Поэтому преступления чеченских полевых командиров являются рациональным (а не только эмоциональным) оправданием предполагаемого проступка Буданова.

[14] Марина являлась одним из самых миролюбивых участников сетевых дискуссий по поводу процесса. Она не предлагала простить Буданова, но считала, что, рассуждая так, помогает понять его. Всю дискуссию можно обнаружить на сайте forum.utro.ru, обсуждение сообщения Екатерины Решетниковой от 09.02.01, поступившего в 04:57.

Второй аргумент против заключения полковника я назвал «корпоративно-прагматическим». Он состоит в том, что процесс над Будановым – даже если полковник и совершил все, в чем его обвиняют, – сам по себе будет иметь более разрушительные последствия, чем те, которые могут последовать из его освобождения. Действительно, допустив передачу дела в суд, государство тем самым позволило предположить, что нечто подобное могло произойти. Тень, которую подобное подозрение бросит на весь институт армии – даже в случае безусловного оправдания полковника, которое маловероятно с учетом признания им своей частичной вины, – нанесет несомненный ущерб его репутации. Возмущение комментаторов вызывает в данном случае не процесс как таковой, а то, что его освещают СМИ, повторяя те обвинения, которые раньше выдвигались против военных чеченскими пропагандистами[16]. Таким образом, де факто государство сотрудничает с сепаратистами против собственной армии. Не существует высших принципов, которые с точки зрения значительной части аудитории могли бы оправдать такой раскол.

Подведем некоторые итоги. Мы видели, что правосудие, основанное на идее прав человека, становится неприменимым там, где конфликт и правонарушение определяется прежде всего в терминах групповых или корпоративных отношений. Те, кто видел в убийстве Эльзы полковником Будановым фрагмент русско-чеченского конфликта, часто были склонны считать его нецелесообразным.

Заметим, что многие аргументы, высказанные как раз за осуждения полковника, также основывались на логике и морали групповых прав и отношений. Например, в интервью, данных программе «Тема дня», Руслан Хасбулатов и Руслан Мартагов высказались за обязательное наказание для полковника, поскольку

[15] Можно заметить, что этот паттерн отношений является схизмогенетическим, в терминах Бэйтсона, то есть, если ничто не мешает развитию событий по путям, намеченным им, взаимная враждебность будет иметь тенденцию непрерывно возрастать. К счастью, человеческие отношения между представителями разных этнических групп определяются не только предполагаемыми отношениями между этими группами.

[16] Смоленцев В. «Тень Лебедя над Чечней» («Завтра», 2 апреля 2001 года, № 14 (331)), Судовцев Г. «На западном направлении» («Завтра», 18 апреля, № 16 (333).

оно убедило бы чеченцев в том, что они находятся под защитой российских законов[17]. При этом оба заметили, что демонстрация имела бы наибольшую наглядность, если бы Буданов был расстрелян без суда и следствия на месте ареста, и, кажется, сожалели, что этого не случилось. (Кажется, их не смущало, что они предлагают сделать именно то, что, по его словам, сделал сам полковник, – убить человека, опираясь только на недоказанные подозрения.) Судебные формальности и правовые принципы и здесь приносятся в жертву групповой целесообразности.

Судебной системе в современной российской культуре отводится роль регулятора групповых отношений, а не индивидуальных. Целью ее функционирования является равновесие, а не справедливость, понимаемая в соответствии с какими-либо абстрактными принципами [18].

[17] Интервью воспроизведены на сайте программы НТВ «Тема дня» (www.temadnia.ru) от 11 апреля 2001 года.

[18] Подобные способы функционирования права обычны для примитивных обществ. Исследования в области легальной антропологии в последние десятилетия обнаружили, что на ранних стадиях своего существования право может быть описано только как институционализация процесса поиска компромиссного с точки зрения всех задействованных групп решения, а не как свод юридических норм, под которые подводится отдельный случай. См. Moore, Sally Falk. 1978 Law as Process: An Anthropological Approach. London: Routledge & Kegan Paul.

Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход?

Третий конкурс, 2002 год

Наталия Данилова[1]
Первая премия

«Чеченский терроризм»: эволюция значений

За последние несколько лет терроризм превратился в одну из самых обсуждаемых тем в обществе. Популярность темы породила разнообразные концепции о том, что*о* есть терроризм и как с ним бороться. Для того чтобы более четко представить проблему и разобраться в одном из многих «лиц» терроризма, в качестве объекта научной рефлексии я выбрала два взаимосвязанных, к сожалению, на сегодняшний день для многих граждан России понятий «Чечня» и «терроризм».

Методологическим основанием работы служит предположение о том, что понимание любого социального явления зависит от слов-кодов, с помощью которых оно описывается. В зависимости от кодификации социального явления в публичном дискурсе общество будет «видеть» явление соответствующим образом и вырабатывать соответствующие этому видению способы интерпретации социальной реальности.

Данный методологический подход определяет метод анализа. Им является в представленной работе качественный, дискурсный анализ кодов, используемых в связи с употреблением категории «чеченский терроризм» в публичном дискурсе в период с 1994 по 2002 год. На темы терроризма вообще, и терроризма в Чечне в частности, написано множество статей. Поэтому для проведения эмпирического анализа потребовалось выделить одну «концентрированную» категорию, которая могла бы помочь выявить значение представления событий в Чечне в контексте темы терроризма в российском публичном пространстве. В качестве такой концентрированной категории я выбрала словосочетание **«чеченский терроризм».**

Эмпирическую базу исследования составили более 400 источников, представленных в базе данных периодических изданий www.public.ru[2] и около 10 нормативно-правовых актов, регулирующих действия федеральных сил в Чеченской республике, а также вопросы терроризма и борьбы с ним в России. Эссе состоит из трех частей. В первой части представлены основные подходы к определению типов терроризма. Во второй части проводится анализ эволюции значений категории «терроризм» и терроризм в Чечне в российском законодательном дискурсе. И в третьей части анализируются значения категории «чеченский терроризм» в материалах прессы.

[1] Выпускница Европейского университета в Санкт-Петербурге 2002 года, ассоциированный сотрудник Центра независимых социологических исследований.

[2] Данная база данных стала активно заполняться с 1994 года (однако число изданий в этот период было ограничено). Поэтому за период 1993–1994 годов просматривались все источники на слово «терроризм».

Что такое терроризм?

Существует множество определений и типологий терроризма. Попытки найти и зафиксировать суть терроризма предпринимаются учеными и политиками разных стран на протяжении многих лет. Одно из удачных, на мой взгляд, определений терроризма дано английским ученым J.B. Hardman, который под терроризмом – понимает «метод или теорию метода, посредством которого организованные группы стремятся достичь своих целей через систематическое использование насилия» (Hardman, 1978: 223). С помощью этого определения можно выделить два основных элемента терроризма: наличие политических целей и использование насилия как инструмента достижения этих целей через «создание социальной и психологической атмосферы страха, устрашения либо правительства, либо представителей тех или иных социальных слоев, групп, партий, либо масс в целом» (Бояр-Сазонович 1991:26). Выделение типов терроризма и определение его специфики зависит от нескольких характеристик, таких как выбора субъекта объекта терроризирования, а также выбор приоритетных целей и средств их достижения. Рассмотрим некоторые из этих характеристик.

В зависимости от типа субъекта терроризма в литературе выделяются: государственный и индивидуально-групповой терроризм. Под *государственным терроризмом* понимается совершение террористических акций государством или при поддержке государства, *индивидуально-групповой терроризм* предполагает в идеале совершение акций террора частными лицами и группами, не пользующимися поддержкой государства (Асанов, Федоров, 1999:93). Выделение в отдельную категорию «государственного терроризма» вызывает немало критики, поскольку государство в рамках международных правовых норм не является субъектом уголовной ответственности (в отличие от конкретных физических лиц). Поэтому в рамках правового поля категория «государственного терроризма» имеет скорее символическое и политическое значение (Емельянов, 2000:75–77).

Объектами терроризирования могут быть как представители государственной власти (чиновники, полицейские, военные), так и гражданские лица. В истории развития терроризма постепенно отмечается переход от терроризирования высших государственных лиц к распространению практик на мирное, гражданское

население. Использование террористических акций по отношению к мирному населению служит средством привлечения внимания государственных лиц к интересующей террористов проблеме.

Распространенность практик терроризма на территории одного или нескольких государств, гражданство лиц, совершающих террористические акции, может служить условием выделения типов внутриполитического и международного терроризма. *Внутриполитический терроризм* предполагает совершение террористических действий отдельными гражданами или их группами, направленных против правительства или какой-либо политической группировки внутри страны. *Международный терроризм* означает совершение террористических акций на территории других государств, представителями разных государств, использование финансовой или какой-либо другой помощи из разных стран (Johnson 1978). Категория международного терроризма дополняет ряд абстрактных, идеологических категорий в поле изучения терроризма. Так, например, в международном праве на данный момент категория международного терроризма отсутствует, а существует множество отдельных законодательных актов, призванных регулировать совершение конкретных террористических акций, таких как взрывы, угоны самолетов, похищения, захваты заложников, убийства, издевательства над людьми и так далее.

В современном мире существует потребность в создании унифицированного международного законодательства для решения проблем международного терроризма. Однако с точки зрения права проблема заключается в сложности определения субъекта ответственности за акции международного террора. Использование категории международного терроризма с точки зрения права предполагает существование единого террористического центра управления международным терроризмом и конкретного субъекта, несущего ответственность за совершение террористических акций в разных частях света. Попытки выделить этот «террористический» центр международного терроризма постоянно предпринимаются. Примером может служить обвинение Бен Ладена в терактах 11 сентября 2001 года в США, его организации Аль-Каиды, выделение «оси зла». Однако, пока эти примеры представляют удачные идеологические и политические конструкции, правовая основа для их классификации как международного терроризма на данный момент отсутствует (Ляхов 1991, Бельков 2002).

Классификация целей терроризма позволяет выделить в отдельную категорию *политический терроризм*, который может включать этнонациональный, конфессиональный, «политический» и уголовный терроризм. Целью э*тнонационального* терроризма является изменение политического статуса определенной этнической общности. Опасность использования категории этничности как некоторого

сущностного свойства терроризма заключается в отождествлении субъекта, совершающего террористические акции, с представителями данной этнической группы, поиске исторических и этнопсихологических черт «народа», склонного к терроризму, что неизбежно способствует распространению стереотипов и стигматизации в отношении представителей этой этнической группы (Тишков 2001). По характеру требований этнический терроризм делится на сепаратистский (выделение независимого государства) и территориально-сепаратистский (в границах одного государства) терроризм. Близок к этническому типу *религиозный (конфессиональный) терроризм,* цель которого – изменение статуса какой-либо из конфессий. По направленности политических целей и обоснованию выбора террористической практики выделяют *правый (прогосударственный) и левый (антигосударственный, революционный) терроризм*, который представлен такими течениями, как марксизм, троцкизм, анархизм, геваризм, маоизм и т. д. (Терроризм и террористы 1999: 24–27).

Все представленные типы терроризма могут быть охарактеризованы как *преступные деяния в рамках уголовного права*. В идеале тип уголовного, криминального терроризма предполагает ограниченность целей террористов своими эгоистическими интересами (Асанов, Федоров 1999). Следует отметить, что на уровне международного права именно уголовный характер терроризма является одной из немногих характеристик, признанных и закрепленных в международном правовом пространстве (Емельянов 2000).

Любая типология будет являться упрощением социальной реальности, в которой значение социального явления зависит от исторического, политического и социального контекста. Для меня представленная мозаика типов терроризма есть набор инструментов, которые позволяют «увидеть» смысл категории – терроризм в данном историческом контексте и по отношению к конкретному событию, а также поразмышлять о том, к каким последствиям может привести использование для интерпретации такого сложного явления, как терроризм, только одного из его многих смыслов.

Терроризм в российском правовом поле

В правовой сфере ситуации, обозначаемые категорией «терроризм», в период с 1960 по 1993 год регулировались Уголовным кодексом РСФСР, Конституцией РСФСР и нормами международного права. Для описания терроризма использовались категории «террористический акт», «террористическая операция» и «терроризм».

Значение категории «терроризм» в этот период наглядно может быть представлено с помощью определения террористического акта по статье № 66 УК РСФСР. Согласно этой статье под «*террористическим актом* понимается убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления Советской власти»[3]. В данном случае определение террористического акта имеет следующие особенности. Во-первых, в статье закрепляется персонифицированный характер террористического акта, поскольку в качестве его объекта выступает носитель государственной власти. Во-вторых, официальный статус объекта террористического акта связан с основным значением теракта как угрозы безопасности политического строя – Советской власти. В-третьих, категория «советской власти» совпадает с обозначением государственного строя Советского Союза, что позволяет оценивать террористический акт как угрозу его государственности.

Разрушение связи между значением терроризма и кодификацией политического строя достигается в редакции 66 статьи УК РСФСР от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ. В этой статье «*цель подрыва и ослабления Советской власти*» заменяется на «*политические мотивы*» террориста, что позволяет уйти от идеологической зависимости политического строя страны и включить в понятие терроризма более широкий спектр значений политический целей террористов.

В следующей версии Уголовного кодекса РФ 1997 года определение террористического акта преобразуется в соответствии с принципами международного права. Код «террористический акт» становится вторичным по отношению к сути конкретного преступного действия, которое может быть классифицировано как террористический акт. Так, статья 66-я УК преобразовалась в 277-ю статью УК РФ, которая регулирует «посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенные в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность (террористический акт)».

Категория «терроризма» в рамках Уголовного кодекса РСФСР от 27 октября 1960 года и до принятия нового УК в 1996 году регулировалась по статье 213.3 «Терроризм». Под «терроризмом» понималось «*совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий (терроризм*)». В этом документе определение терроризма строится на основе использования категории «общественной безопасности», которая предполагает совершение преступных действий, как против государственных чиновников, так и против гражданских лиц. В следующей редакции УК РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ в статье 205 происходит уточнение категории «терроризм». Терроризм начинает определяться не только с помощью категорий «нарушения общественной безопасности» и «воздействия на принятие решений органами государственной власти», но и дополняется такими значимыми факторами, как «устрашение населения» и угроза совершения террористических акций. В данном определении сделала попытка представить терроризм не столько как практику осуществления насилия, сколько как практику воздействия на ситуацию посредством создания атмосферы страха среди населения.

Логическим завершением юридического оформления категории «терроризм» стало принятие Федерального закона РФ от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». Этот закон объединил множество ранее существовавших подзаконных актов по регулированию отдельных типов террористических акций (поджогам, взрывам, захватам заложников и т. д.). В данном документе понятие «терроризм» стало общей категорией, которая включала определения терроризма и террористического акта, закрепленные в Уголовном кодексе РФ. В законе также определялась категория «международной террористической деятельности»[4].

Наряду с эволюцией значений терроризма в законодательном поле проходило изменение кодификаций событий в Чеченской республике. Само использование категории «терроризм» для обозначения событий в Чечне имеет запутанную историю. Первая война в Чечне с 1994 по 1996 год была обозначена как «наведение конституционного порядка», «борьба с незаконными вооруженными формированиями (НВФ), деятельность которых в течение продолжительного времени уносит жизни и нарушает права граждан Российской Федерации в Чеченской Республике и некоторых районах Северного Кавказа Российской Федерации», направлена «на нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание национальной и религиозной розни»[5]. В этом определении присутствует несколько кодов классификации действий властей Чеченской Республики как противозаконных, представляющих угрозу жизни, соблюдению прав граждан,

[3] Законодательные документы цитируются по базе данных нормативных правовых актов «Гарант – Плюс».

[4] Федеральный закон РФ от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом».

[5] Указ Президента РФ от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта».

целостности, безопасности государства и способствующих обострению национальных и религиозных проблем в регионе. Эти значения могут рассматриваться как предпосылки для формирования криминального, политического, сепаратистского, религиозного и этнического значений «чеченского терроризма». Следует отметить, что на данном этапе категория «терроризм» не используется в правовых документах для описания конфликта в Чечне. В отдельных случаях совершение террористических акций лицами чеченской национальности на практике классифицировалось по статьям Уголовного кодекса РФ (например, случай Буденновска, Кизляра).

В дискурсивной кодификации второй военной кампании в Чечне (1999–2000 годы) произошли существенные изменения. Категория «терроризм» стала доминировать в правовом дискурсе при определении статуса событий в Чечне и классификаций действий «чеченцев». В этот период был существенно расширен юридический инструментарий, регулирующий проблемы терроризма. Действия федеральных сил в Чеченской республике стали называться *«контртеррористической операцией»* против *«криминально-террористического анклава* Дудаева и Масхадова, господства полного произвола, беззакония, попрания элементарных прав человека», против распространения «национальной и региональной дискриминации, захвата заложников, рабства и работорговли, убийств, изнасилований, публичных смертных казней»[6].

Терроризм стал интерпретироваться как основная причина ответных действий государства по отношению к представителям Чечни. Само использование категории «терроризм» по отношению к Чечне означало кодификацию Чечни как субъекта совершения террористических акций и косвенно позволяло рассматривать весь чеченский народ как террористов. Такое понимание субъекта терроризма и его уголовной ответственности противоречит существующим нормам российского права о терроризме и нормам международного права, ратифицированным Российской Федерацией, что и было отмечено в докладе председателя правозащитного общества «Мемориал» О.П. Орлова (2000, 7–25).

Таким образом, в формулировках нормативных правовых актов, призванных регулировать вооруженные конфликты в Чечне, посредством отождествления терроризма на территории Чечни и территории Чечни как анклава терроризма происходит легитимизация категории «чеченский терроризм».

[6] Заявление Президента РФ в связи с нарушением прав человека в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации от 13 апреля 2000 г. № Пр-725, «Тотальный беспредел Чечня не выбирала: его навязали республике Дудаев и Масхадов».

Значение политической составляющей терроризма по сравнению с нормативно-правовым дискурсом первой чеченской кампании меняется: «сепаратистский» (территориально-сепаратистский) аспект терроризма уступает место государственно-криминальному значению терроризма с националистической и религиозной (исламской) спецификой, угрожающей не только целостности России, но жизни и безопасности ее граждан.

«Чеченский терроризм» в публичном дискурсе

Событиям 1994 года предшествовали «обострение криминогенной обстановки в Чеченской Республике, рост преступности как следствие экономической нестабильности и растущей безработицы»[7]. Террористические акции чеченцев в этот период в большей степени классифицировались с точки зрения уголовного права. В кодификации статуса исполнителей терактов преобладали коды «преступники», «нарушители закона», «бандиты», что подчеркивало их персональную ответственность за совершение преступления[8]. Существующий до 1994 года терроризм чеченцев можно обозначить как *индивидуально-криминальный*.

Изменение политической ситуации в Чечне приводит к изменению оценки преступных действий «лиц чеченской национальности». «Примерно с мая 1994 года в СМИ стала активно муссироваться политическая подоплека практически всех громких дел, в которых были замешаны представители этого народа»[9]. Криминальный «чеченский терроризм» преобразуется в *политический терроризм с националистической спецификой*. Политическая направленность чеченского терроризма имеет территориально-сепаратистский характер. Его легитимность обосновывается правом нации на самоопределение и использование любых средств (в том числе и насилия) для достижения политических целей. Политизация проблемы преступности приводит к закреплению в публичном дискурсе категории «чеченского терроризма» для обозначения разного рода преступных деяний, имеющих хотя бы косвенное отношение к Чечне.

[7] В Пятигорске состоялась встреча руководителей правоохранительной системы России// Известия (Москва).– 16.09.1992.

[8] *Белтадзе Г.* Большой бандитский передел // Вечерняя Москва (Москва).– 08.07.1997

[9] Досье «МН»из истории чеченского терроризма// Московские новости (Москва).– 22.06.1995 – № 42. Хроника террористических акций 1994 года – 28 июня 1994 года трое террористов захватили рейсовый автобус Ставрополь – Моздок близ Минеральных Вод, в котором находилось 40 человек. Двое из террористов являются лицами чеченской национальности. 28 июня 1994 года – захват автобуса Пятигорск – Советский с 40 пассажирами. Террористы – лица чеченской национальности – захвачены. В результате освобождения – погибли 2 человек из заложников, преступники были приговорены к смертной казни.

Само существование категории «чеченского терроризма» стимулирует появление версии об этнической предрасположенности чеченцев к совершению преступлений[10]. «Проблема чеченской преступности имеет глубокие корни, и ее истоки надо искать в особенностях истории и психологии вайнахов. Неблагоприятные природные условия всегда являлись труднопреодолимым препятствием для экономического благополучия Чечни, и ее воинственное население испокон веков промышляло набегами на соседние территории Закавказья и юга России»[11]. «Чеченский терроризм» становится частью повседневности россиян, построенной на совокупности идеологических стереотипов об исторических политических целях и этнических особенностях народа. Индикатором общественного признания «чеченского терроризма» может рассматриваться использование ее «лицами славянской национальности» как средства «прикрытия» при совершении преступных действий, с одной стороны, с другой – правоохранительными органами России, для которых «чеченский след» становится одной из первых рабочих версий объяснения преступлений[12].

В этот период за монополию использования и интерпретации категории «чеченский терроризм» начинают бороться разные политические силы. Официальные российские власти пропагандируют идею о «государственном» статусе «чеченского терроризма» и его связи с «преступным режимом Дудаева», в то время как власти Чечни обвиняют российские спецслужбы в совершении терактов и выдвигают свои версии для объяснения «чеченского терроризма». Обвинения правительства Чечни и федеральных властей отражают классическое противостояние между террористами и представителями государства, где террористы подчеркивают моральную оправданность, безвыходность своих действий, а официальные власти подчеркивают преступный характер и аморальность террористов (Carruthers 1996). Так и власти Чечни акцентируют внимание на позитивных, моральных основаниях терроризма чеченцев как единственного оставшегося в их распоряжении средства представить свою позицию международному сообществу и противодействовать «насилию» со стороны «федералов», в то время как российские органы власти подчеркивают отрицательные стороны терроризма «чеченцев» для ведения более эффективной борьбы с ним.

После окончания войны 1994–1996 годов и подписания соглашений в Хасавюрте «чеченский терроризм стал стабильным явлением российской действи-

[10] Чеченская война//Независимая газета (Москва). – 27.08.1996. – 158

[11] *Белтадзе Г.* Большой бандитский передел // Вечерняя Москва (Москва).– 08.07.1997

[12] *Леонтьев М.* Предвыборный террор//Сегодня (Москва). – 13.06.1996. – 102

тельности, и Россия согласна оставлять его безнаказанным»[13]. Власти России и Чечни пытаются выработать стратегию «хрупкого мира без взаимных обвинений», однако это плохо удается из-за продолжения терактов. Власти Чечни кроме аргумента о моральном праве террористов начинают использовать версию о криминальном характере «чеченского терроризма», целью которого является скорее индивидуальная нажива, а не политическое действие[14]. Этот аргумент не выдерживает проверки ситуацией. Теракты продолжаются, органы власти Чеченской Республики не в состоянии гарантировать обеспечение прав своих и иностранных граждан. Единственной стратегией «оправдания» терроризма является его политизация. Эту стратегию и начинают снова активно использовать власти Независимой Чеченской Республики. Терроризм вновь приобретает политический, морально оправданный статус и рассматривается как форма продолжения войны с Россией. «Даже если эти теракты совершили чеченцы, мы как руководители не имеем морального права их осудить, потому как мирный договор с Россией не подписан, значит, война не закончена»[15]. Аргументы о моральном основании терроризма не признаются морально оправданными с точки зрения международного права (Walzer 1977). Однако, грань между статусом «террориста» и революционера, повстанца, партизана и борца за независимость настолько хрупкая, что позволяет террористам постоянно использовать идеологические аргументы о «моральной» оправданности своих действий.

К 1999 году в отношении «чеченского терроризма» начинают преобладать негативные оценки, подчеркивающие глубокие, «международные» корни «чеченского терроризма». «Чеченский терроризм не миф и не химера. У него четко сформулированные цели и задачи, за ним стоят влиятельные силы как внутри России, так и за рубежом (в Германии, которая обучает чеченцев подрывному делу, в Пакистане и ряде арабских стран). Радуев только озвучивает некоторые установки своих наставников, главная цель которых – разрушение России»[16]. Эта цитата позволяет отметить важные изменения в оценке политической направленности «чеченского терроризма». «Чеченский терроризм» сепаратистской и националистической направленности, по сути, внутренний по отношению к российскому государству, преобразуется во внешний, международный «чеченский терроризм», целью которого является не только дестабилизация ситуации

[13] *Трубецкой О.* Террор с открытым забралом// Коммерсант (Москва). 06.05.1997. №17.

[14] Судят чеченских террористов // Коммерсант (Москва). 26.06.1998. № 113.

[15] *Трубецкой О.* Террор с открытым забралом // Коммерсант (Москва). 06.05.1997. № 17.

[16] *Караваева Ю.* Салман Радуев: «Идите и сейте смерть!» // Слово (Москва). 07.04.1999. № 25.

в регионе и в России, но и в целом в мире. «Исламский фактор», «фундаментализм» рассматриваются теперь как «истинный» источник развития терроризма в Чечне. Исламская идея «чеченского терроризма» служит обоснованием версии о международном характере «чеченского терроризма»[17]. Это значение международного «чеченского терроризма» близко к пониманию «абсолютного зла» для России, бороться с которым нужно и можно в принципе, но почти бесполезно по существу[18]. В некотором смысле продолжительность военной операции в Чечне служит отчасти подтверждением этого тезиса.

Итак, в эволюции смыслов категории «чеченский терроризм» в публичном дискурсе можно выделить условно четыре этапа, в которые та или иная трактовка терроризма становилась доминирующей:

- индивидуально-криминальный терроризм отдельных представителей чеченской национальности до 1994 года;
- политический (территориально-сепаратистский) терроризм с националистической спецификой (1994–1996);
- политический, «государственно-криминальный чеченский терроризм» режима Дудаева – Масхадова (1996–2000);
- «международный чеченский терроризм фундаменталистской направленности» (2000–2002 годы).

Эти этапы могут быть отчасти подкреплены статистическим распределением упоминаний категории «чеченский терроризм» в базе печатных статей www.public.ru : 1995 год – 14, 1996 – 69, 1997 – 17, 1998 – 8, 1999 – 112, 2000 год – 113, 2001 – 102 упоминания. В этом распределении с 1995 по 1998 г. число упоминаний категории «чеченский терроризм» незначительно (исключение составляет 1996 год). В период 1999–2000 гг.происходит раскручивание тем, связанных с «чеченским терроризмом», и число упоминаний этой категории становится наивысшим. После 2000 года количество упоминаний категории «чеченский терроризм» снижается, что может означать замену этой категории другой, предположительно категорией «международный терроризм в Чечне».

Выбор какого-либо из кодов терроризма есть предпосылка к выбору соответствующих методов борьбы с ним. Так, постепенно самый эффективный с точки зрения международной правовой практики тип кодификации терроризма в категориях уголовного преступления уступает место идеологическим конструкциям государственного и международного террора Чечни в российском правовом и публичном дискурсе. Легитимизация государственного статуса терроризма в Чечне, произведенная в официальных нормативно-правовых актах, обеспечивает воспроизводство и дальнейшее распространение идеологических кодов «чеченского терроризма». Переход к значению «государственного криминального типа терроризма в Чечне» позволяет отчасти уйти от отождествления субъекта терроризма со всеми жителями Чечни и предъявить обвинение в осуществлении акций террора прежде всего организаторам и политическим деятелям Независимой Ичкерии. Переход к коду «международного терроризма» позволяет вообще вывести из дискуссии морально оправданный, националистический характер «чеченского терроризма» и представить его как «абсолютное зло», требующее немедленных карательных действий. Корни «чеченского терроризма» становятся внешним по отношению к Чечне и к России, а дискуссия о статусе Чеченской республики заканчивается автоматически в пользу целостности Российской Федерации. Позитивным моментом современного преобразования значения «чеченского терроризма» является то, что чеченский «народ» становится дискурсивно в большей степени жертвой исламских экстремистов, «бандитов» и международных террористов, а не непосредственным актором террористических действий.

[17] *Камышев Д.* Путин готов добить врага в его логове// Коммерсант (Москва).– 15.09.1999. № 167; *Бовт Г.* Переговоры плюс удары с воздуха // Сегод ня (Москва).16.09.1999. № 208.

[18] *Ихлов Е.* Молчат ли правозащитники? // Иностранец (Москва). 03.11.1999. № 43.

Литература:

1. *Асанов Т., Федоров В.* (1999). Формы терроризма и методы (способы) реализации террористических акций // Терроризм: современные аспекты. Сборник научных статей, М.: Изд-во Академии управления МВД России. С. 91–97.

2. *Бельков О.* (2002). Международный терроризм – слова и смыслы // Власть. №2. С. 17–24.

3. *Бояр-Сазонович Т.С.* (1991). Международный терроризм: политико-правовые аспекты, Киев-Одесса.:Лыбидь.

4. *Емельянов В.П.* (2000). Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право. № 1. С. 70–77.

5. *Ляхов Е.Г.* (1991).Терроризм и межгосударственные отношения. М.

6. *Орлов О.П.* (2000). Нарушения прав человека во время военных действий в Чеченской Республике // Проблемы жертв военных действий в Чеченской Республике. Механизм реализации судов и мер прокурорского реагирования, М.: Р-Валент.

7. Терроризм и террористы: исторический справочник. (1999). М.

8. *Тишков В.А.* (2001). Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны, М.: Наука.

9. *Carruthers S.* (1996). Reporting terrorism: the British state and the media, 1919-1994, edited by I. Stewart and S. Carruthers 'War, culture and the Media: Representations of the Military in 20th Century Britain', Flick books, Wiltshire, 101–130.

10. *Hardman J.B.* (1978). Terrotism: A Summing Up in the 1930s, edited by W. Laqueur in 'The Terrorism reader: a Historical anthology', London, 223–230.

11. *Johnson Ch.* (1978). Perspectives on terrorism, edited by W. Laqueur in 'The Terrorism reader: a Historical anthology', London, 267–285.

12. *Walzer M.* (1977). Just and Unjust Wars: a Moral Argument with historical Illustrations, Basic books, New York.

Ирина Смирнова[1]

Вторая премия

Исламский мир глазами российских СМИ
(геополитический аспект проблемы рассмотрен на примере «Общей Газеты»)

1. Обоснование темы исследования

Тема сохранения мира далеко не нова и как нельзя актуальна сегодня, когда глобальной проблемой стали этнорелигиозные конфликты на стыке исламской цивилизации с неисламскими.

После сентябрьских событий в США интерес к мусульманству и государствам, входящим в условный ареал распространения этой цивилизации, резко возрос. Естественно, резко вырос и рейтинг исламской темы в СМИ: телевизионных, радийных, печатных и электронных.

Целью данной работы является попытка проследить реакцию российских СМИ на события, происходившие в Америке в сентябре 2001 года. Материалом стали публикации двух временных отрезков: августа и октября. В качестве объекта исследования выбрана «Общая Газета».

Критерии, по которым отслеживалась реакция, – трансформирование освещаемого газетой ареала исламской цивилизации с сопредельными территориями (в трактовке газеты), изменение интенсивности и тональности публикаций на исследуемую тему.

2. Методология исследования

2.1. Географическая составляющая исследования

При картографировании геопространства не всегда возможно объективно отразить реальность явлений. В таких случаях используют не традиционные карты, а картоиды, к коим относятся и анаморфозы. При построении картоидов в уравнение проекции в качестве переменных включены не только географические координаты, но и сам картографируемый показатель (в данном случае – параметры освещения исследуемой темы).

В одних случаях анаморфозы остаются произвольными построениями (как в данной работе), в других требуют привлечения мощных компьютерных тех-

[1] Студентка V курса ВО факультета географии и геоэкологии СПб ГУ –

нологий и картографического оборудования. Основное свойство анаморфоз – информативность и наглядность (оценить которую можно только при наличии обычной карты). В арсенале географии анаморфозы – один из методов в рамках картографического метода [1].

В настоящем исследовании карта-анаморфоза используется как метод обобщения данных, полученных в ходе исследования печатных СМИ с помощью контент-анализа, позволяющий увидеть более объемную картину и точнее оценить масштабность происшедших изменений.

2.2. Социологическая составляющая исследования

Контент-анализ – междисциплинарный научный метод изучения документов. Область его применения – семиотика, лингвистика, теория информации, математическая статистика и другие отрасли знания.

Основная задача метода – сведение многообразия информации по интересующей проблематике к величинам, удобным для подсчета и построения системы опорных понятий, служащих средством для «перевода» естественного языка документа на язык исследования. Выбор единиц анализа зависит от конечной цели исследования [2/3].

2.2.1. Объект исследования

Идея изучения общественного сознания с помощью анализа СМИ не нова. Таким путем еще с 60-х годов выявляются наиболее интересные общественно-политические тенденции [3/4/5].

В данной работе выбраны печатные СМИ как наиболее удобный источник получения информации. Объектом изучения стал еженедельник «Общая Газета» («ОГ») как отвечающий целям исследования источник информации. «ОГ» обладает существенными информационными ресурсами, освещающими политические и наиболее значимые экономические события регионов России, ближнего и дальнего зарубежья; а также культурный аспект.

Исходя из заявленной концепции издания, аудитория газеты – люди различных возрастов, политических пристрастий и этнической принадлежности. Выходит «ОГ» в 208 городах на 16 полосах тиражом 181 142 экземпляра (из них региональный – 127 тыс.). Помимо РФ, в географию распространения входят все столицы и крупные города ближнего зарубежья, Болгарии, Германии, Израиля, США, Чехии. Это свидетельствует о попытке соответствовать названию и подавать материал широко, приводя разные, порой и полярные мнения, отражающие мировоззрение различных слоев общества.

«ОГ» – общеполитическое издание с информативно-аналитическим содержанием публикаций, объединяющее людей, думающих на русском языке и склонных критически оценивать поступающую информацию.

2.2.2. Характеристики исследования

Материалы исследования анализировались за 2 периода: август и октябрь 2001 года, что позволило проследить изменения параметров освещения темы, произошедшие за сентябрь. События в Нью-Йорке явились для многих переломным моментом, обусловившим переход от би- и многополярной геополитической системы к созданию единой мировой системы власти во всемирном демократическом обществе.

Сентябрьские номера не анализировались, так как уделяли больше внимания исследуемой теме, что не позволяло с необходимой точностью определить искомые тенденции.

Значимость того или иного геополитического пространства в рейтинге «ОГ», на основе которого строились карты-анаморфозы, определялась частотой его прямых (имеющих конкретный геоадрес) и косвенных упоминаний (упоминание какой-либо народности, ее культурных традиций; иносказательное упоминание географического объекта/приведение его исторического названия; использование словесных штампов, стойко ассоциирующихся с представителями исламской цивилизации и их геополитическим пространством и т.д.). Косвенные упоминания различаются по эмоциональной окраске: позитивные, нейтральные, негативные.

3. Результаты исследования

3.1. Анализ первого периода

Таблица 1

Сводный рейтинг косвенных упоминаний за период с 9 августа по 5 сентября

Географ. объект	«+»	%	нейтрал.	%	«–»	%	Всего	%
Чечня	20	7,09	23	8,15	50	17,73	93	32,97
Палестина	1	0,35	5	1,77	26	9,22	32	11,35
Албания			13	4,60	10	3,54	23	8,15
Афганистан			3	1,06	19	6,73	22	7,89
Турция			19	6,73	2	0,71	21	7,45
Ирак	1	0,35	9	3,19	3	1,06	13	4,60
Иран	1	0,35	3	1,06	7	2,48	11	3,90
Израиль			11	3,90			11	3,90

Географ. объект	«+»	%	нейтрал.	%	«–»	%	Всего	%
Македония			6	2,12			6	2,12
Казахстан	1	0,35	4	1,41			5	1,77
Иордания	2	0,71	2	0,71			4	1,41
Пакистан			4	1,41			4	1,41
Азербайджан			4	1,41			4	1,41
Египет	2	0,71	1	0,35			3	1,06
Кыргызстан	1	0,35	2	0,71			3	1,06
Карачаево-Черкесия			3	1,06			3	1,06
Ингушетия			3	1,06			3	1,06
Туркменистан			2	0,71			2	0,71
Сауд. Аравия			1	0,35			1	0,35
Узбекистан			1	0,35			1	0,35
Нагорный Карабах					1	0,35	1	0,35
Ичкерия			1	0,35			1	0,35
Упоминания без геоадреса							15	5,31
Всего:	29		120		162		282	100

В первый период наблюдается устойчивый интерес к достаточно узкому (по сравнению с исламским миром в целом) кругу стран.

По материалам публикаций абсолютный лидер – Чечня[2].

Из всех «+» упоминаний доля Чечни составляет 80%, из них 44% приходится на религию. В нейтральных доля Чечни составляет 17,42% (чеченцы, чеченский, грозненский), из них 4,54% – о религии (правоверные, «держать уразу», др.).

Среди негативных преобладают: «боевики», «полевые командиры», «знатные эмиры» и др., что составляет 40% от общего количества негатива (на религию приходится 3,2%).

Чечня лидирует и по статистике прямых упоминаний – 21,39%, из которых 15,5% принадлежит внутрирегиональной географии. Населенные пункты преимущественно упоминались в связи с военными действиями.

Публикации из региона поступали в фоновом режиме. Тематика материалов весьма разнообразна: от военной до проблем образования.

После Чечни следуют экономические партнеры – Казахстан и Иран.

Чаще упоминается и более детально рассматривается внутренняя география Казахстана как важной части некогда единой с Россией экономической и хозяйственной системы. В публикациях преобладает тема импорта казахских природ-

[2] Здесь и далее в п. 3.1 см. таблицы 1.2.

ных ресурсов, а также статуса Каспийского моря. Однако по статистике косвенных упоминаний Казахстан стоит лишь на 10 месте.

Иран упоминался в 8,02%, около половины случаев – обзор внутренней географии в связи с экономическими интересами страны, а именно с закупками энергоносителей в бывших республиках СССР (Туркменистане и Азербайджане) и постройкой нефте- и газопроводов. Среди косвенных упоминаний превалировали негативные («ультрарадикальные политики», «страна-изгой») – 7 против 3 нейтральных.

Далее идут Палестина и Македония, которой уделяется больше внимания. В проблемном освещении преобладает тема этнополитического противостояния.

Среди косвенных упоминаний Палестины почти все – 26 (2 место после Чечни, 50) – крайне негативные («терроризм», «экстремизм» со всевозможными производными), дается информация о радикальных партиях и главе ПА. Нейтральных упоминаний – 5.

Достаточно много внимания уделялось Турции, претендующей на роль центра силы в азиатском регионе. Негативные упоминания связаны с прошлым: геноцид армян, Оттоманская империя...

Постоянный интерес России вызывает Азербайджан, что связано с экспортом азербайджанской нефти в Иран. Крайне мало внимания уделялось карабахскому конфликту.

Израиль, как и Палестина, имеет высокий рейтинг.

Албания и Косово тоже относятся к регионам с этнополитическими конфликтами в «открытой форме», но газетный интерес к ним ниже. О косоварах не писали, а албанцев вспомнили 23 раза: 10 – негативно (например, албанские боевики) и 13 – нейтрально.

Об Афганистане было 6 прямых упоминаний, половина из них связана с внутренней географией. Среди косвенных упоминаний: негативных – 19 (талибы, шариат и т.д.) и нейтральных – 3. Это ставит Афганистан только на 5 место в итоговом рейтинге периода.

Упоминания остальных геообъектов исламской цивилизации носилио эпизодический характер, что связано с относительной незначимостью региона, по мнению «ОГ».

Следующим образом распределились «+» упоминания исламской цивилизации (25% от ∑ косвенных упоминаний): о религии – 44%, об общественно-политической жизни – 32%, о культурной жизни – 24%.

В отдельную категорию можно выделить упоминания религии и традиций. Это составляет 9,92% от общего количества косвенных упоминаний.

Все «+» высказывания о религии и традициях («мусульмане», «Аллах») были выделены в статьях о тяготах мирного населения, не участвующего в боевых действиях в Чечне. Для них религия – источник силы, помогающий выжить в условиях войны, которой официально нет.

Больше половины «–» упоминаний, среди которых те же «мусульмане», а также «шариат», «ваххабизм», «моджахеды», тоже связано с Чечней. Остальные высказывания поровну делят Афганистан («шариат»), Иран («исламская революция») и исламский мир в целом («мусульманская вера»).

Лидирует Чечня и по нейтральным упоминаниям (6 из 9). За ней идут Турция и Ирак.

Среди «–» упоминаний можно проследить тенденцию к образованию синонимических рядов.

Самый весомый по общей сумме слов следующий:

= боевики (17)[3], полевые командиры (1), знатные эмиры (3), мятежники (1), моджахеды (1), талибы (12) – такие определения даются носителям ислама, воюющим в различных точках мира. При этом слово «боевики» 15 из 17 раз использовалось в связи с чеченским конфликтом, и только 2 раза – в статье о македонских албанцах.

«Полевые командиры» и «знатные эмиры» упоминались в контексте чеченской тематики.

Слово «талибы» использовалось только в материалах об афганской войне, о которой за весь период дана только 1 публикация.

Слово «моджахед» использовалось как негативное описание участника конфликта.

Негативная оценка деятельности представителей исламской цивилизации:

= террорист (терроризм) (9), радикальный (ультрарадикальный) (3), фанатик-экстремист (1) (экстремист (3), фанатик (1)), сепаратизм (1), террорист-камикадзе (2), самоубийцы (в предыдущем значении)(2).

Здесь Чечня уступает лидерство Палестине. Характерные определения, отражающие способ действия палестинцев: «террорист-камикадзе», «самоубийцы»; эти определения не встречаются в отношении других геоадресов, как и определения «террорист», «терроризм», в некоторых случаях – с эпитетами «профессиональный», «арабский», «терроризм целого государственного образования».

У Палестины монополия и на определения «фанатизм», «экстремизм» и все их производные.

[3] Здесь и далее – количество упоминаний данного значения, встречающихся в публикациях «ОГ».

И только в определении «радикальный» Палестина отстает от Ирана (1:2).

Чечня же представлена одним «сепаратизмом».

О религии:

= мусульмане (1), мусульманская вера (1), шариат (2), ваххабизм (1).

Все определения давались с ярко выраженной негативностью по отношению к объектам описания и относились только к двум регионам: Чечне (3 из 5 упоминаний) и Афганистану (1 из 5).

Словосочетание «мусульманская вера» встречалось всего 1 раз и служило негативным описанием всей исламской цивилизации.

«Шариат» в контексте означал не свод исламских законов, а беззаконие, учиняемое носителями ислама в Чечне и Афганистане.

Словом «ваххабизм» характеризовалась теоретическая база деятельности вооруженных формирований в Чечне.

= чеченцы (3), чеченский след (1), чеченская версия (2), «черные» (1), «кавказская национальность» (1) – такие определения давались людям и событиям, имеющим отношение к конфликту в Чечне.

= геноцид (2), конфликт (2), война (2), силовые действия (2), горячие точки (1), узел (1), «пороховая бочка» (2).

Определения, даваемые вооруженной агрессии, также имеют свою специфику. Так, слово «геноцид» употреблялось для описания действий, предпринятых Турцией в отношении армянского народа. «Горячие точки» в южном подбрюшье Европы, «балканский узел» – часть бывшей Османской империи.

«Конфликт» – карабахский и ближневосточный (сравниваемый и с «пороховой бочкой»).

= исламская революция (1) (Иран), диктатор (1) (Ирак).

= беженцы (11), заложники (1).

Как и «боевики», «беженцы» упоминаются только в связи с Чечней и Албанией (10:1).

О заложниках говорится только в статье об Афганистане.

= албанский (1), «неалбанцы» (1).

= страны-изгои (2) – эпитет относился к Пакистану, Ираку, Ирану и Ливии.

Основной интерес газеты вызывает политическая жизнь в конфликтных регионах: Чечня, Израиль, Афганистан, Палестина, Косово, Македония, Ирак, а также в некоторых других регионах России и постсоветского пространства. Экономические партнеры остаются на 2 месте: Пакистан, Казахстан, Туркменистан и др. В 1-й подгруппе превалируют негативные упоминания, во 2-й – нейтральные.

Таблица 2

Общий рейтинг упоминания геообъектов исламской цивилизации

Геогр. объект	Кол-во прям. уп-ний	Кол-во косв. уп-ний	Общ. кол-во уп-ний	Доля всех уп-ний, %
Чечня	40	93	133	27,94
Палестина	13	32	45	9,45
Турция	10	21	31	6,51
Албания	8	21	29	6,09
Афганистан	6	22	28	5,88
Иран	15	11	26	5,46
Казахстан	19	5	24	5,04
Израиль	9	11	20	4,20
Македония	13	6	19	3,99
Ирак	2	13	15	3,15
Азербайджан	9	4	13	2,73
Косово	7	–	8	1,68
Туркменистан	6	2	8	1,68
Пакистан	3	4	7	1,47
Кыргызстан	3	3	6	1,26
Карачаево-Черкесия	3	3	6	1,26
Узбекистан	5	1	6	1,26
Ингушетия	2	3	5	1,05
Египет	2	3	5	1,05
Иордания	1	4	5	1,05
Дагестан	4	-	4	0,84
Татарстан	2	1	3	0,63
Ичкерия	1	1	2	0,42
Саудовская Аравия	1	1	2	0,42
Абхазия	1	–	1	0,21
Адыгея	1	–	1	0,21
Босния	1	–	1	0,21
ОАЭ	1	–	1	0,21
Сирия	1	–	1	0,21
Ливия	1	–	1	0,21
Тунис	1	–	1	0,21
Сингапур	1	–	1	0,21
Восточный Тимор	1	–	1	0,21
Нагорный Карабах	–	1	1	0,21
Упоминания без геоадреса		15		3,15
Всего	197	282	476	100

Видно, что рейтинги прямых и косвенных упоминаний геообъектов исламского мира в 1-й период сильно не различаются. В обоих случаях большее внимание уделяется регионам, подверженным этнополитическим конфликтам. Причем, чем ближе конфликтный регион к границам России (особенно, если регион входит в состав РФ) тем интенсивнее его освещение. Прослеживается интерес к странам – экономическим партнерам России, а также к государствам постсоветского пространства.

3.2. Анализ второго периода

Таблица 3

Сводный рейтинг косвенных упоминаний за период с 4 по 31 октября

Геогр. объект	«+»	%	нейтрал.	%	«–»	%	Всего	%
Афганистан	1	0,06	132	7,76	117	6,87	250	14,69
Чечня			44	2,58	92	5,40	136	7,99
Ирак	9	0,52	50	2,93	19	1,11	78	4,58
Крым (тат.)			52	3,06	9	0,53	61	3,58
Пакистан	1	0,06	51	2,99	8	0,47	60	3,52
Абхазия			41	2,41	13	0,76	54	3,17
Узбекистан	2	0,12	35	2,05	11	0,65	48	2,82
Индия			9	0,53	22	1,29	31	1,82
Албания	1	0,06	22	1,29	7	0,41	30	1,76
Палестина			12	0,70	15	0,88	27	1,58
Израиль			24	1,41			24	1,41
Казахстан			19	1,11	1	0,06	20	1,17
Азербайджан			12	0,70	7	0,41	19	1,11
Катар			16	0,94			16	0,94
Таджикистан			9	0,53	1	0,06	10	0,59
Иран			5	0,29	4	0,24	9	0,53
Македония			7	0,41	1	0,06	8	0,49
Египет			2	0,12	6	0,35	8	0,47
Турция			5	0,29	1	0,06	6	0,35
Саудовская Аравия			5	0,29	1	0,06	6	0,35
Курдистан			1	0,06	4	0,24	5	0,29
Косово					4	0,24	4	0,24
Туркменистан			4	0,24			4	0,24
Иордания			2	0,12	1	0,06	3	0,18
Ливан					3	0,18	3	0,18
Алжир			2	0,12	1	0,06	3	0,18
Кыргызстан					3	0,18	3	0,18

Геогр. объект	«+»	%	нейтрал.	%	«–»	%	Всего	%
Нагорный Карабах					2	0,12	2	0,12
Йемен			2	0,12			2	0,12
Ингушетия			2	0,12			2	0,12
Кабардино-Балкария					1	0,06	1	0,06
Ичкерия					1	0,06	1	0,06
Молдова					1	0,06	1	0,06
Дагестан			1	0,06			1	0,06
Китай			1	0,06			1	0,06
Кувейт			1	0,06			1	0,06
Сирия			1	0,06			1	0,06
Индонезия					1	0,06	1	0,06
Уп-ния без геоадреса	17	0,99	189	11,11	553	32,51	759	44,62
Всего:	31	1,82	733	43,09	912	53,61	1701	100

В публикациях октября отслеживаются новые тенденции в освещении исламской темы. Заметно расширился освещаемый ареал. На карте Африканского континента появилось несколько стран, где мусульманство является превалирующей религией или исповедуется влиятельным меньшинством (напр., Эфиопия). Также газета «открывает» «новые» государства на Ближнем Востоке: Йемен, Катар, Бахрейн. В Юго-Восточной Азии тоже, оказывается, проживает огромное количество мусульман – это диаспоры в инокультурных странах (Индия, Китай), а также непосредственно исламские государства (Бангладеш).

Интенсивность освещения исламской темы увеличилась в 5 раз. В первую очередь это коснулось Афганистана, который переместился на 1 место. После него идет Чечня. Часто упоминается Ирак («Буря в пустыне», фундаменталистский потенциал населения), в рейтинге косвенных упоминаний он стоит на 3 месте. Постановка на 4 место Крыма вызвано публикациями о волнениях, связанных с крымскими татарами.

Далее идет ожерелье «прифронтовых» государств: Пакистан, Узбекистан, Индия. Неизменно внимание и к арабо-израильскому конфликту.

Наблюдается усиление интереса не только к традиционно значимым для российской внешней политики государствам, но и к странам, удаленным от центра важнейших мировых событий.

Среди «–» упоминаний также можно выделить синонимические ряды. Семиотически они мало отличаются от аналогичных августовских, но по форме они стали более разнообразными, так как увеличилась интенсивность освещения темы.

Несколько рядов предлагают эпитеты, дающие описание конфронтации и задействованных акторов.

= война (28), конфликт (5), военные/боевые/силовые акции/действия (5), бомбардировки (13), (чеченская) кампания (1), кровопролитие (1), (афганский) «котел» (1)/фронт (1), (карабахский) вопрос (2), (чеченский) опыт/вопрос/проблема (6), «огненная дуга по подбрюшью Евразии/России (2), «черный квадрат Кавказа»(1);

= боевики (40), полевые командиры (5), наемники (2), сепаратисты (10), преступники (1), бандиты (6);

= радикальные (2)/экстремистские исламские (2) организации/группировки, бандформирования (1), «след» (3);

= международный терроризм/террористы(31), терроризм/террорист (188), сепаратизм (5), национализм (5).

Далее следуют оценочные суждения о действиях воинствующих представителей исламской культуры:

= экстремизм (5), фундаментализм (1), радикальный фундаментализм (2), ваххабизм (1), неоваххабизм (1), джихад (11);

= исламский (8)/мусульманский (3) радикал, исламский (6)/фанатик (1)-экстремист, исламист (3), фанатик-исламист (1)/террорист (1), террорист-самоубийца (1).

События, происходившие в США в сентябре, описывают 2 последние цепочки:

= теракт (37), сентябрьский террор (1), 11 сентября (24), трагические события 11 сентября (3), нью-йоркская катастрофа (2), акт насилия в Нью-Йорке (1), атака на Нью-Йорк (14), таран башен-близнецов (1), «черный вторник»(1);

= биотеррор (4), сибирская язва (17), штамм (1).

Положительные упоминания по количеству мало отличаются от первого периода (31 : 25), но по качеству совершенно другие и отражают полярные взгляды на ислам. Сторонники классического толкования отдают предпочтение гуманистическим ценностям религии и культурным традициям. Радикалы превозносят Осаму Бен-Ладена как героя и защитника всех мусульман от «дикого» Запада, а джихад именуют основным положением ислама и единственно верным способом служения Аллаху.

Ислам как религию упоминали 184 раза, из них положительно – 18 (см. выше), нейтрально – чаще, чем в августе, и более подробно – 93 раза, и негативно – 73 (см. еще выше).

Во 2-й период интерес проявляется прежде всего к политической жизни регионов, находящихся в состоянии межцивилизационного конфликта (геогра-

фическое исключение составляют США, занимающие 3 место в рейтинге после упоминаний Афганистана и Осамы Бен-Ладена). Доминирует интерес к средне- и центрально-азиатским конфликтам, в связи с которыми упоминаются примыкающие к проблемному региону государства, в том числе постсоветского пространства. Далее – Ближний Восток. Появление маленького государства Катар на 6-м месте рейтинга обязано доселе известной только в арабских странах телекомпании Аль-Джазира, активно освещавшей афганские события.

Чечня занимает только 12-е место.

Интерес к другим регионам обусловлен влиянием конфликтогенного фактора.

Таблица 4

Сводный рейтинг всех упоминаний геообъектов исламского мира

Геогр. объект	Кол-во прям. уп-ний	Доля косв. уп-ний, %	Кол-во косв. уп-ний	Доля прям. уп-ний, %	∑ всех уп-ний	Доля региона во всех уп-ниях, %
Афганистан	250	12,56	48	2,41	298	14,97
Чечня	136	6,83	39	1,95	175	8,79
Пакистан	59	2,96	29	1,45	88	4,42
Ирак	78	3,92	6	0,30	84	4,22
Абхазия	54	2,71	16	0,80	70	3,51
Крым (тат.)	61	2,86	11	0,55	68	3,41
Узбекистан	48	2,41	18	0,90	66	3,31
Индия	31	1,55	1	0,05	32	1,60
Израиль	24	1,20	8	0,40	32	1,60
Албания	30	1,50	–	–	30	1,50
Палестина	27	1,35	3	0,15	30	1,50
Казахстан	20	1,00	10	0,50	30	1,50
Азербайджан	19	0,95	6	0,30	25	1,25
Таджикистан	10	0,50	13	0,65	23	1,15
Катар	16	0,80	1	0,05	17	0,85
Иран	9	0,45	8	0,40	17	0,85
Египет	8	0,40	6	0,30	14	0,70
Турция	6	0,30	6	0,30	12	0,60
Македония	8	0,40	3	0,15	11	0,55
Сауд. Аравия	6	0,30	5	0,25	11	0,55
Туркменистан	4	0,20	5	0,25	9	0,45
Косово	4	0,20	5	0,25	9	0,45
Кыргызстан	3	0,15	4	0,20	7	0,35
Алжир	3	0,15	3	0,15	6	0,30

Геогр. объект	Кол-во прям. уп-ний	Доля косв. уп-ний, %	Кол-во косв. уп-ний	Доля прям. уп-ний, %	∑ всех уп-ний	Доля региона во всех уп-ниях, %
Курдистан	5	0,25	–	–	5	0,25
Ливан	3	0,15	2	0,10	5	0,25
Иордания	3	0,15	–	–	3	0,15
Йемен	2	0,10	1	0,05	3	0,15
Ингушетия	2	0,10	1	0,05	3	0,15
Кабардино-Балкария	1	0,05	2	0,10	3	0,15
Кувейт	1	0,05	2	0,10	3	0,15
Индонезия	1	0,05	2	0,10	3	0,15
Бахрейн	–	–	3	0,15	3	0,15
ОАЭ	–	–	3	0,15	3	0,15
Нагорный Карабах	2	0,10	–	–	2	0,10
Дагестан	1	0,05	1	0,05	2	0,10
Китай	1	0,05	1	0,05	2	0,10
Бангладеш	–	–	2	0,10	2	0,10
Малайзия	–	–	2	0,10	2	0,10
Ливия	–	–	2	0,10	2	0,10
Карачаево-Черкессия	–	–	2	0,10	2	0,10
Ичкерия	1	0,05	–	–	1	0,05
Молдова	1	0,05	–	–	1	0,05
Сирия	1	0,05	–	–	1	0,05
Эфиопия	–	–	1	0,05	1	0,05
Татарстан	–	–	1	0,05	1	0,05
Сев. Осетия	–	–	1	0,05	1	0,05
Ангола	–	–	1	0,05	1	0,05
Руанда	–	–	1	0,05	1	0,05
Уп-ния без геоадреса	759	38,14				
Всего:	1701	85,47	289	14,52	1990	100

Рейтинги прямых и косвенных упоминаний октября не сильно различаются и ставят на значимые позиции примерно те же государства.

Чечня, бывшая абсолютным лидером во всех номинациях августа, в октябре отошла на 2 место, также снизилась интенсивность освещения прилежащих к ней автономий (Ингушетии, Дагестана). Зато расширилась география освещения Кавказского региона в целом (появились Кабардино-Балкария, Северная Осетия, а интенсивность освещения Абхазии увеличилась в 70 раз).

Резко вырос рейтинг центрально-азиатских государств, окружающих «проблемный» афганский регион. Особенно это коснулось Пакистана (поднялся с 13-го на 3-е место) и Ирака (с 10-го на 4-е место).

Наиболее освещаемыми государствами постсоветского пространства стали бывшие среднеазиатские союзные республики, превратившиеся в своеобразный буфер между Россией и Афганистаном. На освещаемой газетой территории появился Таджикистан, в 11 раз вырос рейтинг Узбекистана.

Единственное из государств мусульманской орбиты, оставшееся на прежней строчке, – это Израиль. Палестина опустилась со 2-го на 9-е место. Однако спад интереса, вероятно, носит временный характер. То же справедливо и для балканского конфликта.

Отмечается резкое снижение интенсивности освещения стран – экономических партнеров. Единственным исключением стал Азербайджан, который поднялся с 11-го на 10-е место. Колебания рейтинга других регионов незначительны.

4. Сравнительный анализ двух периодов исследования

Таблица 5

Сравнительный рейтинг суммарного количества прямых и косвенных упоминаний геообъектов исламского мира

Геогр. объект	9.08-5.09 Σ уп-ний	Доля региона, %	Место в рейтинге	4.10-31.10 Σ уп-ний	Доля региона, %	Место в рейтинге
Афганистан	28	5,88	5	298	14,97	1
Чечня	133	27,94	1	175	8,79	2
Пакистан	7	1,47	13	88	4,42	3
Ирак	15	3,15	10	84	4,22	4
Абхазия	1	0,21	19	70	3,51	5
Крым (тат.)	-	-	-	68	3,41	6
Узбекистан	6	1,26	14	66	3,31	7
Индия	-	-	-	32	1,60	8
Израиль	20	4,20	8	32	1,60	8
Албания	29	6,09	4	30	1,50	9
Палестина	45	9,45	2	30	1,50	9
Казахстан	24	5,04	7	30	1,50	9
Азербайджан	13	2,73	11	25	1,25	10
Таджикистан	-	-	-	23	1,15	11
Катар	-	-	-	17	0,85	12
Иран	26	5,46	6	17	0,85	12
Египет	5	1,05	15	14	0,70	13

Геогр. объект	9.08-5.09 Σ уп-ний	Доля региона, %	Место в рейтинге	4.10-31.10 Σ уп-ний	Доля региона, %	Место в рейтинге
Турция	31	6,51	3	12	0,60	14
Македония	19	3,99	9	11	0,55	15
Сауд. Аравия	2	0,42	18	11	0,55	15
Туркменистан	8	1,68	12	9	0,45	16
Кыргызстан	6	1,62	14	7	0,35	17
Алжир	-	-	-	6	0,30	18
Курдистан	-	-	-	5	0,25	19
Ливан	-	-	-	5	0,25	19
Косово	8	1,68	12	9	0,45	20
Иордания	5	1,05	15	3	0,15	21
Йемен			-	3	0,15	21
Ингушетия	5	1,05	15	3	0,15	21
Кабардино-Балкария	-	-	-	3	0,15	21
Кувейт	-	-	-	3	0,15	21
Индонезия	-	-	-	3	0,15	21
Бахрейн	-	-	-	3	0,15	21
ОАЭ	1	0,21	19	3	0,15	21
Китай	-	-	-	3	0,15	21
Нагорный Карабах	1	0,21	19	2	0,10	22
Дагестан	4	0,63	16	2	0,10	22
Бангладеш	-	-	-	2	0,10	22
Малайзия	-	-	-	2	0,10	22
Ливия	1	0,21	19	2	0,10	22
Карачаево-Черкесия	6	1,62	14	2	0,10	22
Ичкерия	2	0,42	18	1	0,05	23
Молдова	-	-	-	1	0,05	23
Сирия	1	0,21	19	1	0,05	23
Эфиопия	-	-	-	1	0,05	23
Татарстан	3	0,63	17	1	0,05	23
Сев. Осетия	-	-	-	1	0,05	23
Ангола	-	-	-	1	0,05	23
Руанда	-	-	-	1	0,05	23
Тунис	1	0,21	19	-	-	-
Адыгея	1	0,21	19	-	-	-
Босния	1	0,21	19	-	-	-
Сингапур	1	0,21	19	-	-	-
Восточный Тимор	1	0,21	19	-	-	-
Упоминания без геоадреса				759	38,14	
Всего:	476			1990		

По результатам исследования двух периодов и сделанным на их основе картам-анаморфозам видно, что ситуация с освещением мусульманской тематики сильно изменилась.

Поменялись регионы приоритетного освещения. В августе на значимых позициях стояли государства, входящие в зону экономических интересов России, и участники «традиционных» для мировой политики конфликтов. В октябре четкий приоритет у регионов, подверженных этнополитическим конфликтам. Гораздо ниже расположились в рейтинге экономические партнеры.

В октябре расширилась география освещаемого политического пространства по всему периметру распространения исламской цивилизации.

Увеличилась интенсивность освещения темы. Тональность публикаций чаще негативная.

Характерной особенностью второго периода является меньшая персонификация негативных упоминаний.

Произошли изменения в адресности словесных штампов. Если в августе «боевики» в основном чеченские и изредка (2 из 17) албанские, то в октябре они и абхазские, и узбекские, и афганские. Чечня уступила свою монополию и на «полевых командиров» в пользу Албании, Афганистана и Палестины. Да и «след» теперь не только чеченский, но и иракский.

Таким образом, на страницах «ОГ» наблюдается «интеграция» внутрироссийской проблемы в общемировую: терроризм не имеет конкретной национальности и религии.

Константин Крылов[1]

Вторая премия

Проблема теоретико-правового дискурса политического (государственного) насилия

(юридико-аксиологический подход к проблеме соотношения понятий государственного насилия и правового принуждения)

В современном мире политическое насилие, приобретая самые разнообразные формы (экстремизм, терроризм), занимает прочное положение и оказывает существенное влияние на текущие политические и социокультурные процессы. В данной работе между терминами «государственный терроризм», «государственное насилие», «политическое насилие» не ставится знак равенства, но выявление отличий или соподчиненности этих явлений не входит в задачу автора. Термины используются в качестве «антитезиса» к государственному принуждению, основанному на Праве.

Широчайший спектр дефиниций термина «насилие», и в частности «политическое насилие», отражает пестрый субъектно-объектный состав явления. Современные юристы (практики и теоретики) иногда склонны ограничивать рассмотрение насилия как некую сумму индивидуальных или коллективных девиантных действий. При таком подходе государство «выпадает» из контекста насилия, хотя именно государство зачастую главный и определяющий источник насилия. Немецкий социолог Энценсбергер считает, что «терроризм – ровесник любой формы власти, ибо всякая власть, являясь присвоением права на пролитие крови, порождает ответную реакцию столь же экстремальную и кровавую».[2]

С другой стороны, еще Макс Вебер обосновывал атрибутивную роль насилия для государственной власти. Не оспаривая авторитет Вебера, необходимо отметить, что атрибутивность насилия в свете современных концепций правового государства уже нельзя рассматривать как некую фатальную неустранимость. Власть обязана подчиняться закону. Пользуясь обычной оговоркой Канта, которую он делал, рассуждая о высших идеях, можно сказать, что лишение возмож-

[1] Аспирант 1 года обучения Северо-Западной академии государственной службы.

[2] Цит по: *Грачев А.С.* Политический экстремизм. М., 1986. С. 21.

ности государства совершать насилие – есть «идея разума, для которой, может быть, нет никакого примера в опыте»[3].

Многие представители политологической науки также трактуют политическое насилие в расширительном смысле. Так, П. Рига пишет, что «насилие – это любое ограничение фундаментальных прав человека»[4]. Липатов И.М. говорит, что «политическое насилие есть идеологически обусловленная и материально обеспеченная деятельность... направленная на применение средств принуждения»[5]. Кугай А.И. пишет, что «политическое насилие – это подавление или принудительное ограничение свободы воли социального субъекта, обусловленное действиями социальных сил... утверждающих определенный социально-политический идеал»[6].

Энциклопедический словарь «Политология» дает следующее определение: «Насилие понимается как государственное насилие и насилие в прямом смысле этого слова. Насилие в первом значении – государственная власть, опирающееся на право и ограниченное правом»[7]. Феноменальность данного определения правоведу трудно переоценить. По-видимому, в этом определении отразилось понимание права как воли господствующего класса, возведенной в закон. На основании данного определения нетрудно продолжить цепочку рассуждения и сделать вывод о том, что правовое государство – суть насилие.

Таким образом, целый ряд авторов придерживаются расширительного толкования, считая насилием все то, что наносит ущерб человеку. Такая позиция критикуется в литературе (Залысин И.Ю., Дмитриев А.В.). Очевидно, что «расширительное толкование политического насилия лишает это понятие предмета, качественной определенности. Открывается возможность для произвольного толкования его сущности»[8].

Вместе с тем, Дмитриев А.В. и Залысин И.Ю. утверждают, что «любая власть предполагает асимметрию, неравное положение сторон... что обуславливает применение насильственных средств»[9] в конфликте интересов субъектов политического процесса. Однако, придерживаясь концепции правового государства, ее необходимости для целеполагания развития государственности, большинство теоретиков права и государства (Спиридонов Л.И. и др.), считают, что без правового (хотя бы формального) равенства государства и личности не может существовать ни право, ни правовое государство. Но имеем ли мы право говорить о формальном юридическом равенстве личности и государства, если государство обладает так называемой «монополией насилия»?

Не оспаривая положения об историческом значении насилия для поддержания и укрепления государственности, попытаемся поставить вопрос об оправданности пессимистической характеристики насилия государственной власти как ее атрибута (вневременного, неотъемлемого качества).

Насилие было «своего рода «повивальной бабкой» (генезиса) ранних государств и даже недавних исторических эпох. Гораздо труднее признать, что оно обеспечивает стабильность государств в современном мире»[10]. С одной стороны, атрибутизация насилия может рассматриваться как результат ненамеренного смешивания двух качественно разнородных правовых категорий насилия и принуждения. С другой стороны, возможна характеристика такого смешивания как интенционального дискурса, легитимации насилия.

Так ли уж важен спор о дефинициях в поиске практического выхода из ситуации террора, насилия, нетерпимости? На наш взгляд, детерминантой ситуации нетерпимости, террора, экстремизма является именно культурная легитимация насилия и сопровождающий ее дискурс насилия, принимающий самые разнообразные формы, от кинолент жанра «боевик», до высоких академических рассуждений об атрибутивности насилия государству и обществу. Нормативно-правовое регулирование далеко не всегда способно совладать с социально-культурной легитимацией насилия[11], будь то «освободительное движение», будь то «контртеррористическая операция» или приписываемая государству неизбежная «монополия» на насилие.

Трудно не согласиться с В.А. Тишковым, что при анализе феномена политического насилия нельзя не учитывать форму дискурса, без которого оно не может осуществляться, – «без первичного насилия как акта речи... физическое насилие невозможно», «акт речи, или слово – крайне важный элемент насилия».[12] Одна-

[3] *Kant I.* Rechtslehre. §46 цит. по: Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 204.

[4] Reason and Violence: Philosophical Investigations /Ed. by Sh. Stanage. Oxford. 1974 XV. P. 30. Цит.по: *Залысин И.Ю. Дмитриев А.В.* Насилие: социополит. анализ. СПб., 2001. С. 12

[5] *Липатов И.М.* Сущность и основные формы политического насилия в современных условиях (философско-социологический анализ): Автореф. дисс… канд. философ. наук. М., 1989. С. 10.

[6] *Кугай А.И.* Природа политического насилия и его роль в современном мире: Автореф. дисс… канд. философ. наук. М.,1993. С. 13.

[7] Политология. Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. А.М. Аверьянов, М.,1993. С. 191.

[8] *Залысин И.Ю. Дмитриев А.В.* Насилие: социо-полит. анализ. СПб., 2001. С. 15.

[9] *Залысин И.Ю. Дмитриев А.В.* Насилие: социополит. анализ. СПб., 2001. С. 30.

[10] Там же. С. 8.

[11] Подробнее см. *Лопатин В.Н.* Информационная безопасность России. СПб., 2000. С. 237 и далее.

[12] Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков В.А. СПб., 2001. С. 17

ко логика рассуждений об интеллектуальном и вербальном дискурсе не может «застревать» на индивидуально-групповых террористах и экстремистах, как зачастую это делается в научной литературе.

Политическая программа государства по осуществлению «возмездия» терроризму или «контртеррористических» мер есть безусловно дискурс, оправдание и государственная легитимация насилия. Наиболее опасным явлением становится элитарная, академическая легитимация и дискурсивная практика насилия. Ведь любое насилие «культурно конструируется и всегда культурно интерпретируется»[13]. Особенно печально наблюдать это в базовой юридической дисциплине.

Для раскрытия содержания культурной легитимации насилия автор намеренно не включает в предмет исследования пропаганду насилия в СМИ, молодежный культ силы, молчаливое согласие общества с «необходимостью» бороться с преступностью «самыми жесткими мерами». Более важным представляется раскрытие легитимации насилия в науке, в частности теоретико-правовой.

Что общество может противопоставить разнообразным проявления насилия? Ответное насилие, как сейчас это зачастую делается? На наш взгляд – нет. Насилие может породить только ответное насилие. Высокие нравственные устои, христианскую этику? Но ожидать «эры милосердия» не приходится. Воспитание чуткости у подрастающего поколения? Да, безусловно, хотя это требует известных усилий от общества. Но главным представляется все-таки осознание проблемы, что насилие в современном обществе получило право на существование.

Сразу оговоримся, что виднейших российских правоведов, в свете их огромного вклада в развитие отечественной юриспруденции, трудно заподозрить в оправдании насилия. Речь идет лишь о текстуальных, семантических разночтениях, которые могут приводить неподготовленного читателя (например, студентов младших курсов) к не совсем адекватному восприятию роли насилия и правового принуждения и их соотношения. Нельзя также не учитывать, что уровень правосознания российского населения не всегда достаточно высок. Смешивание понятий насилия и правового принуждения может выполнять роль дискурса насилия для людей, не занимающихся проблемами права профессионально.

Так, например, видный теоретик права Венгеров А.Б., утверждая приоритетность «общесоциального содержания, которое заключено в государственной организации общества», характеризует государственную власть как «способность влиять на направления деятельности людей... посредством экономических,

[13] Там же. С. 11.

идеологических и организационно-правовых воздействий, а также с помощью авторитета, традиций, **насилия**» (выделено нами)[14]. Можно заметить, что дискурс насилия становится настолько привычным, что его уже не рассматривают как из ряда вон выходящее явление, опрокидывающее идею и принципы правового государства, а органично включают в экономику, идеологию и право.

Хропанюк В.Н., говоря о государственной власти как особом виде управления, атрибутирует ей «право применения насильственного принуждения для исполнения государственных велений»[15]. Парадокс противоречивого словосочетания (contradictio in adjecto) «насильственное принуждение» заключается в том, что механическое сочетание двух разнородных, несоизмеримых по своему ценностному содержанию терминов находит подтверждение на практике. Например, подозреваемого могут избить (применить неправовое насилие – хотя насилие не может быть правовым в принципе) при аресте (применении законной пресекающей меры государственного принуждения). Однако вряд ли порочная практика оправдывает теоретико-правовую связку «насильственное принуждение».

В высказывании Спиридонова Л.И. также можно усмотреть некоторую семантическую неопределенность: «Государственная власть неизбежно предполагает возможность применить принуждение, физическое или психическое насилие вплоть до присвоения себе монополии на убийство»[16].

Таким образом, становится очевиден невольный академический дискурс насилия в теоретико-правовой дисциплине, его обоснование и оправдание как некоей неизбежности. С другой стороны, цитаты, данные вне контекста, никак не могут умалить богатейший вклад ученых в отечественную науку. Повторюсь, речь лишь идет о возможной целесообразности постановки проблемы соотношения насилия и принуждения в современной теории права и государства. Именно в этих постановочных целях, а также для более четкого выделения контуров проблемы вышеозначенные цитаты в данной работе рассматриваются как потенциальные агенты дискурсивной практики насилия.

Нельзя не отметить, что в последних трудах крупнейших отечественных правоведов (Нерсесянц В.С., Алексеев С.С.) насилие уже не «инкриминируется» государству как атрибут. Но в анализ государства по-прежнему вовлекается политологический дискурс, без соответствующего юридико-аксиологического переосмысления и должного ценностно-правового комментария.

[14] *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. М., 1998. С. 86.

[15] *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. М., 1998. С. 62.

[16] *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. М., 2001. С. 21.

Например, С.С. Алексеев пишет, что «власть – это наиболее могущественный социальный фактор в обществе, который способен применять сколь угодно мощное насилие и имеет монополию на это»[17]. И вместе с тем «возможное насилие, принуждение, по мере развития общества... приобретает черты правового принуждения»[18]. В последнем высказывании, Алексеев, с присущим ему чутьем к слову, проводит грань между государственным насилием и государственно-правовым принуждением.

Нужно, однако, отметить, что правовое принуждение нельзя трактовать как насилие, облеченное формальными признаками государственного принуждения. Нужно учитывать принципиальную, целеполагательную разницу между государственным насилием и государственно-правовым принуждением. Основной целью первого является стабилизация внутрисистемных (иногда внешних) процессов – так называемое поддержание государственного (но не правового!) порядка – вне связанности рамками права и закона либо при формальном соблюдении оных. Приоритетной целью второго является личность, ее права и свободы, а также создание и поддержание благоприятных условий для жизни, духовного и материального роста индивидуума.

Некоторая размытость границ насилия и принуждения в теории государства и права обуславливается, с одной стороны, влиянием легистского, этатистского правопонимания, а с другой (более опасной) – влиянием современной социально-культурной легитимацией насилия.

Видимо, в современных условиях необходимо критическое, юридико-аксиологическое переосмысление категорий насилия и принуждения как основного признака государства.

Марксистско-ленинская интерпретация государства как механизма подавления имеет некоторые основания, но, как справедливо указывается в современной литературе, такой подход грешит односторонностью и не учитывает многогранного социального значения государства (Венгеров А.Б., Спиридонов Л.И. и др.).

Безусловно значимая роль государства в жизни общества, как «механизма сглаживания противоречий» находит весомое подкрепление в современной теоретико-правовой литературе (Хропанюк В.Н., Лазарев В.В. и др). Однако, атрибутизация государству насилия, обесценивает усилия по теоретическому обоснованию социальной сущности государства.

[17] *Алексеев С.С.* Философия права. М.,1999. С. 71.

[18] Там же. С. 74.

В современном мире устоялось негативное прочтение термина «насилие». При сообщении государству имманентности насилия неизбежна экстраполяция негативного отношения на государство в целом.

Нельзя не учитывать и дидактическую сторону вопроса: студентам – будущим юристам – необходимо прививать чуткое отношение к праву, справедливости, защитой которых может выступать государственное принуждение. С другой же стороны необходимо вырабатывать стойкое негативное отношение к произволу, насилию, попиранию прав граждан, приводящее общество к отрицанию ценности права и государства.

Дезориентация учащихся в ценностных установках путем уравнивания принуждения и насилия в базовой юридической дисциплине недопустимо.

Существуют различные подходы в анализе насилия как явления: политологический, культурологический, социологический, психологический, философский и др.

Для проведения практически значимого исследования проблемы насилия и принуждения предлагается применить специальный юридическо-аксиологический (ценностно-нормативный) подход.

Юридическо-аксиологический подход должно выгодно отличать наличие четкого категориального аппарата, закрепление и дифференциация преступного поведения от социально значимого, включенность в повседневную практику через законодательство, нормотворчество, правоприменение.

В рамках данного подхода предлагается разграничить понятия «насилие» и «принуждение» по трем основным признакам:

- гуманистически-правовому,
- целевому,
- нормативному.

Принуждение – один из основных признаков государства. Насилие не может выступать ни синонимом принуждения, ни его крайней формой. Насилие и принуждение необходимо развести в разные семантические поля, в соответствии с их ценностно-правовым содержанием.

Принуждение должно осуществляться:

- в законных рамках;
- на основе принципов гуманизма и правового государства, (какими бы «дремучими идеологемами XVIII века»[19] они ни казались);
- на основе приоритета личности, ее прав и свобод.

Таковы: задержание, обыск, арест, лишение свободы и так далее.

[19] *Афанасьев А.* 10 заповедей, разрушающих дремучие идеологемы XVIII в., которые мы искренне считаем суперсовременными // Российская газета. 2000. 26 февраля.

Насилие основано на:

- грубой силе,
- попирании принципов гуманизма,
- чаще всего мотивируется целью поддержания государственного порядка в интересах общества.

Таковы: избиения, пытки, смертная казнь, «точечные» бомбометания. Насилие, в отличие от принуждения, не является системообразующим признаком правового государства. Уравнивание понятий принуждения и насилия в теории ведет к практическому государственному произволу.

Да, с помощью простейшей научной рефлексии можно сделать вывод о том, что в любой мере государственного принуждения есть элемент насилия. Именно здесь предлагается занять осознанную ценностно-правовую позицию в понимании сущности государства, в соответствии с которой необходимая задача элиминации государственного насилия не решается одномоментно.

Теоретико-правовая дихотомия не самоцель. Стратегической задачей поиска является дальнейшее развертывание и углубление понимания функциональной, вспомогательной роли государства в жизни общества.

Государство в России, по выражению американского историка Ричарда Пайпса, извечно ломало кости общества. Укрощение Левиафана, максимально детальное закрепление юридического статуса государства, его обязанностей перед обществом (а не академическая атрибутизация монополии на насилие) – вот задачи сегодняшнего дня. Ведь «если Россия не откажется от права силы и не поверит в силу права... она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах, ни внешних, ни внутренних»[20].

Именно юридическо-аксиологический анализ может стать первичным «фильтром», отсекающим все виды государственного насилия, индивидуально-групповых форм девиантного поведения а также неоправданную легитимизацию отживших форм государственного принуждения. В качестве примера отжившей формы государственного принуждения можно привести смертную казнь. Отражая древнейшие цели уголовного наказания (устрашение и возмездие), а также еще более древний принцип талиона, смертная казнь является сегодня правовым анахронизмом. Окончательный вывод смертной казни за скобки мер государственного принуждения и поиск оптимальных мер принуждения – задача, требующая незамедлительного решения.

[20] *Соловьев В.* Оправдание добра. Нравственная философия. Соч в 2 т. М.,1989. Т. 2. С. 24.

Итак, с философско-онтологических, политологических, культурологических подходов насилие может приобретать характер неустранимости, атрибутивной составляющей мироустройства. Тем не менее задачей теории права и государства является именно разграничение насилия и принуждения, проведение четкой дихотомии и перенесение этого положения в современный политико-культурный контекст.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Философия права. М.,1999.
2. Антропология насилия / Отв. ред. Бочаров В.В., Тишков В.А. СПб., 2001.
3. *Афанасьев А.* 10 заповедей, разрушающих дремучие идеологемы XVIII в., которые мы искренне считаем суперсовременными // Российская газета. 2000. 26 февраля.
4. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. М.,1998.
5. *Грачев А.С.* Политический экстремизм. М.,1986.
6. *Залысин И.Ю. Дмитриев А.В.* Насилие: социополитический анализ. СПб., 2001.
7. *Кугай А.И.* Природа политического насилия и его роль в современном мире: Автореф. дисс... канд. философ. наук. М.,1993.
8. *Липатов И.М.* Сущность и основные формы политического насилия в современных условиях (философско-социологический анализ): Автореф. дисс... канд. философ. наук. М., 1989.
9. *Лопатин В.Н.* Информационная безопасность России. СПб., 2000.
10. *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.
11. Политология. Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. А.М. Аверьянов, М.,1993.
12. *Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И.* Государственная идеология и язык закона. СПб., 2001.
13. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2 т. М.,1989.
14. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. М., 2001.
15. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. М., 1998.

Наталья Петрова[1]
Третья премия

Актуальные проблемы правового регулирования экологического терроризма в РФ

Понятие «экологический риск» – предпосылка возникновения понятия «экологический терроризм»

Предпосылка возникновения понятия, имеющего вместе с тем значение двусловного термина, «экологический терроризм» – создание представления об экологическом риске, или экологической опасности (см.: Слепян, 1995; Слепян, 2000а; Слепян, 2000б; Слепян, 2002а; Фединский, 2002; Охрана окружающей среды, природопользование и обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге в 2001 году, 2002; Slepyan, 2001). Первый опыт обсуждения смысла экологического риска имел место на Втором Всесоюзном совещании по космической антропоэкологии (Биологическая индикация в антропоэкологии, 1984).

Экологический риск – вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для экологической системы, вызванного повреждающим воздействием деятельности человека и чрезвычайными ситуациями природного происхождения (Биологическая индикация в антропоэкологии, 1984; Федеральный Закон «Об охране окружающей среды», 2001; Слепян, 2001).

При обосновании деятельности промышленности всех категорий необходим обязательный учет экологических явлений, без которого невозможны научно обоснованное использование и сохранение природных ресурсов и биосферы в целом. Анализ происходивших на протяжении истории биосферы экологических катастроф (см.: Карабасов, Чижикова, Плущевский, 2001) убеждает, что после прекращения повреждающих воздействий с течением времени естественно нарушенные экосистемы во многих случаях восстанавливаются. В глобальном масштабе разрушение биосферы как целого не происходит. Однако возможность экоцида как потенциального следствия создания и применения ядерного, химического оружия, а также оружия иных категорий должна быть предусмотрена и анализирована (см.: Альев, Ветютнев, 1998; Жаринов, 1999; Резолюция Симпозиума «Экологический терроризм: формы проявления, следствия, предотвращение, ликвидация», 2002; Биологическое и химическое оружие, 2002; Гушер, 2002; Белоус, 2002; Болтунов, 2002; Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения, 2002; Биологическая индикация в антропоэкологии, 1984).

[1] Студентка II курса юридического факультета СПб гуманитарного университета профсоюзов.

Отдельная физическая сила, простое механическое воздействие, химический элемент или индивидуальное химическое соединение способны самостоятельно вызвать у организмов, подвергшихся их воздействию, возникновение единичного патологического явления или сочетание таких явлений, а также привести к изменению одной или нескольких характеристик атмосферного воздуха, природных почв и недр, ухудшающему их качества как среды обитания.

Понятие экологического терроризма

Преступления, относящиеся к «террористическому ряду», не могут быть совершены спонтанно, по неосторожности. Любая террористическая акция подготавливается и осуществляется умышленно (Петрищев, 2001; Емельянов, 2002). Стихийные бедствия, чрезвычайные экологические ситуации, как в большинстве случаев результаты воздействия непреодолимой силы, вполне могут оказаться предвидимыми или непредвидимыми следствиями актов экологического терроризма. Вместе с тем примеры недостаточно обоснованных оценок многих деяний, рассматриваемых как акты экологического терроризма, отнюдь не малочисленны, например:

1. под экологическим терроризмом неверно предлагается понимать непреднамеренные действия государств, групп или людей, повлекшие за собой глобальное ухудшение состояния окружающей среды (например, территорию Чеченской республики иногда называют «зоной экологического терроризма», см.: Зона экологического терроризма, 2001; Chechnya's economy is turning into 'ecological terrorism', 2002; Texaco's Ecological Terrorism of the Ecuadorian Amazon, 2002);
2. экологический терроризм в ряде случаев ошибочно оценивается как деятельность радикально настроенных экологических организаций, цель которых – так называемое спасение природы посредством применения силы или насилия против отдельных личностей и их имущества (примеры подобных организаций – американский «Фронт освобождения Земли» и российская организация «Хранители радуги» («Хранители радуги» против корпорации «Локхид Мартин», 2001; Терроризм в Пензе, 2002; Левые радикалы и ФСБ, 2002; Ecoterrorism, 2001; см.: Фомичев, 1995;

Зубов, 2002; 40 years of Government sponsored ecological terrorism, 2001; Кожушко, 2000, с. 406–410);

3. обоснованно анализируется экологический терроризм как террористические действия отдельных организаций и личностей, направленные на достижение поставленных целей при помощи нарушения или разрушения экологических систем или их составляющих (например, во Франции в 2000 году рабочие ликвидируемого текстильного предприятия, доведенные до отчаяния, применили необычный способ борьбы за свои права – вылили в местную реку 790 галлонов серной кислоты, что привело практически сразу же к выполнению их требований почти в полном объеме (Экологический терроризм во Франции, 2001).

Субъективная сторона экологического терроризма может выражаться только в форме умысла (прямого или косвенного). Вред (как и угроза вреда) по отношению к экосистемам в целом или их составляющим содержится, однако, в объективной стороне преступления, при котором террористические действия организаций или отдельных личностей направлены на достижение поставленных целей при помощи нарушения надежности, устойчивости и действенности экологических систем (Слепян, 1994; Слепян, 1998; Slepyan, 1996).

«Экологический терроризм – направленное, планируемое или косвенно возникшее, в том числе предвидимое и прогнозируемое, повреждающее воздействие на абиотические и (или) биотические составляющие экологических систем или экологические системы в целом, осуществляемое однократно или многократно пространственно рассредоточенно или сосредоточенно и предусматривающее нарушение или разрушение составляющих экологических систем или экологических систем в целом с целью достижения межгосударственных (международных), межнациональных или внутригосударственных решений и получения территориальных, акваториальных, экономических, ресурсных, временных и иных стратегических и (или) тактических выгод, имеющих кратковременное (краткосрочное) или долговременное (долгосрочное) значение и обеспечивающих конкретные политические, в том числе геополитические, преимущества» (см.: Слепян, 2002б; Резолюция, 2002).

Возможность регулирования экологического терроризма российским законодательством

В России в последние годы предприняты создание правовых основ, а также разработка системы борьбы с терроризмом, утверждена Концепция национальной безопасности, в которой отражена угроза терроризма. Первого января 1997 года вступил в силу новый Уголовный кодекс Российской Федерации, в котором учтена ответственность за преступления террористического характера. В Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» 1998 г. предпринята попытка упорядочения понятийного аппарата терроризма и определены принципы борьбы с ним (Петрищев, 2001). Федеральный закон «Об охране окружающей среды» специально подчеркивает необходимость обеспечения экологической безопасности (Федеральный Закон «Об охране окружающей среды», 2001).

Уголовный кодекс 1996 г. к числу собственно террористических деяний относит преступления, предусмотренные ст. 205 («Терроризм»), ст. 207 («Заведомо ложное сообщение об акте терроризма») и ст. 277 («Покушение на жизнь государственного или общественного деятеля»). Содержанием этих статей, однако, не исчерпывается разнообразие преступлений террористического характера. Последние можно квалифицировать в соответствии с ст. 206 («Захват заложника»), ст. 208 («Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем)», ст. 209 («Бандитизм»), ст. 211 («Угон судна воздушного или водного транспорта или насильственное удержание власти») и т.д. (Петрищев, 2001).

С целью максимально эффективного использования уголовно-правовых норм для борьбы с экологическим терроризмом целесообразна классификация статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, диспозиции которых имеют прямое или косвенное отношение к террористическим актам. Систематизация статей Уголовного кодекса, относящихся к террористическим деликтам, проведена (см.:Петрищев, 2001). Результат может быть представлен в форме таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Преступления, имеющие значение террористических деликтов

Критерий классификации	Номер и название статьи Уголовного кодекса Российской Федерации	Наименование главы Уголовного кодекса Российской Федерации
Террористические преступления в узком смысле	№ 205 «Терроризм»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»	«Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»
	№ 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой»	«Преступления против мира и безопасности человечества»

Критерий классификации	Номер и название статьи Уголовного кодекса Российской Федерации	Наименование главы Уголовного кодекса Российской Федерации
Террористические преступления в широком смысле	№126 «Похищение человека»	«Преступления против свободы, чести и достоинства личности»
	№ 127 «Незаконное лишение свободы»	«Преступления против свободы, чести и достоинства личности»
	№ 206 «Захват заложника»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 209 «Бандитизм»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации)»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 211 «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 212 «Массовые беспорядки»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 279 «Вооруженный мятеж»	«Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»
	№ 282 «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»	«Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»
	№ 357 «Геноцид»	«Преступления против мира и безопасности человечества»
	№ 358 «Экоцид»	«Преступления против мира и безопасности человечества»
Преступления, смежные с террористическими	№ 105 «Убийство»	«Преступления против жизни и здоровья»
	№ 110 «Доведение до самоубийства»	«Преступления против жизни и здоровья»
	№ 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»	«Преступления против жизни и здоровья»
	№ 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»	«Преступления против жизни и здоровья»
	№ 117 «Истязание»	«Преступления против жизни и здоровья»
	№ 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»	«Преступления против жизни и здоровья»
	№ 162 «Разбой»	«Преступления против собственности»
	№ 167 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества»	«Преступления против собственности»
	№ 295 «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»	«Преступления против правосудия»

Критерий классификации	Номер и название статьи Уголовного кодекса Российской Федерации	Наименование главы Уголовного кодекса Российской Федерации
Преступления, смежные с террористическими	№ 296 «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования»	«Преступления против правосудия»
	№ 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»	«Преступления против порядка управления»
	№ 318 «Применение насилия в отношении представителя власти»	«Преступления против порядка управления»
Сопутствующие терроризму преступления	№ 220 «Незаконное обращение с радиоактивными материалами»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 221 «Хищение либо вымогательство радиоактивных материалов»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 223 «Незаконное изготовление оружия»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 226 «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»	«Преступления против общественной безопасности»
	№ 234 «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта»	«Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»
	№ 346 «Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества»	«Преступления против военной службы»
	№ 355 «Производство или распространение оружия массового поражения»	«Преступления против мира и безопасности человечества»
	№ 359 «Наемничество»	«Преступления против мира и безопасности человечества»

Акты терроризма могут осуществляться в различных формах (в частности, в форме экологического терроризма), а также оказываться по роду отношений сопоставленными с иными преступлениями, анализ которых предусмотрен Уголовным кодексом Российской Федерации. Такие преступления целесообразно также рассматривать как деяния террористические, если они совершаются с применением метода устрашения и имеют целью через это устрашение принудить кого-либо совершить действия, выгодные преступникам (Петрищев, 2001).

В Статье 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» говорится : «Преступления террористического характера – преступления, предусмотренные статьями 205–208, 277 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации. К преступлениям террористического характера могут быть отнесены и *другие преступления,* предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в *террористических целях*» (Федеральный Закон «О борьбе с терроризмом, 1998 : с. 477).

К преступлениям террористического характера можно отнести все деликты, содержащиеся в 26 главе Уголовного кодекса РФ – статьи 246–262 (см.: Лопашенко, 2002), а также статья 357 «Геноцид» и статья 358 «Экоцид» (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 1999, с. 793), «если они совершены в террористических целях» (Федеральный Закон «О борьбе с терроризмом, 1998 : с. 477).

Пункт 1 Статьи 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» определяет следующие цели терроризма:

- нарушение общественной безопасности;
- устрашение населения;
- оказание воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам;
- удовлетворение неправомерных имущественных и (или) иных интересов террористов;
- прекращение государственной или иной политической деятельности государственного либо общественного деятеля;
- месть за такую деятельность;
- провокация войны или осложнения международных отношений.

В отличие от перечня общественно опасных последствий, перечень целей терроризма в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» окончателен. Перечень террористических целей не противоречит Статье 205 Уголовного Кодекса Российской Федерации, в которой он также является закрытым. Следовательно, экологические преступления будут являться актами экологического терроризма только при наличии одной или нескольких из целей, перечисленных выше.

В Перечне Федеральных органов исполнительной власти, участвующих в пределах своей компетенции в предупреждении, выявлении и пресечении террористической деятельности, указываются Министерство природных ресурсов Российской Федерации, Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды, Министерство Российской Федерации по атомной энергии, Федеральная служба России по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Государственный комитет Российской Федерации по рыболовству, Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности (Постановление Правительства РФ от 22 июня 1999 г. № 660). Следует отметить, что организации, занимающиеся вопросами экологии и охраны окружающей среды и упомянутые в списке Федеральных органов исполнительной власти, участвующих в предупреждении, выявлении и пресечении террористической деятельности, достаточно компетентны и с полным

основанием могут и должны принимать участие в решении проблемы экологического терроризма.

Некоторые пробелы в нормах российского законодательства, затрагивающего проблему экологического терроризма

Для более эффективного противодействия терроризму выдвигается предложение расширить в уголовном законе спектр преступлений, относящихся к террористическим. Однако, если увеличить число статей, определяющих террористические преступления, могут возникнуть новые сложности в юридической квалификации проявлений мотивированного насилия. Возможно, в сложившейся ситуации полезно учитывать опыт французского законодательства. В последнем отсутствует юридическое определение терроризма, не увеличено число статей Уголовного кодекса, но установлен ряд насильственных преступлений (около 30 составов), которые следует считать проявлениями терроризма, если в действиях преступников содержатся признаки последнего.

Введение в Уголовный кодекс самостоятельной статьи, посвященной экологическому терроризму, и установление за осуществление актов экологического терроризма повышенных санкций вряд ли будет способствовать решению проблемы уголовной ответственности за такое деяние. Экологический терроризм необходимо рассматривать в аспекте статьи 205 Уголовного кодекса. Очевидно, что признание обществом и законодательством значительной опасности экологического терроризма отражено:

- в понятии тяжкого преступления;
- в перечне смягчающих и отягчающих обстоятельств, учитываемых при назначении наказания (могут предусматриваться и экологические факторы);
- во включении экологических преступлений и в другие главы Уголовного кодекса.

Чрезвычайно актуально воссоздание в Российской Федерации института профилактики терроризма. Представляется очевидным, что основаниями для включения профилактического механизма в нормы Уголовного Кодекса должны быть, во-первых, выявление лиц, действие которых имеют явно криминогенный вектор развития; во-вторых – выявление факторов, порождающих преступления или способствующих реализации преступных посягательств.

Существуетмножествокатегориймотивированногонасилия,однаизкоторых–терроризм экологический. Подобные преступления невозможно «поместить» в диспозиции лишь одной из статей Уголовного кодекса Российской Федерации.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации учтены преступления, которые в соответствии с их целями возможно квалифицировать как экологический терроризм. В диспозиции статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве одной из целей терроризма названо устрашение населения. Однако устрашение не является конечной целью акций терроризма. Оно – лишь способ достижения конечных целей террористов.

Само наименование статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации «Терроризм» представляется неудачным, так как анализ диспозиции статьи, описывающей некоторые из форм террористических проявлений, позволяет утверждать, что речь идет не о *терроризме,* а о его *акциях*. Следовательно, более правильным было бы и статью 205 назвать «акции терроризма».

Игнорирование проблемы экологического терроризма представляется невозможным, если отметить стремление мирового сообщества к продлению жизни на планете. Для этой цели принимаются различные нормативно-правовые акты и концепции на локальных и международном уровнях (новейшая из таких концепций – Концепция устойчивого развития). «Метафорический образ Земли, несущейся в холоде и мраке межзвездных пространств, как космического корабля, на котором все системы жизнеобеспечения регулируются разумно и справедливо, чтобы обеспечить благополучием каждого землянина, скорее всего <...> утопия. Гораздо реальнее другой образ: корабль, потерпевший крушение, и его пассажиры, борющиеся за место в спасательных шлюпках. В спасательных шлюпках находится население развитых стран; тонущие люди – население отсталых стран» (Петров, 2000, с.4).

Российскую «шлюпку» необходимо наполнить, помимо всего прочего, *действенными* механизмами *реализации* немалочисленных статичных правовых норм – норм, касающихся проблемы терроризма, в первую очередь.

Необходим обмен опытом и с иными государствами (см.: Змеевский А., Тарабин В., 1996), причем прежде всего опытом не законодательного закрепления положений о терроризме, а реальных механизмов осуществления закрепленных норм (так как в российском праве достаточно материальных норм, способных регулировать вопросы, связанные с экологическим терроризмом). Наблюдается недостаток соответствующих процессуальных норм, а также механизмов реализации уже существующих норм процессуального характера.

Разрабатывать тему экологического терроризма необычайно важно. Необходимо предусмотреть возможные следствия, а также способы предотвращения данного деяния. В современных условиях остро встает вопрос о воссоздании в нашей стране института профилактики терроризма. С появлением такого понятия, как экологический терроризм, проблема профилактики терроризма более чем насущна. Следствия и последействия экологического терроризма крайне опасны и долгосрочны. К сожалению, человечество уже подошло к черте, за которой его ждут экологические войны, разгул международного экологического терроризма. Выбор сделан, рубикон *почти* перейден. Остается только крошечное «почти».

Литература

1. *Альев Г.А., Ветютнев А.И.* О проблеме ядерного терроризма // Жизнь и безопасность. 1998. № 4. С. 140–141.

2. *Белоус В.* Ядерный терроризм в современном мире, http://www.npi.ru. 20.01.02.

3. Биологическая индикация в антропоэкологии: Материалы Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии / Ред. Э.И. Слепян. Л.: Наука, 1984. 232 с.

4. *Болтунов М.* «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ, http://vg.pp.ru. 20.01.02.

5. Биологическое и химическое оружие, http://www.terrorism.ru. 12.01.02.

6. *Гушер А.И.* Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества, http://www.e-journal.ru. 17.01.02.

7. *Емельянов В.П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 291 с.

8. *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы: Ист. справочник. Минск: Харвест, 1999. 606 с.

9. *Змеевский А., Тарабин В.* Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь. 1996, № 4. С. 12–17.

Зона экологического терроризма, http://www.nns.ru. 11.11.01.

10. *Зубов Н.* Семь подвигов зеленого братства // Власть, 2002, № 19 (472). С. 42–43.

11. *Карабасов Ю.С., Чижикова В.М., Плущевский М.Б.* Экология и управление: термины и определения. М.: Мисис, 2001. 256 с.

12. *Кожушко Е.П.* Современный терроризм: Анализ основных направлений. Минск: Харвест, 2000. 448 с.

13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ред. Ю.И. Скуратов, В.М. Лебедев. М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999. 832 с.

14. Левые радикалы и ФСБ, http://www.agentura.ru. 01.02.02.

15. *Лопашенко Н.А.* Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 802 с.

16. Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения, http://svr.gov.ru. 18.02.02.

17. Охрана окружающей среды, природопользование и обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге в 2001 году / Ред. Д.А. Голубев, Н.Д. Сорокин. СПб., 2002. 452 с.

18. *Петрищев В.Е.* Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.

19. *Петров К.М.* Экология человека и культура. СПб.: Химиздат, 2000. 384 с.

20. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 1999 г. № 660 «Об утверждении перечня Федеральных органов исполнительной власти, участвующих в пределах своей компетенции в предупреждении, выявлении и пресечении террористической деятельности».

21. Резолюция Симпозиума «Экологический терроризм: формы проявления, следствия, предотвращение, ликвидация». Апрель, 24–26: Резолюция. СПб., 2002. 40 с.

22. *Слепян Э.И.* Вода, водная среда, водные экосистемы: проблемы сохранения и использования // Мелиорация и водное хозяйство. 1994, № 5. С. 6–9.

23. *Слепян Э.И.* Естественнонаучные требования при международном кооперативном обосновании и обеспечении минимизации экологической опасности (обосновании и обеспечении экологической безопасности) // Региональная экология, Санкт-Петербург / Ред. О.П. Литовка. 1995, № 1–2 (16).

24. *Слепян Э.И.* Принципы экологической патологии // Региональная экология, Санкт-Петербург / Ред. О.П. Литовка. 1998, № 1. С.53–79.

25. *Слепян Э.И.* Экологическая опасность, экологическая безопасность и создание систем экологической защиты // Экологическая адаптация общества на постсоветском пространстве / Ред. В.В. Аникиев. М.: Интербук-бизнес, 2000а. С.14–27.

26. *Слепян Э.И.* Организационные мероприятия, обеспечивающие минимизацию экологической опасности автотранспортных дорог, как система // Материалы «Круглого стола» Петербургского Экономического Форума. СПб., 2000б.

27. *Слепян Э.И.* Экологический риск. Оценка нарушения и восстановления экологических систем // Основные итоги Всероссийской конференции «Научные аспекты экологических проблем России». 13–16 июня 2001 г. Москва / Ред. Ю.А. Израэль. СПб.: Гидрометеоиздат, 2001. С.24–25.

28. *Слепян Э.И.* Экологический риск // Региональная экология, Санкт-Петербург / Ред. О.П. Литовка. 2002а, № 1–2 (18). С. 62–82.

29. *Слепян Э.И.* Экологический терроризм: сущность, следствия и условия их ликвидации // Жизнь и безопасность. СПб., 2002б, № 1–2.

30. Терроризм в Пензе, http://rk.narod.ru. 01.02.02.

31. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 25, ст. 2954.

32. Федеральный Закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды», 20 декабря 2001 г. № 7-ФЗ // Федеральный закон: Выпуск 5. М.: Инфра-М, 2002. 51 с.

33. Федеральный Закон Российской Федерации «О борьбе с терроризмом», 03 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Сборник законов Российской Федерации, 2000. 600 с.

34. *Фединский Ю.И.* Экология. Охрана окружающей среды: Правовой словарь-справочник. М.: Приор, 2002. 512 с.

35. *Фомичев С.Р.* Крайне зеленые // Социс, 1995, № 8. С.36-41.

36. «Хранители радуги» против корпорации «Локхид Мартин», http://www.duplo.narod.ru. 23.12.01.

37. Экологический терроризм во Франции, http://www.polit.ru. 15.11.01.

38. 40 years of Government sponsored ecological terrorism, http://gulfwarvets.com, 23.12.01.

39. Chechnya's economy is turning into 'ecological terrorism', http://www.dawn.com, 17.01.02.

40. Ecoterrorism, http://www.cdfe.org. 22.12.01.

41. *Slepyan E.J.* Ecological demands and restrictions when designing, constructing and operating sea and ocean ports // International Congress «Water: ecology and technology» (Moscow, September, 17–21, 1996). Красногорск: Красногорская типография, 1996. P. 66.

42. *Slepyan E.J.* Biological control for manifestation of ecological risk: categories, system and demands for interpretation of results // Современные проблемы биоиндикации и биомониторинга: Тезисы докладов XI Международного симпозиума по биоиндикаторам (Сыктывкар, Россия, 11–21 сентября 2001 г.) Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2001. С. 359–361.

43. Texaco's Ecological Terrorism of the Ecuadorian Amazon, http://www.mindfully.org. 15.01.02.

Свобода совести и свобода слова в электронную эру: Россия и международный опыт

Четвертый конкурс, 2003 год

Александр Новиков[1]

Первая премия)

Проблемы свободы доступа к экологической информации в современной России

Уже больше десятилетия мы живем в обществе, которое по определению является демократическим и в котором существует соответствующий набор прав и свобод, хотя до сих пор многие из них не находят практического применения. Среди них – и право на доступ к экологической информации и на ее открытость. Очевидно, что доступность информации, касающейся проблем состояния окружающей среды, является одним из важных атрибутов открытой демократии.

Каждый год человечество сталкивается с новыми экологическими проблемами, справляться с которыми становится все труднее. Постепенно в обществе растет понимание того, что любая экологическая задача – задача глобальная и ее решение требует совместных усилий многих стран мира. Но и этого недостаточно. Попытки справиться с экологической катастрофой не приведут к реальным результатам, если широкая общественность не будет иметь открытый доступ к экологической информации и возможность участвовать в принятии экологических решений.

Это условие – необходимый элемент правового механизма охраны окружающей среды. Закрепив его в Декларации, принятой на Всемирной Конференции по охране окружающей среды и устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году[2], мировое сообщество признало, что без привлечения общественности устойчивое развитие окажется невозможным. Принимаемые хозяйственные решения не будут по-настоящему комплексными, взвешенными, экологически безопасными.

Рассматривая реальное положение вещей, сложившееся в России в настоящее время, можно с сожалением констатировать, что до свободы доступа и открытости экологической информации нам еще очень далеко. Основная причина тому – несовершенство законодательного механизма доступа к экологической информации и ее распространению.

---

[1] *) Александр Новиков – студент 1У курса факультета журналистики СПбГУ.

[2] Всемирная Конференции по охране окружающей среды и устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро // Сборник рекомендаций. СПб., 1998. С. 12.

Права на экологическую информацию

Конституция РФ провозглашает право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом[3]. Более того, ст. 42 устанавливает право граждан на получение конкретного вида информации, в том числе на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Законодатель устанавливает также обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы[4]. Указанные конституционные положения получили развитие в специальном экологическом законодательстве.

По многим законам экологические сведения являются открытыми и их нельзя засекречивать. Это закреплено в ст. 7 закона «О государственной тайне»[5], об этом говорится и в ст. 10 закона «Об информации...»[6]. Прямое указание на запрет засекречивания экологических сведений отмечается и в других законах: закон «Об охране окружающей природной среды» 2002 года[7]; закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[8]; закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»[9] (в нем гораздо шире ставятся вопросы об открытии экологической информации); закон «Об использовании атомной энергии»[10].

Однако в российском законодательстве до сих пор не решен вопрос о сроках предоставления информации, доступе к первичной и аналитической информации, платности или бесплатности предоставления экологических данных. Нет процедуры сотрудничества между общественностью и государственными органами, владеющими экологической информацией и принимающими экологически

[3] Конституция РФ. Принята 12 декабря 1993 года. Ч.4 ст.29.

[4] Конституция РФ. Принята 12 декабря 1993 года. Ч. 2 ст. 24.

[5] Закон РФ «О государственной тайне» № 5485-1 от 21 июля 1993 года (ред. 6 октября 1997 № 131-ФЗ).

[6] Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» № 24-ФЗ от 20 февраля 1995 года.

[7] Закон «Об охране окружающей природной среды» от 10 января 2002 года.

[8] Закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 года.

[9] Закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 12 февраля 2001 года.

[10] Закон «Об использовании атомной энергии» от 10 февраля1997 года.

значимые решения. Хотя российские граждане имеют право предъявлять государственным органам свои замечания к проектам, однако должностные лица не обязаны их учитывать и обосновывать свой отказ.

Интенсивные споры вызывает проблема установления своеобразного порога значительности информации для отнесения ее к категории «экологической». Для того чтобы создать реальные гарантии доступа к экологической информации и к правосудию, необходимо, чтобы тарифы на важную информацию, устанавливаемые государством, а также госпошлины и другие судебные расходы и издержки были соразмерны доходам общественности. Цена не должна быть препятствием ни для получения экологической информации, ни для доступа к правосудию.

Потребитель экологической информации должен иметь также право указать форму, в которой он хочет получить нужные данные (письменная, устная, в электронном виде). Постепенно следует добиваться от государств обязательного распространения экологической информации через Интернет (тексты законов, подзаконных актов, международных договоров, конвенций и пр.).

Очень часто отказ в предоставлении экологической информации мотивируется тем, что запрашиваемые сведения содержат государственную тайну. Известен, например, случай, когда оборонное предприятие отказалось предоставить справку о воздействии своей деятельности на окружающую природную среду, ссылаясь на то, что по сведениям об объемах выбросов и сбросов, содержащимся в этой справке, можно восстановить объемы продукции оборонного значения.

Ссылка на соображения государственной или коммерческой тайны – одна из частых мотивировок отказа в предоставлении информации. Однако сведения «о состоянии экологии» не могут составлять государственную тайну. Само решение об отнесении информации к категории информации с ограниченным доступом может быть обжаловано в судебном порядке.

Например, с позиций Минобороны материал корпуса атомной подводной лодки – государственная тайна. Однако эта информация исключительно важна для определения потенциальной опасности радиоактивного загрязнения в случае гибели лодки. Оказывается, корпус лодки, сделанный из титана, в тысячи раз быстрее приведет к радиационному загрязнению, чем стальной корпус (титан со сталью внутренних конструкций в морской воде образуют электролитическую пару, и процессы коррозии многократно ускоряются). Поэтому в случае гибели лодки информация о материале ее корпуса становится едва ли не важнейшей экологической информацией. Другой пример: характер и количество ракетного топлива. С точки зрения угрозы для жизни и здоровья населения принципиально важно знать, какое (и в каком количестве) топливо есть в запускаемой ракете, – от этого зависит тя-

жесть загрязнения территории при запуске спутников (население около 2% территории России сталкивается с проблемой космического загрязнения, и, как известно, подавляющая часть космических программ имеет военную направленность).

Более сложной оказывается ситуация, если запрошена не просто информация о состоянии окружающей среды, а конкретный документ. Кроме необходимой экологической информации, в нем могут содержаться также и сведения, отнесенные к категории информации с ограниченным доступом на законном основании. Наличие таких сведений может сделать недоступным для представителей СМИ весь документ. Например, нельзя ознакомиться с содержанием экологического паспорта закрытого предприятия, технико-экономического обоснования намечаемой деятельности и другими подобными документами.

Еще один возможный ответ на запрос о предоставлении информации – указание на то, что интересующая информация может быть предоставлена за плату. Вопрос взимания платы за предоставление информации также является сложным и неоднозначным. С одной стороны, конституционное право граждан на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, так же как и право требовать от соответствующих органов предоставления этой информации, предполагает полную доступность экологической информации. Реализация конституционного права не должна зависеть от возможности или невозможности граждан оплачивать услуги по предоставлению информации. То соображение, что государственные информационные источники формируются за счет бюджетных средств, то есть на деньги налогоплательщиков, также является важным доводом в пользу бесплатного доступа населения к этим ресурсам.

Тем не менее закон не запрещает взимать плату за предоставление информации, в том числе – экологической. Это косвенно следует из закона «Об информации...»[11], согласно которому бесплатно доступны лишь «перечни информации и услуг по информационному обеспечению, сведения о порядке и условиях доступа к информационным ресурсам». Практика платного предоставления информации государственными органами закреплена и рядом нормативных актов, например Постановлением правительства «Об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды»[12]. Согласно этому документу, соответствующая информация, в пределах специального перечня, должна предоставляться пользователям «за плату в размерах, возмещающих расходы на ее подготовку, копирование и передачу по сетям электрической и почтовой связи» (за исключением ряда государственных органов, которым эта информация предоставляется бесплатно).

[11] Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» № 24-ФЗ от 20 февраля 1995 г. ст. 12 ч. 4.

[12] Постановление Правительства РФ «Об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды» № 1425 от 15 ноября 1997 года

Такой подход, в частности, является отражением того реального факта, что на многие вопросы, которые могут быть поставлены общественностью или СМИ, в рамках существующих государственных информационных ресурсов вообще нет готового и полного ответа; чтобы получить его, требуется выполнить какие-либо дополнительные действия. Примером может служить подготовка обобщающей справки на основании данных, имеющихся в распоряжении государственной организации. К сожалению, при установлении расценок понятие «расходы на подготовку информации» может подвергаться расширительной трактовке.

Рассматривая проблему шире, стоит отметить, что «коммерческие цены» на экологическую информацию возможны только в условиях монополии на информацию. Появление альтернативного канала доступа к информации всегда приводит к существенному оздоровлению ситуации. В числе способов, которыми может быть создан такой канал, можно назвать, например, осуществление общественного экологического мониторинга или организацию информационного центра.

Заканчивая обсуждение возможных мотивировок отказа в предоставлении информации, следует отметить, что право на доступ к экологической информации закреплено Конституцией РФ, нормы которой являются нормами прямого действия. Поэтому не является законным отказ в предоставлении экологической информации на том основании, что доступность данного документа или сведений не установлена специально каким-либо законом, подзаконным актом, должностной инструкцией и т. п.

Юридические и терминологические коллизии

Известный адвокат Юрий Шмидт считает, что главной причиной неразрешенности проблем, связанных с государственной тайной и, как следствие, с доступом к экологической информации, является прямая заинтересованность министерств и ведомств в незаконном расширении массива секретной информации. Этот интерес обусловлен тремя основными составляющими[13]:

1. Тотальная секретность, которая предоставляет возможность чиновничеству творить «в своем уделе» полный произвол, избегать независимого контроля,

[13] Шмидт Ю.М. Государственная тайна должна быть реальной, компактной и защитимой.//Право знать: история, теория, практика. 2002. № 7-8.

отчитываться только перед непосредственным начальством, которое само заинтересовано в том же: получать поощрения и награды.

2. Огромная армия «сотрудников по режиму» со своими полковниками и генералами, главными управлениями, отделами и секторами, всеми силами стремящаяся к сохранению своего нынешнего поголовья. Это вполне соответствует интересам генералитета и руководящей элиты в целом – сохранить все так, как есть. Негативную роль играет огромный запас инерции, своеобразный «психоз секретности» как наследие времен «горячей» и «холодной» войн.

3. «Приватизация» информации руководителями ведомств и учреждений, выгодная торговля ею.

Применительно к экологической информации наиболее проблематичным моментом представляется ограничение информационных прав в интересах безопасности государства, поскольку Закон РФ «О безопасности» выделяет, наряду с государственной, также экологическую и иные виды безопасности[14]. К основным объектам безопасности Закон относит личность, ее права и свободы. Таким образом, с одной стороны, необходимо обеспечить реализацию права граждан на экологическую информацию, с другой стороны – соблюсти интересы безопасности государства. Данная проблема противоречия «секретность – экологическая открытость» нашла отражение в статье Алексея Яблокова[15], где отмечается, что наиболее остро эта коллизия проявляется в двух областях: в области ядерной и радиационной безопасности и в области химического и биологического оружия. Алексей Яблоков предлагает модель решения этого противоречия, реализация которой ставится в зависимость от выполнения двух условий:

1) Экологи должны признать, что экологическая информация в определенной части может быть секретной, и не настаивать на безусловном открытии всей информации, которая может иметь экологический характер.

2) Военные должны признать, что национальная безопасность сводится не только к обороне страны от внешнего потенциального противника, но включает не менее важную экологическую составляющую, и рассматривать экологов не как врагов, а как союзников в обеспечении национальной безопасности в широком смысле слова.

Тогда как же быть, если рассекречивание информации, с одной стороны, ослабляет обороноспособность государства, а с другой стороны, усиливает безопасность общества и личности? Алексей Яблоков считает, что эта коллизия может быть

[14] Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 года.

[15] Яблоков А.В. Шпионы или борцы за национальную безопасность? // Индекс. 2000. № 12.

решена лишь экспертно, на основе тщательного анализа приоритетов и ответа на вопрос: «Что опаснее?» При этом не стоит забывать, что в демократическом гражданском обществе, в отличие от тоталитарного, на первом месте должны стоять проблемы обеспечения безопасности личности, потом – общества, и лишь потом – государства. Принципиально вопрос может и должен быть решен не на ведомственной, а на более широкой основе с учетом общенациональных интересов.

Развивая мысль Алексея Яблокова, можно привести следующий пример. В случае ядерной аварии на оборонном объекте или ее реальной угрозы, способной привести к масштабному радиоактивному загрязнению и причинению вреда населению, выбор должен быть сделан в пользу раскрытия информации, даже если при этом раскрывается государственная тайна. В этом смысле возможно внесение дополнений в ст. 13 Закона РФ «О государственной тайне»[16] с целью введения еще одного основания для рассекречивания в особом порядке сведений, отнесенных к государственной тайне. Таким основанием может стать ситуация исключительной экологической опасности.

В настоящий момент в российском законодательстве отсутствует понятие экологической информации, поэтому многие ученые обращаются либо к общему определению информации, либо к зарубежному законодательству.

Так, в соответствии со ст. 2 Закона «Об информации...»[17] информация – это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. На основе этого закона Сергей Боголюбов[18] определяет экологическую информацию как сведения о лицах, предметах, фактах, событиях и процессах, имеющих значение для охраны окружающей среды, экологической безопасности, охраны здоровья граждан и т. д., независимо от формы их представления. Очевидно, что подобная дефиниция, с одной стороны, несколько узка, поскольку из сферы правового регулирования выпадает деятельность, приводящая к негативным изменениям в окружающей среде, а также деятельность, направленная на охрану природы. С другой стороны, формулировка «имеющих значение» носит явно оценочный характер и является слишком неопределенной, фактически под нее можно подвести любые сведения.

Правовое регулирование доступа к информации о состоянии экологической безопасности ставится в зависимость от двух факторов: гарантированности права

[16] Закон РФ «О государственной тайне» № 5485-1 от 21 июля 1993 года (ред. 6 октября 1997 № 131-ФЗ).

[17] Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» № 24-ФЗ от 20 февраля 1995 года Ст.2.

[18] Боголюбов С.А. Экологическое право. М.: НОРМА: ИНФРА-М,1998.С.26.

граждан на ее получение и, с другой стороны, соблюдение требований по обеспечению информационной безопасности (по сохранению государственной, военной, служебной, коммерческой тайны).

Международный опыт

Проблема обеспечения реализации гражданами их права на получение информации о состоянии окружающей среды широко дебатируется и в европейских странах, где наблюдается тенденция к большей прозрачности отношений между государством и обществом. Можно привести некоторые примеры.

7 июня 1990 года Советом ЕС была принята директива «О свободе доступа к информации об окружающей среде» (90/313/ЕЭС)[19], в соответствии с которой экологическая информация определяется как любая доступная информация в письменной, визуальной, акустической или фиксирующей факты форме о состоянии воды, воздуха, почв, фауны, флоры, земли и естественных ресурсов, а также о деятельности (включая деятельность, вызывающую такое неприятное явление, как шумы) или мероприятиях, оказывающих неблагоприятное воздействие на окружающую среду (либо способных воздействовать на нее таким образом), или о деятельности и мероприятиях, нацеленных на защиту окружающей среды, включая административные меры и экологические программы. Данное определение не включает в себя информацию о климатических изменениях и условиях человеческого существования в результате экологических бедствий.

В соответствии со ст.3 Директивы государства – члены ЕС должны обеспечить обязанность органов власти предоставлять информацию об окружающей среде физическим и юридическим лицам по их запросам без выяснения причин их интереса. Государства – члены ЕС должны также определить систему практических мер по обеспечению доступа к подобной информации.

На основе Директивы ЕС в Германии был принят Закон об экологической информации, опубликованный в Федеральных ведомостях 8 июля 1994 года[20]. В целом Закон небольшой по объему и состоит из 11 статей, в общих чертах повторяющих положения Директивы, но тем не менее он содержит и ряд оригинальных решений. Так, Закон дает определение экологической информации и устанавливает, что любой гражданин имеет право на доступ к подобной информации, причем заявитель не обязан доказывать наличие интереса, но в то же время запрос должен быть достаточно определенным, т.е. необходимо указание, какая

[19] Директива «О свободе доступа к информации об окружающей среде» (90/313/ЕЭС). http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/okr_sreda/infoenvaccess.htm.

[20] Bundesgesetzblatt 8 июля 1994 года.

именно информация запрашивается. На запрос орган власти может предоставить информацию, разрешить просмотр документов либо предоставить доступ к иным информационным носителям. Срок, в течение которого орган власти обязан ответить на запрос, по Закону составляет два месяца. Установлены также исключения и ограничения в праве на информацию в целях защиты публичного и частных интересов. Например, информация не может быть предоставлена:

1) когда ее разглашение может повлиять на международные отношения, вопросы национальной обороны или конфиденциальность процедур государственной власти либо представляет значительную угрозу общественной безопасности;

2) когда информация касается данных, добытых органом власти во время и посредством юридического процесса в отношении дел, находящихся на рассмотрении, в стадии уголовного расследования или административной процедуры;

3) если разглашение информации значительно нанесло бы ущерб природным богатствам, указанным в Законе, либо успех государственных мер по охране окружающей среды был бы подвергнут опасности.

Запрос должен быть отклонен в случае, когда он касается незаконченных документов, сведений, носящих внутренний характер, либо когда заявитель уже обладает запрашиваемыми данными. Закон определяет также иные основания ограничения права граждан на экологическую информацию.

Декларация по окружающей среде и развитию, принятая на Конференции в Рио-де-Жанейро (14 июня 1992 года)[21] провозгласила, что экологические вопросы рассматриваются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан. На национальном уровне каждый человек имеет соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды, которая имеется в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных веществах, и имеет возможность участвовать в процессах принятия решений. Государства развивают и поощряют информированность населения путем широкого предоставления информации. Обеспечивается эффективный доступ к судебным и административным разбирательствам, включая возмещение и средства судебной защиты (десятый принцип Декларации).

В июне 1996 – феврале 1997 года в Женеве был разработан проект Конвенции по обеспечению доступа к экологической информации и участию общественности в процессе принятия экологически значимых решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. В разработке Конвенции прини-

[21] Всемирная Конференции по охране окружающей среды и устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро// Сборник рекомендаций. С-П. 1998.

мала участие в числе прочих коалиция неправительственных организаций (НПО) различных европейских стран, включая Россию. Одним из дискуссионных вопросов было обсуждение определения «экологическая информация». Коалиция предлагала включить в данную дефиницию информацию о состоянии не только природных ресурсов, атмосферного воздуха, но и стратосферы – в связи с большим «космическим» загрязнением обломками космических летательных аппаратов, отработавшими частями оборудования, которые периодически падают на земную поверхность, создавая непосредственную угрозу для людей и природы. 25 июня 1998 года в Орхусе (Дания) Конвенция была открыта для подписания. В Орхусской конвенции[22] приведено следующее определение экологической информации: «Экологическая информация» означает любую информацию в письменной, аудиовизуальной, электронной или любой иной материальной форме о:

– состоянии атмосферы, воды, почвы, земли, ландшафта и природных объектов;

– состоянии биоразнообразия и его компонентов, включая генетически измененные организмы;

– факторах, таких как вещества, энергия, шум и излучение;

– затратах, результатах и допущениях, использованных в процессе принятия решений по вопросам, касающимся окружающей среды;

– состоянии здоровья и безопасности людей, условиях их жизни;

– состоянии объектов культуры и сооружений в той степени, в которой на них воздействует состояние элементов окружающей среды.

Как видно из этого определения, понятие «экологическая информация» является достаточно широким и вполне может включать в себя самые что ни на есть повседневные интересы каждого человека. Однако Россия, в отличие от всех прочих стран СНГ, конвенцию так и не ратифицировала. Основная причина тому – противодействие со стороны ФСБ.

Примеры

Отсутствие юридически закрепленного определения понятия «экологической информации» влечет за собой множество коллизий, которые возникают при решении дел, связанных с открытостью экологической информации в судах.

Споры о том, где граница экологической информации, начались еще в 1993 году. Тогда рассматривалось дело Вила Мирзояна и Льва Федорова, которое было

[22] Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. ООН. Экономический и Социальный Совет. Европейская экономическая комиссия. Орхус, 23.06.–25.06.98.

связано с тем, что Вил Мирзоян вместе со Львом Федоровым написали статью, в которой открыли данные о создании в России ВИ-газа (сильнодействующее нервно-паралитическое вещество), самых современных форм химического оружия и другие факты.

Второе показательное дело – Николая Щуро, который был руководителем Государственного экологического фонда в закрытом городе Снежинске. Он получил данные о том, что в городе есть территория, опасно загрязненная радиацией. Его предупредили: «Не разглашай эту информацию, если разгласишь, тебе будет плохо!» Он разгласил. Опубликовал, в каких местах города бывать опасно. Был длинный судебный процесс, в конце концов его посадили, формально за нарушения в расходовании 100 рублей, на трату которых не нашли отчета. Очевидно, что реальной причиной того, что человек на 2,5 года оказался за решеткой, явилось распространение экологической информации.

Показательно и дело Джейсона Линча. В 1995 году была организована совместная экспедиция Института биофизики РАН, и в ней участвовал американский стажер-исследователь – Джейсон Линч. Задача экспедиции была – географически точно определить координаты мест, опасно загрязненных в результате работы горно-химического комбината в Красноярске-26. Это российский центр по производству плутония, который долгое время, в течение 40 лет, выбрасывал воды из реактора без очистки прямо в Енисей. Это одно из вопиющих нарушений природоохранного законодательства, причем продолжавшегося несколько десятилетий.

В результате Енисей оказался загрязненным плутонием (а у этого элемента период полураспада 24 тысячи лет) и другими долго живущими радионуклидами на тысячи километров, вплоть до Северного Ледовитого океана. Актуальность исследования была огромной, так как на Енисее много туристов, охотников, рыболовов, которые не думают о том, что где-то выше по течению работает комбинат и сбрасывает чрезвычайно радиоактивно опасные вещества. Человек ловит рыбу и, проведя два часа в этом месте, получает высокую вероятность через 2-3 года получить раковое заболевание. Соответственно, результаты экспедиции имели не только научное, но и огромное социальное значение.

У Джейсона Линча совершенно открыто имелся спутниковый телефон, который позволял устанавливать координаты места. Сотрудники ФСБ следовали за экспедицией по берегам (это потом уже выяснилось). На первом же месте, где счетчики показали высокую радиоактивность, Линч связался со спутником, чтобы точно определить место. Его схватили, обвинили в секретной передаче информации и выдворили из страны.

Еще один вопиющий случай — дело Муслюмовского комитета самоуправления. Муслюмово – это большая деревня на реке Течe, причем это первая деревня на Течe, расположенная ниже знаменитого производственного объединения «Маяк». Оттуда в свое время сотни деревень были выселены, но Муслюмово осталось. Эта и другие деревни, расположенные ниже по течению, подвергаются жуткому облучению.

С помощью общественных организаций была установлена связь с одним из американских университетов, молекулярно-биологической лабораторией. Американцы согласились проанализировать кровь жителей Муслюмово, чтобы точно показать, какие дозы получили люди. Они собрали пробы крови, и эти пробы были конфискованы в Челябинском аэропорту сотрудниками ФСБ под тем предлогом, что это конкретная экологическая информация, которая не может быть вывезена. Минатому РФ и ФСБ невыгодно, чтобы информация такого рода стала достоянием общественности.

Одно воронежское дело вообще можно назвать анекдотичным. В Воронеже работала американская стажерка Джастин Хамильтон. Она была филологом и работала по программе обмена с одним из американских университетов. После 3 лет работы в Воронеже вернулась в США, а ФСБ заявило, что ими была выдворена американская шпионка. Подробное описание всей этой детективной истории опубликовала канзасская газета «The Wichita Eagle» 9 августа 1999 года. Официальная причина «высылки» Хамильтон – интерес американки к «секретным экологическим картам». Поскольку по российскому законодательству никаких секретных экологических карт быть не может, ясно, что в региональном ФСБ дело было просто сфальсифицировано, по-видимому, с целью служебного продвижения его инициаторов.

Известное дело Владимира Сойфера, профессора из Владивостока, – фактически то же самое. В основе дела Сойфера — конфликт по поводу экологической информации: может она быть открытой или не может.

70-летний профессор Владимир Сойфер, заслуженный деятель науки России, возглавляет лабораторию в Институте океанографии Дальневосточного отделения РАН и одновременно является научным сотрудником Курчатовского института в Москве. Он – один из ведущих специалистов в мире по радиоэкологии, в частности по радиоактивному загрязнению морей. Ученый разработал новые методы выявления малых загрязнений. Сотрудники ФСБ в июле 1999 года обыскали его офис и квартиру и обнаружили, что в своем служебном сейфе он хранил копии материалов (составленных, кстати, с его же участием) с грифом «секретно». Позднее ему инкриминировалось и то, что в одной из опубликованных статей он использовал

в качестве основы для рисунка карту из этого материала (с которой, впрочем, им была убрана вся секретная информация). В Москве в защиту Сойфера выступили не только экологи и правозащитники, но и большая группа академиков – очень вопиющим оказался этот случай преследования ФСБ видного ученого-эколога.

Примеры таких дел можно приводить и далее, что подтверждает существующую коллизию: с одной стороны, экологическая информация – это законодательно открытая информация и не может быть никак засекречена; с другой стороны, она может быть засекречена.

К сожалению, примеров, когда свободу доступа к экологической информации признавал бы суд, значительно меньше. Общественности известен единственный прецедент, когда был выигран процесс о защите прав граждан на экологическую информацию. 29 апреля 2002 года в суде города Южно-Сахалинска состоялось заключительное судебное заседание по делу об обжаловании отказа ФГУП «Дальморнефтегеофизика» предоставить документированную экологическую информацию гражданам и общественной организации «Экологическая вахта Сахалина». Суд удовлетворил требования заявителей-экологов и вынес определение обязать «Дальморнефтегеофизику» предоставить запрашиваемую информацию в месячный срок после вступления решения суда в силу[23].

В августе 2001 года ФГУП «Дальморнефтегеофизика» (далее ДМНГ) проводило сейсморазведочные работы на северо-восточном шельфе Сахалина, на месторождении Одопту, в непосредственной близости от мест нагула исчезающих серых китов. Целый ряд документов подтверждают негативное воздействие сейсморазведки как на китов, так и на рыбные ресурсы и биологические сообщества шельфа. В конце августа несколько граждан – активистов экологического движения и общественная организация «Экологическая вахта Сахалина» (далее ЭВС) обратились с запросом в ДМНГ о предоставлении документов, ставших основанием для проведения сейсморазведочных работ, однако руководство ДМНГ проигнорировало это обращение экологов.

ЭВС обратилось в суд. В ходе процесса экологи обосновывали свои требования положениями из Конституции РФ[24], федеральных законов «Об охране окружающей среды»[25], «Об информации...»[26], в соответствии с которыми граждане

[23] Диана Тарасевич, «Экологическая вахта Сахалина» 2002. №2.

[24] Конституция РФ. Принята 12 декабря 1993 года.

[25] Закон «Об охране окружающей природной среды» от 10 января 2002 года.

[26] Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» № 24-ФЗ от 20 февраля 1995 года.

имеют право на информацию о состоянии окружающей среды, доступ к которой не может быть ограничен.

Суд счел требования экологов законными и подлежащими удовлетворению, обязав генерального директора ДМНГ Э.Я. Кроппа предоставить все запрашиваемые документы. Таким образом, создан серьезный прецедент, и один из важнейших демократических принципов – принцип открытости информации, представляющей общественный интерес и затрагивающей права граждан, – получил реальное подтверждение.

Заключение

Современное состояние Российского государства, международные правовые механизмы требуют коррекции сложившегося положения в обеспечении информированности граждан об экологической опасности либо ее наступлении, а также любой иной информации экологического характера для возможности реализации механизма самозащиты. Для этого необходимо инициировать принятие Федерального закона «Об экологической информации», в котором в самом общем приближении необходимо предусмотреть и определить субъекты и объекты информации, систему информации, информационные носители, порядок ее предоставления и ответственность за отказ в предоставлении.

Создание механизма гарантий прав граждан на достоверную экологическую информацию должно происходить с учетом особенностей правовой системы России. Этот процесс может реально повлиять на увеличение доверия к легитимности деятельности государства по мере роста обеспокоенности общественности состоянием окружающей среды.

Анализ судебной, арбитражной и консультационной практики показывает, что вопросы соблюдения конституционных прав граждан на информацию, на участие в демократическом процессе принятия решений различного уровня и значимости хотя и декларированы в Конституции РФ, в различных федеральных законах и подзаконных актах, на практике не решены. Отсутствует система подзаконных актов, способных создать отлаженную процедуру доступа общественности к информации и участия общественности в принятии жизненно важных решений.

От построения в нашей стране правового государства, основанного на демократических началах, зависит как успех экономических и социальных реформ, так и решение экологических проблем. Участие общественности в принятии решений, открытость информации, возможность обращаться за защитой своих прав к органам правосудия и получать квалифицированную юридическую по-

мощь – обязательные компоненты любого правового государства. После многих десятилетий тоталитарного режима, в обстановке практически полной изолированности от остального мира, для россиян крайне важно почувствовать себя полноправными членами общества, в котором уважают мнение и конституционные права граждан, действуют механизмы свободы слова и свободы совести.

Литература

1. *Боголюбов С.А.* Экологическое право. М.: НОРМА: ИНФРА-М,1998.

2. Всемирная Конференции по охране окружающей среды и устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро// Сборник рекомендаций. СПб., 1998.

3. Директива «О свободе доступа к информации об окружающей среде» (90/313/ЕЭС) http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/okr_sreda/infoenvaccess.htm

4. Закон «Об использовании атомной энергии» от 10 февраля 1997 года.

5. Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года (ред. 6 октября 1997 № 131-ФЗ).

6. Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 года.

7. Закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 года.

8. Закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 года.

9. Закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 12 февраля 2001 года.

10. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. ООН. Экономический и Социальный Совет. Европейская экономическая комиссия. Орхус, 23.06.–25.06.98.

11. Конституция РФ. Принята 12 декабря 1993 года.

12. Постановление Правительства РФ «Об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды» № 1425 от 15 ноября 1997 года.

13. *Тарасевич Д.* «Экологическая вахта Сахалина». 2002. № 2.

14. *Шмидт Ю.М.* Государственная тайна должна быть реальной, компактной и защитимой //Право знать: история, теория, практика. 2002. № 7-8.

15. *Яблоков А.В.* Шпионы или борцы за национальную безопасность? // Индекс. 2000. №12.

Елена Черняк[1*]
Вторая премия)

Свобода слова в зависимых СМИ. Возможно ли это?

Я спросил на днях у нахимовцев в Нахимовском училище, что для них означает «свобода». И один из них ответил: свобода – это право делать то, что не запрещено законом. А другой сказал: свобода – это отсутствие страха.

Дэвид Сифкин, консул по вопросам культуры и СМИ Генерального консульства США[2]

Более 15 лет Россия считается демократическим государством, в котором каждый человек имеет право выбора, право на выражение собственных взглядов, право на информацию, гарантированные основным законом страны – Конституцией, определяющей, что права и свободы человека являются высшей ценностью.

Свобода слова считается одним из главных завоеваний демократии. Согласно Закону РФ о средствах массовой информации каждый гражданин имеет право на оперативное получение через СМИ достоверных сведений[3].

Работа «Свобода слова в зависимых СМИ. Возможно ли это?» посвящена проблематике существования свободы слова в практиках журналистов в современной России. В ней затронуты следующие проблемы:

- работает ли в действительности в России институт свободы слова?
- можем ли мы сегодня говорить о том, что в стране существуют свободные и независимые СМИ?

[1] Елена Черняк – соискатель факультета журналистики СПбГУ, волонтер Центра независимых социологических исследований.

[2] Стенографический отчет международного семинара «Российская журналистика: отношения с властью и собственниками», организованного Санкт-Петербургским союзом журналистов 13-14 февраля 2002 г.

[3] Закон РФ о средствах массовой информации. С. 19.

- нужны ли современному российскому обществу свобода слова и свободные масс-медиа[4]?
- возможные способы создания независимых СМИ и сохранения свободы слова в современной России.

Объектом данного исследования является журналистский корпус, содержание медиапродукции не являлось самостоятельным объектом, но учитывалось. Предметом исследования являются действующие практики журналистов и формы контроля независимости СМИ в современной России.

В основу работы положено эмпирическое исследование: интервью с известными петербургскими журналистами и включенное наблюдение (более 10 лет автор работает корреспондентом в нескольких петербургских газетах, работала на радио и телевидении, поэтому есть возможность говорить о работе журналистов и существовании современных СМИ, основываясь на собственном опыте).

«Свобода слова – это внятно определяемое понятие»

Начнем с определения понятий «независимость СМИ» и «свобода слова». Независимость средств массовой информации определена нами как «практически реализуемая юридическая и экономическая независимость медиаорганизации от всех элементов политической системы общества»[5], идеологическая и финансовая возможность масс-медиа самостоятельно определять свою политику. По мнению главного редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Олега Кузина, независимость СМИ – «это отсутствие какой-либо зависимости от власти, денег, владельца»[6].

Свобода слова, согласно толковому словарю обществоведческих терминов, – это «важнейшая политическая свобода, право граждан иметь и свободно выражать свои взгляды по всем интересующим их проблемам»[7]. По мнению известного тележурналиста Максима Соколова, «свобода слова – это внятно определяемое понятие. Оно означает, что государство не казнит и не сажает в тюрьму

[4] Масс-медиа (от лат. mass media, т. е. массовые посредники) – синоним СМИ, употребляемый во избежание слишком частых повторов термина «средства массовой информации». В дальнейшем будут также использованы следующие производные термины: медиаорганизации – редакции печатных изданий, радиостанций и телекомпаний, т. е. СМИ как «предприятия»; медиапродукция – результат деятельности медиаорганизаций, потребляемый аудиторией; медиа-производители – создатели медиапродукции, работающие в медиаорганизациях.

[5] *Яценко Н.Я.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999. С. 378.

[6] *Кузин О.* Стенографический отчет круглого стола «Свобода слова и независимость СМИ в России» СПб., 2001. С. 6.

[7] *Яценко Н.Я.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999. С. 378.

людей по обвинению в каких-либо публичных высказываниях... Говорить, что сейчас нет свободы слова, будет просто ложью»[8]. Действительно, в постсоветское время СМИ добились определенных успехов – добились политической свободы, которая означала, прежде всего, свободу от цензуры[9] (сегодня цензура запрещена законом) и право выступить с любой точкой зрения. Итак, свобода слова как политическая концепция – это право и возможность граждан свободно выражать свое мнение и свои взгляды в публичном пространстве.

Задача журналистики, в свою очередь, заключается в том, чтобы реализовывать право граждан на получение объективной информации. Как справедливо заметили еще в середине XX века авторы книги «Четыре теории прессы» Фред. С. Сиберт, Уилбур Шрамм и Теодор Питерсон, главной целью средств массовой информации в либеральном обществе является помощь в нахождении истины и разрешении политических и социальных проблем путем предоставления фактов и мнений как основы для нахождения их решений[10].

Веским доказательством существования в стране свободы слова является наличие большого числа средств массовой информации различной направленности, предоставляющих возможность отразить любую точку зрения на происходящие события в России и за ее пределами. Именно множество конкурирующих СМИ (что наблюдалось в начале 1990-х годов) является одной из наилучших гарантий свободы слова и независимости журналистов, так как, предоставляя аудитории различную по содержанию и смыслу информацию, масс-медиа выполняет одну из своих главных функций: отражать общественное мнение.

Действующие практики показывают, что в России свобода слова в масс-медиа представлена в разной степени. Чем более средства массовой информации влиятельны – тем менее свободны (особенно федеральные СМИ, имеющие наибольшие тиражи или зрительские аудитории и, соответственно, контролирующиеся наиболее жестко), и наоборот, вплоть до абсолютной свободы (в основном, печатные издания). Последние, как правило, не влияют на происходящие в стране политические процессы, т.ак как не являются политически влиятельными органами СМИ из-за невысоких тиражей и небольшой популярности у потребителя. Основное их достижение – испорченное настроение чиновника.

Тем не менее журналист, работающий в федеральном или региональном СМИ, имеет возможность высказывать свое мнение в других изданиях.

«Свобода журналиста – это свобода выбора фирмы, в которой он работает. Поскольку журналист имеет возможность, если он профессионал, предлагать свои услуги разным изданиям, то он пользуется довольно широкой свободой выбора того мэйнстрима, в котором он будет существовать. Я пользуюсь свободой в этом издании не потому, что я определяю его политику, а потому, что политика этого издания мне достаточно близка» (из интервью с журналистом С.).

В тех случаях, когда позиция СМИ по каким-либо причинам меняется (чаще всего из-за смены руководства, учредителя, спонсора) и новый вектор для журналиста становится неприемлем – он переходит в другой орган массовой информации. «Я сменил довольно много изданий. Это было вызвано тем, что их политика не совпадала с моей точкой зрения. Когда я сталкиваюсь с жесткой цензурой, я ухожу из такого СМИ» (из рассказа журналиста Д.). Так, в конце 1999 года Д. ушел из одной из ведущих газет Петербурга того времени, когда в этом издании стало невозможно печатать объективные статьи про чеченскую войну из-за изменений в верхних эшелонах власти и «официальной» позиции государства по этому вопросу, в результате чего значительно изменились политические позиции руководства газеты.

Рассказывает журналист Дм. «В конце 1996 года, на закате правления Собчака, в моей практике был такой случай. В “Невском времени” мне предложили написать несколько статей о наиболее вероятных кандидатах на победу на выборах в городскую мэрию. И первым, о ком я написал, был действующих мэр Анатолий Александрович Собчак, что было вполне логично. Статья была достаточно лояльна по отношению к нему. Я старался писать так, как пишу обычно, используя свободные обороты речи, чтобы статью было интересно читать, чтобы перед читателями предстал живой человек. Но во время обсуждения у зам. главного редактора выяснилось, что есть некие мелочи, не устраивающие руководство газеты. Я думаю, что если бы я «уперся», я опубликовал бы ее в «Невском времени». Но я сказал: «Ребята, не хотите – не надо». И через неделю эта статья была опубликована в «Смене», где ее с удовольствием взяли. Свобода выбора была тогда абсолютной. Я не испытывал никаких проблем, и при любой мелочи или претензии я свободно мог отдать статью в другую газету».

Предпосылки к значительному ограничению независимости СМИ и свободы слова появились в 1992 году, когда все масс-медиа Санкт-Петербурга стали зави-

[8] *Соколов М.* Стенографический отчет круглого стола «Свобода слова и независимость СМИ в России», организованного Санкт-Петербургской общественной правозащитной организацией «Гражданский контроль» и Британской радиовещательной корпорацией (BBC) в сентябре 2001 г. в Санкт-Петербургском Доме радио. СПб., 2001. С. 17.

[9] *Засурский Я. Н.* Десять лет свободы печати // Средства массовой информации постсоветской России. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 4.

[10] *Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. С. 82.

сеть от Собчака, который довольно жестко диктовал свою волю на телевидении, радио и газетах. «Можно было, конечно, сказать что-то негативное про Собчака, и я пробовал это делать, но главный редактор очень нервничал. До этого времени журналисты могли чувствовать себя абсолютно свободно – репрессивный аппарат их уже не трогал, общество с готовностью воспринимало любую критику, а экономическая система была такова, что можно было фактически бесплатно выпускать газету» (из разговора с журналистом Д.).

Стоит отметить, что в масштабах России ситуация, в которой большие надежды возлагались на институты выборов, политических партий и дискуссий, за последние годы несколько изменилась – с приходом к власти Путина снизилась политическая активность общества, что, на наш взгляд, вызвано некоторым ограничением политических свобод[11]. «Сегодня абсолютной свободы слова не существует нигде. Она чрезвычайно ограничена на Западе и пока, правда в несколько большем объеме, существует в России» (из интервью с журналистом С.). Свобода слова, по его мнению, заключается в свободе выбора темы и ее интерпретации, в определении круга запрещенных и незапрещенных к обсуждению вопросов и степени глубины их обсуждения. В частности, обсуждение насущных общественных проблем (например, действия органов местного самоуправления) в российских средствах массовой информации, включая федеральные масс-медиа, сегодня обсуждается достаточно свободно. Тем не менее некоторые актуальные темы сегодня «замалчиваются» всеми СМИ с молчаливого согласия самих медиапотребителей.

По мнению профессора Карла Беккера, «демократическая доктрина свободы слова и печати... покоится на определенных допущениях»[12], одним из которых является желание человека знать правду и руководствоваться ею. Другое допущение состоит в том, что единственный путь к правде заключается в создании конкуренции на свободном медиарынке, где каждому участнику разрешено свободно отстаивать свое мнение. Последнее должно привести к тому, что из всех мнений образуется общепринятое мнение, которое окажется самым разумным[13].

На наш взгляд, данные допущения достаточно справедливы. Однако большое влияние на образование общепринятого мнения оказывает регулярность в получении информации и доступность той или иной информации для аудитории, что подтверждается существующими практиками. В последние годы российскому потребителю медиапродукции предлагается широкий выбор различной информации, который осуществляется согласно его взглядам, мнениям и потребностью в получении информации. Тем не менее в условиях переизбытка информации у журналиста меньше возможности быть услышанным, так как необходимая информация не доходит до реципиента.

Как показывает практика, в существующем обществе доминируют мнения, детерминированные ведущими масс-медиа, зависящими от государственной власти и, соответственно, пропагандирующими ее политику и взгляды, так как именно «государственные» СМИ являются наиболее доступными для российского медиапотребителя и имеют самую большую аудиторию. Сегодня большая часть российского общества воспринимает только ту информацию, которая завизирована властью – в этом случае информация становится общественно достоверной, начинает восприниматься, обсуждаться. Высказывать какие-то мнения «за» или «против» можно в том случае, когда изначально тема для дискуссии задана властью. Если же власть индифферентна к той или иной информации (она может ее замалчивать или наложить «табу»), то, сколько бы СМИ ни обращали внимания общественности на проблему, – информация не будет воспринята, потому что общество изначально воспринимает любое мнение, не санкционированное властью, как маргинальное.

Но если общество таким образом воспринимает информацию, вполне логично напрашивается вывод, что само общество не заинтересовано в появлении альтернативного мнения. По мнению медиапроизводителей, на сегодняшний день потребность российского общества в свободе слова значительно ниже, чем была 10-15 лет назад[14]. Одна из основных проблем, стоящих сегодня перед российской журналистикой, заключается в том, что население не предъявляет спрос на честную, беспристрастную, критическую информацию. Объективная информация и объективный комментарий нужны небольшой группе населения. И даже из этой группы не все способны предъявить спрос на беспристрастную информацию. «Я допускаю, что пять процентов населения Петербурга хотели бы читать хорошую газету. И, допустим, такая газета есть. Но из этих пяти процентов три процента не знают, что такая газета есть, и не прикладывают никаких усилий, чтобы ее найти, заранее зная, что такого печатного издания нет и быть не может. Со-

[11] В отличие от В. В. Путина Б. Н. Ельцин на протяжении обоих сроков своего правления был фигурой постоянной критики в различных ее проявлениях. Изначально бывший президент презентовал себя как демократ и, придерживаясь созданного имиджа, был относительно толерантен в отношении к оппозиционной прессе.

[12] *Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. С. 72.

[13] Там же.

[14] Согласно данным, озвученным в ходе круглого стола «Свобода слова и независимость СМИ в России» в Санкт-Петербургском Доме радио в сентябре 2001 г., 58% россиян выступают за введение в стране цензуры законным путем по причине недоверия к СМИ.

ответственно, только 2% читают эту газету. По этой причине у нее небольшой тираж, что приводит к отсутствию рекламодателей, и такая газета либо умирает, либо должна стать финансово-зависимой от какого-нибудь олигарха» (из разговора с журналистом Дм.).

Основной причиной такого индифферентного отношения к объективной информации можно назвать действия федеральных средств массовой информации, которые полностью дискредитировали институт бескомпромиссной критики, в результате чего аудитория потеряла доверие к масс-медиа в целом. Поэтому при сложившейся обстановке, делая любое политическое или общественное заявление, следует предельно четко аргументировать свою позицию, в противном случае на журналиста или СМИ, его представляющее, будет повешен ярлык «пособника» какой-либо партии, государственной или криминальной структуры.

«Иллюзии относительно независимости СМИ надо отбросить»

Еще в 1997 году журналист, бывший пресс-секретарь президента РФ Павел Вощанов заметил, что «все иллюзии относительно независимости СМИ надо отбросить, не было ее у нас, нет и в ближайшее время не будет»[15].

Анализируя сложившуюся ситуацию в медиапредприятии, становится ясно, что сегодня абсолютно свободных СМИ нет, масс-медиа не может быть независимо в государстве, где ни одно СМИ не является рентабельным. Представители определенных структур (государственных, финансовых, силовых или криминальных) могут позвонить в любое издание и выразить свое недовольство материалом, пытаться различными способами воздействовать на журналиста или редактора.

Рассказывает журналист Дм. «Эта история произошла в 1999 году. В это время я стал работать в газете, которая с самого начала заняла довольно критическую позицию по отношению к губернатору Яковлеву. Основной причиной этого было то, что в своей предвыборной кампании 1996 года он выступал как откровенный популист, на что наша газета обратила внимание. Яковлеву это очень не понравилось, и на газету стало оказываться всяческое давление (причем статьи о Яковлеве писал я один, а давление оказывалось на газету в целом). Давление осуществлялось, в основном, в тех формах, которые характерны для нашего общества, в частности, к нам в редакцию стала очень часто наведываться налоговая инспекция, противопожарная охрана, СЭС. Причем, несмотря на то, что редакция у нас

[15] *Вощанов П.* Закончилась эра свободы слова // Новая газета. 1997. № 15. С. 4.

была небольшая, нас проверяли, как Кировский завод. Понятно, что это очень эффективное средство воздействия в наших условиях, потому что без нарушения пожарных или санитарных норм в России мало кто работает и придраться всегда есть к чему. Ситуация стала для нас довольно угрожающей. Но в этот момент нам повезло. Произошел случай, который я считаю самым замечательным случаем в истории отечественной журналистики. В это время премьер-министром был назначен Путин, а наша газета выпускала юбилейный сотый номер. Нами была проведена соответствующая работа, результатом которой стало письменное поздравление нашей газеты Путиным, опубликованное в юбилейном номере на первой полосе рядом с портретом премьер-министра, ставшего через полгода президентом. И с этого момента никаких претензий к нам со стороны городской администрации, проявляющихся разнообразными проверками, больше не было. Более того, до этого момента ни губернатор, ни председатели комитетов, ни крупные чиновники нам интервью не давали (существовал даже негласный приказ губернатора на вопросы нашей газеты не отвечать). После выхода юбилейного номера Яковлев охотно шел на интервью; по-моему, в то время он нашей газете давал интервью чаще, чем любой другой газете. То есть все изменилось буквально за один день. И если бы мы не получили такое «прикрытие» со стороны премьер-министра, через полгода ставшего президентом, конечно, у нас была бы более сложная ситуация, которая бы неизвестно чем закончилась».

Сегодня все средства массовой информации условно можно разделить на две группы[16]. Первая группа – это масс-медиа, политика которых определена достаточно четко, где изначально нет никакой свободы и журналистам указывается, что и как надо делать (например, федеральные СМИ, особенно телевидение). Во вторую группу входят средства массовой информации, имеющие серьезную зависимость от финансирования и вынужденные руководствоваться пожеланиями владельца. СМИ, относящиеся к этой группе, могут быть достаточно свободны за счет либерально настроенных владельцев и руководителей (региональные или частные издания, радио- и телепрограммы). То есть любой орган массовой информации сегодня должен занять определенную политическую позицию или примкнуть к какой-либо финансовой структуре, имеющей, в свою очередь, определенные политические взгляды, которые журналисты должны учитывать. Соответственно, журналист, начинающий работу в медиапроизводстве, становится зависим от политики данного органа массовой информации и должен принимать

[16] Данная классификация основана на зависимости СМИ от агентов влияния. Группы не являются взаимоисключающими, и некоторые СМИ могут быть отнесены как к одной, так и к другой группе.

существующие правила игры. Но, как я уже отмечала выше, журналист имеет право выбора – и в том случае, если политика медиа противоречит его личным убеждениям, он может перейти в другое СМИ[17].

В ходе эмпирического исследования мы пришли к выводу, что можно выделить три основных типа зависимости масс-медиа, каждый из которых в большей или меньшей степени влияет на независимость СМИ[18].

Первый тип – зависимость от финансовых структур (владельцев, спонсоров и рекламодателей), которых может быть несколько, что, соответственно, приводит к определенной конкуренции среди них. В этом случае свобода медиа зависит от личной позиции редактора или журналиста или их материальной заинтересованности.

Второй тип влияния, играющий большую роль в формировании и презентации СМИ, – аудитория. Аудитория, потребляющая медийную продукцию, создает рейтинг, за который борются все медиапроизводители, и превращается в особый «товар»[19], который продается рекламодателям, за счет чего средство массовой информации функционирует, и, таким образом, аудитория влияет на медиапроизводство.

Третий тип зависимости СМИ – зависимость от государства, которое на протяжении всей истории пытается контролировать масс-медиа. Факт использования государством всех допустимых средств и возможность определенного участия власти в процессе коммуникации признается в демократическом обществе[20]. Ответ на вопрос о степени участия в информационном процессе со стороны государства остается неопределенным. На наш взгляд, для сохранения своей независимости СМИ должны избегать какой-либо поддержки, поскольку любая помощь может привести к зависимости и контролю.

В настоящее время политику государственной власти, в первую очередь, представляет телевидение (особенно федеральные каналы), которое оказывает максимальное влияние на аудиторию и формирует общественное мнение, так как является самым доступным и популярным СМИ. Поэтому, работая на телевидении, журналист должен четко осознавать, какие темы, проблемы и вопросы можно затрагивать в эфире, не нарушая при этом баланса интересов тех, кто в действительности финансирует программу и осуществляет ее идейную политику. Создать конкуренцию федеральному телевидению могут только независимые, частные каналы, но «в условиях России говорить, что телевидение должно быть полностью приватизировано – это полный абсурд. У нас должен быть государственный канал, хотя я не вижу никакой необходимости в двух государственных телеканалах – достаточно одного (ликвидировать первый канал было бы весьма целесообразно, потому что он оплачивается налогоплательщиками, и я совершенно не готов финансировать его деятельность). Но одновременно должно развиваться частное телевидение» (из интервью с журналистом С.).

Кроме этого, телевидение, в отличие от печатных изданий, имеет возможность регулярно проводить мониторинг аудитории, результаты которого отражают потребность общества в получении необходимой информации. Наибольшее влияние на политику медиа в целом оказывают телезрители, поэтому телевидение в большей степени, чем другие масс-медиа, управляется не только «сверху», но и «снизу» и должно искать компромисс, устраивающий и аудиторию, и рекламодателей, и власть. Являясь самым влиятельным и оперативным органом массовой информации, телевидение, в свою очередь, регулирует условия существования других СМИ, которым последние для сохранения своей аудитории вынуждены подчиняться. В погоне за капиталом медиапроизводители начинают руководствоваться принципом «спрос рождает предложения», результатом чего на экранах, а затем в газетных киосках появляется низкокачественная, но имеющая высокий рейтинг медиапродукция, которая в государстве с морально-общественной цензурой была бы запрещена (такая цензура существует, например, во многих демократических странах). Ограничить появление «любых видов непристойности»[21], не ущемляя при этом свободу слова и не посягая на независимость СМИ, на наш взгляд, возможно – некоторые типы ограничений свободы масс-медиа совмещаются с принципами демократического общества[22]. Одним из таких ограничений может являться запрет на распространение непристойных и разлагающих материалов, основанный на принципе защиты морали[23]. В ряде

[17] Факторы, влияющие на политические взгляды журналиста и его деятельность, так же как и способы воздействия на средства массовой информации, планируется рассмотреть в следующем исследовании.

[18] Степень влияния зависит от нескольких показателей, в частности, вида СМИ, тиража (рейтинга), аудитории, тематической направленности СМИ.

[19] *Кольцова О.* Кто и как влияет на производство новостей в современной России//Pro et contra. Vol. 5. № 4. С. 102.

[20] *Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. С. 85.

[21] *Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. С. 88.

[22] Там же.

[23] В 1804 году в России вышел первый русский цензурный устав, определивший задачи цензуры так: «Доставить обществу книги и сочинения, способствующие истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению» (*Тепляшина А.Н.* Доклад на научно-практической конференции «Средства массовой информации в современном мире» .СПб., 1997. С.163).

демократических стран запрещен или ограничен показ фильмов и программ с подобным содержанием, нецензурной лексикой, эротическими и порнографическими эпизодами и т. п. Данная продукция может выходить в эфир только в определенное (как правило, ночное) время или на определенных каналах, а печатные издания и видеоматериалы можно приобрести в специализированных магазинах[24].

Однако введение любых ограничений значительной частью общества и тем более самими производителями подобной медиапродукции будет расценено как нарушение свободы слова и введение официально действующей цензуры: «Конечно, любая цензура – это ограничение свободы слова, а введение моральной цензуры приведет в дальнейшем к появлению политической цензуры» (из разговора с журналистом С.). Но, как показывает практика, нередко за борьбой за свободу слова и независимость скрывается борьба за гонорар за счет рекламы и дотаций, количество которых зависит от рейтинга.

Резюме

Поведенное в рамках данной работы исследование показало, что сегодня свобода слова в нашей стране есть – у журналистов есть возможность публично выражать свои мнения и взгляды. Но напрашивается парадоксальный вывод: свобода слова в России существует в условиях отсутствия независимых СМИ и обусловлена, в основном, большим выбором медиапродукции и конкуренцией, а не желанием донести до потребителя объективную информацию, которая, как выясняется, не особо им и востребована, в отличие от развлекательных программ, ток-шоу (нередко бездарных и безнравственных), «бандитских» сериалов и «мыльных опер». Рост числа подобной медиа-продукции детерминирован, на мой взгляд, зависимостью СМИ от своих фактических владельцев – тех, кто их финансирует и, соответственно, диктует условия их функционирования, направленные, главным образом, на получение прибыли.

С другой стороны, сильное влияние на масс-медиа оказывает политическая элита, которой в настоящее время оппонировать становится значительно сложнее. Наблюдается тенденция к ограничению свободы слова, стало заметнее давление общей для всех идеологии, которой вынуждены подчиняться все СМИ и которая ограничивает свободу всех медиапроизводителей. «Сейчас, под видом

[24] Остается открытым вопрос о том, кто и каким образом будет определять уровень «непристойности» и возможность выхода в эфир или в свет той или иной медиапродукции. Данный вопрос может являться темой другого исследования.

борьбы с региональным олигархизмом, идет сталинская тактика постепенного отрезания свободы по кусочкам» (из интервью с журналистом Д.).

Сегодня практически не существует СМИ, которые представляют в равной степени интересы и власти, и оппозиции и руководствуются честностью и беспристрастностью, а не желанием заработать за счет высоких рейтингов. Для объективного освещения происходящих событий пресса должна быть независима и свободна.

Одним из решений, обеспечивающих независимость СМИ, является капиталистическая система частного предпринимательства, когда при наличии небольшого стартового капитала каждый может основать медийное предприятие, успех которого будет зависеть только от самого учредителя[25].

Тем не менее следует учитывать, что любое телевизионное предприятие в России нерентабельно. Поэтому одним из возможных вариантов для появления независимого телевидения является создание общественного телевидения, которое должно существовать на средства населения России путем ввода абонентской платы. Но, вводя институт общественного телевидения, необходимо быть твердо уверенным, во-первых, в законодательной базе, предусматривающей общественные советы, регулирующие деятельность телевидения, а во-вторых, в самом обществе: насколько оно богато и дисциплинированно, чтобы выплачивать абонентскую плату. Учитывая существующий уровень жизни и недоверчивое отношение к информации, нельзя рассчитывать на широкую поддержку общества в организации «народного» телевидения. Насколько известно автору работы, на сегодняшний день никаких официальных опросов населения с целью выяснения их отношения относительно идеи создания общественного телевидения не проводилось.

Одна из основных задач журналистики сегодня связана с принятием определенных концепций для сохранения свободы слова и регулирования деятельности СМИ. Необходима также легитимация кодексов и законов относительно отечественных масс-медиа, при которых функции института свободы слова будут заключаться в объективном отражении действительности, а не в популяризации низкокачественной медиа-продукции в угоду потребителю. Решая эти задачи,

[25] Подобная ситуация существовала на медиарынке в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда благодаря действующей в то время экономической системе практически любой желающий мог организовать свое средство массовой информации (в основном, печатное издание). Результатом этого стала практически ничем не ограниченная свобода слова, существование независимых СМИ и большой спрос аудитории на информацию. В дальнейшем экономические условия для существования и развития медиапродукции значительно ухудшились, и СМИ стали нерентабельны.

необходимо критически анализировать опыт других демократических стран, опираться на их примеры, учитывать уже сложившиеся практики и представления.

Литература

1. Закон РФ о средствах массовой информации. М., 2002.

2. Комментарий к Закону РФ о СМИ. М., 2002.

3. *Сиберт Фред С., Шрамм Уилбур, Питерсон Теодор*. Четыре теории прессы. М., 1998.

4. *Засурский Я. Н.* Десять лет свободы печати в России // Засурский Я. Н, Вартанова Е. Л., Засурский И. И. и др. Средства массовой информации постсоветской России. М., 2002.

5. *Овсепян Р. П.* В лабиринтах истории отечественной журналистики. М., 2001.

6. *Яценко Н. Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.,1999.

7. *Кольцова О.* Кто и как влияет на производство новостей в современной России// Pro et contra. Vol. 5. № 4.

8. *Кольцова О.* Производство новостей: типы «влияний» на работу журналистов//Невидимые грани социальной реальности. СПб., 2001. С. 109–123.

9. *Вощанов П.* Закончилась эра свободы слова // Новая газета. 1997. № 15.

10. Стенографический отчет круглого стола «Свобода слова и независимость СМИ в России». 5 сентября 2001 г. СПб., 2001.

11. Отчет I Международной конференции «Российская журналистика: отношения с властью и собственниками». 13–14 февраля 2002 г. СПб., 2002.

12. *McQuai, Denis*. Mass Communication Theory. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994.

Николай Миронов[1]

Вторая премия

Свобода слова и представительная демократия в России

Международные правовые стандарты и свобода слова

Судьба институтов представительной демократии, созданных в России в 90-е гг., во многом зависит от того, будет ли наша страна выполнять свои международные обязательства в области защиты прав человека, демократии и верховенства права.

Стоит надеяться, что Россия, активный участник процесса СБСЕ/ОБСЕ, член Совета Европы, не сможет радикально повернуть назад и восстановить «железный занавес». Реакционные тенденции конца 90-х – начала 2000-х гг. и слабость правового государства – не смертельный недуг и не начало реставрации коммунизма (как полагают некоторые западные аналитики[2]), а естественное следствие низкого уровня правовой и политической культуры, отсутствия устойчивых институтов гражданского общества. Российская «республика без республиканцев» имеет все шансы выжить, если у ее руководителей хватит политической воли и ума если не развивать реформы, то хотя бы сохранить status quo.

Международные правовые стандарты[3] предписывают России укреплять механизмы защиты прав человека. В будущем наше общественно-политическое устройство должно соответствовать стандарту представительной демократии – правовой и политической оболочки гражданского общества, структурно организованного как система развитых ассоциативных связей на всех уровнях социальной жизни. Для такого типа общества характерны преобладание интеграционных процессов, децентрализация, многопартийность, профессионализм. Необходимо сформировать представительные учреждения, контролирующие самостоятельную исполнительную власть, а также независимый и компетентный суд[4].

---

[1] Николай Миронов – студент 4 курса Российского государственного педагогического университета.

[2] La lente rehabilitation du Guide et de ses methods // Le Monde. 2003. 26 fev.; Le stalinisme dans les tetes // Le Monde. 2003. 26 fev.

[3] Подробнее см.: *Мюллерсон Р. А.* Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 31; *Бекназар-Юзбашев Т. Б.* Права человека и международное право. М., 1996. С. 4-7.

[4] Общая теория государства и права: В 2 т. Т.1. М., 2000. С. 344; *Лысенко В. И.* Выборы и представительные органы в новой Европе. М., 1994. С. 15; *Венгеров А. Б.* Теория

В общественной жизни должны проводиться начала плюрализма, терпимости и открытости (Европейский суд по правам человека, дело Sunday Times , 1979 г.[5]).

Принципы плюрализма и открытости упомянуты не случайно. В западноевропейской доктрине, ставшей основой послевоенного международного права, свобода мысли, слова, мнений, массовой информации рассматривается как основополагающий институт демократического и правового государства. Защитники демократического строя всегда рассматривали степень гарантированности этой свободы как универсальный критерий для оценки общего состояния прав и свобод человека[6].

В связи с этим рассмотрим некоторые международные нормы, касающиеся свободы слова. Общие принципы закреплены в следующих документах:

1. На универсальном уровне:

- Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 19);
- Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 19);
- Варшавская декларация «К сообществу демократий» 2000 г.;
- Декларация о критериях свободных и справедливых выборов (принята 154-й сессией Межпарламентского союза в 1994 г.) (п. 3 и 4)[7] и ряд других.

2. На региональном уровне:

- Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст.9 и 10) (далее – ЕКПЧ);
- акты СБСЕ/ОБСЕ (в т. ч. документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению 1990 г., Решения Будапештского 1994 г. и Лиссабонского 1996 г. саммитов и др.);
- Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. (ст. 10) и ряд других.

Отдельно остановимся на международных актах, закрепляющих гарантии свободы массовой информации. Ряд важнейших документов принят на уровне Совета Европы[8]:

государства и права. М., 2000. С. 135; *Мерло П.* Электоральная практика, права человека и общественное доверие к демократической системе // Полис. 1995. № 4. С. 123.

[5] *Энтин М. Л.* Международные гарантии прав человека (практика Совета Европы). М., 1992. С. 142.

[6] *Imbert J.* Les droits de l'homme en France. Paris, 1985. P. 66–71; *Colliard C.-A.* Libertes publiques. Paris, 1989. P. 398.

[7] Поскольку она принята большинством стран мира, мы отнесли ее к числу документов универсального характера.

[8] Приводятся по изданию: Совет Европы: документы по проблемам СМИ / Сост. Вдовин Ю. И. СПб., 1998. С. 5-37.

– Декларация о СМИ и правах человека (Резолюция 428 (1970));
– Рекомендация 748 (1975) о роли национального вещания и управления им;
– Резолюция 820 (1984) об отношениях парламентов государств со СМИ;
– Документы IV Европейской конференции на уровне министров по проблемам в области СМИ (Прага, декабрь 1994 г.);
– Документы V Европейской конференции министров по политике в области средств массовой информации (Салоники, декабрь 1997 г.).

Все они обращают внимание на исключительную роль СМИ в общественном развитии, в политической сфере, в области информирования и просвещения населения. Поэтому им должно предоставляться право искать, получать, передавать и распространять информацию и идеи. Не допускается цензура. Декларируются принципы редакторской независимости, безопасности журналистов. Органы власти должны сотрудничать со СМИ, своевременно передавать им информацию по общественно значимым вопросам.

Важную роль документы Совета Европы отводят созданию стабильного общественного телерадиовещания, защищенного от любых форм политического или экономического давления.

С другой стороны, предусмотрен ряд мер по обеспечению ответственности СМИ. Так, их деятельность может быть ограничена в соответствии с п. 2 ст. 10 ЕКПЧ на основании закона и в объеме, необходимом в демократическом обществе в интересах безопасности, общественного спокойствия, предотвращения беспорядков и преступности, защиты нравственности, репутации и прав других лиц. Распространяемая в обществе информация должна отвечать следующим критериям: точность, сбалансированность, быстрое и полное исправление ошибок, разграничение фактов и комментариев. Журналистам следует информировать население так, чтобы граждане могли сформировать собственное мнение.

В рамках конституционных процедур вырабатываются меры по защите от незаконных посягательств на личную жизнь граждан при сборе и распространении информации. В связи с этим в документах затронут весьма тонкий вопрос о пределах вмешательства в интересах общества в личную жизнь общественных деятелей. Установлено, что предметом обсуждения могут быть только те моменты, которые оказывают влияние на общественные события. Должно обеспечиваться право на защиту чести, достоинства и репутации в суде.

По рассматриваемому вопросу имеется ряд правовых позиций Европейского суда по правам человека[9]:

[9] *Туманов В. А.* Европейский суд по правам человека: Очерк организации и деятельности. М., 2001; Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.,

1. Поскольку свобода политической дискуссии играет в демократическом обществе исключительную роль, государственные деятели должны быть терпимы к повышенному вниманию и к обоснованной критике (дело Лингенс, 1986 г.).

2. Все ограничения свободы массовой информации минимизируются там, где речь идет о выборных представителях народа (дело Кастеллс, 1992 г.).

3. Журналист не может подвергаться преследованию, если во время передачи он лично не допускал высказываний, которые запрещены законом. Главное, чтобы он не демонстрировал к ним сочувствия (дело Йерсилд, 1994 г.). В особых мнениях членов суда указывалось на необходимость обязать журналистов сопровождать указанные выше высказывания негативными комментариями, стараться минимизировать их передачу в эфир.

4. Нарушения ст. 10 ЕКПЧ нет, если речь идет об ограничении свободы слова, например в войсках, для обеспечения надлежащего порядка и дисциплины (дело Энгель и другие, 1976 г.).

5. Возможно ограничение свободы слова по соображениям нравственности (дела Хендисайд, 1976; Институт Отто-Премингер, 1994 г.; Уингроу, 1996 г.).

«Четвертая власть» в российском демократическом государстве

Приведем мнение известного русского государствоведа А. Д. Градовского. Он обусловливал «успех цивилизации» известным уровнем гарантированности свободы печати. Правительство, проводя реформы, должно опираться на общество, всегда находиться с ним в состоянии диалога. Если общество «призывается к публичной деятельности», жизненно важно сформировать систему общественного контроля. Поэтому вопрос о свободе печати – вопрос о жизнеспособности всей государственной формации[10].

Эти идеи могли бы быть положены в основу отношений власти и прессы. В период модернизации советского строя и в первые годы реформ в России казалось, что так оно и будет. Но «традиции» взяли свое, и свобода слова вновь была поставлена под сомнение.

Следует помнить, что в российском законодательстве формально закреплены гарантии свободы слова и свободы массовой информации, соответствующие

2000; Т. 2. М., 2000.

[10] *Градовский А. Д.* Государственное право важнейших европейских держав. СПб., 1895. С. 30–33; *Градовский А. Д.* Государственное право. Лекции. Ч. 1. СПб., 1878. С. 346; *Градовский А. Д.* По поводу пересмотра наших законов о печати // О свободе русской печати. СПб., 1905. С. 8, 18–20, 32–33; *Градовский А. Д.* О современном направлении государственной науки. СПб., 1873. С. 9.

международным правовым стандартам. Посмотрим, насколько эти гарантии у нас соблюдаются.

Власть и СМИ

Первый вопрос – проблема независимости СМИ. К сожалению, большинство ученых, публицистов, общественных деятелей сходятся во мнении, что до подлинной независимости отечественной медиасфере еще очень и очень далеко.

По информации, опубликованной Уполномоченным по правам человека в РФ и правозащитными организациями[11], в России сейчас нет ни одного по-настоящему независимого издания, а 80% СМИ напрямую контролируются властями.

Давление на независимые СМИ и на медиакапитал со стороны правительства весьма велико. Достаточно вспомнить события, связанные с уничтожением «империи» В. Гусинского, «реорганизацию» НТВ, нападки на ТВС, разгон «Новых известий» и т. д.

Региональные власти настойчиво пытаются поставить под контроль местные СМИ и превратить их в «информационный ресурс» на выборах.

Так, грубые нарушения прав СМИ и журналистов давно стали традицией в Республике Башкортостан. Здесь и в 1998, и в 2003 гг. при проведении выборов закрывались независимые издания, отключались федеральные телеканалы, изымались тиражи оппозиционных газет[12].

В Саратове недавно началась «подготовка» к думским выборам, то есть «обработка» избирателей. Местные СМИ без устали хвалят мэра города – будущего кандидата в депутаты[13].

«Театр одного актера» демонстрировали избирателям СМИ на выборах губернатора Таймырского автономного округа (26 января 2003 г.). Газета «Таймыр» получила предупреждение за публикацию материалов, не устроивших самого «перспективного» кандидата – мэра Норильска. Редактор газеты был оштрафован. После «восстановления законности» независимое освещение избирательной кампании прекратилось[14].

В Новороссийске в период подготовки к выборам мэра (23 марта 2003 г.) СМИ, вероятно при поддержке краевой и городской администраций, активно агитировали за

[11] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ в 2001 году. М., 2002; Права человека в регионах РФ: В 5 т. Т.1. М., 2001. С. 26, 88-100; Т .4. М., 2001. С. 475-486.

[12] *Ворошилов К.* От пряников иной раз болят зубы // РГ. 2003. 28 фев.; Выборы в Башкирии: неугодные вне закона? // Коммерсантъ. 2003. 22 фев.; Бюллетени исчезают в полдень // РГ. 2003. 14 марта.

[13] Ненаглядная агитация // РГ. 2003. 2 апр.

[14] Коммерсантъ-власть. 2003. 20-26 янв.

кандидата от губернатора края. По телевидению о нем было показано более 60 сюжетов общей продолжительностью около 400 мин. Разумеется, этот информационный поток не был оплачен из избирательного фонда кандидата. Нарушения оказались столь серьезны, что им было посвящено специальное обращение Государственной думы к Генеральному прокурору РФ и председателю ЦИК РФ А. А. Вешнякову[15].

Что можно сделать для защиты СМИ? Прежде всего, предлагаем изучить возможность законодательного закрепления института их государственной поддержки. Основная цель – восстановить легальное присутствие правового государства в медиасфере. В настоящее время это, наверное, единственное средство для борьбы с посягательствами на свободу массовой информации как со стороны властей, так и со стороны финансового капитала.

Принято считать, что государственная поддержка – способ поставить СМИ под контроль правительства. Для того чтобы опровергнуть это мнение, обратимся к опыту зарубежных стран.

Так, во Франции с успехом использовался и используется механизм финансовой поддержки СМИ: льготы по налогам, оплате услуг транспорта и связи, таможенным платежам. Установлены «послабления» для типографий, перевозчиков, распространителей газет и журналов[16]. В отдельные периоды вводилась даже прямая бюджетная поддержка.

Финансовую поддержку СМИ оказывают и правительства других стран Европы. Наибольших размеров она достигала в 80-е – начале 90-х гг. в Италии, Испании, Голландии, где наблюдалось падение тиражей печатных изданий. В меньших объемах субсидировали прессу правительства Бельгии, Дании, Люксембурга, Португалии[17].

Иногда финансирование СМИ имеет целевой характер и обусловлено соблюдением ими квот на демонстрацию теле-, радиопередач и кинофильмов национального производства либо посвященных определенной тематике. Такой метод активно применялся во Франции в начале 90-х гг.[18]

Важно помнить, что государственная поддержка СМИ не достигнет своей цели, если не будет создан эффективный «буфер» между правительством и медиасферой.

[15] Большая битва за Малую землю // Известия. 2003. 21 марта; Обращение Госдумы «О нарушениях избирательного законодательства при проведении выборов главы администрации города Новороссийска Краснодарского края» // Парламентская газета. 2003. 27 марта.

[16] *Imbert J.* Les droits de l'homme en France. Paris, 1985. P. 73–74.

[17] *Charon J.-M.* La presse en France de 1945 a nos jours. Paris, 1991. P. 397.

[18] *Cortade J.-E.* La television francaise. Paris, 1993. P. 84–85.

В европейской доктрине получила признание теория независимых межведомственных административных органов, не входящих в иерархию ни одной из ветвей власти («autorites administratives independentes»)[19]. Согласно решениям Конституционного суда ФРГ (1961 г.) и Конституционного совета Франции (1989 г.), любая монополия в области СМИ (в т. ч. государственная) не страшна, если созданы наделенные достаточными полномочиями независимые органы, препятствующие прямому вмешательству в деятельность СМИ, и в состав этих органов входят представители ведущих политических, философских и религиозных направлений[20].

В соответствии с упомянутой теорией во Франции, Португалии, ФРГ и других странах созданы специальные коллегиальные органы. В их состав входят представители политических партий (в т. ч. оппозиции), ученые, журналисты, судьи и т. д.

Так, во Франции Высший совет по электронным СМИ («Conseil superieur de l'audiovisuel»)[21] состоит из представителей обеих палат парламента и лиц, назначенных президентом Республики. В период исполнения обязанностей члены совета несменяемы. В задачи совета входят: обеспечение плюрализма и «сбалансированного» представления идейных течений, вопросы лицензирования, согласование финансовых, кадровых вопросов.

В Португалии аналогичный орган – Высокое руководство – дополнительно согласовывает выдачу лицензий экономически значимым для СМИ предприятиям.

В США Federal Communication Commission, назначаемая президентом с согласия Сената, выдает лицензии на телерадиовещание, обладает правом приостанавливать деятельность отдельных СМИ и запрещать выход передач[22].

Важной задачей является также обеспечение самостоятельности органов управления и попечительских советов самих СМИ. В качестве примера приведем административный орган BBC (Англия), состоящий из видных политиков, ученых, деятелей культуры.

Если будут соблюдены вышеперечисленные условия, государство может пойти на закрепление института государственной поддержки СМИ и даже на созда-

[19] *Colliard C.-A.* Libertes publiques. Paris, 1989. P. XXXIV.

[20] Conseil superieur de l'audio-visuel. 17 janvier 1989 (88-248 DC; Rec.18) // Decisions du Conseil Constitutionel. Paris, 1990. P. 13-15; Debbasch Ch. Le droit de l'audio-visuel. Paris, 1984. P. 34.

[21] *Debbasch Ch., Bourdon J., Pontier J.-M., Ricei J.-Cl.* Droit constitutionnel et institutions politiques. Paris, 1986. P. 559.

[22] *Debbasch Ch.* Le droit de l'audio-visuel. Paris, 1984. P. 9-23.

ние общественной монополии в сфере телерадиовещания. К сожалению, в современной России СМИ лишены как материальной поддержки, так и защиты со стороны демократического государства.

С 1 января 2003 г. отменены налоговые, таможенные льготы, льготы по обязательной продаже валютной выручки, по оплате услуг связи, предоставленные СМИ в соответствии с Федеральным законом о государственной поддержке СМИ и книгоиздания РФ. С 1 января 2005 г. отменяются льготы по НДС (10%-ая ставка) при оплате периодическими изданиями экспедиторских услуг, услуг по доставке тиражей, редакционных и издательских работ (п/п 3 п. 2 ст. 164 Налогового кодекса РФ).

В 2005 г. будут сохранены, вероятно, только льготы по налогу с продаж и меры экономической поддержки районных (городских) газет, введенные Федеральным законом об экономической поддержке районных (городских) газет.

В последнее время стали появляться публикации, в которых поддерживается идея возобновления государственной поддержки СМИ[23]. Хочется верить, что правительство проявит к этому вопросу внимание. Наиболее правильным будет оказание СМИ на конкурсной основе финансовой поддержки при условии демонстрации ими программ, затрагивающих важные общественные вопросы, социальной рекламы и кинофильмов российского производства.

Одновременно должны быть созданы «Высокое руководство» и независимые органы управления СМИ.

Для иллюстрации современного состояния вопроса интересно проследить изменения персонального состава представителей государства в АО «ОРТ». Распоряжением правительства РФ[24] в 1995 г. назначено 6 членов коллегии – А. Чубайс, Ш. Тарпищев, И. Шабдурасулов, директоры ВГТРК, ИТАР-ТАСС и «Телевизионного технического центра». В 1997 г.[25] в состав обновленной коллегии вошли А. Волошин, И. Шабдурасулов, 4 представителя Администрации президента РФ, В. Матвиенко, А. Починок и министр госимущества РФ. Из «независимых» остался только генеральный директор ИТАР-ТАСС.

Правительство РФ одобрило, а Мингосимущества РФ утвердило устав ЗАО «ОРТ».

Не лишним будет указать, что под контролем государства (Администрации президента РФ) находится и трансляционная сеть. Трансляция всех сигналов проводится через государственные трансляционные передающие центры. Их

[23] Без цензуры и с деньгами // Парламентская газета. 2003. 26 марта.

[24] РГ. 1995. 2 фев.

[25] СЗ РФ. 1997. № 32. Ст. 3332.

деятельность с начала 90-х гг. регламентируется, как правило, указами президента РФ. Ни Закон РФ о СМИ, ни другие федеральные законы не содержат норм о праве доступа к передающим центрам, об их статусе и т. п. Указом президента РФ от 13 августа 2001 г. создано ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть»[26]. Устав нового предприятия утвержден правительством РФ.

Очевидно, такую ситуацию нельзя назвать нормальной. В России должен быть принят закон о трансляции теле- и радиосигналов, обеспечивающий независимую процедуру распределения сетей вещания. При необходимости может быть создан независимый регулирующий орган. Следует также дополнить Федеральные законы о связи и о почтовой связи, закрепив в них гарантии прав доступа СМИ к услугам связи (запрет произвольного отказа от приема подписки, равенство государственных и частных СМИ и др.).

Одновременно необходимо принимать меры по предотвращению концентрации медиакапитала. Решая эту задачу, не лишним будет учесть зарубежный опыт. Так, во Франции с середины 80-х гг. действуют специальные ограничительные правила, согласно которым одно лицо не вправе сосредоточивать в своих руках медиакапитал свыше установленного законом предела (25% голосующих акций (долей) в уставном капитале (фонде) ТРК и ряд других ограничений)[27].

Обеспечение права на информацию

В соответствии со ст. 29 Конституции РФ Федеральный закон об информации, информатизации и защите информации ограничивает возможности «закрытия» общественно значимой информации. Федеральный закон о порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных СМИ конкретизирует порядок предоставления информации органами власти. Правительством РФ 12 февраля 2003 г. утвержден Перечень сведений, обязательных для размещения в информационных системах общего пользования[28].

Вместе с тем ведомственное нормотворчество нередко приводит к нарушениям права на получение общественно значимой информации. Так, зам. министра природных ресурсов РФ разослал циркуляр, в котором предписал считать информацию о негативных и катастрофических природных и техногенных процессах конфиденциальной и не подлежащей передаче третьим лицам[29]. К сожалению, этот пример далеко не единственный.

[26] СЗ РФ. 2001. № 34. Ст. 3485.

[27] Colliard C.-A. Libertes publiques. Paris, 1989. P. 571-587, 701-703.

[28] РГ. 2003. 15 февраля.

[29] Тайны природы // Известия. 2003. 28 фев.

Для того чтобы административный аппарат перестал быть «черным ящиком», на Западе применяются специальные механизмы обеспечения информационной открытости органов власти. Так, во Франции разработан перечень видов документов (протоколы, доклады), которые должны быть доступны третьим лицам, в том числе журналистам. Согласие на присвоение грифов секретности и ДСП дает специальная независимая комиссия, состоящая из судей, депутатов парламента, ученых, работников архивов[30]. Аналогичный орган может быть создан и у нас.

Далее необходимо в кратчайшие сроки принять закон о праве на информацию. Выступая 19 марта 2003 г. на Уральском информационном форуме, председатель Совета Федерации С. М. Миронов заявил о «возможности внесения» такого законопроекта[31]. Напомним, что указание о его разработке было дано Б. Н. Ельциным 31 декабря 1993 г.

Доступ политической оппозиции к СМИ

Целесообразно законодательно закрепить за фракциями парламентского меньшинства право на критику правительственного курса, право выступать с политическими инициативами, право доступа к СМИ[32] пропорционально количеству полученных мандатов (голосов на выборах президента РФ).

Свобода слова и война в Чечне

Этот вопрос особенно важен в связи с принятием на референдуме 23 марта 2003 г. новой Конституции республики.

Обратим внимание, что референдум проводился в соответствии с Указом президента РФ от 12 декабря 2002 г.[33], принятым на основании п. 5 ст. 11 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ, с учетом мнения съезда народов Чечни.

Не оспаривая в принципе необходимость конституционных преобразований в Чечне, выскажемся против необоснованного в данном случае применения механизма делегированного законодательства. В литературе с давних пор ведется дискуссия о правовом статусе нормативных актов президента РФ. Каким бы ни был ее результат, в вопросах избирательного права широкое подзаконное правовое регулирование представляется неоправданным. В России действуют законы о выборах, Федеральный конституционный закон о референдуме РФ. Если их нормы неприменимы для голосования в Чечне, нужно или дополнить законы главами об особенностях проведения референдумов в условиях чрезвычайных ситуаций, или принять специальный федеральный закон ad hoc.

В подтверждение своей позиции сошлемся на п/п «б» п. 1 ст. 2 Конвенции СНГ о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ (подписана 7 октября 2002 г.)[34], которая обязывает своих участников принимать меры к тому, чтобы правовая база выборов формировалась национальными законодательными органами.

Затронем и другой аспект проблемы политического урегулирования в Чечне. Вот уже много лет в регионе де-факто действует режим чрезвычайного положения (а одно время можно было говорить даже о военном положении). В этом следует усматривать прямое нарушение обязательств России по документу Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (п. 28.4). Нарушенным оказывается и Международный пакт о гражданских и политических правах, поскольку ограничение закрепляемых им прав допускается только на основании закона[35].

Вопросы конституционной реформы в Чечне можно и нужно решать более демократическим путем. На территории России не должны создаваться районы, находящиеся на исключительном положении, режим которого не регулируется ни одним федеральным законом.

Отсутствие надлежащей правовой базы приводило и приводит к нарушениям прав человека, в том числе свободы слова. Так, в Чечне нередко имеют место случаи высылки журналистов, изъятия видео- и аудиозаписей. Могло бы сойти за анекдот (если бы не отражало так ярко реальность) выражение майора ВВ, конфисковавшего видеокассету с материалом, отснятым в Чечне: «Все, что вы тут наснимали, не соответствует действительности»[36].

При подготовке к референдуму был установлен запрет на сообщение в эфир и на публикацию в прессе сведений о чрезвычайных происшествиях на терри-

30 *Colliard C.-A.* Libertes publiques. Paris, 1989. P. 400-403.

31 Развитие информационной сферы – показатель зрелости гражданского общества // Парламентская газета. 2003. 20 марта.

32 *Чиркин В. Е.* Конституция: российская модель. М., 2002. С. 110.

33 РГ. 2002. 14 декабря.

34 Http://www.cikrf.ru/conference/konv_CNG.htm.

35 Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражд. и полит. правах // Вестник Московского университета. Сер. 11. 1992. № 4. С. 56-68.

36 *Симонов А.* Борьба с крайностями // Известия. 2003. 26 фев.

тории республики. Причем не сообщалось о серьезных инцидентах – нападении на избирательные участки, террористических актах[37].

Если на результаты референдума (чрезвычайно высокая явка, большой процент проголосовавших «за») западная пресса отреагировала спокойно (хотя на этапе его подготовки отдельные издания и называли предстоящее голосование «референдумом мертвых душ»: газета Le Monde, 9–10 февраля 2003 г.), то ситуация с соблюдением свободы слова в Чечне традиционно подвергалась и подвергается резкой критике. Причем, стоит полагать, не только по политическим соображениям. Так, французские газеты, в идеологических целях называя методы российского руководства по восстановлению законности на Северном Кавказе рецидивом сталинизма, вполне обоснованно обращали и обращают внимание на бесправие СМИ на территории спецоперации[38].

Как известно, правительства всегда стремятся максимально ограничить свободу деятельности журналистов в зонах военных конфликтов. В этом отношении не составляют исключения страны, имеющие устойчивые демократические традиции. Свежий пример – преследования независимых СМИ в Ираке и странах антииракской коалиции. На территории, подконтрольной союзникам, действует режим аккредитации журналистов, весьма схожий с тем, который давно уже применяется в Чечне. Известны случаи высылки репортеров, засекречивания информации. По сообщению генерального секретаря международной организации «Репортеры без границ» Р. Менара, сотрудников независимых СМИ арестовывают, часами допрашивают, избивают. Практикуется их увольнение за независимое освещение событий[39].

Все выше сказанное не следует рассматривать, как попытку оправдать нарушения свободы слова в Чечне. Просто нужно понимать, что полностью исключить их вряд ли окажется возможным. А еще сложнее защитить истину от политической целесообразности. Но меры, для того чтобы население было хотя бы в минимальной степени информировано о ходе спецоперации, должны быть приняты. Тем более что новая чеченская конституция содержит полный перечень

[37] Два референдума // Коммерсантъ-власть. 2003. 31 марта-6 апр.; Как скажут, так и будет // Известия. 2003. 24 марта.

[38] См., например: Tchetchenie: choses vues sur la guerre de Poutine; L'armee russe tient la Tchetchenie par la terreur et la torture; Une guerre qui est devenue la cle de voute de l'edifice complexe du pouvoir de Vladimir Poutine // Le Monde. 2003. 9-10 fev.

[39] Цензура по-американски // Известия. 2003. 28 марта; Границы без репортеров // Известия. 2003. 2 апр.; Его уволили за правду // РГ. 2003. 2 апр.; Союзники нашли причину неудач // Коммерсантъ. 2003. 2 апр.

закрепленных международными стандартами гарантий прав и свобод человека. Есть там, между прочим, и свобода слова.

Для начала все ограничения свободы массовой информации должны быть закреплены законодательно. При выработке соответствующих норм целесообразно обратиться к опыту французского законодательства и судебной практики в период войны в Алжире. Законы 1957–1958 гг. определяли порядок применения цензуры, приостановления деятельности СМИ, изъятия печатной продукции. Административные суды, рассматривая дела о нарушении прав журналистов и СМИ, пришли к выводу, что применяемые меры должны быть основаны на законе и учитывать степень угрозы общественной безопасности. Идти на ограничение свободы слова можно только тогда, когда иначе сохранить порядок невозможно. Для защиты от произвола властей следует сформировать независимые судебные или квазисудебные органы[40].

В зоне чеченского конфликта должны в самое короткое время заработать суды и административные органы, свободные от влияния военных. В ближайшие месяцы следует отменить действующий порядок аккредитации журналистов и восстановить на территории республики действие Конституции РФ и федеральных законов о СМИ. Режим пребывания и полномочия военных властей в Чечне также должны получить законодательное определение.

Гибель и травматизм журналистов

За последние 15 лет погибло более 120 журналистов, в их числе А. Боровик, В. Листьев, Д. Холодов и многие другие.

Продолжаются преследования репортеров. Например, белгородский журналист Ольга Китова за свои комментарии о произволе местных чиновников была арестована, привлечена к суду. После долгих мытарств ей пришлось покинуть родной город и прекратить журналистскую деятельность[41].

В Ростове-на-Дону после серии репортажей о переделе собственности подверглась нападению и была изувечена журналистка ТРК «Дон-ТР» Ольга Кобзева[42].

Подробную информацию по данной проблеме приводят правозащитники[43].

[40] C.E. Ass. 24 juin 1960, Societe Frampar et Societe France editions et publications, Rec. 412, concl. Heumann // Les grands arrets de la jurisprudence administrative. Paris, 1993. P. 576-582.

[41] Одинокая Ольга // Известия. 2003. 20 фев.

[42] Журналистке отомстили за репортаж // РГ. 2003. 20 марта.

[43] *Вдовин Ю.* О свободе печати и получения информации // Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах. Т. 1. СПб., 1999. С. 72–95 и др.

Проблемы информационного обеспечения выборов и референдумов

В заключение необходимо коротко рассмотреть некоторые вопросы взаимодействия СМИ, общественных объединений и власти в избирательном процессе.

Для начала приведем требования международных актов[44] к информационному обеспечению выборов:

- равный доступ кандидатов (избирательных объединений) к СМИ;
- принципы нефальсифицированных (честных) выборов:
- информационная открытость на всех стадиях избирательного процесса;
- опубликование результатов выборов;
- свободный доступ журналистов на заседания избирательных органов и на участки для голосования;

СМИ объективно «представляют» программы и профессиональные способности кандидатов.

Дополнительно к этому Конвенция СНГ о стандартах выборов (2002 г.) предусматривает следующие правила: свобода поиска и распространения информации о выборах, их объективное освещение в СМИ; право журналистов знакомиться с материалами избирательных комиссий, проведение агитации в условиях плюрализма мнений без цензуры и злоупотреблений свободой слова (п. 3 ст. 9, ст. 13).

Принято считать, что в избирательном процессе СМИ выполняют следующие задачи: обеспечение права на агитацию, освещение хода избирательной кампании, общественный контроль. Вместе с тем, СМИ часто используются и для других целей, например для нелегального воздействия на электоральное поведение[45].

Низкий уровень правовой и политической культуры привел к расцвету в России «грязных» информационных технологий. В первую очередь скажем о «телекиллерах» и заказных публикациях. Высокая эффективность «информационного заказа» подтверждалась неоднократно: достаточно вспомнить С. Доренко, сыгравшего важную роль в дискредитации оппозиционной Москве партии региональных лидеров.

Отметим, что на Западе выработаны механизмы борьбы с этой разновидностью «грязных» технологий. Во Франции лица, выступающие по телевидению,

[44] ВДПЧ (п. 3 ст. 21); Международный пакт о гр. и полит. правах (п. “b” ст. 25), Копенгагенский документ (п. 7.4, 7.8), Декларация о критериях свободных и спр. выборов (п.3 и 4) и др.

[45] Выборы: кому должны служить СМИ? (Материалы конференции). М., 1996. С. 20.

радио или в прессе, обязаны под угрозой штрафа или ареста сообщать, кто и сколько заплатил за их выступления. В США такую информацию указывают сами СМИ[46]. Реализовать подобные меры в России будет, конечно, весьма сложно. Однако закрепление в законе принципа прозрачности финансирования «заказа», а также мер ответственности за его нарушение было бы полезно. Нужно обязать СМИ под угрозой санкций выяснять соответствующую информацию и в случаях, оговоренных законом, публиковать ее для всеобщего сведения.

Большой проблемой является широкое распространение «грязных технологий», «чернухи» на выборах и референдумах. За примерами далеко ходить не надо: все хорошо помнят поток «грязи» на выборах в Петербургский ЗакС в декабре 2002 г. Из «новинок» стоит упомянуть разве что появление газет-«двойников» (случай с газетой «Красноярский рабочий»)[47].

В ближайшее время будут приняты поправки к действующим законам. Предполагается, что за нарушения избирательного законодательства СМИ будут подвергаться достаточно суровым наказаниям вплоть до приостановления деятельности. Усиливается административная и уголовная ответственность.

Никто не спорит, что с «грязными технологиями» нужно бороться. Однако в законе должны быть предусмотрены механизмы защиты прав СМИ от произвола властей, особенно в регионах, стремящихся превратить телевидение и прессу в придаток административного аппарата. Приостановление деятельности будет эффективно в Москве. Но в провинции, где редко встретишь по-настоящему независимого судью, предлагаемые новеллы дадут только отрицательный результат. Тем более что, согласно поправкам, чиновники практически не несут ответственности за использование «административного ресурса» (слишком незначительны суммы штрафов).

Выходом из ситуации могло бы стать создание независимых административных органов (о них мы говорили выше), а также специализированных третейских судов по информационным спорам, действующих в период выборов. Ответственность СМИ должна быть соразмерна ответственности представителей власти.

Подводя итог, отметим, что свободе слова в российском представительном государстве угрожают как нелегальные формы политического участия власти и бизнеса, так и недостатки правового регулирования деятельности СМИ. В России не в полной мере выполняются требования международных правовых стан-

[46] *Debbasch Ch.* Le droit de l’audio-visuel. Paris, 1984. P. 70-80.

[47] Красноярский рабочий почернел // РГ. 2003. 13 фев.

дартов, что ставит под сомнение один из основополагающих институтов демократического и правового государства и оказывает негативное влияние на развитие гражданского общества.

Хотелось бы надеяться, что России отведено достаточно времени (столыпинские «20 лет»), чтобы преодолеть рецидивы прошлого. Если «покой внутренний и внешний» не будет обеспечен, можно ожидать весьма неприятных последствий. В том числе благодаря нашему неумению защищать свободу слова.

Литература[48]

Публикации в прессе

Без цензуры и с деньгами // Парламентская газета. 2003. 26 марта.

Большая битва за Малую землю // Известия. 2003. 21 марта.

Бюллетени исчезают в полдень // РГ. 2003. 14 марта.

Ворошилов К. От пряников иной раз болят зубы // РГ. 2003. 28 фев.

Выборы в Башкирии: неугодные вне закона? // Коммерсантъ. 2003. 22 фев.

Границы без репортеров // Известия. 2003. 2 апр.

Два референдума // Коммерсантъ-власть. 2003. 31 марта-6 апр.

Его уволили за правду // РГ. 2003. 2 апр.

Журналистке отомстили за репортаж // РГ. 2003. 20 марта.

Как скажут, так и будет // Известия. 2003. 24 марта.

Красноярский рабочий почернел // РГ. 2003. 13 фев.

Ненаглядная агитация // РГ. 2003. 2 апр.

Обращение Государственной думы «О нарушениях избирательного законодательства при проведении выборов главы администрации города Новороссийска Краснодарского края» // Парламентская газета. 2003. 27 марта.

Одинокая Ольга // Известия. 2003. 20 фев.

Развитие информационной сферы – показатель зрелости гражданского общества // Парламентская газета. 2003. 20 марта.

Союзники нашли причину неудач // Коммерсантъ. 2003. 2 апр.

Таймырский автономный округ // Коммерсантъ-власть. 2003. 20-26 янв.

Тайны природы // Известия. 2003. 28 фев.

Цензура по-американски // Известия. 2003. 28 марта.

L'armee russe tient la Tchetchenie par la terreur et la torture // Le Monde. 2003. 9-10 fev.

La lente rehabilitation du Guide et de ses methods // Le Monde. 2003. 26 fev.

[48] Нормативные правовые акты, ссылки на которые даны в тексте, в списке литературы не приводятся.

Le referendum des «ames mortes» le 23 mars // Le Monde. 2003. 9-10 fev.

Le stalinisme dans les tetes // Le Monde. 2003. 26 fev.

Tchetchenie: choses vues sur la guerre de Poutine // Le Monde. 2003. 9-10 fev.

Une guerre qui est devenue la cle de voute de l'edifice complexe du pouvoir de Vladimir Poutine // Le Monde. 2003. 9-10 fev.

Научная литература, справочные издания

Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: Конституционно-правовые основы. М., 1996.

Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001.

Бальян Х. Десять лет международного наблюдения за выборами // Журнал о выборах. 2001. № 4.

Бекназар-Юзбашев Т. Б. Права человека и международное право. М., 1996.

Большаков С. В. Правовое регулирование участия средств массовой информации в избирательном процессе: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2002.

Большаков С. В. СМИ и выборы // Журнал о выборах. 2001. № 3. С. 36-40.

Большаков С. В., Ищенко Е. П. Новый «Блокнот агитатора» или особенности правового регулирования предвыборной агитации в избирательной кампании по выборам президента Российской Федерации в 2000 году. М., 2000.

Большаков С. В., Ищенко Е. П. Предвыборная агитация: взгляд изнутри. М., 1999.

Борисов И. Б. Основные права и обязанности государств в избирательном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Борисов И. Б. Соотношение норм международного и внутригосударственного права в вопросах избирательного процесса // Журнал российского права. 2002. № 4.

Борисов И. Б., Малеев Ю. Н. Основные права и обязанности государств в избирательном процессе // Московский журнал международного права. 2002. № 1.

Варшавская декларация «К сообществу демократий» // Московский журнал международного права. 2001. № 1.

Вдовин Ю. О свободе печати и получения информации // Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах. Т. 1. СПб., 1999.

Веденеев Ю. А. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан // Государство и право. 1997. № 2.

Веденеев Ю. А. Средства массовой информации и избирательный процесс // Журнал о выборах. 2001. № 2. С. 36-39.

Веденеев Ю. А., Васильев А. В. Сравнительный анализ избирательных систем России и Германии // Журнал о выборах. 2001. № 4.

Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2000.

Вешняков А. А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.

Выборы: кому должны служить средства массовой информации? (Материалы конференции работников средств массовой информации. 16-17 октября 1995 г., Москва). М., 1996.

Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998.

Горшкова С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001.

Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. СПб., 1895.

Градовский А. Д. Государственное право. Лекции. Ч. 1. СПб., 1878.

Градовский А. Д. О современном направлении государственной науки. СПб., 1873.

Градовский А. Д. По поводу пересмотра наших законов о печати // О свободе русской печати. СПб., 1905.

Декларация о критериях свободных и справедливых выборов // Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Отв. ред. А. В. Иванченко. М., 1999. С. 802-807.

Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (практика и комментарии). М., 1997.

Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ в 2001 году // Российская газета. 2002. 22 июня; 25 июня; 18 июля.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

Европейская конвенция о правах человека: теоретические проблемы и практика реализации в современной России: Сб. статей / Под ред. В. А. Ачкасова. СПб., 2002.

Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М., 2000., Т. 2. М., 2000.

Елизаров В. Г. Конституционно обоснованные ограничения свободы массовой информации в ходе избирательных кампаний и просчеты нового законопроекта // Журнал российского права. 2002. № 4.

Елизаров В. Г. Средства массовой информации в Российской Федерации: конституционные основы и правовые ограничения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Журавлев В. П. Правовое регулирование предвыборной агитации в избирательном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.

Зимненко Б. Л. Анализ обращений граждан в Европейский суд по правам человека против Российской Федерации // Московский журнал международного права. 2001. № 2.

Зиновьев А. В. Гарантии свободы выборов представительных органов власти в России // Государство и право. 1995. № 1.

Зотов А. П. Правовая культура органов власти в Российской Федерации (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Отв. ред. А. В. Иванченко. М., 1999.

Иззатов Т. Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Ильин В. В., Панарин А. С. Философия политики. М., 1994.

Карасев В. И. Феномен политического лидерства. М.;Воронеж., 2000.

Карташкин В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995.

Ковлер А. И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М., 1997.

Ковлер А. И., Смирнов В. В. Демократия и участие в политике. М., 1986.

Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ // Http://www.cikrf.ru/conference/konv_CNG.htm.

Конституции государств Европейского Союза / Под общей ред. Л. А.Окунькова. М., 1997.

Крехалев А. В. Выборы и пресса: поводы для стресса // Журнал о выборах. 2001. № 3. С. 41-43.

Лысенко В. И. Выборы и представительные органы в новой Европе: политологический опыт и тенденции 80-90-х годов. М., 1994.

Любимов А. П. Правовые институты демократии России и стран Европы: Выборы, лоббизм и парламентаризм. М., 1999.

Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 2000.

Мерло П. Избирательные кампании и проблемы их подготовки: «равное игровое поле» и демократические выборы // Полис. 1995. № 4.

Мерло П. Электоральная практика, права человека и общественное доверие к демократической системе // Полис. 1995. № 4.

Монахов В. Критика власти и власть о критике // Власть. 1998. № 6.

Мостовщиков В. Д. Предвыборная агитация: понятие и правовые признаки // Журнал российского права. 1999. № 5/6.

Мужинская Н. Г. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002.

Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991.

Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2001.

Нечаев В. Д. Избиратель: покупатель, продавец или вкладчик? // Полис. 2001. № 6.

Общая теория государства и права. Академический курс в 2 т. / Отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. Теория государства. М., 2000; Т. 2. Теория права. М., 2000.

Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1996.

Окуньков Л. А., Крылов Б. С., Постников А. Е. Рассмотрение избирательных споров судами в субъектах Российской Федерации в 1995-1997 гг. (аналитический обзор) // Журнал российского права. 1999. № 7/8, 9, 10.

Панфилов О. Власть и пресса: взаимная любовь? // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2000. № 2.

Пастухов В. Б. Власть и общество на поле выборов, или Игры с нулевой суммой // Полис. 1999. № 5.

Пономаренко В. Е. Проблемы понимания и социально-психологического обоснования демократического государственного режима (в свете психологии масс и психологии народов): Автореф. дис. ... канд .юрид. наук. Ставрополь, 2002.

Постников А. Е. Избирательное право России. М., 1996.

Постников А. Е. О проекте нового Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации // Адвокат. 2002. № 1.

Права человека в регионах Российской Федерации: В 5 т. / Отв. ред. С. М. Лукашевский. Т. 1. М., 2001. Т. 4. М., 2001.

Правовая культура избирателей и организаторов выборов и референдумов: Документы и материалы 1994-2001 гг. / Отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2001.

Проблемы народного представительства в Российской Федерации / Под ред. С. А. Авакьяна. М., 1998.

Роль парламента в демократическом государстве / Под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул, 1999.

Рыков А. Н. Деструктивное воздействие средств массовой информации на правосознание граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002.

Сафаргалеев Д., Фуфаев С. Выборы президента Башкортостана в 1998 году: от коллизий к фарсу// Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1998/1999. № 4/1.

Симонов А. Борьба с крайностями // Известия. 2003. 26 фев.

Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах / Пер. Л. Н. Шестакова // Вестник Московского университета. Сер. 11. 1992. № 4.

Смирнова М. Губернаторские выборы: избирательный марафон 1996-1997 гг. // Власть. 1998. № 4.

Совет Европы: документы по проблемам средств массовой информации / Сост. Ю. И. Вдовин. СПб., 1998.

Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2000.

Сунцов А. Н. Правонарушения в сфере избирательной системы субъекта Российской Федерации. Тюмень, 1999.

Туманов В. А. Европейский суд по правам человека: Очерк организации и деятельности. М., 2001.

Тучков С. М. К вопросу о законодательном регулировании некоторых аспектов применения технологий паблик рилейшнз в государственном управлении и политических кампаниях // Вестник Московского университета. Сер. 12. 2001. № 4.

Уилсон Дж. Американское правительство. М., 1995.

Чиркин В. Е. Конституция: российская модель. М., 2002.

Энтин М. Л. Международные гарантии прав человека (практика Совета Европы). М., 1992.

Юсов С. В., Ткачев В. Н., Харьковский А. И. Избирательные споры в ходе федеральных, региональных и местных выборов 1993-1999 гг. М., 1999.

Charon J.-M. La presse en France de 1945 a nos jours. Paris, 1991.

Code electoral (Partie Legislative) // Http:/www.legifrance.gouv.fr.

Cohen-Jonathan G. Aspects europeens des droits fondamentaux. Paris, 2002.

Colliard C.-A. Libertes publiques. Paris, 1989.

Cortade J.-E. La television francaise. Paris, 1993.

Debbasch Ch. Constitution Veme Republique. Paris, 2000.

Debbasch Ch. Le droit de l'audio-visuel. Paris, 1984.

Debbasch Ch., Bourdon J., Pontier J.-M., Ricei J.-Cl. Droit constitutionnel et institutions politiques. Paris, 1986.

Decisions du Conseil Constitutionel. Paris, 1990.

Explication du vote. Un bilan des etudes electorales en France / Sous la direction de D. Gaxie. Paris, 1985.

Haarscher G. Philosophie des droits de l'homme. Bruxelles, 1993.

Imbert J. Les droits de l'homme en France. Paris, 1985.

La conquete des droits de l'homme. Textes fondamentaux. Paris, 1988.

La Convention Europeenne des droits de l'homme. Commentaire article par article / Sous la direction de L.-E. Pettiti, E. Decaux, P.-H. Imbert. Paris, 1995.

Les grands arrets de la jurisprudence administrative. Paris, 1993.

Manent P. Histoire intellectuelle du liberalism. Dix lecons. Paris, 1987.

Pettiti L. La science juridique, les praticiens du Droits et la protection des Droits de l'Homme // Pour les droits de l'homme. Paris, 1983.

Roussellier N. L'Europe des liberaux. Bruxelles, 1991.

Ирина Ларина

Третья премия

Нужно ли ограничивать средства массовой информации в кризисных ситуациях? Кто должен это сделать: сами СМИ или власть?

Современный этап развития общественных отношений характеризуется постоянно растущей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, а также систему регулирования возникающих при этом отношений, в том числе отношений, возникающих при регулировании деятельности СМИ в кризисных ситуациях. Информационная сфера, будучи системообразующим звеном жизни общества, активно влияет на состояние политики, экономики, социальной области всего государства в целом.

При рассмотрении темы об ограничении СМИ необходимо установить общую основу – это такие взаимосвязанные элементы, как государство, СМИ и общество. Они взаимодействуют, составляя определенную цикличность процессов.

Право на информацию закреплено в Конституции Российской Федерации. В соответствии с пунктом 4 статьи 29 каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Также в пункте 5 указанной статьи гарантируется свобода массовой информации и запрещается цензура. Вместе с тем в определенных нормативных актах запрещено злоупотребление свободой слова.

Реализацию права граждан на информацию обеспечивают СМИ. В задачи СМИ входит информирование населения, представление соответствующих мнений и комментариев.

СМИ формируют общественное мнение, отношение населения к конкретным событиям страны, могут оказывать влияние на их развитие. Но население должно иметь объективную информацию, а уже потом само должно формировать свое мнение относительно нее. К тому же стоит учесть и тот факт, что в настоящее время СМИ в России излишне политизированы. Также существует определенная

зависимость (не прямая) от власти, финансирующего источника и потребителя, интересы которого должны быть удовлетворены, чтобы данное СМИ оставалось на плаву и было конкурентоспособно.

Именно из возможности СМИ влиять на события и общественное мнение и следует злоупотребление данной возможностью. Злоупотребление свободой слова всегда имеет место, поэтому и существует ответственность за данное правонарушение. Злоупотребление в период кризисных ситуаций может выражаться в разглашении сведений, составляющих государственную тайну или иную специально охраняемую законом тайну.

В Конституции Российской Федерации закреплена свобода слова, с учетом определенных ограничений (статья 28, 29). Но каждая свобода, будучи абсолютной, порождает хаос. Должны быть четко установлены так называемые правила игры, которые должны быть приняты и государством, и СМИ, и обществом в целом. Причем излишнее регулирование и ограничение всегда встретит сопротивление, исходя из принципа «любое действие рождает противодействие». Тем более что в настоящее время свобода слова является некой «священной коровой», посягательство на которую сопровождается массовым недовольством. Хотя стоит заметить, что в ряде случаев возмущение журналистов и СМИ в целом небезосновательно. При кризисных ситуациях положение несколько иное, оно имеет свои особенности.

Главные вопросы, которые необходимо совершенно точно рассмотреть при попытке решить данную проблему:

1) нужно ли вообще ограничивать деятельность СМИ?

2) кто должен установить соответствующие правила ограничения и на основе чего?

3) на каких условиях возможно ограничение деятельности СМИ, то есть как нужно применять ограничение?

4) при каких условиях возможно ограничение, если оно необходимо, то есть когда это может быть применено?

5) насколько возможно ограничение, чтобы не допустить введения цензуры?

Абсолютной свободы слова не может быть, это идеализация. Любая свобода должна соотноситься со свободой иных субъектов данных отношений. То есть ограничивать свободу необходимо. Вопрос состоит в том, чем должна быть ограничена данная свобода. Самоограничение может исходить от совести субъекта, но этому нельзя научить, поэтому необходимость создания соответствующего аппарата абсолютно ясна. Государство, гарантируя свободу слова, устанавливает определенные ограничения, которые закреплены в нормах права, в том числе и в Конституции.

Кризисные ситуации характеризуются неожиданностью событий, экстремальностью происходящего. Важно, чтобы информация, которая передается в экстренной ситуации, имела соответствующее подтверждение со стороны информирующего источника, и скорость ее передачи не должна перекрывать достоверность. Поэтому и возникает необходимость введения правил, основанных на этических нормах, а не только на законе.

Основным принципом при создании каких-либо ограничений деятельности СМИ при чрезвычайных ситуациях должен выступать принцип «не навреди», причем он должен касаться не только СМИ, но и государства. Важным аспектом деятельности СМИ в такой ситуации должен быть отказ от введения цензуры. Цензура, при введении, неизбежно породит сопротивление, конфронтацию, причем не только государства и СМИ, а государства и общества в целом. Это в дальнейшем может привести к изменению курса развития государства, вплоть до установления в нем тоталитарного режима. Но это будет регресс. Следовательно, остается три варианта разрешения вопроса, чем же должны быть ограничены СМИ при чрезвычайных ситуациях. Это ограничение СМИ только законом, только сводом профессиональной журналистской этики или законом и сводом одновременно.

В настоящее время законами уже установлены определенные требования относительно деятельности СМИ во время кризисных ситуаций. Они сформулированы в международных актах, в Конституции РФ, в законах: О государственной тайне; О чрезвычайном положении; О военном положении; Об информации, информатизации и защите информации; Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан; О средствах массовой информации с изменениями и дополнениями.

Правила, касающиеся данных ситуаций, должны быть установлены законом, но только в той мере, в какой деятельность СМИ в период чрезвычайных событий граничит, например, с обеспечением безопасности государства, безопасности населения, с работой аппарата регулирования общественных отношений, то есть с предметами ведения Российской Федерации. Таким образом, со стороны СМИ должны быть приняты соответствующие своды правил, касающиеся профессиональной журналистской этики, которые бы регулировали отношения в рамках государственных ограничительных линий.

Свобода должна соотноситься с определенной ответственностью. И эта ответственность должна иметь не только правовую основу, но и нравственную. Журналистское сообщество должно иметь такой свод этических принципов поведения, который бы имел действительное значение. В настоящее время есть

определенный документ, содержащий нравственные основы деятельности журналистов, но он не имеет соответствующей обеспеченности с точки зрения правовой ответственности, а не только моральной. Необходимо также заметить, что ответственность должна быть адресной. То есть за нарушение журналист или редактор должен отвечать лично, а не вся редакция или СМИ в целом. Решение об ответственности должно быть принято с учетом всех обстоятельств нарушения. Адресность ответственности должна быть присуща не только нормам журналистской этики, но и нормам закона.

Государство не должно устанавливать императивные нормы того, что можно при данных ситуациях, ведь, исходя из принципа «любое действие рождает противодействие», это встретит соответствующее сопротивление со стороны СМИ и общества в целом. Государство должно установить, что нельзя, дабы действовало правило «что не запрещено законом, то им разрешено». Власти необходимо очертить рамки дозволенного, что в целом уже сделано, необходимо только усовершенствовать правовой механизм, связанный с этими ограничениями.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что механизм ограничения деятельности СМИ в период кризисных ситуаций должен состоять как из конкретного свода этических правил, так и из норм права, устанавливающих определенные рамки, в которых должны действовать нравственные основы журналистской деятельности. Причем эти основы должны устанавливать меры ответственности не со стороны закона, а со стороны самого журналистского сообщества. Данный механизм должен иметь несколько радикальных мер ответственности, которые бы применялись при соответствующих нарушениях.

Согласно социологическому опросу, проведенному в рамках программы «Свобода слова» 01.11.02., 48% аудитории считает, что СМИ при кризисных ситуациях должны ограничивать сами СМИ, а 52% считают, что это должна делать власть. Таким образом, актуальность данной темы несомненна и спорность решений очевидна.

В настоящее время отношения СМИ с властью и обществом характеризуются различной степенью взаимодействия. В идеале оно должно быть равнозначным, но реально это невозможно из-за множества причин, которые носят нередко чисто субъективный характер, и иного не может быть.

Данные размышления опираются на теорию разделения идеальных характеристик общества и реальных. Она могла бы послужить опорой для создания реального механизма, поскольку он необходим и его отторжение было бы неприемлемым для развивающегося государства и общественных отношений в целом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принята 12.12.1993.

2. Закон РФ от 27.12.1991 (ред. 25.07.2002) о средствах массовой информации.

3. Проект ФЗ о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации о средствах массовой информации.

4. Федеральный Закон от 04.07.1996 об участии в международном информационном обмене.

5. Указ президента Российской Федерации от 20.03.1993 «О гарантиях информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию».

6. Информационное право: Методические материалы к междисциплинарному спецкурсу/ Под ред. президента ФЗГ А. К. Симонова. М.: Альмета, 2002.

7. Правовое поле журналиста / Науч. ред. и отв. за вып. Б. И. Варецкий. М.: Славянский диалог, 1997.

8. *Федотов М. А.* Право массовой информации в Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2002.

9. Российская газета. 05.04.2003 г.

10. www.svobodaslova.ru

Ольга Гурова

Третья премия

Свобода самовыражения – свобода от морали?

(Репрезентация женской гомосексуальности в современной российской массовой культуре)

Речь идет о репрезентации идентичностей и образов жизни, связанных с недоминантными формами сексуальности в российской массовой культуре и остававшихся до последнего времени «темным чуланом», в который было не принято заглядывать. Мы исходим из идеи о том, что современная культура патриархатна, и гетероцентризм, как основополагающий принцип патриархата, определяет стигматизацию не соответствующих этому принципу культурных образцов как «маргинальных», «девиантных», «аморальных». Репрезентация таких идентичностей неизменно приводит к возникновению «напряжения» между сторонниками доминантного порядка, поддерживающих его через критику публичных личностей, разделяющих гомосексуальный образ жизни или использующих сценический образ гомосексуала, с одной стороны, и индивидов, чей образ жизни направлен на деконструкцию существующего патриархатного порядка, с другой стороны. Описанное положение вещей не способствует самовыражению гомосексуалов.

Объектом изучения являются репрезентации женской гомосексуальности, или лесбийства, в современной массовой культуре, в частности на российской музыкальной сцене. Эмпирическим объектом исследования выступает современная массовая музыкальная культура, предметом – сюжеты, связанные с репрезентациями сценических образов, образов жизни, основанных на недоминантной сексуальности. Дисциплинарная принадлежность текста – культуральные исследования и женские исследования. Анализ эмпирического материала проводится с применением метода дискурс-анализа. Эмпирическую базу составили отобранные с помощью поисковой системы публикации рунета, посвященные тематике исследования, а также публикации российского национального сервера лесбиянок www.lesbiru.com (по состоянию на апрель 2003 г.).

Основная гипотеза исследования состоит в том, что в настоящее время в российской массовой культуре происходит появление альтернативных идентичностей в сценических образах исполнителей. Однако вопрос о том, произойдет ли

легитимация альтернативных идентичностей как равновозможных образов жизни в общественном сознании или возрастет негативное отношение к репрезентации гомосексуальности, остается открытым. Такое состояние общества можно охарактеризовать как «моральную неопределенность».

Проблематизация морали в современной российской культуре: два случая

Поводом для данного эссе послужили две публичные дискуссии, возможность наблюдать которые была у любого российского человека в последний год. Первая из них касалась романа современного российского писателя Владимира Сорокина «Голубое сало» и была связана с постановкой вопроса о морали в современной литературе. Сорокин обвинялся в натуралистическом описании в литературных произведениях сцен сексуальной жизни героев, которые трактовались обвиняющей стороной как «порнографические», «аморальные», «недопустимые». Примечательным кажется факт, что литературное произведение попало в фокус общественного внимания именно сегодня, несмотря на то что литература, где встречаются подобные сюжетные схемы (например классика мировой литературы – роман Генри Миллера «Тропик рака», за который автор получил Нобелевскую премию, или эссеистика Анаис Нин), доступна читателям уже не первый год.

Вторым поводом следует назвать общественную дискуссию, развернувшуюся вокруг популярной российской группы «Тату». Одно за другим средства массовой информации сообщают о «лесбиянках на сцене», предлагают истории о том, как «девчонок заставили порозоветь»[1]. Последняя новость, которая транслировалась по одной из радиостанций, содержала информацию о том, что группа «Тату» будет представлять Россию на европейском конкурсе песен «Евровидение-2003». Сама по себе эта информация нейтральна, однако далее следовал оценочный комментарий, сформулированный в виде следующего вопроса: почему русская культура выходит на «мировой рынок» с подобным продуктом – «поющими лесбиянками»?[2] Следует отметить, что и до «Тату» в российской массовой куль-

[1] *Велигжанина Анна.* «Тату» стали лесбиянками под гипнозом // Комсомольская правда. 21 марта. 2003 С. 8–9.

[2] Стоит отметить, что если в российском дискурсе возможное лесбийство исполнительниц вызывает волнение, то для иностранцев пришедшая из некогда «асексуальной» России группа, открыто говорящая о любви, сексе и в качестве девиза которой значится «From Russia with love», является одним из доказательств либерализации нравов в постсоветской России. Либерализация кажется тем более совершившимся фактом потому, что солистки группы используют образ лесбиянок. С точки зрения европейца свобода нравов в

туре появлялись персонажи, использующие сценический образ «геев» или «лесбиянок», однако широкий резонанс по этому информационному поводу возник именно сегодня.

Два описанных случая позволяют говорить *о проблематизации морали* в современном российском обществе. Почему мораль становится социальной проблемой? Далее предлагается одна из возможных интерпретаций причин возникновения обозначенных дискуссий на примере дискуссии о женской гомосексуальности, а также обсуждается вопрос о том, дает ли общество возможность самовыражения для лесбиянки в современной массовой музыкальной культуре в России.

Проблематизация женской гомосексуальности в патриархатной культуре

Гомосексуалы занимают одну из социальных ниш, следовательно, можно предположить, что альтернативные идентичности должны быть представлены в массовой культуре – в кино, литературе, музыке. Тем не менее на протяжении долгого времени в российской культуре би- и гомосексуальные идентичности представлены не были. Объяснить сложившееся положение вещей помогает идея «патриархата» как доминирующего порядка, структуре которого подчиняются современные культурные феномены и явления. Концепцию патриархата разрабатывают феминистские исследовательницы. Так, Кейт Миллетт, одна из представительниц радикального феминизма, в своей работе «Сексуальная политика» трактует патриархат как власть отцов: семейную, социальную, идеологическую, политическую, в которой мужчины – силой, прямым подавлением или через ритуалы, традиции, законы, язык, обычаи, этикет, образование и разделение труда – определяют, какую роль женщины должны или не должны играть; и в которой женское всегда подчинено мужскому[3]. Патриархат предполагает доминирование гетеросексуальности, гетеросексизма, гомосексуальность в рамки данного порядка не вписывается и требует дополнительного осмысления.

Осмысление должно идти по пути критического анализа культуры, основанной на принципах патриархата, с целью изменения/деконструкции существующего в ней порядка. Если мы технически или технологически осознаем культурное явление, считают американские феминистки, это станет аргументом в пользу его метафизической деконструкции или разрушения[4], и мы согласимся с этой идеей.

России достигла невиданных высот. Такой вывод автор сделала на основе личных наблюдений во время пребывания в зарубежной командировке.

[3] *Миллет К.* Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 147.

[4] Feminist Cultural Studies / Ed. by T. Lovell. Vol. II. Aldershot : E. Elgar. 1995. P. 245.

Поверхностный взгляд на российскую массовую культуру последнего десятилетия легко позволяет реконструировать случаи репрезентации мужской гомосексуальности. Среди персоналий – представителей отечественной массовой культуры – обычно называют Бориса Моисеева, Сергея Пенкина, Шуру – перечислять все множество персонажей не имеет смысла из-за его величины. В противовес, проявления женского гомосексуализма редки и даже единичны. По мнению культурологов, в современной патриархатной культуре лесбиянки являются *дважды маргинальными*, «дважды невидимыми», во-первых, как женщины, и во-вторых, как женщины, чья сексуальная ориентация не вписывается в патриархатные представления о женском субъекте. Однако, как писала Вирджиния Вулф, «давайте допустим в своем узком кругу, что такие вещи иногда случаются».

Лесбиянки в массовой культуре в России

Женский гомосексуализм оставался в стороне от массовых дискуссий до недавнего времени, культурное открытие данного социального феномена происходит в последние годы. Современное появление женской гомосексуальности на сцене можно назвать *«вторжением» лесбиянок*, но их появление не всегда было эффектным и эффективным. Так, первой группой, создавшей образ лесбиянок на сцене, стала группа «Полиция нравов», которая, появившись в начале 1990-х годов, не снискала широкой популярности, однако вызвала интерес журналистов и общества. С «Полицией нравов» в массовую культуру вошли альтернативные представления о женской красоте: отсутствие волос на голове, агрессивная сексуальность, вызывающая неженственность[5].

В отличие от своих предшественниц, исполнительницы, вышедшие на сцену в конце 1990-годов и в начале нового столетия, не спешат формировать и использовать на сцене лесбийский образ. Тем не менее некоторые из них содействуют появлению на публичном пространстве сцены образа женщины, чья «телесная идиома»[6] отличается от свойственной патриархатной культуре модели «розовой куклы». Как правило, такие исполнительницы отличаются ярко выраженной *иной* женственностью: они имеют короткие стрижки, не используют яркой косметики, носят брюки, одежду в спортивном стиле или в стиле унисекс. Описанная женственность может быть опознана как *мужественная женственность.* Такая альтернативная модель женственности может быть присуща лесбиянкам и нередко ассоциируется

[5] VolgaVolga (2000) Откройте, полиция! // http://volga.lesbiru.com/press/frida.html

[6] Категория «телесная идиома» принадлежит социологу Ирвингу Гофману и описывает характеристики внешности человека – одежду, прическу, макияж и т. д. См. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

именно с этой социальной группой[7]. Таким образом, можно предположить, что артисты, создающие такой образ на сцене, дают возможность обществу привыкнуть к альтернативной женственности и, если мыслить далее, способствуют общественной толерантности к *другим* женщинам, в том числе к лесбиянкам.

Интересно, что большинство из артисток, использующих образ мужественной женственности, воспринимаются лесбиянками как «свои». Проясним данную мысль. Лесбиянки представляют собой «воображаемое сообщество». Эта категория, введенная в социологический оборот американским социологом и антропологом Бенедиктом Андерсоном, наилучшим образом описывает совокупность людей, объединенных на основе символических феноменов культуры, таких как, например, общие книги (поэтому мы говорим о сообществах), и для которых не характерно соприсутствие (поэтому сообщества названы воображаемыми)[8]. В сообществе лесбиянок также существуют объединяющие его символы. К таким символам следует отнести референтных персонажей, тех, кто становится «своим» для лесбийской культуры по причине соответствия нормам, стереотипам и образцам данного сообщества.

Обратимся к национальному серверу российских лесбиянок, где в разделе «Знаменитости» представлена следующая информация об известных лесбиянках в современной российской массовой культуре: «... Когда речь заходит о знаменитых лесбиянках все вспоминают Сафо, Марину Цветаеву, Марлен Дитрих, в лучшем случае – наших современниц: k.d.lang, Джоди Фостер, Мелиссу Этеридж, Мартину Навратилову. Эти женщины открыто признаются в собственной гомосексуальности, сделали публичный coming out[9]. Где же среди них россиянки? О, наверняка каждый из нас сейчас начнет загибать пальцы, перечисляя их пофамильно, – бульварная пресса, слухи, и ах! злые языки... Но Lesbiru не занимается сбором компромата, мы предлагаем только те материалы, за достоверность которых ручаемся. Некоторые из представленных ниже персон открыто не афишируют свою ориентацию, но их авторитет в среде лесбиянок настолько велик, что мы считаем вполне уместным говорить о них, прислушиваться к их мнению и, конечно же, восхищаться»[10].

[7] Маскулинные женщины: стереотипы и заблуждения // http://www.lesbiru.com/society/butchfemme/stereotypes.html

[8] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-пресс-Ц, 2001.

[9] Coming out (англ.) – выходить, дебютировать, обнаруживать. В словаре лесбиянок “coming out” означает “выход из подполья”, публичную артикуляцию лесбийской идентичности.

[10] Раздел «Знаменитости» // http://www.lesbiru.com/stars/

В приведенный на сервере список включены следующие современные исполнительницы: «Полиция нравов», «Земфира», «Butch»[11] и «Ночные снайперы». Действительно, за исключением «Полиции нравов» никто из названных персонажей не артикулировал сексуальную идентичность, ни гомо-, ни гетеросексуальную. Тем не менее, как констатирует автор цитаты, данные персонажи имеют авторитет в лесбийском сообществе, воспринимаются как «свои». Тогда возникает вопрос: почему лесбийская идентичность не озвучивается в современной российской массовой культуре? Может быть, потому, что возможность для их публичного самовыражения отсутствует?

Парадокс, свойственный современной российской культуре, состоит в том, что лесбиянки действительно «молчат», но на сцене присутствует группа, которая использует в своем сценическом образе элементы лесби-культуры. Речь идет о группе «Тату». Поисковые домены рунета выдают огромное количество ссылок по запросу «»Тату» и «лесбиянки»». Логично предположить, что лесбийское сообщество должно оказывать всяческую поддержку российскому поп-дуэту, хотя бы как сообщество, интересы которого выражаются публично. Однако лесбиянки не признают в солистках «своих», не считают «Тату» лесбиянками и не видят оснований для того, чтобы их поддерживать. Далее приводится мнение редактора лесбийского портала VolgaVolga, которое может быть признано экспертным в социологическом смысле: «Лесбийская тема тут, конечно же, не при чем. Просто так случилось, что Иван Шаповалов (продюсер группы – *Примеч. авт.*), проштудировав Интернет-ресурсы, решил, что порносайты с лесбиянками и малолетками вызывают наибольший спрос, не входя в непосредственный конфликт с Уголовным кодексом. Вот и получились лесбиянки. Мы-то с вами упорно и кропотливо боремся за свои права, хотим, чтобы общество воспринимало нас адекватно, серьезно, и вот такие “Тату” на деньги сластолюбивых папиков приходят и провозглашают: “Мы – лесбиянки. Пусть дуры, но зато секси. Мы предназначены для возбуждения мужиков, с ними и спим”»[12].

[11] Интересно отметить, что английское слово «butch» является самонаименованием «мужественных» лесбиянок. Елена Погребижская, солистка группы «Butch», комментирует появление названия со столь жесткими коннотациями следующим образом: «Мы искали звонкое короткое название, которое может читаться как на русском, так и на английском, может употребляться в двух языках. Как, скажем, слово наив. Дело было вот как: мы всей группой прочли какую-то статью. По-моему, ее написала Капа (Капа Деловая – журналист. – *Примеч. авт.*)... Статья была о разделении лесбиянок на бучей и фэмов (подробнее об этом можно узнать на www.lesbi.ru. – *Примеч. авт.*), и кто-то в шутку предложил нам назваться Butch» (*Зыкина Юлия.* Буч: я - не лесбиянка, я – мертвый Пьеро // http://www.rol.ru/news/art/news/01/12/18_022.htm).

[12] Volga Volga. “Тату” - международный позор России // http://www.lesbiru.com/news/radio/tatu.html .

«Тату» не опознана сообществом как лесбийская группа, и объяснение здесь может быть следующее. В построении сценического образа лесбиянок группа ориентируется на патриархатную рамку, структура которой такова, что женщина является объектом для получения удовольствия, объектом взгляда, а роль смотрящего, потребителя, субъекта принадлежит мужчине[13]. Гомосексуальность является знаком «Тату», но, если использовать категории постструктурализма, для этого знака характерен разрыв между «означающим» и «означаемым», или разрыв между сценическим образом «лесбиянка» и самим явлением. Образ группы, скорее, соответствует модели «женщина для мужчины». «Тату» не разрушает патриархатных схем и, следовательно, не может способствовать росту общественной терпимости к лесбиянкам и легитимации лесбийского образа жизни.

Лесбийское сообщество критикует «Тату» и, значит, осознает существующий разрыв. Действительно, лесбиянки выстраивают свой образ в совершенно другом контексте, где женщина может быть субъектом – сильным, доминирующим, независимым, самостоятельным. Такие представления способствуют разрушению рамки андроцентричной культуры и формированию альтернативного социокультурного контекста.

Однако группа с успехом функционирует в контексте гетеросексистской культуры, несмотря на мнение лесбийского сообщества. Встает вопрос: почему лесбиянки склонны скрывать свою идентичность, а нелесбиянки с успехом используют ее для построения сценического образа?

«Чистота в опасности» или мнение общества

Ответом на поставленный вопрос может быть неготовность общества воспринять, принять и понять публичное заявление о гомосексуальности. Точнее, общество не готово принять альтернативный образ жизни, выстроенный на основе иной сексуальной идентичности, в качестве *равновозможного, приемлемого*.

В классической работе британского антрополога Мери Дуглас «Чистота и опасность» отмечается, что общество классифицирует явления и вытесняет те из них, которые угрожают основам его безопасности[14]. Угрожает ли безопасности социума свобода самовыражения лесбиянок? Узаконивание гомосексуальных браков, вопросы клонирования человека, легализация проституции – где проходит граница, которая позволяет говорить о безопасности общества, и где проходит та граница, которая позволит сказать о том, что общество находится в опасности? В каждом обществе дается свой ответ на этот вопрос.

[13] *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории. Минск: Пропилеи, 2000. С. 280–297.

[14] *Дуглас М.* Чистота и опасность. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Современному российскому обществу присущ жесткий гетеросексизм, и постсоветские попытки избавиться от него пока не принесли видимого результата[15]. Основанием для подобного заявления может служить, например, прошлогодняя инициатива группы депутатов об уголовном преследовании гомосексуализма[16].

На сегодняшний день общество готово принять женский гомосексуализм только как часть массовой культуры, т. е. как актерство, забаву или шутку. Общество готово «показывать пальцем», внимательно с интересом наблюдать за лесбиянками, рассматривать их как экспонаты в петербургской Кунсткамере. О принятии гомосексуальности на обыденном уровне, в повседневной жизни, как альтернативного, но равнодопустимого образа жизни, о возможности свободного самовыражения речь пока не идет.

Тем не менее, первый шаг в этом направлении сделан: лесбиянки появились на сцене. Что это означает? Современные феминистские теории искусства ставят вопрос о том, кто является потребителем массовой культуры. Феминистка Лаура Малви отвечает, что массовая культура является производным патриархатного дискурса, источником визуального удовольствия для мужского взгляда[17]. С позиции подхода Малви можно объяснить, почему лесбиянство не было втянуто в массовую культуру до последнего времени: это явление не вписывается в схемы патриархатной культуры. Но появление лесбиянок в кино, на сцене, их массовый успех связан с возникновением *сдвигов* в патриархате как господствующей общественной системе: ведь возможность смотреть, обладать взглядом получает женщина.

Заключение

Таким образом, для современной российской массовой культуры свойственен следующий парадокс. С одной стороны, в ней содержатся репрезентации гомосексуальных образцов, элементы лесбийской культуры. С другой стороны, эти образы нередко не имеют отношения непосредственно к лесбиянкам, а существуют «оторванными» от явления, наполненными чуждыми смыслами. Тогда встает

[15] Данное мнение разделяется в исследовании о гомосексуалах: Воронцов Дмитрий. “Семейная жизнь – это не для нас”: мифы и ценности мужских гомосексуальных пар. Рукопись статьи.

[16] Речь идет о предложенном депутатом Государственной думы Алексеем Митрофановым законопроекте, предусматривающем уголовное наказание за лесбиянство. Немного ранее с инициативой о введении уголовной ответственности за гомосексуализм выступал другой депутат, Геннадий Райков.

[17] *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой и А. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000.

вопрос: возможна ли репрезентация женской гомосексуальности в современной российской музыкальной культуре? Мы считаем, что такой возможности сегодня нет. Лесбиянка не имеет возможности открыто назвать себя, совершить coming out, выйти из чулана. Причиной этого является моральный климат в обществе, которое можно назвать «моральной неопределенностью». Такое состояние общества может являться переломным моментом, как в направлении либерализации морали и легализации гомосексуальности как альтернативного образа жизни в общественном сознании, так и в направлении ужесточения законодательства и негативизации общественного мнения по отношению к репрезентации альтернативной сексуальности в массовой культуре.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-пресс-Ц, 2001.

2. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

3. *Дуглас М.* Чистота и опасность. М.: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000.

4. *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой и А. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000.

5. *Миллет К.*Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 4.

6. *Косовски С.* Эпистемология чулана // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Часть II. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2000. С. 174–200.

7. Feminist Cultural Studies / Ed. by T. Lovell. Vol. II. Aldershot : E. Elgar, 1995.

Источники

8. *Велигжанина А.* «Тату» стали лесбиянками под гипнозом // Комсомольская правда. 2003. 21 марта.

9. Знаменитости // http://www.lesbiru.com/stars/

10. *Зыкина Ю.* Буч: я – не лесбиянка, я – мертвый Пьеро // http://www.rol.ru/news/art/news/01/12/18_022.htm

11. Маскулинные женщины: стереотипы и заблуждения // http://www.lesbiru.com/society/butchfemme/stereotypes.html

12. VolgaVolga. Откройте, полиция! // http://volga.lesbiru.com/press/frida.html

13. VolgaVolga. «Тату» – международный позор России // http://www.lesbiru.com/news/radio/tatu.html

Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи России в начале XXI века

Пятый конкурс, 2004 год

Татьяна Сафонова[1]
Первая премия

Обольщение профессией. Исследование рекрутирования молодых петербургских социологов

Моему рекрутеру посвящается

В данном эссе рассматривается первый этап карьеры социолога-исследователя, в течение которого новичок погружается в мир современной социологии и становится членом профессионального сообщества. Тот факт, что рекрутирование в профессию происходит во время учебы в университете, но почти неизбежно заставляет новичка искать выходы за его пределы, создает некоторое количество проблем, о которых здесь и пойдет речь.

Профессиональное образование постоянно сталкивается со сложностями при подготовке специалистов, так как оно, в лице преподавателей, склонно строить учебные планы и программы, ориентируясь на некий идеальный образ профессиональной деятельности. Поэтому студенты не всегда оказываются достаточно подготовленными к тому реальному миру, в котором им предстоит работать[2]. Это свойство своего образования студенты осознают довольно рано, если им приходится сталкиваться с профессиональной практикой. Безразличнее всего к нему относятся те, чьи жизненные планы не включают работу по полученной специальности и для кого университет представляет собой эскалатор, ведущий к выгодному браку или к карьере на другом поприще, либо играет роль своеобразного хобби.

На протяжении всей учебы университет или колледж оказывают постоянное давление, навязывая определенный ритм жизни, ценности и правила. Новичка

[1] Татьяна Сафонова – студентка 5 курса вечернего отделения факультета социологии СПбГУ, статья признана лучшей конкурсной работой и отмечена Памятной медалью Г.В. Старовойтовой, первой премией, а также специальными премиями Санкт-Петербургской ассоциации социологов и Центра независимых социологических исследований. Первая публикация: Телескоп, 2004, №4.

[2] Такое наблюдение сделал Говард Беккер во время исследования студенческой культуры в медицинском колледже. В частности, он заметил, что никто из студентов-практикантов не знал, что делать, если в приемном покое ожидает помощи слишком много больных. Так как врач, согласно сложившемуся идеализированному образу врачебной практики, не занимается оптимальным распределением больных по палатам, а только лечит, преподаватели колледжа ни разу не коснулись этой проблемы в рамках учебных курсов [Becker, 1970a].

ждет огромное количество стрессов, связанных с получением и проверкой его знаний. Так как отношения студент–преподаватель требуют постоянного соблюдения дистанции, новичок практически лишен эмоциональной поддержки и участия со стороны преподавателей в рамках формального обучения. Студенческая субкультура[3] – это приспособление к подобной ситуации. После поступления в учебное заведение через некоторое время студенты расстаются со своим наивно идеалистическим представлением о выбранной профессии в пользу подхода, ориентированного специфически на то, чтобы справиться с учебой[4]. В этот момент их референтную группу составляют такие, как они, и более опытные старшие студенты.

Момент столкновения студента с буднями выбранной профессии очень важен и эмоционален, так как связан с развенчанием идеальных образов. Здесь не столько подразумевается обязательная учебная практика, которая в большинстве заведений довольно искусственна и фальшива, сколько рекрутирование новичков как первое полноценное вступление в мир профессии. В разных сферах этот момент относится к разным этапам образования. Медикам нужно пройти довольно долгий путь, прежде чем они получат разрешение самостоятельно пользовать больных и нести за это ответственность. Художники, напротив, включаются довольно рано в профессиональную деятельность[5]. Потребность в личном участии и эмоциональной поддержке при первых профессиональных шагах новичка находит свое отражение в субкультуре и выражается в поиске такого участия на стороне, а не в рамках формальных отношений с преподавателями. Эту поддержку новичок часто находит у рекрутера, который не обременен обязанностью преподавателя держать дистанцию. В этом случае рекрутер в большинстве случаев принадлежит к среде практикующих, а не преподающих профессионалов и владеет

[3] Здесь этот термин относится к довольно широкому кругу явлений, начиная с культуры совместных праздников, практик шпаргалок и «бомб», антикварных конспектов, что передаются из поколения в поколение, и заканчивая сплетнями и анекдотами, относящимися к персонам преподавателей, которые ходят в студенческом обществе, – то есть всему арсеналу средств приспособления к процессу вторичной социализации.

[4] Студенческая субкультура зависит от ситуации и изменяется при появлении новых целей и трудностей. Беккер провел параллель с тюрьмой, в которую преступники в большинстве случаев попадают раскаявшимися, но потом под влиянием неформальных лидеров проникаются еще более криминальными настроениями, что проходит к моменту освобождения, когда они ориентируют свое поведение уже не на тюремную, а снова на свободную жизнь. То же происходит и со студентами, которых покидают радикальные настроения против института при приближении выпускных экзаменов, и на первый план выходят конкретные переживания по поводу трудоустройства [Becker, 1964: 40–53]. Исследование тюрьмы, на которое ссылается Беккер, проводилось Вилером [Weeler, 1961].

[5] Исследование этого вопроса представлено в статье Стросса [Strauss, 1971: 97–106].

конкретными прикладными навыками и ресурсами. Кроме того, его профессиональный путь может служить наглядным примером профессиональной карьеры вне образовательного института.

Рекрутирование молодых социологов

Автор основывается на автоэтнографическом анализе собственного опыта, а также на материалах исследования академической социализации[6]. Изучались случаи петербургских социологов, представителей крупных организаций, существующих сейчас в Петербурге[7], момент рекрутирования которых пришелся на середину девяностых и позже. Теоретическую выборку составили шесть девушек и двое юношей – все выпускники факультета социологии СПбГУ, кроме одного случая, когда был окончен ФИНЭК. Далее все случаи сравнивались и анализировались согласно стратегии «приземленной теории» Глэзера и Стросса [Glaser and Strauss, 1967].

Все рассматриваемые случаи можно отнести ко второму поколению отечественных социологов, следуя терминологии Эверетта Хьюза, который описал институциализацию новой профессии [Hughes, 1958: 157–159]. Первыми практикуют новые занятия люди, пришедшие из других специальностей. Молодые редко основывают новые профессии. Скорее это делают более зрелые люди, которые видят новые потребности и новые возможности. Иногда они погружаются в новое занятие, не отдавая себе отчет в том, что это профессия, и только потом осознают важность перемены. В других случаях это харизматические лидеры, апостолы, полные энтузиазма, распространяющие свет нового знания. В какой-то момент они осознают себя членами одной группы, после чего принимаются за сотворение правил и условий входа в новое сообщество для последователей, для второго поколения. Параллельно с правилами им необходимо создать основания для привлечения новичков младшего возраста, средства их обучения, тренировки и проверки, условия того, чтобы новые специалисты могли отдаваться полностью новой профессии, и только ей.

Поскольку профессия только начинается, профессиональное образование страдает пороками идеализаций. Ко всему прочему в российском контексте люди, обеспечивающие первую подготовку новобранцев, часто сами не имеют опыта исследовательской деятельности. Следовательно, они обладают абстрактным знанием о преподаваемой дисциплине и могут служить образцом только преподавательской карьеры. Последняя, в силу некоторых причин, прежде всего экономических, менее соблазнительна для новичков по сравнению с исследовательской. В такой ситуации ставка делается на самообразование и общение с опытными, вовлеченными в исследования профессионалами, которые в Санкт-Петербурге, как правило, находятся за пределами учебных заведений. Часто такими контактными лицами становятся те самые «апостолы», которые составляли костяк первого поколения. Последние обладают достаточным опытом, регалиями и ресурсами, так что могут поделиться тем, что на факультете просто не водится.

В данном случае последние исполняют роль рекрутеров, они не учат, но предоставляют возможность учиться самому, участвуя в исследованиях, семинарах и конференциях. В большинстве случаев они помогают получить первые гранты и выиграть учебные стажировки за границей. Окончание факультета при этом остается обязательным условием для вступления в профессиональное сообщество, так как диплом необходим для получения последующих степеней. Отношения с рекрутером могут довольно ощутимо подорвать доверие к факультету, они встраиваются в студенческую субкультуру, так что поиск и обращение к рекрутеру со временем становятся традицией. Наиболее распространенной формой рекрутирования является семинар, постоянные научные собрания группы активных и интересующихся студентов вокруг рекрутера[8]. В группе новичкам легче одновременно справляться с наложением процессов учебы и рекрутирования.

На какой-то момент личность рекрутера становится очень значимой для рекрутируемых, так как он олицетворяет собой выбранную профессию и перспективу. Ситуация вербовки находит свое место в субкультуре и обрастает дополнительными значениями и коннотациями. Подчас она может обернуться культом личности рекрутера. Харизматичность его лидерства поддерживается еще и тем, что с ним ассоциируется искушение будущей профессией. За выполнением определенных поручений и заданий может последовать реальное вознаграждение, материальное или символическое, зарплата, признание в сообществе и даже слава. Часто такие задания формально схожи с теми, что студент должен выполнять в университете за просто так, что окончательно смущает рекрутируемого, подрывая остатки энтузиазма по поводу учебы. Рекрутер действует как бы на чужой территории, вербуя и совращая лучших и самых активных неофитов. Поддерживая отношения с рекрутером, студенты вступают в некий сговор, который нельзя афишировать в родной Alma Mater, чтобы это не повредило участникам заговора. Такие отношения могут быть опасны для преподавателей, так как коллеги не поощряют самовольное сокращение дистанции в отношениях

[6] Я благодарна Федору Погорелову (СПбГУ) за предоставленные интервью.

[7] А именно НИИКСИ, СИРАН, ф-т ПНИС ЕУ, ф-т социологии СПбГУ, ЦНСИ.

[8] Роль подобных форм взаимодействия в интеллектуальном развитии науки подробно рассматривается в недавних работах Рэндалла Коллинза [напр., Коллинз, 2002].

преподаватель–студент, такой прецедент с их точки зрения грозит разрушением порядка субординации в целом. На этой благодатной почве расцветают интриги, как политические, так и любовные, в которых молодежь участвует с особым удовольствием, так как все это создает ощущение жизни и активности, которые в большей степени соответствуют их идеальному образу профессии и студенческой жизни. Это зрелищный и захватывающий аттракцион, заманчиво отличающийся от рутинного учебного процесса на родном факультете.

Я сходила к **N** *и просто зацепилась, потому что понравилась та модель отношений. Потому что там везде было болото, чем отличался* **x** *и та группа людей, которая была вокруг* **x** *– они действительно хотели что-то делать. Ты это видел, ты это чувствовал. Не ощущение, что погрязнешь в какую-то тину, и сейчас засосет. Дома у* **N** *– Вы были у* **N***? – там безумное количество книг, все время кипит жизнь, приходят какие-то люди, обсуждают совершенно разные проблемы. Ощущение, что это среда, где все время что-то происходит.*

Несмотря на коллективность подобного действия и на то обстоятельство, что у рекрутера может быть довольно много новобранцев, отношения эти сугубо индивидуальные. Между рекрутером и каждым его новичком существует неартикулированный договор, некие *правила игры*, контракт, в котором подразумеваются права и обязанности сторон, сроки и условия действия и расторжения. Эти позиции нигде не прописаны, их идентификация – это часть сложного порядка интеракции между рекрутером и новичком.

*Он сказал, что нужно пройти этап рутинной работы, я знала, что за этим последует, он посадил меня за газеты, и я классифицировала упоминания о всех протестных явлениях и выписывала на карточки. Это ** год. Этим я занималась три месяца, не была счастлива, но понимала, что таковы правила игры – за это я получаю возможность пользоваться его базой и его материалами, которые тоже просто так не собираются.*

Контракт должен быть непременно взаимовыгоден, иначе эти отношения расстраиваются и обрываются. Не исключено, что впоследствии удачные контракты перерастают в искреннюю дружбу, но происходит это уже после окончания его действия, так как контрактные отношения связаны с риском негативных санкций со стороны коллег и преподавателей для обеих сторон.

Контракт опытного социолога (далее именуемого рекрутер) и молодого социолога (далее именуемого новичок)

1. Предмет контрактных отношений

Рекрутирование новичка в профессию под патронажем рекрутера.

2. Обязательства сторон

2.1 Рекрутер обязуется:

– передать новичку необходимые практические навыки (например, работать с его текстами, помогая обрести новичку свой стиль и уверенность);

– способствовать публикациям работ новичка;

– беседовать с ним о науке, и социологии в особенности;

– познакомить его с представителями первого поколения и с наиболее успешными представителями второго;

– предоставить рекомендации (научить писать их себе самому) и прочее, необходимое для гарантии репутации новичка;

– оказать всевозможную помощь по поиску заграничной стажировки, исследовательского гранта и прочего;

– включить новичка в свой исследовательский проект либо помочь найти ему профессиональный заработок.

2.2 Новичок обязуется:

– сохранять верность своему рекрутеру и отдавать предпочтение ему при появлении альтернативных рекрутеров (на протяжении действия контракта);

– повышать индекс цитируемости рекрутера всеми возможными способами;

– выполнять разные поручения и черную работу (транскрибирование и ввод данных);

– слушаться во всем рекрутера и поддерживать его инициативы;

– поддерживать в себе искру божью и блеск в глазах;

– постоянно совершать всякие достижения и быть благодарным[9].

3. Срок действия, изменение и расторжение контракта

Контракт вступает в действие с момента появления взаимной симпатии и научной заинтересованности сторон; далее он может пересматриваться, в зависимости от тех ресурсов, которые попадают в распоряжение участников; расторгается при невыполнении одной стороной своих обязательств или же по обоюдному согласию по окончании рекрутирования.

Первые шаги в профессии: береги честь смолоду

Основным способом обучения и вовлечения в мир профессии остается подражание, именно поэтому так судьбоносна личность рекрутера для всей карьеры

[9] В западной социологии эти отношения строятся в рамках теоретической школы, так что здесь должен был бы быть еще один пункт, а именно «продвигать и развивать теорию учителя-рекрутера». Но так как в наших условиях мало кто из рекрутеров может обеспечить новичка собственной теорией, которую тот был бы обязан развивать, этого пункта в отечественном контракте нет.

новичка в будущем. Вызвать желание подражать — это одна из задач рекрутера. Для достижения этой цели в ход идут различные приманки, в первую очередь это экстравагантный стиль жизни, свобода нравов, демократичность, путешествия и прочее, – все то, что так привлекает молодого, неопытного и зависимого новичка.

Так как контракт никогда не озвучивается, но подразумевается и сопряжен с риском для сторон, его выполнение требует доверия в отношениях партнеров. Для этого необходимо сократить дистанцию, вызванную положением рекрутера и новичка в профессиональном сообществе, а также разницей в годах и накопленном опыте. Для этого рекрутер приглашает новичка к себе домой, знакомит его с членами своей семьи, просит обращаться к себе полуофициально без отчества или предлагает перейти на «ты». Очень способствуют сокращению дистанции посиделки в питейных заведениях. Но в этой ситуации кроется довольно опасная ловушка, в которую могут угодить как рекрутер, так и новичок[10]. Этой ловушкой является флирт. Прежде всего потому, что этот путь представляется более легким и даже может быть более эффективным, по сравнению с подражанием, способом вовлечения в профессиональный мир. Впоследствии эта ошибка может губительно сказаться на всей карьере новичка, так как неизбежно нарушается строгость соблюдения контракта и сбалансированность отношений. Слишком сильное сокращение дистанции в данном случае ведет к трансформации контракта, прежде всего предмета договоренности. Изменяются и последствия его расторжения, они могут стать более губительными для репутации одной из сторон. Навыки и ресурсы, как правило, не накапливаются за это время в багаже новичка, так как меняется мотивация к труду и непосредственной учебе. В первую очередь, это происходит из-за искушения легкой добычи, когда рекрутер предоставляет ресурсы и связи, не требуя приложения сил со стороны новичка. А во вторую – из-за того, что новичок больше не конкурирует с другими новичками за звание любимого ученика. Как следствие, он не способен обходиться без рекрутера и либо переходит к следующему рекрутеру, либо профессиональное сообщество выталкивает его из своих рядов, отказывая в ратификации капиталов. Сеть знакомств, приобретенная в такой ситуации, оказывается неактуальной, так как рекрутер, оберегающий свою репутацию, не станет подвергать себя опасности и интегрировать новичка в круги значимых для него коллег. В научном сообществе ум, эрудиция и знания являются капиталом не менее ходовым, чем наличные деньги, а поэтому неуставные отношения неравных обладателей сего капитала рассматриваются исключительно как мезальянс. Здесь по ситуации, и

[10] В большинстве случаев далее под новичком подразумевается молодая девушка-социолог.

рекрутер, и новичок, оба могут быть заподозрены в использовании своего контрактного партнера. Только начинающая складываться репутация новичка может быть подорвана окончательно. Поэтому даже невинные проявления флирта могут строго караться, чтобы сберечь неосведомленного об опасностях новичка.

Опасность флирта особенно актуальна, так как в отношениях рекрутера и новичка часто фигурирует влюбленность, причиной которой являются интерпретации обстоятельств рекрутирования. У этого чувства в данных отношениях своя довольно интересная судьба, можно сказать, что оно неизбежно, и неизбежно запретно. Райт Миллс предполагал, что словарь мотиваций – это набор рационализаций, репертуар мнений, которым мы пользуемся, когда нас спрашивают, зачем мы, или кто-либо еще, что-то делаем [Mills, 1940]. Впоследствии наш ответ влияет на собственные действия и действия окружающих, но изначально он не является внутренней причиной поступков. Скорее мотив – это часть ситуации, в которой нам задают вопрос о нем. Новичок вступает в отношения с рекрутером, пользуясь бедным словарем мотиваций для объяснения своих чувств и поступков, так как за плечами у него неразнообразный опыт. Наиболее актуализированным словарем для новичка, особенно для девушки, является словарь влюбленности, порывов и увлечений, а со словарем профессиональных мотиваций она знакома мало. К тому же сами профессионалы, подчас не отдавая себе отчет или же иронизируя, пользуются словарем любви для объяснения своих поступков.

Я хотела к **М**. *Он хотел меня, все было мило, но тут появился* **S** *и сказал – я возьму ее. И все. Меня отдали* **S**, *до сих пор простить не могу никак, потому что считаю, что с* **М** *диссертация была бы лучше*.

Если учитывать, что симптомами любви считаются постоянные мысли о субъекте, стремление проводить с ним как можно больше времени и разделить, если удастся, остаток дней, то совершенно предсказуемо, что новичок интерпретирует свое чувство и привязанность к рекрутеру как любовь. Надо отметить, что рекрутер являет собой образец для подражания и профессиональную перспективу самого новичка, он увлекает и зовет новичка отправиться вместе с ним в мир профессии, соблазняет и искушает. Неопытные души новичков обречены на страдания. Если учитывать, что все это происходит в коллективе, состоящем из нескольких новичков одновременно, все эти страсти разжигаются с большей силой из-за конкуренции. Рекрутер сам может стать жертвой своего очарования, так как настойчивые интерпретации новичков не могут не повлиять на его собственное видение ситуации. Так что соблазны подкрадываются со всех сторон.

Необходимо иметь в виду, что большая часть новичков изначально при поступлении в вуз были ориентированы на совершенно отличные от профессио-

нальных цели. Эти цели могли и не быть личными устремлениями новичка, но они составляли часть общих ожиданий семьи. Например, высшее образование как таковое, повышает матримониальный капитал, который необходим невесте для выгодной партии. Семья инвестирует деньги, содержит новичка во время учебы или оплачивает поступление и ожидает определенный результат, так или иначе настраивая свое чадо на поиск жениха. Так как сущность социологии как специальности мало известна широкому кругу людей, а конкурс на этот факультет университета ниже по сравнению с другими факультетами, поступление на него часто приравнивается к поступлению в университет вообще, что связано со стремлением получить высшее образование высшей пробы. Это своеобразный эскалатор, ведущий к выгодному браку, так же как профессия модели или институт благородных девиц. Во время рекрутирования новичок сталкивается с противоположным видением данной проблемы, здесь поиск выгодного брака скорее отрицается как мотив, а процветает самостоятельность и эмансипация. Резкая перестройка планов – это довольно болезненный процесс, поэтому существует компромиссный механизм, смягчающий переход на новые рельсы. Таким компромиссом является идея о том, что если уж муж и нужен, то он непременно должен быть социологом. Такая формула значительно ограничивает круг поисков и помогает сфокусировать все внимание на профессиональном сообществе. Озвучивается она, как правило, рекрутером, что подливает масла в огонь, так как рекрутер тут же рассматривается в качестве самого подходящего мужа-социолога.

В процессе дальнейшего профессионального становления муж-социолог становится просто неизбежностью, так как никто кроме социолога не может понять и разделить особый профессиональный стиль жизни, постоянные расставания из-за конференций и стажировок и потребность все время обсуждать научные проблемы.

Я в то время жила с мужчиной, с которым я потом разошлась, ну просто потому, что не понять этих психов, которые до трех часов ночи Фуко читают и еще хотят поделиться, не просто прочесть, еще и рассказать. Это уже чересчур. А с кем можно Фуко обсудить, только с такими же, как ты.

В результате складывается определенный матримониальный порядок группы социологов, и мы можем охарактеризовать ее как преимущественно эндогамную.

Одним из самых распространенных способов преодоления опасности флирта с рекрутером является эмансипация новичка. Культивирование в себе феминистских принципов, например, повышенной чувствительности к проявлениям sexual harassment (дискриминации по полу), и распространение их на ход своей

обыденной жизни. Такой своеобразный жизненный проект поощряется профессиональным сообществом и помогает избежать опасности флирта.

*...Нам нужно было внушать уверенность в себе, а он, с одной стороны, это делал и рассказывал нам, какие мы самые умные и самые хорошие, а с другой стороны, конкретно мне нередко говорилось, что «***А** *там у нас создает атмосферу,* **А** *у нас красавица», понимаешь? Такие штуки. А ты здесь не для того, чтобы атмосферу создавать, ты-то думаешь, ты здесь серьезным делом занимаешься.*

Болезненная реакция на знаки мужского внимания со стороны рекрутера, апеллирующая к гендерной теории и феминистской проблематике, подвергает отношения флирта профессиональной рефлексии и блокирует дальнейшее развитие сценария.

Профессиональный коммитмент[11] социолога-исследователя

Специфический ход рекрутинга приводит к появлению профессионального коммитмента и влияет на траекторию карьеры молодых исследователей-социологов. Концепция коммитмента часто используется для объяснения последовательного[12] поведения, в частности в социологии профессии. Подробное описание самой концепции и ее места в социологической теории можно найти в статье Говарда Беккера [Becker, 1970b]. В основе коммитмента лежит ставка на стороне, то есть человек действует таким образом, что его интересы, изначально внешние по отношению к событию, в котором он участвует, прямо вовлекаются в это событие. Коммитмент может складываться в результате общих культурных ожиданий. Например, люди боятся, что если они слишком часто будут менять работу, их сочтут сумасбродными и ненадежными, и поэтому они отказываются от выгодных предложений.

Точно так же новичок старается сохранять верность рекрутеру, беспокоясь о своей репутации в профессиональном сообществе. Иногда во время приспособления к какой-либо ситуации человек незаметно для себя совершает несколько маленьких ставок на стороне, так что впоследствии, когда они накапливаются, он обнаруживает, что больше не обладает полной свободой выбора. Так, подражая рекрутеру, овладевая определенными методами социологического исследования и знакомясь с конкретной традицией, новичок не постигает прочих неактуальных для него профессиональных знаний. В итоге после завершения рекрутирования новичок уже не

[11] Commitment – обязательство, приверженность, взгляды (англ.).

[12] Consistent – последовательное, непротиворечивое, согласованное (англ.).

столь свободен в выборе профессиональной интеллектуальной сети. Он наиболее приспособлен и востребован в сети своего рекрутера, где чаще всего и остается.

В жизни профессионального сообщества сложившийся институт рекрутинга находит свое формальное и ритуальное воплощение один раз, а именно в процедуре вступления в СПАС (Санкт-Петербургская Ассоциация Социологов). Дело в том, что претендент на вступление должен предоставить две рекомендации членов ассоциации, которые зачитываются вслух на церемонии приема. Практически всегда инициатива вступления в ассоциацию принадлежит не новичку, а рекрутеру, именно последний пишет такую рекомендацию. Любопытно, что никто из интервьюируемых членов СПАСа не смог вспомнить автора второй рекомендации, которого подыскивает рекрутер. Для новичка смысл всего происходящего мало понятен, так как для него нет никакой личной выгоды от членства в этой организации. Выгоду этого мероприятия сознает рекрутер, который, с одной стороны, пополняя профессиональное сообщество новыми членами, в качестве вознаграждения получает уважение и признательность коллег. А с другой – укрепляет позицию своей сети в городском профессиональном сообществе, что выгодно всем членам этой сети. Такая возможность существует благодаря гарантии того, что новичок останется в сети своего рекрутера и после окончания действия контракта. Эту гарантию дает описанный выше профессиональный коммитмент новичка. Количество рекрутированных в рамках одной сети демонстрирует другим ее потенциал и будущее. Чем радужнее картина будущего, тем выше современная позиция сети в городском социологическом сообществе.

Стартуя под патронажем рекрутера в социальной сети последнего, новичок, подчас незаметно для себя, затрудняет переход в другие альтернативные профессиональные сети. Кроме интеллектуального, важно упомянуть и сильный эмоциональный коммитмент, вызванный доверительными отношениями с рекрутером и его коллегами. Таким образом, личная верность новичка рекрутеру, обозначенная в контракте, задает направление будущего поведения профессионала. Все эти обстоятельства способствуют сепарации интеллектуальных сетей петербургской социологии.

Литература

1. *Коллинз Рэндалл*. 2002. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф.

2. *Becker H.S.* 1964. 'Personal Change in Adult Life.' Sociometry 27(March): 40–53.

3. *Becker H.S.* 1970a. 'The Nature of a Profession.' H.S. Becker. Sociological Work: Method and Substance. Allen Lane Free Press: 87-104.

4. *Becker H.S.* 1970b. 'Notes on the Concept of Commitment.' Sociological Work: Method and Substance. N.Y. Allen Lane and Penguin Press: 261–273.

5. *Glaser B.G. and Strauss A.* 1967. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitive Research. Chicago: Aldine.

6. *Hughes E.C.* 1958. Men and their Work. Glencoe, Illinois: The Free Press.

7. *Mills C.* Wright. 1940. 'Situated Actions And Vocabularies Of Motive.' American Sociological Review, 5: 904–13.

8. *Strauss A.* 1971 (1954) 'Some Aspects or Recruitment into Visual Arts.' Professions, Work and Carries. California: The Sociology Press: 97-106.

9. *Weeler S.* 1961. 'Socialization in Correctional Communities.' American sociological Review. 26(Oct.): 697–712.

Ярослава Панакова[1]

Вторая премия

Повседневность. Нормальность. Другие

(На материале молодых северян в Санкт-Петербурге)

Повседневность как научная проблема (и здесь практика социологической мысли подтверждает высказывание Гирца о том, что «вещи являются тем, чем их сделают»[2]) – это еще один повод подвергнуть испытанию исследовательский здравый смысл.

Существуют по крайней мере два аспекта повседневности, по отношению к которым мы обладаем безусловной естественной установкой; наше доверие к ним – это неоспоримая данность:

а) непроблематичность «понимания другого (вернее, «Другого»)» (Fremdverstehen)[3] в обыденном контакте и

б) рамки «нормальности», поддерживаемые как раз тотализирующим, вездесущим демоном здравого смысла.

Помимо исследователя, который по своей природе постоянно бросает перчатку привычному, общеизвестному, несомненному, существуют люди, которых жизненная ситуация принудила рефлексировать то, над чем раньше не задумывались (и над чем по определению не рефлексируют), т.е. саму повседневность. Попытка ставить под сомнение непроблематичное – это действие маргинализированного человека; вспомним только платоновскую пещеру. Тогда возникает вопрос, какие механизмы имеют место в случае, когда повседневность как высшая реальность[4] оспаривается, что происходит, когда, скажем, чье-то поведение выходит за рамки здравого смысла или возникает «ненормальная» ситуация.

Итак, мы выделили два ключевых аспекта – понимание «Другого» и нарушение границ «нормальности». В нашем исследовании оба феномена отчетливы, и в некотором смысле гипертрофированны. Мы изучали временных мигрантов –

[1] Ярослава Панакова – студентка 5 курса факультета социологии СПбГУ,.

[2] *Geertz C.* (1983) Local Knowledge. P. 76.

[3] *Шюц А.* In: Абельс Х. (2000) Интеракция, идентичность, презентация. С-Петербург: Алетейя. С. 74.

[4] *Шюц А.* In: Nohejl M. (2001) Lebenswelt a každodennost v sociologii A.Schuetze. Praha: Slon. S. 60.

студентов из числа «коренных малочисленных народов Севера», которые учатся в Санкт-Петербурге. Эти молодые люди маргинализированы двукратно – в этнокультурном плане и в плане миграции из села в мегаполис. Как «чужие» по отношению к принимающей среде, они должны по-новому конституировать и конструировать свой жизненный мир. Как члены сообщества земляков, они одновременно пересматривают его же императивы. Наши тезисы, которые мы попытаемся более подробно раскрыть в настоящей статье, звучат следующим образом:

1. Контакт с «Другим» качественно изменяет восприятие «своего» жизненного мира и ставит под сомнение его тотальность и уникальность. В частности, нарушается иллюзия, что все в повседневной жизни происходит «по-настоящему».
2. Опыт «чужих» – это опыт квазисоциологов. Повседневность оспаривается и с целью освоения изучается тот или иной ее срез.
3. Повседневные практики «чужих» определяются не только прагматическим, но и статусным мотивом; спектр связей между «своим» и «чужим» можно рассматривать как ранжирование статусов и овладение практиками «своих» (принимающей среды) как выход на статус (признание «нормальности» как минимум).
4. Первоначальное положение «чужих» в инокультурной среде усиливает их этнический дискурс. Более поздний демонический модус поведения связан с выбором в пользу статусного принципа.
5. Границы терпения «чужого» условны; их базовые правила и движение включения определяет принимающая среда. Риторика толерантности является, таким образом, не вызовом к паритетному диалогу, а защитой заранее установленной сферой, в которой представителям принимающей среды удобно взаимодействовать с «чужими».

Модус взаимодействия

Принимающая среда обладает по отношению к приезжим принципиальным свойством: приезжие получают обозначение «чужие». Подобное определение не сводится лишь к (простой) бытовой ксенофобии; оно многогранно и включает в себя палитру значений (например таких, как «не знаком», «чудак», «нелюдим», «недруг», «не патриот»). В контексте мегаполиса наличие этой категории подразумевает, что, хотя личная биография остается анонимной и относятся к ней безразлично, социальная идентичность не обладает безупречной анонимностью[5].

[4] *Goffman E.* (2003) Stigma. Praha, Academia. S.120.

[5]

Все те, кто не соответствуют тем или иным образом нашим ожиданиям и нами предсказуемым атрибутам, могут быть обобщены под одной (хотя и внутренне не монолитной) категорией «чужие». В поликультурном мегаполисе, однако, почти каждый человек может быть потенциальным «чужим»; отсутствует категория «своего чужака» (имеющая место в мелких общностях). Более того, поскольку в современном городе присутствие «чужого» не ограничивается «здесь и сейчас», то и его изначальная амбивалентность в виде модели «гость-враг» и сопряженное с ней социальное действие утрачивают свое значение.[6]

Примирение с «чужим» прежде происходило в рамках гостеприимства, т.е претворения «чужого» в «гостя». В ситуации, в которой присутствует качественное изменение «чужих», данная модель смягчения контакта нуждается в пересмотре.

Первоначальное положение мигранта в инокультурной среде подразумевает ту или иную степень маргинальности. Жизненная ситуация требует от мигранта постоянного мониторинга над собой и другими. Он осознает, что любое социальное взаимодействие основано на неких внутренних, подразумеваемых правилах. В силу контраста двух повседневных миров – своего прежнего и присущего инокультурной среде – он начинает задумываться над самой повседневностью. С этого момента он находится в некой запретной зоне, так как повседневность по своей природе не рефлексируема, непроблематична; здесь мигрант и похож на квазисоциолога. Он наблюдает за тем, как устроены повседневные контакты, как они разыгрываются и легитимизируются. Если он осознает, что в контакте с принимающей средой необходима постоянная регуляция привычных образцов, и ему эти образцы (в той или иной мере) известны, он может решать для себя в пользу той или иной жизненной позиции.

Взаимодействие строится обычно на базе сходства габитусов. В нестандартных условиях, однако, чем значительнее сходство габитусов субъектов, тем настойчивее они проявляют свои различия[7]. Индивид должен научиться рисковать и изобрести вместе с другими акторами те механизмы, которые могут сделать взаимодействие более предсказуемым. Словами Гофмана, необходима «работа с лицом»[8] и установление базовых правил взаимодействия. Так как мигрант только постепенно осваивает ту или иную роль и находится в некоем «мерцающем» состоянии, он все еще может в некоторых ситуациях (непонятных, ссылающих его на прошлое и т. п.) отказаться от обыденного знания. Нормализация межкультурного взаимодействия может проходить следующие стадии:

1) воображаемое приятие (условно, нет никакой стигмы);

2) облегчение нормального выполнения ролей;

3) установление нормального отношения (можно открыто обсуждать межкультурные отличия).

Напротив, в случае актуализации сообщества стратегии выживания приезжих, реализуемые в его рамках, конкурируют с индивидуалистской тактикой представителей принимающей стороны, направленной на достижение профессионального, экономического и социального роста. Чем больше точек соприкосновения у представителей культурных общностей с индивидами из числа большинства в социальном поле, в котором не хватает соответствующей культурной интеграции, тем выше конфликтогенность в обществе[98]. В условиях конкуренции, определенной таким образом, исключенность выстраивается не столько по горизонтальному – этническому признаку, сколько по вертикальному – статусному признаку[109].

Ключевые правила взаимодействия определяются представителями принимающей среды. В данном исследовании петербуржцы решают, каким образом и в каком контексте они дают знать студентам-северянам, что они в Петербурге «чужие». Если здешние принимают «чужих», то всегда лишь при условии, что северянин не будет претендовать на более близкое взаимодействие и что эта мера толерантности его устраивает.

Городу всегда присуща известная мера анонимности; с анонимностью связано безразличие (или, скорее, равнодушие) «социальной слепоты». Однако существуют ситуации, в которых актуализируется «социальное видение»; петербуржец замечает «инаковость» приезжего. По результатам анкеты, в основе непонимания, которое может возникать в контакте со здешними, лежит этничность (33) и только потом урбанистический фактор (отличия «село – город») (12) или культурные отличия (10). Чтобы достичь второго вида безразличия, т. е. момента, когда об «инаковости» знают обе стороны, но она больше не является доминан-

[6] [5] *Штихве Р.* (1998) Амбивалентность, индифферентность и социология чужого.// Журнал социологии и социальной антропологии. 1998/1. С. 50.

[7] [6] *Куропятник А.И.* (2000) Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 104.

[8] [7] *Goffman E.* (1982) The Interaction Order. In: American Sociological Review. 1983. Vol. 48. P. 15 (?).

[9] [8] Куропятник А.И. (2000) Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб. Изд-во СПбГУ.С. 108.

[10] [9] Дамберг С.В. (2002) Этническое знание и здравый смысл. //«Другие русские» или мобилизированная ментальность. Вып. 2. Европейский университет. С. 228.

той их контакта, «чужой» должен направлять взаимодействие определенным образом.

У студентов-северян тоже существует некий подразумеваемый перечень правил, устанавливающих, как индивид должен себя вести при контакте со здешними. Он должен почувствовать, когда говорить о своем происхождении открыто и когда, наоборот, не «выдать» себя. Он должен знать меру и в соответствии с контекстом определить, должен ли он выступать как «чукча», «северянин» (самоопределение, хотя фактически чукчи проживают на Дальнем Востоке) или просто как (временный) житель Петербурга. Он не может принимать всерьез негативное отношение со стороны здешних. Наоборот, он должен либо не замечать этого, либо реагировать хладнокровно, т. е. ввести людей в курс дела (буквально учить их, где находится Чукотка и т. п.) и доказать, что он является полноценным человеком. Выше этих правил, однако, находятся два требования, возлагаемые на индивида: сообщество требует лояльности, принимающая среда – подчиненности критериям включения.

Следующие высказывания иллюстрируют различные модусы взаимодействия, о которых упоминалось выше. Для многих северян важно отличиться от других приезжих, к которым принимающая среда испытывает антипатию. Говоря об обидных прозвищах или анекдотах, молодые мигранты стараются отодвинуть эту тему в сторону или упрощают контакт с помощью выдумок.

Анна: *У меня к ним снисходительное отношение. Моя учительница по национальному языку меня учила, что к этому нужно относиться спокойно, потому что ты не можешь ничего делать, ты не можешь эти анекдоты убрать.*

Следующий пример иллюстрирует амбивалентную ситуацию молодых мигрантов. С одной стороны, друзья Анны используют шутку как защитный механизм. С другой стороны, этот рассказ воспроизводится внутри сообщества как легенда о том, как “наш” смог победить над здешним».

Анна: *...они не знают, как мы там живем. [...] думали, что у нас только яранги, что у нас нет ничего, что нет домов, ни машин, ни вообще никакой цивилизации, что у нас, так как думают, что у нас добывают золото, у некоторых представление, что мы все такие богатые [...]. Была даже такая шутка: сам парень русский, но приезжал на материк к знакомым и его спрашивали об этом золоте. Да, да – он говорит, у нас золото под ногами валяется, сначала поверили, потом поняли.*

Последний рассказ показывает также на тот механизм, посредством которого формируется особый дискурс о других – «других/ не-своих», «своих дома/там», «своих здесь». Дискурс – это социально значимый текст, порожденный в ходе

социальных практик; в данном случае он выполняет ключевую роль в воспроизводстве схематичных структур и рамок значений.

Условия для включения

Процесс включения обусловлен характером среды. Базовые правила включения определяет именно принимающая среда; это подразумевает, что те «чужие», которые не воспринимают всерьез установленные правила взаимодействия, осуждены на неудачу и воспринимаются как «не умеющие приспособиться», «паразиты» и т. п. «Здешние» маркируют также границы, в рамках которых они «еще» терпят то или иное поведение «чужих». Последние не могут себе позволить эти границы нарушить или требовать их изменения.

Следовательно, в процессе нормализации межкультурного взаимодействия включение может являться условным[11]. От мигранта ожидается, например, что он старается адаптироваться к новой для него среде, что он будет работать и активно участвовать в общественной жизни. Когда он попытается своим поведением нарушить установленные правила «дозволенного» и тем самим отрицает тот факт, что он все еще «чужой», его поведение воспринимается как общественный faux-pas. Инструкции к «правильной адаптации», как ее называет Ирвинг Гофман, как раз обозначают, что принимающая среда беспредельно защищает себя: а) нельзя утверждать, что уровень толерантности в действительности весьма органичен, б) не нарушаются (а скорее наоборот, закрепляются) стереотипные убеждения об идентичности «чужих»[12].

Нарушение границ, однако, является основной чертой социальной организации. Это условие является существенным в поликультурном обществе, в котором ригидность взаимных контактов его членов может привести к общей дестабилизации общества. Особую роль играет тактика: со стороны «здешних» – это может быть безразличное отношение к тем, которых другие называют «чужими», восприятие мигрантов как индивидов, а не через призму коллективной идентичности, отказ от ущемляющих утверждений. Изменение границ в пользу «чужих» может произойти в том случае, если обе стороны контакта будут «притворяться», что данное состояние и есть полное включение. Этот «договор» имплицитно обозначает, что «чужой» не может настаивать на большем, чем ему «здешний» на данный момент готов предложить.

11 [10] *Goffman E.* (2003) Stigma. Praha, Academia. S. 140.

12 [11] *Goffman E.* (2003) Stigma. Praha, Academia. S. 141.

Мигранты оказываются в амбивалентной ситуации: чем больше они удаляются от канонов своей группы, тем больше им приходиться защищать свою аутентичность; чем больше они отклоняются от «нормального» представителя принимающей среды, тем выразительнее они должны показать, что они тоже владеют моделями «нормального» поведения, и более того, осознавая, что другие знают об их стигме, убедить их в том, что они «на самом деле нормальные».

Представим две основные позиции мигранта, который пытается «делать карьеру» в условиях инокультурной среды: первая позиция направлена на инокультурную среду, вторая – на сообщество. Эти две позиции взаимно не исключают друг друга и в известной мере могут существовать параллельно.

В первом случае успех определяется степенью освоения мигрантом инокультурной среды. Воображаемая дистанция между «своим» и «чужим» (принимающей средой), которую он преодолел, воспринимается как прогресс. В случае ремиграции его статус будет определяться в соответствии с той долей ценной информации, которую он приносит из чужой среды и которая ему позволяет интерпретировать свою среду по-другому. Данная позиция подразумевает, что мигрант радикально переосмысливает свое сообщество земляков. В попытке включиться в инокультурную среду он начинает стратифицировать «своих» по тому признаку, который устанавливают представители принимающей среды. К тем мигрантам, которые являются более «чужими», чем он сам, он может относиться так же, как представители принимающей среды относятся к нему. Он может презирать тех земляков, которые своим поведением «доказывают», что гетеростереотипы здешних о его группе (от которых он пытается освободиться) недалеки от действительности. Однако данный индивид привязан к своему сообществу (через идентичность) все еще более тесным образом, чем к принимающей среде (через нормы). Как пишет Гофман, он не может ни принимать свое сообщество, ни оторваться от него[13]. Даже успешное включение индивида в инокультурную среду не значит, что референтным для него не может остаться его сообщество, так как именно оно может обеспечить ему некоторую иллюзию стабильности, исключительности и защиты.

Вторая позиция мигранта – ориентация на сообщество; она связана с усилиями сообщества, с одной стороны, легитимизировать свои поведенческие образцы в инокультурной среде, с другой стороны, консолидировать и презентировать себя как некую «правильную» группу. Важно понять, как мигранты переживают бытие другим, насколько и каким образом они маркируют свою «инаковость»,

[13] *Goffman E.* (2003) Stigma. Praha, Academia. S. 125.

при каких обстоятельствах мигранты «голосуют» за этнический принцип взаимодействия. Этнические коды общности обычно не ложатся в основу жизненных стратегий; как символические ориентиры они легитимизируются только в случае нужды. В маргинальном положении может как раз происходить подчеркивание этнической идентичности. Очевидно, что этнический дискурс – это не только риторика национализма, но и жанр для повседневности. Рефлексия на внешние призывы зависит от того, каким образом и в каких ситуациях они транслируются, от того, какие существуют у индивида другие возможности и какие конкурирующие стратегии ему доступны.

Самопрезентация

Апелляция к группе достаточно сильна в Институте малочисленных народов Севера, так как это считается социально одобряемым поведением. Однако реальные земляческие сети оформлены слабо. С одной стороны, существует солидарность по отношению ко всем, кто приехал с Севера, из Сибири и Дальнего Востока, к так называемым «северянам». Этот тип солидарности актуализируется как раз в инокультурной среде, как в когнитивном, так и в эмоциональном плане.

Светлана: *Когда я училась, был большой курс, всякие разные национальности, я из Чукотки приехала, не знала, что такие вообще существуют, здесь только узнала.*

Групповая солидарность по ту сторону узкого круга общения зависит от этнических категорий, например, ««якутов» много, они «такие не очень, они даже не МНС, с ними трудно общаться». Земляческие связи устанавливаются также по принципу «среди “своих” в кругу своих», т. е. имеет место некоторая, хотя и слабая, обособленность по месту происхождения уже в рамках МНС. Узко локальная идентичность (я из Чаплина, я чукча) постепенно превращается в более обобщенную («северянин»).

Воспроизводство общности в инокультурной среде обусловлено отчасти тем, насколько успешно она умеет проводить «политику аутентичности». Презентация себя как «правильного сообщества» консолидирует группу как изнутри, так и по отношению к инокультурной среде (к большинству, к другим меньшинствам). В дискурсе аутентичности актуализируются такие категории, как этническая идентичность, образ культуры, восприятие родины и т. п. Индивиды, которые выбирают стратегию включения вне сообщества, часто используют те же категории, но определяют их по-другому.

Актуализация тех культурных пластов, которые могут обосновать чувство принадлежности к группе, происходит повседневно. Вопрос о культур-

ной идентичности актуализируется в Петербурге в единстве с вопросом о «возрождении культуры». Инокультурная среда предоставляет новые ресурсы для осмысления последнего. Если многие информанты на родине даже не задумывались о своей культуре, в Петербурге они проявляют высокий уровень аффилиации к этнической культуре, так как она является подручным инструментом для подтверждения своей уникальности в новой среде. Подобным образом актуализируется вопрос о возрождении «собственной» культуры. Риторика возрождения культур ситуативна, воображаема и часто наигранна.

Екатерина считает так: *...нет языка, нет народа... надо, во-первых, язык ввести, т. е. надо более строго подойти к изучению языка...чтобы продолжали культуру своих предков...*

Однако на наш вопрос, может ли индивид считаться чукчей, если он не знает чукотского языка, Ася отвечает непрямо:

Ася: *У нас сейчас все... сразу видно по человеку, если он не знает... по словам начинает выражаться... начинает умничать... те, кто знают и не знают, сразу видно... у нас сейчас таких мало, чтобы интересовались своим родным языком.*

Условность данной позиции очевидна; «здесь» можно свободно распоряжаться культурными категориями и в том случае, когда они воображаемые. Перечисляя палитру культурных атрибутов, называя их «нашими», сама Екатерина, однако, признает, что понятие «нашей» культуры в реальности не имеет четкого определения.

Екатерина: *У нас уже образ жизни не только наш... а принесенный цивилизацией... русские, казаки внесли же нам цивилизацию... одежду, прибор столовый свой, дома...*

Помимо техник самопрезентации, имеют место культурные практики «для внутреннего пользования»[14], т. е. те практики, которые воспроизводятся не демонстративно, а только в «кругу своих». Своеобразным примером является обряд «кормления духов». Данная практика непосредственно влияет на восприятие «ин-группы»; она становится символом спокойного проживания в новой среде и условием для успешного возврата на родину. Его воспроизводство, таким образом, создает своеобразное звено между «здесь» и «там, между двумя моделями одной культуры[15].

[14] *Лурье С.* (1994) Метаморфозы традиционного сознания. СПб., С. 26.

[15] Смотри статью автора: *Питерская Чукотка: от практики к образу* // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербужцев. 2003. № 4.

Жизненные стратегии

Чужая среда имеет для индивида мобилизующую силу. Повседневные практики оформлены в дискурсе информантов в некие более общие представления о жизненном пути. В ходе интервью с информантами появился некий перечень жизненных стратегий:

1) диспозиция к включению (желание/усилие остаться в Петербурге как можно дольше),

2) возвращение на родину,

3) последующая миграция (ремиграция на малую родину исключена, а Петербург не устраивает).

Эти основные стратегии предполагают и другие, взаимодополняющие, такие как

4) ориентация на сообщество,

5) избежание неудачных примеров и т.п.

Жизненные стратегии легитимируются в толковании собственной биографии различными способами. В связи со стратегией ремиграции на малую родину чаше всего встречаются следующие обоснования.

Я здесь временно/приехала только за учебой.

Дома больше возможностей (вне зависимости от контракта).

Дома меня ждут.

Я не городской житель.

Тянет к родному.

В случае, когда студенты, наоборот, не хотят возвращаться на малую родину, они высказывают следующие причины.

Я полюбила этот город.

В городе больше возможностей для самореализации.

Городская среда – моя стихия.

Хочу еще в другое место.

Представим данные жизненные стратегии более подробно.

Стратегия возвращения на родину

Направленность на родину, закончится ли она фактическим возвращением или нет, однозначно преобладает среди информантов. В анкете, однако, оказалось, что среди 85 респондентов соотношение «в пользу родины» и «в пользу последующей миграции» равно 43 к 32. Эта стратегия обусловлена несколькими основными причинами:

а) эмоциональная привязанность к родной среде (поддерживаемая аргументом автохтонности «я там родилась»),

б) неуверенность в завтрашнем дне (образование воспринимается чуть ли не как единственный доступный социальный ресурс в новой среде),

в) слабые социальные сети,

г) обязанность выполнить государственный договор (однако многие губернаторы не препятствуют тому, чтобы студенты оставались там, где они учились, в том случае, если у них есть такая возможность).

Данная стратегия изначально задает определенные рамки для взаимодействия.

Таня рассказывает: *Почему там [на родине] лучше, потому что я там родилась, выросла. Если бы я здесь родилась, то я бы здесь осталась. Конечно. Домой. Здесь ты только сам по себе, но еще со своими так общаешься. А дома, там папа, мама. [...] Здесь нет, тоже общаешься, тоже раскованно, но все равно не так. Стараешься не привязываться, потому что знаешь, что скоро уедешь, а расставаться тоже неохота.*

В городе актуализируются воспоминания там, где есть хоть и малейшее сходство с родиной. Прогулка по городу – это крестовый поход за родным поселком. Осмысление городского пространства одномерно. Освоение самой среды сводится к местам повседневных практик и к широко известным местам города.

Данная стратегия усложняет включение в среду, но не делает его невозможным. Приемлемым вариантом является временная интеграция. Несмотря на однозначность выбора наших информантов, многие из них намерены поддерживать связь с Петербургом, после того как вернутся на родину.

Таня: *Я тоже, если закончу, я тоже буду сюда постоянно приезжать. Например, в отпуск, посмотреть так, старые места, а так, оставаться здесь не хочу. Даже не думала. Домой, только домой.*

Стратегия отчуждения от родины

В рамки этой стратегии попадает, конечно, множество вариантов жизненных траекторий; принципиальным является факт, что данные индивиды исключают возможность дальнейшей своей жизни на малой родине. Мотивы разнообразны. Наши информанты аргументируют свой выбор данной стратегии тем, что уже на родине было их положение маргинальным. Некоторые из них подчеркивают разрушенные родственные отношения, другие – свое смешанное происхождение (речь идет о тех, у которых один из родителей русский), иные – отвращение, стыд (прежде всего за тех, кто своим поведением подтверждает «правильность» стереотипных персонажей из анекдотов).

Так, например, Ася обосновывает свою оторванность от родного поселка смертью матери, после которой распалась их семья. Однако именно в Анадыре это дистанцирование стало артикулироваться как попытка «сделать карьеру».

Ася: *Люди говорят, что, возможно, ты, Ася, закончила колледж лишь потому, что тебе все время говорили: ты закончишь, найдешь себе работу, сможешь помочь своим младшим [...] У меня действительно была цель помочь своим младшим, чтобы они так не остались. Потом появились приемные родители, я, конечно, за них переживаю, но я с ними теперь уже долго не виделась, потом уже пропал интерес к своей родной семье.*

Ася видит больше возможностей для самореализации в городе. Самооправдание очевидно: если не получится Петербург, устроит и Анадырь. В чем, однако, заключается эта самореализация? Несомненно, с точки зрения статуса на малой родине больше шансов. В Петербурге положение мигранта во многом зависит от меры и характера включения.

Ася сама сравнивает два жизненных варианта: *Я буду, конечно, приезжать домой, [...], но там делать абсолютно нечего [...], в Анадыре, наверно, осталась бы, у меня там приемные родители. Я приехала сюда за высшим образованием, чтобы работать библиотекарем. Я поняла для себя, что в поселок свой я не вернусь [...] мои приемные родители говорят, если мне здесь понравится [...] вот мы хотим купить квартиру здесь в Петербурге, а так есть место в Анадыре.*

Некоторые девушки-информантки осознают ограниченные брачные перспективы на малой родине. Более того, студентки считают, что они намного сильнее тех молодых людей, которые остались дома, и им будет сложно найти себе равного.

Яна принадлежит ко второй категории: *Я уже соображаю, что дома партнеров … у меня парень был, первая моя любовь [...] он прекрасно живет с моей подругой, единственный молодой человек, который меня дома притягивал. В общем, я уезжала [...] у меня уже менталитет не тот, я уже в большом городе прожила [...] Сейчас как живу здесь, у меня уже конечно другое мышление, другой взгляд, другие цели.*

Мотивом остаться в инокультурной среде может быть также близкий человек среди «своих» как пример для подражания. Яна рассказывает о своей подруге. Очевидно, что Яна изначально свела до минимума контакт с выходцами из Чукотки, но с другими северянами она имеет тесные отношения.

Яна: *Закончила в прошлом году. Ей уже 33 приехала сюда [...] она просто разкрепостилась, у нас закомлексованные люди, как обычно бывает, очень много комплексов, [...] не хотела домой уезжать, говорила – в деревне не хочу жить, как бы у нее уже другой взгляд на жизнь. Бывают люди, которые возвращаются домой. [...] Кого-то*

ждут там парни [...] это их, конечно, притягивает туда, то одна без семьи никуда, может быть там еще что-то другое.

Стремление к включению зависит от представлений о своей роли в данной среде, о том, кем можно считать себя самого и кем могут считать другие. В рамках данной стратегии появляется аспект дистанцирования себя от проблем «своих». Если на родине подобное поведение (например, неоказание помощи соседу) было бы жестко наказано, то в инокультурной среде оно реструктурирует земляческие отношения.

Светлана: *Мы мало говорим на эту тему [о жизни студентов-северян в Петербурге]. Если не видишь каких-то проблем, то все вроде нормально, не хочется обидеть человека.*

Таблица 1 показывает представления студентов-северян о том, каковы критерии их включения в петербургскую среду. Несмотря на то, что они исходят от субъективного восприятия или опыта, они отчасти отражают два других конструкта – дискурс петербужцев и представления о «своих» на родине. Мы считаем, что последний аспект воплощается в 2, 3 и 4 критериях, которые актуальны и для приезжих на малой родине. Первый критерий согласуется с официальным дискурсом.

Таблица 1

Представления студентов-северян о критериях включения в среду

Субъективное восприятие включения (Чтобы стать петербуржцем, нужно…)	
ХАРАКТЕРИСТИКА	**ЧАСТОТА ОТВЕТОВ**
Оформление жизни (прописка, квартира, работа)	25
«Автохтонность»	9
Длительность проживания	8
Эмоциональная привязка	6
Воля (сильно хотеть, стараться)	4
Брачные отношения	4
Ничего не нужно (сохранение своего «Я»)	2
Индивидуальная предрасположенность	2

Следующее утверждение иллюстрирует вышесказанное.

Анна рассказывает: *Была бы возможность, я бы осталась, здесь больше возможностей, возможностей для развития, познания, больше работы, есть возможности для поездок и отдыха. Много не потеряю тем, что я сейчас здесь, я никогда не была близка к культуре, я только отрывочно все вспоминаю.*

В конечном итоге включенность (ее характер и степень) будет зависеть от насыщенности и объема работы, которую индивид готов проделать над собой с тем, чтобы стать одним из здешних. Контакт с «Другим» – это, как мы попытались показать в настоящей статье, стимул для качественного преобразования повседневности. Маргинальное положение «чужого» способствует, хотя и не всегда обязательно ведет к пересмотру повседневности как простой данности. Несмотря на то что «нормальность» не оспаривается per se, она требует новой легитимации. Включение в инокультурную среду требует освоения новых повседневных практик. Взаимодействие с «другими», нуждается в другой основе; ««понимание» в смысле восприятия, проницания и постижения нужно отличать от «понимания как согласия мнений, единства чувств и общности намерений»[16]. Для понимания «Другого» понадобятся другие рамки значений. И вся эта затея направлена на то, чтобы хоть как-то восстановить мир как нечто ясное.

Литература

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. СПб.: Алетейя. 1999.

2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум. 1995.

3. *Дамберг С.В.* Этническое знание и здравый смысл. // «Другие русские» или мобилизированная ментальность. Вып. 2. СПб.: Европейский университет. 2002. С. 208–229.

4. Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб.: Изд-во «Д. Буланин», 1998.

5. *Куропятник А.И.* Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб: Изд-во СПбГУ. 2000.

6. Петербуржцы // Этнонациональные аспекты массового сознания. Социологические очерки / Под ред. З.В. Сикевич. СПб: НИИКСИ. 1995. .

7. *Штихве Р.* Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 1998. № 1. С. 41–52.

8. *Bourdieu P.* (1998). Teorie jedn n . Praha.

9. *Calhoun C.* (1992). Introduction: Habermas and the Public Sphere. In: Habermas and the Public Sphere. Edited by Calhoun C. Massachusetts, MIT. P. 1–50.

10. *Geertz C.* (2001). Available light. Anthropological reflections on philosophical topics. Princeton: Princeton University Press.

[16] *Geertz C.* (2001) Available light. Anthropological reflections on philosophical topics. Princeton: Princeton University Press. P. 87.

11. *Geertz C.* (1983). Local knowledge. Further essays in interpretative anthropology. N.Y., Basic books.

12. *Goffman E.* (1982). The Interaction Order. In: American Sociological Review. 1983. Vol. 48.

13. *Goffman E.* (2003). Stigma. Praha, Academia.

14. Migration and Social Cohesion. Volume 7 (1999). Ed. by S. Vertovec. Cheltenham, Elgar Reference Collection.

15. *Nohejl M.* (2001). Lebenswelt a ka dodennost v sociologii A. Schuetze. Praha: Slon.

16. *Taylor Ch.* (1989). Sources of the Self. The Making of the Modern Identity. Cambridge, Harvard University Press.

Владимир Давыдов[1]

Вторая премия

Студенты-северяне в Петербурге: феномен этнокультурной аутентичности в крупном российском городе

Данная статья основана на материалах исследования молодежи из числа малочисленных народов Севера в Санкт-Петербурге (2001–2004 гг.). В данной работе представлен антропологический взгляд на социальные явления. Культура рассматривается как всеобъемлющее целое, которое охватывает все социальные практики студентов-северян. Исследование было проведено с использованием качественных методов социологии, социальной антропологии.

В крупном городе студенты-северяне сталкиваются с рядом вопросов: каким образом можно презентировать себя в иной среде, какие стратегии самопрезентации следует выбрать, следует ли подчеркивать свою этническую культуру или постараться скрыть ее. Важным фактором социального взаимодействия является их непохожесть на петербуржцев, их инаковость. Необходимо рассмотреть, какое место студенты-северяне занимают в Санкт-Петербурге, как и где они находят свою «нишу», какие способы самовыражения и самопрезентации они выбирают в большом городе. Особенно важно обратить внимание на «аутентичные» паттерны поведения.

Понятия «этнокультурная аутентичность» и «этническая идентичность» различаются между собой. Идентичность – это, прежде всего, отождествление себя с той или иной социальной общностью. Этническая идентичность подразумевает отождествление себя с определенной этнической группой. Этнокультурная аутентичность – это сохранение и проявление этнокультурных особенностей группы или индивида в иной этнокультурной и социальной среде. Она может рассматриваться с точки зрения «соответствия» индивида или группы своей традиционной этнической культуре. Этническая традиция является ярким маркером этнокультурной аутентичности. Это то, что делает студентов-северян «иными» в крупном городе. Этнокультурная аутентичность транслируется, самовоспроизводится в

[1] Владимир Давыдов – аспирант факультета социологии СПбГУ.

«иной» среде. Необходимо рассматривать аутентичность как процесс. На разных этапах проживания в «иной» среде традиционные паттерны поведения, усвоенные на малой родине, а также традиционное мировоззрение будут проявляться с разной степенью интенсивности. Г.В. Старовойтова писала, что иноэтнический этнокультурный фон может влиять на структуру этнического сознания, менять акценты его символизации[2].

Студенты-северяне рассматриваются в данном исследовании как группа, самоорганизующаяся на основе общих компонентов традиционного мировоззрения, культурных паттернов, а также стимулирующего воздействия внешней, «чужой» для них среды. Формирование студенческой группы происходит на малой родине еще до приезда в Петербург. На восприятие городской среды влияют стереотипы, усвоенные на малой родине. Огромную роль в адаптации студента в крупном городе играют земляки. Социальные связи и взаимодействия имеют черты, характерные для сельской, неурбанизированной среды. В Петербурге происходит формирование нового культурного синтеза. Крупный город является особой ситуацией проявления этнокультурной аутентичности. Индивид испытывает своего рода «давление» городской среды. Он поневоле вынужден изменить стратегии самопрезентации. В контексте полиэтнической среды мегаполиса происходит переосмысление взгляда на свою культуру. Все перечисленные выше процессы оказывают значительное влияние на выбор дальнейшего жизненного пути: либо студент планирует остаться в Петербурге, либо вернуться на малую родину.

1. Формирование группы в родной социокультурной среде

Необходимо рассмотреть процесс формирования студенческой группы на малой родине до приезда первокурсников в крупный город. Молодежь из числа малочисленных народов Севера сдает экзамены для поступления в вузы Санкт-Петербурга у себя на родине. Информацию о будущем месте учебы абитуриенты узнают от студентов старших курсов, которые приезжают домой на каникулах, а также учителей или родственников, которые обучались в Петербурге. Таким образом, приезжая в большой город, студент уже знает некоторых своих однокурсников и земляков.

Школьники готовятся к поступлению заранее. Они принимают участие в олимпиадах, участвуют в конкурсах, занимаются в этнографических кружках и фольклорных ансамблях. Как правило, школа направляет сдавать вступительные

[2] [1] *Старовойтова Г. В.* Этнические особенности поведения и внешности в восприятии горожан // Этнические стереотипы поведения / Под ред. А. К. Байбурина. Л. 1985. С. 22–34.

экзамены лучших учеников. Кандидатуры обычно выбираются еще до 10 класса. В основном информанты говорили, что сдавать вступительные экзамены им было легко. Хотя в отдельных регионах конкурс бывает высокий. Чаще всего абитуриенты сами договариваются между собой, кто на какую специальность пойдет, чтобы была возможность поступления вне конкурса. Иногда этот вопрос решается с помощью школьных учителей. В результате часто получается, что на одно место претендует только один абитуриент. Большая часть студентов поступают в вузы по целевому направлению, по условиям которого молодой специалист должен будет отработать несколько лет в национальной школе после окончания вуза. Целевое направление выдается в школе, оно значительно увеличивает шансы поступления, дает право на льготы.

В вузы поступают далеко не все выпускники школы. Большая часть молодежи остается в поселке:

«*Да, и мало кто еще поступает. Может быть, получит среднее еще, колледж окончит, а потом получается, что съезжают обратно в деревню и там застревают*» (студентка-нанайка, пос. Сикачи-Алян).

Студенты из одного поселка, поступившие в вуз, часто договариваются между собой о том, чтобы ехать в Санкт-Петербург вместе, стараются взять билеты в одном вагоне. Иногда родители, старшие братья или сестры едут в Петербург вместе с первокурсниками, чтобы помочь им устроиться в общежитии, решить бытовые проблемы.

Студенты могут еще до приезда в город решать, с кем поселится в одной комнате. Строятся планы на будущее. Чаще всего студенты планируют первое время жить в общежитии, а потом, на старших курсах, подрабатывать и снимать комнату или квартиру. В результате общения абитуриентов и старшекурсников, которые приезжают домой на каникулах, у первых складывается образ Петербурга, часто идеализированный. На формирование образа Петербурга влияют также средства массовой информации. Такие телесериалы, как «Улица разбитых фонарей», «Убойная сила», формируют образ города как криминальной столицы:

(Инф., Хабаровский край): *Ну, как по телевизору смотришь – пьяные там всякие ходят. «Улица разбитых фонарей» «Убойная сила». Криминал*).

2. Приезд в Петербург. Восприятие города. Проблема адаптации

Приезд в большой город является стрессом для студентов. Информантка-ханты сказала, что первое, что она здесь почувствовала, – это страх. Она ехала первый раз на поезде, приехала в незнакомый большой город, и ее никто не встречал:

«*Самое первое – это страх, конечно. Потому что вещи я оставила в камере хранения, я приехала вечером в 12. Ну, куда я пойду? Я ж ничего не знаю. Темно. Я всю ночь просидела на вокзале. И там чуть ли не с бомжами в обнимку. Я не знала, куда идти. Дороги не знаю. Нет тут знакомых. И вот в 6 часов утра началась моя питерская жизнь. Я поехала искать институт. Нашла институт. А это была суббота, и, естественно, никого не было. Я пошла искать общежитие. Я вот пришла и просто разревелась*».

Студенты приезжают в Петербург, чтобы получить хорошее образование и новые возможности для самореализации. Они предполагают, что едут в «*цивилизованный западный город*», в «*северную столицу*», в «*культурный центр России*», в «*красивый город*» с «*доброжелательными людьми*». Северяне, приехавшие в Петербург, иногда испытывают разочарование. Причинами этого являются упрощенная программа в институте, условия жизни в общежитии, неприятие со стороны петербуржцев.

Информанты отмечают, что Петербург – «*шумный город*», поэтому гулять по нему сначала непривычно. Говорят о том, что это «*большой город*», где «*много народу*». Студенты-северяне воспринимают в первые дни пространство города как чужое: (Инф.: *...все чужое такое ... все пыльное, серое*). Студенты говорят, что «*большой город давит*, *люди другие*», не такие как на Родине, «*отношение людей хуже*». Информанты замечали, что им первое время было трудно адаптироваться к большим расстояниям. Улицы и проспекты воспринимаются северянами как очень «*широкие и большие*».

Первокурсники, приезжающие в Санкт-Петербург, находятся первое время в состоянии культурного шока. Он сопровождается беспокойством, которое вызывает потеря привычных форм социального общения[3]. Человек, попавший в подобные условия, поставлен перед необходимостью овладения новыми представлениями, нормами, ценностями, правилами, предписаниями, ограничениями, охватывающими и регламентирующими практически все стороны его жизни[4]. Культурная адаптация индивида, как правило, начинается с этапа аккультурации, т. е. совмещения прежних стереотипов сознания и поведения с процессом освоения новых, а затем может привести и к ассимиляции, т. е. утрате прежних культурных паттернов (ценностей, образцов, норм) и полному переходу на новые. Существует широкое понимание аккультурации как процесса взаимодействия культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения разных культурных традиций **принципиально нового культурного синтеза**. Такой синтез – результат пребывания студентов-северян в большом городе.

[3] [2] *Иванова М. А.* Психологические аспекты адаптации иностранных студентов к высшей школе. СПб., 2000. С. 31.

[4] [3] *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М. 1990., С. 153–154.

Очень остро перед студентами стоит проблема адаптации к городской среде. Для сельского мигранта Санкт-Петербург предстает средой, которая перенасыщена информацией.

(Соб.: *А почему вам было сложно здесь адаптироваться?* Инф.1: *Много народу.* Инф.2: *Слишком много информации*. Соб.: *Какой?* Инф.2: *Вообще. Выходишь... Запутываешься в метро.*)

Одна из первых задач, стоящих перед студентами, – научиться ориентироваться в городе. Информантка-ненка сказала, что ей тяжело в Петербурге из-за транспорта. Постоянные поездки на метро и трамваях ее сильно утомляют, так как народине она привыкла ходить пешком.

До приезда в Петербург некоторые студенты учились в педагогических училищах, лицеях и имели опыт проживания в общежитии. Студентам, которые поступают в вуз после 11 класса, приходится адаптироваться к условиям жизни в общежитии. В Санкт-Петербурге для студентов-северян актуальна проблема адаптации к новой пище. В.П. Казначеев подчеркивает необходимость сохранения для народов Крайнего Севера традиционного питания и недопустимость «европейского» среднестатистического типа питания как для взрослых, так и для детей. Это же справедливо для представителей других народов и этнических групп, особенно мигрирующих в города или на другую этническую территорию и вынужденных в связи с этим иногда довольно резко менять пищевые привычки, а иногда и всю систему питания, переходя на совершенно не свойственную данной этнической группе пищу. Все это приводит к увеличению в структуре заболеваемости доли желудочно-кишечных, аллергических болезней, а кроме того, усиливает стресс, вызванный жизнью в перенаселенных городах с неблагоприятной экологической обстановкой[5].

Студенты привозят с собой продукты из дома: сушеное мясо, вяленую и «гнилую» рыбу, красную икру, черемшу. Родители в письмах советуют студентам, что следует есть, а что нет. Студенты-северяне привыкли к жирной пище.

«*Я вот это вот и жирное мясо люблю*, *вот суп такой жирный с мясом. Я люблю и тем более грызть кость*». Студенты стараются покупать мясо, так как «*одними фруктами не насытишься*».

[5] [4] *Григулевич Н. И.* Питание как важнейший механизм этноэкологической адаптации // Традиционная пища как выражение этнического самоназвания / Отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М., 2001. С. 152.

Общежитие РГПУ им. А.И. Герцена расположено рядом с рынком, где студенты в основном и покупают продукты. Они готовят овощи, сало, рыбу.

Инф.: *Макароны, картошку готовим, еще капусту я люблю еще, и еще колбасу покупаем иногда, и еще сало. Что-то сырое надо, что ли, есть. Сырое что-нибудь! Или рыбы*.

Н. (ханты) сказала, что когда поехала домой на летние каникулы, то «*набросилась на сырое мясо и пила кровь, как вампир*», так как два года его не пробовала.

Приезжая в Петербург, студенты ощущают, что в Петербурге грязный воздух, большая влажность и тяжело дышать. Зимой из-за влажности кажется, что на улице очень холодно

Инф.: *То есть у нас если 33 градуса, это все равно что тут 20 градусов. Здесь из-за влажности очень холодно всегда*.

Студенты жалуются на погоду, на ветры, говорят, что у них на родине зима холоднее, но сухая и нет таких ветров. Осенью у северян в Петербурге иногда начинается депрессия.

К.О. сказала: «*Здесь иногда хочется нормального снега и нормального солнца. Даже дома у нас снег и солнце – все. А здесь серость, грязь, пыльно, хочется к маме, папе, хочется к родственникам, я не знаю, хочется чего-то, все время холодно, ветер всегда. И поэтому очень трудно*».

Северяне говорят, что у жителей города «*больше негативной, чем позитивной реакции*» по отношению к ним. Больше всего негативной реакции получают северяне от пожилых женщин:

Инф.: *Пожилые женщины, старушки толкаются так, еще так смотрят, как будто я у них чего-то отобрала, мне так кажется*.

Земляки сразу предупреждают студентов первого курса, как себя вести со старушками: «*осторожнее со старушками, и* <заходите> *вместе в метро, туда-сюда не ходите, в очередь не вставайте*». То есть земляки предупреждают первокурсников об «опасных ситуациях». Чтобы обезопасить себя, студенты стараются ходить группами по несколько человек.

Расизм – одна из самых актуальных проблем для северян в Петербурге:

Инф.: *Наверное, самая основная проблема – это расизм. Вот это отношение.* <...> *Ну, потому что наш факультет, он такой необычный. Внешность особая, присущая северным. С этим как бы проблема*.

Информанты объясняют враждебность к себе следующим образом: «*В том, что мы, наверное, нерусские, поэтому такое отношение*». Негативизм по отношению к северянам способствует формированию у них негативного самовосприятия. Студенты-северяне ощущают негативное отношение к себе, чувствуют себя чужими: «*Как будто мы здесь чужие. Оленей мы пасем*».

Вопрос толерантности является самым актуальным. Реальную опасность для северян представляют скинхеды и молодежь, разделяющая националистические взгляды. По одному вечерами ходить опасно.

Д. сказал: «*Ты там один возвращаешься, и там толпа идет, если они еще и пьяные, то не знаешь, получишь или не получишь сегодня, дойдешь или не дойдешь, много было попыток. И дрался, и меня тут били*».

Информанты говорили про то, что скинхеды собираются по вечерам у станции метро «Парк Победы». Они выслеживают северян, возвращающихся в общежитие. Некоторые из «скинов» живут в соседних корпусах общежития. Девушка-чукчанка снимала себе отдельную комнату в одном из этих корпусов, где живут в основном русские, и вынуждена была переехать в другой корпус к «своим», так как ее «выжили» из этого корпуса «скины». В день рождения Гитлера (2001 г.), по рассказам информантов, скинхеды в огромном количестве собрались около общежития Института народов Севера. Они разбили несколько стекол на нижних этажах. Северяне в этот день стараются никуда не выходить из общежития.

Инф.: *...вот когда было день рождения Гитлера, в основном все сидят дома, никуда не выходят*.

3. Социальные связи и взаимодействия: структуры повседневности

На общие различия между студентами, на характер социальных связей и взаимодействий влияют такие основные факторы, как регион, из которого приехал студент, национальность, знание традиционной культуры и национального языка, время пребывания в Санкт-Петербурге, материальное положение, психологические качества индивида. Большинство студентов из числа малочисленных народов приезжает из небольших деревень. Сложности, связанные с адаптацией к городу, неизбежно затрагивают каждого прибывающего мигранта. Особенно ощутимы отличия социально-культурных навыков сельских мигрантов от норм городской среды. В большом полиэтническом городе интенсивнее все информационные связи, шире диапазон в выборе досуга. Эти и другие условия жизни в крупном культурном центре способствуют нивелированию этнических особенностей повседневного поведения[6].

Особенно интенсивно общаются в «национальной микросреде» города недавние мигранты, что способствует их адаптации к новым условиям на началь-

[6] [5] *Старовойтова Г. В.* Этнодисперсная группа в современном советском городе (на материалах исследования татар в Ленинграде) // Этносоциальные проблемы города / Под ред. Шкаратана О. И. М., 1986. С. 247.

ных ее этапах. Таким образом, для мигранта пространство города оказывается пронизанным «транслокальными родственными связями». Важнейшую роль в социально-психологическом самочувствии мигранта играют также интенсивные соседские связи, особенно общение с земляками. Соседское общение, как и другие локально-территориальные формы жизнедеятельности, являются типичными элементами сельской, неурбанизированной среды[7].

С.М. сравнила жизнь в Петербурге и жизнь дома: дома «*все правильно, все есть*», а в Петербурге «*самостоятельность,... больше на ошибках учатся, на трудностях, самовоспитание*». Информанты говорят, что в городе «*каждый человек живет для себя*». А на родине даже чужие люди «*как-то все ближе, как-то роднее*». Студенты говорят о том, что в Петербурге им «*многого не хватает в окружении*». В селе «*все друг друга ценят*», «*все общаются*». В городе «*каждый живет сам по себе*», «*нет такой дружбы, как дома*», «*народ не обращает внимания на чужие проблемы*». К С. сказала, что в Петербурге никто друг друга не знает. Человек, у которого в Петербурге нет знакомых, с трудом сможет адаптироваться.

Важную роль в адаптации студентов к жизни в городе играют земляки, они помогают студентам-первокурсникам адаптироваться в новой среде. Землячество представляет собой сетевое сообщество. Земляки из РГПУ им А.И. Герцена, Полярной академии, Университета технологии и дизайна общаются между собой, приезжают друг к другу в гости, гуляют вместе, ходят на дискотеки. Первые дружеские связи студенты стремятся завязать с земляками. Они объясняют это тем, что «*эти люди ближе, чем другие*», «*свои все равно больше понимают*». Земляки стараются поселиться в общежитиях ближе друг к другу в пространственном отношении. Довольно часто студенты из одного поселка, одного региона живут в общежитии в одной комнате.

Когда студенты старших курсов приезжают домой на каникулах, то родители первокурсников просят присматривать за ними в Петербурге, помогать им. Старший земляк помогает младшему, водит его по городу, предупреждает о возможных опасностях (Инф.: *... тут еще учится парень на первом курсе ... тоже удэгеец. Его мама просила меня, чтобы я за ним присматривала*). Студенты-селькупы, которым был задан вопрос о том, будут ли они помогать землякам, которые поступят в следующем году, ответили: «*Конечно. Если с нашего поселка приедут, мы так и скажем: «Если что, приходите к нам. Всегда поможем*».

Студенческие группы в РГПУ им. А. И. Герцена, в Полярной академии и в Университете технологии и дизайна многонациональные по составу. Студенты

[7] [6] Там же. С. 245.

говорят, что чувствуют себя в многонациональных группах хорошо: «*Все равно же, как бы все свои... северные*». Студенты сами называют себя «северные», «северяне», «националы». Студенческие группы достаточно сплоченные. Если кого-то обижают, то все заступаются. О. К. сказала, что такая сплоченность всех удивляет: «*все держатся друг за друга*». Как сказала одна информантка, сначала на первом курсе все общались между собой, но «*все равно потом все устаканилось к 3 курсу*» и все стали дружить в основном со своими земляками. Д. сказал, что северяне общаются между собой, потому что они антропологически похожи, живут на одной территории (Сибирь, Дальний Восток) и у них есть схожий опыт. Например, собравшись вечером, можно рассказывать друг другу случаи, которые происходили на охоте, рыбалке. Д. сказал, что если бы в такой компании находился русский, то ему было бы трудно общаться.

Формирование идентичности «северяне» происходит постепенно, под влиянием иной среды. В Петербурге северяне начинают переосмысливать свою культуру, в отрыве от дома они начинают о ней задумываться, ценить ее. Огромную роль здесь играет университет, образование.

Инф.: *...просто здесь нас как бы приучили к тому, что нужно все это уважать, свою традицию*.

Студенты начинают ценить себя как представителей исчезающих культур. Когда они едут на Родину на каникулах, они стараются посетить краеведческие музеи.

Инф.: *Да, кстати, обучаясь в Петербурге, я приехала домой и только дома уже стала посещать музей, дома у нас есть музей, я съездила и в соседний поселок и там посетила музей. Просто раньше меня это как-то не интересовало*).

Новый взгляд на свою культуру вырабатывается также посредством взаимодействия с немалочисленными народами – якутами, бурятами, тувинцами.

Инф.: *Нет, кстати, если взять мою группу, ребят из Якутии, они не малочисленные, но они все знают, свою культуру знают, потому что республика у них большая*.

Можно выделить приватное и публичное пространство в интерьере. Студентов обычно поселяют в комнату, в которой кровати стоят вдоль стен. Когда кто-либо входит в такую комнату, она вся хорошо обозревается. Такой вариант интерьера стремятся навязать коменданты общежития. Но потом студенты, несмотря на запреты со стороны комендантов передвигать мебель, обычно ставят одну кровать с полками таким образом, чтобы разделить комнату на два помещения. В первом («жилом») расположены кровати, над которыми обычно висят книжные полки, во втором рабочий стол, который служит также обеденным, тумбочки

для посуды, кухонные принадлежности, шкаф для одежды. Эта же часть комнаты используется для выполнения домашнего задания, для подготовки к семинарам. В качестве холодильника студенты используют окно, с внешней стороны которого подвешивается мешок с продуктами.

Существует разделение пространства на мужское и женское. Оно по-разному организовано. В общежитии студенты наклеивают на стены фотографии из журналов. В комнатах у молодых людей это эротика, у девушек – фотографии звезд эстрады: Алсу, Тату, Бритни Спирс, Спайс Гелз, Эминем. У девушек в комнатах на книжных полках могут стоять мягкие игрушки. Знакомым, друзьям показывают фотоальбомы, оформленные вырезками из газет и журналов. Студенты-северяне разводят в общежитии домашних животных: кошек, птиц, рыб. Студентам младших курсов в «наследство» от выпускников достаются рыбки, попугайчики. Кошек обычно увозят с собой.

Нехватка чашек и стульев – постоянная проблема при жизни в общежитии. Когда приходят гости, стулья и чашки могут приноситься из других комнат. Угощением для гостей служит чай с печеньем. Наиболее часто студенты готовят жареные пельмени, блины, макароны. Студенты-северяне из напитков предпочитают чай. Часто бывает так, что студенты питаются вместе, например, соседи по комнате (иногда друзья из разных комнат). Каждый вносит определенную сумму в «общак», студенты вместе ходят за продуктами и вместе готовят.

Инф.: *...допустим, нам выплачивают 3 тысячи в месяц на питание. Вот мы получаем эти деньги, мы должны на них кушать, и мы кушали вместе, складываемся, там 500 рублей в месяц, пошли на рынок, там. Все, у нас есть продукты*.

Студент, который питается только сам, может прослыть жадным. На бытовой почве возникает много конфликтов, например, когда деньги из «общака» тратятся кем-то из студентов не по назначению, и другие отказываются его «кормить». Мытье полов, уборка помещений осуществляется по-договоренности. Если кто-то отказывается мыть пол, то это может привести к ссоре. Конфликты с соседями по комнате – частое явление в общежитии, иногда доходит до драк.

В 4 корпусе общежития есть бар, который по номеру корпуса называют «четверка». Там обычно отдыхают студенты (Соб.: *А как вы проводите свое свободное время?* Инф.: *В баре, в четверке, в четвертом корпусе*). Девушки иногда приходят туда потанцевать. В «четверку» приезжают студенты-северяне других вузов. Здесь же отмечают дни рождения. В выходные многие студенты спят до 3 часов дня. В свободное время студенты-северяне посещают музеи, театры, кино. По выходным они встречаются со своими земляками из других вузов, ходят к ним в гости, ездят на переговорный пункт, который находится недалеко от станции

метро «Площадь Александра Невского», звонят родителям, гуляют по центру Петербурга. Излюбленным местом прогулок северян является Невский проспект.

4. Планы на будущее: «соблазн большого города»

Учиться в Санкт-Петербурге считается престижным на малой родине. За время обучения растет статус студента. Большинство студентов-северян учатся по целевому направлению, по условиям которого они должны отработать несколько лет учителями в школах в регионах проживания малочисленных народов. Того, кто хочет вернуться на родину, это полностью устраивает. Но для тех, кто хочет остаться в Петербурге, это представляет некоторую сложность. Практически все студенты первого курса при проведении анкетирования отметили, что планируют после обучения в вузе вернуться на Родину и работать по специальности. К пятому курсу ситуация меняется. Не обязательно, что студенты планируют найти работу по специальности. С высшим образованием, по словам информантки В. С., на Севере можно легко найти работу. Она сказала, что люди с высшим образованием там очень ценятся, в отличие от Петербурга.

Инф.: *Ну, с высшим образованием, это здесь оно как-то не ценится, а у нас там, где подальше, с высшим образованием ты можешь работать, где хочешь, хоть в администрации сидеть, там селом управлять, бухгалтером там можно*.

Многие не хотят оставаться в Петербурге, так как на родине они будут более востребованы по своим специальностям. А. А. сказал, что на родине у него уже точно будет работа, в таком большом городе, как Петербург, «*слишком быстро затеряешься*». Важным моментом в выборе стратегий будущего является социальный капитал – связи[87]. Информанты говорят, что на родине им будет легче найти работу, потому что там «*всех знаешь*». С. М. сказала, что на родине «*выгоднее, быстрее сделаешь карьеру*». После возвращения на родину родственники помогают устроиться на работу.

Цели образования направлены на то, чтобы обученный специалист вернулся на родину. Но, как сказала С. В., для этого ничего не делается, отсутствует финансирование:

«*Все они рассчитывают, что мы вернемся, будем растить новое поколение, специалисты, образованные. А как бы для того, чтобы это было так, оно ничего и не делается*».

Проблема занятости остается актуальной, как и раньше. В советское время значительная часть молодежи, выезжающей в город чаще всего на профессио-

[8] [7] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001.

нальную учебу, возвращалась в родное село, заведомо зная, что не получит работу по полученной специальности. Среди главных причин этого феномена можно назвать национальные привычки, родственные связи, трудности усвоения ценностей города, инонациональную среду и т. д.[98] Информанты рассказывали о том, что вернувшиеся на Родину выпускники РГПУ им. А.И. Герцена испытывают ностальгические чувства по Петербургу, говорят, что им чего-то не хватает.

За время обучения студент адаптируется в Петербурге, меняется его отношение к городу. Когда студенты приезжают домой на каникулах, они начинают замечать, что «*дома делать нечего*». Студенты указывают на то, что в родном поселке, городке молодежи заниматься практически нечем. Довольно острой остается проблема досуга молодежи, закрылось большое количество клубов. Информанты-селькупы сказали, что две недели побыть дома вполне достаточно:

«*Мы дома, когда приезжаем, две недели побудем, через две недели опять назад хочется. Две недели дома для нас достаточно. Увидели родных, пообщались, все*».

Студенты-северяне, приезжающие домой на каникулы, оказывают влияние на вкусы сельского населения. Это влияние зафиксировано советскими этнографами в 60-е годы. Например, А.В. Смоляк писала в своей работе: «Огромное влияние на детей, особенно на подростков, оказывают студенты ульчи, приезжающие ежегодно летом на каникулы. Они приносят в сельскую жизнь новые взгляды, новые вкусы, новые требования»[109].

Студенты сравнивают жизнь дома и жизнь в большом городе, отмечают преимущества городской жизни. Многие студенты хотели бы остаться в Петербурге, если бы была возможность. Информантка-северянка сказала в интервью следующее:

«*Ну, так уж если посудить, учиться в Санкт-Петербурге уже в течение пяти лет там, ну и возвратиться... – ну не очень хочется*».

Огромным плюсом большого города является то, что существует множество развлекательных комплексов для молодежи: кружки, секции, клубы, дискотеки. Информант В. сказал следующее:

«*Мне кажется, здесь лучше намного, чем дома, другая среда. Город большой. Здесь развлекательных комплексов больше для молодежи, чтобы молодежь не ходила по подвалам, не нюхала клей, как на Севере большинство, нечего просто делать, пьют, курят*».

9 [8] БАМ и народы Севера / Отв. ред. В. И. Бойко. Новосибирск, 1979. С. 89.

10 [9] *Смоляк А. В.* Ульчи: хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966. С. 244.

Город предоставляет молодежи больше возможностей разнообразнее проводить время, в Петербурге легко можно найти круг общения по интересам. Информант Д. назвал это «***соблазном большого города***».

Тем не менее можно сказать, что некоторые студенты-северяне не пребывают полностью в городе, не пытаются осваивать его пространство. Они целиком находятся в своем микромире, общаются с ограниченным кругом сверстников, преимущественно с земляками. Все освоенное ими пространство – это институт, библиотека, общежитие и несколько центральных улиц и проспектов. Они отбывают здесь время своего обучения и стремятся уехать домой. Такие студенты практически не знают города, они даже на старших курсах боятся потеряться в нем (Инф.: *Никуда не ходим. Вот здесь только сидим*). Они живут полностью обособленно, среди местных жителей у них друзей практически нет. Основной принцип: «*они нам не мешают – мы им не мешаем*». Информантка Т. сказала, что за время обучения никаких изменений в себе она не чувствует, потому что нет возможности измениться, стать другим:

«*Нет возможности, потому что здесь вот, например как я, я живу в комнате как бы со своими землячками*».

Напротив, те студенты, которые хотят остаться жить в Петербурге, прекрасно ориентируются, они чувствуют себя в большом городе уверенно. Они находятся в курсе всех событий, происходящих в городе, читают современную художественную литературу, посещают театры и кино.

Полина Аронсон[1]

Третья премия

Интернет-коммуникация как способ воспроизводства паттернов социального неравенства

Современный дискурс об Интернете представляет собой блестящий пример мифологизации техники и ее пользователей. Универсальное и анонимное пространство онлайн-коммуникации часто позиционируется как совершенно новое, отличное от всех прежних форм социального взаимодействия – поскольку протекает оно в условиях, с которыми социологи раньше просто не могли столкнуться. Очевидно, что Интернет как канал коммуникации в наибольшей степени освоен молодежью (или теми, кто считает ее своей референтной группой). Этот факт объясняется рядом причин, главная из которых заключается в том, что сами технические средства, обеспечивающие такую коммуникацию, появились относительно недавно, и «родительское» поколение просто не имело возможности их освоить до «детей». Поэтому Интернет во многом является частью повседневности молодежи: она и формирует его, и формируется им.

Но действительно ли Интернет-коммуникация представляет собой принципиально новый вид социального взаимодействия? На самом ли деле этот вид коммуникации функционирует по каким-то новым законам? Способна ли новая техника полностью изменить усвоенные в культуре паттерны коммуникации? Чтобы ответить на эти вопросы, следует рассмотреть Интернет с точки зрения культурного феномена, который встраивается в повседневность, изучать его не как техническое изобретение, а как часть биографической ситуации.

В своем классическом труде «Социальное конструирование реальности» П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают неделимость жизненного мира индивида, единство окружающей его реальности. Поэтому с точки зрения социологии знания никакой виртуальной реальности существовать не может: Интернет-коммуникация определенным образом включается и в повседневные практики, и в обыденное сознание и не может не нести на себе отпечаток доминирующей культуры. В своем исследовании я ставила целью изучение трансляции паттернов социального неравенства в якобы свободное от всякой дискриминации пространство онлайна. Рассмотрим механизмы такой трансляции на примерах конструирования гендера и социального возраста в Интернет-коммуникации.

Будучи системной характеристикой социального порядка, гендер постоянно воспроизводится в мышлении и в действиях. Процесс «делания гендера» [2] в Интернет-коммуникации имеет одну главную особенность – в условиях тотальной анонимности и жестко заданного, очевидного «здесь-и-сейчас», гендер и в обыденном сознании перестает быть равнозначным *полу,* а становится именно тем, чем он является для социолога – одной из переменных, конструирование которой зависит исключительно от социальных условий.

Усвоенные в культуре представления о гендерном поведении, их использование устанавливают привычные границы и снижают риск коммуникаторов быть непонятыми. Все элементы гендерной идентичности неизбежно заимствуются из «реальной жизни» (всего, что лежит за пределами Сети), поэтому с уверенностью можно говорить о реалоцентризме Сети в сфере сексуального. Не обладая ни одним из качеств презентируемого пола – который вообще теряет свое значение, поскольку не наблюдаем в общении лицом к лицу, – человек конструирует гендер из тех атрибутов пола, которые были усвоены в процессе социализации и которые наиболее эффективно позволяют типизировать «других».

Практика виртуальной смены пола в Интернете является самой, может быть, волнующей, уникальной и повсеместной. Это как раз тот очевидный случай, когда технология в чистом виде позволяет человеку полностью осознать возможность отделения от своего реального биологического пола (а также от культурных и социальных признаков).

«*Это делал не один человек,* – рассказывает информант, – *и это было безумно интересно: разводить других людей на базар. Если ты представляешься девушкой, заходишь в чат, сразу к тебе там другое отношение, сразу тебя начинают спрашивать о твоей красоте, ты сидишь там и ржешь над ними:* "*Вот дураки!*"*...*».

Смена пола, несомненно, является статусной практикой, поскольку имеет дело с воспроизводством гендерных стереотипов, подразумевающих структурное неравенство.

Во-первых, она часто связана с дискредитацией чужой презентации.

«*Ну когда, допустим, одна девушка говорит там, что я люблю, мол, тебя, а потом другому говорит, что люблю, мол, тебя, а на самом деле это не девушка, а 60-летний старичок-педофил [смех] или кто-нибудь в этом роде... Я столько веселья испытал, когда всем этим занимался, это было ужасно просто смешно. Потом про-*

[1] * Полина Аронсон – аспирантка факультета социологии СПбГУ.

[2] [1] *Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной, СПб., 2000.

сто всем говорил: «Что вы с ней в кавычках общаетесь, когда это на самом деле не «она», а живет он там-то, и телефон у него такой-то. Можете ему позвонить, а вообще он старый-старый, сорок третьего года рождения»... и так далее» – говорит один из информантов.

Делегитимация «другого» позволяет утвердиться в роли опытного коммуникатора, то есть человека, в наибольшей степени овладевшего культурным кодом сообщества. Это своего рода демонстрация культурного капитала, причем капитала, накопленного вне Сети и позволяющего легко определить истинность каждой презентации.

Во-вторых, ситуативный выбор гендерной презентации позволяет в онлайновой коммуникации добиваться разных целей. Как становится ясно из интервью, традиционный образ девушки, сконструированный никнеймом (псевдонимом) и парой-тройкой высказываний, провоцирует участников на большую откровенность и, соответственно, более выгоден там, где нужно получить какую-то личную информацию. В этом случае гендер играет роль фрейма, который и задает границы и содержание всей коммуникации, пусть даже все участники общения знают, что этот фрейм вдвойне условен.

«*Люди – они как дети... У них вот глазки горят и ручки как бы лежат на клавиатуре, потому она... потому что она, допустим – Лолита... Или там, она там – Сладкая Девочка... Первый раз я в течение полутора часов разговаривал с какой-то девушкой, вот, и мы там разговаривали с ней обо всем, но почему-то то ли она мне рассказывала, что у нее там какие-то проблемы с молодым человеком, и я как бы действительно ей хотел помочь... Ну, когда человек попадает в какую-то новую среду, знаешь, общается с новыми людьми, он как-то искренне абсолютно к этому относится, знаешь, от всей души. Вот, а потом мне почему-то показалось, что она то ли как бы шутит со мной, то ли ей просто весело вот и как-то быстренько и, когда она там решила, что уже... сказала, что поздно, не будем, может быть завтра, я сказал: ну хорошо, но я действительно надеялся, что завтра она придет. Вот, но не завтра, ни послезавтра, никогда я там больше ее не встречал и не видел*».

В-третьих, онлайн дает уникальную возможность «оттачивания» знаний о гендере. Конструируя квазимаскулинность или квазифеминность, участники Интернет-общения легитимируют культурные представления о двух полах, усвоенные ими в социализации. При этом расплата за промашку – самая невинная: чисто символическая, в худшем случае, смена никнейма.

Из доминирующей культуры заимствуются не только корреляции пола и статуса, но и способы построения гендерного дискурса и его интерпретации. В одном из интервью информант, имеющий огромный опыт общения с сетевыми знакомыми в реальной жизни, составил для себя некую систему, по которой определял не только характер, но и внешность заинтересовавшей его барышни:

«...Я как-то, помнится, пытался выделить некую закономерность. Девушки, которые, скажем так, ведут себя тихо и спокойно в чате, да, много не говорят и вообще, ну не то что там боятся чего-то там или пугаются, а вообще такие непритязательные, такие спокойные, они, в основном, очень, очень красивые. Те девушки, которые постоянно выпендриваются, лезут в разговоры, там, сами пытаются что-то завести, они, как правило, менее симпатичные – не в смысле, что там страшные, ужасные, некрасивые, толстые или совсем худые, но они гораздо умнее».

« И можно выделить, скажем так, огромное количество нюансов, да, там, как они пишут слова, через букву «е» или «е», я, помнится, даже от нечего делать этим занимался. Да, значит, был еще такой нюанс по поводу грамматики. Девушки, которые пишут слова все исключительно правильно, да, исключительно правильно, врожденная грамотность – они менее симпатичные, это я точно могу сказать со своей мужской точки зрения».

Эти две цитаты демонстрирует нам то, что в Сети, как и в реальной жизни, существуют свои коммуникационные правила, которые функционируют исключительно на семиотическом уровне. Так, первая цитата говорит косвенно о том, что для информанта умная девушка – не красивая. Зато умеренность и некая пассивность коррелируют с общепринятым образом феминности. Вторая цитата – это, можно сказать, кодекс сетевой коммуникационной компетентности. Как и в реальной жизни, степень «симпатичности» определяется степенью владения общими коммуникационными практиками. Однако в Сети практический смысл подобного кодекса противоположен тому, что существует в реальной жизни. Если в реальном общении приветствуется грамотность, то в Интернете грамотность и педантичность в общении присуща только новичкам – для того чтобы сохранить время (соответственно, и деньги) свое и своего собеседника, никто не будет внимательно относиться к орфографии и пунктуации, так уж повелось в Сети. К тому же образ девушки с врожденной грамотностью у всех людей, бывших когда-то советскими школьниками, неизменно ассоциируется с таким же стереотипным образом школьной отличницы, «заученной серой мышки».

«...Те девушки, у которых ник написан красным цветом, они почему-то всегда используют темно-красную помаду. У меня, конечно, не большой опыт общения, ну, я не проводил исследование среди тысяч там, да девушек, я знаю человек, наверное, двадцать пять – тридцать, практически все использовали красную помаду. У тех, у кого ник был красным цветом. Не знаю, наверное, как-то подсознательно у них ассоциируется».

Эта цитата сразу же выделяет и коннотат, и денотат. Красное – цвет агрессивной сексуальности, темно-красная помада – образ женщины-вамп. То есть сам информант понимает, что эта связь каким-то образом очевидна, он сам выявляет устойчивый стереотип. Что интересно с точки зрения нашей гипотезы, это то, что молодой человек приписывает эту связь не своему сознанию, а именно девушке.

В результате информант продемонстрировал, каким образом гендерное неравенство конструируется в онлайновом дискурсе – то же, что и в «реальной жизни», но средствами Интернета. От женщин требуется создавать меньше текста – потому что Интернет-общение суть текст – так же, как в реальной жизни ограничивается речь женщин. Женская коммуникация в Сети больше нагружена квазиречевыми способами передачи интонаций, эмоций, реакций: посредством «смайликов», пунктуации, графических изображений, – так же как в «реальной жизни» женской коммуникации приписывается больше аффективности, чем смысла. Интернет-пространство столь же маскулинное по способу создания дискурса, что и реальная жизнь: как бы то ни было, контексты общения задаются мужчинами – или теми, кто в них играет. Женщинам остается демонстрация квазисексуальности (хотя бы через цвет никнейма) и роль «шпионок» в технологичном мужском мире онлайнового общения.

Помимо воспроизводства системного неравенства, Интернет-коммуникация создает и свой дискриминирующий гендерный дискурс. В особенности это связано с сетевой порнографией. Любопытно, что тему порнографии в Сети информанты затрагивали сами, не только без подсказок интервьюера, но и предваряя ее вопросами: «Ну что, небось хочешь узнать, как я порнушку в Инете изучал?» Конечно, хочу – ведь просмотр порно для многих интернетчиков давно стал системообразующей практикой. Для многих мужчин порнография является отправной точкой нарратива об Интернете, в реконструкции Сетевого опыта она является первостепенной.

Например, информант рассказывает о том, как к нему домой приходили одноклассники, чтобы приобщиться к новой технологии:

«– Да, я был, наверное, первым человеком в классе, у которого дома появился Интернет, и было очень здорово, у меня сидела куча народа, все себе искала...

– И что люди в основном смотрели, когда к тебе приходили?

– Порнуху! А больше там смотреть... По ходу там больше никто ничего не знал».

Как становится очевидно, Интернет a priori связан с порнографией; на первом этапе ознакомления с Сетью понятия «онлайн» и «порно» становятся едва ли не взаимозаменяемыми. Порнография в «реальной жизни» не легитимна, хотя и

доступна. Ее «запретность» становится ключом к новому, неизведанному миру Интернета, про который еще до опыта известно – за счет анонимности в нем дозволено все. При этом Интернет-порно вовсе не выходит за рамки того, что легитимно в самой порнографии:

«Все одинаковое! Ничего нового там я не увидел. Ничего такого, что могло бы там повергнуть в безумный шок. Хотя я не видел еще многого. Я не видел на самом деле таких... Я не видел никогда детской порнографии. Настоящей! Действительно не видел. Во-первых, потому что никогда не искал ее, вот, а во-вторых, ну как-то если и искал – не так хотел найти. Вот, никогда не видел зоофилии в Сети. Хотя, говорят... я как бы видел, что типа зоофилия там... заходите. Не нашел, не нашел. Никогда не видел настоящих сцен насилия, там были какие-то, знаешь, но такие сцены насилия на самом деле дома с красной краской и с там, я не знаю... с нарезанным луком... И поэтому все эти разговоры о педофилии, о злостных извращенцах и еще о чем-то... на себе я этого не испытал, честно скажу».

Таким образом, владельцы порносайтов продолжают честно эксплуатировать женское тело – точнее, его образ, поскольку никакой телесности в Сети не может быть в принципе. Набор знаков, циркулирующих в порнографии, вообще чрезвычайно ограничен культурой – об этом пишет Бодрийяр в своей книге «Солзан», – поэтому нет ничего удивительного в том, что информант остался слегка разочарованным спектром сетевого порно. Тотальная анонимность порождает бо́льшие ожидания, однако именно их неудовлетворенность свидетельствует о том, что в Интернет-коммуникации все совсем как в реальной жизни – для новичков это «зеленый свет», вздох облегчения: ура, я, кажется, знаю, как себя вести. Это похоже на процедуру инициации – не случайно информанты подчеркивают то, что при первом попадании в Сеть заходили на порносайты группами. При этом женское тело, низведенное до порно, символизирует не сексуальность, а тип сетевой легимности: it is men's men's world, можно дышать спокойно. Самим женщинам остается только примириться с этим типом легитимности, олицетворенным в доступности сетевого порно.

Однако практики, появляющиеся вокруг сетевого порно, дискриминируют не только женщин, но и мужчин. Сетевой фольклор полон сюжетов об «извращенцах», мастурбирующих ночи напролет перед голубым экраном. Герои интернетовских страшных сказок на ночь – «старичок-педофил» и «онанист» – принимают сетевое порно «всерьез», они не понимают его социальный, а не сексуальный характер, они не компетентны, оставшись на самой первой ступени знакомства с Интернетом. Они нелегитимны хотя бы потому, что потребление порнографии и в Интернете регламентировано: оно дозволено лишь в состоянии

communitas, только для гетеросексуальных сайтов и только при определенных обстоятельствах. При этом мужское сообщество внимательно следит за тем, чтобы эти правила соблюдались: кто не знает историй о сотрудниках одного и того же офиса, изучающих тайком друг у друга список посещенных сайтов, стремясь уличить другого в извращении?

Таким образом, в Интернете реализуются принципы построения дискурса, заимствованные из «реальной жизни». При этом максимально эффективной становится та коммуникация, которая наиболее точно воспроизводит гендерный порядок, существующий в офлайновой культуре агентов. Таким образом, минимальные вложения – уже усвоенные из культуры значения – дают максимальный эффект: успешную коммуникацию и место в сообществе. Этот опыт, фиксируемый и анализируемый, приводит к пониманию того, что социальный порядок и в Интернете держится на различии представлений о мужском и женском, то есть гендерно сконструирован.

Как и в случае с гендером, возраст в онлайн-коммуникации имеет лишь одно измерение – социальное. Социальный возраст агента конструируется из косвенных признаков: электронного адреса, названия домена, длины номера ICQ, и так далее. При этом из доминирующей культуры заимствуются представления о корреляции старшинства и статуса, поэтому социальный возраст играет важнейшую роль в социальной стратификации участников Интернет-коммуникации.

Рассмотрим конструирование возраста и его корреляцию со статусом на примере ICQ. Здесь требуется небольшой экскурс в программные тонкости. ICQ – это программа, по сути своей работающая как пейджер, вместе с электронной почтой. Благодаря ей пользователь может в режиме реального времени общаться сразу с несколькими абонентами, причем с каждым – индивидуально, обмениваясь персональными сообщениями. Программа устанавливается бесплатно, то есть доступна для всех. При этом, что важно для нас, при установке каждому пользователю присваивается индивидуальный номер – точно так же, как с пейджером. Непосредственно общение происходит под псевдонимом – «ником» – однако рядом с ним всегда высвечивается номер. Соответственно, чем длиннее номер, тем «свежее» пользователь, и наоборот. Таким образом, короткий номер «аськи» говорит о том, что человек работает в Интернете уже очень давно, и приписывает его обладателю социальное старшинство. Кроме того, в семантическом плане это сообщает другим абонентам о коммуникативной компетентности обладателя короткого номера – ведь он не только давний пользователь Интернета, но и опытный коммуникатор, если давно пользуется программой, созданной именно для общения. Для профессионала иметь как можно более короткий

номер «аськи» означает демонстрировать другим коллегам и чисто профессиональную компетентность – овладеть Интернетом настолько, чтобы пользоваться «аськой» в ту пору, когда ее номера были четырехзначными, могли далеко не все. При этом пользоваться «аськой» в целях беспорядочного общения профессионалы с опытом считают почти неприличным:

«Появилось несколько каких-то там знакомых. Вот, потом появилось ICQ, она только вышла. У меня до сих пор, по-моему, сохранился от нее шестизначный номер, и если он где-то там появится, то можно чувствовать себя типа очень крутым сетевиком. Ну, не знаю, я ICQ практически не запускаю, с этим барахлом уже не работаю. Неинтересно уже мне стало», – рассказывает информант.

При этом в биографии этого информанта была ситуация, когда он приобрел у знакомого его номер ICQ – более короткий, заплатив ему крупную сумму денег. Таким образом, мы видим, что в данном случае программа не используется по своему назначению, а выполняет исключительно роль маркера статуса и социального старшинства.

Статусная лестница относительно этого маркера выстраивается по принципу древнегреческих фратрий – по родовому признаку. Высшие ступени занимают те, кто раньше всех овладел пространством. Таким образом, на основании социального возраста формируются две страты – «плебеи» и «аристократы», и одна доминирует над другой. При этом доминируемые не пытаются разрушить институт – например, подключиться к другой программе – а стремятся пробиться наверх и даже покупают короткие номера.

На этом примере мы вновь убеждаемся в том, что выстраивание привычных статусных отношений на основании социального возраста является для агентов поля более эффективным, чем создание новых систем стратификации. Внедрение усвоенных культурных значений возраста создает необходимый для общения статусный контекст и позволяет осуществлять вертикальную мобильность по освоенной траектории.

Вероника Симонова[1]

Третья премия

Интерпретация социальной среды Петербурга студентами-северянами

Предлагаемая статья является результатом социально-антропологического исследования, посвященного проблемам восприятия и интерпретации социокультурного пространства Петербурга студентами–представителями малочисленных народов Севера (МНС). Статья базируется на материале, собранном в студенческом общежитии РГПУ им. А.И. Герцена в 2002–2004 гг.

Восприятие среды Петербурга является неоднозначным феноменом и требует особого методологического подхода. По мнению С.Э. Габидулиной, мигрантам присуще «созерцательное» отношение к городу. Они оценивают его со стороны, отмечают как положительные, так и отрицательные стороны[2]. Понятие «среда» в данном случае для студентов-северян состоит из *макро-* и *микро*сред. *Макросреда* – это физическое (архитектура, экология, транспорт и т. п.) и социальное пространство Петербурга. *Микросреда* – это место компактного проживания северян, их студенческое общежитие, институт, в котором учатся студенты. Микросреда студентов-северян имеет специфические физическое и социальное пространства, которые интегрированы, встроены в макросреду города. Интерпретация среды тесно связана с саморефлексией, осознанием пространства города и пространства человека, мигранта в городе. Студенты из числа МНС особенно воспринимают среду города, сталкиваются с рядом сложностей в процессе интеграции в среду Петербурга. Интеграция в среду города начинается с *предадаптации*, психологической подготовки индивида (группы) к перемене среды. На данном этапе у студентов-северян формируется «стереотип» Петербурга. Стереотип, по мнению А.К. Байбурина, это *программа поведения*, реализующаяся в поведенческом тексте[3].

Социальная адаптация неодинакова по содержанию и по времени. Формированием социальной адаптации является социальная аккомодация (начальная стадия) и ассимиляция (законченная стадия)[4].

[1] * Вероника Симонова – аспирантка факультета социологии СПбГУ.

[2] *Габидулина С.Э.* Психосемантика городской среды. М., 1991.

[3] Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина, Л., 1985.

[4] *Иванова М.А.* Психологические аспекты адаптации иностранных студентов к высшей школе. СПб., 2000.

В процессе интерпретации, «чтения» петербургского пространства, поиска своего места, своей «социальной роли» студенты-северяне проходят сквозь многочисленные информационные потоки, которые во многом формируют их паттерны поведения, жизненные стратегии и алгоритм межкультурного взаимодействия. Целью данной статьи является представление некоторых ориентиров и интенций студентов-северян в инокультурном пространстве города, создание модели интерпретации социокультурной среды Петербурга студентами-северянами.

Социальное, культурное и геометрическое пространство города «считывается» по-разному различными социальными группами и индивидами. Студенты-северяне во многом сравнивают социальную среду города с уже знакомой им средой малой родины.

«Здесь как-то все по-другому, люди другие. Враждебные. На первом курсе это было более заметно, чем сейчас, сейчас я просто привыкла. Раньше в метро было трудно ездить, постоянно кучками ездили человек по шесть, по семь. Нас все рассматривают так, ну не очень. Что мы, наверное, нерусские, поэтому такое отношение. Оскорбляли, то, что приехали сюда...».

Многие информанты говорили о враждебности со стороны жителей Петербурга. *«Понаехали...»* частая реплика студентов-северян, когда речь шла об отношении к ним петербуржцев. По словам информантов, между людьми в Петербурге отсутствовала близость, которая была свойственна людям их родных поселков. Подобное отчуждение людей друг от друга создавало определенный барьер для студентов-северян, они сразу начинали чувствовать отличие среды, откуда они приехали, а следовательно, и свою собственную «*инаковость*».

Соб.: «А что тебе бросалось в глаза?». Инф.: «Бросалось не что-то, а кто-то. Люди. Здесь совершенно другие люди, другие понятия, вообще все другое... Отношение между людьми другое. Ну, в принципе, это каждый человек живет для себя и сам для себя. Но там как-то все ближе, как-то роднее. Даже если чужие. Вот там, на шоссе если ты идешь, то у нас там помогут тебе. А у нас как, если тебе помогли, то здесь надо конкретно что-то отдать. А там этого нет. Там просто если тебе помогли, то в следующий раз, когда будет тяжело им, ты им поможешь. Там как-то все проще...».

По мнению информанта, даже чужие люди в ее поселке не «совсем» чужие. Представление о помощи в родном поселке и Петербурге также отличны. Далее информант заметила:

«Я когда сюда ехала, мне сказали: “Вера, да ты через два месяца забудешь, что такое Камчатка и как нас всех зовут. Сам город просто памятник”. Конечно да,

прекрасный, интересный, чудесный, просто в восторге от музеев, от улиц, от домов. Но все равно я хочу домой...».

Многие информанты говорили, что город им очень нравится и прекрасной архитектурой, и комплексом развлечений, возможностью интересно организовать досуг и вообще количеством потенциальных возможностей для молодых людей в большом городе. Однако многие студенты-северяне хотят вернуться домой. Некоторые информанты планируют остаться в Петербурге, но осознают весь спектр сложностей, с которым им придется столкнуться в случае, если они примут решение продолжать строить карьеру в большом городе.

Проблемы взаимодействия с социальной средой Петербурга у студентов-северян начинаются сразу же после их приезда в город. Интересно, когда информантам задавался вопрос об их отношениях с жителями Петербурга, то обычно они описывали ситуацию в общественном транспорте, некоторые говорили о ночных клубах. После посещения этих мест у студентов-северян складывался определенный образ петербуржцев, паттерны поведения с коренными жителями города. Информанты отмечали различное отношение к ним со стороны населения города. Некоторые пытались разделить жителей города на возрастные группы и проанализировать отношение к ним со стороны каждой отдельной возрастной группы. Интересно, что мнение информантов часто не совпадало. Особенно это касалось пожилой возрастной группы. Одни информанты отмечали наиболее недружелюбное отношение к ним пенсионеров, некоторые, наоборот, говорили о большей лояльности и доброжелательности к ним со стороны последних.

Инф.: *«...сразу определяю границы. Более старшее поколение, они воспринимают нас как россиян. Более дружелюбные, можно спросить там, если заблудился, они помогут...»*.

Информант проанализировал отношение к нему, как к носителю иной этнокультурной традиции со стороны трех возрастных групп в порядке «убывания дружелюбия». Если руководствоваться мнением информанта, то получается, что чем моложе житель Петербурга, тем агрессивнее он настроен по отношению к северянам.

Инф.: «*Средние более настороженны, они, конечно, подскажут, что и где, но так посмотрят, да еще вдогонку скажут, во узкоглазый, ладно, Бог с ним. Младшие у них свои там. Совсем маленькие...ну молодые воспринимают как китайца, японца, так лучше у них вообще ничего не спрашивать. (смеется)...»*.

Однако информант делает исключение для учащейся молодежи: *«Тут студенты, тут совсем другое. Ну если этнограф, историк, или, как вы, социолог, то там, он знает, что помимо русских, там еще и другие есть. И узкоглазые, и большеглазые (смеется)»*.

Далее информант отмечал наиболее положительное отношение со стороны русских, которые когда-то, по каким-либо причинам жили в Сибири и на Дальнем Востоке. По мнению информанта, они понимают, что северные народы не враждебны по отношению к русским, они всегда готовы помочь.

Инф.: «...тут тоже если люди, которые люди жили на Дальнем Востоке или в Сибири, они приехали оттуда, то относятся к нам нормально, помогут, более дружелюбны. Они знают, что мы не настроены враждебно к ним, если что, поможем, они, естественно, тоже помогают.»

Многие информанты использовали дихотомию *враждебность/дружелюбие*, чтобы охарактеризовать отношения и взаимодействие с русскими в Петербурге. Взаимодействие с русскими в основном, по словам информантов, происходит в магазинах, общественном транспорте, кафе, ночных клубах. В большинстве случаев информанты отмечали настороженное или негативное отношение к себе со стороны петербуржцев:

Инф.: «Еще когда в метро мы ехали, то еще вымирающая нация называется, еще так смотрят, что если мы вымирающая нация, то мы должны одеваться плохо... или мы должны там в унтах своих ходить, ну вот так...».

В отличие от предыдущего информанта, в данном интервью информант считает, что негативное отношение в большей степени характерно для пожилых людей: «Хорошо, у русских, когда спрашиваешь, сколько время... стараются... но больше, наверное, негативной, чем позитивной реакции, и больше от пожилых... старушки толкаются так, еще так смотрят, как будто я у них чего-то отобрала, мне так кажется...».

Важным элементом в процессе интеграции в социальную среду Петербурга являются дружеские связи с петербуржцами. В этом случае весьма показательными являются дружеские связи студентов-северян с молодыми людьми, студентами из других вузов Петербурга. В основном, по словам информантов, знакомство с петербургской молодежью происходит в ночных клубах, барах, дискотеках. Интенция образовательных программ студентов-северян в некоторой степени объясняет, почему студенты из числа МНС практически не имеют друзей в Петербурге. Молодые люди в основном поступают по направлению из различных регионов России, но в одни и те же вузы: РГПУ им. А.И. Герцена, институт технологии и дизайна и Полярную академию. Общежитие стимулирует формирование «сообщества» студентов-северян. Таким образом, для студентов-северян создается специфическая обстановка в вузе, что, возможно, с одной стороны, помогает им адаптироваться в инокультурной среде, но, с другой стороны, тормозит этот процесс.

В неформальной беседе многие информанты говорили, что, по рассказам, некоторые северяне поступали в другие университеты без льгот, без целевых направлений. Они говорили о трудностях, которые приходилось преодолевать их землякам, как им было трудно в «моноэтничных» группах, среди русских студентов. Однако такие случаи в меньшинстве. Большинство студентов-северян учится по льготным, целевым направлениям. Многие информанты отмечали, что система образования направлена непосредственно на то, чтобы они вернулись домой и использовали полученные знания по специальности в местных школах, детских садах, преподавали родной язык и участвовали в процессе возрождения этнической культуры. По словам информантов, на лекциях часто звучат реплики *«когда вы вернетесь обратно»*, *«впитывайте, как губки, дома вы этого не услышите»* и т. п. Некоторые информанты замечали, даже если они решат остаться в Петербурге, им будет крайне трудно найти себе хорошо оплачиваемую работу по специальности – благодаря специфическому образованию, которое, по большому счету, за редким исключением имеет спрос только в регионах проживания МНС.

Обстановка в вузе практически лишает возможности студентов-северян «неформальной» адаптации, знакомства с петербургской молодежью.

Соб.: «А у тебя есть друзья русские, петербуржцы?» Инф.: «....Ну да (неуверенно)...». Соб.: «А много?» Инф.: «Нет, то есть есть взрослые люди, с которыми я познакомился...». Соб.: «Я имею в виду молодежь...». Инф.: «Молодежь меньше, конечно...». Соб.: «А где ты с ними познакомился?». Инф.: «Ну, вот с некоторыми я познакомился в школе, там...». Соб.: «Я имею в виду здесь...». Инф.: «В общаге?». Соб.: «И в общаге, и в Питере..». Инф.: «Да, но просто, как получается, помогаешь например. Есть люди, которым хочется узнать не только про свой... я вот живу в Петербурге, и чтобы не думали, что мы до сих пор живем в чумах и у нас по поселку медведи бегают. Хотя надо сказать про Россию до сих пор так и думают....ну если бы я сказал, что я на компьютере могу печатать. О! Да ты что, это фантастика! (смеется). Ну, вот так, вот стереотип складывается, у каждой группы складывается свой стереотип, отношение к национальности, к человеку...».

Из данного отрывка интервью можно сделать вывод, что информант разделил для себя понятия *русские и русские петербуржцы*. Контекст вопроса был понят, как «есть ли русские друзья», информант интерпретировал данный вопрос как русские друзья на малой родине, русские друзья в общежитии, и наконец, с уточнением интервьюера, друзья – жители Петербурга. Вместо конкретного ответа на вопрос информант сказал о стереотипе восприятия его национальности, который, если следовать его мнению, представляет информанта в качестве человека, неспособного освоить современные технические устройства (а способность пользоваться персональным компьютером вызывает удивление) и до сих пор живущего в чуме. Жизнь в чуме, по мнению информанта, представляется со стороны других элементом «отсталости» и «неразвитости».

Как было упомянуто выше, студенты-северяне сравнивают среду Петербурга со знакомой им средой поселка, села или города, где они родились, исходя из данного сравнительного анализа, студенты делают определенные выводы. Однако часто информанты в беседе апеллировали к сравнению Петербурга с Москвой, особенно это касалось социальной среды города. Таким образом, интерпретация среды Петербурга студентами-северянами находилась в некоторой степени между местом их прежнего пребывания и Москвой. Данная компаративная интерпретация определяла центральное место петербургской среде, сравнение примерно делалось по схеме «у нас, у вас, в Москве».

Инф.: «В Москве всем наплевать на людей, честно говоря. Все куда-то, ну как. Не знаю, в Москве мне не очень нравится. Ну, здесь спросишь, допустим, да. Допустим: "Как пройти туда, туда, вот найти ту улицу?" Ну, такое. Они объясняют, покажут».

У некоторых информантов мнение относительно Москвы и Петербурга менялось с течением времени:

«Здесь такие люди, ну, не такие как везде. Здесь в то же время вторая столица, большой город, в то же время это неспроста, что это деревня просто. То есть люди простые. Вот у меня была раньше такая мечта. Поехать в Москву. Мне Москва больше нравилась. О Петербурге у меня не было даже никакой мысли. Сейчас у меня совсем по-другому. В Москву я ехать вообще не хочу. Я даже боюсь в этот город ехать. Вообще».

Инф.: «Москва, она более агрессивная. Во-первых, там много приезжих, сами москвичи, они негативно относятся к приезжим. Москвичи, они более избалованные, все-таки у них столица, все вокруг них крутится». Соб.: «А тебе где больше нравится?» Инф.: «В Петербурге. Здесь спокойнее...».

Сравнение социальной среды Москвы и Петербурга основывается на опыте взаимодействия с москвичами и петербуржцами, в основном в общественном транспорте. Схема «если спросишь, как пройти...», в основном является базисной единицей анализа восприятия жителей Москвы и Петербурга студентами-северянами, исходя из которой формируются предпочтения и симпатии той или иной социальной среды. Большинство информантов положительно отзывались о социальной среде Петербурга, нежели Москвы. Упор делался на то, что Петербург – это «культурная столица России» и жители города соответствуют этому статусу.

Однако некоторые информанты говорили совершенно противоположные вещи. Москва значительно выигрывала по сравнению с Петербургом. Информанты чувствовали себя гораздо комфортнее в московской социальной среде.

Инф.: «Я в Москве была, так там люди намного культурнее, намного воспитаннее, чем здесь. Даже в метро, всегда придерживают двери, когда идешь сзади, а здесь вышибают...». Соб.: «А когда спрашиваешь, как пройти, где лучше отвечают?» Инф.: « И там и там хорошо отвечают. Одинаково». Соб.: « А в целом, кажется, что в Москве люди добрее?» Инф.: «Да...».

Для инфорантки классическое сравнение того, как москвичи и петербуржцы объясняют дорогу, представляется одинаковым. Касательно этого вопроса и москвичи, и петербуржцы одинаково вежливы и доброжелательны, однако московская социальная среда для информантки представляется более располагающей.

Причины, почему у студентов-северян практически нет друзей в Петербурге, проблемы взаимодействия студентов-северян и петербургской молодежи намного глубже и требуют более тщательного и отдельного социально-антропологического исследования. Однако исходя из полученных материалов, можно попытаться сделать промежуточный вывод, который, несомненно, будет являться только «вершиной айсберга»: студенты-северяне практически не имеют возможности «окунуться» в среду петербургской молодежи в связи со спецификой вузов, в которых они получают образование, что, с одной стороны, помогает им адаптироваться, так как сразу они попадают в «свою среду», а с другой стороны, оказывает негативное воздействие, тормозит процесс интеграции студентов-северян в социокультурное пространство большого города, не дает возможности реализовать и проявить себя в незнакомой, чужой среде, познакомиться с петербургскими студентами, их стилем жизни непосредственно во время учебного процесса в вузах.

Если говорить о взаимодействии студентов-северян с социальной средой Петербурга, об интерпретации социальной среды студентами-северянами, о восприятии себя в ней, то невозможно не сказать о самых острых проблемах, которые встречаются студентам-северянам в мультикультуральном Петербурге, о проблемах нацизма в большом городе, о движении скинхедов. Разумеется, взаимодействие скинхедов и студентов-северян в Петербурге является также отдельной и, бесспорно, заслуживающей исследовательского внимания темой. Однако в данном исследовательском проекте, невозможно не коснуться этой проблематики, поскольку движение скинхедов является одним из мощных воздействующих факторов на восприятие среды Петербурга студентами-северянами, процесс их интеграции, на формирование их идентичности в инокультурной среде.

Проблема «скинов» стала широко известной благодаря жестоким действиям членов группировки по отношению к представителям другой, «нерусской» национальности. Жертвами агрессоров становятся иностранцы и граждане России, все, кто имеет отличительные от русских антропологические признаки (темный цвет кожи, узкий разрез глаз и т. д.). Группировка борется за «чистоту русской нации», ее цель – выселить всех мигрантов из Петербурга и России. Студенты-северяне также стали жертвой агрессии скинхедов. О деятельности группировки многие студенты-северяне были осведомлены еще до приезда в Петербург.

Инф.: «Ну, это неприятно, когда называют тебя узкоглазым или еще как-то. Но все равно, мы же тоже люди. Мы имеем право на жизнь. Мы тоже россияне. И, ну, порой бывало, но не со мной, конечно. Бывали случаи с нашей деревни, что когда они появляются в городе, их вылавливают и бьют... У нас даже в Нанайском районе это есть. говорили, чтобы мы уходили от них подальше, чтобы они нас не видели... к себе, в свою деревню. Ну, это же Дальний Восток – земля коренных народов.... Ну, просто, я не говорила это, мораль им не читала, а просто так, отвечала тоже так же дерзко...».

Таким образом, некоторые студенты-северяне осведомлены о проблеме нацизма на малой родине, до приезда в большой город, но они уже понимают о неизбежном столкновении с такими группировками в Петербурге.

Информантка рассказала о столкновении с данной группировкой в Петербурге следующее:

«Как-то они тут прибежали, вечерком, да, разбили все стекла на втором, на первом этажах. Ну, стекла как бы побили. Но никому из националов камни в окна не попали, попали к русским аспирантам. Бедные, больше всех пострадали».

Информанты, в неформальной беседе, рассказывали различные истории о встречах со скинхедами. Кому-то «частенько доставалось», а кто-то успешно избегал нежелательных встреч. Особенно студенты беспокоятся о своей безопасности в день рождения Гитлера, когда неофашистские группировки особенно активны. В этот день у студенческого общежития дежурит милиция, а сами студенты предпочитают не выходить из дома и держаться всем вместе на случай если *«скины пойдут по общежитию»*. Перед этим событием в институте вешают объявление, содержанием которого является предупреждение о возможной опасности, иногда проводятся специальные собрания, на которых студентов-северян предупреждают, чтобы они по возможности в этот день не выходили на улицу. Информантка заметила, что не рассказывает своей матери о подобных проблемах, чтобы не расстраивать ее, что ей приходится скрываться, потому что вокруг общежития дежурят «бритоголовые».

Деятельность неофашистских группировок негативно влияет на процесс адаптации студентов-северян в Петербурге. Студенты иногда боятся отходить далеко от общежития из-за страха подвергнуться агрессии членов группировки. Со страхом студенты возвращаются домой, потому что у них есть все основания предполагать, что недалеко от общежития они могут подвергнуться нападению. Таким образом, освоение физического пространства города затрудняется, а социальное пространство в глазах студентов-северян принимает негативный оттенок. Мотивированный страх становится барьером в процессе интеграции в инокультурную среду, препятствием жизненных стратегий студентов-северян, отражается на процессе формирования идентичности студентов-северян в мультикультурной среде большого города.

Интерпретация социокультурного пространства Петербурга студентами-северянами носит противоречивый характер, основывается на транслируемых стереотипах и индивидуальном и групповом опыте. Данная проблема тесно связана с проблемами адаптации и интеграции, что в высшей степени актуально для студентов из числа МНС и требует глубокого внимания со стороны исследователей.

Екатерина Гусакова[1]

Третья премия

Подросток во дворе: особенности преобразования пространства

Вопросы социализации, развития индивида – актуальная тема для исследования. В данной работе рассматривается такая проблема, как роль современного двора в процессе формирования подростка. Каким образом происходит преобразование его пространства в контексте особенностей социальных практик подростка.

Структуру работы условно можно поделить на три части. Первые две, методологические, ставят перед собой цель определения социального феномена подростка и небольшого экскурса в историю архитектурного развития дворов Санкт-Петербурга. Третья часть на основании данных в первых двух частях определениях наглядно продемонстрирует связь между стартовыми подростковыми практиками и преобразованием пространства двора.

Одной из главных методологических проблем, встающей перед социологом, изучающим особенности подростковых социальных практик, является проблема точного определение понятия «подросток». Ведь от этого прежде всего зависит предметное поле исследования. Попытаемся решить эту проблему. Понятие «подросток» всем привычно и всегда рождает в уме массу ассоциаций и представлений. Оно настолько широко используется в повседневной жизни, что любая попытка дать ему определение в первый момент вызывает лишь ироничную улыбку. Зачем объяснять то, что и так всем понятно? Даже в специальной литературе, касающейся социальных проблем подрастающего поколения, зачастую отсутствуют подобные объяснения. Парадокс, но «подросток» в качестве категории, феномена социального развития индивида, воспринимается в большинстве случаев как очевидное, должное, не подлежащее дефиниции. Большинство исследователей, рассматривая проблему определения в рамках демографии, пытается дать объяснение тому, что такое подросток, через возраст. Очень уж заманчиво выглядит перспектива определения, используя данную категорию: подростками являются все от X до Y лет. Однако стоит попробовать, и тут же возникает первая и главная проблема данного подхода: как, каким образом задать

[1] * Екатерина Гусакова – студентка 4 курса факультета социологии СПбГУ, статья отмечена третьей премией конкурса.

исходную точку отсчета, тот рубеж, когда ребенок перестает быть собственно ребенком и становится «подростком»? 10, 12, 13 лет? Время окончания начальной школы? Слишком рано. Средней? Слишком поздно. Попробуем с другой стороны. Д.П. Дербенев, говоря о подростках, указывает, что именно в это время индивид испытывает действие двух процессов: интенсивной социализации личности и активной физической перестройки организма [3, с. 5]. Казалось бы, осталось только обратиться к биологии, выяснить время начала «активной физической перестройки» – и можно узнать тот возраст, с которого начинается подросток. Но все ли так просто? Можно ли привязать зависящее от столь многих факторов, понятие только к одному из них, к возрасту. Наверное, все-таки нет. Этот подход не отражает всей специфики феномена «подростка».

Достовернее представляется подход, нашедший свое отражение в работе А.В. Артюхова, Б.С. Павлова, А.В. Стожарова [2], которые вслед за Л.Э. Пробст говорят о том, что возрастные особенности развития ребенка существуют, как правило, внутри индивидуальных, в единстве с ними. Соответственно, любая периодизация, в том числе и возрастная, носит во многом условный характер и зависит от тех общих закономерностей развития, которые рассматривают ученые, не учитывая индивидуальные особенности. И это при том, что надо не забывать: индивидуальные различия детей чрезвычайно велики [2. с. 16]. Это отчетливо видно в том, каким образом проходит каждый ребенок путь своего развития. Как указывает Л.Э. Пробст, «не только типологические, но и характерологические черты, система сложившихся отношений с разными людьми, превалирующие интересы, даже отдельные случайные встречи могут ускорить или задержать прохождение каким-либо ребенком очередной фазы развития, усилить и обострить присущую этому процессу неравномерность» [12. с. 10].

Здесь особенностью определения социального феномена подростка становится утверждение индивидуалистического принципа объяснения. Констатация того, что центральное внимание при определении данного понятия необходимо уделять вовсе не возрасту, а процессу социализации. Понятие подростка рассматривается здесь как определенный этап социальной биографии человека. Именно исходя из этого определения, выстраивается логика данной работы: рассмотрение пространства двора с точки зрения подростковых практик, понимание этих практик именно в контексте особенностей подростковости как определенного биографического этапа развития человека. Биографического – значит, зависящего не от возраста, а лишь только от уровня социального развития. Учитывая особенности такого развития, необходимо подчеркнуть, что разница перехода от ребенка к подростку и от подростка к молодежи как последующей категории социализации лежит именно в области социальных практик. С момента рождения индивид проходит несколько стадий своего развития. Идет процесс социализации, который включает в себя и освоение опыта старших поколений, и включение ребенка в сложную систему отношений взрослого мира с его радостями и бедами, достижениями и нерешенными проблемами, которые совсем скоро ему предстоит решать [12, с. 10–11]. Осваивая и усваивая этот опыт, пытаясь приспособиться к системе отношений взрослых, ребенок тем или иным способом всегда конструирует собственные практики, поле собственных решений и предпочтений.

Чем же отличается данное поле ребенка от поля подростка? Продемонстрировать это можно одним простым примером: детская игра «дочки-матери»: задаваемая ребенком система отношений между куклами – участниками игровой семьи, с точностью воспроизводит отношения реальной семьи, участником которой является ребенок, его собственной семьи. И его фантазия в этом смысле довольно ограничена. Ограничена теми образцами поведения, которые изначально заданы родителями. Центральной характеристикой развития ребенка является усвоение норм, ценностей, практик, демонстрируемых и прививаемых ему родителями. Именно здесь наиболее явно видится главное отличие категории «ребенка» от категории «подростка». Подросток – биографический этап, характеризующийся появлением собственных стартовых практик. Тех практик, которые уже не заданы взрослыми. При этом важно помнить, что следующая стадия развития – уровень «молодежь». Те же самостоятельные практики. В чем принципиальная разница?

Для подростка существенное и основное значение приобретает восприятие мира как разграниченного на мир «своих» и мир «взрослых». «Вырастешь – узнаешь». Не на этом ли основывается главное внутреннее противоречие подростка? С одной стороны, хочется стать «большим», вырасти. С другой – приходится понимать и принимать условия физиологической невозможности исполнения этого желания прямо сейчас. «Юношеский возраст отличают черты неустойчивости желаний, порывистости, нетерпимости, дерзости, которые усугубляются переживаниями амбивалентности социального статуса в мире взрослых (уже не ребенок, еще не взрослый)», отмечают Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожарова А.В. [2, с. 42]. Поэтому подросток пытается создать свой собственный мир в противовес миру взрослому. Доказать всем, что он уже взрослый. Первостепенное значение приобретает «имитация зрелости». Важно отметить, что эта имитация происходит согласно прежде усвоенным образцам. Те из них, которые раньше воспринимались как должное, теперь проверяются подростком на прочность. Самостоятельность проявляется прежде всего в тех областях, где взрослыми не дано самостоятельности и которые

полностью подчинены их управлению. Именно поэтому подростком исследуются те аспекты жизни, на которые обществом «взрослых» наложены табу: наркотики, алкоголь, нецензурная лексика. Мотивация любого действия направлена на воображаемых взрослых, с которыми происходит непрекращающаяся внутренняя борьба.

Еще одна стойкая ассоциация, усвоенная подростком с детства: взрослые – знатоки. Они обладают неведомым и недостижимым знанием. Соответственно, если подростком движет желание казаться взрослым, ему необходимо тоже стать знатоком. Начинается поиск тех областей знания, которые позволят наиболее быстро достичь того уровня, когда будешь казаться «профи». Это марки машин, названия музыкальных групп. Масса безликих одинаковых машинок ребенка – совсем не то что индивидуальные отличия каждой марки, открытые подростком. Кажется, что чем больше знаешь подобных названий, марок, тем больше похож на знатока, а значит, на взрослого. И здесь не важна глубина знания, вернее, она недостижима. Главное, что, заучив в кратчайшие сроки с десяток названий, можно продемонстрировать свое знание. Можно создать и оградить свой собственный мир. Конструировать область собственных «взрослых» практик.

Соответственно, подростковый период продолжается до тех пор, пока существует внутренняя дихотомия, противопоставление и постоянное сравнение себя (подростка) и взрослых, до того момента, когда индивид понимает, что «взрослых» нет вообще, когда конструирование его практик не зависит от мира «взрослых». Уже он сам становится частью этого мира. Именно в это время можно говорить о переходе человека к следующей стадии развития, к такой категории, как «молодежь». «Зрелость наступает тогда, когда человек становится ответственным за свою жизнь и жизнь окружающих, когда он начинает понимать, что будущее – это то, что он создает своей собственной сегодняшней деятельностью». [9, с. 6].

Правильная интерпретация полученного в процессе изучения пространства двора, знания может предоставить достаточное количество социологической информации, дающей возможность понять социальный феномен «подросток».

Элементы двора являют собой некоторый набор знаков, наполненных особенным смыслом. И это наполнение исходит прежде всего от подростков. При этом важно помнить, что особенностью семиотики двора является то, что прочитана она может быть, соответственно, тоже только лишь подростками. Своей жизнедеятельностью во дворе каждый из них наполняет объекты дворового благоустройства смыслом понятным лишь человеку такого же уровня, осуществляющему те же самые практики. Здесь перед исследователем встает серьезная проблема, которая, однако, может быть разрешена путем обращения к основным дефинициям. Обладая некоторым необходимым знанием о подростках, об особенностях

их жизнедеятельности и повседневных практик, можно говорить о расшифровке знакового пространства двора, о раскрытии той тайной системы смыслов, которая вложена подростками в эти знаки. «Тайная» используется не в смысле «намеренно укрытая», хотя в некоторых случаях это действительно так, все же здесь, говоря о тайне, я подразумеваю то расстояние, определяющееся прежде всего различными биографическими этапами, которое разделяет исследователя и исследуемого.

Однако необходимо не только обнаружить те или иные знаки, выяснить их семантическое наполнение, но и правильно их интерпретировать. Для этого необходима теория.

В рамках этнометодологии Г. Гарфинкель обращает внимание на такой феномен человеческого общения, речи, как фоновые ожидания, которые выполняют две основные функции. С одной стороны, они сообщают обыденным житейским картинам их знакомый привычный характер. С другой – фоновые ожидания выступают в роли схем интерпретаций реальности. Они делают совершающиеся «здесь-и-сейчас» события узнаваемыми и доступными пониманию как «проявления знакомых событий» [17].

Используя подход Гарфинкеля, можно говорить о том, что преобразование подростками пространства двора, восприятие этого пространства и являет собой подобный фон. Попадая во двор, подросток с помощью фоновых ожиданий может ориентироваться в пространстве. Ему понятно, что, где, почему. Обустройство любого двора, таким образом, предоставляет закодированную информацию о происходящих в нем событиях. Конечно, взрослые тоже каким-то образом воспринимаю двор. Однако, находясь на другом биографическом этапе по сравнению с подростком, они не могут понять всего значения представленных во дворе предметов. Особенностью фонового ожидания является негласное согласие участвующих во взаимодействии людей по поводу содержания этих ожиданий. Они существуют только тогда, когда олицетворяемый ими контекст действительно является общим для взаимодействующих субъектов. Таким образом, для взрослых в пространстве двора тоже существует некоторый набор фоновых ожиданий. Однако он распространяется на то сообщество, к которому относятся они. В силу возраста, социального положения и еще множества факторов взрослые не в силах осознать того значения, которое придается объектам двора подростками. Именно поэтому, чтобы понять и принять это значение, нужно на какое-то мгновение возродить в себе этого подростка, и он за руку сможет провести нас по двору, объяснить символы и знаки дворового пространства.

Фоновое ожидание достигается путем реализации подростковых практик. Необходимо еще раз подчеркнуть их особенности. Принадлежность подростковому периоду жизни обозначается следующими позициями: (1) старт самостоя-

тельных практик; (2) имитация взрослости, которая в свою очередь предполагает: (a) создание собственного мира, огражденного от мира взрослых; (б) следование/нарушение заданным взрослыми образцам поведения; (c) игра в знатока, эксперта; (d) позиционирование себя как уже взрослого.

Каждый из пунктов этого списка находит свое воплощение во дворе как пространстве для реализации самостоятельных практик. Именно они составляют семиотическое наполнение двора. Соответственно, заданное внутреннее взаимное поведение подростков, согласно этим позициям, преобразует пространство двора в фоновые ожидания, базу для общения. Остается только проследовать за подростком в самый обыкновенный двор и выяснить, каким же образом все это реализуется.

Но прежде необходимо сказать несколько слов об истории развития дворов в архитектуре Санкт-Петербурга. Можно выделить два наиболее крупных этапа застройки города, с каждым из которых связан и свой этап архитектурно-функционального развития двора. Условно обозначим первый из этих этапов как время классического Петербурга, которое длилось с момента основания города до начала двадцатого века. Формирование центра города. Время, когда первостепенной задачей строительства была архитектурная целостность. Город создавался ансамблями. Главной целью зодчего было: «Думать об общих единых частях города». [11, с. 157]. Функции двора на этом этапе развития города были сугубо утилитарными. С внутренней стороны дома был черный ход, располагались хозяйственные постройки. Хорошей иллюстрацией служит описание М.И. Пыляевым дома Волынского времен царствования Екатерины II (1762–1796): «На переднем дворе: повареная изба с сеньми и при ней кухня с очагом и печью, в них восемь окончин со стеклами. Баня с прибаником; в ней печь, в прибанике камины; через сени столярная изба; а в них, в избе и в бане, семь окончин стекляных. Восемь изб людских. Пять амбаров, два погреба, конюшня, в ней три двери отворчатые на крючьях железных и запоры железные, в ней стойл 28, затем еще три конюшни, в них по 15 стойл, два сарая деревянных. Кругом всего двора огорожено барочными досками». [15, с. 251]. Г.К. Лукомский, говоря об архитектуре старого Петербурга, подобным же образом описывает дворы конца XVII века и начала XIX: «Совершенно неожиданно войдя через ворота дома с заурядным и простым по архитектуре фасадом, можно во дворе увидеть прекрасный ensemble флигелей, сараев, конюшен». [10, с. 67]. Позже сараи, конюшни пропали, однако современный вид дворов центральных районов Санкт-Петербурга связан прежде всего с их прежним хозяйственным предназначением. Нельзя не отметить и еще одну практическую сторону образования дворов-колодцев – небольшое замкнутое пространство двора позволяло некоторым образом решить проблему городского освещения. [11, с. 37].

Принципиально другое развитие архитектуры Санкт-Петербурга происходит после революции 1917 г. Именно в это время под руководством И.А. Фомина (1872–1936) были созданы мастерские по урегулированию Генерального плана города с его окраинами. Бывшие городские окраины стали превращаться в благоустроенные жилые районы. Как отмечают Исаченко В.Г. и Харченко О.А.: «В эти годы формируется новый архитектурный стиль – конструктивизм, основанный на удобстве планировки, единстве формы и функции, цельности объемно-планировочных решений. Это, наверное, первый стиль в истории послепетровской России, родившийся в нашей стране и связанный с индустриализацией и новой организацией труда и быта всей жизни. Вместе с жильем строили учреждения культуры и быта, спортивные сооружения, учреждения для детей и пр. Стали применяться типовые секции; в 1920-х гг. началось массовое строительство школ, больниц, фабрик-кухонь» [5, с. 69].

В 1932–1935 гг. под руководством главного архитектора Ленинграда Л.А. Ильина (1880–1942), начавшего свою деятельность задолго до революции, был разработан Генеральный план города (особое внимание обращалось на южные и северо-восточные территории).

С этого времени город застраивается по кварталам. В задачи градостроителей, согласно плану, входит решение двух основных проблем: благоустройства кварталов и соответствие новых застроек бытовым нуждам жителей (таких как школы, детские сады, поликлиники и т. д.). Именно в это время происходит формирование современной структуры двора так называемых спальных районов. Стандартный двор представляет собой сочетание таких элементов, как скамейки, детская площадка, включающая качели, песочницы, деревянные домики самого различного размера, горки и т. д. Топографически заданным условием двора почти всегда является наличие зеленой территории – кусты, деревья, клумбы. Подчеркивая идею, отраженную в Генеральном плане градостроительства, идею «организации труда и быта населения», планировка кварталов предполагает наличие детских садов или школ, которые тоже располагаются во дворах.

На примере такого современного стандартного двора возможно рассмотреть, каким образом в рамках этого пространства реализуются подростками их повседневные самостоятельные практики, те практики, которые и делают их подростками, стартовые практики. Как пространство двора преобразуется подростком в некоторый семантический набор фоновых ожиданий.

Первое, на что стоит обратить внимание, это то, каким образом подростки выбирают пространство для осуществления своих практик. Ребенок играет под окнами. Он на виду, ему нечего скрывать, вернее, он пока даже не задумывается

над этим. Принципиально другая позиция подростка. Его практики осуществляются изначально в противовес практикам взрослых. Его поведение – это попытка ведения самостоятельной жизни, демонстративно отделенной от жизни взрослого мира. Для реализации этой идеи двор являет собой наилучшее место. Подросток, с одной стороны, все так же на виду, с другой, – в своем отдельном мире. Необходимо лишь найти место для такого мира. Чаще всего для этих целей подростки выбирают замкнутые пространства деревянных домиков на площадке или окруженные кустами и деревьями территории детского сада (школы). Это – лучшие места для конструирования своего отдельного мира. И если для ребенка характерен поиск открытого пространства, заданная взрослыми обязанность быть всегда на виду, то для подростка первостепенное желание приобретает стремление отделить поле собственных практик от поля практик взрослых. Подросток находится в постоянном поиске самостоятельности. Двор – то, что в детстве являло собой открытую площадку для игр, теперь становится территорией, на которой необходимо найти и оградить новый собственный самостоятельный мир. Такая мотивация обуславливает выбор подростками в качестве объектов конструирования самостоятельных стартовых практик: скамейки, площадки, огражденные зелеными насаждениями.

Теперь посмотрим, что же и почему происходит в этих резервациях подростковой самостоятельности. Конструирование стартовых практик происходит согласно усвоенным прежде образцам поведения, привитым миром взрослых. Отсюда главный движущий фактор действий – нарушение этих образцов, желание получить новый собственный опыт, отличный от опыта взрослого. Хочется узнать то, что не полагается знать. Примерами этого могут служить во дворе: окурки, бутылки, презервативы, поломанные качели и перевернутые скамейки. Нарушение запретов. Всех. Презрение и стремление преодолеть заданные взрослыми образцы поведения и знания.

Объединив две уже рассмотренные нами особенности подростковых практик и связанное с ними преобразование двора, мы и получаем то, что каждый день может наблюдать каждый из нас, проходя по своему двору. Домики площадок, задние дворы садиков, переставленные в кусты скамейки, и везде основную массу сидящих, пьющих, курящих будут составлять подростки. «Самостоятельность и возможность «расслабиться» от социального контроля взрослого окружения – одна из причин проявления различного рода социальных отклонений, противоправных поступков, олицетворяющих в сознании подростков их самостоятельность, “крутой” характер» [2, с. 48].

Подростковая игра в «знатока» находит свое отражение в маркировке «своего» пространства. Свидетельствами этого являются многочисленные надписи на стенах, скамейках и т. д. Названия музыкальных групп, имена известных людей, граффити. Двор рассматривается подростком как территория, свободная от притязаний взрослых, территория, позволяющая реализовывать свои самостоятельные практики. Соответственно, именно здесь необходимо обозначить свое присутствие и вместе тем обозначить данную территорию как «свою». Часто можно, например, найти даже списки участников той группы, которая собирается в том или ином месте двора регулярно. Настенная переписка, по своей сути – текст, рассматриваемый как целенаправленное социальное действие, как компонент взаимодействия подростков, связанный с конкретной прагматической ситуацией, являет собой особый вид социального дискурса. Его можно наблюдать практически на всех более или менее пригодных для этих целей стенах – символ особенного подросткового общения, их противостояния разумному, рациональному и правильному миру взрослых. Ту же функцию выполняют в рамках пространства двора стихи, частушки, афоризмы, которые пишут на эти же стены. Продолжение игры в «знатоков», где литературному наследию мира взрослых противопоставляется собственное субкультурное наследие. Авторитет подростка строится в том числе и на специфическом знании таких «дворовых» афоризмов, стихов и пр. Это искусственно созданная подростком маркировка пространства. Существует, однако, и его естественное (природное) разграничение, всегда, правда, специально используемое подростком. Территория практик всегда должна быть отделена от остального пространства двора. Здесь не важно, что это будет, стены ли деревянного домика, кусты или здание садика. Важен сам факт огражденной территории. Поэтому, если естественные элементы не заданы, пространство будет преобразовано. Так, скамейки оказываются перенесенными за деревья, кусты, на задний двор детского сада.

Каждый элемент, каждая часть архитектурно заданного дворового пространства в процессе осуществления подростком своих стартовых самостоятельных практик активно преобразуется. Преобразуется так, что теперь уже каждый элемент дворового благоустройства становится знаком, семантика которого выражает в качестве репрезентируемого объекта мотивы и устремления подростков.

Таким образом, можно проследить особую связь, которая существует между подростком и двором. Пространство двора, представляя ребенку множество потенциальных возможностей реализации его стартовых практик, формирует его. Подросток – это не возраст. Это, прежде всего, один из биографических этапов жизни индивида. То, что было важно и интересно ребенку, должно стать неинтересно молодежи. Подросток осуществляет преобразование этих установок. Должны появиться первые ценности, первое знание, с которым затем он вступит на следующий этап своего развития. Не ребенок, но и не взрослый. Хочется самостоя-

тельности, которой нет, которую, кажется, негде реализовывать. Но эту функцию всегда выполняет двор. Публичная зона, предоставляющая возможность своего преобразования в сугубо приватную зону подростковых стартовых практик.

Литература

1. Адреса Санкт-Петербурга. Журнал учета вечных ценностей. СПб., № 7/19, 2003; № 11/23, 2004.

2. *Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожарова А.В.* Социальное окружение как фактор социализации школьной молодежи. Екатеринбург; Салехард: Институт экономики Уральского отделения РАН. 2000.

3. *Дербенев Д.П.* Психическое здоровье и социальная адаптация в подростковом возрасте и управление ими в условиях социально-экономических перемен. Тверь, 1998.

4. *Канн П.Я.* Прогулки по Петербургу. СПб., 1994.

5. Книга о Санкт-Петербурге / Под ред. Лебедева О.Е., Ягья В.С. СПб., 1997.

6. Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексеева. М.: Проспект. 1999.

7. Курс демографии / Под ред. проф. А.Я. Боярского, 1974.

8. *Лисовский В.Т.* Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России и Санкт-Петербурга. СПб., 2000.

9. *Лисовский В.Т.* Эскиз к портрету. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1969.

10. *Лукомский Г.К.* Старый Петербург: Прогулки по старинным кварталам столицы. СПб. 2003.

11. *Лукомский Г.К.* Современный Петербург: Очерк истории возникновения и классического строительства (1900–1915 гг.). СПб., 2003.

12. *Пробст Л.Э.* Тенденции в формировании ценностных ориентаций детей // Дети – молодежь – общество. Челябинск, 1997.

13. *Пукинский Б.К.* 1000 вопросов и ответов о Ленинграде. Л.: Лениздат. 1974.

14. Путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб., 1991.

15. *Пыляев М.И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. М., 2000.

16. *Собкин В.С., Кузнецова Н.И.* Российский подросток 90-х: движение в зону риска. Аналитический доклад. М.: ЮНЕСКО. 1998.

17. *Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. New Jersey, 1967.

Теория и практика становления и развития гражданского общества в России

Шестой конкурс, 2005 год

Анна ТАРАСЕНКО[1]
Первая премия

История одного успеха: Почему некоторым общественным организациям удается участие в законотворческом процессе?

Тема построения гражданского общества и вовлечения общественности в процесс принятия политических решений очень актуальна для современной России. К этой проблематике апеллируют представители общественности, политики, чиновники всех ветвей и уровней власти и даже президент Российской Федерации. Никто не сомневается в том, что гражданское общество – это основа сильного и эффективного государства. При этом мне представляется исключительно важным раскрыть это понятие и наполнить его смыслом по отношению к повседневной жизни.

Современное понимание того, как должно быть организовано взаимодействие общества и государства, тесно связано с концепциями гражданского общества Дж. Локка и Ш. Монтескье. В основе либеральной традиции Дж. Локка лежит представление о том, что гражданское общество – это самоорганизующееся сообщество людей, основанное на законе[2], которое делегирует государству возможности управления и поэтому должно контролировать его деятельность. Ш. Монтескье в своих работах[3] большое значение придает деятельности ассоциаций граждан, независимых от государства. Обе эти традиции находят свое отражение в современном понимании гражданского общества и его роли в деятельности государства.

В данной работе этот термин используется следующим образом: гражданское общество состоит из организованных групп интересов, которые взаимодействуют между собой и участвуют в политическом процессе, но не стремятся к власти. Деятельность этих организаций направлена на то, чтобы информировать органы власти об общественных проблемах и интересах, непосредственно

[1] Петрозаводский государственный университет, факультет политических и социальных наук, специальность «Политология», студентка 5 курса.

[2] *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Соч. в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 317.

[3] *Белокурова Е.* Концепция гражданского общества в российском прочтении: обзор публикаций последних лет // Граждане и власть: проблемы и подходы / Ред. Г. Михалева, С. Рыженков. М.; СПб.: Летний сад, 2001. С. 29.

;участвовать в выработке и реализации политических решений, а также проводить независимую экспертизу деятельности органов государственной власти и текущей ситуации. Таким образом, сущность гражданского общества заключается в контроле над деятельностью государства посредством активного участия общественных организаций в политическом процессе.

Современная российская дискуссия направлена на поиск и выработку таких механизмов, которые могли бы позволить обществу контролировать деятельность государства, а также иметь возможность защищать свои интересы в процессе принятия политических решений[4]. При этом всеми участвующими в дискуссии сторонами подразумевается, что таких механизмов на сегодняшний день нет или они очень неразвиты. В связи с этим основные дебаты ведутся вокруг темы создания общественных палат, советов, переговорных площадок и других структур, позволяющих общественным организациям влиять на процесс принятия решений. Не отказываясь от важности этих дискуссий, хотелось бы вернуться к вопросу о том, какие уже на сегодняшний день есть возможности у общественных организаций для взаимодействия с государственными структурами. При этом особого внимания, на мой взгляд, заслуживает региональный опыт взаимодействия, поскольку именно на местах возможности для развития таких механизмов наиболее благоприятны.

Данная работа посвящена результатам политического анализа одного из механизмов взаимодействия общества и государства: участию общественных организаций в законотворческом процессе на региональном уровне. Эмпирическая часть исследования была проведена на примере Республики Карелия, важной особенностью которой является то, что в ее Конституции зафиксировано право законотворческой инициативы общественных организаций[5].

Цель данной работы состоит в выявлении тех факторов, которые способствуют принятию законопроекта, внесенного общественными организациями на рассмотрение регионального законодательного органа власти. Для этого используется метод анализа конкретного успешного случая, подробное изучение которого позволит сделать выводы о том, какие условия необходимы для положительного результата участия общественных организаций в процессе принятия политических решений. В работе рассмотрен пример обращения с законотворческой инициативой в Законодательное Собрание Республики Карелия карельской региональной

[4] *Басина Е.* Кривое зеркало Европы // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 92–112; *Бойченко Л.* Развитие третьего сектора на примере Республики Карелия // Гражданское общество – в поисках пути / Под ред. А. Сунгурова. СПб.: Центр «Стратегия», 1997. С. 104–111; *Римский В.* Мониторинг законодательной и законотворческой деятельности // Предупреждение коррупции: что может общество / Под ред. М. Горного. СПб.: Норма, 2003. С. 352–367.

[5] Из всех субъектов Российской Федерации такая норма также содержится лишь в Уставе Самарской области.

общественной организации «Молодежный правозащитный союз Республики Карелия». В частности, рассматривается прохождение через парламент законопроекта «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Основными методами сбора информации послужил анализ документов, а также структурированные глубинные интервью с участниками процесса – представителями нескольких общественных организаций (в том числе, и Правозащитного союза) и сотрудниками Аппарата Законодательного собрания РК.

Алгоритм рассмотрения конкретного случая участия общественной организации в процессе разработки и прохождения законопроекта в представительном органе власти выглядит следующим образом:

1) анализ ситуации и выявление цели обращения общественной организации в Законодательное собрание;

2) характеристика общественной организации;

3) первоначальные предложения общественной организации;

4) описание процесса участия общественной организации в законотворческом процессе;

5) изучение роли других участников обсуждения законопроекта.

В результате анализа этих аспектов прохождения законопроекта в региональном парламенте можно будет выявить те факторы, которые способствовали успеху при принятии предложенного общественной организацией законопроекта.

Рассматриваемая организация – «Молодежный правозащитный союз Республики Карелия» – была создана 1 июля 1998 г. Приоритетом в ее деятельности стала защита прав молодежи. В 2003 г. организация сменила свое название на «Правозащитный союз Республики Карелия». С этого времени основным направлением его деятельности является защита прав призывников, а также содействие становлению института альтернативной гражданской службы, отвечающей международным стандартам.[6] Правозащитная организация реализовала ряд проектов, которые касаются приоритетного направления ее деятельности: «Возможности прохождения альтернативной гражданской службы в социальной сфере на местном уровне» (2001 г.); «Обеспечение общественного контроля за соблюдением прав человека при осуществлении призыва на военную службу» (2002–2003 гг.); «Подготовка к введению института альтернативной гражданской службы в Рес публике Карелия: общение и распространение опыта регионов» (2002–2003 гг.); «Повышение уровня правовой культуры призывников как средство обеспечения законности призыва на военную службу» (2002–2003 гг.) и других. Всего за 5 лет своего существования Правозащитный союз реализовал около двадцати проектов.

[6] Устав региональной общественной организации «Правозащитный союз Республики Карелия».

Члены Правозащитного союза – в основном юристы с высшим образованием. Профессионализм и знание правовой и политической ситуации в Карелии позволяет его членам активно участвовать в общественной жизни Республики. Председатель Правозащитного союза И. Пальцев входит в состав Комиссии по правам человека при Председателе Правительства Республики Карелия. С 1999 по 2001 год Правозащитный союз разрабатывал официальные годовые правительственные доклады о правах человека и гражданина в Республике Карелия.

Кроме этого, Правозащитный союз является активным участником сети неправительственных организаций «Продвижение социальных и экономических прав в Российской Федерации с использованием международных инструментов», а также тесно сотрудничает с Московской Хельсинкской группой. Основная деятельность Правозащитного союза осуществляется за счет средств иностранных фондов: Институт Открытое Общество, фонд Форда и других. Один из проектов, который реализует Правозащитный союз, поддержан Еврокомиссией.

Таким образом, Правозащитный Союз Республики Карелия – профессиональная общественная организация, имеющая достаточно долгий и эффективный опыт работы не только в рамках региона, но и на общероссийском уровне. Это во многом способствовало успешному прохождению законопроекта «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об альтернативной гражданской службе”».

9 декабря 2002 г. общественная организация «Молодежный правозащитный союз Республики Карелия» обратилась в Законодательное Собрание Республики Карелия с законотворческой инициативой. Члены Правозащитного союза выступили с предложением внести поправки в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Региональная общественная организация не имеет права обращаться с законотворческой инициативой в Государственную Думу, поэтому Правозащитный Союз обратился в Законодательное Собрание Республики Карелия, чтобы принятый законопроект поступил в Государственную Думу в качестве законодательной инициативы от регионального парламента.

В своем интервью Председатель Правозащитного союза И. Пальцев отмечает, что общественные организации в Карелии очень редко обращаются в Законодательное Собрание со своими законопроектами. Вместе с тем он отмечает важность этого направления в работе общественных структур: «Можно изменить слово в законе, и на десятилетие это слово будет играть определенную роль и касаться тысячи граждан»[7]. И. Пальцев считает обращение к вопросам призыва очень актуальным, так как сам на практике сталкивается с многочисленными проблемами в этой сфере. Таким образом, цель Правозащитного союза состояла в том, чтобы изменить в Федеральном законе «Об альтернативной гражданской

[7] Интервью с И. Пальцевым, руководителем Правозащитного союза РК.

службе» те статьи, которые, по мнению его представителей, могли привести к конфликтам и препятствовали реализации права граждан на альтернативную гражданскую службу.

Предложения Правозащитного союза о поправках к федеральному закону были изложены в восьми пунктах:

1) В ст. 4 предлагалось дополнить пункт следующего содержания: «Прохождение альтернативной гражданской службы в организациях Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в качестве гражданского персонала допускается только с согласия гражданина, направляемого на альтернативную гражданскую службу»[8]. Таким образом, Правозащитный союз стремился подчеркнуть мирный характер выполняемого гражданского долга, так как он является «особым видом трудовой деятельности в интересах общества и государства»[9].

2) Правозащитный союз предложил использовать территориальный принцип направления граждан на альтернативную гражданскую службу, исключив ст. 4, п. 2 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе», где провозглашен экстерриториальный принцип распределения граждан на альтернативную гражданскую службу[10].

3) *Статья 5* федерального закона закрепляет сроки прохождения альтернативной гражданской службы. В предложенном законопроекте введены некоторые критерии, в соответствии с которыми время службы варьируется. Срок службы уменьшается в случае, если:

• гражданин проходит службу «за пределами территории, где он постоянно проживает»[11];

• гражданин проходит службу «в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов»[12];

• гражданин окончил «государственное, муниципальное или имеющее государственную аккредитацию по соответствующим направлениям подготовки (специальностям) негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования»[13];

[8] Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Ст. 4, п. 1.

[9] Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Ст. 1, п. 1.

[10] Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Ст. 4, п. 2.

[11] Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Ст. 5, п. 1.

[12] Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Ст. 5, п. 2.

[13] Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» ст. 5, п. 2.

Согласно законопроекту Правозащитного союза, максимальный срок службы для граждан, не отвечающих указанным критериям, должен составить 36 месяцев, а для тех, кто им отвечает, – 12 месяцев.

4) Правозащитный союз предложил также внести существенные поправки в ст. 10 п. 1 и ст. 12, п. 1, которые должны принципиально изменить механизм направления гражданина на альтернативную гражданскую службу. Ст. 10 федерального закона предусматривает следующую последовательность:

• заседание призывной комиссии; принятие решения о замене или отказе от замены гражданину воинской гражданской службы альтернативной гражданской службой;

• медицинское освидетельствование;

• заседание призывной комиссии для принятия решения о направлении его на альтернативную гражданскую службу.

В предложенном законопроекте медицинское освидетельствование должно было предшествовать заседанию призывной комиссии, поскольку оно должно рассматриваться в качестве одного из оснований для направления гражданина на альтернативную или военную службу, либо освобождения от воинской службы.

5) Правозащитный Союз предложил исключить ст. 11, п. 1 федерального закона, которая обязывает гражданина, изъявившего желание заменить военную службу альтернативной гражданской службой, «обосновать, что их убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы»[14].

6) Порядок направления гражданина к месту прохождения альтернативной гражданской службы указан в ст. 14 федерального закона: «гражданина направляет военный комиссар в соответствии с решением призывной комиссии и согласно плану специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти»[15]. В новом законопроекте это право должно было быть закреплено за «территориальным органом специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти»[16]. В результате военные комиссары должны были лишиться права направлять граждан к месту прохождения альтернативной гражданской службы.

7) Правозащитный Союз предложил также не лишать граждан возможности «совмещать альтернативную гражданскую службу с работой в иных организациях»[17].

8) В статью 22 Федерального закона было предложено внести п. 2, который бы определил понятие уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы.

[14] Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» ст. 11, п. 1.

[15] Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» ст. 14, п. 1.

[16] Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» ст. 14, п. 1.

[17] Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» ст. 21, п. 2.

Таким образом, Правозащитный союз предложил внести существенные коррективы в действующий Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе». Они касались таких спорных вопросов, как место прохождения службы, ее сроки, процедуры направления граждан на альтернативную гражданскую службу. В законопроекте было предложено значительно снизить сроки и смягчить условия прохождения альтернативной гражданской службы. Нормы, предложенные Правозащитным союзом, имели более либеральный характер по сравнению с действующим законом, и были направлены на то, чтобы упростить доступ граждан к альтернативной гражданской службе.

Все эти предложения были приняты Законодательным Собранием РК и направлены в качестве законодательной инициативы в Государственную Думу РФ. Чтобы понять, почему в данном случае общественная организация оказалась успешной при реализации своего права на законотворческую инициативу, необходимо более подробно рассмотреть процесс прохождения этих поправок в парламенте.

Поправки в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» были направлены Правозащитным союзом в Законодательное Собрание Карелии 9 декабря 2002 г. Их прохождение в парламенте курировал профильный Комитет по законности и правопорядку. 10 февраля 2003 г. состоялось первое заседание Комитета, на котором рассматривался законопроект Правозащитного союза «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об альтернативной гражданской службе”». На заседании присутствовал председатель Правозащитного союза И. Пальцев и член правления союза С. Табаков. Инициатива общественной организации была поддержана членами Комитета. Это имело большое значение, так как именно на заседаниях профильного комитета проходит основная работа над законопроектом. Мнение Комитета, высказанное на заседании Законодательного Собрания, имеет значительный вес и часто является ориентиром для депутатов при голосовании.

20 февраля 2003 г. состоялось пленарное заседание Законодательного Собрания Республики Карелия, на котором обсуждался законопроект, внесенный Правозащитным Союзом. На заседании присутствовал военный комиссар города Петрозаводска А. Остапчук, который выступил с критикой законопроекта. Однако решением Законодательного Собрания законопроект был принят в первом чтении и отправлен в Комитет на доработку. Таким образом, первое заседание обозначило общую положительную оценку депутатов по отношению к законопроекту.

На втором заседании Комитета по законности и правопорядку 3 марта 2003 г. законопроект был повторно одобрен депутатами и вынесен на заседание Законодательного Собрания РК, которое состоялось 10 апреля 2003 г. На этот раз с резкой критикой законопроекта выступили также военные комиссары Суоярвского и Сегежского районов, а также военный комиссар Республики Карелия полковник А. Ионов. Прежде всего, они выразили свое несогласие с предложением Правозащитного союза направлять призывников на место службы по территориальному принципу. Кроме этого, А. Ионов считал необоснованным сокращение сроков службы. Он также предлагал оставить норму «доказывания гражданина невозможности им прохождения военной службы по призыву ввиду своих убеждений»[18]. В заключении военный комиссар сделал вывод: «Складывается впечатление, что, по мнению «Молодежного правозащитного союза», альтернативная гражданская служба должна быть несложной, доступной»[19]. Несмотря на протесты военных комиссаров, депутаты приняли законопроект во втором чтении. Из 57 депутатов «за» проголосовали – 36, «против» – 9.

На следующем заседании Комитета по законности и правопорядку присутствовал военный комиссар Петрозаводска А. Остапчук. В качестве представителя от общественности с поддержкой инициативы Правозащитного союза выступила председатель Карельской региональной общественной организации «Общество солдатских матерей» В. Вонти. Дискуссия между военными, депутатами и представителями общественности завершилась решением Комитета поддержать законопроект и принять его на заседании Законодательного Собрания в последнем чтении.

24 апреля 2003 г. на пленарном заседании Законодательного Собрания рассматривались рекомендации парламентских слушаний «На пути к реализации Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе», организованные Комитетом по обороне Государственной Думы Российской Федерации. В этом документе депутаты Государственной Думы предлагали всем субъектам законодательной инициативы активно участвовать в процессе «выявления возможных недостатков, противоречий»[20] в Федеральном законе “Об альтернативной гражданской службе”». В рекомендациях содержались поправки некоторых статей федерального закона: среди них ст. 4, п. 2, в которой закреплен экстерриториальный принцип распределения граждан на альтернативную гражданскую службу, а также ст. 21, которая запрещает гражданам совмещать альтернативную гражданскую службу с работой в других организациях. Именно эти статьи предлагалось изменить и в законопроекте Правозащитного союза. Несомненно, этот документ сыграл значительную роль в процессе обсуждения и итогового голосования в Законодательном Собрании Республики Карелия: 30 депутатов проголосовали «за» принятие законопроекта, 14 – «против».

[18] Письмо депутату Законодательного Собрания Республики Карелия Клейковой Л. М. от 15 апреля 2003 г., № 506.

[19] Там же.

[20] Рекомендации парламентских слушаний на тему: «На пути к реализации Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе». Федеральное Собрание Российской Федерации, Государственная Дума, Комитет по обороне.

Итогом работы депутатов стало постановление Законодательного Собрания Республики Карелия «О внесении на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в порядке законодательной инициативы проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе».

Таким образом, законопроект, внесенный Правозащитным союзом, был принят Законодательным Собранием без изменений. В мае 2003 г. Законодательное Собрание Республики Карелия направило в качестве законодательной инициативы в палаты Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об альтернативной гражданской службе"». До настоящего времени этот законопроект на заседаниях Государственной Думы не обсуждался. Тем не менее для Карелии это событие имело важное значение, поскольку общественной организации удалось убедить парламент принять законопроект вопреки сопротивлению такой заинтересованной группы, как военные комиссары.

Для понимания факторов успеха этой законотворческой инициативы необходимо также отметить общую ситуацию и отношение к альтернативной гражданской службе в правительстве Республики Карелия. Еще до принятия Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» председатель правительства С. Катанандов предлагал сделать Карелию экспериментальным регионом, где впервые будет реализовано право граждан на альтернативную гражданскую службу. Этот проект не состоялся, тем не менее глава Карелии неоднократно выражал свое позитивное отношение к альтернативной гражданской службе и способствовал обсуждению этого вопроса в публичной дискуссии. Проблемы, связанные с вступлением в силу Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» признавались актуальными и рассматривались на заседаниях Комиссии по правам человека при председателе правительства РК. В правительственных новостях от 27 декабря 2002 г. сообщалось: Комиссия активно участвовала в создании российского закона "Об альтернативной гражданской службе"», провела всероссийскую конференцию, посвященную этой теме с приглашением членов Комитета по обороне Государственной Думы и депутатов. Таким образом, региональное правительство различными способами способствовало созданию благоприятного отношения к нововведениям в сфере воинской службы.

Подробный анализ случая обращения Правозащитного союза с законотворческой инициативой в Законодательное Собрание Республики Карелия позволяет сделать следующие выводы относительно того, что способствовало принятию этого законопроекта.

Прежде всего, необходимо отметить, что Правозащитный Союз является юридически квалифицированной, опытной общественной организацией, что позволяет ее членам ориентироваться в законотворческом процессе и быть активным его участником. Члены Правозащитного союза входят в состав правительственной Комиссии по правам человека в Республике Карелия, что придает им довольно значительный вес в Республике.

Вторым фактором успеха стала поддержка представителей общественности, в первую очередь – других общественных организаций, а также Комитета по законности и правопорядку Законодательного Собрания.

Важную роль в процессе обсуждения законопроекта сыграли рекомендации парламентских слушаний, организованные Комитетом по обороне Государственной Думы РФ. В этом документе предлагалось всем субъектам законодательной инициативы обсудить новый закон «Об альтернативной гражданской службе» и внести свои предложения. Таким образом, принятые Законодательным Собранием Республики Карелия поправки к Федеральному закону «Об альтернативной гражданской службе» стали своевременной реакцией на призывы Комитета по обороне Государственной Думы РФ. Депутатам Законодательного Собрания РК было выгодно принятие законопроекта Правозащитного Союза, так как они, таким образом, выступали в роли активного участника обсуждения Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе».

Оппонентами в данном случае оказались военные комиссары. Они выступали в качестве сторонников прежней системы призыва на воинскую и альтернативную гражданскую службу. Следует отметить, что в момент прохождения законопроекта в Законодательном собрании общая политика на федеральном и региональном уровне способствовала либерализации и демократизации механизмов прохождения альтернативной гражданской службы. Таким образом, военные отстаивали собственные интересы, которые не совпали с общей политикой государства в тот момент.

Рассмотренный пример позволяет сделать выводы о том, что и сейчас в России при определенных условиях возможно успешное участие общественных организаций в принятии политических решений. Это становится возможным при наличии в организации квалифицированных специалистов в области права, а также при условии успешной мобилизации общественной и правительственной поддержки своей инициативы. Однако, как показывает рассмотренный пример, одним из главных факторов успеха стала такая общая политическая ситуация, при которой депутаты Законодательного Собрания могли поддержать инициативу общественной организации с повышением своего политического веса на федеральном уровне и, соответственно, выгодой для себя.

Конечно, нельзя ожидать соответствующей благоприятной политической ситуации для любой инициативы общественной организации. Становится очевидным, что рассмотренный пример не демонстрирует развитых механизмов взаимодействия общественных и государственных структур и не показывает того, что больше в этой сфере ничего создавать не нужно. Однако следует отметить, что

при квалифицированном подходе со стороны общественных организаций, при умении мобилизовать общественную поддержку и найти убедительные для политиков аргументы, основанные на понимании их интересов, достижение целей общественной организации на политической арене возможно. Очевидно, что до тех пор, пока эта практика не носит систематический и организованный характер, общественным организациям необходимо с большим вниманием и профессионализмом относиться к попыткам участия в процессе принятия политических решений.

Рассмотренный случай также показывает, что положительные примеры взаимодействия органов власти и общественных организаций в значительной степени закладывают основы и для будущего сотрудничества, а также формирования гражданского общества – может быть, даже в большей степени, чем формальные механизмы.

Литература

1. *Басина Е.* Кривое зеркало Европы // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 92–112.

2. *Белокурова Е.* Концепция гражданского общества в российском прочтении: обзор публикаций последних лет // Граждане и власть: проблемы и подходы. Ред. Г. Михалева, С. Рыженков. М.; СПб.: Летний сад, 2001. С. 28–47.

3. *Бойченко Л.* Развитие третьего сектора на примере Республики Карелия // Гражданское общество – в поисках пути / Под ред. А. Сунгурова. СПб.: Центр «Стратегия», 1997. С. 104–111.

4. *Локк Дж.* Два трактата о правлении / Соч. в 3 т. Т. 3. М., 1988. .

5. Письмо депутату Законодательного Собрания РК Л.М. Клейковой от 15 апреля 2003 г., № 506.

6. Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе».

7. Рекомендации парламентских слушаний на тему: «На пути к реализации Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе». Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума. Комитет по обороне.

8. *Римский В.* Мониторинг законодательной и законотворческой деятельности // Предупреждение коррупции: что может общество / Под ред. М. Горного. СПб.: Норма, 2003.

9. Устав региональной общественной организации «Правозащитный союз Республики Карелия».

10. Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе».

Анна ЛЕЖИКОВА[1]

Первая премия

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: какое оно сегодня, и каким оно может быть завтра

В статье рассматриваются условия и аспекты взаимодействия бизнеса и общества, целью которого является построение социального партнерства. Основываясь на концепции социально-этической экономики и принципе социальной ответственности бизнеса, автор описывает существующие отношения и пытается определить формы взаимодействия бизнеса и общества, необходимые для построения успешного социального партнерства.

Бизнес и общество — словосочетание, которое вот уже несколько лет кажется нам привычным, которое закрепилось в названиях рубрик и целых изданий. Сказать, что рынок и гражданское общество должны быть партнерами – значит не сказать ничего нового. Повсеместно провозглашается, что если создать условия для диалога между ними, наладится взаимодействие и будут совместно решаться великие социальные проблемы. Но при дальнейшем размышлении возникает целый ряд вопросов. Почему они должны быть партнерами? Почему взаимодействия не происходит? Зачем это партнерство вообще необходимо? Деление общества на сектора по типу деятельности указывает на различие основополагающих принципов их существования. Какими должны быть экономика и третий сектор, чтобы у них появились основания для совместной деятельности?

Социально-этическая экономика

Толковый словарь английского языка говорит, что «бизнес — это деятельность, связанная с производством, продажей и покупкой товаров и услуг»[2] (Collins Dictionary). Новый словарь русского языка определяет бизнес как «предпринимательскую деятельность, приносящую доход» (Ефремова, 2000). Ни в том, ни в другом определении нет слов «общество» и «цель бизнеса — извлечение прибыли». Откуда же возникли расхожие утверждения, что «дело бизнеса только бизнес» и «бизнес обязан/должен обществу»?

Фраза «дело бизнеса — только бизнес», авторство которой приписывается Милтону Фридману, стала лозунгом неоклассической экономики. Осно-

[1] Европейский Университет в Санкт-Петербурге, ф-т политических наук и социологии, студент магистерской программы.

[2] Business is work relating to the production, buying, and selling of goods or services.

вываясь на теории рациональности, неоклассические экономисты утверждают, что организация создается с той лишь целью, чтобы получать прибыль, и цель эта достигается с помощью наиболее эффективного использования имеющихся средств. В своей статье «Капитализм и свобода» Фридман говорит, что «в свободном обществе существует один, и только один, вид социальной ответственности бизнеса — использовать свои ресурсы и предпринимать действия для увеличения прибыли настолько, насколько позволяют правила игры, которая ведется в атмосфере открытой и свободной конкуренции без обмана и мошенничества» (цит. по Andrews, 1972:136). Эту же идею можно найти и в высказывании председателя совета директоров ОАО «Северсталь» Алексея Мордашова: «социальная ответственность бизнеса измеряется, прежде всего, экономической эффективностью предприятия» (Мордашов, 2004). Сергей Шабанов, член президиума «ОПОРА России», говорит еще точнее: «у малого и среднего бизнеса нет социальных задач, а есть только экономические — зарабатывать деньги и создавать рабочие места» (Шабанов, 2004).

На противоположный полюс можно поместить идею о том, что «бизнес должен быть ответственным перед обществом». Этот лозунг очень часто раздается из «некоммерческих рядов». По данным ФОМ[3], 15% россиян судят о социальной ответственности бизнеса как о заботе о людях: «бизнес должен помогать социально незащищенным слоям населения»; «бизнесмены должны заботиться не только о себе, а заниматься благотворительностью»; «бизнесмены должны помогать людям по мере возможности»; «бизнесмены должны, просто обязаны заниматься меценатством и спонсорством»; «должны строить больницы, детские площадки, помогать бедным»; «бизнес должен работать не только на обогащение кучки людей, но и на все общество»; «бизнесмен должен думать не только о себе, а обо всех»; «когда у бизнеса не хищнические замашки, когда он считается с обществом»; «тот, кто занимается бизнесом, должен нести ответственность перед людьми»; «каждый человек, который занимается бизнесом, должен нести социальную ответственность перед каждым человеком в его организации».

Преобладание одностороннего долженствования можно увидеть во всех исследованиях на тему ответственности бизнеса. Так, например, в опросе ВЦИОМ есть пункт «В решении каких социальных проблем должны принимать участие представители крупного бизнеса Вашего региона (города, области)?» (ВЦИОМ, 2004); и в выводах исследователей: «от олигархического капитализма российское общество должно найти способ перехода к капитализму культурному, свобода которого ограничена ответственностью перед обществом и населением, перед государством и структурами гражданского общества»[4] (Здравомыслов, 2005).

[3] Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 24–25 апреля 2004 г. 1500 респондентов. Дополнительный опрос населения Москвы — 600 респондентов, 100 из которых входят и в общероссийскую выборку. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. http://bd.fom.ru/report/cat/societas/culture/language/concepts/d04171

Между этими крайними точками можно поместить концепцию, разработанную швейцарскими экономистами из Института социальной этики в Цюрихе и сформулированную в работе Артура Риха «Хозяйственная этика». Этот социально-этически ориентированный подход определяют три понятия: «экономический реализм, т. е. непредвзятый подход к ключевым положениям науки о современной экономике и современном обществе; радикализм, который противопоставляется экстремизму и объясняется как стремление охватить целое, объединить в духе Паскаля противостоящие истины и одновременно сделать их действенными; и, наконец, установление экономического и социального порядка, основанного на соучастии» (Рих, 1996:21).

Именно в рамках социально-этической концепции я предлагаю рассматривать социальную ответственность бизнеса. И, принимая во внимание третье понятие об установлении экономического и социального порядка, основанного на партнерстве, предполагаю, что наиболее эффективно реализовывать социальное партнерство можно с помощью «принципа участия».

Социальная ответственность бизнеса

Как и у многих идеологических категорий, у социальной ответственности бизнеса (СОБ) четкого и единого определения до сих пор нет, хотя сама идея появилась уже давно. Первым письменным закреплением идеи ответственности бизнеса можно считать статью Кларка, в которой говорится о том, что «мир достаточно давно знаком с идеей ответственности <...> но тот факт, что большая ее часть относится к бизнесу, еще не получил распространения. Необходимо, чтобы эта идея снова возникла в нашем обществе, где и бизнесмены и экономисты до сих пор находятся в полумраке политики невмешательства (laissez-faire)» (Clark, 1916:229).

К началу 70-х годов в США уже появляются научные работы, осмысляющие и систематизирующие историю развития социальной ответственности. Особенный интерес представляет статья Престона «Корпорация и общество: в поисках парадигмы» (Preston, 1975), делающая обзор основной вышедшей к моменту публикации литературы, которую автор делит на три основные группы: институциональную (делающую акцент на обществе и использующую историческую перспективу), организационную (микросоциологические исследования организаций) и социально-философскую (выдвигающую нормативные концепции идеальных взаимоотношений бизнеса и общества). В заключение Престон го-

[4] Исходя из контекста статьи, под российским обществом автор понимает в основном экономическую элиту.

ворит, что «последние исследования показывают важность отношений бизнес – общество и необходимость создавать и открывать новые механизмы определения и распределения доступных социальных и экономических выгод», что для развития этой темы «необходима другая, отличная от существующих, расширенная концепция как общества, так и компании; ключевой идеей новой концепции должна стать идея мультифункциональности общества и корпорации» (Preston, 1975:445–447).

В современных определениях СОБ идея Престона трудно уловима. В западной литературе СОБ определяют чаще всего как «достижение коммерческого успеха таким способом, который уважает этические ценности и заботится о людях, сообществах и окружающей среде»[5] (Business..., 2005) или как «внедрение бизнес-решений и ценностей с помощью учета в политике и действиях компании интересов всех стейкхолдеров, включая инвесторов, потребителей, работников и окружающую среду»[6] (CSRwire..., 2005). Такая инициатива ООН, как Глобальный Договор (Global Compact) вообще не дает определения, но предлагает осуществлять бизнес-деятельность в согласии с десятью принципами, основанными на правах человека, условиях труда, экологии и борьбе с коррупцией (GlobalCompact..., 2005).

В России социально ответственная тема в узких специализированных кругах громко зазвучала в 2003 г., когда на русском языке разом вышли основные книги на эту тему[7]. С декабря 2003 г. проблема социальной ответственности бизнеса получила широкий общественный резонанс, который был вызван словами В.В. Путина, озвученными на заседании в ТПП РФ: «бизнес не может и не должен уходить от решения социальных проблем» (ТПП, 2003).

В русском языке СОБ получила следующие определения: «это добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума» (Коновалова, 2003:39); «это ответственность перед деловыми партнерами, перед сотрудниками, перед местными сообществами и населением в целом» (Ивченко, 2003:12).

[5] «CSR means achieving commercial success in ways that honor ethical values and respect people, communities, and the natural environment»

[6] «CSR is defined as the integration of business operations and values, whereby the interests of all stakeholders including investors, customers, employees, and the environment are reflected in the company's policies and actions».

[7] «Социальные инвестиции в бизнесе» (Туркин, 2003); «Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка» (Литовченко и Корсакова, 2003); «Управление социальными программами компании» (Коновалова, Корсаков, Якимец, 2003); «Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний» (Ивченко, Либоракина, Сиваева, 2003).

Интересно, что первое определение, исходящее от Ассоциации менеджеров, не находит поддержки у представителей бизнеса: в проведенном автором анкетном опросе[8] с таким определением СОБ согласилось менее трети респондентов, тогда как с определением «СОБ — это забота о сотрудниках» согласилось более 70%. Также мало согласившихся с определениями, основанными на 10 принципах Глобального Договора и указывающими на права человека и борьбу с коррупцией как элементы СОБ. Такое распределение ответов можно объяснить тем, что современными руководителями были унаследованы советские этические нормы, наиболее полно выраженные в принципе градообразующих предприятий. А предлагаемые в литературе нормы являются всего лишь попыткой перенести западные образцы на российскую почву, т. е. пока еще нововведением, распространение которого ограничено «продвинутым молодым бизнесом».

Возможно, причиной того, что определения СОБ столь разнообразны и противоречивы, является попытка определить, что такое ответственность, а также ее объект, субъект и алгоритм действий. Проблема ответственности уже много веков занимает человечество. Относясь к области этики, ответственность представляет собой предмет долгих философских изысканий. Неудивительно, что авторы современных определений СОБ оказываются перед преградой, преодолеть которую почти невозможно. От эпохи к эпохе, от одной культуры к другой определение ответственности меняется, как меняются подходы к этике в целом. Такую же проблему (ограниченность применения) создает и попытка определить объект и субъект отношений ответственности, т. е. кто и перед кем ответственен, а главное, за что (это напоминает извечный вопрос «Кто виноват?»).

Исходя из всего вышесказанного, я предпринимаю попытку дать свое определение, которое и использую в данной работе: «Социальная ответственность бизнеса — это ответственность тех, кто принимает бизнес-решения, перед теми, на кого прямо или косвенно эти решения влияют». СОБ, понятая в соответствии с этим определением, является идеалом, который не может быть полностью воплощен в действительности, хотя бы потому, что просчитать все последствия одного решения просто невозможно. Но социальная ответственность — это не практическая норма, а этический принцип, который должен быть задействован в процессе принятия решения. Долженствование здесь является внутренним, перед самим собой, и основывается на моральных нормах и ценностях, приобретенных в процессе социализации. Как это происходит — отдельная тема для исследования. В данной работе мы представим, что социально-ответственный бизнес есть, и зададимся вопросом, как он взаимодействует с обществом.

[8] В ноябре 2004 – феврале 2005 г. автором был проведен анкетный опрос высшего руководства коммерческих компаний Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Новгорода, Калининграда. В опросе участвовало 60 респондентов.

Бизнес и общество: формы взаимодействия

Как было уже сказано выше, СОБ — это этический принцип, встроенный в процесс принятия экономических решений. Бизнес-решения же не всегда связаны с обществом. Здесь следует заметить, что в данном конкретном случае я имею в виду не все общество в целом (как сложный комплекс всех секторов, как сообщество людей вообще), а тех людей, которые не работают на эту компанию и не взаимодействуют с ней на профессиональной основе. Это, прежде всего, представители местных сообществ и некоммерческие организации. Далее я рассматриваю ответственность компании именно перед этой группой общественности[9].

Бизнес и общество связывают в основном трудовые и рыночные отношения: создание рабочих мест/кадров, производство/потребление товаров и услуг. Но помимо них есть и «общественные связи», подобные связям живого организма с окружающей средой. Когда бизнес осуществляет свою деятельность, то делает он это не в вакууме, а в социальном пространстве, затрагивая интересы многих существующих в нем субъектов. Если бизнес нарушит гармонию рыночных отношений (включая и рынок труда), то результаты он получит в ближайшем будущем. Возможно, это, как и указанные выше причины, также влияют на распространенность «заботы о сотрудниках» как формы социальной ответственности. Финансовый рынок тоже ответит сразу, да и реакция государства не заставит себя долго ждать. А вот игнорирование связей с обществом имеет значение только при долгосрочном планировании, так как результат нарушения таких связей виден далеко не сразу, а как минимум через несколько лет, что связано с продолжительностью любых общественных изменений.

Очень часто за социальное взаимодействие выдается благотворительная деятельность. Отождествление ее с благотворительностью — самое распространенное заблуждение относительно социальной ответственности. Хотя о благотворительности ни слова не говорится ни в зарубежных, ни в русскоязычных источниках по социальной ответственности, она очень часто ставится в один ряд с социальной деятельностью компании. Отвечая на вопрос «Какую социальную деятельность реализует Ваша компания?»[10], подавляющее большинство респондентов отметили разовую или постоянную благотворительность. В коммуникациях (PR) по поводу благотворительности затронуто два этических момента: благотворительность — дело частного лица, а не компании, поэтому сообщение «ОАО «Васюкимаш» пожертвовало столько-то денег детскому дому» поднимает вопрос о правомерности использования средств акционеров[11]; использование акта благотворительности как новостного повода ставит под сомнение саму благотворительную идею, основанную на пожертвовании, на безвозмездном дарении, ничего не требующем взамен, в том числе прироста репутации через информирование в СМИ.

Реже, чем благотворительность, за социально ответственную деятельность выдается создание фондов или участие в них (реже потому, что это уже требует некоторых организационных усилий). В лучшем случае организация не просто перечисляет деньги, но и делегирует представителя для участия в собраниях и советах фонда[12]. Но, в общем, хотя это обычно и не называется благотворительностью, перечисление денег фонду мало чем отличается от простого пожертвования, хотя риски нецелевого и неэффективного использования средств снижаются.

Ни благотворительность, ни поддержка фондов не является партнерством, так как это односторонняя деятельность; если жертвуют от души, то ничего не ждут взамен. А принцип социальной ответственности требует как раз партнерских, двусторонних отношений с обществом и представляющими его НКО. Именно в условиях партнерства могут вырабатываться решения, учитывающие последствия для всех вовлеченных сторон.

Социальное партнерство: принцип участия

Чтобы принцип социальной ответственности был соблюден, компании при реализации решений, затрагивающих общество, необходимо участие представителей этого общества как экспертов и как партнеров в принятии этих решений. Именно эту функцию выполняют общественные слушания, хотя по закону и обязательные, но часто проводимые для проформы. Общественные слушания представляют собой идеальную форму партнерства местного сообщества и социально ответственной компании, так как позволяет принять решение с максимальным учетом общественного мнения. Но общественные слушания в России применяются только в сфере строительства, ведь строительство сразу и заметно изменяет жизнь сообщества. Действия в других сферах бизнеса не оказывает такого зримого влияния.

Если сообщество не видит и не представляет, как на него влияют действия бизнеса, то ответственность компании не только не исчезает, а, наоборот, увеличивается. На компанию тогда ложится обязанность информировать о своей

[9] Охватить весь спектр ответственности компании в таком формате просто невозможно и в данном случае не нужно, так как проблемы взаимоотношений и ответственности бизнеса перед сотрудниками, партнерами, конкурентами, потребителями, государством и т.д. являются отдельными большими темами.

[10] Об исследовании см. примечание 3 на стр. 327.

[11] В России решение этой этической проблемы затрудняется тем, что в большинстве случаев руководители организации одновременно являются и ее владельцами, а также тем, что институт «акционерства» пока еще совсем не развит.

[12] В качестве примера можно взять пензенский фонд «Гражданский союз», который ежегодно проводит конкурс среди НКО города и области на освоение средств, вложенных бизнесом. Победителей определяет жюри, основная часть которого состоит из представителей бизнеса, поддерживающих фонд.

деятельности все группы общественности, на которые влияют ее решения. Осуществить это информирование помогает социальный отчет.

Социальной отчет не является сборником описаний добрых дел с перечнем пожертвованных сумм. Это источник информации о том, какие действия предприняла компания, чтобы результаты принятых ею решений не оказали негативного влияния на кого бы то ни было. Несмотря на то что отчет представляет собой односторонний вид коммуникации, в само его распространение заложена функция обратной связи. Отчет должен распространятся компанией среди представителей всех заинтересованных групп общественности, которые, получив ранее не известную информацию, могут потребовать учесть их интересы, если в предыдущий раз важными для этой группы последствиями пренебрегли. Такой процесс коммуникации и исправление ошибок в итоге должны привести к принятию решения, которое бы устраивало все вовлеченные стороны. Именно это и является взаимодействием, направленным на достижение результата, выигрышного для всех участников.

Компания ответственна не только за то, что делает, но и за то, чего не делает. В сферу «неделания» можно отнести безучастное существование фирмы в сообществе, неучастие в его жизни. Начиная работать на определенной территории, в городе, области, стране, компания автоматически становится корпоративным гражданином. «Социально ответственная компания выступает как гражданин определенной территории, местного сообщества. Она стремится обеспечить благополучие территории, на которой осуществляется ее основная деятельность, помочь улучшить социально-экономические условия в своем непосредственном окружении» (Ивченко, 2003). Но, как было сказано выше, и такое участие не должно ограничиваться финансовыми откупами. Чтобы проявить себя как гражданин и при этом реализовать принцип партнерства, компания организует социальные программы, основанные на принципе участия.

В реализации социальных программ для местного сообщества компания может участвовать следующими способами:

– финансирование,
– предоставление помещений и оборудования,
– волонтерство сотрудников,
– консультации НКО по финансовым и управленческим вопросам,
– использование личных связей высшего руководства,
– участие высшего руководства в деятельности муниципального управления,
– организация мероприятий,
– участие корпоративного гражданина в отношениях граждан местного сообщества с государством.

Социальные программы не являются односторонними, они требуют участия не только со стороны компании, но и со стороны самого сообщества. Без инициативы органов местного самоуправления, без волонтерства жителей, без проявления гражданской ответственности каждого человека социальное партнерство невозможно.

Принцип участия — это требование реализовать социальные программы с помощью материальных, финансовых и временных ресурсов всех задействованных групп. Роль коммерческой организации в становлении отношений участия заключается в старте таких отношений. Первичная инициатива и начальное организационное руководство возлагаются именно на бизнес, так как у него уже есть опыт подобной деятельности. Ведь именно с инициативы и организации людей для достижения общих целей начинается любая компания.

Государство: третий лишний?

Роль государства в отношениях бизнес – общество неоднозначна и противоречива. Является ли вмешательство в определение социальной политики компании таким же недопустимым, как и вмешательство в экономику? Сложно ответить на вопрос о правильности или неправильности действия государства в сфере таких отношений. Можно лишь констатировать, что внимание к вопросу социальной ответственности бизнеса у органов власти резко повысилось. Как только о СОБ заговорил президент, чиновники всех рангов переняли выражение и стали регулярно использовать его. На практике, однако, требование от бизнеса вложений денег в решение социальных проблем некоторые рассматривают как новую форму взяточничества[13]. Участие государства в отношениях бизнес – общество можно объяснить и высоким уровнем влияния государства на бизнес вообще. В рейтинге факторов влияния на бизнес государство заняло второе место, сразу после спроса[14].

Мысли об ответственности государства звучат гораздо реже, в основном в международно-правовой сфере. Некоторые представители бизнес-кругов иногда говорят на эту тему (Гонтмахер, 2004). Ведь бизнес платит налоги, которыми должно ответственно распоряжаться государство, почему от него требуют еще и содержания пенсионеров, сирот и инвалидов? Государство же пытается вовлечь бизнес в осуществление социальной политики, так как честно и открыто признает, что нести сейчас свою ответственность самостоятельно оно не в состоянии.

В идеале в отношениях бизнеса и общества государство должно присутствовать лишь в виде законодательной, исполнительной и судебной власти, а также в роли управленца налоговыми средствами, которые позволяют обеспечить удовлетворение базовых потребностей населения и решать проблемы общенационального масштаба, с которыми никакой крупный бизнес справиться не сможет (как, например, стихийные бедствия или проблемы медицины и образования, науки).

[13] Из интервью с руководителем подразделения PR крупной логистической компании.

[14] Об исследовании см. примечание 3 на стр.327..

Заключение

Проведенный анализ показывает, что понятие социальной ответственности, несмотря на активное и широкое употребление этого словосочетания, остается непонятым. Вместо этического принципа ведения бизнеса СОБ часто используется просто как инструмент улучшения репутации или даже как «взяточный» механизм. О социальном партнерстве же говорят просто как о взаимодействии, без отсылки к тому, что партнеры в первую очередь должны быть ответственными друг перед другом. Опасность построения отношений без партнерского участия всех сторон состоит в том, что они могут превратится в отношения требования с одной стороны и использования с другой. Наверное, партнерские отношения должны начинается не с взаимодействия, а с принятия ответственных ролей. Помочь в этом может тот же принцип участия, который, кроме деятельной стороны, подразумевает и способность партнеров представлять себя на месте другого. Но все эти действия требуют определенного набора этических норм и принципов.

Возможно, повышение внимания к теме социальной ответственности является первым шагом на пути к настоящему социальному партнерству, и далее возникнут разговоры об ответственности государства и каждого отдельного гражданина, что непременно должно привести к первым попыткам построения партнерских отношений социально ответственных сторон. От научной же стороны требуется внимание к проблемам этики, перевод этических проблем из области философских размышлений в сферу практических проблем: изучения механизмов выработки и применения этических норм и принципов в бизнесе и обществе в целом, а также формирования гражданских добродетелей. Именно эти знания помогут «изобрести» способы реализации социального партнерства бизнеса и гражданского общества.

Литература

1. ВЦИОМ (2004). Социальная ответственность бизнеса глазами россиян. <http://www.wciom.ru/?pt=46&article=862> (10.02.05)

2. *Гонтмахер Е.* (2004). Вице-президент РСПП Евгений Гонтмахер о социальной ответственности граждан, государства и бизнеса (интервью радиостанции «Радио России»). <http://www.rspp.biz/articles?fid=185&aid=698&PHPSESSID=b9b045808f7cd9ed188b92e3f707952d> (25.03.05)

3. *Ефремова Т.Ф.* (2000). Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык.

4. *Здравомыслов А.Г.* (2005). «Ответственность экономической элиты» // Общественные науки и современность(1): 45-58.

5. *Ивченко С.В., Либоракина М.И., Сиваева Т.С.* (2003). Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний. М.: Фонд «Институт экономики города».

6. *Коновалова Л.Н., Корсаков М.И., Якимец В.Н.* (2003). Управление социальными программами компании. М.: Ассоциация менеджеров.

7. *Литовченко С.И., Корсакова М.И.* ред. (2003). Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка. М.: Ассоциация менеджеров.

8. *Мордашов А.* (2004). Российский бизнес готов проявлять большую социальную ответственность в отношении своих граждан. <http://rustrubprom.ru/view.php/M888_0_3_0_C/> (12.05.04)

9. *Рих А.* (1996). Хозяйственная этика. М.: Посев.

10. ТПП (2003). Расширенное заседание Правления ТПП РФ на тему: «О социальной ответственности бизнеса в современной России» 23.12.2003. <http://www.tpprf.ru/ru/main/news/news-torg/news_current.shtml?2003/12/20031223-16713.html> (25.02.05)

11. *Туркин С.В.* (2003). Социальные инвестиции в бизнесе. М.: Русский университет.

12. *Шабанов С.* (2004). Еще раз о социальной ответственности бизнеса. <http://www.upr-group.ru/news030604_pr_about1.htm> (14.03.05).

13. *Andrews, K.R.* (1972). «Public Responsibility in the Private Corporation.» The Journal of Industrial Economics, 20(2): 135–145.

14. *Business (2005)*. Business for social responsibility. <http://www.bsr.org/AdvisoryServices/CSR.cfm> (25.03.05)

15. *Clark J.M.* (1916). «The Changing Basis of Economic Responsibility.» The Journal of Political Economy, 24(3): 209-229.

16. CSRwire (2005). <http://csrwire.com/page.cgi/about.html> (25.03.05)

17. GlobalCompact (2005). <http://www.unglobalcompact.org/> (15.01.05)

18. *Preston L.E.* (1975). «Corporation and Society: The Search for a Paradigm.» Journal of Economic Literature, 13(2): 434–453.

Александр НОВИКОВ[1]

Вторая премия

Рисковые коммуникации как механизм, способствующий развитию гражданского общества (на примере атомной отрасли)

Если опираться на сложившуюся европейскую и американскую практику построения гражданского общества, то вся жизнь в таком обществе должна основываться на трех важнейших составляющих. Первая предполагает *наличие рыночных отношений во всех сферах деятельности*. Вторая заключается в *публичности политики*. Так, в европейском праве понятие «свобода печати» возникло именно как форма обеспечения публичности власти. Власть должна быть прозрачна, понятна, и все законы, все действия власти должны быть подконтрольны гражданам; СМИ в таком случае становятся одним из инструментов реализации принципа публичности власти. Третья обязательная составляющая – это *защита прав человека*.

Для становления и успешного развития гражданского общества важно соблюдать баланс между всеми этими слагаемыми. Например, степень развитости рыночных отношений должна регулироваться заботой о правах человека и публичностью властных отношений, прозрачностью власти. Гражданское общество можно рассматривать как сферу свободной, творческой жизнедеятельности личности, коллективов и общностей людей. Разнообразие взглядов и подходов, мотивов и интересов, предельная индивидуализация форм общения и поведения в гражданском обществе не только допустимы, но и желательны, необходимы. Лишь полное и разумное самовыражение каждого человека рождает тот потенциал, который обеспечивает его развитие[2].

Если общество не ощущает свою сопричастность к событиям, происходящим в государстве, то неизбежно нарастает его отчуждение от власти, которое может привести к их активному противостоянию. В этом случае единственным методом обеспечения действенности власти становится метод силового подавления общества, не имеющий ничего общего ни с правовым, ни с демократическим государством[3]. К сожалению, некоторые проявления этого мы уже можем

[1] СПбГУ, ф-т журналистики, аспирант

[2] *Нисневич Ю.А.* Информация и власть. М., 2000. С. 38.

[3] Там же. С. 39.

наблюдать на примере событий, связанных с монетизацией льгот, введением нового Жилищного кодекса и некоторыми другими реформами, проводимыми в настоящее время в России.

Нам бы не хотелось подробно останавливаться на существующих подходах к понятию гражданского общества и присоединяться к дискуссиям о его типах – этому посвящено довольно много работ. Кроме того, каждый год в России проходит более десяти конференций и форумов по проблемам гражданского общества, где регулярно рассматриваются различные теоретические нюансы. В данной работе нам представляется актуальным остановиться на роли СМИ в процессе становления и развития гражданского общества в России, а именно, рассмотреть значение рисковых коммуникаций в данном контексте.

Как верно отмечает Ю.А. Нисневич, «одним из важнейших необходимых условий формирования гражданского общества, его политического и институционального структурирования является соответствующее информационное обеспечение такого процесса, так как именно информация является основным источником энергии развития общества»[4]. Тем не менее именно функция СМИ как общественной арены в последнее время не только не развивается в России, а наоборот – подавляется.

Механизм рисковых коммуникаций

Одна из базовых потребностей человека – потребность в безопасности. Как справедливо отмечает О.К. Крокинская, человек может жить только в понятном ему мире, где он не испытывает беспокойства и страха, чувствует себя адекватным своей среде, видит смысл своих и чужих действий и знает, что ждет его в будущем[5].

Именно потребность в безопасности, согласно иерархии потребностей А. Маслоу, находится на втором месте после физиологических потребностей человека. Причем понятие безопасности подразумевает под собой не только обеспечение физической безопасности, но также достижение чувства защищенности от физических и эмоциональных угроз. Удовлетворению потребности в безопасности способствуют такие факторы, как стабильность окружающей обстановки, уверенность в завтрашнем дне.

В настоящее время в России власть предпринимает все больше попыток провести различные решения без оглядки на население. Оно же, в свою очередь, в большинстве своем занято удовлетворением базовых потребностей. По оценкам Института гуманитарных коммуникаций, в 2004 году только от 5 до 7% населения[6] среднего российского областного города заинтересованы в развитии

[4] *Нисневич Ю.А.* Указ. соч. С. 39.

[5] *Крокинская О.К.* Гражданское общество и массовое сознание. СПб., 2000. С.3.

[6] *Дзялошинский И.М.* Без решения проблем с доступом к информации гражданское общество построить невозможно (http://www.inguk.ru/biblio/roll-pressa-den/dzjaloshinskii-t.html).

рыночных отношений, возможности получать информацию, реализовывать свои права и т. д., то есть в том, чтобы стать полноправными участниками гражданского общества.

В рамках данной статьи нам бы хотелось проиллюстрировать тезис об ослаблении роли публичной политики на примере проблем, связанных с безопасностью и современными рисками, которым пока уделяется недостаточное внимание. Тем не менее без публичного обсуждения этих проблем построить гражданское общество в России вряд ли удастся, и это доказывает опыт развитых европейских стран. С каждым годом человечество сталкивается все с новыми рисками, о которых в большинстве случаев узнает из СМИ. Причем решение проблем безопасности и приемлемости риска, связанного с развитием тех или иных технологий (безопасность АЭС, клонирование, проблемы генетически модифицированных продуктов и т. д.), происходит посредством рисковых коммуникаций.

Под *рисковыми коммуникациями* мы будем понимать процесс обмена информацией между социальными субъектами по поводу рисков для здоровья людей и окружающей природной среды, направленный на эффективное взаимодействие этих субъектов. Целью рисковых коммуникаций является формирование эффективного взаимодействия между социальными субъектами для снижения напряженности в восприятии риска и отношении к нему. И именно через эффективные рисковые коммуникации можно прийти к согласию по ряду сложных и спорных вопросов, при этом уважая интересы различных заинтересованных сторон и, таким образом, соблюдая один из важнейших принципов гражданского общества.

Согласно Национальному исследовательскому совету США[7], «процесс рисковых коммуникаций может рассматриваться успешным только в том случае, если он, во-первых, сначала повышает точность информации, которую используют люди, принимающие решения, будь это чиновники, представители бизнеса или отдельные граждане, и, во-вторых, обеспечивает их достаточную информированность в пределах доступного знания».

Неэффективные рисковые коммуникации способны усилить тревожность, беспокойство и страх в обществе, а также подогреть слухи, повлечь за собой неадекватное восприятие риска, привести к громким голословным утверждениям и претензиям и т. д., что мы можем наблюдать в связи с обсуждением ряда острых вопросов в России, например по поводу ввоза зарубежного отработанного ядерного топлива (ОЯТ).

Теперь, наверное, будет уместно обратиться к истории возникновения понятия рисковых коммуникаций. Данный термин появился в США в середине

[7] *Risk Communication: Working With Individuals and Communities To Weigh the Odds* http://odphp.osophs.dhhs.gov/pubs/prevrpt/Archives/95fm1.htm.

70-х годов двадцатого века. В середине 1980-х годов рисковые коммуникации были признаны в США и некоторых странах Западной Европы необходимым компонентом управления рисками, а также принятия решений сообществом в отношении здоровья и прав граждан на благоприятную окружающую среду. Рисковые коммуникации начали рассматриваться как неотъемлемый компонент гражданского общества. Таким образом, они стали серьезной составляющей реализации проектов, связанных с химическими отходами, атомными электростанциями и т. д.[8]

В условиях, когда у общества уже есть определенные представления о риске – а на его восприятие воздействуют самые различные факторы, – оказывается недостаточным просто предоставлять большое количество информации. Поэтому государственные органы и бизнес пришли к осознанию того, что налаживание диалога с общественностью по вопросам риска должно выйти за рамки традиционных информационных и образовательных кампаний.

Для организации рисковых коммуникаций необходимы новые обучающие и информационные модели, учитывающие весь спектр проблем, которые в глазах общественности могут ассоциироваться с тем или иным риском. Важно подчеркнуть, что успех в значительной степени зависит от того, насколько сами государственные органы, эксперты, руководство и персонал предприятий понимают особенности восприятия риска населением[9].

В США были предприняты масштабные усилия для того, чтобы основные правила коммуникации были известны тем лицам, которым в большей или меньшей степени приходится взаимодействовать с населением. Для этого были проведены специальные исследования по вопросам восприятия разных видов риска различными аудиториями, разработаны пособия, учебные курсы и программы, нацеленные на улучшение соответствующих знаний и навыков персонала государственных ведомств и промышленных предприятий[10].

Таким образом, рисковые коммуникации «выросли» из работ по методам оценки риска для людей, подвергнутых воздействию токсичных веществ, исследований по восприятию риска, а также работ по теории коммуникации и связям с общественностью. В 1989 году Национальный исследовательский совет США издал первое официальное руководство по рисковым коммуникациям.

Необходимо отметить, что рисковые коммуникации эффективны лишь в том случае, если они носят двухсторонний характер, где участники – полноправные партнеры, и если уважается мнение общественности, экспертов и других заинтересованных сторон. Это особенно актуально в контексте спо-

[8] Там же.

[9] *Абалкина И. Л.* Восприятие радиационной опасности в США // США. Канада. Экономика – политика – культура. 2003. № 10. С. 110.

[10] Там же.

ров по поводу приемлемости риска. Таким образом, принятие рисков – это не столько информирование, сколько общественное обсуждение. Можно сказать, что рисковые коммуникации эффективны лишь в условиях *публичной сферы*, под которой мы понимаем определенное пространство (место), где различные социальные системы, правительство, партии, профсоюзы и СМИ ведут общественную дискуссию и могут вступать в определенную оппозицию по отношению друг к другу[11].

«Нет демократии без публичной сферы», – считает французский исследователь Д. Вольтон[12]. По его мнению, публичная сфера есть прежде всего демократия в действии, что выявляется в противопоставлении интересов, взглядов, идеологий субъектов. Однако публичная сфера не возникает просто при наличии свободной прессы, самой свободы слова – она возникает тогда, когда в обществе появляются более или менее самостоятельные индивиды, способные составить собственное мнение о чем-либо и умеющие определенным образом публично представлять собственное суждение.

По мнению Д.П. Гавры, публичную сферу составляют отношения в определенной общности людей, направленные на реализацию общего блага или общего интереса и характеризующиеся общеизвестностью, открытостью общему доступу[13]. Таким образом, публичная сфера есть признак демократического общества, предполагающего возможность свободного обмена мнениями между его членами.

Для современной России, по мнению Д.П. Гавры, характерной является ситуация, «когда в субъектном пространстве публичной сферы явно преобладают институциональные субъекты, прежде всего связанные с институтами государственной власти. Субстанциональный субъект – общественность – развита слабо, в количественном отношении малочисленна, занимает подчиненное положение, подавляется. Она не является полноправным участником дискуссий с властью, не обладает легитимирующим потенциалом, да и сам этот диалог едва ли имеет место»[14]. Постепенно в процесс публичных коммуникаций включаются и негосударственные организации, которые стремятся ознакомить широкую общественность со своими приоритетами в публичной сфере деятельности, и, таким образом, объектом публичных коммуникаций постепенно становится поиск общественного консенсуса между социальными субъектами, прежде всего, через информирование и убеждение.

[11] *Golding P.* Telling Stories: Sociology, Journalism and the Informed Citizen // European Journal of Communication. 1994. № 4. P. 26.

[12] *Wolton D.* Penser la communication. Paris, 1997. P. 52.

[13] *Гавра Д.П.* О возникновении публичной сферы // Бюллетень информационно-аналитического центра «Юнитест». СПб., 1994. С. 18.

[14] Там же. С. 13.

Атомная отрасль как индикатор становления гражданского общества в России

Одной из сфер, вызывающей серьезную обеспокоенность общественности и требующей активного диалога всех заинтересованных сторон, является атомная энергетика. Этому способствуют ряд обстоятельств, в силу которых атомную отрасль можно отнести к сфере рисковых коммуникаций.

Первым таким фактором можно назвать исторический контекст. Атомная энергетика и промышленность развивались параллельно с созданием и совершенствованием ядерного оружия. Тот факт, что ядерная технология была сначала представлена обществу в виде самой мощной бомбы за всю историю войн, с впечатляющими образами атомных «грибов», создал устойчивую ассоциацию атомной энергетики с атомной бомбой. Этот тезис особенно хорошо работает по отношению к поколениям, которые регулярно подвергались воздействию негативно окрашенной информации по «ядерной» теме со стороны СМИ.

А. Колдобский и В. Насонов пишут по этому поводу: «В этом смысле излюбленное утверждение “зеленых” разного рода, что “в основе реактора лежит бомба”, чудовищно безграмотное с физико-технической точки зрения, вполне, как это ни парадоксально, справедливо с точки зрения исторической»[15]. Таким образом, в представлении многих людей атомная отрасль тесно связана с оружием массового уничтожения. Последствия такой непростой «биографии» в контексте отношения общественности к атомной энергетике очевидны. В представлении очень многих людей она оказывается освещенной зловещим заревом страшного оружия, обеспечившего человечеству возможность самоуничтожения.

По утверждениям специалистов, ядерная энергетика является одной из наиболее чистых отраслей производства. Так, например, сравнительный анализ опасности различных объектов показывает, что риск смертельных поражений от выбросов АЭ при нормальной их работе в 400 раз меньше, чем от выбросов вредных веществ, источниками которых являются тепловые электростанции. Поэтому эксперты-специалисты ставят ядерную энергетику по степени ее опасности на 20-е место, в то время как неядерной энергетике отводят 9-е место. Вместе с тем совершенно ясно, и это никто не подвергает сомнению, что в случае возникновения и развития аварии на объекте ядерной энергетики поражающие факторы и ущерб несоизмеримы с техногенным воздействием и последствиями от любых других аварий и катастроф. Вот почему, несмотря на относительно малый риск возникновения опасных аварий, предотвращению и мерам по ликвидации ядерных и радиационных катастроф придается исключительно большое значение[16].

[15] *Колдобский А., Насонов В.* Вокруг атомной энергетики: правда и вымыслы. М., 2002. С. 7.

[16] *Владимиров В.А., Измалков В.И.* Экологические последствия радиационных катастроф // Катастрофы и общество. С. 191–192.

Однако в контексте рассматриваемых вопросов для нас наиболее важен фактор закрытости атомной отрасли для населения. Более или менее достоверная информация об атомных проектах начала доходить до общественности только полтора-два десятилетия назад. До этого времени практически любые сведения, касающиеся этой отрасли, были недоступны. Однако и в настоящее время говорить об открытой информационной политике Федерального агентства по атомной энергии не приходится. В свою очередь, это привело к неадекватной оценке общественностью деятельности предприятий атомной энергетики. Так, в СМИ наиболее широко освещались именно проблемы атомной отрасли, ее опасность для здоровья человека и окружающей среды. Учитывая общую слабую информированность о проблемах атомной энергетики, у подавляющего большинства населения эта тенденция вызвала появление крайне негативного отношения к атомным проектам в целом. Именно особенности восприятия и отношения общественности к данной специфической отрасли способствовали проявлению целого ряда действий со стороны антиатомных движений. Например, благодаря «зеленым» в некоторых европейских странах и США были приняты политические решения об ограничении или полном отказе от использования атомной энергии. Также следует указать на действия различных политических партий, одним из основных программных тезисов которых был отказ от атомных энергетических проектов. Наиболее ярко это проявилось в Германии, где в конце 80-х годов прошлого века было принято решение о полном отказе от атомной энергетики. В России в начале 2000-х годов этой идеологии придерживалась партия «Яблоко».

Учитывая все вышеперечисленные факторы, любая нештатная ситуация на атомных объектах вызывает большой общественный интерес. В качестве примера можно привести гибель АПЛ «Курск» в августе 2000 года и возможность попадания в связи с этим радиоактивных веществ в водную среду, облучения людей в Гремихе в июле 2003 года, инцидент на Балаковской АЭС в ноябре 2004 года и т. д. Все эти события становятся объектом самого пристального внимания со стороны СМИ как представляющие риск для населения и окружающей среды. На примере их освещения в СМИ мы можем наблюдать, насколько эффективно действуют государственные информационные механизмы.

В этой связи стоит отметить, что вторичную информацию современный человек получает, прежде всего, из средств массовой коммуникации. Процессы глобализации, которые активно затрагивают и СМИ, ведут к увеличению роли вторичной информации, а она, в свою очередь, формирует сознание людей. Это особенно касается таких сфер деятельности человека, как атомная энергетика. По данному поводу очень емко выразился У. Бек: «Недоступная для непосредственного восприятия органами чувств радиоактивность и связанные с ней последствия у растений, животных и человека... высвобождают системно обусловленные, часто необратимые разрушительные силы, остаются, как правило, невидимыми, проявляются только в знании (научном

или антинаучном) о них, посредством того знания могут меняться, уменьшаться или увеличиваться, драматизироваться или недооцениваться. Следовательно, средства информации и понимание степени риска становятся ключевыми общественно-политическими позициями»[17].

Основные «болевые точки»

В ноябре 2004 года на Балаковской АЭС произошел инцидент, который наглядно демонстрирует основные проблемы рисковых коммуникаций в атомной сфере и характеризует степень становления гражданского общества в России.

Напомним, что 4 ноября 2004 года в 1 час 24 минуты была обнаружена утечка чистой обессоленной воды для питания парогенераторов второго энергоблока Балаковской АЭС. Блок был остановлен действием аварийной защиты. Никакого ухудшения радиационной обстановки, нарушения пределов и условий безопасной эксплуатации зафиксировано не было. Однако информационное обеспечение этого инцидента было организовано очень неэффективно, что привело к сильным волнениям среди населения. Панику усугубили сторонние причины: накануне в Балакове проходил фестиваль патриотической песни и проводились учения по безопасности, о которых жителей никак не информировали.

Главный редактор Балаковского независимого телеканала «Свободное телевидение» Александр Наумов предлагал представителям МЧС прервать программу передач и дать в эфир подробный комментарий, способный успокоить людей. Однако специалисты, уверенные в незначительности аварии, не сочли нужным этого делать. К вечеру 4 ноября в ближайших к Балаково городах – Саратове, Самаре, Пензе, Саранске, Казани и Ульяновске – началась паника, которая была вызвана отсутствием необходимой информации. Упомянутый Александр Наумов накануне учений звонил в пресс-службу станции, доказывал, что нужно снять несколько сюжетов об учениях, однако получил отказ. Тогда руководству АЭС было предложено снять бесплатно фильм об остановленном блоке с подробными комментариями, но и в этом телевизионщикам было отказано.

В это время губернатор Саратовской области Дмитрий Аяцков был в отпуске, а директор Балаковской АЭС находился в Москве. Никто из них 4 ноября не сделал заявления для прессы. Кроме того, молчали все ведомства, которые могли внести хоть какую-то ясность. На второй день паники, когда в больницы уже стали попадать первые отравившиеся йодом (люди принимали йодсодержащие препараты для предотвращения радиоактивного действия на организм), областное министерство здравоохранения прислало в газеты пресс-релиз с информацией о профилактике гриппа и мигрени[18].

[17] *Бек У.* Общество риска. М., 2000. С. 25.

[18] *Чернова Н.* Атом страха // Новая газета. 18 ноября 2004.

По информации балаковских экологов, в нескольких поселках сельсовет посоветовал местным жителям не выходить из дома, не пасти скот и принимать таблетки йодида калия. Йодистые препараты начали раздавать в детских садах. Сотрудники Пензенского зоопарка безуспешно пытались получить совет в региональном подразделении природоохранной службы, что предпринять при радиоактивном выбросе для спасения животных. Однако, не получив никакого ответа, по собственному усмотрению выдали обезьянам по чайной ложке красного вина, а представителям семейства кошачьих – по литру молока.

Рашид Алимов, эксперт норвежской экологической организации «Беллуна», почти сразу после остановки реактора позвонил в информационный центр станции и попросил подтвердить сведения о том, что на станцию должен приехать с проверкой полпред президента в Приволжском федеральном округе Сергей Кириенко. Ему ответили, что это его собственные фантазии. А через несколько часов информация о визите Кириенко появилась на сайте атомной станции[19].

Алексей Горюн, главный инженер спецкомбината «Радон», занимающегося мониторингом и обеспечением радиационного контроля в регионе, к эфиру допущен не был. Днем 4 ноября, после шквала звонков на его комбинат из соседних областей и предприятий города, он позвонил в приемную губернатора и стал доказывать, что необходимо дать комментарии. На том конце провода услышал спокойный ответ: «А зачем? Мы никаких заявлений не делали – нам и опровергать нечего...»

Официальные комментарии о случившемся население получило только во второй половине следующего за инцидентом дня. На Первом канале телевидения сообщалось, что «остановка произошла накануне примерно в половину второго ночи после того, как сработала система аварийной защиты блока». Ведущий заверил, что «радиационный фон на АЭС и территории вокруг нее в норме». Уверения в том, что «чрезвычайной ситуации не произошло и никакого выброса радиоактивных веществ не было», прозвучали также и от министра по делам ГО и ЧС Саратовской области Александра Рабаданова.

На канале «Россия» подробный сюжет о Балакове был показан в восьмичасовых новостях. Предваряя сюжет, ведущая сообщила, что остановка второго энергоблока «породила множество слухов и чуть было не обернулась паникой: жители Поволжья буквально смели с прилавков все запасы йода – он защищает организм от радиации». В последующие дни телеканалы подробно освещали приезд в Балаково полномочного представителя президента Сергея Кириенко, сообщали о количестве отравившихся и о заведенном прокуратурой уголовном деле.

Однако следует обратить внимание еще на один факт. Еще 4 ноября РИА «Новости» распространило сообщение со ссылкой на главного инженера Балаковской АЭС Виктора Игнатова. Там говорилось, что «при выключении одного из энергоблоков станции ухудшения радиационной обстановки, нарушения пределов и условий безопасной эксплуатации не было». Однако на эту информацию телевидение никак не отреагировало. Источник в ВГТРК в интервью «Новой газете» заметил буквально следующее: «Не было никаких особых указаний, что показывать о Балакове, а что нет, – ждали официальной реакции»[20].

Учитывая несвоевременные действия телевидения, люди в условиях информационного вакуума доверились распространяемым в городе слухам и альтернативным источникам информации. 5 ноября в поисковой системе «Яндекс» было зарегистрировано порядка 10 тысяч запросов на слово «Балаково». Ситуацию с паникой значительно осложнил и оперативно созданный сайт, на котором некая «группа независимых журналистов» утверждала, что авария все-таки произошла. Приводились «подробности» аварии, сфабрикованные фотографии (как потом выяснилось, взятые из учебника по гражданской обороне), несуществующее число пострадавших при «аварии», информация о якобы эвакуирующихся местных чиновниках и «экстренном заседании» у Президента страны. 6 ноября сайт посетило около 2000 человек, первые ссылки на него пошли в веб-форумах, а потом в газете «Коммерсант» и других изданиях. Виновника «атомной» паники позже определила прокуратура Саратовской области.

Что же мы имеем в итоге информационной неразберихи? Во-первых, это пострадавшие от передозировки йодсодержащими препаратами. Всего жертвами паники и неумеренного потребления йода стало несколько десятков россиян – двое в Балакове, семь в Самаре, не менее десяти в Казани, столько же в Ульяновске[21]. К этой цифре следует добавить тех, кто не обратился за медицинской помощью. Работа многих предприятий была приостановлена, соответственно, при желании можно подсчитать материальный ущерб. Однако главный итог – еще большее снижение доверия населения к официальной информации.

Из всего этого можно сделать следующие выводы. Во-первых, руководство АЭС неэффективно взаимодействовало со СМИ. На Западе есть такое правило: если руководство организации в течение двух часов после некоего инцидента не выходит к представителям прессы, то компания теряет доверие общественности. В рассматриваемом нами случае, если бы директор, главный инженер АЭС или кто-то из крупных местных чиновников выступил по местному телевидению, подробно рассказал жителям о том, что случилось, то паники удалось бы избежать. Официальный комментарий руководителя федерального агентства по атомной энергии Александра Румянцева прозвучал более чем через сутки после события. По словам Александра Румянцева, «если когда-нибудь и произойдет

[19] www.bellona.org/ru

[20] *Ростова Н.* Нет новостей – это плохая новость // Новая Газета. 11 ноября 2004.

[21] *Полат Н., Захаров О., Витебская Т., Спирин Ю.* Спасаясь от радиации, люди отравились йодом // Известия. 9 ноября 2004.

какая-либо нештатная ситуация, угрожающая здоровью граждан, то все соответствующие заявления будут исходить незамедлительно и в первую очередь от федерального агентства... Только правда из первых рук – есть то самое средство, которое может успокоить общественность». Правда, здесь следует учесть то, что в памяти людей еще живы воспоминания о Чернобыле и других, совсем недавних инцидентах в атомной отрасли, когда все было с точностью до наоборот.

Второй вывод вытекает из первого. Если бы информацию предоставили своевременно, то не был бы так эффективен Интернет-сайт, сведения из которого молниеносно распространились среди пользователей Сети и попали в газеты.

В-третьих, ряд общественных экологических движений был осведомлен о том, что радиоактивного выброса не было, поэтому они могли бы сделать соответствующее заявление, которое предотвратило бы панику. Однако «зеленые» сосредоточились на критике действий атомщиков и чиновников.

В-четвертых, всероссийское телевидение вовремя не дало необходимую информацию, ожидая реакции официальных лиц. Это указывает на начала проявления цензуры, которая никак не совместима с идеями гражданского общества. Ведь если в России случится более серьезный инцидент, то, пока «наверху» будут думать и решать, какую информацию пускать в эфир, – события могут принять трагический и необратимый характер.

В-пятых, нужно предпринять все усилия для того, чтобы подобные ситуации не повторялись. После аварии на Балаковской АЭС экологическая группа «Экозащита» направила открытое письмо руководителю Федерального агентства по атомной энергии Александру Румянцеву, в котором призывает допустить представителей общественных экологических организаций на атомные станции и позволить им проводить независимый контроль за радиационной обстановкой, «а также обеспечить общественным организациям возможность оперативного радиационного контроля в чрезвычайных случаях». Аналогичную идею высказал и Андрей Гагаринский, научный руководитель Курчатовского института. Он вспомнил реализованную в мире идею общественного совета по безопасности при АЭС, куда могли бы входить представители региональных властей, надзорных органов, преподаватели местных вузов и колледжей, журналисты и представители общественных организаций. Работая на регулярной основе, такой совет мог бы завоевать доверие населения и быть чрезвычайно полезным источником информации в экстремальных ситуациях[22].

Превращение кризиса из угрозы безопасности или катастрофы в благоприятную возможность является очень важным фактором пополнения политического капитала соответствующего лица, партии или ведомства. В то же время неспособность обеспечить такое превращение приводит не только к углублению

[22] *Гагаринский А.* Уроки Балаково // Бюллетень ЦОИ ФААЭ. 2004. № 12.

кризиса, его трансформации в более тяжелые формы (катастрофу), но и к утрате репутации той или иной структуры.

Это начинают понимать и представители атомной отрасли, которые начали чаще признавать свои ошибки, что стало особенно заметно с приходом на должность главы Министерства по атомной энергии (с 2004 года Федерального агентства по атомной энергии) Александра Румянцева. На вручении ему национальной премии в области связей с общественностью «Серебряный лучник» он заявил следующее: «Если люди чего-то не понимают, негативно настроены против каких-то атомных проектов – значит, это наша недоработка»[23].

Начальник Управления по взаимодействию с органами государственной власти и информационной политики Федерального агентства по атомной энергии Николай Шингарев настроен достаточно оптимистично: «Мы понимаем, что нет иного способа предотвратить и уменьшить поток негативных публикаций, кроме как давать свою объективную информацию. Необходимо, чтобы первые руководители отрасли и каждого предприятия понимали, что без нормального диалога с общественностью, без предоставления информации развиваться и просто нормально существовать невозможно. К сожалению, пока не все это понимают»[24].

Тем не менее подобные заявления остаются лишь декларациями, не подкрепленными на практике. В настоящее время в России отношения между общественностью и властью находятся скорее в состоянии конфронтации, нежели сотрудничества, что существенно тормозит процесс становления гражданского общества. Однако пока диалог – пусть и не очень результативный – продолжается, остается надежда на положительные изменения в данном вопросе.

Литература

1. *Golding P.* Telling Stories: Sociology, Journalism and the Informed Citizen // European Journal of Communication. 1994. № 4.

2. Risk Communication: Working With Individuals and Communities To Weigh the Odds http://odphp.osophs.dhhs.gov/pubs/prevrpt/Archives/95fm1.htm

3. *Wolton D.* Penser la communication. Paris, 1997.

4. *Абалкина И. Л.* Восприятие радиационной опасности в США // США. Канада. Экономика – политика – культура. 2003. № 10.

5. *Бек У.* Общество риска. М., 2000.

6. *Владимиров В.А., Измалков В.И.* Экологические последствия радиационных катастроф // Катастрофы и общество.

7. *Гавра Д.П.* О возникновении публичной сферы // Бюллетень информационно-аналитического центра «Юнитест». СПб., 1994.

[23] *Петров Р.* // Московский комсомолец в Питере. 10 марта 2004.

[24] *Левченко Н.* Информационная работа – важная составляющая политики Минатома России // Бюллетень центра общественной информации по атомной энергии. 2003. № 8.

8. *Гагаринский А.* Уроки Балаково // Бюллетень ЦОИ ФААЭ. 2004 №12.

9. *Дзялошинский И.М.* Без решения проблем с доступом к информации гражданское общество построить невозможно (http://www.inguk.ru/biblio/roll-pressaden/dzjaloshinskii-t.html)

10. Интернет-сайт www.bellona.org/ru

11. *Колдобский А., Насонов В.* Вокруг атомной энергетики: правда и вымыслы. М., 2002.

12. *Крокинская О.К.* Гражданское общество и массовое сознание. СПб., 2000.

13. *Левченко Н.* Информационная работа – важная составляющая политики Минатома России // Бюллетень центра общественной информации по атомной энергии. 2003. № 8.

14. *Нисневич Ю.А.* Информация и власть. М., 2000.

15. *Петров Р.* // Московский Комсомолец в Питере. 10 марта 2004.

16. *Полат Н., Захаров О., Витебская Т., Спирин Ю.* Спасаясь от радиации, люди отравились йодом // Известия. 9 ноября 2004.

17. *Ростова Н.* Нет новостей – это плохая новость // Новая Газета. 11 ноября 2004.

18. *Чернова Н.* Атом страха // Новая газета. 18 ноября 2004.

Вероника СИМОНОВА[1]

Вторая премия

Гражданское общество = права человека + право культуры

Эссе

Жанр этого текста можно определить как «эссе», поскольку идеи, изложенные в нем, лишь частично опираются на полевой материал и представляют собой субъективную точку зрения автора, которая, однако, основывается на личном опыте наблюдения за повседневной жизнью представителей различных индигенных культур. Автор делает попытку разобраться в сложных проблемах современного гражданского общества, связанных с отношениями между правами и свободами личности и правами индигенных культур на аутентичность в рамках современного общества. Выводы статьи являются скорее дискуссионными замечаниями, нежели «практическими рекомендациями» или «научным императивом».

Данное эссе опирается на эмпирические данные, собранные в Нанайском районе Хабаровского края и теоретические подходы интерпретативной антропологии и драматургической социологии. Однако автор подчеркивает субъективность анализа, поскольку не предлагает определенных научных выводов, а только поднимает проблемно-ориентированную дискуссию, фокусированную на проблемах соотношений личности, индигенной культуры и гражданского общества.

***

Проблемы современного гражданского общества становятся популярной темой дискуссий и анализа. Понятие гражданского общество идет рука об руку с понятиями демократии, равенства и плюрализма. Данное эссе посвящается одному из ключевых моментов, связанных с проблемой гражданского общества в современной России, а именно, индигенной культурой в контексте современного полиэтничного общества.

Каким образом права человека в гражданском обществе связаны с этнической культурой? Какую роль играет индигенная культура в процессе конструирования «нормативного» понимания гражданского общества? И, наконец, какое влияние оказывает этническая культура на права человека в гражданском обществе?

[1] СПб ГУ, ф-т социологии, аспирантка кафедры культурной антропологии и этнической социологии, 2 курс.

Гражданское общество исповедует принцип плюрализма мнений, суждений, образа жизни и стоит на защите аутентичного самовыражения человека в форме внешней презентации, особенности суждений, организации пространства и многих других элементов, которые составляют вместе «разницу культур». В гражданском обществе полиэтническая среда дает возможность сосуществования различным этническим группам, поддерживает их уникальность и оберегает от посягательств на эту уникальность, если таковые происходят. Культура превращается в ценность, которая становится частью гражданского общества. Если государство не поощряет разнообразия в своих собственных пределах, такое государство вряд ли может считаться демократичным, а следовательно, не получит статус гражданского общества в мировом сообществе. В контексте полиэтничной среды гражданское общество прямо пропорционально зависит от культурного разнообразия, которое должно активно поддерживаться. Человек получает право быть уникальным, носить ту одежду, которая принята в его этнокультурном сообществе, говорить (или знать) язык своей этнокультурной группы, быть человеком *партикулярной культурной традиции*. *Права человека* в данном контексте понимаются как права *человека партикулярной культурной традиции*.

Культура получает право на жизнь и уважение со стороны гражданского общества, однако идиллия тандема культуры и гражданского общества лопается как мыльный пузырь, когда права человека и «права культуры» вступают в противоречие. Так, С. Бенхабиб, немецкий социолог турецкого происхождения в книге «Притязания культуры» описывает ряд интересных случаев, поколебавших устои вышеупомянутого «унисона». Один из подобных случаев имел место, когда в полицию США поступило заявление от вьетнамки-хмонг (гражданки США) об изнасиловании. Подсудимый оказался вьетнамцем-хмонг (также гражданином США), адвокат которого настаивал на том, чтобы суд оправдал обвиняемого только потому, что, исходя из норм его культурной традиции, подобное обращение с женщиной, на которой мужчина собирается жениться, вполне допустимо. Еще один случай с гражданкой США японского происхождения, которая была арестована при попытке суицида после того, как убила своих детей по причине супружеской измены. Адвокат, как и в первом случае, апеллировал к нормам традиции, предписывающей подобное поведение в случаях супружеской неверности. Суд в обоих случаях принял сторону адвоката, поддержав при этом право культуры на неприкосновенность.

Парадоксально, но если бы ситуация была «культурной», то сам по себе судебный прецедент был бы невозможен, поскольку «жертва» судебного разбирательства, например в первом случае, никоим образом не восприняла бы слишком настойчивые домогательства со стороны обвиняемого как «аномальный», посягающий на права личности поступок. Логично предположить, что если культурная норма представителя этнической группы не разделяется другим представителем

группы, то либо это не партикулярная «культурная» норма, либо один из членов группы не считает себя таковым, и это необходимо учитывать другим членам группы, не говоря уже о гражданском обществе. Получается, что законодательство США, американскую гражданку происхождения хмонг автоматически поместило в этническую группу хмонг по примордиальному признаку, не считаясь с тем, что жертва преступления считала себя членом гражданского общества, а не этнической группы. Таким образом, гражданское общество отрекается от гражданина в пользу индигенной культуры, расшатывая при этом свои собственные устои, основанные на уважении к правам и свободам личности.

После ряда подобных прецедентов исследователи культуры, социологи, антропологи стали всерьез задумываться над проблемой «культурного притязания» на особое отношение со стороны закона. Получается, что один гражданин имеет значительную привилегию, по сравнению с другим только лишь потому, что одному посчастливилось родиться вьетнамцем-хмонг и причислять себя к носителю данной культуры, и лишь поэтому ему удалось избежать тюремного заключения. Другой гражданин США сел бы за аналогичное преступление в тюрьму только потому, что не был хмонг и не мог апеллировать в суде к своей этнокультурной принадлежности. «Поэтика» культуры приводит в данном ключе к «политике» жонглирования гражданскими правами и притязаниями на право культуры. Право культуры дает значительный ресурс ее носителям, который может быть использован при необходимости. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, при которой гражданское общество попирает права человека, чтобы поддержать право культуры.

Однако культура не ограничивается притязанием на привилегии в рамках гражданского общества, культура также претендует на человека как носителя культуры в рамках гражданского общества и человека как ресурса культуры и сообщества или группы ее носителей. Ханна Арендт предложила термин «паутина нарративов», погрузившись в которую человек способен определять свои действия и давать им оценку. Подобно Ханне Арендт, Клиффорд Гирц определяет культуру как паутину значений, или смыслов, которыми индивид опутывает себя сам[2], однако в данном ключе можно предположить, что культура скорее напоминает паутину, которая опутывает индивида, составляя смысл его существования, и человек не опутывает себя значениями, он скорее опутан ими, независимо от того, хочет он этого или нет.

Мусульманская девушка сто раз подумает, выходить ей замуж за немусульманина или нет, поскольку это напрямую отразится на ее отношениях с родственниками и социальном статусе в этнокультурном сообществе. Индивид, включенный в контекст современного общества, но относящийся к представителям этнических групп, постоянно испытывает чувство «культурной вины», по-

[2] *Гирц К.* Интерпретация культур, М., 2004.

скольку шаг влево или вправо от групповых норм в сторону личной независимости расценивается как побег, а прыжок на месте – как провокация.

Право культуры и права человека, в их нормативном понимании, парадоксальным образом стоят по разные стороны баррикады. Гражданское общество постоянно вынуждено выбирать между двумя этими полюсами, которые, на первый взгляд, не могут противоречить друг другу. Культура этнической группы в контексте гражданского общества оборачивается тяжелым бременем, не позволяющим индивиду отходить от этнокультурных норм и представлений. Мигрант, попадающий в инокультурную среду, обращается за поддержкой к сообществу мигрантов, давая присягу верности традиционной культуре и сообществу ее носителей и тем самым ограничивая свою свободу выбора: кем быть и как жить.

Индигенные народы, на первый взгляд, имеют значительное преимущество перед «титульным» населением, например, индигенные народы Севера имеют право на льготное поступление в вузы, но, с другой стороны, право на поступление в вузы, направленные на поддержание этнической культуры: историческое, лингвистическое, этнографическое образование. Получается, что человек не выбирает себе профессиональную дорогу, а следует заведенному правилу поступать в определенные вузы, чтобы, в принципе, иметь высшее образование и впоследствии воспроизводить этнокультурные традиции.

Также,индигенные народы Севера имеют значительное преимущество по сравнению с русским населением в возможности эксплуатации природных ресурсов. Парадоксально, но люди, живущие на одной территории, имеющие одинаковую экономическую ситуацию, могут вылавливать разное количество рыбы, по этническому признаку. При этом правительство руководствуется исключительно примордистским толкованием данного понятия. В настоящее время идут дискуссии по данному вопросу, поскольку с точки зрения гражданской справедливости интересы русского и автохтонного населения, проживающего в одинаковых условиях, должны равноправно учитываться.

Гражданское общество обрекает человека на «пожизненную службу» культуре и только в случае его лояльности выделяет ему определенные блага. Человек несет бремя этнической культуры, и если в какой-то момент он захочет с ним расстаться, то ему придется столкнуться с рядом сложностей, преодолеть которые практически невозможно. Так, в неформальной беседе представитель одной из этнических групп Северо-Кавказского региона заметил следующее: *«Если я откажусь от своей культуры и стану вести себя так, как мне хочется, от меня откажутся и родственники, и друзья, но и здесь я не стану своим... Я все потеряю.»*

Как было сказано выше, гражданское общество имело прецеденты восприятия своих граждан по примордиальному признаку. Действительно, человек, отказавшийся от жизни по традиционным нормам, может потерять все, поскольку рискует попасть в пожизненный «лиминальный период» (Тернер), став одновременно изгоем этнокультурного сообщества и не интегрировавшись полностью в принимающее общество. Индивид становится предателем для одной стороны и остается чужым для другой, он превращается в маргинала. Индивиду приходится расплачиваться за право быть аутентичным правом выбора жизненного пути, не совпадающего с этнокультурными представлениями группы.

Если принимающее общество также будет рассматривать индивида как представителя этнокультурной традиции, даже если он будет демонстрировать стиль поведения, разделяемый большинством представителей общества, то он с трудом сможет интегрироваться и восприниматься в отрыве от этнокультурной традиции. Вместе с тем этническая культура индигенных народов во многом является репрезентативной и зависит от общественного признания. Этнокультурные символы должны проходить процедуру «признания» обществом и только после этого могут считаться «культурными». Получается, что индигенная культура реконструируется с точки зрения требований современного общества.

Так, например, некоторые ритуалы современных индигенных народов Севера могут рассматриваться в качестве «социальной драмы культуры», поскольку этнофоры считывают этностереотипы и, в некоторой степени, следуют им, чтобы получить «признание культуры» со стороны общества и возможность использования этнокультурных символов в качестве ресурса. Однако подобным процессам предшествуют гораздо более глубокие отношения между современной индигенной культурой и современным обществом, а также процессами глобализации. Материалы, собранные в Нанайском районе Хабаровского края в 2002–2004 г.г. в некоторой степени позволяют сделать анализ этнокультурной ситуации индигенных народов. Этот анализ не претендует на окончательный характер, но может быть показательным как пример проблем интеграции индигенных культур в контекст современного гражданского общества.

Культура современных нанайцев переживает процесс трансформации, и многие ритуалы приобретают новый смысл в глазах этнофоров. Одни ритуалы рассматриваются как перфомативные или игровые, и в них этнофоры играют роль этнофоров, следуя установленным схемам. Другие элементы культуры, наоборот, не воспринимаются как драматические и воспроизводятся в рамках приватной сферы этнокультурной группы. Ритуалы последнего типа вряд ли будут демонстрироваться внешним наблюдателям с целью получения какой-либо выгоды.

Культуру индигенных народов можно сравнить с мостом между этнофорами и современным обществом, «российской», «европейской» (термин информантов) культурой, что позволяет индигенным народам адаптироваться к процессам глобализации и при этом максимально сохранить свою аутентичность. Культурный антрополог Д. Стюард разработал подход к исследованию культуры, который получил название «культурной экологии». Суть данного подхода сводится к следующему: *«Культурная экология – это изучение адаптации общества к окружаю-*

щей среде...»[3]. Современные процессы можно охарактеризовать как «адаптацию второго порядка», адаптацию индигенных культур к требованиям современного общества. Иными словами, не общество адаптируется к окружающей экосистеме, а индигенная «культура» адаптируется к «культуре» современного общества, в целом приобретая черты механизма приспособления к социокультурным процессам современности. В данном контексте социальная драматургия этнической группы является не чем иным, как инструментом встраивания в современное общество, инструментом, который позволяет группе интегрироваться с минимальными потерями для аутентичности группы. Вероятно, данная позиция может объяснить парадоксальный феномен сосуществования двух противоположных взглядов на культуру. С одной стороны, этнофоры видят в культуре символическую игру, с другой стороны – неприкосновенную ценность.

В. Тернер демонстрирует свой определенный взгляд на социальную драму: *«Когда интересы и отношения групп и индивидов находятся в очевидной оппозиции, то социальная драма представляется мне конституирующим, обособленно стоящим и сиюминутно ускользающим предметом описания социальных процессов»*[4]. Мы должны уделять особое внимание данному явлению, поскольку оно является показательным с точки зрения противоречий, назревающих в обществе. Иными словами, социальная драма – не что иное, как лакмус противоречивых тенденций как внутри этнической группы, так и в поле отношений этнической группы и социальных процессов.

Социальная драма «индигенная культура» все ярче разыгрывается на сцене театра под названием «Гражданское общество». Властный дискурс диктует нормативы и указания относительно того, «что значит быть индигенным сегодня», а «актеры», акторы социальной драмы, следуют указаниям, чтобы не нарушить сценарий и сохранить аутентичность в совершенно ином понимании, которое противоречит «режиссерской идее» популярной пьесы. Права индивида как носителя партикулярной культурной традиции ставятся во главу угла за счет его прав как гражданина. Гром аплодисментов заглушает «другие голоса» представителей индигенных культур, не оставляя последним ни группового выбора аутентичности, ни индивидуальной гражданской свободы.

Целью данного эссе отнюдь не является попытка доказать негативное влияние традиционной культуры на этнофора в полиэтничном современном обществе, или наоборот. Напротив, предлагаемое эссе поднимает проблему прав человека, находящегося в контексте традиционной культуры в современном мире, и предлагает дискуссию на тему поиска выхода из сложившийся парадоксальной ситуации, в которой гражданское общество противоречит самому себе, делая выбор в пользу «права культуры», в особенном толковании, отстраняя при этом на

[3] *Moore D.* Jerry Visions of Culture, 1997.

[4] Ibid.

второй план права личности. Для современной России это так же актуально, как и для западных полиэтничных обществ.

С. Бенхабиб предлагает решить данную проблему путем рассмотрения различных случаев на индивидуальном уровне, причем в спорных ситуациях необходимо делать акцент на гражданском, а не на обычном праве[5]. В этом случае культурная интеграция индивида должна поддерживаться гражданским обществом на всех уровнях как свободный выбор, также как и свободный выбор быть аутентичным посредством отличительных этнокультурных черт. Данный подход рассматривается в качестве практического решения в странах Запада, однако является дискуссионным и заслуживает пристального внимания со стороны российских исследователей.

По мнению французского философа-постмодерниста Ж. Делеза, вопрос-ответная модель как исследовательская стратегия исчерпала себя, и в настоящее время необходим поиск другого метода исследования и подхода к исследованию культуры. Ж. Делез предлагает диалог и полиалог культур как равноправное и равноценное звучание нескольких голосов, в том числе и голоса исследователя как неотъемлемого участника внутридиалоговых отношений. В рамках антропологической науки подобный подход получил название «поливокальной этнографии», которая подразумевает пристальное вслушивание исследователя в «другие голоса», за которыми стоят непривычные для нас точки зрения. Эти голоса позволяют нам «деконструировать» существующий дискурс и посмотреть на феномен с позиции тех, чьи голоса до сих пор не были услышаны.

Антрополог должен не читать тексты о «другой культуре», но для таковой и вместе с ее носителями. Только в этом случае, представляя текст, антрополог может сказать, что культура – это данный действующий документ (this acted document)[6], настоящее описание культуры в понимании К. Гирца. Права человека как гражданина и права человека как этнофора является сложной и дискуссионной проблемой современного гражданского общества, и требуют пристального внимания со стороны ученых и общественности, поскольку, во многом, являются источником различных этнокультурных противоречий в современном мире.

Литература

1. *Бенхабиб С.* Притязание культуры, М., 2003.
2. *Гирц К.* Интерпретация культур, М., 2004.
3. *Делез Ж.* Складка, Лейбниц и барокко, М., 1998.
4. *Moore D.* Jerry Visions of Culture, 1997.
5. *Dilley R.* The problem of context, New York, 1999.

[5] *Бенхабиб С.* Притязание культуры, М., 2003.

[6] *Dilley R.* The problem of context, New York, 1999.

Юлия МАКАРОВА[1]
Третья премия

Деятельность института Уполномоченного по правам человека в России на примере Калининградской области[2]

Институт омбудсмана

Наша страна переживает период ускоренной политической модернизации, интенсивно создавая новые демократические институты. Институт омбудсмана рассматривается мировым сообществом как важный фактор демократического транзита и необходимая составляющая гражданского общества. Омбудсман понимается как достойное доверия независимое лицо, уполномоченное выступать в защиту прав отдельных граждан и осуществляющее опосредованный парламентский контроль в форме обширного надзора за всеми государственными должностями, но без права изменения принятых ими решений[3].

Сам термин появился в 1809 г. в Швеции. Омбудсманом называли специального уполномоченного парламента, принимающего жалобы от жителей Швеции о нарушении их прав со стороны администрации. Со временем, особенно в XX веке, подобные уполномоченные появились во многих странах мира. На сегодняшний день этот институт действует почти в 100 странах мира, хотя называется он зачастую иначе. Так, например, в Польше это Уполномоченный по правам граждан, в Испании – народный защитник, во Франции – медиатор, в Великобритании, Северной Ирландии и Шри Ланке – парламентский Уполномоченный по делам администрации, в России – Уполномоченный по правам человека и т. д.

В функционировании этих институтов есть свои особенности, но есть общие признаки, по которым они и считаются омбудсманами. Каждый из них:

– является несудебным органом,

– не зависит от исполнительной власти,

– граждане могут обратиться с жалобами на публичную власть бесплатно,

– обладает властью расследования, внесения рекомендаций, предложений, оказания давления,

[1] СПбГУ, ф-т социологии, аспирантка 2 курс.

[2] Исследование поддержано стипендиальной программой для молодых ученых и исследователей фонда им. Генриха Белля (Берлин, Германия) и правозащитной организации «Мемориал» (Москва, Россия).

[3] *Бойцова В.В.* Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. М, 1996.

– но не может принимать решения, отменять или заменять законы, отстранять чиновников и др.

Наряду с подобными «классическими» омбудсманами, осуществляющими контроль над деятельностью исполнительной власти в целом, существуют такие «узкоспециализированные» уполномоченные, как уполномоченный по делам престарелых, тюремный омбудсман, уполномоченный по правам граждан в учреждениях здравоохранения, «военный» омбудсман (уполномоченный бундестага по обороне) и т. д.

Институт Уполномоченного по правам человека. Федеральный уровень.

Появившись на Западе, институт по защите прав человека был перенесен на российскую почву. Российский институт Уполномоченного по правам человека является разновидностью института омбудсмана. Этот институт происходит от представительной власти, что позволяет ему действовать независимо от администрации.

В России институт омбудсмана появился в 1993 г., но федеральный закон «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» был принят только в 1997 г., а деятельность Уполномоченного по правам человека началась в мае 1998 г. Первоначально этот пост занимал депутат Государственной Думы О. Миронов. По истечении срока его деятельности в этой должности Уполномоченным РФ был избран в феврале 2004 года В. Лукин. Институт Уполномоченного выполняет функцию «моста между гражданами и властью», который помогает преодолеть разрыв между рядовым человеком и государственной машиной.[4] В этой роли он является посредником между государством и его гражданами, способствуя тем самым развитию гражданского общества в России.

Одной из приоритетных задач этого института является также борьба с «правовым нигилизмом» – пренебрежительным отношением к правам человека и бюрократическим произволом. Благодаря омбудсману законодательная власть имеет возможность знать о том, насколько исправно чиновники делают свою работу, и не превышают ли они свои полномочия. Наряду с этим деятельность данного института связана с разработкой предложений по усовершенствованию функционирования государственного аппарата и законодательной базы.

Институт Уполномоченного по правам человека. Региональный уровень

Становление института омбудсмана и реализация его основных направлений деятельности на региональном уровне осуществляется по-разному. Это обуслов-

[4] *Сунгуров А.Ю.* Институт Уполномоченного по правам человека как фактор расширения поля публичной политики: опыт трех российских регионов: http://strategy-spb.ru

лено особенностями отдельных регионов России и разной степенью готовности руководящей элиты содействовать развитию элементов гражданского общества на местах. Рассматривая становление и развитие института по защите прав человека в субъектах РФ, мы можем наблюдать три модели развития правовых инноваций: отторжение, имитация и адаптация[5].

Отторжение, к сожалению, является в настоящий момент наиболее распространенной моделью на территории России. На июнь 2004 года в субъектах РФ избраны только 27 Уполномоченных по правам человека[6]. Столь малое число омбудсманов на территории России в значительной степени объясняется содержанием Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». В нем написано, что институты Уполномоченных по правам человека могут (но не должны!!!) создаваться в краях, областях и республиках РФ. Подобная формулировка позволяет региональным чиновникам отказываться от учреждения поста Уполномоченного на местах. Местная политическая элита оказывает сопротивление внедрению института, способствующего публичности власти. Встречаются варианты отторжения как местными законодателями, так и губернаторами (например, принятые на местном уровне законы об Уполномоченном не были подписаны главами Мурманской области и Хабаровского края[7]).

Имитация характерна для субъектов РФ, в которых местная элита создает институт Уполномоченного не как действующий, а в качестве номинально существующего показателя демократизации региона. Подобная ситуация наблюдается в республике Башкорстан[8]. Примечательно, что этот институт является самым «старым» на территории РФ, он был основан еще в 1996 году. Также в качестве примера имитации специалисты называют случай Узбекистана, где на пост Уполномоченного была избрана дочь бывшего Первого секретаря КП Узбекистана Рашидова, которая не имеет реального влияния на правовую ситуацию в республике[9].

[5] *Сунгуров А.Ю.* Из опыта развития института омбудсмана в регионах России //ПОЛИС, 2002, 2: 147–154. В другой своей работе А. Сунгуров добавляет к этим моделям копирование, но, на наш взгляд, копирование института омбудсмана в чистом виде произойти не может: правовая инновация неизбежно должна адаптироваться под региональный политико-социальный и культурно-правовой контекст. Подробнее о копировании см. *Сунгуров А.Ю.* Институт Уполномоченного по правам человека как фактор расширения поля публичной политики: опыт трех российских регионов. http://strategy-spb.ru

[6] Данные взяты с сайта российских омбудсманов http://www.ombu.ru

[7] Подробней см. *Сунгуров А. Ю.* Институт Уполномоченного по правам человека как фактор расширения поля публичной политики: опыт трех российских регионов: http://strategy-spb.ru

[8] Там же.

[9] *Сунгуров А.Ю.* правозащитные организации и структуры в России: состояние и перспективы развития // Участие власти в защите прав человека: Комиссии и Уполномоченные. СПб., 2001.

Адаптация является наиболее благоприятной моделью становления и развития такого демократического института, как Уполномоченный по правам человека. Она предполагает приспособление омбудсмана к условиям региона, поиск своих стратегий действия. Становление института омбудсмана в Калининградской области происходит по адаптационной модели. С одной стороны, мы не можем говорить о его полном неприятии в регионе, а с другой – об отсутствии проблем, негативно влияющих на эффективность работы омбудсмана. Эти проблемы могут быть связаны с 1) противодействием местных властей деятельности института; 2) традиционным недоверием граждан к любым институтам, представляющим государственную власть; 3) недостаточной информированностью граждан о существовании института; 4) учитывая молодость нового института – ограниченный авторитет омбудсмана в регионе и т. д. Учитывая эти проблемы и специфику (геополитическую, политико-правовую, социально-культурную) Калининградской области, Уполномоченному по правам человека необходимо разрабатывать стратегии, адаптированные к региональным условиям для эффективности его работы.

Калининградский уполномоченный по правам человека

Региональный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Калининградской области» был принят Областной думой в 2000 г. В 2001 г. постановлением Областной думы №120 от 15.03.2001 г. на должность Уполномоченного по правам человека была назначена первая в России женщина – региональный омбудсман Ирина Вершинина. С этого момента началась активная правозащитная деятельность института: жалобы стали поступать почти сразу же (стоит отметить, что на рассмотрение не принимаются анонимные заявления, имя заявителя обязательно), и их число растет из года в год[10]. Основными направлениями деятельности Уполномоченного являются: содействие в создании эффективной системы государственной (!) защиты прав и свобод человека и гражданина; содействие в создании «условий, позволяющих каждому защищать свои права и свободы всеми доступными средствами, не запрещенными законом»[11]. Как, каким образом осуществляется это содействие? На этот вопрос мы и постараемся ответить в этой статье.

Несмотря на то что развитие института Уполномоченного в Калининградской области соответствует сегодня адаптационному варианту, в начале его становления это было не так. В конце 1990-х чуть было не утвердилась модель

[10] Так, например, число поданных заявлений увеличилось с 2001 по 2002 г. на 73%. См. *Вершинина И.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2002 г. Доклад. Калининград, 2003.

[11] *Вершинина И.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2001 г. Доклад. Калининград, 2002.

«отторжение». В декабре 1999 г. губернатор наложил вето на принятый Областной думой закон о калининградском омбудсмане, потребовав внести в него поправки. В апреле 2000 г. Дума приняла исправленный законопроект, который снова был не подписан главой администрации области. В мае 2000 г. областная Дума приняла постановление «О нарушении главой администрации (губернатором) области во II квартале 2000 г. установленных областным законодательством сроков подписания и опубликования принятых областной Думой законов Калининградской области». Готовилось обращение в суд по поводу этих нарушений принятия законов, в числе которых был и «Об Уполномоченном по правам человека в Калининградской области». После принятых Думой мер он был подписан губернатором на следующий день после постановления областных депутатов. С избранием Уполномоченного после принятия закона не тянули. Уже в июне того же года была принята первая попытка избрать Уполномоченного по правам человека в Янтарном крае. Однако ни один из девяти кандидатов не набрал необходимого числа голосов. Калининградский омбудсман И. Вершинина будет избрана в марте 2001 г.

Наработать авторитет в поле региональной политики и адаптироваться в роли Уполномоченного ей, помимо личностных лидерских качеств, помогло образование (специальность «Государственное и муниципальное управление») и предыдущая общественно-политическая деятельность (в 1996–2000 гг. она была депутатом городского Совета Калининграда и заместителем председателя Совета, а также проводила работу по защите прав ВИЧ-инфицированных). В настоящее время в аппарате Калининградского омбудсмана трудятся пять сотрудников, имеющих высшее юридическое образование, один сотрудник имеет ученую степень по юридической специальности.

При достижении эффективного содействия реализации прав человека в Калининградской области Уполномоченный не может не учитывать других агентов социально-правового поля региона (депутатов, бюрократический аппарат, правозащитников и др.) Большим преимуществом является тот факт, что многих (особенно депутатов) И. Вершинина знает по своей предыдущей деятельности. Исходя из этого, мы предполагаем, что она разрабатывает и применяет адаптационные стратегии, которые помогают достичь ей цели и которые условно можно поделить на формальные и неформальные. Первые подразумевают уровень официального взаимодействия, вторые – взаимодействие помимо предусмотренных нормами практик (например, благодаря личному знакомству). Выбор типа стратегии зависит от того, какая из этих стратегий увеличит содействие реализации прав (максимально продуктивное сотрудничество между УПЧ и другим институтом или организацией по вопросу нарушения прав или улучшения законодательной базы) при минимальных (временных, финансовых и др.) затратах[12]. Выбор максимально выгодной стратегии определяет во многом эффективность института омбудсмана и, следовательно, его адаптацию в региональный социально-правовой контекст. Об этом можно судить не только по материалам, собранным докладчиком, но и по исследованиям институтов Уполномоченных других субъектов РФ[13].

В настоящее время калининградский Уполномоченный считает приоритетными следующие сферы деятельности:

– привлечение внимания к проблеме реализации прав граждан Российской Федерации в связи с особым положением Калининградской области в результате вступления Литвы и Польши в Европейский союз;

– восстановление прав, нарушенных в результате применения нового миграционного законодательства и законодательства о гражданстве;

– защита прав детей;

– восстановление прав граждан в связи с нарушением нового трудового законодательства, законодательства в сфере социального обеспечения и социального страхования;

– восстановление нарушенных прав лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и находящихся под арестом в следственных изоляторах;

– правовое просвещение граждан;

– деятельность, координирующая работу государственных и муниципальных органов, общественных и некоммерческих организаций, средств массовой информации в области правовой защиты и правового просвещения[14]. (*См. Приложение 2*).

Каждая из выделенных проблематик предполагает определенные практики, которые можно отнести либо к формальным, либо неформальным[15]. Рассмотрим примеры выделенных типов практик.

---

[12] О спектре возможностей применения методологии формальных и неформальных практик применительно к процессам институционализации см. *Норт. Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

[13] См., например, Комиссии и Уполномоченные по правам человека: опыт российских регионов. СПб., 2002; Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах. Том 2. Региональный омбудсман. СПб., 1999; Участие власти в защите прав человека: Комиссии и Уполномоченные. СПб., 2001; *Сунгуров А.Ю.* Институт Уполномоченного по правам человека как фактор расширения поля публичной политики: опыт трех российских регионов: http://strategy-spb.ru и др.

[14] *Вершинина И.Ф.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2002 год. Доклад. Калининград, 2003.

[15] Помимо рассмотрения деятельности омбудсмана в категориях «формальные – неформальные практики», в ходе исследования появилась еще одна классификация. Вся многогранная работа Уполномоченного сводима к экспертизе и профилактике правовых проблематик, с одной стороны, и к непосредственному решению уже существующих проблем – с другой. Работу на перспективу можно было бы классифицировать по двум основаниям и выделить следующие виды:1) формальная экспертиза, 2) неформальная экспертиза, 3) фор-

В каждом конкретном случае перед омбудсманом встает вопрос, как максимально быстро и эффективно разрешить ситуацию, в которой нарушены какие-либо правовые нормы. Как говорит Ирина Вершинина, спецификой обладает не только регион, но и отдельные чиновники. По словам Уполномоченного, формальные методы решения преобладают в деятельности института безусловно. О применении неформальных механизмов она говорит следующее: «...я всегда действую неформально в ситуациях, когда необходимо оперативно вмешаться и разрешить серьезное правонарушение. Оперативность, к сожалению, периодически нужна, например, в ситуациях, связанных с нарушением прав ребенка...»[16].

Так же неформально, путем простого телефонного разговора Уполномоченный пытается иногда разрешить некоторые «мелкие» дела, в частности ряд проблем с бюрократами. Разбирательства с самоуправством чиновников – явление нередкое для калининградского омбудсмана: «очень часто приходится работать с жалобами людей на несоответствие поведения чиновника его должностным обязанностям. В моей практике были ситуации, когда выяснялось, что высокопоставленный работник отказывается выполнять свои прямые обязанности только по той причине, что ему “не нравится лицо” просителя»[17]. Как же неформально разрешается этот конфликт? И. Вершинина поясняет: «...я просто звоню напрямую или вышестоящим чиновникам... иногда достаточно устной договоренности, иногда бывает, что кто-то из их подчиненных просто неправильно действует, неправильно применяет закон. И тогда с него идет спрос, и все дальше начинает нормально функционировать»[18]. Но если подобные нарушения носят системный характер, то ни о каких телефонных переговорах речь уже не идет: вопрос решается только формально, а результат закрепляется письменно.

Приводя примеры применения Уполномоченным неформальных практик, нельзя не рассказать о щекотливом и уникальном для нашей страны вопросе, который также был разрешен на неофициальном уровне. Речь идет о проблеме, с которой сталкиваются люди, следующие в Калининградскую область или из нее поездом. Для этого я просто приведу выдержку из интервью с И. Вершининой: «...мы – пограничная территория. Так, мы поставили вопрос...может быть, несколько необычный и деликатный... о туалетах. Поезд, который едет через три границы, стоит на погранпереходах достаточно длительное время. Одна граница, когда он выезжает из Калининградской области, проверка документов, таможенный контроль... все это около часа. Въезжая на территорию Литвы, он опять-таки сразу же останавливается, и там тоже проверка документов, таможенный контроль. Около двух часов в общей сложности стоит поезд, санитарная остановка, туалеты закрыты. И скажите, как к этому относиться? А если пассажир еще и с детьми? Теперь, значит, терпеть, мучиться. То есть само положение с закрытыми туалетами, и что невозможно выйти на станцию, из вагонов никого не выпускают, извините, даже в кустики... это можно приравнивать к пыткам. Я это таким образом озвучила на одном из совещаний в Калининградской области, обратилась к начальнику железной дороги с тем, чтобы он подумал о необходимости приобретения вагонов с биотуалетами. Теперь купейные вагоны оборудованы биотуалетами, и из плацкартных вагонов туда тоже можно пройти при необходимости. Я думаю, что со временем все вагоны будут так оборудованы и приблизятся к европейским стандартам»[19]. Стоит отметить, что эта проблема была исчерпывающе решена в течение примерно одного года: все вагоны на сегодняшний день соответствуют евростандартам.

Неформальные практики Уполномоченный задействует гораздо реже формальных и в основном в следующих случаях: «мелкие» дела и ситуации, когда необходимо действовать быстро, оперативно. Львиная доля проблем, которыми занимается омбудсман, разрешаются ею официальным путем. Рассмотрим пример применения формальных стратегий, учитывая региональную специфику Калининградского анклава.

Калининградская область имеет общие границы с Польшей и Литвой и не имеет их с российскими территориями. Отсюда ряд специфических проблем, в том числе с ущемлением права граждан на свободное перемещение, закрепленного нормами Европейской конвенции по правам человека. Значимость изолированности Калининградской области как фактора, определяющего специфику деятельности института Уполномоченного, видно уже из того, что первые (!) слова в более чем 120-страничном отчете калининградского омбудсмана за 2002 г. посвящены этой проблематике: «В 2002 г. правозащитная деятельность Уполномоченного по правам человека в Калининградской области продолжала находиться в прямой зависимости от влияния различных факторов общественно-политического, социально-экономического, демографического и иного характера. Это определило специфику направлений деятельности Уполномоченного. Так, особенное эксклавное положение региона является причиной нарушений

мальное улаживание правовых нарушений, 4) неформальное улаживание правовых нарушений, 5) формальная профилактика правонарушений, 6) неформальная профилактика правонарушений. Однако данная классификация еще требует доработки, а некоторые ее элементы и эмпирического обнаружения.

[16] Из беседы автора с Калининградским Уполномоченным по правам человека И.Вершининой, 17.08. 2003

[17] *Вершинина И.* Цит. по: *А. Мельник.* Защита прав человека – дело рук самого человека // Российская газета. Запад России, 5.04.2002.

[18] Материалы беседы автора с Уполномоченным по правам человека Калининградской области И.Вершининой, 17.08. 2003 г.

[19] Материалы беседы автора с Уполномоченным по правам человека Калининградской области И. Вершининой, 17.08. 2003 г.

естественного права человека на свободу передвижения и в свою очередь обусловливает значительное количество обращений по данной проблематике»[20]. Уполномоченный Калининградской области рассматривала жалобы граждан России о нарушении прав человека при пересечении государственной границы с Польшей. Дело приняло широкий оборот: в конце марта 2001 года на пограничном переходе Багратионовск – Бартошице состоялась встреча по этому вопросу, в которой приняли участие Уполномоченные Польши (А. Цоль), Российской Федерации (О. Миронов), Калининградской области (И. Вершинина), а также представители административной и законодательной власти. В результате работы «на месте» были совместно выработаны рекомендации для сотрудников учреждений и служб, с которыми люди сталкиваются на границе[21].

Отдельно пришлось решать и проблему с белорусской таможней, которая произвольно привлекала к административной ответственности граждан России, следующих транзитом на поездах через территорию Белоруссии. Россияне, как правило, не декларировали там российские рубли, не относя их к иностранной валюте. Это белорусские таможенники считали нарушением таможенных правил и наказывали «правонарушителей» административным штрафом, а зачастую и конфискацией всей денежной суммы. Рассмотрев ряд жалоб на подобные действия сотрудников белорусской таможни, Уполномоченный по правам человека Калининградской области информировал об этом таможенный комитет Российской Федерации, начальника Калининградской железной дороги, представительство таможенной службы Российской Федерации при таможенной службе Республики Беларусь, а также привлек СМИ для освещения этой проблемы[22].

Почему же формальные практики используются чаще неформальных? Дело в том, что Уполномоченному по правам человека Калининградской области просто выгодней использовать официальные пути разрешения проблем по нескольким причинам. Во-первых, формальные шаги можно отразить в отчетах о проведенной деятельности института. Именно они отражены в годовых докладах о деятельности Уполномоченного[23]. Во-вторых, в случае невыполнения устной договоренности могут быть впу-

[20] *Вершинина И.Ф.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2002 год. Доклад. Калининград, 2003 г.

[21] *Черняк А.* Становление института Уполномоченного по правам человека в Калининградской области: Год первый. // Комиссии и УПЧ: Опыт российских регионов. СПб., 2002, С. 174-180.

[22] *Вершинина И.Ф.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2002 год. Доклад. Калининград, 2003, п. 2, С. 11.

[23] *См. Вершинина И.Ф.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2001 год. Доклад. Калининград, 2002; *Вершинина И.Ф.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2002 год. Доклад. Калининград, 2003; *Вершинина И.Ф.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2003 год. Доклад. Калининград, 2004.

стую затрачены ресурсы (усилия, время). В-третьих, официальное разрешение случаев нарушения прав способно содействовать ликвидации не единичного случая, а ряда подобных правонарушений. Зачастую, разрешая однажды встреченную проблему, аппарат Уполномоченного способствует ликвидации не только этой проблемы как таковой, но и всех ей подобных. Так, например, обстояло дело с отказом в регистрации некоторых новорожденных, родители которых не имели российского гражданства и/или регистрации по месту жительства. В этом случае привычные стратегии чиновников ЗАКСа и судей в принятии судебных решений по этому вопросу в некоторых случаях были системно изменены «сверху вниз» (сначала на уровне Областного суда, и лишь потом – районных). Это случилось после того, как И. Вершинина доказала неправильность подобных решений. Судьи сначала районного, а затем и областного уровня отказывались обязать чиновников зарегистрировать некоторых новорожденных детей, которые были рождены на территории России, но их родители не являлись гражданами РФ и/или не имели регистрации. И. Вершинина и ее сотрудники продемонстрировали Областному суду, что отказ чиновников ЗАКСа (и вслед за ними и судей) признать гражданство детей нарушает в некоторых ситуациях правовые нормы более высокого уровня, чем те, которыми руководствовались судьи при принятии своих решений, считая аргументацию бюрократии справедливой: «...отказы в регистрации детей подобным родителям являются серьезным нарушением прав человека. Во-первых, о незамедлительной регистрации ребенка говорится в Конвенции о правах ребенка ООН [Россия ее подписала. – *Ю. М.*]. Я думаю, что это имеет большее значение, чем требования национального законодательства о приоритете урегулирования статуса родителей. Во-вторых, из-за того, что у подобных граждан не имеется свидетельств о рождении детей, они не имеют права получать детские пособия, обращаться за бесплатной медицинской помощью, а также выезжать за пределы Калининградской области»[24]. После ссылок на правовые документы, имеющие более высокий статус, чем местные и федеральные законы, Областной суд постановил, что в подобных ситуациях необходимо обязывать чиновников регистрировать новорожденных. И лишь после этого судьи районных судов также изменили подход к рассмотрению подобных дел. Таким образом, Уполномоченный добился системного исправления ситуации с регистрацией детей, несмотря на сопротивление чиновников и недостатки российского законодательства. Вряд ли подобное исправление ситуации стало бы возможным при использовании исключительно неформальных практик.

Институт Уполномоченного по правам человека в Калининградской области помогает жителям этого региона справиться с огромным числом правовых на-

[24] *Вершинина И.* Цит. по: Мельник А. Мама без паспорта – дитя без имени //Российская газета. Запад России. 24.10.2003.

рушений. Однако встречаются проблемы, где он бессилен, несмотря на то что справедливость на стороне рядовых граждан. Так, например, защитить право на получение жилья удается не всегда. Дело в том, что правовая норма только тогда обязательна к исполнению, когда она подкреплена нормой закона. А закон – это лишь небольшая часть права. Поэтому бывают ситуации, когда люди обращаются к омбудсману в связи с нарушением их прав на получение жилья и не получают поддержки, так как для того, чтобы Уполномоченный смог им помочь, необходимы именно *законные* основания. Сотрудник аппарата Уполномоченного Калининградской области так рассказывает о подобной ситуации: «...мы задаем вопрос (в этом и беда!): «Почему у вас должна быть квартира? Покажите документы, изложите **законные** основания, что квартира у вас должна быть». Если он сумеет представить свои мотивы, подкрепленные документально, мы посмотрим еще законодательство и увидим, что... государство обязано было дать квартиру, но почему-то не дало, тогда мы можем вмешаться. И тогда мы подключаем прокуратуру, еще кого-то. Если это не помогает, мы даем консультацию, чтобы человек обратился в суд, потому что есть реальная судебная перспектива, что суд вынесет решение и квартиру он получит»[25]. Но и при подобных предпосылках получение квартиры все же может не состояться. Ведь невозможно реализовать даже законное право на получение жилья, если не строятся дома или строятся, но в незначительном количестве[26]. В таких обстоятельствах бессилен не только Уполномоченный, но зачастую и суд.

Стоит отметить, что самой тяжелой проблемой Калининградский омбудсман считает проблему несовершенства нашего законодательства. По закону Уполномоченный не имеет права его изменять; все, что в его силах, – это вынести на слушание местной Думы свои предложения по изменению уже существующих или по созданию новых законов. Многие из них принимаются. Но, по словам И. Вершининой, изменение закона в регионе – это «не тот уровень, который регулирует деятельность нашего общества. А на федеральный уровень с законодательной инициативой может обращаться только областная Дума, и то это очень непросто»[27]. Поэтому иногда региональный Уполномоченный сталкивается с правонарушениями, связанными с несовершенством федерального законодательства, и у него могут быть просто связаны руки.

Но и в подобных условиях калининградский омбудсман пытается, и зачастую небезуспешно, отстаивать права обратившихся к нему людей. Для решения вопроса о гражданстве для граждан бывшего СССР И. Вершинина применила новую стратегию – был заявлен тематический круглый стол, с привлечением чиновников и структур, с выработкой конкретных рекомендаций правительству и Госдуме: «Мы к себе пригласили федеральных чиновников из Администрации президента, из Комиссии по делам о гражданстве, чтобы они услышали от Уполномоченных, в том числе и от Миронова [Уполномоченный по правам человека РФ на тот момент. – *Ю. М.*], насколько существенна эта проблема и что ее нужно решать»[28]. Чиновники сначала не хотели выслушивать критику закона о гражданстве, считая его «идеальным». К проблеме гражданства, помимо Уполномоченных и федеральных чиновников, были подключены научные кадры, население, международные структуры (Совет Европы). В результате Администрация президента все-таки внесла поправки в этот закон, и он должен в скором времени обсуждаться. Так, можно сказать, с подачи Уполномоченных государство занялось недостатками одного из важнейших законов РФ.

Сегодня мы с полным правом можем сказать, что институт Уполномоченного по правам человека значительно адаптирован в политико-правовой контекст Калининградской области: в большинстве своем граждане и региональная элита приняли институт; Уполномоченный, если и встречает нарушения в правовой сфере, то практически всегда способен найти управу на бюрократический произвол. Более того, сами местные чиновники иногда рассматривают институт как структуру, которая способна разрешить правовой конфликт в их собственной среде: «... конкретные чиновники даже обращаются к нам иногда за помощью. То есть они где-нибудь уперлись по неурегулируемой теме межведомственных взаимодействий и обращаются к нам: “Мы просим вас решить этот вопрос, мы сами не можем, нас не слышат. Если вы обратитесь, может быть, вас услышат, или вы в другие инстанции сможете пойти”»[29] (в этих ситуациях были факты обращения чиновников в качестве и физических, и юридических лиц). Об адаптации института говорит также растущее число заявлений от граждан и организаций (*См. Приложение 1*), отчеты Уполномоченного, которые свидетельствуют о значительных успехах (например, содействие изменению законодательства на местном уровне, ликвидация нарушения прав, гарантированных Конституцией РФ и европейским правом) и рост масштабов его деятельности.

Для разрешения и предупреждения ситуации с нарушением прав человека омбудсман Калининградской области предпочитает применение формальных практик и способен разработать такие стратегии, которые позволяют решать значимые правовые проблемы (разбираться не с единичными случаями, но способствовать изменению нормативно-правовой базы, из-за которой эти случаи

[25] Материалы беседы Н. Яргомской с сотрудником аппарата Уполномоченного по правам человека Калининградской области, 14.07.2004.

[26] *Мельник А.* Защита прав человека – дело рук самого человека // Российская газета. Запад России, 5.04.2002.

[27] Материалы беседы автора с Уполномоченным по правам человека Калининградской области И.Вершининой, 17.08. 2003 г.

[28] Там же.

[29] Материалы беседы автора с Уполномоченным по правам человека Калининградской области И. Вершининой, 17.08. 2003 г.

возникли). Наилучший путь развития гражданского общества в России – это не противопоставление его государству, а сосуществование с ним и использование его ресурсов в интересах граждан. Институт Уполномоченного по правам человека является положительным примером этой стратегии. Будем надеяться, что институт омбудсмана не только распространится со временем по всей территории нашего государства, но и станет для любого человека реальной опорой в борьбе за свои права.

Приложение 1. Сравнительная таблица количества обращений людей и граждан к Уполномоченному по правам человека Калининградской области в 2001–2002 гг. [30].

Таблица 1

	2001	2002	Изменение, %
Количество обращений	543	943	+73
В том числе:			
Устные	224	323	+44
Письменные	319	620	+94
Дана консультация	221	413	+86
Отправлено по подведомственности	217	315	+45
Удовлетворено	105	234	+122

Приложение 2. Таблица тематик обращений людей и граждан к Уполномоченному по правам человека в Калининградской области в течение 2002 г.[31]

Таблица 2

Тематика обращений	Количество обращений
Основы государственного управления	13
Гражданское право	55
Семья	29
Жилище	99
Труд и занятость населения	33
Социальное обеспечение и социальное страхование	100
Финансы	9
Хозяйственная деятельность	3
Внешнеэкономическая деятельность. Таможенное дело	4
Природные ресурсы и охрана окружающей природной среды	13
Информация и информатизация	2
Образование. Наука. Культура	8
Здравоохранение. Физическая культура и спорт. Туризм	23

[30] *Вершинина И.Ф.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2002 г. Доклад. Калининград, 2003.

[31] Там же.

Тематика обращений	Количество обращений
Оборона	8
Безопасность и охрана правопорядка	12
Уголовное право. Исполнение наказаний	225
Правосудие	155
Земельные отношения	10
Регистрация, паспортизация, приобретение гражданства РФ, вида на жительство	121
Иные вопросы	7
Всего	929

Литература

1. *Бойцова В.В.* Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. М., 1996.

2. *Вершинина И.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2002г. Доклад. Калининград, 2003.

3. *Вершинина И.* О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2001г. Доклад. Калининград, 2002.

4. *Глушкова С И.* Права человека: теория, история, практика. Екатеринбург, 2002.

5. Гражданское общество: первые шаги. СПб., 1999.

6. Защита прав человека. Сборник документов. М., 2000.

7. Комиссии и Уполномоченные по правам человека: опыт российских регионов. СПб., 2002.

8. *Мельник А.* Мама без паспорта – дитя без имени // Российская газета. Запад России. 24.10.2003.

9. *Мельник А.* Защита прав человека – дело рук самого человека // Российская газета. Запад России, 5.04.2002.

10. На пути к публичной политике: 10 лет стратегии. СПб., 2003.

11. На пути к региональному Уполномоченному по правам человека. СПб., 2000.

12. *Норт. Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

13. Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах. Том 2. Региональный омбудсман. СПб., 1999.

14. Сайт российских омбудсманов http://www.ombu.ru.

15. *Сунгуров А. Ю.* Из опыта развития института омбудсмана в регионах России //ПОЛИС, 2002, 2: 147–154.

16. *Сунгуров А.Ю.* Институт Уполномоченного по правам человека как фактор расширения поля публичной политики: опыт трех российских регионов: http://strategy-spb.ru.

17. Участие власти в защите прав человека: Комиссии и Уполномоченные. СПб., 2001.

18. Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

19. *Хиль-Роблес А.* Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана). М., 1997.

Александра АБДРЕХИМОВА[1]

Третья премия

Гражданское общество и избирательная система в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспектива реформирования

Мне не хотелось бы начинать эту работу с попыток определить понятие «гражданское общество», поскольку этому вопросу посвящено уже множество самостоятельных исследований. Гражданское общество западного типа, сформировавшееся в ходе долгого развития, начавшегося с Английской буржуазной революции, сегодня стало действительно базовым элементом нового социального устройства. В то же время находящаяся на границе этого процесса Россия в очередной раз стоит перед выбором стратегии собственного развития. И властные структуры, и общество иногда совместно, иногда порознь, но пока не очень удачно пытаются найти ответы на вопросы относительно будущего нашей страны. Термин «гражданское общество» сохраняет для нас скорее теоретический, чем практический характер, и даже является скорее идеальным конструктом, чем реальным. В России конца XX–начала XXI в. гражданское общество западного образца отсутствует как по глубинным социальным причинам (длительное господство государства над обществом), так и по определению, поскольку у нас отсутствует возможность для самостоятельного существования институтов гражданского общества. Более того, неизвестно, возможно ли существование гражданского общества во всех типах обществ.

Институт выборов, несомненно, обладает высокой ценностью и значимостью для существования гражданского общества, при условии легитимности процесса проведения выборов. Выборы есть важнейший институт современной демократии, одна из главных форм выражения воли народа и его участия в политическом процессе и одновременно – способ формирования представительных органов, процедура избрания глав исполнительной власти, а также руководящих органов общественных организаций. Выборы – это способ выражения общественного мнения, поскольку избиратели представляют общественность; это эксплицитный, выраженный в политической сфере, интерес большинства. Опираясь на постулаты школы политического утилитаризма (Т. Джефферсон, Дж. С. Милль),

[1] СПбГУ, ф-т социологии, 4 курс.

выборы можно охарактеризовать как правильно организованный механизм выражения индивидуальной воли, процедуру сложения индивидуальных мнений.

Выбирая кандидата, мы выбираем модель общественного строя, мы голосуем за приоритетную политику, то есть путем голосования на выборах за представителей каких-либо политических сил, общество определяет курс, которого должна придерживаться государственная власть. При тесной взаимосвязи гражданского общества с системой государственной власти, предполагается наличие у участников общественных отношений прав, свобод и обязанностей, гарантирующих их автономную жизнедеятельность. Являются ли выборы в РФ действительно «высшим, непосредственным выражением власти народа»[2] на сегодняшний день?

Целью моей работы является анализ существующей системы выборов в РФ, избирательного процесса и законодательства и влияния этих факторов на предпосылки формирования гражданского общества в России. Выводы сделаны, опираясь на данные, полученные во время работы на выборах, когда мне была предоставлена возможность изучить процесс подготовки, проведения и подведения итогов голосования, а именно:

1) Выборы губернатора Санкт-Петербурга. 2 тура. Сентябрь, октябрь 2003 г. Должность: секретарь УИК № 97.

2) Выборы депутатов Государственной Думы РФ. Декабрь 2003 г. Должность: оператор по вводу протоколов УИК системы ГАС «Выборы».

3) Выборы депутатов Муниципального Совета № 47 и муниципального образования «Новоизмайловский». Март 2004 г. Должность: оператор по подготовке системы ГАС «Выборы» и вводу протоколов УИК системы ГАС «Выборы».

4) Выборы Президента РФ. Март 2004 г. Должность: оператор по вводу протоколов УИК системы ГАС «Выборы»

5) Выборы депутатов Муниципального Совета МО № 47 третьего созыва. Июнь 2004 г. Должность: оператор по вводу протоколов УИК системы ГАС «Выборы»

6) Выбора депутатов Муниципального Совета МО № 9. Июль 2004 г. Должность: председатель УИК № 121.

7) Выборы (повторные) депутатов Муниципального Совета МО № 47. Декабрь 2004 г. Должность: оператор по вводу протоколов УИК системы ГАС «Выборы».

Административный ресурс в российском избирательном процессе и гражданское общество

Обсуждение проблемы административного влияния на мнение и поведение избирателей сейчас достаточно актуально. Существует даже известная тенденция преувеличивать действенность административного ресурса, особенно в СМИ. Однако практика использования подобного ресурса, несомненно, существует, что было отмечено мной при работе на выборах и отражено в курсовой работе «Политические выборы и манипуляция общественным сознанием как социальная проблема» 2004 г., а также в исследовательско-аналитической работе «Процесс подготовки, проведения и подведения итогов голосования на уровне УИК, ТИК и субъекта РФ (г. Санкт-Петербург)» 2003 г.

Под административным ресурсом понимается «совокупность имеющихся в распоряжении руководителей предприятий, территориальных образований возможностей повлиять на мнение и поведение избирателей»[3]. Использование административного ресурса на выборах, естественно, нарушает легитимность выборного процесса. Это противоречит нормам проведения выборов как процесса свободного волеизъявления. Нормой при определении порядка выборного процесса в данном случае будут являться законодательные акты: Конституция РФ, ФЗ «об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 15 июня 2002 г., международные нормы и международно-признанные основополагающие права и свободы в избирательном процессе[4]. Следовательно, выборы, при проведении которых нарушается законность, будут незаконными.

Признается, что капиталистическое общество организовано на принципах социального равновесия, согласия, которое может быть нарушено вследствие действия ряда объективных факторов. Порядок, стабильность, консенсус, по Т. Парсонсу, рассматриваются как необходимые условия существования конкретной социальной системы. Исходя из этого, проблемы интерпретируются как отсутствие или нарушение одного или более из выше перечисленных условий. Нечестные выборы по определению нарушают консенсус, нарушают социальную справедливость, и поэтому становятся социальной проблемой.

Выборы являются своего рода тестом, показывающим, как функционирует в стране целый ряд институтов и как на практике реализуется уважение к правам человека и их поддержка (в первую очередь это относится к гражданским и политическим правам). Выборы не могут проходить как бы в вакууме — они должны рассматриваться в общесоциальном, историческом и политическом контекстах. Чтобы выборы сколько-нибудь адекватно отражали волю народа, избиратели должны чувствовать, что они свободны в осуществлении своих прав и должным образом информированы для этого, и, кроме того, испытывать уверенность в

[2] Конституция Российской Федерации гл. 1 ст. 3 п. 3. – М., 2003.

[3] *Воронцова А.Б., Звоновский В.Б.* Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса. Полис. № 6. 2003.

[4] Право на свободные и справедливые выборы основано, хотя и частично, на праве на самоопределение, как оно сформулировано в Уставе ООН (ст. 1, параграф 2), в ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, во Всеобщей декларации прав человека, которая обязательна для всех входящих в ООН стран, и во многих других международных документах.

том, что электоральный процесс точно отразит их выбор. Можем ли мы с уверенностью сказать, что: а) наш голос – это не просто галочка напротив фамилии, а выражение нашей воли? б) что мы, граждане, действительно управляем своей страной посредством свободно избираемых представителей? в) что наш выбор есть результат наших раздумий, а не просто ожидаемое от нас и внушаемое нам предпочтение? Несомненно, что этими вопросами сейчас задаются многие.

При использовании административного ресурса «информация распространяется по ограниченному числу каналов, которые совпадают с каналами распределения материальных ресурсов»[5]. В условиях, когда тот, кто «советует» за кого проголосовать, одновременно выдает зарплату, сложно говорить о независимости выбора. Основными формами административного ресурса на сегодня, по моим наблюдениям на петербургском примере, являются:

– указание подчиненным обязательно идти на выборы (с целью поднять явку, а высокая явка – это гарантия того, что, во-первых, бюджетные деньги не будут потрачены на повторные выборы, а во-вторых, чем выше явка, тем выборы легитимнее);

– указание подчиненным, за кого конкретно голосовать, что имеет место в армии и среди государственных служащих;

– намеренное допущение явных нарушений избирательного законодательства ответственными административными лицами.

В качестве примера может быть приведен факт, имевший место на выборах высшего должностного лица г. Санкт-Петербурга – губернатора в 2003 г. Во время 2 тура выборов по военным общежитиям давалось указание в обязательном порядке пойти и проголосовать за определенную персону, несмотря на то что проживающие в общежитиях редко имели регистрацию по месту жительства. А по закону правом голосования на выборах губернатора, обладали лишь граждане, зарегистрированные по месту жительства, но не по месту пребывания[6]. Что логично, ведь зачем человеку, месяц назад командированному в город и уезжающему через неделю, голосовать на выборах губернатора этого города, избираемого на четыре года? Но, вопреки закону, такое распоряжение было дано по общежитиям и участковым избирательным комиссиям, которые должны были закрыть глаза на нарушение.

Или же, например, на выборах депутатов муниципального совета одного из МО Московского р-на в 2004 г. наблюдалась одна из форм так называемой «карусели», когда один избиратель приходил голосовать несколько раз, пользуясь тем, что он мог отрицать, что уже проголосовал и что это его подпись в списке

[5] Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса. *Воронцова А.Б., Звоновский В.Б. //* Полис. № 6. 2003.

[6] ФЗ «об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 15 июня 2002 г. М., 2002.

избирателей. Членам УИК было дано устное указание по телефону из ИКМО пропускать таких «избирателей» повторно. Надо заметить, что район этого МО очень привлекателен для кандидатов в депутаты, так как там расположен один из крупнейших торговых рынков города. Сейчас по этому делу идет судебное разбирательство.

Административный ресурс является ярким проявлением нелигитимности выборов. В основе этого феномена лежит «патерналистская настроенность россиян» подчиняться начальству[7]. Существование административного ресурса доказывает, насколько зависимо и не автономно от государства наше общество, что является препятствием на пути формирования истинно гражданского общества, способного к ответственности за принимаемые им решения, к элементарному контролю над управленческой деятельностью, связанной с благоденствием населения, качеством жизни и обеспечением необходимыми ресурсами. Излишне говорить, что административный ресурс делает выборы далекими от демократических стандартов.

Влияние нововведений в избирательном законодательстве на развитие гражданского общества в России

Кроме самой процедуры проведения избирательных кампаний, огромное значение для функционирования правового общества с обеспеченными гражданскими свободами имеет избирательное законодательство. Избирательные законы не только определяют процедуру проведения выборов. Создавая благоприятные или неблагоприятные условия для возникновения и выживания партий, они также оказывают влияние на становление и контуры многопартийной системы. Избирательное законодательство, регулируя процесс выдвижения кандидатов, может повлиять на результаты выборов. Закон определяет правила проведения предвыборной кампании и самого голосования, распределение мест в органах управления и следовательно, состав будущего правительства. В принципе, сами по себе избирательные законы не определяют победителей в демократических выборах; они могут быть одним, но не единственным фактором.

Президент России В. Путин не раз подчеркивал значение выборов для стабильности гражданского общества и устойчивого развития государства. «Для нас очевидно, что выборы – это один из политических и правовых инструментов стабильности гражданского общества и устойчивого развития государства», – заявил президент на встрече с членами Центральной избирательной комиссии. «Выборы – это всегда важнейшее политическое событие в жизни людей страны,

[7] *Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д.* Независимые кандидаты и зависимые избиратели: влияние социальных сетей на электоральную политику в России // Полис. № 4. 1999.

мощный импульс для развития демократии», – отметил он. Как сказал президент, «новейшая история России не раз демонстрировала нам ключевую роль свободных выборов».

Президент является инициатором сегодняшней избирательной реформы, которая поэтапно разрабатывается на всех уровнях законодательной власти. «В России необходимо ввести пропорциональную систему выборов в Госдуму», – заявил президент России, выступая на расширенном заседании правительства России с участием руководителей субъектов Федерации. «В ближайшее время соответствующий законопроект будет внесен мною в Госдуму»[8], – сказал президент и не заставил себя долго ждать. 15 апреля 2005 г., по сообщению Интерфакс, Госдума приняла во втором чтении внесенный президентом РФ законопроект, предусматривающий переход на пропорциональную систему выборов в Госдуму, то есть на выборы только по партийным спискам. За принятие законопроекта проголосовали 335 депутатов при необходимом минимуме в 226 голосов, против – 96.

Федеральные списки кандидатов в депутаты, согласно законопроекту, вправе выдвигать теперь только политические партии, а создание избирательных блоков на парламентских выборах не допускается. «Проект изменяет порядок формирования Госдумы путем введения системы выборов депутатов по партийным спискам, выдвигать которые смогут политические партии», – пояснил во глава комитета Госдумы по конституционному законодательству Владимир Плигин. Такая норма, по его словам, позволит усилить роль партий, а также исключить применение административного ресурса в избирательных кампаниях. В Санкт-Петербурге В. Тюльпанов внес на рассмотрение ЗАКСа проект «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга_от 4 февраля 2004 г. №73-16 «О выборах депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга», в котором указывается необходимость перехода к пропорциональной избирательной системе. Нет сомнений, что в течение ближайших одного-двух месяцев мажоритарно-пропорциональная система Российской Федерации полностью превратится в пропорциональную, что означает новый порядок определения результатов голосования, при котором распределение мандатов между партиями, выставившими своих кандидатов в представительный орган, производится в соответствии с полученным ими количеством голосов. Пропорциональная избирательная система применяется только в условиях многопартийности. В отличие от мажоритарной избирательной системы, избиратель голосует не за конкретного кандидата, а за один из списков, представленных политическими партиями или избирательными объединениями, допущенными к участию в выборах.

Как это повлияет на зачатки, слабые ростки гражданского общества в РФ?

[8] www.edinros.ru 13.09.04. МСК.

Глава государства, «гарант Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина», президент В. Путин считает, что введение пропорциональной системы выборов поспособствует формированию гражданского общества в России. «Люди должны быть уверены, что их мнение будет услышано»[9], – отметил президент. Является ли пропорциональная система на самом деле гарантией свободного волеизъявления в российских условиях? Преимущество пропорциональной системы в сравнении с мажоритарной, состоит в том, что при сложившейся стабильной, относительно немногочисленной партийной системе, она дает больше возможностей представить в парламенте весь спектр основных политических сил страны. Но позволяет ли ситуация, сложившаяся сегодня с российской многопартийностью, отразить интересы групп населения в работе партий, якобы представляющих интересы этих групп?

Многопартийность постепенно становится неотъемлемой частью общественной жизни современной России. В 1990 г., с принятием Закона СССР «Об общественных объединениях», российская многопартийность получила официальное признание. В декабре 1993 г. в России состоялись первые многопартийные выборы на мажоритарно-пропорциональной основе. Возникновение института многопартийности – один из важнейших признаков становления в стране гражданского общества. Появление и развитие политических партий в значительной мере свидетельствует об эффективности политической системы общества, является важным фактором укрепления демократической природы государства, обеспечения политических прав его граждан.

Однако можно ли назвать существующее разнообразие политических объединений в России многопартийностью? Отличие процесса формирования партийной системы в России на рубеже XX и XXI вв. от хорошо изученных западных моделей неоднократно отмечалось в научной литературе. Многие исследователи придерживаются мнения, что российская партийная система на сегодняшний день является недостаточно сформированной, не соответствует политологическим определениям партийной системы. «Уровень связи российской многопартийной системы с обществом и органами государственной власти еще недостаточно высок, а политико-организационные формы незрелы».[10] Формирование программ и выдвижение лидеров зависят у нас преимущественно от партийной верхушки, которая лишь в ограниченной степени реагирует на пожелания низов.

Ограниченная роль, отведенная партиям в политической жизни России, в сочетании с привычным для нашего общества недоверием к этим акторам, резко

[9] 13.09.2004 13:39 МСК www.edinros.ru

[10] Некоторые теоретические и методологические аспекты изучения российской многопартийности. Ю. Коргунюк, С. Заславский (глава из книги Ю. Коргунюка, С. Заславского «Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие» – Москва 1996) .

сужает общественно-политические функции, которые они способны выполнять за пределами парламента. Влияние партий на реальную политическую жизнь весьма незначительно. Партии практически не влияют на содержание борьбы за исполнительную власть, что в России почти равнозначно борьбе за «власть вообще». Российские партии не выражают интересы части гражданского общества, являясь структурным элементом системы властных отношений. Они не выполняют функций партии, которые можно разделить на «политические, т. е. связанные непосредственно с реализацией властных отношений, и общесоциальные, касающиеся прочих составляющих общественной жизни: социальной, экономической, идеологической и т.д.»[11].

Сторонники перехода к пропорциональной избирательной системе нередко апеллируют к удачному опыту функционирования этой системы во многих западных странах. То, что пропорциональная система выборов в парламент уже давно себя оправдала в большинстве демократических стран мира, ни для кого не секрет. Хотя даже в развитых государствах встречаются такие, где человеческий фактор в управлении страной предпочтительнее партийного. Явный пример – Япония, где местный парламент состоит из 300 «мажоритарщиков» и 200 «пропорционалов». В странах Европы, которые и считаются прародительницами демократической формы правления, где парламентаризм насчитывает уже не одну сотню лет, пропорциональную систему выборов в парламент никто уже не ставит под сомнение. Но ведь это не сравнимо с «молодой» российской демократией! Если говорить о проценте голосов, который гарантирует прохождение во власть представителей от той или иной партии, то в каждой стране он свой, так как зависит от количества населения, наличия федеральных законов и свободы действий органов самоуправления. В частности, проходной барьер в пять процентов имеет Германия. Хотя, опять же, с оговоркой. В Германии парламент состоит из двух палат: бундестага и федерального совета. В бундестаг, который насчитывает 603 места, в результате всенародного голосования могут быть избраны как «мажоритарщики», так и представители партий. В России же барьер угрожает быть равным 10 процентам, что практически невозможно набрать даже развитым партиям, если вспомнить опыт последней кампании, когда СПС и «Яблоко» не прошли через пятипроцентный барьер!

Рассматривая далее негативное влияние введения пропорциональной системы на полноправное функционирование гражданского общества в России, стоит отметить, что при выборах по партийным спискам руководство фракций обладает высокой степенью автономии как от избирателя, так и от рядовых членов партии, а это облегчает верхушечные договоренности между лидерами и снижает публичный накал борьбы. Не случайно А. Лейпхарт указывал на недостатки пропорциональной системы для нестабильных демократий[12]. Возможность общественного контроля за деятельностью партий при пропорциональной системе выборов резко снижается, например, практически невозможно отследить источники доходов целой партии. Если при мажоритарной системе доходы кандидата тщательно проверяются и выносятся на публичное рассмотрение, то совокупные доходы партии проконтролировать гораздо сложнее, к тому же, выражаясь повседневным языком, материальные «вливания» гораздо легче сделать в фонд партии, чем в фонд отдельного кандидата. Исходя из этого, можно сделать предположение, что в партийных избирательных списках первые места будут занимать непосредственные партийные лидеры, а нижестоящие – «спонсоры» партии, которые, посредством своей финансовой поддержки, будут оказывать влияние на политические позиции партии.

Путем введения пропорциональной системы пресекаются инициативы отдельных личностей, не представляющих никакую партию, никакую партийную программу, повлиять на политические решения, принимаемые в стране. Такое тотальное огосударствление общественных отношений сводит на нет возможность относительно независимого развития гражданского общества. Отдельным активистам более не будет предоставлено возможности привносить предложения в процесс управления, таким образом, самостоятельный ответственный гражданин отстраняется от деятельности по «осуществлению своей власти непосредственно»[13]. Защита общественно значимых интересов в рамках заранее установленных правил гражданского или правового характера не может реализовываться через одни лишь партии, при том что партийная система не сформирована. Классическое определение Э. Берка: «Партия – это группа людей, объединившихся, чтобы совместными усилиями на основе тех или иных разделяемых ими принципов обеспечивать общенациональный интерес»[14], не соотносимо с российской многопартийностью, где партии возникают перед выборами, проводят массированную информационную атаку на избирателей, а потом, пройдя в парламент, растворяются, как фантомы. Поэтому только присутствие на политической арене отдельных активных индивидов, ориентированных на мнение сообщества, из которого они появились, способно хоть как-нибудь обеспечить влияние социума на проводимую в отношении него политику.

Государство не способно поддержать общественную инициативу, сделать ее многофункциональной, разноплановой, самодостаточной. Оно не берет на себя смелость идти в таком направлении, а снова превращается в механизм регулирования «всего и вся». Заявления политиков, что будущее – за самостоятельной

[11] Там же.

[12] *Лейпхарт А.*. Демократия в многосоставных обществах. М. 1997.

[13] Конституция Российской Федерации, гл.1.ст. 3 п. 2 . М., 2003.

[14] *Берк Э.* Размышления о революции во Франции. М., 1993.

общественной инициативой, есть не более чем «либеральная маска», вуалирующая нежелание власти идти навстречу обществу, прислушиваться к нему.

Заключение

Проведя краткий анализ ситуации с избирательным процессом и законодательством в стране, можно сделать следующие выводы.

Административный ресурс, к которому постоянно прибегают представители власти для предрешения исходов голосования, является несомненной помехой для свободного волеизъявления населения, нарушает демократические основы проведения выборов и создает трудности для развития гражданского общества в России.

Избирательное законодательство несовершенно, а его текущее реформирование не способствует становлению в стране гражданского общества и не является инструментом стабильности гражданского общества, а, наоборот, ограничивает гражданские инициативы, подавляет работу общественных институтов и является шагом к закреплению властно-политических отношений, системы государственной власти как одного из элементов треугольника «человек – общество – государство». Что это, если не растущий авторитаризм?

В России сохраняются формальные институты демократического правления и, соответственно, потенциал для развития демократической политической практики. Однако само по себе это ничего не значит. Против того, чтобы возлагать на эти институты слишком много надежд, предостерегает и настоящая работа. В этой связи стоит напомнить, что, говоря о своих политических институтах, хорошо осведомленные россияне воздерживаются от прилагательного «демократический». Так, А. Темкина и В. Григорьев, изучившие более 300 книг и статей по политической тематике, изданных в России с 1985 по 1997 г., не обнаружили ни одной, где бы существующий режим квалифицировался как демократический[15]. Напротив, российские исследователи склонны полагать, что движущими силами в политической жизни страны выступают структуры персоналистского типа[16], именуемые здесь сетевыми структурами власти.

Переход к пропорциональной системе выборов тормозит развитие гражданского общества в стране, так как:

– не учитывает человеческий фактор в управлении государством;

– в России отсутствует сформированная многопартийная система на том уровне, какой требуется для правильного функционирования пропорциональной избирательной системы;

[15] Цит. по Г*ельман В.* Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999.

[16] *Klyamkin I., Shevtsova* L. The Tactical Origins of Russia's New Political Institutions. Brown A. (ed.) Contemporary Russian Politics. Oxford, 2001.

– с введением пропорциональной системы общественный контроль над деятельностью политических акторов значительно усложнится.

Российская до 1917 г. и в дальнейшем советская политическая система держались на государственном патернализме по отношению к гражданам. Это сформировало комплекс политического иждивенчества и взрастило неспособность к самостоятельному политическому поведению. Сформированный стереотип гражданина выражается во фразе: «Я человек маленький, от меня ничего не зависит». Люди привыкли осознавать себя винтиками машины и чувствуют себя комфортно в этой ситуации. Многие искренне уверены, что государство избавляет их от лишних забот. Стратегия гражданского самосознания – антипод такого поведения. Политическая активность человека, считающего, что от него в определенной мере зависит благосостояние общества, – естественное социальное поведение индивида. Но, как мы видим, такая активность подавляется, подменяется иллюзией безопасности и удовлетворенности выбором, сделанным за нас. Признак гражданского самосознания – его адекватность окружающей действительности, реальная ориентация в общественном пространстве. Только когда общество будет бороться за себя не только с государством, но и с невежеством, неразвитостью инициативы – только тогда гражданское общество сможет работать полноценно.

Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт

Седьмой конкурс, 2006 год

Анна Санина[1]

Первая премия

«От “Восстания” до “Мужества” – 15 минут ужаса»: петербургские маршрутки как социальный и культурный феномен

Социальное пространство Петербурга представляет собой переплетение многочисленных повседневных практик, норм, правил и стратегий поведения, реконструирование которых – важная задача социологической рефлексии. Данное исследование[2] направлено на анализ феномена петербургской «маршрутки» – явления, с которым каждый горожанин, имеющий личный автомобиль или нет, сталкивается в своей повседневной практике. На сегодняшний день этот вид транспорта охватывает все районы и пригороды Петербурга, а количество маршрутов превышает 500. Формальным отличием маршрутных такси от городских, пригородных или междугородных автобусов являются, как правило, более высокий проездной тариф, отсутствие проездных билетов длительного действия и льгот, а также – как значимое преимущество перед «общественным» транспортом – «произвольные» остановки.

Несмотря на то что мы привыкли рассматривать маршрутные такси как коммерческий транспорт, их история в нашей стране начинается еще в 30-е годы XX века: тогда легковые автомобили «ЗиС» курсировали между важнейшими площадями, вокзалами и крупными выставками, парками Москвы[3]. В отличие от обычных такси, где работали таксометры, плата за проезд в маршрутном такси устанавливалась по тарифным участкам, как в автобусах и троллейбусах тех времен.

История маршрутных такси в Ленинграде началась с междугородных маршрутов: первоначально автомобили «ГАЗ» связывали автовокзал №1 (площадь Мира) с Лугой, Новгородом, Сланцами и Нарвой. В июне 1960 года появился и первый городской маршрут («ДК Промкооперации – Новая деревня»). Маршрутные такси в Ленинграде, как и в Москве, преимущественно использовались

[1] Аспирантка второго года обучения, СПбГУ, факультет социологии.

[2] Основные методы исследования – включенное наблюдение с применением документального метода интерпретации [Garfinkel, 1967], неформализованное интервью с пассажирами маршруток (теоретическую выборку составили 6 мужчин и 8 женщин в возрасте от 20 до 50 лет), диалоговый анализ.

[3] http://ru.wikipedia.org/wiki/Маршрутное_такси

для подвоза пассажиров от станций метро к популярным объектам городской среды: паркам, выставочным центрам, крупным магазинам, а также для доставки жителей города и туристов к паркам и фонтанам в Пушкине, Павловске и Петродворце[4].

Первоначально маршрутные такси воспринимались пассажирами как более дорогая, но быстрая и комфортная альтернатива традиционным автобусу, троллейбусу и трамваю. Однако с течением времени, с ростом загруженности городских улиц и усилением эксплуатации муниципального транспорта «общественные» перевозки сокращались, а их качество падало. Таким образом, для многих платежеспособных пассажиров в конечном счете маршрутные такси оказались единственным способом передвижения, так как качество «социального» транспорта стало для них неприемлемым.

Поскольку в СССР не существовало частного предпринимательства, маршрутные такси обслуживались либо государственными автобусными парками, либо таксопарками. После распада СССР условия существования общественного транспорта резко изменились: вследствие предоставления различным социальным группам натуральных льгот – в том числе прав бесплатного проезда, в автобусных парках стали уделять особое внимание перевозкам маршрутными такси, приносящим «живые деньги», работающим, по существу, на коммерческих началах, в ущерб перевозкам так называемыми «социальными» автобусами. Появились частные фирмы-перевозчики, и на сегодняшний день их количество в Петербурге возросло до 10.

Значимость явления «коммерческих маршрутов» для повседневной жизни большинства горожан обозначили появившиеся практически одновременно с самими «коммерческими» маршрутками уменьшительно-ласкательные суффиксы в их обозначении – строго говоря, после распада СССР «маршрутного такси» в городе практически не существовало: с середины 90-х годов и по сей день петербуржцы ездят на «маршрутках» и «тэшках».

«Маршрутки» и «тэшки» далеко не однообразны – это и большие автобусы («Икарусы», «Сканиа»), и автобусы «малого класса» (так называемые «ПАЗики»), и микроавтобусы преимущественно двух марок – «Мерседес» и «Газель». Таким образом, несмотря на семантическую общность, данное понятие имеет коннотативные вариации: простое исследование (в интервью была включены просьба схематично изобразить маршрутку и пояснить рисунок) показывает, что «типичной» маршруткой для петербуржцев является только «ГАЗель»[5]:

[4] Там же.

[5] В дальнейшем изложении под маршруткой мы чаще всего будем иметь в виду именно «ГАЗель». Справедливость выводов для остальных типов маршруток будет при этом снижаться по мере их приближения к «автобусному» типу, хотя общие тенденции в большинстве случаев сохраняются и в них.

Ты как будто бы едешь на машине… на семейном трейлере таком. И потом, они в «Мерседесы» народу столько набивают, и там кресла неудобные, жесткие, как в трамвае (мужчина, 40 лет).

Основное отличие «ГАЗели», фиксируемое даже на первый взгляд, состоит в том, что расположение сидений в ней создает особые рамки взаимодействия, предполагающие специфические стратегии поведения, невозможные в такси «автобусного» типа. В «типичной маршрутке» формируется спонтанно образуемая временная малая группа, члены которой располагаются таким образом, что каждый из пассажиров (за исключением двух рядом с водителем) имеет потенциальный визуальный контакт, по крайней мере, с четырьмя другими пассажирами (см. рис. 1) и, кроме того, находится под постоянной угрозой нарушения собственного «интимного» социального пространства.

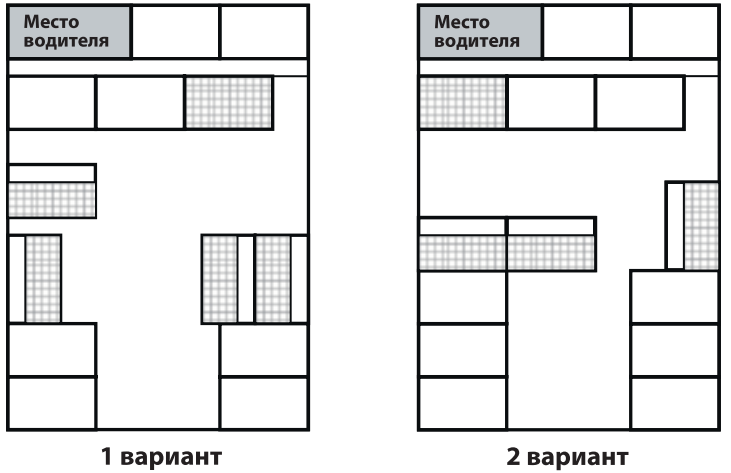


Рисунок 1. Примеры расположения мест для пассажиров в маршрутке и обусловленные ими потенциальные визуальные контакты пассажиров (обозначены одинаковой штриховкой)

Характеризуя маршрутку в качестве поля для специфических социальных взаимодействий, невозможно не отметить еще один значимый элемент, широко распространенный именно в петербуржских «ГАЗелях». Это «оформление» маршрутки с помощью «продуктов маршруточного творчества» (рисунков, метафоричных высказываний, пословиц, к которым мы будем обращаться в ходе дальнейшего анализа). Таким образом, маршрутка представляет собой некий социальный «мир» [Blumer, 1969], включающий в себя и физические, и социальные, и абстрактные объекты.

«10 минут страха – и вы дома». Пассажиро-клиентская эволюция

После того как коммерческие маршрутки заняли определенную нишу, существовавшую между городским «общественным» транспортом и такси, на фоне общего финансово-экономического кризиса ездить на них стало престижным, так как способность заплатить за проезд свидетельствовала о большей или меньшей платежеспособности индивида. При этом «добровольная повышенная плата» явилась источником новых социальных правил, норм и стратегий поведения. Одним из наиболее показательных примеров в данном случае являются очереди, которые выстраиваются согласно неписанному правилу, включая иногда 50-60 и даже более человек. Особенно это касается так называемых «сельских» маршруток, связывающих конечные станции метро с отдаленными районами Санкт-Петербурга или ближайшими пригородами.

Являясь «наследницей» поведенческих практик советских времен, очередь по сей день представляет собой некий фетиш для пассажиров маршруток. Попытки нарушения очереди – даже при вполне логичном с точки зрения «нарушителя» присоединении к уже стоящим родственникам или знакомым – порождают весьма существенные социальные санкции, выражающиеся как в окриках (***«не умеешь себя вести, езди на трамвае», «не хочешь в очередь, вызови такси»***), так и в применении физических действий.

Очередь – показательная демонстрация «вежливости» и «хороших манер» пассажиров маршрутки, позволяющая им идентифицировать себя в качестве «клиентов» – участников коммерческих отношений, стоящих «выше» тех, кто ездит на автобусах и трамваях:

…Ну не штурмом же ее брать, как троллейбусы. Бывает, стоишь на остановке в очереди… длинной такой. Холодно, а радуешься, что это кто-то другой троллейбус рядом штурмует (женщина, 23 года).

Еще одним способом демонстрации новых «коммерческих» отношений является неписанное правило не уступать место представителям тех социальных групп, которым в любом другом транспорте место, как правило, уступают. Так, в метро или автобусе «молодой человек» **N** может и не вставать, но «старательно не замечать» стоящую рядом «бабушку» **F**. Последствия такого поведения для **N** могут быть следующими:

а) негодование и упреки со стороны других пассажиров;

б) вербальные («А вот в наше время... и/или поведенческие намеки со стороны бабушки) **F**;

г) прямая просьба уступить место – со стороны бабушки **F** или других пассажиров.

В маршрутке поведение участников данной ситуации взаимодействия в большинстве случаев трансформируется следующим образом:

а) молодой человек **N** ведет себя уверенно, реализуя привычную ему стратегию поведения;

б) другие пассажиры не выражают негодования и не высказывают упреков;

в) бабушка **F** ни явно, ни намеками не выражает желания занять место **N**, «маскируя» свое положение по принципу «холодной разметки», описанной И. Гофманом [Goffman, 1962].

Интересно, что, объясняя подобную разницу поведения **N** и **F**, пассажиры маршрутки апеллировали к тем же аргументам, что и при комментариях феномена очереди – это «коммерческие отношения»: «добровольно повышенная» оплата проезда и ожидание комфорта являются, как оказалось, сильными уравнивающими факторами.

Мы не пассажиры, мы клиенты. Мы платим, садимся, нас везут. Везут и, кстати, останавливают, где сказать. Я плачу за комфорт. Если не хочешь комфорта, езди на троллейбусах… Если не хочешь стоять, подожди другую, их-то много… (женщина, 36 лет).

Пассажиры маршруток – представители различных социальных групп. Однако простые математические действия показывают, что доход семьи, члены которой регулярно пользуются маршрутками, должен быть достаточно высоким: если учесть, что средняя стоимость проезда на маршрутке составляет 20 руб., то проезд только на работу (учебу) и обратно в месяц на одного человека составит 800–1000 руб. – т. е. фактически треть прожиточного минимума в Санкт-Петербурге. Безусловно, подобные расчеты «отсекают» от категории пользователей маршрутки представителей как низшего, так и высшего среднего и высшего классов.

Сформировавшаяся на сегодняшний день «модель» пассажира маршрутки предполагает, что таковым является человек не богатый, но обеспеченный. Этот невизуализованный «образец» отслеживается пассажирами маршрутки с большой тщательностью, а выход за рамки неуловимого, но довольно строго контролируемого социального континуума «кому можно – кому нельзя» вызывает негативные санкции. Так, проезд в маршрутке представителей социальных групп, идентифицируемых как «бомжи» или «цыгане», – несмотря на равную с остальными и своевременную оплату проезда – вызывает негодование «благополучных» пассажиров.

…Мне не нравится, когда от человека пахнет. Я считаю, что имею на это право. Помещение-то маленькое… И когда грязь – тоже очень неприятно, одежду – тут же тесно – запачкать раз плюнуть (мужчина, 24 года).

Когда цыганки едут, я в другую маршрутку сажусь. А если уже сижу, то выхожу, пока мы еще на конечной. Их все знают, но никто не ездит с ними, конечно (женщина, 25 лет).

Мотивы использования маршруток современными петербуржцами, исходя из анализа данных нашего исследования, описываются шюцевскими «для того

чтобы» и «потому что» [Шюц, 1988]. Интересной тенденцией в данном случае является то, что первый мотив, относящийся к проекту социального действия, преобладает среди пассажиров «центральных» маршруток («для того чтобы быстрее добраться...» «для того, чтобы время не тратить...» и т. п.) и связан преимущественно с фактором экономии времени. Второй мотив более характерен для пассажиров «сельских» маршруток – наиболее распространенные из них (например, «потому что нет машины» или «потому что на автобусе неудобно») в общем виде выглядят так: «Если бы не (упоминание обстоятельства или причины), я бы ездил(а) на другом транспорте (автомобиле, автобусе и т. п.)». Подобное различие мотивации связано, на наш взгляд, с таким фактором, как риск.

Действительно, вопрос о безопасности маршруток является одной из наиболее распространенных единиц дискурса среди пассажиров. Вследствие агрессивной манеры вождения, распространенных технических неисправностей, отсутствия элементарных средств безопасности (ремней, поручней и т. п.) каждая поездка представляет собой риск для жизни и здоровья – это подтверждают выпуски местных новостей и газеты, регулярно сообщающие об авариях с участием маршруток. На «сельских» же маршрутках расстояние и скорость движения намного больше, чем на «центральных», – именно поэтому среди их пассажиров доминирует мотив «потому что».

Отметим, однако, что при этом конкуренции мотивов «ехать на автобусе, потому что это безопаснее» или «ехать на маршрутке, потому что это быстрее и удобнее» не возникает: при определенном уровне платежеспособности неизменно побеждает второе. «Пережить» опасную поездку пассажирам в какой-то мере помогают продукты «маршруточного творчества»: так, в городских маршрутках часто можно встретить объявления типа «***10 минут страха – и вы дома***» или «типично питерское» «***От*** “***Восстания***” ***до*** “***Мужества***” ***– 15 минут ужаса», «От заката до рассвета – от Гражданки до Просвета».***

Подобный юмор аналогичен случаю смеха пассажира такси в Токио, описанному Э. Берном. Первая кошмарная поездка в этом транспортном средстве предоставляет потрясенному пассажиру три возможности: бороться за сохранение своего самообладания (что вряд ли имеет смысл); съежившись от страха, забиться в угол; смеяться над своим положением. Те, кто смеются, «добираются до пункта своего назначения с той же скоростью, что и все прочие, но они имеют два преимущества: во-первых, они получили больше удовольствия от поездки, а во-вторых, им будет не так скучно рассказывать о ней»[6].

«Не хлопайте дверьми и ушами!». **Стратегии поведения пассажиров в маршрутке**

Петербуржцы, пользующиеся маршрутками, как правило, пользуются ими более или менее постоянно. Опыт, накопленный в процессе реализации роли

[6] *Берн Э.* Трансактный анализ в группе. М., 1994. С. 84–85.

«пассажира маршрутки», предполагает типизацию и построение определенных смысловых связей, структурирующих дальнейшее поведение. Другими словами, правила и нормы поведения в маршрутке представляют собой типичное знание, используемое большинством пассажиров автоматически.

В самом общем, абстрактном виде стратегии поведения пассажира маршрутки складываются из следующего набора действий.

1. Действия, направленные на остановку маршрутки (применяются, разумеется, в том случае, когда пассажир едет не с «конечной») – носят знаково-символьный характер и направлены на установление визуального контакта с водителем. Чаще всего это традиционное поднятие руки, предполагающее существование взаимно разделяемого ролевого контекста: индивид **А** сообщает о том, что намерен принять на себя роль пассажира, а индивид **В**, исполняющий роль водителя, путем остановки транспортного средства помогает **А** осуществить свое намерение.

Отметим, что роль «пассажира маршрутки» является временной и, в принципе, социально не значимой – она лишь средство реализации более важных для индивида социальных ролей, пространство исполнения которых отдалено географически от места его нахождения в данную конкретную минуту (это могут быть роли матери, отца, друга, различные профессиональные роли и т. п.). Чем скорее индивид примет на себя роль пассажира, тем скорее сможет сменить ее на более важную социальную роль. Для того чтобы обратить внимание водителя на насущность потребности такой перемены, потенциальные пассажиры также пользуются жестами, смысл и значение которых вполне прозрачны. Это может быть энергичное потряхивание рукой или двумя руками (знак «очень надо!»), иногда сопровождаемое вертикальным движением руки (знак «так надо, что поеду и стоя!»), а также соединение ладоней в районе груди («умоляю, ну, пожалуйста!»).

2. После того как индивиду было позволено принять на себя роль пассажира маршрутки, начинается этап взаимного осмотра «новичка» и остальных пассажиров. Несмотря на то что по времени данный этап длится секунды (иногда доли секунды) и реализуется, как правило, одновременно с визуальным поиском места, он чрезвычайно важен для последующего поведения пассажиров. Цель осмотра со стороны «новичка» заключается в ответе на вопрос «что здесь происходит?»; со стороны группы – в своеобразном «фэйс-контроле», позволяющем или не позволяющем включить нового пассажира в группу.

3. Оплата проезда – еще один этап деятельности пассажира маршрутки, так как здесь довольно ярко проявляются элементы самопрезентации индивида. Например, обращенный к пассажирам громкий вопрос «А сколько стоит?» в ряде случаев может служить намеренным указанием отсутствия ситуативного знания и, следовательно, призывом сделать вывод о недостатке опыта пользования маршрутками («машина сломалась сегодня... а за сколько доехать тут можно?»).

«Личная доставка» денег водителю с заднего сиденья может быть расценена как излишняя самостоятельность и нежелание воспользоваться помощью других. Наоборот, конкретное обращение с просьбой передать деньги или сдачу часто используется для привлечения внимания к себе.

Оплата проезда в наборе действий, составляющих роль пассажира маршрутки, расценивается как обязанность. О необходимости ее скорейшего выполнения свидетельствует надпись «Оплата при входе», присутствующая, как правило, в каждой маршрутке. Выполнение данной обязанности позволяет пассажиру завершить процесс самоидентификации как члена временной группы. Заметим, что со стороны других пассажиров оплата проезда не является необходимым условием членства в группе, так как решение о возможности включения в нее происходит уже при первичном взаимном осмотре. Исходя из этого, «зайцем» в маршрутке стать довольно легко: необходимо просто «опустить» действие и перейти к следующему этапу, наиболее продолжительному по времени.

4. Данный этап предполагает выбор одной из следующих условных линий поведения.

а) «Погружение в себя»: стратегия поведения, направленная на максимальную закрытость от остальных членов группы и внешних «раздражителей» (громкой или неприятной музыки, сильных ударов дверью, резкого торможениея и т. п.).

Пассажиры, реализующие данную стратегию, садятся, по возможности, на места, позволяющие максимальным образом сохранить собственную «интимную» территорию в маршрутке. Также (и – в большей степени – при отсутствии таких мест) используются «вспомогательные действия» – прослушивание плеера, игры на телефоне, набор SMS и т. п. (книги в качестве «инструмента уединения» используются значительно реже: по сравнению с метро в маршрутке, по мнению пассажиров, читать намного неудобнее). Универсальным «помощником» в данном случае является окно, сосредоточенный взгляд через которое представляет собой довольно легко распознаваемое «сообщение» о реализации стратегии «погружении в себя».

…Неделю ездила без плеера – чуть не свихнулась… зато столько всякой хрени передумала за это время… мысли в большинстве своем были весьма бытовые и социального характера… (женщина, 20 лет).

б) «Открытость»: противоположная стратегия, предполагающая максимальное вербальное или невербальное общение с «внешним миром». Средства реализации данной стратегии – «охотная» передача денег; разговор со знакомыми или незнакомыми людьми; комментарии действий водителя или других пассажиров, информации по радио, других разговоров и т. д. Зачастую реализация данной стратегии предполагает «афиширование» личной жизни – так, излишне громкий разговор с собеседником, и в особенности по телефону, посвящает остальных пассажиров маршрутки в различные подробности биографической ситуации.

…Послушай, у меня к тебе вот какой вопрос: я слышал, у вас намечается летом поездка на море? Да? Счастливые! А в связи с этим ты не одолжишь мне денег до мая? Тысяч десять? Я с женой сейчас… как бы это сказать… Ну, не знаю, помиримся мы или нет вообще – ну и ну ее – так вот, я с мамой сейчас живу, надоело смотреть, как она мне белье стирает, так хочу машинку стиральную ей купить… (Телефонный разговор)

А: Ты откуда такая замученная? С поезда, что ли?

В: Ну да… практически.

А: С работы, что ли, опять сбежала?

В: Нет, мы в Москву ездили. Ты поедешь со мной, мы 25-го в Москву опять? Хотя надо посчитать, моя ли эта смена.

А: Да уж хотелось бы. А сколько?

В: 150 начальнику поезда.

А: И все?

В: И все, это же своим, что я хочу своего взять, знакомого или родственника. Чужим больше, конечно… (Диалог в маршрутке)

В целом же – независимо от выбранной стратегии – в процессе пути (от включения «новичка» в группу до появления нового «новичка») среди пассажиров маршрутки господствует идеализация совпадения систем релевантности (термин А. Шюца): «До тех пор, пока не доказано обратного, я считаю само собой разумеющимся – и полагаю, что другой считает так же, – что различия перспектив, порождаемые нашими уникальными биографическими ситуациями, несущественны с точки зрения наличных целей любого из нас, и что он и я (т. е. «мы») полагаем, что отбираем и интерпретируем потенциально и актуально общие объекты и их характеристики тем же самым или, по крайней мере “эмпирически тем же самым”, т. е. тем же самым с точки зрения наших практических целей способом»[7]. Как показывают данные наблюдения, эта идеализация довольно устойчива и нарушается при одном условии – если водитель ведет машину откровенно плохо: риск для жизни и здоровья приводит к нарушению устойчивых линий поведения, что вызывает не только возмущенную реакцию пассажиров, но и активное проявление экспертного знания (помимо критических замечаний типа «***не дрова везете***», характерными являются элементы профессиональной лексики: «***а он тот*** “***опель***” ***нехило подрезал***»).

4. Остановка маршрутки, или, точнее, просьба об остановке и выход из нее составляют завершающий этап исполнения роли пассажира. Наиболее яркими при этом являются следующие типы поведения:

[7] *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М. 1994.

– поведение «профессионального пользователя маршрутки» – подготовка к выходу осуществляется заранее, а просьба об остановке произносится громко и четко;

– поведение «интеллигентного» пользователя маршрутки, знающего, что «кричать некрасиво», и пытающегося согласовать это знание с необходимостью донести информацию до водителя – чаще всего решение ситуации заключается в том, чтобы переместиться максимально близко к водителю, а уже затем высказать просьбу об остановке.

– поведение «новичка на маршруте», заранее обращающегося к водителю как к эксперту с просьбой остановить в конкретном месте (подобная тактика считается удачной, если водитель достаточно хорошо знает город и имеет представление о месте, о котором идет речь).

Не менее важен и выход из маршрутки, а именно умение закрыть дверь «ГАЗели». По мнению пассажиров, «профессионализм» обращения с дверью является знаком уважения к другим пассажирам, не вынуждаемым вздрагивать от громкого звука, а также залогом хорошего впечатления о себе.

«К водителю обращайтесь на Вы. Он вам не родственник!» Водитель как «необходимая составляющая» маршрутки

Мир повседневной жизни и профессиональная деятельность – это конечные области значений: переход из одной в другую предполагает скачок, перерыв постепенности и своеобразное «шоковое» переживание, а прямая коммуникация между ними попросту невозможна. Если учесть этот факт применительно к маршрутке, где пассажиры находятся в мире повседневной жизни, а водитель реализует профессиональную деятельность, трудности их коммуникации становятся вполне очевидными и понятными.

Ограниченность коммуникативных практик – это также важный элемент профессиональной этики водителя: от нее во многом зависит безопасность движения. Для того чтобы подчеркнуть это, водители маршрутки зачастую пользуются возможностями профессионального юмора, «оформляя» маршрутку различными надписями указывающего, информирующего и предупреждающего характера. Анализ подобных надписей показывает, что они охватывают все значимые элементы, существующие в маршрутке, и поведенческие практики, в ней реализуемые:

а) Взаимодействие водителя с пассажирами

– ***Табличка на панели около бардачка:***

Прейскурант на услуги водителя:

Задумчивый взгляд – бесплатно

Ответ на вопрос – 10 р.

Правильный ответ на вопрос – 20 р.

Правильный ответ на дурацкий вопрос – 50 р.

Помощь делом – цена договорная.

– На передней двери (рядом с водителем): «Места для 90-60-90».

– Экипажу требуется стюардесса.

– Книга жалоб и предложений находится в следующей машине.

– Не суйте голову в люк, а то меня за это штрафуют.

– Коленками передачи не переключать!

– Водитель не осьминог, всем сразу сдачу дать не может.

– К водителю обращайтесь на Вы – он вам не родственник!

– Водитель женат! Но…

б) Оплата проезда

– Земля – крестьянам. Заводы – рабочим. Деньги – ВОДИТЕЛЮ!

– Бесплатно обслуживаются ТОЛЬКО участники Куликовской битвы.

– Монетами 5, 10 и 50 копеек здесь не рассчитываются! Ими дают сдачу!

– Это не МЕГАФОН – платят все входящие.

– Автолайн не «Beeline» – все входящие платят!!!

в) Своевременная остановка

– Тише скажешь – дальше выйдешь!

– Чем дольше вы молчите – тем дальше вас везут.

– Водитель – глухой. Но не стоит орать. Он еще и нервный.

– О нужной остановке кричите так, как будто вы пять минут назад ее проехали.

– Остановки говорите заранее и громче, водитель глухой и ему нужно время, чтобы поставить ПРОТЕЗ на тормоз.

– Просьба об остановке сообщать водителю, а не соседу.

– Хочешь выйти – КРИЧИ!

г) Дверь и обращение с ней

– Дверь закрывайте душевно, а не от души!

– Граждане! Не хлопайте сильно дверью, она может отвалиться и упасть вам на ноги.

– Внутри салона на дверце: Место для удара головой.

– Не хлопайте дверью – водитель пугается!

– Кто хлопнет дверью, тот станет льготником…

– Хлопнешь дверью – умрешь от монтажки!!!

– Закрой ее как дверь своего ХОЛОДИЛЬНИКА

– Дверь закрывать нежно, пальчиком!

С помощью самодельных комических надписей водитель вступает в «почти заговор» с другими пассажирами, действительными или мнимыми [Бергсон, 1990], ведь многие комические вещи совершенно непонятны одним людям и близки другим, поскольку тесно связаны с нравами и представлениями данного общества. Несмотря на это, «молчащий» водитель для пассажиров, как показывают

данные наблюдения и интервью, представляет в большинстве случаев полностью реифицированный «социальный объект», необходимый составляющий элемент данного «мира».

Преодолению такого подхода может способствовать только элемент доверия – подобно тому, которое мы испытываем, например, на приеме у врача [Garfinkel, 1963]. Однако, как правило, пассажиры уверены, что в 9 случаев из 10 водитель «***водить как следует не умеет***». Эта уверенность, безусловно, не беспочвенна – выше мы уже говорили о рисках поездок в маршрутке. Однако убежденность в профессиональной некомпетентности водителя, а вместе с ним и недоверие многократно возрастают, если за рулем находится, например, грузин или дагестанец. Национальность водителя – единственное, на что обращают внимание практически все пассажиры.

Я не являюсь злостным националистом, но их стиль вождения – простите! (ьужчина, 48 лет).

Они не умеют водить, это точно, меня раздражает, когда он не умеет водить и разговаривает по телефону. Он едет и орет: «Наташа, ты мне разбила сердце, Наташа!» Такая злость берет, я бы его вместе с этой Наташей… (женщина, 20 лет).

Стигматизированные по национальному признаку водители стремятся положить конец дискриминации, как правило, путем молчаливого исполнения профессиональных обязанностей, копируя модель поведения любого профессионального водителя. Однако в ряде случаев присутствуют и агрессивные техники восстановления «ущербной» идентичности:

Один раз я ехал, и кавказец – ему просто надоели претензии со стороны одной из возмущенных женщин – он ответил: «Слушай, чего кричишь, да? ВтАрой день за рулем!». На следующей остановке вышли все, кроме меня, я со смеху валялся (мужчина, 27 лет).

«Просьба семечки, орешки и бананы есть вместе с кожурой». Маршрутка в мире повседневной жизни

Подводя итог нашему анализу петербургских маршруток как особого социального и культурного феномена, необходимо указать на важную тенденцию, характерную исключительно для данного вида транспорта: регулярность использования маршрутки, а также определенный уровень комфорта, который для нее характерен, обуславливают частичный перенос в нее некоторых видов «профессиональных» и «домашних» практик.

Так, «ранняя утренняя» маршрутка (с 6 до 9 утра) – для большинства пассажиров представляет собой продолжение ночного отдых (сна).

«Утренняя» маршрутка (9–12 часов утра) – это начало работы или учебы (в таких маршрутках наиболее распространены звонки от коллег по работе, договоры

о встречах или, наоборот, отмена встреч; пролистывание тетрадей с конспектами лекций и т. п.).

«Ранняя вечерняя» маршрутка (с 17 до 21 часа) является определенным продолжением работы (подведение итогов, рассказ о рабочем дне, планирование дел на завтра и т. д.).

Наконец, «вечерняя» маршрутка (21–23 часа) – это «начало» домашней жизни, когда среди телефонных звонков доминируют разговоры с родственниками, а многие из пассажиров пьют пиво, едят чипсы и разговаривают ***«за жизнь».***

Отождествление регулярно используемой маршрутки с собственным миром повседневной жизни у большинства ее пассажиров подтверждает широкая распространенность индексных высказываний (***«Остановите здесь», «Притормозите где-нибудь тут», «Можно я выйду у третьего поворота?», «Сынок, мне вон у того у большого лопуха за березой»***), нисколько не искореняемая водительскими предостережениями:

Остановка где-нибудь ЗДЕСЬ будет где-нибудь ТАМ!!!

У дома «КОНЦА» не бывает!!!

Остановок «Здеся» и «Тута» на маршруте нет!!!

Литература

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000.

2. Бергсон А. Смех. М., 1992.

3. Берн Э. Трансактный анализ в группе. М.: Лабиринт, 1994.

4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

5. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М., 1996.

6. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

7. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1994.

8. Blumer H. Collective Behavior // New Outline of the Principles of Sociology. N.Y., 1951.

9. Blumer H. Symbolic Interactionism – Perspective or Method. N. Y., 1969.

10. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs. Prentice-Hall, 1967.

11. Garfinkel H. A conception of, and experiments with, «trust» as a condition of stable concerted actions. In O.J. Harvey (Ed.) Motivation and social interaction. New York, NY: Ronald Press, 1963.

12. Goffman E. On cooling the mark out: Some aspects of adaptation to failure // Human behavior and social processes / A. Rose (Hg.). Boston, 1962. http://www.tau.ac.il/~algazi/mat/Goffman--Cooling.htm

13. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – New York: A Touchstone Book Published by Simon Inc., 1963.

14. Schutz A. «The Well-Informed Citizen»: An Essay on the Social Distribution of Knowledge // Schutz A. Collected Papers. Vol. 2. Netherlands: Martinus Nijhoff, 1976.

15. Schutz A. The Problem of Rationality in the Social World // Schutz A. Collected Papers. Vol. 2. Netherlands: Martinus Nijhoff, 1976.

Мария Сафонова[1]

Первая премия

Студенческое землячество казахстанцев в Петербурге: общежитие, клубные вечеринки, сети и миграция

Данная статья описывает социальную организацию образовательной миграции из Казахстана в Петербург. В этом тексте я расскажу о социальных механизмах, способствующих устойчивости этого миграционного потока в пространстве и времени. Сегодня он является самым крупным потоком образовательной миграции на территории бывшего СССР.

Статья основана на следующих материалах:

1) интервью со студентами-мигрантами в Петербурге, приехавшими из различных городов Казахстана (среди них этнические казахи, русские, корейцы, уйгуры, немцы);

2) данные статистики, доступные в сборниках, публикуемых министерством образования;

3) материалы наблюдений, которые проводилось мной на мероприятиях казахстанского студенческого землячества с февраля 2005 по апрель 2006 г.;

4) интервью с представителями российских вузов, в которых учатся студенты из Казахстана.

Университеты в крупных российских городах (Москве, Ленинграде, Томске, Новосибирске и др.) уже в позднесоветскую эпоху были местом притяжения для школьников из Казахстана. Миграция происходила в пределах одного государства, образование предоставлялось бесплатно и являлось относительно доступным. В 70–80-е годы XX в. эту миграцию трактуют как образовательную и «нормальную».

С распадом Советского Союза Россия и Казахстан перестают быть частями одного государства. Появляются границы и законодательство, по которому образование для иностранцев в Российской Федерации является платным, и первое время образовательная миграция в российские университеты для граждан Казахстана затруднена. В силу экономических и политических интересов в 1996 году между Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Россией заключается договор о формировании единого образовательного пространства. Молодые люди из этих стран могут поступать в вузы

[1] Аспирантка второго года обучения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

любой из стран-участниц договора наравне с гражданами страны, претендуя и на бесплатные места. В первую очередь он нацелен на то, чтобы предоставить возможность гражданам Казахстана, Белоруссии и Киргизии обучатся в российских университетах.

После 1991 года количество студентов из Казахстана постепенно падает (с 15,1 тысяч человек в 1992 до 8,2 в 1997 [Шереги и др., 2002: 29–33]). С 1998/1999 учебного года существует тенденция к росту числа студентов ежегодно на 10–15%. К 2002 году в общей сумме в российских университетах учились 13,9 тысяч человек из Казахстана. В 2003 году в России училось 12,9 тысяч студентов из Казахстана[2]. [Образование в России, 2003]. Последние 15 лет студенты из Казахстана составляют значительную по размерам группу иностранных студентов в стране и самую большую группу среди студентов, приехавших из стран бывшего Советского Союза.

Ф. Шереги и его коллеги в работе «Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов» 2002 г. анализируют динамику численного состава студентов из стран СНГ и обращают внимание на тот факт, что на протяжении 1990-х годов среди студентов, приезжающих учиться в Россию из республик Средней Азии, преобладают этнические русские, и связывают это с «усиливающимся “выдавливанием” русскоязычного населения из стран СНГ» (Шереги и др., 2002: 34). Таким образом, Шереги и соавторы вписывают большой поток образовательной миграции из Казахстана в поток вынужденных «постсоветских миграций», вызванных коллапсом Советского союза.

Однако если в начале и середине 1990-х традиционная для описания миграций теория «выталкивания-притяжения» («push-pull theory») могла объяснять данный поток миграции, то сегодня такое объяснение представляется недостаточным. Основной концепцией, на которой основывается данная работа, является сетевая теория миграции, которая, в свою очередь, основывается на традициях сетевого анализа (Bretell, 2000; Massey et al., 2005; Schmitter Heisler, 2003).

Представители сетевого анализа трактуют социальную структуру как скованную из отдельных цепочек взаимоотношений между акторами, что дает возможность совместить макро- и микроперспективы. Социальными ***сетями*** они называют ***регулярные модели взаимодействия, связывающие людей***. Анализ сетей есть исследование того, как различные типы связей встраивают агента в структуру, обеспечивая тем самым условия для деятельности и значимые возможности, так как предоставляют доступ к ресурсам информации, денежным ресурсам и ресурсам власти. Сетевые структуры конституируют действие и социальное изменение (Boissevain, 1979; Wellman, 1983).

[2] По экспертным оценкам, уменьшение может быть связано с демографическим кризисом, который начался в казахстанских городах чуть раньше, чем в России.

Концепция социальных сетей традиционно включена в теоретический арсенал исследователей миграции и используется при описании процесса инкорпорации мигрантов в принимающее общество (Portes and Jensen, 1989; Light I. et al., 1994; Waldinger, 1994), отсылая к понятию «встроенности» (embeddedness) социального актора в сети социальных отношений, введенного Грановеттером[3] (Granovetter, 1985). Современные теоретики миграции предлагают использовать концепцию социальных сетей не только для описания адаптации мигрантов в новой среде, но применять эту концепцию собственно к процессу миграции, что дает возможность через построение и распространение сетей объяснить размеры миграции, ее направления, взаимосвязь региона-донора и принимающего региона, «цепные эффекты» больших миграционных потоков и т. д.

Данная работа методологически и методически опирается на сетевую теорию миграции, созданную одним из первооткрывателей сетевых эффектов миграционных процессов Дугласом Мэсси (Massey and Reichert, 1980; Massey, 1986; Massey et al., 2001; Massey and Kandell, 2002; Massey et al., 2005). Классическое исследование Мэсси посвящено миграции мексиканцев в США и основано на совмещении двух точек зрения на миграционный процесс. Поток мигрантов из Мексики достаточно велик, поэтому Мэсси обращается к статистическим данным и проводит часть исследования с помощью количественных методов. Для того чтобы обнаружить социальные механизмы, поддерживающие миграцию, он совмещает с количественными методами качественные: использует глубинные интервью с мигрантами, современными и бывшими. Ведется наблюдение: исследуются городские коммуны в Мексике, которые являются отправителями мигрантов, а также дочерние коммуны в принимающем городе – Лос-Анджелесе. Кроме того, Мэсси внимателен к историческим данным: интересующий его миграционный поток имеет давнюю историю, начинается в конце 20-х годов XX века и связан, во-первых, со сложной экономической ситуацией в Мексике, во-вторых, с миграционной политикой США, которым в определенные периоды (20-е и 40-е годы) необходим был импорт рабочей силы, поэтому государство законодательно поощряло миграцию.

Мэсси обнаруживает, что миграционный поток из Мексики поддерживается социальными сетями. Эти сети связывают конкретные районы Мексики с конкретными районами США. Сети лишают миграцию спонтанности: они задают социальную (сетевую) обоснованность решения о миграции и предопределяют выбор «пункта назначения», так как миграция в другой регион становится экономически менее выгодным предприятием. Мэсси считает, что, достигнув определенного размера, поток мексиканских мигрантов становится самовоспроизво-

[3] Я также буду использовать заимствованные у Грановеттера понятия сильных (родственных и близких дружеских) и слабых (отношения «знакомых») связей, которые вместе составляют плотные и разреженные части социального пространства (Granovetter, 1983).

дящимся, экономические и политические факторы становятся менее важными для его поддержания, а в ряде случаев сетевая организация миграции позволяет преодолевать экономические трудности и законодательные ограничения.

Далее будет описан процесс реконфигурации социальных сетей молодых людей из Казахстана вследствие миграции, значение такой реконфигурации для потока образовательной миграции в целом и взаимосвязь конструируемых студентами-мигрантами сетей и идентичностей.

Отрыв сегмента сети

Отправная точка миграции, или, если применять традиционный термин, используемый демографами, регион-донор – Казахстан. Более точно: крупные города Казахстана: Алма-Ата, Уральск, Атырау, Чимкент, Джамбул, Кустанай, Актюбинск, Актау. «Пункт назначения»[4] миграции – Санкт-Петербург.

В регионе-доноре в вовлечении школьников в образовательную миграцию задействовано два сетевых механизма. Первый – выездные приемные комиссии. Выездные приемные комиссии есть институциализированные персональные сети. Этот механизм появился в начале 1990-х в связи со сложной экономической ситуацией на территории бывшего СССР, когда издержки на поездку с целью поступления в какой-либо российский университет для каждого отдельного школьника были слишком велики. Тогда представители местных городских сообществ (администрация и учителя школ, руководители предприятий, многие из которых получали высшее образование в российских университетах) стали приглашать экзаменаторов из ряда российских вузов прямо в Казахстан.

Сегодня связи между городами и вузами существуют уже больше десяти лет, и взаимодействие городских активистов и университетов институционализировалась в виде подготовительных курсов на базе школ, которые и заканчиваются вступительными экзаменами. Работу выездной комиссии оплачивают сами абитуриенты, поэтому важно, чтобы количество желающих поступить (и оплатить выезд комиссии) достигало ежегодно определенного размера, позволяющего привезти экзаменаторов прямо в город. Информация о курсах и экзаменах распространяется помимо СМИ и по социальным сетям – через родственников, друзей, знакомых как самих абитуриентов, так и их родителей. Экзаменаторы из разных вузов приезжают по очереди, поэтому школьники имеют возможность поступать последовательно в каждый из предлагаемых университетов, экзамены проводятся весной, еще до получения аттестатов о среднем образовании. Абитуриенты поступают как на бесплатные, так и на платные отделения вузов.

[4] Его нельзя назвать конечным пунктом миграции, и это важно, так как он не только может не быть конечным пунктом, но не стать и точкой возвратной миграции. Это именно «пункт назначения» данного конкретного миграционного потока.

Вторым механизмом, поддерживающим миграцию, являются межличностные сети. Тот мигрант, который рассматривается в данной работе, не является одиночкой и «чужаком» классической работы Роберта Парка о миграции, и понятие Грановеттера «встроенность» применимо к нему в полной мере. Он находится в клубке социальных сетей, и сети направляют его решение о миграции и определяют пункт назначения:

Да мы всей гурьбой поступили. У меня 11 человек из класса поступили… Мы все нечаянно поступили, ну поехали – ну поехали. Один там, «Я поеду, я поеду!» Мы на него посмотрели, ну чего бы не поехать, я тоже поеду…

Несколько взаимосвязанных агентов, участников одной социальной сети (друзей, одноклассников, одношкольников, соседей, независимо от силы существующих между ними связей) отрываются от всего сетевого клубка с большей легкостью и меньшими издержками, достраивая при отрыве недостающие сильные связи временными слабыми связями.

При отъезде активно задействуются слабые связи, они мобилизуются в нужный момент, для того чтобы облегчить отрыв части сети, в процессе самого перемещения достроить сети, заполнить образовывающийся вакуум:

У нас целый вагон ехал студентов таких, и я с мамой был, ну кто-то с родителями… Мы просто скинулись, поехала моя мама и еще чья-то мама, купили целый вагон. Это были люди, которые ехали в Питер учиться. Мы просто, когда сдавали… город относительно маленький, провинциальный городишко, все друг друга знают, все друг у друга телефоны просто поузнавали, скинулись деньгами. Подумали, зачем ехать каждому по одному, если можно всем вместе приехать, всем вместе в общагу собраться, так легче будет.

Мобилизованный для перемещения сегмент сети, состоящий из слабых и сильных связей, переезжает как сегмент (как часть целого или связка) буквально – в одном вагоне поезда город Х Казахстана – Петербург.

Российское общежитие, «встроенное» в сетевые механизмы миграции из Казахстана

Перемещенная сеть (даже если та, которая была мобилизована для перемещения, вновь рассыплется на отдельные фрагменты, связанные лишь отношениями знакомства и опытом совместного переезда) не попадает в социальный вакуум. Новое пространство заселено и уже освоено земляками, теми, кто «с моего города». Наличие принимающей сети на месте снижает затраты и издержки, с которыми всегда связано освоение нового пространства (как физического, так и социального).

При «заселении» в общежитии мигрант задействует все наличные связи, как слабые, так и сильные, для того чтобы заполнить новое жизненное пространство

«своими», «нашими» людьми, если не на вещном, то на человеческом уровне сделать его непроблематичным и знакомым пространством повседневности.

А так как я приехала одна со своего вуза совершенно, то меня могли поселить только либо к другому курсу, или с другого города. Ну, в общем, с моего города там были уже по парам. Потом она (комендант) говорит: «у нас есть вообще-то второкурсники, как раз из вашего города, вот сюда сходи». Ну, я там прожила буквально два дня, наверное, потом приехала моя подруга, с которой мы договорились там еще, у себя в городе, что мы будем жить вместе. А так как нас было двое, нам еще третий человек нужен был. Третьим человеком оказалась девочка тоже из нашего города, хотя раньше я не знала ее до этого, ну так, чисто видела визуально пару раз. На время, пока нам не выдали вот эту комнату, я переехала к другим девчонкам с моего потока, с моего курса, с моего города, и у них пожила пару дней.

Рано или поздно наступает момент, когда мигрант, даже будучи оплетен перемещенными социальными связями, попадает в ситуацию чужака, описанную Щюцем. Его чуждость заключается в незнании нормативных образцов групповой жизни представителей другой мы-группы, «специфических ценностей, институтов и систем ориентации и контроля» (Щюц, 2004: 534).

Общежитие и большое количество земляков предоставляют возможность не осваивать эти новые образцы и карты социальности: с одной стороны, сети дают идентичность[5], т. к. акторы получают признание со стороны значимых других, составляющих плотные сегменты их сети. Это, в свою очередь, определяет и ограничивает его выбор в установлении новых связей:

Нет, я как бы общался с теми, кто в общежитии. У нас просто в общежитии казахстанцев… хватало. У нас вот ЛЭТИ, ЛЭТИ и Политех, я реально заехал сюда, и уже была компания у меня, ну вот Эдик заходил, он тоже из Казахстана, он вообще с моей группы оказался, я как бы раньше жил в другой комнате, ну вот у нас группа, 18 человек с первого курса. Я когда поступил, в группу свою пришел первого сентября, в группу свою пришел, у меня в группе 18 человек, шестеро было из Казахстана. То есть одна треть. Ну, как бы так, и в группе я общался, первое время – само собой, с казахстанцами проще найти общий язык…

Отсутствие общих референций ограничивает коммуникацию, мигрант отграничивает свой круг общения от тех, чьи правила и нормы ему необходимо осваивать как чужие, и проявляет интерес только «к тому сегменту мира, который находится в его реальной или потенциальной досягаемости» (Щюц, 2004: 535).

[5] Я понимаю идентичность как конструируемое через соотнесение с некоторыми другими представление о своем Я. Идентичность производится и воспроизводится в результате взаимодействия с социальным окружением и в процессе репрезентации. Идентичность множественна и подвижна, инструментальна (как противоположность примордиальной), важна для актора и выбирается им (в зависимости от контекста), хотя этот выбор не вполне свободен (спектр альтернатив задан социальным окружением) и относительно стабилен.

Но чем больше составляющих будет в множественной идентичности мигранта, тем шире будут возможные социальные сети. Потому из набора предлагаемых (идеологиями, сетями и т .д.) идентичностей помимо узких «Я-русский» или «Я-казах» выбираются и принимаются совокупные, широкие идентичности «Я – казахстанец» и «Я – советский»[6], позволяющие включать в сети тех, кто определяется как «русские», «казахи», «корейцы» и т. д. и осуществлять наиболее успешные стратегии коммуникации и мобильности:

У нас вот в Казахстане чем хорошо, у нас страна насчитывает сто народов. Притом не так, что вот, у нас еврей есть один, один татарин, а именно вот какие-то вот там свои кучки, какие-то по проценту, по полпроцента. У нас президент запрещает делить на народности, запрещает, он говорит всегда, что мы многонародная страна, и он никогда не говорит «казахи», там, он сам казах, всегда говорит или по-казахски, или по-русски. Но он всегда говорит: «Мы, казахстанцы». То есть он говорит про тех людей, которые живут в Казахстане… Я даже, видишь, разговариваю, говорю «казахстанцев»…

Общежитие и статус «иностранный студент» создает вторую группу контактов – иностранные/иногородние студенты вообще. Эта часть социального окружения задает идентичность «Я – приезжий», которая не противоречит конструкции «Я – из Казахстана». Общежитие предлагает «приезжий» круг общения, и часть мигрантов-не-из-Казахстана встраивается в отдельные сегменты сети-тех-кто-из-Казахстана общежития.

…10-й этаж – там есть Дима, тоже из Казахстана, тоже 5-й курс, хорошо общаемся. Там еще есть девушка на 10-м, она из Казахстана, с моей группы. Там еще кого-нибудь можно добавить, но это уже будет не важно. На девятом – здесь живет Олег. Тоже с моей группы парень, с Казахстана, с ним тоже можно пообщаться. Так, первый-второй этаж сразу убираем, на первом у нас вход, заведующая, гостиница, где-то кто-то живет иногда. На втором у нас живут студенты из Высшей школы экономики, там меня тоже никто не интересует, никогда их не слышно в общаге, никто про них ничего не знает. На третьем есть такая комната, 48, там живет Марта, она тоже из Казахстана. С нашего города, с параллельной группы… На четвертом тут есть парни из Казахстана, они почти закончили, одна комнатка есть, туда хожу, братишки мои. На пятом – тут вообще! Две комнаты подряд, там па-

[6] *«Я не чувствовал, что я за границей, скажем так. У меня паспорт, конечно, казахстанский, синий, я тебе его могу показать, ты на него полюбуешься, но смысл в том, что я когда приехал, я не чувствовал себя кем-то другим. Ну, по-своему в чем-то и чувствовал, но не потому, что я иностранец, здесь люди по-другому воспитаны, но я знал, что вот, грубо говоря, меня можно назвать советским, тебя можно назвать советским, вот Леха советский. Сейчас, может, я не знаю, может, люди, дети маленькие, воспитываются и по-другому, а вот я реально вырос в Советском Союзе, еще помню копейки и рубли, там, не знаю, случаев было куча, когда… А я как бы не замечал разницы, ехал просто, грубо говоря, в другой город Казахстана, может, просто большой».*

рень такой – Пуга, в общем, парень такой, Пуга, своеобразный, из Казахстана. У нас перед общагой стоит КАМаз, и стоит Форд-Транзит – это все его. То есть, грубо говоря, он денег взял не у папы… ну, может, на КАМаз папа ему и подкинул… Но он яркий пример того, что можно приехать из провинции, у него сейчас микроавтобусик есть, и КАМазик. Он свои дела пытается здесь делать. Еще комната здесь есть, Леха там живет… С Актюбинска. Это тоже с Казахстана город, факультет другой наш, одногодки мы тоже. Парень просто хороший тоже. Тут еще у меня парень с девушкой живут, скоро собираются жениться. С Уральска он, Саня зовут. На шестом… Есть одна девчонка такая, с которой я люблю пообщаться. На восьмом… парень такой есть – Женя. Он у меня в городе часто бывает, я у него в городе часто бываю. Он с Уральска, опять же.

Общежитие же позволяет осуществлять повседневную работу по поддержанию сетей и сделать слабые связи сильными. Эта работа не подразумевает наличия каких-либо издержек на перемещение по городу, телефонную связь, она часть жизни-в-месте.

Общежитие как противоположность строгому заведению, тотальному институту (несмотря на все дисциплинарные практики, дисциплинарные указания, негативные санкции со стороны администрации) дает возможность не разрывать сильные связи, локализовывать сети в непосредственной близости.

*...**Нас было пятеро. Четверо официально, один – нет. В первое время, когда жили толпой, было очень весело, и на это никто, в принципе, не обращал внимания…***

И: – А где вы взяли пятую кровать?

Р: – В комнате случайным образом оказался диван, оставленный кем-то раньше. Вот так и решилось. И две двухэтажные кровати.

И: – А как этот человек… Он официально жил в общежитии? Пятый?

Р: – Нет.

И: – А где он жил официально?

Р: – Он был во второй общаге официально прописан, на «Купчино», но жил там, на Обводном. Ну и с охранниками со всеми перезнакомился, как будто он там нормально живет, ну и все его спокойно пропускали, коменданту вроде тоже его лицо примелькалось, он не обращал внимание. Все…

И: – Пятый человек когда появился?

Р: – Буквально через две недели, зашел и остался на одну ночь, называется.

Перемещенная сеть, активно задействованная при миграции, в новых условиях может трансформироваться из разряженной сети слабых связей в плотную сеть из агентов, соединенных сильными (дружескими) связями, может вновь распасться на слабые связи, которые все равно поддерживаются и активизируются в нужный момент.

Социальные сети в общежитии становятся технически оборудованными с созданием локальных компьютерных сетей. С появлением этих сетей общими ста-

новятся: продукция культурного потребления, фильмы, музыка, лабораторные работы, рефераты и т. д. Существует практика включения информации в сеть: то, что «выкладывается» на «рабочий стол» компьютера, становится доступным всем участникам компьютерной сети и шире – социальной.

Сети в общежитии тесно связаны с городами-отправителями в Казахстане, и «посылки», перевозимые на грузовых машинах (которые куплены бывшими или нынешними студентами из Казахстана именно с целью перевозить посылки), становятся механизмом материальной поддержки сети, связывающей мигрантов с родными, домом, перемещая из Казахстана овощи, фрукты, варенье, продукты для изготовления блюд корейской кухни, одежду и т. п.

В общежитии присланные из дома продукты разделяются в процессе трапез с соседями, в том числе соседями-не-из-Казахстана, овеществляя мигрантские сети[7]. Сети, связывающие мигранта с родителями и городом, откуда он приехал, способствуют скреплению сетей в общежитии.

Образуется одна общая земляческая (казахстанская) сеть общежития, земля – это Казахстан, независимо от того, из какого города приехал участник сети, в эту сеть также включены «приезжие» – не-«казахстанцы». В другом общежитии есть такая же земляческая (казахстанская) сеть всего общежития. Эти две сети могут быть связаны по линиям землячества (городского землячества), и таких линий будет не одна, а несколько, и эти связи будут тянуться в другие общежития. Сети трансформируют функции общежития: через сеть (социальную/компьютерную локальную) общежитие встраивается в механизмы, поддерживающие поток миграции.

Существует место, где эти линии, соединяющие разные общежития через земляческие связи, становятся видимыми: с периодичностью (раз в две недели, иногда чаще) земляки одного города собираются поиграть в футбол на одной из спортивных площадок города, которую они для этого арендуют. В земляческие компании, играющие в футбол, включаются друзья-соседи, приехавшие из другого города Казахстана/России.

Однако общежитие, являясь институтом ресоциализации и адаптации, работает по принципу сегментированной ассимиляции, описанному А. Портесом (Portes and Jensen, 1989): оно встраивает студентов из Казахстана в тот сегмент городского населения, границы которого можно очертить по границам студенческой мигрантской сети города, отчасти совпадающей с картой, задаваемой студенческими общежитиями. Общежитие формирует общность, которая характеризуется частотой и близостью контактов, плотностью и силой связей, эмоцио-

[7] При отсутствии конфликта в общежитии работает экономика дара, поддерживается реципрокность отношений, зарабатывается капитал доверия, конституирующий мигрантское сообщество. По неденежным отношениям (как демонстрации доверия) в повседневном взаимодействии прокладывается граница свои – чужие («местные»).

нальностью отношений – то есть всеми теми качествами, которым Вирт в 1920-х наделял мигрантское гетто, где инструментальные внутренние связи наделяются эмоциональным содержанием, а эмоциональные отношения ***внутри*** сообщества противопоставляются инструментальному характеру отношений ***снаружи***:

*...**Сейчас у меня с работы есть парнишка, я с ним заобщался, Андрей зовут. Ну, он местный, он даже, можно сказать, явление временное. Просто на работе, я там хожу, мне нужен человек для общения, вот он самый...***

Бурдье, используя метафору гетто, указывает, что такое сообщество привязывает индивида к конкретной данной точке пространства (Бурдье, 1993). На похожие «слабые стороны» сильных связей указывает Грановеттер (Granovetter, 1985) и говорит, что наличие слабых связей позволяет соединять различные плотные сети, расширяя пространство социального и делая достижимыми самые далекие его уголки. Именно с этой точки зрения дружески-соседское сообщество «людей из Казахстана» в общежитии может видеться как ограничивающее, привязывающее к конкретной позиции в пространстве и делающее другие позиции недоступными.

Землячество казахстанцев в Петербурге: обмен сетями

Отдельные дружески-соседские сообщества «людей из Казахстана» в конкретных общежитиях соединены земляческими связями, и эти земляческие связи основаны не только на опыте «миграции в одном поезде», отношениях одноклассников, «узнавании» земляков, но поддерживаются институциональными механизмами землячества.

Землячеству может быть дано два определения: 1) это вся совокупность земляков-мигрантов в каком-либо населенном пункте, 2) это место и время встречи, воссоединения земляков, организованное как конкретное, повторяющееся во времени мероприятие (в дальнейшем в тексте, говоря о таком Землячестве, я буду использовать заглавную букву).

Функции Землячества:

– конструирование «своего» пространства,

– репрезентация отправляющих городских сообществ в принимающем городе,

– связь с домом, с «отправляющими» мигрантов городскими сообществами,

– обмен сетями и предоставление доступа к ресурсам всей сети в конкретном месте в конкретный день[8].

В случае казахстанского студенческого сообщества этот механизм принимает форму клубных вечеринок казахстанского землячества Петербурга, которые

[8] Подобные механизмы описаны Мэсси в его работах о мексиканцах в Лос-Анджелесе (Massey, 1986)

проводятся раз в месяц в арендуемых помещениях городских клубов. На вечер Землячества клуб становится ***освоенным*** пространством:

А знаешь, что Марат один раз сказал? Пришел с дискотеки. Он вначале, как приехал, пошел в простой клуб. Просто клуб. Говорит: «Я там себя изгоем чувствовал!» Не знаю, это надо почувствовать, это нельзя вот так объяснить. А потом на землячество пошел... Говорит: «Как будто дома!»

Распространение информации о мероприятиях землячества идет по сети, как в смысле социологической метафоры, механизм описывающей, так и по телефонным сетям, локальным компьютерным сетям в общежитии и глобальной Интернет-сети. Скорость распространения информации зависит от наличных сетевых ресурсов, измеряемых людьми и техническими средствами связи. Финансирование вечеринок частично идет из Казахстана, что обеспечивает символическую репрезентацию отправляющего региона в Петербурге, видимую демонстрацию всей совокупности сетей Казахстан-Петербург.

Социальный капитал измеряется в повседневной жизни буквально, количеством знакомых казахстанцев, участвующих в землячестве (как в широком, так и узком понимании):

И – И много знаешь ты народу в Питере из Казахстана?

Р – Ой, много!

И – Сколько?

Р – Больше ста, наверное.

И – А откуда?

Р – Ну вот, на Землячестве.

И – А ты ходишь на все мероприятия Землячества?

Р – Да, стараюсь не пропускать.

И – А почему?

Р – Ну, потому что все свои. Заходишь в клуб – все свои. Все меня знают... Хорошо, когда тебя знают, уважают. А меня уважают.

Посещая мероприятия Землячества, участник сегмента сети в Петербурге каждый месяц демонстрирует наличие обратной связи, свою лояльность сообществу, не только дружескому, соседскому или семейному, но земляческому вообще. Он подтверждает свою встроенность в сети.

Через студенческие вечеринки Землячества активно конструируется казахстанская идентичность: перед вечеринкой в общежитиях развешиваются объявления, в которых к студентам из Казахстана организаторы обращаются следующим образом: ***«Казахстанцы! 25 октября на берегу Невы пройдет грандиозное событие, посвященное Дню Республики. Клуб Акватория в 22-00 распахивает свои двери для самых веселых, самых красивых, самых жизнерадостных людей...»***

На Землячестве в сеть подключаются те, кто родился и вырос в Петербурге, но чьи родители являются выходцами из Казахстана и у кого в Казахстане есть родственники, друзья, сети. Достраиваются еще несколько сегментов слабых связей, о необходимости которых для успешности агента писал Грановеттер. Эти слабые связи, которые также могут трансформироваться в сильные, встраивают мигрантов в сети петербуржцев, предоставляя доступ к новым ресурсам.

В сети ловят возможности, жизненные шансы, работу, досуг. Встроенность сетей в рынок труда работает на закон, описанный Дугласом Мэсси: каждый акт миграции наращивает социальную структуру, работающую на поддержание процесса миграции (Massey, 1986). Каждый новый мигрант сокращает стоимость миграции для группы друзей и родственников, и кто-то из этой группы будет вовлечен в миграцию, что в свою очередь увеличит в регионе-доноре количество людей со связями за границей. Поэтому если изначально учеба в Петербурге в силу географической отдаленности является более дорогим предприятием, чем учеба в одном из вузов Поволжья (регион географически ближе к Казахстану), то к 4-5 курсу (иногда раньше) через существующие в городе сети студент может находить работу, которую он совмещает с учебой, и обеспечивать себя самостоятельно (и даже оплачивать учебу, если он учится платно).

И: – А предыдущая работа? Как туда попал?

Р: – Туда попал – там все вот так вот через знакомых. Звонил в Чимкент, там матери знакомая, у них здесь дочь, тоже здесь училась, работает в агентстве по трудоустройству, у нее есть какие-то друзья, вот друзья на фирме. Я в организацию пришел, написал профессиональный тест, посмотрели: «Приходи, работай».

При поиске работы задействуется вся сеть, не только те сегменты, которые локализованы в Петербурге, но и те, что включены в сеть в Казахстане в городе Х (он может быть, например, Чимкентом). Средства связи предоставляют возможность мобилизовать этот казахстанский сегмент сети не менее быстро, чем петербургский.

Рынок труда не только осваивается через сеть, но впоследствии может быть трансформирован участниками сети:

Через него я тоже познакомился с ребятами двумя. Они занимались сайтами. Они предложили мне какую-то работу, насчет того, что надо звонить в фирмы и предлагать сделать им интернет-сайты. Я от этой работы отказался и рассказал Арману то, что есть такая работа. Арману тогда нужны были деньги, он говорит: «Ладно, я попробую». Связывается с этими ребятами, одно время он попрозванивал, но что-то там ему не понравилось, и ему предложили работу, не только звонить, предлагать, а ездить на встречу и договариваться с клиентами. Брать заказы и все такое. Потом Арман сделал так, что мы открыли фирму, но… сделал так, что мы фактически пользуемся их именем и делаем сайты. Сайты делаю я, он занимается финансовой частью. Ну вот так мы сейчас и работаем, потихоньку.

Сеть, построенная студентами из Казахстана, – большая сеть, в нее рекрутируются новые прибывающие в Петербург студенты, техническая оснащенность (собственно техникой и «механизмами» поддержки сети, такими как землячество) позволяет быстро ее мобилизовать. Большая и сильная сеть аккумулирует социальный (сетевой) капитал, и этот совокупный социальный капитал является одним из залогов мобильности сети и участников сети.

Значительный поток образовательной миграции из Казахстана нельзя объяснить только с помощью традиционной концепции «выталкивания», он устанавливается как следствие: (a) работы сетевых механизмов (сети сокращают издержки на перемещение, определяют пункт назначения миграции и позволяют казахстанским студентам успешно встраиваться в жизнь принимающего общества); (b) ориентацией мигрантов, которые принадлежат к средним социальным слоям, на высокую социальную мобильность (ориентация на мобильность диктует конструирование множественных, «широких» и подвижных идентичностей).

Большая сильная сеть казахстанцев в Петербурге позволяет сделать предположение о том, что между Петербургом и Казахстаном установился сетевой мост. Сетевым мостом я называю устойчивый во времени и пространстве поток миграции, в поддержании которого задействованы различные институционализированные сетевые механизмы как в отправляющем, так и в принимающем регионе[9]. У моста вполне определенная функция – переместить с наименьшими потерями наибольшее количество людей на значительное географическое расстояние. Для существования сетевого моста важны мостовые работы – механизмы по поддержанию сетей в исправности. Ими являются институты, возникающие на основе мигрантских сетей. За счет этих институализированных механизмов поддержки сеть становится устойчивой, позволяет аккумулировать ресурсы, а поток миграции, по этому мосту перемещающийся, становится устойчивым. Если в Казахстане опорами моста являются выездные приемные комиссии, приглашаемые местными городскими сообществами и позволяющие сокращать издержки на перемещение, то в Петербурге опорой моста становиться землячество в институционализированной его форме, потому что оно позволяет многократно увеличивать сети каждого отдельного мигранта и способствует его дальнейшей социальной мобильности.

[9] Я называю «сетевым мостом» именно миграционные потоки, а не только социальные связи, проходящие над границей двух социальных групп и соединяющие эти группы через контакты агентов А и Б, к разным группам принадлежащих. Понятие «сетевого моста» в сетевой теории использует Я. Биань. Он заимствует метафору у Грановеттера (мост между А и Б – это маршрут, по которому идет информация или влияние от одной социальной группы к другой через контакты А и Б), называет «сетевым» (network bridges) и определяет более точно: А и Б всегда принадлежат к разным группам (и тогда это «мост» через границы разных социальных групп), и через этот мост связываются другие индивиды, знающие либо А, либо Б, но не связанные непосредственно (Bian, 1997).

Литература

1. Бурдье П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение, в: Бурдье П. Социология политики, М.: Socio-Logos: 1993. С. 3–52.

2. Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). М.: Центр социального прогнозирования, 2002.

3. Щюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия:, 2004. С. 533-550.

4. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited, in Sociological Theory, 1: 1983. P. 201–233.

5. ranovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embededness, in American Journal of Sociology 91. 1985. P. 481–510.

6. Boissevain J. Network Analysis: A Reappraisal, in Current Anthropology, 20(2): 1979. P 392–394.

7. retell C.B. Anthropology and Migration: Essay on Transnationalism, Ethnicity and Identity. Oxford: AltaMira Press, 2000.

8. Light I. et al. Beyond the Ethnic Enclave Economy. Social Problem 41. 1994. P 65–80.

9. Massey D.S. The Social Organization of Mexican Migration to the United States, in Annals of American Academy of Political and Social Sciences. 1986. P. 487: P. 102–112

10. Massey D.S., Kandell W. The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis, in Social Forces, 80 (3). 2002. P. 981-1004.

11. Massey D.S., Reichert J. History and Trends in U.S. Bound Migration from a Mexican Town. International Migration Review. 1980. P 14 (4): P. 475–491.

Massey D.S. et al. Social Capital and International Migration: A Test Using Information on Family Networks. The American Journal of Sociology. 2001. P. 106 (5): P. 1262–1298.

12. Massey D.S. et al. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millenium. Oxford: University Press, 2005.

13. Portes A., Jensen L. What's an Ethnic Enclave? The Case of Conceptual Clarity, in American Sociological Review. 1989. P. 52, 768–71.

14. Schmitter Heisler B. The Sociology of Immigration: From Assimilation to Segmented Integration, from the American Experience to the Global Arena, in: Migration Theory. Talking Across Disciplines. New York: Routledge: 2003. P. 77–96.

Янина Грусман[1]

Вторая премия

Новые религиозные практики горожан: движение Анастасии как феномен религиозной и социокультурной жизни современного Петербурга

Религия и религиозность являются традиционными объектами социологического анализа. Со времен М. Вебера и Э. Дюркгейма, заложивших основы социологического взгляда на природу религиозного феномена, известно, что данное явление характерно для любых обществ – и традиционных, и современных. Однако с течением времени, с развитием социальных отношений происходит эволюция религиозности, усложнение религиозных взаимодействий и – как следствие – дифференциация религиозных организаций. Так, для описания религиозной ситуации в современном мире невозможно ограничиться дихотомией «церковь – секта», введенной в социологический понятийный аппарат М. Вебером и Э. Трельчем[2], – даже беглый «обывательский» взгляд на процессы, происходящие в обществе, даст возможность понять, что религиозные организации и течения многочисленны и многообразны.

Из всех типов религиозных организаций наименее исследованными, пожалуй, являются новые религиозные движения (НРД): возникнув в 50–70-е годы XX века, сегодня они представляют собой настолько противоречивый феномен, что не позволяют применить к себе более или менее схожие исследовательскую стратегию, теоретическую базу, а также методологический аппарат (на это указывает, в частности, отсутствие единого определения НРД). Изучение новых религиозных движений в современной социологии религии – отдельная область исследования: концепции А. Баркер, Б. Уилсона, Р. Уоллиса, Дж. Бэкфорда и др. известны подробными аналитическими описаниями западных религиозных движений, предлагающих своим членам «собственное» религиозное или фило-

[1] Аспирантка второго года обучения СПбГУ, факультет социологии.

[2] См.: *Weber M.* Economy and Society. Univ. of California, 1978; *Вебер М.* Социология религии // Избранное. Образ общества. М., 1994; *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М., 1994; *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990; *Трельч Э.* Церковь и секта // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М.,1996.

софское мировоззрение, осмысление социальных проблем и путей их решения – начиная от характеристики предпосылок основания НРД и заканчивая эмпирическим изучением стратегий поведения адептов[3].

В России – исходя из очевидных исторических обстоятельств – широкое распространение НРД начинается с 90-х годов XX в. Установление закона «О свободе вероисповедания» в 1991 году фактически означало окончание периода ущемления верующих в их религиозном выборе, которое существовало в Советском Союзе более 70 лет. Однако до сих пор НРД представляют собой малоизученное явление с социологической точки зрения. На современном этапе изучения религиозных движений в России их исследованием занимаются, в основном, религиоведы (В.И. Гараджа, С.Н. Самыгин, А. Щипков, Л.Н. Митрохин[4]) и священнослужители (А. Кураев[5]). Чаще всего эти исследования направлены на описание конкретных религиозных движений, тогда как вопросам социокультурной и социально-экономической природы их возникновения, мотивах вступления адептов, их религиозным практикам не уделяется должного внимания. Немногочисленные социологические работы в данной области[6] посвящены, как правило, либо «выборочному пересказу» работ западных исследователей, либо представляют собой совокупность данных статистического анализа тех или иных НРД и их классификации. Кроме того, данные работы зачастую отмечает явный или латентный негативизм по отношению к объектам изучения, не позволяющий реализовать объективную исследовательскую стратегию.

Исходя из того, что любое эмпирическое исследование религиозного движения неизбежно предполагает ту или иную теоретико-методологическую базу, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. С одной стороны, несмотря на то что основной объем зарубежных исследовательских работ относится к 60–80-м годам XX века, модели этих исследований более приемлемы для изучения российских

[3] См.: *Barker E.* Plus a change...// Social Compass 42 (2), 1995; *Beckford J.A., Levasseur M.* New religious movements in Western Europe // New religious movements and Rapid social change / Ed. by Beckford J.A. Univ. of California, 1987; *Wallis. R.* The Elementary Forms of New Religious Life / S. Bruse (ed.) // The Sociology of Religion II. Aldershot, UK, Brookfield, US, 1976; *Wilson B. R.* Sects and Society. London, 1961.

[4] *Гараджа И.В.* Социология религии. М., 1996; *Самыгин С.Н., Нечипуренко И.И.* Религиоведение: социология и психология религии. Ростов-на-Дону, 1996; *Щипков А.* Во что верит Россия? СПб., 1998; *Митрохин Л.Н.* Баптизм: история и современность. М., 1993.

[5] *Кураев А.* Все ли равно как верить. Клин, 2000.

[6] См.: *Митрохин Л.Н.* Религиозные «культы» в США. М., 1984; *Балагушкин Е.Г.* Критика нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). М., 1984; *Балагушкин Е.Г.* Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч. I, II. М., 1999; *Штерин М.* Новые религиозные движения в России 1990-х годов // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д.Е. Фурмана. СПб.; М., 2000; *Григорьева Л.И.* Религии «Нового века» и современное государство. Красноярск: СибГТУ, 2002 и др.

НРД, нежели разработки отечественных ученых. С другой стороны, обращение к конкретным примерам таких движений, функционирующих в российском обществе, заставляет не только корректировать или полностью изменять эти исследовательские стратегии, но и переосмысливать сущность самого феномена. Данный вывод сделан, прежде всего исходя из теоретико-методологической рефлексии над проблемой возникновения и развития новых религиозных движений в современной России, основанной на анализе результатов эмпирического исследования движения Анастасии, и в частности Санкт-Петербургского читательского клуба «Сотворение»[7]. В ходе исследования использовались методы анализа документов (при анализе книг В. Мегре, а также при изучении материалов сайта http://www.anastasia.ru); включенное структурированное наблюдение читательского клуба «Сотворение» с полуфиктивным контекстом вхождения в общину; полуформализованное интервью с членами клуба, а также экспертное интервью с его формальным лидером И. Теоретическую выборку составили 15 человек – 8 мужчин и 7 женщин.

В качестве вводных замечаний необходимо отметить, что движение Анастасии распространено во многих городах России после публикации серии книг В. Мегре под общей рубрикой «Звенящие кедры России». Героиней этих книг является девушка из Сибирской тайги Анастасия. Книги Мегре (на сегодняшний день их 8: «Анастасия», «Звенящие кедры России», «Пространство любви», «Сотворение», «Кто же мы», «Родовая книга», «Энергия жизни», «Новая цивилизация») расходятся многотысячными тиражами и переизданы несколько раз. Сама «Анастасия» представляет собой неординарный объект исследования: это литературная героиня, воспринимаемая частью читательской аудитории не просто в качестве реальной женщины, но в качестве харизматического лидера движения. Несмотря на то что героиня книг может оказаться лишь вымыслом автора, у «Анастасии» появились последователи во многих городах России: Владимире, Мурманске, Иркутске, Волгограде, Петрозаводске, Москве и Санкт-Петербурге. Последователи «Анастасии» объединяются в «читательские клубы», которые называются так потому, что знакомство с «Анастасией» произошло посредством книг В. Мегре и дальнейшее общение «читателей» непосредственно связано с интерпретацией ими на собраниях клуба информации, представленной в книгах.

Харизма «Анастасии» является неким конструктом: создавая образ будущего лидера, автор приписывает ей определенные психологические, социальные и поведенческие характеристики – внешний вид, стиль одежды, особенности речи, поведение в различных ситуациях, общение с окружающим ее миром и близкими людьми, происхождение и т. д. Многие из этих характеристик можно считать пря-

[7] Исследование проведено автором в 2003–2005 гг.

мым или косвенным указанием на то, что «Анастасия» воплощает «модель» харизматического лидера. Например, Мегре называет ее «таежной отшельницей», и обе составляющие этого определения показывают потенциальным адептам, что «Анастасия», во-первых, близка к природе и, во-вторых, находится далеко от своих последователей (большинство клубов расположены в городах европейской части России), а следовательно, не может быть увидена большинством из них. В сконструированном образе «Анастасии» особенно четко обозначены такие характеристики, как «естественная внешность» (эта естественность неоднократно и, с нашей точки зрения, чрезмерно активно подчеркивается автором), простота в одежде, эмоциональность речи, уникальное знание и наследственные сверхъестественные способности.

Природная среда играет особую роль в развитии способностей Анастасии, и эта близость к окружающему миру природы есть основание ее харизмы. В условиях динамично развивающихся процессов глобализации, технократизации и модернизации цель социальной деятельности Анастасии – «вернуть» человека к его естественной сущности, избавить от влияния современного «технократического мира». Стремление следовать этой цели стало объединяющим началом для образования «читательских клубов» – общин численностью от 30 до 200 человек.

В Санкт-Петербурге клуб последователей Анастасии основан в 1998 году; его основная деятельность так же, как и в других городах, направлена на то, чтобы с максимальной точностью следовать тем «наказам», которые дает Анастасия в книгах Мегре. Клуб носит название «Сотворение», чему может быть дано несколько интерпретаций: большинство его членов, а также лидер исходят из семантики слова «сотворение» – творчески создавать, делать, осуществлять, совершать. Тем самым они акцентируют внимание на цели деятельности клуба – воплощении основных положений учения Анастасии в реальные действия. Как указывает организационный лидер клуба И., в слово «Сотворение» каждый член общины вкладывает «что-то свое»:

…Сотворение себя, сотворение мира вокруг себя. Оно может же происходить и мысленно, не обязательно руками что-то делать, создавать… Как у Мегре, – в человеке есть своя энергия, энергия мысли. Нужно учиться ею пользоваться, чтобы правильно жить в этом мире. Вот мы здесь и учимся… чтобы каждый творил что-то доброе, хорошее, из частичек которого можно создать нечто позитивное… для всей планеты…

Подобной трактовки названия придерживаются и члены клуба:

…Клуб «Сотворение» мне очень подходит, это так звучит воодушевляюще… «сотвори!», «создай!»… Хотелось воплотить в жизнь что-то свое особенное [6[8]].

[8] Здесь и далее см. информацию о респондентах в таблице в конце текста.

Название «Сотворение», безусловно, связано и с произведениями Мегре: оно повторяет заглавие шестой книги из серии «Звенящие кедры России», в которой основное внимание уделено рассказу Анастасии о сотворении мира и происхождении человека. В дальнейшем последователи Анастасии использовали это название применительно к появляющимся клубам (Гомель, Донецк, Екатеринбург и др.). Петербургский клуб анастасийцев не стал исключением и использовал «бренд» «Сотворение» для того, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к движению, следующему учению их духовного лидера Анастасии.

История клуба

Основателями клуба «Сотворение» стали петербургские барды Алена и Валерий Искрики, которые в 1997 году побывали на первой читательской конференции Мегре в городе Геленджике. Информация о дальнейшей деятельности Искриков отсутствует – многими членами клуба утверждается, что они «почему-то потеряли ко всему этому интерес», «внезапно уехали». Их отъезд фактически привел к прекращению деятельности клуба – общие встречи анастасийцев возобновились только в 1999 году благодаря усилиям нового организационного лидера клуба **И**.

Первые встречи анастасийцев проводились в «центрах духовного просвещения» «Роза мира-1» и «Роза мира-2», в которых распространялась литература религиозного и эзотерического характера. С нашей точки зрения, такой выбор помещения связан со стремлением основателей и первых членов клуба подчеркнуть «духовный» характер встреч: ***«…Это были творческие встречи. Люди, чье творчество после прочтения книг В. Мегре переживало подъем, приходили поделиться своей радостью. Возникали новые знакомства, новые темы для обсуждения»***[9]. Таким образом, первоначальная деятельность клуба (от основания до отъезда Искриков) носила преимущественно творческий характер.

С появлением нового организационного лидера клуба **И** связано изменение характера встреч петербургских анастасийцев: они стали регулярными и основное место в них стало занимать обсуждение книг Мегре, а также решение вопросов о переезде «на землю», в то время как менее «прагматичной» творческой деятельности стало уделяться меньше внимания. Прагматический мотив стал доминирующим и при выборе новых мест проведения встреч – он был обусловлен исключительно административными и финансовыми причинами (удобство территориального расположения помещения и приемлемая арендная плата). Так, «возобновленные» встречи клуба проходили сначала в помещении муниципального культурного центра на Пушкинской, 9, в 2000–2005 годах в одной из школ Петроградского района, а с 2005 года и по сей день – в помещениях одного из

[9] http://www.anastasia.ru

военных училищ города[10]. Непосредственным организатором встреч выступает **И** – он находит помещение и собирает деньги для аренды зала.

Исходя из анализа данных включенного наблюдения, основой взаимоотношений между лидером и «рядовыми» членами клуба выступает «негласная благодарность» **И** за то, что он «восстановил» клуб и до сих пор ведет встречи. В интервью члены общины подчеркивали, что «***И молодец настоящий, все на своих плечах тащит***», «***И все в свои руки взял и восстановил все***», «***И знает, у него узнайте***». Со своей стороны, **И** подчеркивает, что он считает себя членом клуба, но не его лидером. В интервью с ним мы сознательно употребили этот термин, на что последовала такая реакция: «***Нет, нет, нет, я не лидер, я просто делаю то, что другие не делают… Или не хотят делать***». Однако данное мнение, с нашей точки зрения, не отражает истинного характера самоидентификации лидера и связано со стремлением поддерживать подчеркнуто межличностный характер взаимодействия внутри клуба.

И является ведущим еженедельных встреч членов клуба: он устанавливает регламент и порядок выступлений и следит за его соблюдением. В ходе выступлений членов клуба или гостей **И** находится в непосредственной близости к выступающему, чаще всего внимательно слушает, делает записи. Иногда он выходит в коридор к «свободно общающимся», участвует в их разговорах. В целом, **И** стремится поддерживать достаточно неформальные отношения с членами клуба – при встрече и прощании со многими женщинами целует их, мужчинам жмет руку; обращаясь к членам клуба, часто называет их уменьшительно-ласкательными именами. Употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «времечко», «кассетки», «девчоночка» и т. д. – одна из наиболее ярких характеристик речи **И**. По нашему мнению, эти слова также используются им с целью презентации себя как «рядового» члена клуба, следующего учению Анастасии наравне с другими адептами.

Значимая функция лидера – функция передачи информации: на собраниях **И** сообщает адептам новые сведения о движении Анастасии в целом, мероприятиях, проводимых другими клубами, деятельности В. Мегре, возможности арендовать землю с целью создания экопоселений (преимущественно речь идет о Ленинградской, Псковской или Новгородской областях) и т. д. Источники информации – телефонные разговоры с лидерами или рядовыми членами клубов в других городах, публикации в Интернете.

Социально-демографические характеристики членов клуба

Социально-демографические характеристики членов общины являются одной из наиболее важных единиц анализа нового религиозного движения.

[10] Дальнейшая характеристика членов клуба и их социально-религиозных практик связана преимущественно с периодом функционирования клуба в одной из школ Петроградского района.

Применительно к исследуемому нами объекту эти характеристики следующие. В клубе представлены все демографические группы (дети, молодежь, люди среднего возраста и пожилые), однако основными адептами клуба являются люди среднего возраста (от 37 до 50 лет); соотношение мужчин и женщин относительно пропорционально.

Максимальное количество присутствующих на собраниях составляет 30–50 человек. Можно выделить тех членов клуба, которые посещают его регулярно, 15–20 человек (их можно определить как «ядро» клуба), остальные приходят реже трех раз в месяц. С точки зрения лидера клуба **И**, «ядро» общины составляют люди, которым «не безразлично все, что мы делаем, клуб – это что-то важное в их жизни»:

Вот Коля-«медовик», он не только мед распространяет, продает, но и ищет в газетах, по телевизору много разной полезной информации для нас. Он иногда записывает на кассетки интересные передачи научные и распространяет их в клубе. <…> ***Юлия Петровна… замечательный человек, она все время пишет стихи, читает их на наших встречах, она рисует, она даже хочет организовать занятия по науке образности… Маргарита Л., наш бард дорогой, приходит на наши встречи*** <…>

Характерные черты адептов клуба позволяют представить социокультурный портрет его «типичного» члена. С нашей точки зрения, эта типология соответствует определенной «целевой аудитории» В. Мегре, которую составляют две группы: барды и дачники. Роль бардов в деятельности клуба является одной из основных, она выражается прежде всего в том, что творческая часть встреч анастасийцев включает в себя выступления бардов из Санкт-Петербурга и других городов. Кроме того, барды-анастасийцы занимаются организацией и проведением фестивалей бардовской песни, также ими был организован театр «Встреча», постановки которого представляют собой музыкальные пьесы по мотивам произведений В. Мегре. Однако необходимо отметить, что бардов нельзя отнести к «рядовым» членам клуба – они воспринимаются как гости, способствующие созданию теплой атмосферы встреч.

В книгах Мегре Анастасия неоднократно подчеркивает, что наиболее полно ее теории способны воспринять российские дачники, которые на своих «крошечных участках земли общаются с животными и растениями»[11]. Дачник-анастасиец цель своей деятельности видит в воплощении ее «наказов» о «переезде на землю», правильном выращивании растений, гармоничном воспитании детей. Он – наиболее активный представитель движения Анастасии: согласно тексту одной из статей в Интернете, дачник-анастасиец – «***это городской житель, своего рода идеологический маргинал. Он уже не советский человек, но живет верой в силу научно-технического знания. Он верит в НЛО, экстрасенсов, восточные чудеса, лекарства-панацеи, астрологию и геомантию. Ему грустно, что большая часть***

[11] См. *Мегре В.Н.* Анастасия. СПб., 2002. С.71.

восторгающих его «чудес» – заграничного происхождения. Хочется между тем чего-нибудь своего, с одной стороны, простенького, а с другой стороны, волшебного, обещающего каждому простые способы приобщения к «миру тайн»»[12]. Данная цитата, на наш взгляд, характеризует особенности картины мира анастасийца-дачника, обусловленные спецификой процесса его первичной социализации, а также объективными историческими обстоятельствами (распадом Советского Союза, который повлек за собой экономические и политические преобразования, а также кардинальным изменением системы ценностей в обществе).

Особенности картины мира анастасийцев можно определить как базовую предпосылку вступления адептов в общину и как причину своеобразия существующих в ней религиозных и социокультурных практик. Прежде всего, необходимо сделать акцент на том, что большинство членов клуба социализировано в советскую эпоху. В их картину мира включены такие коллективные практики, как совместный труд (субботники) и праздничные мероприятия. Дачник – специфически российский (в прошлом советский) феномен. Движение Анастасии предлагает ему пути самореализации и самовыражения, поддерживающие его картину мира. На это указывает и тот факт, что, исходя из данных интервью, наиболее распространенным мотивом вступления в клуб является желание общения с «единомышленниками»:

Мне здесь сразу понравилось, интересно было, обстановка хорошая, теплая. Особенно я люблю, когда барды поют…[11].

…Я чувствую себя своим с ребятами. Анастасиюшка, она для меня как сестра, а здесь все мне почти родные… Я очень рад, что здесь [9].

Несмотря на характеристики, описывающие движение Анастасии как достаточно спонтанное объединение людей, близких по социальным и статусным позициям, встречи анастасийцев невозможно рассматривать только как «клуб по интересам» – на это, в частности, указывают процессы сакрализации времени и места встреч, а также наличие в клубе «Сотворение» значимых религиозных и социокультурных практик.

Сакральный характер места и времени встреч

Еженедельное общение членов клуба происходит в том или ином арендуемом помещении (чаще всего это достаточно большой зал или – в случае школы – класс). Часть зала служит местом для распространения книг Мегре из серии «Звенящие кедры России» и другой продукции: меда, хлеба собственного производства одного из членов клуба, кедрового масла, аудио- и видеокассет с записями бардов, плакатов и календарей с изображением Анастасии. Вся распространяемая клубом продукция активно покупается членами клуба, особенно это касается меда, хлеба и кассет; книги Мегре часто покупаются «новичками».

[12] *Иванов П.* Культ Анастасии. http://www.pagez.ru/items/006.php

Встречи читательского клуба «Сотворение» проходят еженедельно, каждый четверг. Выбор дня проведения встреч, исходя из результатов полевых интервью, был связан с «оптимальностью» четверга для членов общины:

…Главное, что не понедельник и не выходные, а то я бы не смог приходить, на дачу выезжаю, как тепло становится <…> я сам работаю с понедельника по среду на заводе, а понедельник первый рабочий день после выходных, не, неудобно это…[7]

…В Рощино у нас участок, час езды – и мы в городе… так мы обычно в четверг утром приезжаем, за продуктами, да с сыном повидаться, с внуками, раз в месяц за пенсией еще. Ну, и в субботу уезжаем, значит, так что успеваем…[5].

Однако, несмотря на то что выбор времени проведения встреч был обусловлен прагматическими мотивами, для большинства членов клуба встречи по четвергам приобретают сакральный характер. Наиболее ярким показателем этого является существующее в клубе понятие «время четвергов», которое для постоянных членов имеет большое значение – они могут пропустить «внеочередные» мероприятия анастасийцев, однако на еженедельных встречах стараются обязательно присутствовать.

Сценарий еженедельных встреч анастасийцев можно представить следующим образом:

1. Информация (объявления лидера общины **И**, выступления членов клуба).
2. Перерыв 30 минут.
3. Творческая часть.

В процессе встречи члены клуба внимательно слушают выступающих, многие записывают информацию. Чаще всего участники встречи располагаются полукругом. Обязательными атрибутами встречи, независимо от помещения, в котором она проходит, являются «традиционная свеча» с ароматическим маслом, а также плакат с изображением Анастасии (копия с обложки книги Мегре «Анастасия»). Также на стенах зала могут быть различные объявления (например, о продаже земли), афиши театра «Встреча», планы «родовых поместий», нарисованные членами клуба, фотографии. Вся информация распространяется членами клуба свободно, можно даже сказать, хаотично, и никем не контролируется.

По словам **И**, члены клуба пытаются «***создать атмосферу… естественную, домашнюю атмосферу. Каждый что-то в нее вкладывает. Вот свечка – она же у нас не просто горит, она настраивает на позитивный лад. Плакаты и фотографии нужны, чтобы людям было приятно и интересно. Вот мы поощряем, если люди приносят из дома свои поделки, рисунки, чертежи родовых поместий…***»

Созданию «домашней» атмосферы также способствует то, что в ходе выступлений запрещена критика или какое-либо осуждение выступающего – это правило четко соблюдается как **И**, так и рядовыми членами клуба.

В ходе перерыва члены клуба имеют возможность для свободного общения между собой (чаще всего происходит разделение на группы по 2–4 человека); обмена «земледельческим» опытом, просмотра фотографий, покупки представленной клубом продукции. Многие члены клуба подходят к **И** и задают ему те или иные вопросы. Коммуникация в перерыве характеризуется большей интенсивностью, чем общение адептов до начала встречи. «Творческая часть» представляет собой исполнение музыкальных номеров, песен, стихов, показ рисунков, чтение и обсуждение книг Мегре.

Исходя из анализа данных наблюдения и интервью, мы можем сделать вывод, что для членов клуба пространство встреч не значимо территориально (выбор помещения для встреч связан с вместимостью зала и размером арендной платы). Многими адептами подчеркивается, что для них важно пребывание в любом пространстве совместно. При этом обязательным является наличие сакральных атрибутов: свеча – символ спокойствия и умиротворения, плакат с изображением Анастасии и т. д. Эти факторы обусловливают восприятие пространства как сакрального, а времени проведения встреч – как священного времени.

Религиозные и социокультурные практики общины

Религиозные практики, как следует из анализа зарубежной литературы, посвященной новым религиозным движениям[13], являются важной составляющей деятельности каждого НРД. Однако в петербургском клубе «Сотворение» подобные практики не представлены в том виде, в котором они есть в «классических» НРД «западного образца» (Церковь Христа, Семья, Свидетели Иеговы и т. д.). Те единичные действия, которые характерны для анастасийцев, не являются значимыми настолько, чтобы говорить об исчерпывающем характере выражающейся в них религиозности.

Так, например, как мы указывали выше, среди атрибутов, сакрализующих пространство встреч клуба, присутствует ароматизированная свеча. «Зажигание свечи» можно отнести к религиозной практике, проводимой во время встречи. В 19.00 **И**, предварительно предупредив всех о начале встречи, зажигает свечу. Она горит на протяжении всего вечера и гасится **И** только тогда, когда он объявляет окончание встречи. Однако зажигание свечи – вовсе не обязательный ритуал: он может быть отменен просто в связи с административным запретом лиц,

[13] См.: *Баркер А.* Новые религиозные движения. СПб., 1997; *Barker E.* Plus a change...// Social Compass 42 (2), 1995; *Bainbridge W. S.* The sociology of religious movements. New York; London, 1997; *Beckford J.A., Levasseur M.* New religious movements in Western Europe // New religious movements and Rapid social change / Ed. by J A Beckford. Univ. of California, 1987; *Wallis R.* The Elementary Forms of New Religious Life / S. Bruse (ed.) // The Sociology of Religion II. Aldershot, UK, Brookfield, US, 1976*; Wilson B. R.* Sects and Society. London, 1961; *Wilson B.R.* Religion and the churches in contemporary America / S. Bruce (ed.) // The Sociology of Religion I. Aldershot, UK, Brookfield, US, 1995 и др.

ответственных за арендуемое помещение. Отсутствие свечи отмечается членами клуба, однако никаких изменений в ход встречи это не вносит.

Наиболее значимой религиозной практикой клуба можно считать «сеансы создания коллективного образа», то есть воплощение в реальность «науки образности» в соответствии с книгами Мегре. Сеанс проходит следующим образом: сначала члены клуба оговаривают необходимый коллективный образ, а затем, при полной тишине или в сопровождении мелодичной музыки (мелодии, записанной на кассете или «живой» музыки) мысленно создают его и «посылают» в зону конфликта для подавления отрицательной энергии, для «нейтрализации зла». Особенно часто такие сеансы проводились во время войны Америки и Ирака (с середины марта до конца мая 2003 года) – тогда начало каждой встречи было посвящено обсуждению создавшейся проблемы. Члены клуба предлагали решить существующую проблему с помощью мобилизации каждым человеком на Земле своей положительной энергии для дальнейшего ее направления на враждующие стороны[14], что и воплощали в сеансах создания коллективных образов.

Тем не менее, несмотря на ограниченность и нерегулярность религиозных практик, представленных в клубе, можно утверждать, что движение Анастасии представляет собой новое религиозное движение: организация имеет харизматического лидера, а входящие в нее клубы (в частности, петербургский клуб «Сотворение») – относительное стабильное число адептов и место для регулярных встреч. Не только повседневное поведение, но и мировоззрение «типичного» анастасийца определяется верой в реальное существование Анастасии и правильность ее «учения». Спецификой организации, таким образом, является то, что процесс практического воплощения этой веры осуществляется преимущественно в форме не религиозных, а социокультурных практик.

К социокультурным практикам анастасийцев можно отнести посещение членами общины тематических «кружков» («оздоровительная группа», «курсы по ивоплетению», «поездки за город» и т. д.). Культурные практики вне самого клуба разнообразны, начиная от распространения книг Мегре и заканчивая проведением праздников в детских домах и оказания детям-сиротам посильной помощи. Все это, по мнению анастасийцев, является «их общим делом», так как подобного рода деятельность есть претворение в жизнь идей Анастасии, и роль каждого члена общности, независимо от его конкретных действий, считается чрезвычайно важной.

Также распространенным является совместное проведение праздников анастасийцами. Организацию праздничных мероприятий обычно берут на себя один или два члена клуба, которые собирают деньги, покупают необходимые продукты и т. д. Совместное празднование относится, как правило, к наиболее значимым светским праздникам – таким как Новый год, 8 марта, 23 февраля,

[14] Согласно «учению» Анастасии, именно таким способом можно победить зло.

традиция «организованных» празднований которых включена в картину мира человека, социализированного в советскую эпоху.

Именно эти особенности социализации, на наш взгляд, обусловливают то, что в картину мира анастасийцев включена потребность в таких коллективных практиках, как совместный труд и праздничные мероприятия, – это субботники, «организованное» посещение театров, концертов и т. п. С преобразованием структурных основ российского общества произошла утрата социально-культурного контекста их жизнедеятельности. Поэтому необходимость «замены» коллективных практик советской эпохи в современной действительности выступает главным мотивом обращения в движение последователей Анастасии.

Таким образом, с нашей точки зрения, движение Анастасии лишь частично можно отнести к НРД западного образца. Оно представляет собой специфически российское НРД, характерное для современного мегаполиса. Подобного рода явление – возникновение движения на основе лишь литературного образа – можно считать новым социокультурным феноменом в рамках современной городской культуры. Феномен «читательских клубов», основанием деятельности которых служит «учение» сконструированного писателем харизматического лидера, как нам кажется, представляет собой неординарный объект для дальнейшего изучения в социологическом сообществе.

Таблица респондентов[15]

№	Имя	Пол	Возраст
1	Федор	М	38
2	Ольга	Ж	34
3	Светлана Петровна	Ж	55
4	Андрей	М	27
5	Василий Николаевич	М	56
6	Надежда	Ж	40
7	Степан	М	43
8	Коля	М	35
9	Антон	М	37
10	Любовь Ивановна	Ж	47
11	Анна	Ж	27
12	Сергей	М	37
13	Мария Вячеславовна	Ж	52
14	Юлия Петровна	Ж	67
15	Николай Львович	М	70

[15] Имена респондентов изменены.

Литература

1. Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий. М., 1994.

2. Баркер. А. Новые религиозные движения. СПб., 1997.

3. Вебер М. Социология религии // Избранное. Образ общества. М., 1994.

4. Григорьева Л. И. Религии «Нового века» и современное государство. Красноярск: СибГТУ, 2002.

5. Штерин М. Новые религиозные движения в России 1990-х годов // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена и. Д. Е. Фурмана. СПб., 2000.

6. Barker E. Plus ça change...// Social Compass 42 (2), 1995.

7. Beckford J.A., Levasseur M. New religious movements in Western Europe // New religious movements and Rapid social change / Ed. by Beckford J.A. Univ. of California, 1987.

8. Chryssides G. Defining the New Spirituality // CESNUR Center for Studies on New Religions // http:// www.cesnur.org/ conferences/riga2000/chryssides.htm.

9. Dawson L. Sociology of Religion: Anti-modernism, modernism, and postmodernism: struggling with the cultural significance of new religious movements. // http://www.findarticles.com/cf_dls/mOSOR/n2_v59/20913875/print.jhtml.

10. Wallis R. The Elementary Forms of New Religious Life / S. Bruse (ed.) // The Sociology of Religion II. Aldershot, UK, Brookfield, US, 1976.

11. Wilson B.R. Sects and Society. London, 1961.

12. Wilson B.R. An Analysis of Sect Development // American Sociological Review, 24 February 1959.

Татьяна, Сафонова[1]
Вторая премия

Коллоиды и коагулянты петербургского публичного пространства

Недавно мы с друзьями собрались пойти потанцевать, долго обсуждали, куда бы можно было пойти, в итоге остановились на месте в центре города, в котором каждый из нас однажды уже бывал. Никакого четкого стиля у места не было. В назначенное время, как обычно, никого не было, и вся компания собралась только полчаса спустя оговоренного срока. Почти никто не пришел на вечеринку прямо из дома: кто-то был до этого на концерте, кто-то задержался допоздна на работе, кто-то навещал родителей. Одеты все были, на первый взгляд, сдержанно, но с перспективой для трансформации – кофточки и свитера быстро были сняты, и компания оказалась в легких нарядах как раз для вечеринки. Некоторые из нас проголодались и поэтому с интересом заглядывали в меню, которое предлагало разнообразие неслыханное. Здесь были представлены итальянская, русская, японская и китайская кухни. Трудно было как-то во всем этом разобраться. Сначала звучала живая музыка, был концерт, состоящий из классики рок-н-ролла вперемежку с романтикой рока. После живого концерта началась дискотека, репертуар которой и вовсе напоминал хаотичную мешанину. Разная публика сменяла друг друга на танцполе. Какие-то постоянные группки отплясывали под советские хиты восьмидесятых, но тут же уступали нам место, как только раздавалось диско. Через какое-то время наша компания, обзвонив всех знакомых, распалась. Кто-то поехал к своим друзьям продолжать клубиться, остальные отправились по домам. Вечер был обычный и в меру веселый.

В этом эпизоде часто упоминается характерная особенность публичного пространства Петербурга – пестрота и многообразность, практически эклектичность стилистических элементов. Одежда, кухня, музыка, публика и прочее – все являет собой ансамбль многообразия, лишенного какой-либо доминантной темы. Эта эклектичность пронизывает собой все сферы петербургской жизни, является характерной чертой как для рынка недвижимости, так и для меню ресторана. Необходимо заметить, что эта смесь многообразных элементов не превращается в

[1] Аспирантка первого года обучения СПбГУ, ф-т социологии, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований

гомогенную, а подобна коллоидной[2]. В петербургской жизни роль коагулянтов[3], веществ, не позволяющих исходным элементам активно взаимодействовать друг с другом и составлять новое единое образование, исполняют так называемые духи публичного места. А именно – фигуры надзирателей и контролеров, которые мы встречаем в разных местах и которые одним своим присутствием заставляют нас переживать место как отдельную зону, требующую определенного специального поведения. В Петербурге не существует четкой сетки публичного пространства, с традиционным делением на зоны, в которых в определенное время должны находиться определенные социальные группы и когорты. Границы размыты до такой степени, что петербуржец должен быть готов встретить на своем пути представителей абсолютно всех слоев. Почти ни одно место не гарантирует своим посетителям исключительности, и ни один клиент не берет на себя обязательства отдаться только одному месту за вечер.

В данной статье я коснусь поочередно следующих сюжетов: во-первых, гибридность[4] петербургского публичного пространства, во-вторых, феномен духов петербургских мест, в-третьих, навыки горожан, необходимые для жизни в таком смешанном и слабоструктурированном пространстве.

Безусловно, многие феномены, описанные здесь, могли бы найти свое место и в более широком контексте современного российского города, но также многое могло бы быть идентифицировано как специфическое именно для Петербурга. К сожалению, имеющихся наблюдений пока недостаточно, чтобы отделить одно от другого. Безусловно, это является слабой стороной данного исследования и обоснованно оттолкнет часть возможных читателей.

Мичуринские гибриды

Петербургское публичное пространство в массе своей имеет коллоидную структуру, то есть являет собой смесь стилей и явлений, слабо интегрированных, расслаивающихся и не вступающих друг с другом во взаимодействие, ведущее к появлению единого вещества. Большая часть стилей и веяний заимствуется из контекста западных обществ, но в петербургском пространстве они существуют в ином состоянии. Стили похожи на жидкости разного цвета и плотности, кото-

[2] Коллоидные растворы – жидкие коллоидные системы с частицами дисперсной фазы, свободно и независимо друг от друга перемещающимися в процессе броуновского движения.

[3] Коагулянты – вещества, введение которых в жидкую дисперсную систему вызывает сцепление друг с другом частиц дисперсной фазы (коагуляцию), полимерные поверхностно-активные вещества, используемые для разделения сложных смесей.

[4] Вслед за Валерием Голофастом я предлагаю рассматривать этот термин не в связи с «культурной гибридизацией» в условиях глобализации, а как образное определение различных культурных элементов. Голофаст В. Гибридизация и культурные смеси // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. №3. С. 21–25.

рые в западном обществе разлиты по разным ячейкам формочки для льда, а в нашем городе слиты в один стакан, в котором они не смешиваются подобно гуаши в одну серую смесь (возможно, что именно это происходило с водянистыми советскими стилями раньше), а образуют сложную радужную коктейльную баланду. Разграничивают эти жидкости и не позволяют им смешаться в серость различная природа жидкостей (например, смолистость, жирность) и специальные дополнительные элементы, коагулянты. Коагулянты замещают жесткие стенки формочки для льда, препятствуя унификации и стандартизации, поддерживая разнообразие. В то же время они не предоставляют возможности попробовать каждую жидкость в отдельности, сфокусироваться на одном вкусе. Жители Петербурга вынуждены быть готовыми испробовать за один глоток сразу несколько жидкостей, возможно, что и не очень хорошо сочетающихся друг с другом. В таком виде публичное пространство, по меркам западного человека, наверно, должно представляться мичуринским гибридом, растением с картофелем на корнях, цветущим розами и плодоносящим грушами.

В Петербурге по-иному переживается понятие квартала. Здесь есть Васька, Сосновая Поляна, Центр и прочее, но нет, например, Даун Тауна, то есть нет функционального различия между кварталами, кроме как традиционного еще советского различения на спальные и центральные районы. Нет торгового района или какой-либо главной торговой улицы, невозможно представить себе общий маршрут для воскресных прогулок, наверно, трудно однозначно выделить район элитарного жилья и район париев. На рынке недвижимости отсутствует такое понятие, как цена района. В одном доме могут находиться как очень дорого обставленные квартиры, так и коммуналки[5]. Покупая жилье, трудно претендовать на изолированность от других социальных групп, такая изолированность по карману только очень богатым людям, и то часто она нарушается из-за отсутствия тех самых стенок формочки для льда. Но даже в мире богатых слоев, которые составляют сильно смолянистые жидкости, по природе своей плохо смешивающиеся с другими, существует разнообразие, слабо отражающее структуру сообществ. Выбор настолько велик, что трудно остановиться на каком-то одном стиле, поэтому в квартирах чаще всего царит эклектика. Один мой знакомый краснодеревщик, выполняющий заказы на изготовление элитной мебели, поделился со мной своими наблюдениями. Большая часть квартир обставляется по принципу уголков: часть квартиры в стиле high tech, часть в модном неоколониальном стиле, с потертыми и искусственно состаренными фасадами, часть в китайском, и везде вкрапления антикварных вещей. Такая же эклектичность характерна и для внешнего оформления модных публичных мест, таких как бары, кофейни и клубы.

[5] *Корнев Н.* Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. № 1. 2005. С. 22–27.

Примером максимального разнообразия, собранного в одном месте, является ярмарка. На современной карте петербургской торговли можно обнаружить явное доминирование этой формы. Прежде популярные в 90-е годы рынки, такие как Сенной, Апраксин Двор, Троицкий и прочие, сейчас перестраиваются и превращаются в большие торговые центры. Кроме того, строится много абсолютно новых торговых гигантов. Торговый центр характерен значительно большим разнообразием стилей, цен и категорий качества представленных товаров. Кроме того, эти товары рассортированы по маленьким магазинчикам, которые можно рассматривать как целостные стилистические единицы. При этом принцип расположения этих магазинчиков довольно непредсказуем, поэтому нельзя говорить о какой-либо сегрегации лейблов и марок. В Петербурге нет торговых улиц, на которых, как это принято, например, в городах Германии, в традиционном порядке, согласно ценовой категории, располагались бы магазины. Примерно такой же порядок расположения магазинов сохраняется и в немецких торговых центрах. Таким образом, каждая категория покупателей активно посещает обычно только свою часть торговой улицы, а в магазины не своей категории не заходит, ограничиваясь так называемым window shopping. В Петербурге все перемешано и непредсказуемо. Кроме того, статус некоторых торговых зарубежных марок изменяется, попадая в отечественный контекст, окончательно опровергая ячеистую структуру, из которой эти марки заимствуются. Например, дешевый по европейским меркам мебельный салон Ikea в Петербурге поставляет ту же самую мебель не студентам, а представителям среднего и низшего среднего классов в два раза дороже, чем в Европе. Даже простая покупка мелких стильных безделушек в нашем контексте становится уделом состоятельных людей, так как для поездки в магазин Ikea, находящийся на окраине города, нужна машина.

Мичуринская гибридность сказывается не только на внешнем облике города, но и на внешнем облике горожан. Костюм и планируемый маршрут тесно взаимоопределяют друг друга. В обществе с ячейками для каждого определенного места подбирается определенный специальный костюм. Человек выходит из дома, четко представляя, в какую стилистическую атмосферу он попадет, согласно этому проекту он подбирает свой костюм. За покупками еды ходят с удобной тряпичной сумкой, легко и просто одетыми. За покупкой одежды выбирают легко снимаемые вещи, чтобы можно было переодеваться и примерять новую одежду. На дискотеку ярко одеваются в открытые и проветриваемые вещи. На работе в офисе предстают в деловых костюмах. Каждый выход из дома соответствует погружению в одну ячейку. Неподходящий костюм, скорее всего, удержит от посещения неподходящего и незапланированного места. Кроме того, единый стиль всех присутствующих в одном месте позволяет поддержать атмосферу этого места. Левые интеллектуалы, которые борются против ячеистой структуры, выработали определенный дресс-код, состоящий из свитера, легких белых кроссовок и черного пальто – эти

вещи они надевают вне зависимости от цели похода, чем выделяются на общем фоне. В Петербурге ячеистой структуры нет, поэтому почти нет и борцов с ней. Петербуржцам, разрабатывая свой костюм, необходимо учитывать, что, скорее всего, им придется столкнуться сразу с несколькими функциональными и стилистическими зонами, поэтому необходимо, чтобы костюм легко трансформировался. Большинство женщин в нашем городе ходит с маленькими сумочками для денег и документов, которые удобно носить с собой при посещении театров, кофеен, клубов, но также они всегда обременены большими полиэтиленовыми пакетами, столь необходимыми для хозяйственных покупок. Кроме того, зимой очень часто можно наблюдать сочетание сапожек на тонких каблучках с массивными дубленками – тепло на улице и изящно в помещении. Сочетание свитера с майкой также очень популярно, так как официальный рабочий наряд легко можно превратить в прикид для вечеринки. Выходя из дома, петербуржец никогда точно не знает, куда занесет его и где именно он окажется. Не существует сложившихся традиционных дней, например, четвергов, когда все идут в паб, или воскресений, когда все идут в парк. Магазины работают практически круглосуточно и ежедневно, не ограничивая покупателей в выборе дня и времени традиционного посещения.

Гибридность мышления, то есть готовность к разнообразию, и легкость, с которой петербуржец переключается с одного стилистического кода на другой, а также толерантность к эклектике и любопытство к новым явлениям и стилям являются характерными когнитивными структурами, присущими носителям петербургской культуры, – они составляют петербургский эйдос[6], если следовать терминологии Грегори Бэйтсона[7]. Необходимо отметить, что в таком обществе, где использование стиля сообщает мало информации о позиции в ячейке, поскольку и ячеек как таковых четких нет, а есть сгустки и слои жидкостей в общем коллоидном растворе, можно оспорить эффективность применения таких социологических конструкций, как теория поля и понятий «габитус» и «диспозиция»[8]. Символическое воспроизводство должно осуществляться в таком обществе какими-то иными способами, так как демонстративное потребление, демонстрация культурного капитала и прочие практики воспроизводства диспозиций требуют четкой решетки формочки для льда, исключающей случайное смешение стилей и проникновение стилистических кодов из одного слоя в другой.

[6] Под эйдосом понимаются стандартные и общепринятые когнитивные операции, которые поощряются в рамках данной культуры, научение которым есть показатель вовлеченности в конкретную культуру.

[7] *Bateson G.* Naven : A Survey of the Problems Suggested by a Composite Picture of the Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View . Stanford: California University Press, 1967.

[8] Пример исследования закономерностей культурного потребления, основанных на существовании жесткой решетки, ограничивающей смешение стилей во Франции служит Bourdieu, P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge.

Духи петербургских мест

Тенденция к смешиванию всех стилей и полному размыванию границ между ними довольно сильна, она подкрепляется привычкой к советской моностилистичности[9]. Поэтому особенно важна роль коагулянтов, элементов, удерживающих в несмешанном чистом виде вещества. Такими коагулянтными элементами, встроенными в пространство города, являются духи места, фигуры, чье присутствие маркирует зону как особую, отличную от других, требующую особенной манеры поведения. Духи места наблюдают за остальными участниками публичной ситуации и наделены негласным правом просвещать новичков, рассказывать, как надо себя в данном месте вести, чтобы поддержать стиль места, а также они могут наказывать нарушителей. Опыт места тесно связан с опытом взаимодействия с духом места. Наше публичное пространство необычайно богато духами мест, можно поймать себя на ощущении, что, перемещаясь по городу, мы переходим из зоны влияния одного духа места в зону другого, сообразно меняя собственное поведение. В европейских городах, наоборот, довольно сложно вообще найти хоть один пример такой интерактивной фигуры. Петербургскими примерами могут служить кондукторы в общественном транспорте, смотрительницы музейных залов, билетерши в театре и кино, охранники в супермаркетах, милиционеры на улицах и прочие.

Новые места моментально обзаводятся новыми духами мест. Например, увеличение количества желающих оформить визу для поездки за границу породило новых духов мест, которые в лице страховщиков постоянно обитают около иностранных консульств. Эти люди помогают новичкам осваивать новое пространство, объясняют, в какую очередь становиться, когда лучше приходить, чтобы не очень долго стоять, помогают заполнять анкеты, разъясняют законодательные и декларационные вопросы. Они могут помочь найти человека, который постоит в очереди вместо вас за определенную сумму, помогут купить билеты и, конечно же, страховки. Кроме того, они берут на себя роль третейских судей, разрешая конфликты по поводу мест в очереди, налаживают коммуникацию и взаимодействие. Можно вспомнить, что популярность культовой пивной, первого «Цинika», строилась во многом также на подобного рода неофициальных духах места, а именно постоянном посетителе Сергее Шнурове и членах его группы «Ленинград». Место было воплощением стиля группы «Ленинград», городского пьянства и разгильдяйства. Шнур проводил свой инструктаж заочно, в своих песнях.

Старые публичные места также не отказываются от услуг духов мест. Бабушки, рассаженные по углам музеев, бдительно следят за тем, чтобы не нарушались каноны храма искусства. Билетерши театров с презрением смотрят на пластиковые бутылки, которые новые зрители тащат в зал. Больше не существует единой публики с просветленным взглядом и в сменной обуви, которая посещала театры в советское время, согласно их профессиональным воспоминаниям. Новая публика разноше-

[9] *Ионин Л.Г.* Свобода в СССР. Статьи и эссе. СПб.: Фонд Университетская книга, 1997.

стна и разнообразна как в одежде, так и манерах. Инструктаж здесь неуместен, так как место слишком степенное и старинное, и можно апеллировать к традиции и общей культуре, но вот контроль и предупреждения нарушителям вполне в духе новых времен в театре.

Поведение петербуржцев в публичных местах сориентировано на фигуру духа места. Существует навык переключения в режим новой стилистической зоны в присутствии духа места. Так, в дни, когда в «Цинике» сидел Шнур, по моим наблюдениям, пива выпивалось больше и произносилось больше нецензурных выражений. Контакт глаза в глаза с кондуктором почти автоматически приводит к покупке билета, а громкие разговоры становятся тише, когда на горизонте появляется билетерша в жабо. Чувство публичности в Петербурге – это чувство, что за тобой внимательно наблюдают. Удовольствие от публичной ситуации мы получаем, когда чувствуем, что можем без инструктажа и контроля продемонстрировать правильное для данной публичной зоны поведение. А также огромное удовольствие доставляют петербуржцам ситуации, когда их неправильное, несоответствующее месту поведение осталось не замечено духом места и проигнорировано другими участниками ситуации. Например, безбилетный проезд или прикосновение к экспонату. Чувство публичности может радовать или раздражать, но это состояние всегда сопряжено с некоторой долей возбуждения, которого, напротив, не испытывает дух места, рутинно вовлеченный в публичные ситуации. Дух места настолько непоколебим и спокоен, настолько чувствует свою уместность, что подчас воспринимается окружающими как часть обстановки, как часть публичного места. Отношения с ним есть продолжение отношений со стилистически однородным естественным окружением, и в то же время в этих отношениях есть интрига: заметит он или не заметит какое-либо несоответствие между вашим поведением и стилем места.

Подобное переживание публичности распространено среди петербуржцев и является своеобразным петербургским этосом[10]. Аффективные структуры личности петербуржцев не подчиняются в полном смысле самоконтролю, как это свойственно, по замечанию Норберта Элиаса, современным европейцам[11]. Чинные и степенные в присутствии различных духов мест, горожане испытывают почти детский восторг от совершения маленьких шалостей на публике и по-детски нуждаются во внешнем наблюдателе.

Навигация среди гибридов и духов

Жители Петербурга по праву являются специалистами в сфере взаимодействия с духами и гибридами. Выработаны некоторые специальные и эффективные решения проблем, типичных для маневров среди слабоструктурированного разнообразия. Самой большой проблемой здесь является выбор среди большого количества разнообразных, но не предписанных стилей. Я разберу здесь петербургский способ решения подобной проблемы на примере вопроса: куда пойти вечером повеселиться и пропустить стаканчик.

Традиционно существует две стратегии решения подобной проблемы. Первым вариантом является серфинг, то есть переход из одного бара в другой просто вдоль одной улицы. Популярность этой стратегии часто поддерживается и инфраструктурой публичного пространства. Так, во многих городах есть веселый квартал или улица, по которой можно серфинговать ночи напролет. Второй вариант – это посещение постоянных традиционных мест. Создатели многих подростковых сериалов удачно экономили на декорациях благодаря популярности этой стратегии. Молодые люди проводили в декорациях одного и того же кафе большую часть демонстрационного времени, как часто происходит и в жизни. Поэтому на вопрос, куда пойти, всегда есть один традиционный ответ. В Петербурге слишком много разных кафе, а любопытство петербуржцев влечет осваивать все новые места, поэтому прибегнуть к такому последнему варианту было бы слишком скучно. Но и не существует веселого квартала, где можно было бы спокойно перебегать из бара в бар. Таким образом, снижаются шансы встретить знакомых, так как существует слишком много новых мест, а без этого занятие теряет часть своего смысла.

Петербуржцы выработали свой собственный способ навигации между разнообразными местами, который позволяет им не терять друг друга из виду. Таким способом стал «обзвон друзей». Каждый раз, когда веселье, кажется, набирает силу или, наоборот, место не оправдывает ожиданий, петербуржец достает сотовый телефон и начинает обзванивать своих знакомых и друзей. Если веселье идет полным ходом, то горожанин созывает в его обитель своих знакомых, если нет – то ищет, у кого из знакомых с весельем все в порядке. Получив сигнал от кого-то, что найдено подходящее местечко с бурлящей вечеринкой, петербуржец записывает координаты места и направляется к нему.

Здесь мы сталкиваемся со второй главной проблемой, а именно, как в Петербурге добраться до какого-либо места. Транспорт не согласован и не построен по принципу общей сетки сообщения, как это часто сделано, например, в Германии. Пожалуй, только метро является таким стабильным и предсказуемым средством передвижения. Схему линий метро знает каждый горожанин, и она действительно активно вовлечена в перемещения. Двигаться по подобным стандартным каналам сообщения от одной развязки до другой – это один из традиционных способов решения проблемы навигации. Вторым общепринятым решением было бы воспользоваться услугами проводника-перевозчика, а именно таксиста. Знаменитые нью-йоркские таксисты могут служить примером подобного способа передвижения. Таксист обычно хорошо осведомлен о городе, знает, куда и как быстрее можно

[10] Под этосом понимаются стандартные и принятые в культуре чувства, которые свойственно переживать воспитанным в данной культуре людям. Bateson, 1967.

[11] *Элиас Н.* Социальное принуждение к самоконтролю. См. ***Элиас Н.*** О процессе цивилизации. Т. 2. М.: Университетская книга. 2001. С. 237–253.

добраться, может избежать пробок. Для того чтобы воспользоваться этими двумя способами передвижения, достаточно лишь знать координаты места назначения. И совершенно не обязательно лично знать местность, так как вам не надо прокладывать маршрут самому: либо он уже проложен, либо его прокладывает за вас профессионал.

В Петербурге нет общей, охватывающей все районы города транспортной сетки, а у горожан нет возможности часто пользоваться услугами таксистов или частников. Посещение баров на собственной машине мало интересно, так как лишает вас возможности напиваться. Кроме того, навигация между разными барами, в которые жизнь занесла ваших друзей и которые могут быть очень далеко друг от друга, весьма утомительна. А чтобы воспользоваться маршруткой, необходимо быть также проводником в какой-либо степени и представлять себе местность. Искусство остановки маршрутки в необходимом вам месте требует внимательного мониторинга хода экипажа, его маршрута и знание лэндмарков[12], у которых принято останавливаться. Для решения этой проблемы в незнакомой местности существует еще одно наработанное петербургское средство. Мобильный телефон здесь также играет важную роль, по нему происходит инструктаж. Сторона, пригласившая в бар и осведомленная о том, как до него добираться, ведет своего друга по мобильному телефону, объясняет, где надо выходить, каких лэндмарков ждать, куда идти после выхода из маршрутки.

Такое взаимодействие с помощью мобильного телефона, когда вы не вместе, разлучены и находитесь в публичных ситуациях, но общаетесь с близкими друзьями, подчас перемежая простые инструкции личными замечаниями и дружескими шутками, очень характерно для петербуржцев. Быть одновременно и на публике, и в кругу близких – это часть петербургского опыта, еще одна черта, добавляющая самобытность в переживание публичности.

Заключение

Публичная смена режимов поведения и стилистическая экология места тесно связаны друг с другом. Смена манеры поведения на публике должна быть оправдана внешней, видимой другим, причиной. Смены поведения, вызванные лишь скрытыми внутренними переживаниями, трактуются в нашей культуре как результат неудачной социализации, которая может быть угрозой спокойному и гладкому течению публичной жизни. Перемещение из одной стилистической зоны в другую легко и приятно синхронизировать со сменами настроения, а изменение стилистического окружения служит достойным и общепринятым объяснением перемены в поведении. Советская публичная сфера была моностилистичной и не позволяла тогда еще ленинградцам давать волю своим внутренним

[12] *Lynch K.* The Image of the City. MIT Press. 1982.

импульсам. В таком сером мире выход был только один – оставаться отстраненным и холодным, с каменным, ничего не выражающим лицом, подавлять внутренние переживания в течение всего времени, пока вы находитесь в публичном месте. Эту особенность ленинградцев отметил в своем полевом исследовании антрополог Финн Сиверт Нильсен еще в начале 80-х годов[13].

Появление стилистического разнообразия привнесло в жизнь петербуржцев раскрепощение и относительную легкость поведения на публике. Новая ситуация, возможно, не является, как это часто принято считать, переходной стадией к обществу по типу западного. Возможно, что петербургский этос в сочетании с новыми стилистическими ресурсами даст новую форму отношений на публике, устойчивую и самостоятельную. Легкий эксгибиционизм, вызванный присутствием духа места, и инфантилизм или наивность, являющиеся результатом коллоидной смеси стилей в публичном пространстве, для навигации в которой отсутствует алгоритм распознавания стиля и социально значимого смысла этого стиля, свойственны в некоторой степени всем жителям этого города. Удовольствие оттого, что на публике можно, пользуясь ширмой мобильного телефона или частой сменой стилистических декораций, переживать разные режимы действия и совмещать противоречивые планы публичного и приватного, является неотъемлемой частью петербургского этоса. Если согласиться с Дюркгеймом, то исполнение различных практик и смена манер движения, если она согласована с окружающими и переживается одновременно всеми присутствующими, ведет к воспроизводству и институционализации знания о том, каким должен быть и является окружающий мир[14]. А полученное социальное знание, в свою очередь, уже обеспечивает повторение ситуации коллективного переживания. Удовольствие, получаемое от переживания именно такой формы публичности, толкает петербуржца на повторение приятного опыта, а следовательно, и на подкрепление петербургского этоса.

Список литературы:

1. *Голофаст В.* Гибридизация и культурные смеси // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. № 3. 2003. С. 21–25.

2. *Ионин Л. Г.* Свобода в СССР. Статьи и эссе. СПб: Фонд Университетская книга, 1997.

3. *Корнев Н.* Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. №1, 2005. С. 22–27.

4. *Нильсен Ф. С.* Глаз бури. СПб.: Алетейя. 2003.

[13] *Нильсен Ф. С.* Глаз бури. СПб.: Алетейя, 2003.

[14] *Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. A Study in Religious //Sociology. Illinois: The Free Press, 1947 (1915).

5. *Элиас Н.* Социальное принуждение к самоконтролю. См. Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 2. М.: Университетская книга. 2001. С. 237–253.

6. *Bateson G.* Naven : A Survey of the Problems Suggested by a Composite Picture of the Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View . Stanford: California University Press, 1967.

7. *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge, 1984.

8. *Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. A Study in Religious Sociology. Illinois: The Free Press, 1947 (1915).

9. *Lynch K.* The Image of the City. MIT Press, 1982.

Софья Сорокина[1]

специальный приз памяти Н. М. Гиренко

Коренные народы Сибири и Дальнего Востока в Санкт-Петербурге: проблемы социальной адаптации студентов Института народов Севера

Великую реку народов, протекающую сквозь Санкт-Петербург, вот уже более семидесяти лет пополняет маленький ручеек, который берет начало в самых отдаленных краях России – в Сибири, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. С 30-х годов XX века существует при Педагогическом институте им. А. И. Герцена факультет народов Крайнего Севера, ныне – Институт народов Севера (ИНС). Молодое советское государство взяло на себя миссию просвещения «диких инородцев», «аборигенов» Сибири, дало им письменность и возможность получать высшее образование. Петербург стал городом, в котором готовятся педагогические и научные кадры из числа коренных малочисленных народов Севера, городом, открывающим перед маленькими народами широкие горизонты. За знаниями сюда съезжаются ежегодно представители 33 народов Севера (вепсы, саами, ненцы, энцы, негидальцы, ханты, манси, селькупы, долганы, якуты, эвенки, эвены, сойоты, ороки, орочи, ульчи, нанайцы, ительмены, юкагиры, кеты, нганасаны, нивхи, чукчи, эскимосы, алеуты, удэгейцы, чуванцы, тофалары, шорцы, коряки, тувинцы, буряты, алтайцы) из 30 северных регионов (автономные округа: Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Агинско-Бурятский, Ненецкий, Коми-Пермяцкий, Корякский, Эвенкийский, Таймырский, Чукотский; республики: Саха (Якутия), Тува, Карельская, Коми; края: Амурский, Хабаровский, Красноярский, Приморский, Алтайский; области: Ленинградская, Архангельская, Иркутская, Мурманская, Новосибирская, Магаданская, Читинская, Тюменская, Томская, Сахалинская, Камчатская). Названные народы являются не только коренными, но и малочисленными (кроме бурят, тувинцев, якутов и алтайцев)[2], что придает деятельности Института народов Севера особую актуальность и значимость.

Деятельность института направлена, во-первых, на сохранение традиционных культур Севера, Сибири и Дальнего Востока, во-вторых, на трансляцию ценностей мировой культуры, с целью создания национальной интеллигенции малочислен-

[1] РГПУ им Герцена, Институт народов Севера, преподаватель культурологии, куратор 1 курса.

[2] Численность колеблется от 883 (орочи) до 34190 (ненцы) человек.

ных народов Севера[3]. Но культура данных народов настолько специфична, что разнообразные трудности возникают как у педагогического коллектива института, так и у самих студентов. Автор данного исследования, выпускница, а на сегодняшний день преподаватель и куратор Института народов Севера, знакома с имеющимися проблемами не понаслышке.

Обратимся к проблемам учебного характера. Их множество. Первая состоит в том, что приезжающие учиться северяне во многом отличаются от студентов «общего потока» университета им. А. И. Герцена. Их школьная подготовка по ряду причин (удаленность поселков, нехватка квалифицированных учителей и необходимых учебников на периферии) гораздо слабее, что затрудняет усвоение студентами-северянами университетской программы. Еще одной проблемой является билингвизм (двуязычие) северян, некоторые студенты в недостаточной мере владеют русским языком, и этот фактор также затрудняет процесс обучения. В результате на факультете неоднократно поднимался вопрос об открытии подготовительного отделения, предваряющего обучение студентов на первом курсе.

Прием в институт осуществляется без жесткого отбора, что связано с небольшим количеством молодежи на местах. Как следствие – недооценка северянами своего статуса студента, отсутствие мотивации к учебе.

Неразрешимой проблемой администрации института является невозможность отчисления тех студентов, которые этого заслуживают. Обучающихся слишком мало (в целом на пяти курсах обучается около трехсот человек), каждый студент на счету, и отчисление нерадивых было бы расточительством для института, готовящего кадры для Севера. Это «расхолаживает» студентов, которые знают, что их в любом случае не исключат. Обесценивание отметок приводит к тому, что талантливые студенты часто теряют стимул к учебе, и в результате их однокурсникам попросту не на кого равняться. Все это снижает уровень профессиональной подготовки студентов.

Посещаемость студентами лекций также оставляет желать лучшего, и на это есть несколько причин. Пытаясь разобраться в них, мы столкнулись с целым комплексом адаптационных проблем, сопровождающих студентов Института народов Севера в течение всего времени их пребывания в Санкт-Петербурге. Для выяснения того, по каким причинам затруднена социальная адаптация студентов Института народов Севера, нами было проведено анкетирование студентов 1 и 5 курсов. На вопросы трех анкет[4] ответили 62 человека, полученные результаты стали основанием для выявления ряда дезадаптирующих факторов.

[3] Подробно об истории и деятельности Института народов Севера см. в сб. «Североведение в Герценовском Университете. Институт народов Севера». СПб., 2003.

[4] См. Приложение.

1. Люди тайги в мегаполисе

В Институте народов Севера на сегодняшний день обучаются студенты изо всех регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока. И специфика института состоит в том, что большинство из них приезжает не из городов, а из поселков, причем из поселков национальных, большая часть жителей которых – представители коренных народов Севера. Чтобы понять сущность проблем социальной адаптации, связанной с временной миграцией на период обучения, необходимо обратиться к вопросу о том, какой образ жизни является стандартом для той культурной среды, которую покинули приезжающие в Петербург студенты-северяне.

Социальные преобразования, связанные со сменами политических курсов за последние 90 лет, сильно изменили мировоззрение и быт кочевых народов, но традиционные формы хозяйствования сохранились как единственно возможные для выживания в условиях Крайнего Севера, а в последнее время, после развала колхозов, малые народы переходят к тому образу жизни, который вели их предки. Не стало общих оленьих стад, закрылись звероферм, интернаты, исчезли запреты религиозной деятельности и статья о тунеядстве. Вместе с тем прекратилась и всякая государственная поддержка. Все это привело к тому, что коренным народам ничего не оставалось, как вернуться к охоте и оленеводству как основным занятиям и средствам выживания. Так, больше половины жителей п. Иенгра (Якутская область, Нерюнгринский улус), включая стариков и детей, круглый год проживают в тайге, выпасая оленей, охотясь на пушных зверей и лося[5]. Зимой в поселке остаются только учителя школы, сотрудники администрации поселка и медпункта, школьники и немощные старики. Летом же поселок практически пустует. Таким образом, можно утверждать, что приезжающий из такого поселка на учебу в Институт народов Севера 17-летний подросток половину своей жизни провел в тайге. А тайга – это мизерная плотность населения на квадратный километр, размеренный неспешный ритм жизни, общение на родном языке, специфическое меню и, наконец, тишина. Легко себе представить, что ощущает человек, вырванный из подобной среды и оказавшийся во втором по величине городе России. Адаптация «таежного» («тундрового») человека к мегаполису – это первая проблема, с которой сталкиваются первокурсники Института народов Севера. Большинство студентов выросло в глухих поселках, в сотнях километров от районных центров, часть своей жизни они вообще провели, кочуя по тайге или тундре, и зачастую Петербург – это первый крупный город, увиденный ими. В культурологии принято противопоставлять городскую и деревенскую субкультуры, но в данном случае противоречия еще острее. Первые месяцы пребывания студентов в Санкт-Петербурге уходят на то, чтобы приспособиться к динамично-

[5] Автором данного исследования в 2005 г. была организована этнографическая экспедиция в места компактного проживания эвенков Якутии и Дальнего Востока.

му ритму города, усвоить правила и нормы жизни в нем, причем все это происходит в чужой для них культурной среде.

Являясь куратором 1 курса ИНС, автор данного исследования неоднократно сталкивался с жалобами студентов на трудности привыкания к городской жизни. Мегаполис отрицательно влияет на психическое самочувствие северян, подавляет, приводит к депрессивному состоянию. Первокурсники, поступившие в институт в 2006 году, оценивая свое отношение к новым условиям жизни, отмечали, что им крайне тяжело переносить большое количество людей. После малонаселенной местности похожий (по ассоциациям студентов) на большой муравейник город угнетает их. Особенно это касается общественного транспорта. Тысячи пассажиров, теснота и духота метро невыносимы для людей, привыкших жить в лесу. В результате многие из них предпочитают либо преодолевать расстояния пешком, либо вовсе никуда не ездить, что не улучшает статистику учебных прогулов[6].

По этим же причинам первокурсники неохотно посещают всегда переполненные людьми учреждения культуры: музеи, театры, выставки. Опрос студентов показал, что излюбленными местами отдыха для них являются парковые зоны города и пригорода. Это и неудивительно для людей, выросших на лоне природы. Но к 5 курсу этот способ релаксации перестает быть доминирующим. Если из 33 первокурсников 20 человек предпочитают отдыху в общественных местах досуга парки, то на 5 курсе половина опрошенных отдыхает в музеях, на концертах и в клубах, и половина – на природе (12 и 12 человек). Небольшая часть студентов предпочитает оставаться дома. В анкете среди факторов, затрудняющих пребывание в Петербурге, городской шум, суета, перенаселенность находятся на втором месте после нехватки денег для того и другого курсов[7].

Город негативно влияет на самочувствие студентов и в физиологическом плане: проблемы экологии, неподходящий климат, разница часовых поясов, отсутствие привычной пищи приводят к тому, что студенты часто испытывают слабость, сонливость, плохое настроение. В беседах со студентами 1 курса выяснилось, что некоторые из них не приходят на учебу только потому, что не могут проснуться вовремя из-за 9-часовой разницы во времени.

Еще одним препятствием успешной адаптации студентов в городе является их привязанность к родным местам. Среди заполнивших анкету студентов 18 человек испытывают тоску по дому, 30 испытывают ее иногда, не скучают по дому 6 человек. Ежегодно из института отчисляются по собственному желанию 1–3 человека, и причиной тому непреодолимое желание увидеть родные места.

[6] По результатам проведенного анкетирования (анкета 2, Приложение) 46 из 62 человек ответили, что используют возможность добраться до места пешком, а не на транспорте, если она есть.

[7] Анкета 3, Приложение.

Студенты-первокурсники на вопрос о факторах, затрудняющих их пребывание в Петербурге, в пункте «другое» указали следующие причины: «трудно без родных и близких» 1 чел.; «хочется домой» 1 чел.; «очень хочется домой» 1 чел.

Тем не менее по данным анкетирования желающих остаться после учебы в Петербурге и желающих уехать на родину на 1 курсе почти поровну (16 и 17 чел.), а на пятом курсе количество желающих стать петербуржцами преобладает (16 и 5 чел.). Видимо, благополучное будущее не ассоциируется студентами с образом родных мест.

2. Проблемы толерантности в Петербурге

Противоречие «природа – мегаполис» могло бы быть легко преодолимым, если бы к нему не добавлялось противоречие «свой – чужой». Представители коренных малочисленных народов Севера даже в разношерстном Петербурге чувствуют себя чужими. В первые месяцы пребывания в городе студенты, причем и юноши, и девушки, жаловались куратору на то, что их часто останавливает милиция и проверяет документы. Какая из причин такого поведения сотрудников правоохранительных органов является доминирующей – подозрительность к явно иногородним, пугливым, провинциальным «чужакам» (характеристика гастролирующих террористов) или неспособность отличить один этнос от другого (для них жители Кавказа (потенциально опасные) и жители тундры выглядят примерно одинаково) – неизвестно, но необоснованные подозрения со стороны властей играют не в пользу скорейшей адаптации студентов-северян.

Не обошло студентов Института народов Севера стороной безумство ксенофобии и шовинизма, захлестнувшее страну в последние несколько лет. Трагедии, маленькие и большие, происходящие с нашими студентами, не имеют общественного резонанса, но они существуют: от оскорблений в общественном транспорте до убийств. Скромные, даже «забитые» северяне-первокурсники постоянно выслушивают упреки, связанные с их этнической принадлежностью. С неприязнью (пренебрежением, насмешками, унижениями) как к представителю коренного народа Севера приходилось сталкиваться:

– в своих родных местах – 15 опрошенным студентам,

– в Санкт-Петербурге – 32 опрошенным студентам,

– не приходилось – 11 первокурсникам и 7 пятикурсникам.

Один из первокурсников во втором пункте анкеты подписал: «очень часто», и это подтверждает статус Петербурга как одного из наиболее национально нетерпимых городов[8].

По вопросу о том, в чем выражалось это негативное отношение к ним, мнения студентов распределились следующим образом:

[8] Анкета 1, Приложение.

– отказ в общении – 5 человек,
– презрительные прозвища – 25 человек,
– обвинения в пристрастии к алкоголю – 3 человека,
– обвинения в язычестве – 5 человек.

В пункте «другое» среди прочих назывались следующие проявления: претензии к «цвету кожи, другой расе», «внешности», «разрезу глаз» (5 чел.); «люди пожилого возраста предвзято относятся» (2 чел.); «подражание китайскому или японскому языкам» (1 чел.); «узкоглазые, китайки» (1 чел.); «милиция останавливает, отсутствие свободы передвижения – законы не те» (1 чел.)

Как видно, в российском обществе вокруг так называемых «чукчей» сложилось довольно много предрассудков, изжить которые можно лишь с помощью просвещения и пропаганды традиционной культуры народов Севера и Сибири.

Подобный негативный настрой некоторых жителей Петербурга не всегда безобиден. Несчастье, произошедшее два года назад, в Институте народов Севера будут помнить всегда. 26 декабря 2003 года прямо на территории студенческого городка был зверски убит студент 3 курса ИНС Сергей Бельды. Он получил около 70 ножевых ранений только за то, что выглядел иначе, чем хотелось бы убийцам. Описание случившегося опубликовано в газете «Нарьяна вындер»: «26 декабря молодой человек возвращался от своей преподавательницы. Было около 8 часов вечера... Около 4 корпуса, где жили студенты-северяне, на Сергея внезапно напала группа молодчиков в черных куртках и армейских ботинках. С криками “Бей китайца, бей узкоглазого!” бандиты начали наносить юноше удары дубинками, ножом и армейским топориком. Когда зверская вакханалия была закончена, врачи насчитали на теле Сергея Бельды 68 колото-резаных ран, от которых он скончался через 2 часа, так и не приходя в сознание.

По свидетельствам очевидцев... на Сергея напала группа из 10-12 человек в возрасте от 15 до 17 лет. Многие из отморозков были хорошо известны жителям Московского района, да и студентам-герценовцам, так как они уже года два терроризировали студенческое общежитие, нападая на “нерусь” и устраивая погромы в 4 корпусе. По фотороботам найти убийц особого труда не составило: все они несовершеннолетние – школьники, учащиеся ПТУ. На допросе они сказали, что убивать нанайца не собирались. А убили, потому что не знали, что узкоглазыми бывают не только китайцы. Более жуткого и ненормального объяснения случившемуся, пожалуй, ни один здравомыслящий человек придумать не в состоянии. Но после полученных показаний “неразумных подростков” отпустили до суда...»[9]

[9] ***Ханзерова И.*** Национальная идея – х-файл российской политики // Нарьяна вындер. № 42–43. 10 марта 2004.

Суд так и не состоялся[10], а малочисленный народ – нанайцы – стал еще меньше[11], он потерял одного из лучших своих сыновей, который мог бы многое сделать для родной культуры, если бы ему довелось окончить университет.

Следует отметить, что студенты Института народов Севера систематически подвергаются нападениям бритоголовых и просто уличных хулиганов. В том же 2003 году неонацисты напали на студентку из Эвенкии. Она выжила только благодаря усилиям врачей-реаниматологов. Систематическими становятся и нападения скинхедов на общежитие ИНС. Активизируясь в апреле, вооруженные металлическими прутьями и дубинками молодые люди в возрасте до 20 лет, одетые во все черное, устраивают погромы в 4 корпусе студгородка (Новоизмайловский пр., 16). С криками: «Россия для русских! Неруси – прочь!» – они бьют стекла, ломают двери, крушат мебель, устраивают различные акции устрашения.

Обращения студентов с заявлениями в милицию так и не принесли положительных результатов. Экстремистов или сразу отпускают на волю, или штрафуют за хулиганство в общественном месте. Обращения студентов и преподавателей в правоохранительные органы с просьбой защитить студентов от бритоголовых остаются без ответа.

Сталкиваясь с неприязнью городских жителей, студенты ИНС, естественно, чувствуют себя неуютно в городе, стараются реже выходить на улицу, замыкаются в себе. Возможность в любой момент услышать шовинистское высказывание в свой адрес и даже погибнуть не способствует решению проблем адаптации студентов-северян.

3. Проблемы быта

Следующий дезадаптационный фактор, который хотелось бы отметить – это проблемы бытового характера, возникающие у студентов ИНС во время пребывания в Петербурге. С 1995 года они проживают в общежитии студенческого городка вместе со студентами общего потока. В предложенных анкетах многие отметили как фактор, затрудняющий пребывание в Петербурге, недовольство условиями проживания. Предположение о конфликтах с русскими студентами не оправдалось. Русская молодежь весьма толерантно относится к северянам. 39 опрошенных ощущают к себе со стороны русских студентов такое же отношение, как и ко всем остальным. Шестеро отметили, что к ним испытывают особенный интерес. Лишь двое сталкивались с проявлением «негатива» и «презрения» в свой адрес со стороны русских жителей студгородка, один ответ звучал так: «особо не придираются». По мнению подавляющего большинства заполнивших анкету студентов-северян, этническая принадлежность не является препятствием для общения с русски-

[10] Обвиненный в убийстве С. Бельды Е.И. Никонов находится на свободе.

[11] Численность нанайцев – около 1200 человек.

ми студентами общежития как с их стороны (58 чел.), так и со стороны русских студентов (57 чел.). Сами не хотят общаться с русскими соседями по общежитию три первокурсника и «отчасти» один пятикурсник. Получили отказ в общении по причине иной этнической принадлежности 2 первокурсника и один пятикурсник ИНС. Один пятикурсник отметил, что, возможно, шовинизм есть, но «это их проблемы». Действительно, в некоторых студенческих кругах северян принято презрительно именовать «чукчи» или «малочиски» (от: малочисленные народы). В целом же русское население студенческого городка не проявляет нетерпимости к студентам ИНС, не закрыто для общения с ними. Администрация общежития, тем не менее, склонна дифференцировать студентов по национальному признаку: расселение по комнатам производится таким образом, что северяне обязательно соседствуют с северянами, а русские – с русскими. Как показали результаты анкетирования, студенты испытывают дискомфорт по причине предвзятого отношения к ним со стороны персонала общежития. Только 28 студентов отметили, что сотрудники общежития к ним относятся так же, как и ко всем остальным. Иное отношение к себе, чем к русским студентам, отметили 14 северян, 15 сталкивались с проявлениями «негатива». Особую недоброжелательность и даже «презрительность» коменданта общежития отметили 4 человека, завхоза – 2 человека. Будучи куратором, автор исследования сама не раз выслушивала нелестные высказывания коменданта общежития в сторону студентов ИНС. У сотрудников общежития, от уборщиц до вахтеров, существует предубеждение относительно северян. Проблемы дисциплинарного характера они склонны связывать исключительно со студентами ИНС. На вопрос «обвиняют ли вас необоснованно, указывая на этническую принадлежность, в проблемах, связанных с дисциплиной (курение в общежитии, мусор на этаже, гости в неположенное время и др.), 18 человек ответили положительно.

Такое отношение, конечно, не является безосновательным. В беседе с автором данной работы участковый милиционер (12 отделение милиции) заявил возмущенно: «Чуть что, так Крайний Север!» Действительно, северяне представляют собой группу риска. Несчастные случаи, происходящие на территории студгородка, часто связаны именно со студентами ИНС. За последние 8 лет здесь погибли по разным причинам 5 студентов. Двое совершили самоубийство, одна студентка погибла, сорвавшись в шахту лифта, один студент был зверски убит, одна студентка изнасилована и убита.

Каждую из причин этих несчастных случаев следует рассматривать отдельно. Участковый высказал общераспространенную позицию по этому вопросу: во всем виновата «огненная вода». Представление сотрудников общежития и участкового милиционера о пристрастии студентов Института народов Севера к алкоголю во многом обусловлено мифом, предубеждением о врожденных порочных склонностях северян, а также тем, что наши студенты по причине своей расовой принадлежности всегда на виду, к их поведению прикованы взоры любопытных. Проблема, безусловно, существует, но не в таком масштабе, как это принято считать, и является следствием иных обстоятельств. Нельзя все адаптационные трудности приезжих северян сводить к их сложным отношениям с крепкими напитками. Причины многих неприятностей, возникающих у студентов ИНС в Петербурге, следует искать там, откуда они приехали.

4. Проблемы, привезенные из дома

Безрассудность, пьянство, склонность к суициду – вот те упреки, которые предъявляются студентам ИНС теми, кому небезразлична их судьба. И несправедливым было бы утверждение, что к такому поведению их толкают только вышеперечисленные дезадаптационные факторы (резкая смена среды и образа жизни, разность языка и культуры, ксенофобия горожан). Проблемные студенты ИНС не становятся таковыми в Петербурге. Многие проблемы они привозят с собой из родных поселков. Поездка в места компактного проживания эвенков дает нам право утверждать, что образцы такого поведения молодежь усваивает дома. Рассказы жителей трех эвенкийских поселков, вошедших в маршрут проведенной нами экспедиции, наглядные примеры, а также результаты анкетирования студентов ИНС свидетельствуют о существовании трех катастрофических для выживания северных народов «традиций»: повальный алкоголизм, подростковый суицид, бытовое убийство.

Рассмотрим первую «традицию». «Сегодня ни для кого не секрет, что пьянство и алкоголизм среди коренных малочисленных народов Севера – одна из самых острых социальных проблем», – констатирует автор статьи «Этнодемографические аспекты проблемы алкоголизма у малочисленных народов Севера» Е. А. Пивнева[12]. Согласно ее статистическому исследованию, по уровню заболеваемости населения алкоголизмом и алкогольными психозами почти все северные регионы занимают в Российской Федерации ведущие места. Показатели заболеваемости алкоголизмом у малочисленных народов Севера, по данным Е. А. Пивневой, превышают общероссийский уровень в 12–20 раз. Уровень продолжительности жизни здесь ниже на 15-20 лет, чем в целом по стране, причем 18% смертных случаев связаны со злоупотреблением алкоголем[13]. Статистика исследовательницы подтверждается полученными в ходе опроса студентов результатами. На вопрос «как вы оцениваете количество людей, имеющих пристрастие к алкоголю в вашем поселке (среди представителей коренных народов)?», 16 из 43 студентов ответили «большое», 23 – «среднее», и лишь 4 человека считают, что в их поселке

[12] *Пивнева Е.А.* Этнодемографические аспекты проблемы алкоголизма у малочисленных народов Севера // В поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М., 2005. С. 66.

[13] Там же. С. 68-69.

малое количество алкогольных зависимых. «Большая половина, особенно молодые люди», – пометил в анкете один из первокурсников.

Е. А. Пивнева указывает, что «огромную проблему представляет распространенность пьянства и алкоголизма среди женщин-северянок, физическое и психическое здоровье детей и подростков из алкогольно зависимых семей»[14]. Можно предположить, что, наблюдая с детства за пьянствующими взрослыми, подростки воспринимают употребление и злоупотребление алкоголем как норму и не считают такой образ жизни маргинальным. В результате, очутившись в Петербурге без надзора родителей и контроля школы, они легко втягиваются в «дурные компании», пьянствуют в кругу сокурсников, подчас пропивая за один вечер месячную государственную дотацию, положенную им как представителям малочисленных народов Севера.

Удобно было бы объяснить такие склонности биологическими факторами, но вопрос о генетической обусловленности быстрого привыкания северян к алкоголю остается спорным. По мнению ряда исследователей, в основе течения подобных патологических процессов у коренного населения Арктики лежит биологическая специфика, связанная с приспособлением к среде обитания: особая плотность тела, большое развитие костно-мускульной массы, высокие иммунные свойства организма, повышенная способность к окислению жиров и т. д. Другими словами, быстрое формирование алкогольной зависимости у коренных народов Севера исследователи связывают с особенностями обмена веществ. Однако исследователи-антропологи утверждают, что алкоголизация северян имеет не только морфо-физиологические причины: «Известно, что зависимость от психоактивных веществ – это сложное, мультифакторное заболевание, детерминированное как генетической предрасположенностью, так и совокупностью внешних и внутренних средовых факторов»[15]. Попробуем разобраться, каковы эти средовые факторы.

Материалы этнографических источников свидетельствуют о том, что распространение пьянства среди северных аборигенов имеет глубокие корни, уходящие в далекие времена освоения приезжим населением Крайнего Севера и Сибири. Вино, как известно, было одним из главных средств «колонизации» Сибири. Еще три века назад промышленные люди при меновой торговле «усердно спаивали падких на алкоголь дикарей»[16]. Вином же премировал иноземцев за «ясачный платеж» государь. В результате к началу XX века привычка к пьянству была распространена среди инородцев «в ужасающих размерах»[17].

[14] Там же. С. 67.

[15] *Абрютина Л. И.* Народы Севера России: право на здоровье. М., 1999. с.62.

[16] *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 78.

[17] *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 130.

Распространение алкоголизма среди народов Севера связано и с их современным состоянием. Социально-экономические преобразования советского периода, утрата традиционных форм жизнедеятельности привели к социальной дезадаптации, перестройке мотивационной сферы личности. Позже, с прекращением опеки государства над малочисленными народами, в заброшенных, оторванных от цивилизации поселках прочно обосновались нищета, безработица, вынужденная праздность. «В тех случаях, когда аборигенам не удается адаптироваться к новым условиям, – пишет Е. А. Пивнева, – происходит рост антропоэкологического напряжения, которое находит выражение в целом комплексе явлений – таких как снижение стимулов к труду и интереса к условиям своего существования, отсутствие положительных целевых ориентаций, рост заболеваемости, алкоголизм, увеличение числа правонарушений». Однако, на наш взгляд, истоки подобных явлений кроются не в неумении северян адаптироваться к новым условиям, а в той социально-экономической ситуации, в которой оказались народы Севера в постсоветский период. Помимо пьянства эта ситуация сделала обычным такое явление, как суицид. На вопрос «велико ли количество самоубийств в вашем поселке?» 20 из заполнивших анкеты 43 студентов ответили «да». Как это ни печально, студенты ИНС отмечают молодость совершивших самоубийство односельчан. В пункте анкеты о возрасте самоубийц 26 человек выбрали ответ «молодые», 15 – «среднего возраста», случай самоубийства пожилого человека вспомнил 1 студент. Всего опрошенные студенты припомнили около 50 случаев суицида, и это пугающая цифра. Причем двое пятикурсников не смогли указать точное количество самоубийц, подписав удручающее «много».

Среди основных причин происходивших в их родных поселках самоубийств первенство, с точки зрения студентов 1 и 5 курсов ИНС, держат невоздержанность в принятии алкоголя (17 чел.) и отсутствие цели в жизни или отсутствие возможности ее реализации (17 чел.), менее веские причины – бедность и безработица (11 чел.), отсутствие возможности уехать из поселка, изменить свою жизнь (5 чел.), безделье, связанное с утратой традиционного образа жизни (оленеводства, охоты, рыболовства, народных промыслов) (4 чел.), скука, изолированность (3 чел.). На такую причину, как унижения со стороны русского населения, указал 1 студент.

Собранные нами полевые данные свидетельствуют о том же положении дел. Во время бесед с жителями эвенкийского поселка Иенгра они высказывали нам крайнюю озабоченность огромным количеством самоубийств среди молодежи. В год здесь происходит 1–2 таких инцидента. Причем сводят счеты с жизнью даже подростки 14 лет. Следует отметить, что в последние годы силами местной интеллигенции в поселке возрождается традиционный календарный праздник эвенков «Икэнипкэ». К празднованию весеннего обновления природы жители начинают готовиться за год: шьют национальные костюмы, готовят выступления, запасают продукты. Старики с появлением этого праздника связывают положи-

тельные тенденции в психическом здоровье молодежи, сокращение количества самоубийств. Возвращение к истокам своей культуры, к священным традициям делает жизнь северных народов наполненной смысла, стимулирует социальную активность.

Таким образом, северяне, приезжая на учебу, уже довольно близко знакомы с такими социальными пороками, как алкоголизм и самоубийство. Поэтому те трагические случаи, которые имели место в Петербурге (2 совершенных самоубийства и десятки попыток к нему), неправомерно было бы связывать с трудностями, возникшими во время их нахождения в городе.

Вопрос о возможных этнокультурных причинах того, с какой легкостью готовы расстаться с жизнью северяне, требует отдельного исследования. Возможно, это явление имеет истоки в традиционном мировоззрении. Этнографические источники содержат сведения об отсутствии страха смерти у народов Крайнего Севера. Предположительно оно может быть связано с мифологическими представлениями о потустороннем мире, где умерший продолжает жизнь, подобную земной: там он встречается со своей семьей, занимается обычными хозяйственными делами. Экстремальные природные условия, жизнь охотника, сопряженная с постоянной опасностью, также делают мысль о смерти привычной. Обыденность суицидов может быть связана и с особенностями менталитета народов Севера. Интересен случай, описанный А. Шишмаревым: нанятый переводчиком на корабль исследовательской экспедиции чукча выбросился за борт только оттого, что не смог перевести фразу с эскимосского языка[18]. Даже незначительный с точки зрения европейца «позор» послужил причиной самоубийства.

Культурные и социально-экономические катаклизмы привели северян к тому, что агрессия стала распространяться не только на себя, но и выплеснулась наружу. На вопрос анкеты «велико ли количество убийств, совершенных представителями коренных народов Севера в вашем поселке?» 17 студентов ответили «да» и 26 – «нет». Не все студенты потрудились припомнить точное количество трагических случаев, но даже имеющиеся данные говорят о многом: 46 случаев в общей сложности плюс три анкеты с пометкой «много». И это только те, что произошли на памяти студентов, то есть за последние 10–15 лет.

Главной причиной распространенности убийств считают невоздержанность в принятии алкоголя 28 студентов; на бедность и безработицу указывают 10 человек; безделье, связанное с утратой традиционного образа жизни является причиной трагических случаев для 8 человек; скука, изолированность – для 4. Для одного студента провоцирующими на убийства являются унижения со стороны русского населения.

[18] *Шишмарев А.* Сведения о чукчах // Записки департамента Морского министерства. СПб., 1852.

Следует отметить, что насилие проявляется часто против родственников (жены, мужа, детей, брата или сестры), не имеет под собой никаких оснований (таких как ревность или нажива) и свидетельствует лишь о слабости и бессилии преступника изменить что-либо в своей судьбе.

В Петербург, как мы видим, приезжают люди (по сути, дети) с богатым, но печальным опытом жизни в поистине экстремальных (социальных и природных) условиях, с набором образцов поведения, не способствующих включению в новую социальную реальность, и это дополняет объяснение причин тех адаптационных проблем, которые испытывают студенты ИНС в Петербурге.

Вышеописанный комплекс дезадаптирующих факторов становится причиной постоянных прогулов учебы, проблем дисциплины, пьянства, самоубийств, гибели по неосторожности и легкомыслию. Внутренние проблемы каждого студента (трудности привыкания к новой культурной среде, акклиматизация, быт) дополняются внешними, такими как ксенофобия, шовинизм или обыкновенное невежество некоторых петербуржцев. Дети Севера сталкиваются с неприязнью и нетерпимостью, где бы они ни находились: в родных краях, на улицах Петербурга или в общежитии.

Институт народов Севера не только принимает меры по устранению дезадаптирующих факторов, но и проводит научную работу в области этнопедагогики и этнопсихологии. Преподаватели института, зная о существовании названных проблем, ведут исследования, направленные на изучение «картины мира» студентов, особенностей адаптации в полиэтнической среде вуза, трансформации этнической идентичности[19].

Сотрудники кафедры этнопедагогики и этнопсихологии для решения намеченного спектра проблем рекомендовали организовать психолого-педагогическое сопровождение студентов. На сегодняшний день в институте постоянно работает психолог, к которому студенты могут обратиться в любое время. «Сопровождение студентов представляет собой достаточно новую составляющую образовательной среды университета, – считает проводивший специальные исследования В. И. Щеглов. – От работы в группе со специалистом службы сопровождения 42% студентов ожидают помощи в профессиональной подготовке; 21% студентов надеются получить новые знания по практической психологии; около 30% рассчитывают на помощь в личностных проблемах и индивидуальные консультации»[20].

Другой мерой по оптимизации процесса социальной адаптации студентов Института народов Севера является возрождение традиции кураторства. К каждому курсу прикреплен один из преподавателей, который не только помогает студентам разрешить учебные, бытовые вопросы и следит за дисциплиной, но и выступает как человек, с которым можно посоветоваться и поделиться проблемами.

[19] См. *Щеглов В.И.* Этническое в психологическом поле студента. СПб, 2004. С. 36.

[20] Там же. С. 56.

Одной из возможных, но спорных мер, предпринимаемых институтом, является сооружение отдельного жилого корпуса для студентов-северян. По данным В. И. Щеглова, часть студентов опасается, что у них могут возникнуть проблемы, связанные с тем, что в этом случае общежитие может стать объектом агрессивных проявлений со стороны определенной части городского населения, отрицательно настроенного в отношении представителей других этносов. Исследователь отмечает, что «17% студентов-северян ожидали лучшего отношения со стороны русских – жителей Петербурга»[21].

И наконец, самая плодотворная мера, направленная на разрешение проблем социальной адаптации и работающая на благополучное будущее всех народов России, – это проводящаяся ежегодно кафедрой этнокультурологии ИНС международная научно-практическая конференция «Реальность этноса». Проблемы межэтнической коммуникации, толерантности, включения этнической компоненты в образовательный процесс – вот тот неполный круг вопросов, затрагиваемых участниками конференции, которая в 2006 году проводилась уже восьмой раз. Тема, определявшая направление дискуссий на конференции 2006 года, имеет актуальнейшее звучание: «Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности»[22].

В разрешении глобальной проблемы социальной адаптации в иноэтничной среде специально скорректированное образование, на наш взгляд, должно сыграть свою решающую роль.

Литература

1. *Абрютина Л. И.* Народы Севера России: право на здоровье. М., 1999.

2. *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929.

3. *Богоявленский Д. Д., Пика А. И.* Насильственная смертность у народов Севера (на примере камчатки и Чукотки) // География и хозяйство. Вып. 4. Л., 1991.

4. *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. Т. 1. СПб., 1904.

5. *Здравомыслова О. М., Козлов В. Б.* О методах изучения образа жизни коренных народностей Севера // Региональные проблемы социально-демографического развития. М., 1987.

6. *Луначарский А.В.* Задачи наркомпроса на Крайнем Севере // Северная Азия. № 3.

7. *Пивнева Е. А.* Этнодемографические аспекты проблемы алкоголизма у малочисленных народов Севера // В поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М., 2005.

[21] Там же. С. 59.

[22] См. Реальность Этноса. Материалы 8-й международной научно-практической конференции. СПб., 2006.

8. Реальность Этноса. Материалы 8-й международной научно-практической конференции. СПб., 2006.

9. Североведение в Герценовском Университете. Институт народов Севера. СПб., 2003.

10. *Шишмарев А.* Сведения о чукчах // Записки департамента Морского министерства. СПб., 1852.

11. *Щеглов В. И.* Этническое в психологическом поле студента. СПб, 2004.

12. *Ханзерова И.* Национальная идея – х-файл российской политики // Нарьяна вындер. № 42–43. 2004.

Анкета 1

Год рождения, курс

1. К какой этнической группе (национальности) вы себя относите?

2. Стесняетесь ли вы называть свою национальность?
А) Да
Б) Нет

3. Приходилось ли вам сталкиваться с неприязнью (пренебрежением, насмешками, унижениями) к вам как к представителю коренного народа Севера?
А) в своих родных местах
Б) в Санкт-Петербурге

4. В чем выражалось это негативное отношение к вам?
А) отказ в общении
Б) презрительные прозвища
В) обвинения в пристрастии к алкоголю
Г) обвинения в язычестве
Д) другое (назовите)

5. Охарактеризуйте отношение к вам со стороны русских студентов общежития (те, кто живет на Новоизмайловском пр.)
А) такое же, как и ко всем остальным
Б) интерес
В) презрение
Г) агрессия
Д) другое (назовите)

6. Является ли ваша этническая принадлежность препятствием для общения с русскими студентами общежития с вашей стороны?
А) Да
Б) Нет

7. Является ли ваша этническая принадлежность препятствием для общения с русскими студентами общежития с их стороны?
А) Да
Б) Нет

8. Охарактеризуйте отношение к вам со стороны сотрудников общежития (вахтеров, завхоза, коменданта, уборщиц)?
А) такое же, как и ко всем остальным
Б) иное, чем к русским студентам
В) позитивное
Г) негативное

9. Обвиняют ли вас необоснованно, указывая на этническую принадлежность, в проблемах, связанных с дисциплиной (курение в общежитии, мусор на этаже, гости в неположенное время и др.)?
А) Да
Б) Нет

10. Охарактеризуйте отношение к вам со стороны преподавателей института
А) такое же, как и ко всем остальным
Б) иное, чем к русским студентам
В) позитивное
Г) негативное

11. Преподаватели связывают ваши неуспехи в учебе с вашей этнической принадлежностью?
А) Да
Б) Нет

12. Где вы предпочитаете проводить выходные дни?
А) В театрах, музеях, клубах и т.п.
Б) В парках, за городом, на природе
В) Дома

13. Угнетает ли вас большое количество людей в городе?
А) Да
Б) Нет

14. Если есть возможность добраться до места пешком, а не на транспорте, используете ли вы ее?
А) Да
Б) Нет

15. Готовы ли вы заключить брак с партнером той же национальности, что и вы?
А) Да
Б) Нет

16. Считаете ли вы необходимым сохранение самобытности вашего народа, его языка и культуры?
А) Да
Б) Нет

17. Считаете ли вы, что ваш народ вскоре утратит самобытность и сольется с русским населением России?
А) Да
Б) Нет

Анкета 2

Год рождения, курс

1. Велико ли количество убийств, совершенных представителями коренных народов Севера в вашем поселке?
А) Да (сколько случаев вы помните)
Б) Нет

2. Велико ли количество самоубийств, совершенных представителями коренных народов Севера в вашем поселке?
А) Да (сколько случаев вы помните)

Б) Нет

3. Люди какого возраста чаще совершают самоубийства в вашем поселке?
А) Пожилого
Б) Среднего
В) Молодые

4. Как вы оцениваете количество людей, имеющих пристрастие к алкоголю в вашем поселке (среди представителей коренных народов)
А) Большое
Б) Среднее
В) Малое

5. Какова, по вашему мнению, причина происходящих с жителями вашего поселка несчастных случаев (гибели от обморожения, пожара, от нападения диких зверей)?
А) Экстремальные природные условия
Б) Невоздержанность в принятии алкоголя
В) Безрассудность
Г) Отсутствие страха смерти
Д) Другое (назовите)

6. Какова, по вашему мнению, причина убийств, совершенных представителями коренных народов Севера в вашем поселке?
А) Невоздержанность в принятии алкоголя
Б) Бедность, безработица
В) Скука, изолированность
Г) Безделье, связанное с утратой традиционного образа жизни (оленеводства, охоты, рыболовства, народных промыслов и др.)
Д) Унижения со стороны русского населения
Е) Другое (назовите)

7. Какова, по вашему мнению, причина самоубийств, совершенных представителями коренных национальностей в вашем поселке?
А) Невоздержанность в принятии алкоголя
Б) Отсутствие цели в жизни или отсутствие возможности ее реализации
В) Отсутствие возможности уехать из поселка, изменить свою жизнь
Г) Бедность, безработица
Д) Скука, изолированность
Е) Безделье, связанное с утратой традиционного образа жизни (оленеводства, охоты, рыболовства, народных промыслов и др.)
Ж) Унижения со стороны русского населения
З) Другое (назовите)

Анкета 3

1. Нравится ли вам находиться в Петербурге?
А) Да
Б) Нет

2. Испытываете ли вы тоску по дому?
А) Да
Б) Иногда

В) Нет

3. Какие факторы в большей степени затрудняют ваше пребывание в Петербурге?
А) Нехватка денег
Б) Проблемы общения с жителями города (негативное отношение к вам как к приезжему, нерусскому)
В) Трудно учиться в институте
Г) Не нравятся городской шум, суета, перенаселенность
Д) Не подходит климат
Е) Не нравится жить в общежитии
Д) Другое (назовите)

4. Хотели бы вы после учебы остаться в Санкт-Петербурге?
А) Да
Б) Нет

5. Нравится ли вам учиться в Институте народов Севера?
А) Да
Б) Нет

6. Испытываете ли вы трудности в усвоении учебного материала в связи с тем, что привыкли общаться на родном языке?
А) Да
Б) Нет

7. С какими преподавателями вам легче общаться?
А) С северянами
Б) С русскими
В) Со всеми одинаково легко
Г) Со всеми одинаково трудно
Д) Зависит от каждого конкретного человека

8. Что вас не устраивает в процессе обучения?
А) Большие нагрузки
Б) Неинтересные предметы
В) Непрофессионализм преподавателей
Г) Неувязки в расписании (окна, неравномерная нагрузка в течение недели)
Д) Непонятны многие слова преподавателей, значение которых они не объясняют
Е) Другое (назовите)

9. Хотели бы вы, чтобы представители вашего народа, живущие в Петербурге, встречались и вместе проводили время, отмечали национальные праздники (организовали землячество)?
А) Да
Б) Нет
В) Иногда это происходит
Г) Это происходит часто

10. Нравится ли вам участвовать в общественных мероприятиях (конкурсы первокурсников, спортивные состязания, факультетские праздники, концерты)
А) Да
Б) Нет

11. Почему вы приехали учиться именно в Петербург?
А) Я хочу получить высшее образование, все равно где
Б) Родители решили, что я должен учиться в Петербурге

В) Только Институт народов Севера, который находится здесь, даст мне то образование, которое я хотел(а) получить

Г) Была возможность учиться в регионе, но я выбрал(а) Петербург, так как это большой город, «северная столица» и пребывание здесь даст большие результаты в моем развитии

Д) Я приехал(а) сюда по распределению

Е) Другое (назовите)

12. Трудно ли вам учиться в Институте народов Севера?

А) Да

Б) Нет

13. С чем связаны трудности в учебе?

А) сложный учебный материал

Б) трудно переключиться с родного языка на русский

В) не всегда доброжелательное отношение преподавателей

Г) я учусь не там, где хотел(а) бы, у меня способности в других областях

14. Чем вы планируете заниматься после окончания учебы в институте?

А) Вернусь в родные края и буду преподавать в школе

Б) Вернусь в родные края и буду вести традиционный образ жизни (охота, оленеводство)

Г) Вернусь в родные края и буду работать в администрации (займусь политикой)

Д) Буду заниматься поддержкой и пропагандой своей культуры (организую кружок, ансамбль и т.п.)

Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность

Восьмой конкурс, 2007 год

Татьяна Смирнова[1]

Первая премия, получила специальный приз Сергея Миронова.

Конструирование национальной идентичности в современных российских мультфильмах: Проект «Гора Самоцветов»

Проблема преобладания расиалистского дискурса в официально признанных текстах известна: выступления представителей власти, теле- и радиопрограммы, газетные и «научные» публикации оказываются обширным полем для анализа на предмет наличия языка вражды.

Одной из наиболее распространенных символических ситуаций «активирования» языка вражды стало рассуждение на тему современной российской идентичности. До недавнего времени любая попытка ее конструирования или характеристики сводилась к созданию образа «другого» – так, российская идентичность неизменно виделась негативной; что касается инструментов ее формирования – они не изменились: необходимыми и достаточными оказываются этнические или этнонационалистические концепты.

Особый интерес представляет конструирование национальной идентичности в текстах, ориентированных на детскую аудиторию. Исследование сконцентрировано на анализе произведений с визуальной составляющей – в этом случае мы обладаем не только вербальным описанием акторов, но и их изображениями, и это существенно преображает рассматриваемые фигуры. Оптимальным объектом анализа оказывается мультфильм – популярный, «массовый» детский жанр, обладающий критерием «наглядности» и доступный для трансляции каких-либо идей. Итак, объект исследования – современные российские мультфильмы. Кажется, именно такие – долгосрочные проекты, аудиторией которых является «подрастающее поколение», способны продемонстрировать основные направления политики государства, его «надежды и чаяния».

В 2004 г. был запущен в прокат мультипликационный проект «Гора Самоцветов», где была предпринята попытка активизации мультикультурного дискурса

[1] Санкт-Петербургский Государственный Университет, Смольный Институт Свободных Искусств и Наук, программа «Международные отношения, политология и права человека», 4 курс

и конструирования новой, позитивной национальной идентичности. Цель настоящего исследования – установить, каким образом и согласно каким принципам формируется в нем современная российская идентичность, какие теоретические посылки лежат в основе авторских идей и какой вариант социально-политического устройства в итоге предложен авторами и кураторами проекта.

Агитационно-пропагандистская роль искусства была декларирована еще В.И. Лениным, и официальный советский «научно-искусствоведческий» дискурс был в основе своей выстроен на аксиоме просветительско-воспитательного предназначения. Газетно-журнальные издания, плакат, комикс, а позже – кино и мультипликация превратились в удобный, а главное, эффективный инструмент конструирования советской идентичности и формирования «советского человека».

Советское кинематографическое искусство как инструмент формирования массового сознания, и в том числе – национальной идентичности, наиболее подробно рассматривается современными исследователями в сборнике статей «Советское богатство», изданном в 2002 году[2].

Так, статья Наташи Друбек-Мейер «Mass-message/массаж масс: советские (масс-) медиа в 30-е годы»[3] посвящена описанию искусства сталинского периода с точки зрения его воздействия на людей[4]. Основной тезис Друбек-Мейер заключается в том, что в культуре сталинизма присутствуют не разные виды искусства, а разные масс-медиа, которые в период 1920–1930-х гг. становятся масс-медиа власти. Изменение объекта исследования с отдельных видов искусств на феномен их медиализации позволяет расширить предмет и получить значительный объем данных. Наиболее «предпочтительным» для культуры сталинизма масс-медиа Друбек-Мейер называет звуковое кино: оно обладает «перформативностью», оказывает коллективное воздействие на публику, и наконец, работает и с визуальным, и со звуковым рядом – только тогда субъект полностью вовлекается в виртуальный мир. В конце статьи Друбек-Мейер приводит объяснение интересу Эйзенштейна к мультипликации Диснея: в мультфильме абсолютный

[2] *Балина М.* Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. СПб.: Академический проект. 2002.

[3] *Друбек-Мейер Н.* «Mass-message/массаж масс: советские (масс-) медиа в 30-е годы» // Балина М. Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. СПб.: Академический проект. 2002. С.124–137.

[4] Интересно, что сама возможность тотального воздействия на «массовое сознание» не подлежит серьезной рефлексии, Друбек-Мейер лишь упоминает об условности понятия «тоталитаризма» и тенденциях к возложению вины за преступления, совершенные в СССР, в том числе на советского человека.

приоритет звука, поэтому он и представляет интерес для художника, который непосредственно связан с медиальными стратегиями власти.

Тему медиальности советского кинематографа продолжает Бернд Уленбрух в статье «Инсценировка мифа: о фильме С. Эйзенштейна "Александр Невский"»[5]. В отличие от Н. Друбек-Мейер, Уленбрух настаивает на приоритетной для советской власти 1930-х годов роли «правильного текста», «шрифта», а не медиального воплощения произведения, поэтому фокусирует рассуждение на сценарных вариантах фильма, применяя метод анализа визуальных образов лишь в качестве вспомогательного. Основной вывод и пафос работы Уленбруха заключается в следующем: несмотря на политическое преследование «мифологичности», Эйзенштейну удается создать в полной мере мифологичное произведение, инсценируя аудиовизуальный текст как «лицензированную властью письменность». Таким образом, текст фильма (и вербальный, и аудиовизуальный) содержит элементы как этнонационалистического, так и религиозного дискурса, используемого, в том числе, и в целях конструирования идентичности.

Анализируя программы конструирования национальной идентичности в системе образования, исследователи выделяют ряд существенных недостатков и противоречий как теоретических положений проектов, так и особенностей их практического применения.

Так, В. Шнирельман, описывая специфику школьного преподавания истории как попытки презентации национальной идеи, отмечает: практически все образовательные программы основаны на исчерпавшем себя цивилизационном подходе[6]. Общие допущения подхода (реификация концепта «цивилизации», превращение ее в «носителя культуры», географическая привязка) вкупе с неопределенностью терминологии («цивилизация», «этнос», «культура» становятся взаимозаменяемыми понятиями) превращают его в очередную попытку оправдания «этнического национализма»: единение «народа» трансформируется, таким образом, из нейтрального «единения нации» в пропаганду этноцентризма и этнического национализма. В итоге вместо заявленного единения нации в действительности осуществляется обоснование господства «русского этноса», а строгость «цивилизационных границ» и примордиалистское определение «групповой принадлежности» могут превратить государство в набор «культурных гетто» и впоследствии привести к его распаду.

[5] *Уленбрух Б.* Инсценировка мифа: о фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский» // Балина М. Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. СПб.: Академический проект. 2002. С. 316–327.

[6] *Шнирельман В.* Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм». в кн.: Воронков В. Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейа. 2002. С. 131–145.

Американский исследователь Джон Серл, в свою очередь, описывает дефекты популярной ныне модели мультикультурализма – стигматизацию групп, приоритет коллективного над индивидуальным[7]. Помимо этого мультикультурализм противоречит, казалось бы, заявленному в его рамках принципу равенства культур – в любом случае, какие-либо группы по тем или иным причинам окажутся непредставленными.

Современные образовательные программы, согласно приведенным исследованиям, часто оказываются противоречивыми и не всегда отвечают заявленным целям. С другой стороны, использование массового искусства как инструмента трансляции политических идей дает быстрые и наиболее эффективные результаты. Поэтому, особенно важно проследить, какие именно теоретические допущения лежат в основе проекта, предлагаемого создателями «Горы Самоцветов» в качестве просветительского материала для воспитания «толерантности», каковы принципы презентуемого социального устройства и к каким последствиям может привести их практическая реализация.

Проект «Гора Самоцветов» (реализован московской анимационной студии «Пилот») представляет собой сборник экранизированных сказок разных народов России. Презентация «Горы Самоцветов» состоялась в Кремле, а сам проект проходит при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ. Основные цели проекта – формирование толерантного отношения к другим народам, представление культуры народов, проживающих на территории страны, и сохранение культуры малочисленных народов.

Объектом интереса проекта чаще всего становится этническая группа людей, которая оказывается носителем некой культуры. Пересечение и наложение понятий культура и этнос – классические элементы большинства программ по развитию толерантности и мультикультурному образованию[8]. Более того, подмена понятий становится основной посылкой для дальнейшего анализа принципов, на которых конструируется, очевидно, мультикультурная модель общественного устройства: речь идет не об этнических или культурных, а об этнокультурных группах.

Прежде всего, следует охарактеризовать принцип выбора этнических групп, сказки которых подлежат экранизации в проекте.

Из 25 вышедших в прокат фильмов:

[7] *Серл Дж.* Политика и гуманитарное образование // Отечественные записки № 1, 2002.

[8] См., напр. *Лебедева Н.М.* Межкультурный диалог: Тренинг этнокультурной компетентности. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов; Институт этнологии и антропологи РАН. 2003.

русских сказок – 7; татарских – 2; белорусских – 2; украинских – 2; башкирских – 2; даргинская – 1; карельская – 1; эскимосская – 1; гуцульская – 1; нивхская – 1; армянская – 1; ительменская – 1; уральская – 1; якутская – 1; амурская – 1.

Учитывая количество, например, русских сказок, сложно увидеть связь между имеющимся результатом и заявленной целью сохранения культуры малочисленных народов. Один из режиссеров вводных роликов поясняет: «Естественно, что у нас каких-то сказок больше, что у нас много русских сказок, потому что русских большинство, много татарских [...] а маленьких народностей – по одной сказке»[9].

Оказывается, выбор сюжетов, попадающих в проект, изначально основан на принципе представительства (по некоторым данным, существовала идея не только приблизительного, но и четкого процентного соотношения между численностью населения и количеством экранизированных сказок). Следовательно, мультикультурный проект приобретает еще одну черту: символический «объем» культуры становится напрямую связанным с математическим количеством ее носителей, которые, в свою очередь, могут реализовывать собственные культурные потребности в ограниченных процентным соотношением рамках. А «государствообразующая» этническая группа русских, соответственно, обладает большим объемом культуры.

Однако шанс на собственное представительство у «носителей культуры» все-таки остается: не выбранные изначально сюжеты могут быть экранизированы за счет представителей определенной культурной (этнической) группы. Так, в стадии разработки находится чеченская сказка, не вошедшая в основной корпус фильмов-презентаций, в прокат вышла русская сказка (г. Вологда)[10] – подарок администрации области населению (отсюда, видимо, существование региональных, а не этнических ссылок на первоисточник). Другими словами, культурный лимит группы может быть определен либо количеством ее членов (т. е. тех, кого к ним относят), либо их готовностью материально оплачивать культурные потребности.

Структура проекта следующая: каждой сказке предшествует информационный блок, содержащий общее описание государства и «презентацию» народа, которому сказка принадлежит.

[9] По материалам интервью с одним из режиссеров проекта С. М. от 22.03.07 г.

[10] Русская сказка «Кот и лиса», Бронзит К. в сб. «Гора Самоцветов», Т. 1 / Рубин. 2004.

Политическая составляющая проекта, прежде всего, раскрывается именно в этих заставках: анализируя специфику содержащейся в тексте информации, можно определить не только предлагаемую (конструируемую) создателями модель государственного устройства, но и этой модели особенности.

Начнем с анализа общих сведений.

Каждая заставка начинается словами «Мы живем в России». Далее следует описание государственной символики: «Герб России – золотой двуглавый орел...», ссылка на столицу и обязательная «изюминка» – факт, подтверждающий «самость», уникальность России («Россия – самая большая страна в мире» и т. д.). Необходимо отдать должное режиссерам и художникам заставок – пафос блока значительно снижен за счет формы представления (пластилиновая техника) и адаптированного для детей шуточно-познавательного стиля повествования.

Продолжается ролик описанием народа (или региона), которому принадлежит последующая сказка. Наиболее интересен здесь переход «от общего к частному»: связкой оказывается именно территориальное указание «места проживания» людей; визуально эта зона чаще всего представлена местом на карте: на экране появляется картографическое изображение России, затем камера фокусируется на определенном регионе и «наезжает», приближается к предмету описания.

Отдельно обратим внимание на «народы», не обладающие «титульным» регионом на территории России (белорусы, украинцы, армяне и т.д.): в заставках обязательно упоминается mother-country – государство, в котором «народ» является титульным населением. Убеждение об обязательном существовании mother-country распространено и, естественно, воспроизводится в тестах вводных роликов.

Географическая привязка в описании группы людей – один из наиболее важных моментов для последующей характеристики предлагаемой модели политического устройства. Картина следующая: существует большое государство Россия, объединившее огромное количество народов, каждый из которых живет на четко определенной территории и обладает четко определенной культурой. Концепция, воспроизводимая авторами, является совмещением диффузионистского подхода.

Научные утверждения диффузионизма основаны на «географической привязке» происхождения культурных элементов: «культуры» формируются в определенном географическом пространстве, они обладают собственной территорией и изменяются посредством перемещения ее элементов[11].

Сопоставляя подобные теоретические обоснования с заявленной целью проекта – «формированием толерантного отношения», следует отметить: из диффу-

[11] *Лурье С.В.* Историческая этнология. Москва: Аспект Пресс, 1998. С. 15–17.

зионистского восприятия социального развития вполне естественно вырастает метафора «собственного дома» и «гостей»: каждая «культура» (а учитывая подмену терминов, – и этнос) обладает собственной территорией, и каждый ее «представитель» считает эту территорию родным домом, любые незнакомые процессы рассматривая как проникновение в частное пространство.

Метафоры «дома» и «проходного двора», разделение людей на «хозяев» и «гостей», отражаясь в политическом дискурсе, не только приводят к формированию ксенофобии на бытовом уровне, но и оправдывают многие дискриминационные практики (отказ в регистрации и т.п.). Отсюда «воспитание толерантности» в рамках диффузионистского подхода превращается научное оправдание существующих в обществе мифов или заново конструирует и закрепляет эти мифы в сознании «обучаемых»[12].

Далее, необходимо определить, какая именно информация о «народе» в какой именно форме представлена, и, что наиболее важно, из каких источников эти данные получены.

Один из режиссеров заставок проекта С. в интервью отметил:

«Мы попытались рассказать факты, которые были бы интересны ребенку, на живом языке. В башкирской заставке, например, был забавный текст-пародия на “Винни-Пуха”: “Башкирский мед – самый вкусный в мире, наверное, здесь живут самые правильные пчелы”»[13]. Про Карелию сказано, что там «растут самые вкусные ягоды, самые большие грибы, и летают, не поверите, самые большие в мире комары»[14]. Мы добавили живые, забавные элементы, но в то же время в карельской заставке рассказано и про Кижи, и про Петрозаводск. Так что стараемся найти такой баланс, чтобы это было информативно, интересно, и в то же время доступно ребенку, чтобы он не заскучал»[15].

Действительно, спектр данных, представленных в роликах, широк: от географического описания местности, упоминания достопримечательностей регионального и мирового масштаба до позитивных характеристик и перечисления основных направлений деятельности народа...

Интересно обратить внимание на источники информации. Авторы проекта, безусловно, с ответственностью отнеслись к подбору материала: чтобы подтвер-

[12] *Карпенко О.* «И гости нашего города» // Отечественные записки. 2002. № 6. http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=328 (доступ 13 апреля 2007 г.)

[13] Заставка к башкирской сказке «Лиса-сирота», Гордеев С., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т.2 / Изумруд. 2004.

[14] Заставка к карельской сказке «Про барана и козла», Березовая Н., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т.1 / Рубин. 2004.

[15] По материалам интервью с одним из режиссеров проекта С. М. от 22.03.07 г.

дить «достоверность» данных или выяснить неизвестные детали, они обращаются к экспертам из петербургского российского этнографического музея, в представительства республик, к «носителям культуры – разным людям интересных национальностей, которые пытаются свою культуру сохранить»[16].

Более того, каждая заставка перед официальным подтверждением и запуском в прокат согласуется с «титульным» национальным объединением, дабы информация не стала «обидной» и не выходила за рамки «политкорректности». Так, после демонстрации осетинской заставки специалисту по культуре Представительства Осетии в Москве из текста был убран отрывок о сельскохозяйственной деятельности группы. Просьба специалиста звучала следующим образом: «Уберите, пожалуйста, то, что мы пастухи, то есть мы, конечно, пастухи, но у нас это... не считается достижением»[17].

Столь серьезный подход к источникам информации касается не только роликов-заставок: большинство режиссеров, авторов сценария и художников перед непосредственной работой над фильмом не только посещали Этнографический музей, но и знакомились и этнографической литературой, посещали выставки художников – «носителей культуры» и даже выезжают в указанный регион, общаются с представителями этнической группы, чтобы привнести в сказку «национальный колорит».

«Национальный колорит» каждый режиссер выражает и воплощает в визуальном ряде фильма согласно собственным представлениям. Например, режиссер мордовской сказки (которая еще не вышла в прокат) передал художникам-постановщикам на разработку не только эскизы, но и пейзажные фотографии, фотографии деревенских жилищ, предметов быта, национальных костюмов, сделанные в ходе пребывания в Мордовии и во время посещения этнографического музея[18].

Надо заметить, режиссеры не всегда так тщательно подбирают этнографический материал: многие фильмы оказываются намеренной стилизацией (например, корейская сказка, пока не появившаяся на экранах). Чаще всего сюжеты таких фильмов оказываются сильно адаптированы, упрощены, а философский смысл первоисточника – сведен к опусу про «хорошо и плохо». Персонажи таких сказок – обычно глуповатые и простоватые: один из режиссеров Л. отметил, что глубина произведения доступна не каждому, поэтому серьезные моменты

[16] Там же.

[17] Там же

[18] По материалам интервью с одним из режиссеров проекта С. М. от 22.03.07 г.

следует обсуждать в иронической форме, а иронический персонаж – по определению глуп, но добр[19]. Интересно, что в большинстве случаев адаптируются сказки малочисленных народов (исключение, пожалуй, составят сюжеты про Иванадурака), однако, несомненно, все зависит от степени заинтересованности автора в выражении «национального колорита».

Наиболее значимый в рамках данного исследования момент – включение в понятие «национальный колорит» внешнего вида представителя этнической группы. Если в устных или литературных источниках образ персонажа складывается из вербального описания (или иллюстраций), то в аудиовизуальном произведении он превращается в своеобразную точку отсчета. И суть вопроса оказывается не в том, что персонаж должен как-либо выглядеть, что естественно, а в распространенном представлении о том, что персонаж как представитель этнической группы должен выглядеть строго определенным образом.

Первоначальная гипотеза исследования не оправдалась: авторы, следующие традиции изображения именно носителя культуры, не опираются на иллюстрации к советским или любым другим сборникам сказок. Ориентируясь на этнографическую составляющую, они стремятся как можно «достовернее» показать «настоящего» носителя культуры, обращаясь к экспертам-этнографам и профессиональным «этнохудожникам». Так, на вопрос о чертах лица персонажей режиссер мордовской сказки отвечает:

«Я нашел очень интересного мордовского художника, сам он себя называет “мордовский художник-этнофутурист”. На его картинах очень характерные лица: несмотря на то, что они гипертрофированы, видно, что это мордва. Опираясь на его живопись, я придумал своих персонажей, с такими чертами лица, которые воплотил чисто мордовский художник»[20].

Помимо уже упомянутой связи между фенотипом человека и его этнической принадлежностью режиссер воспроизводит еще одно распространенное убеждение: только носитель культуры (который, кстати, может быть «чистым», настоящим) способен передать некое «экспертное» знание о ней, а все его действия культурно (этнически) обусловлены и могут подлежать только культурно детерминированной интерпретации.

Так, связь антропологических черт персонажа и его этнической принадлежности считается авторами проекта не только аксиоматичным утверждением, но и необходимым приемом для создания «национального колорита» сказки.

[19] По материалам интервью с одним из режиссеров проекта Л. от 22.03.07 г.

[20] По материалам интервью с одним из режиссеров проекта С. М. от 22.03.07 г.

Персонажи русских народных сказок – в большинстве своем обладатели светлых волос и голубых глаз, представители народов Кавказа – темноглазые брюнеты с крупными носами, татарских – круглолицые брюнеты с узкими глазами. Все они одеты в национальные костюмы: отдадим должное художникам, все отвечающие требованиям анимации детали тщательно прорисованы/вылеплены.

Таким образом, уже сконструированная «этнографическая карта» пополняется новыми данными: «этнокультурная» группа людей не только проживает на определенной территории и практикует определенные виды деятельности, но и обладает сходными внешними данными.

Отдельный интерес представляет анализ образов второстепенных, «побочных» персонажей. В стремлении привнести в фильм «национальный колорит» авторы наделяют «этническими чертами» не только действующих лиц первого плана (по логике «чья сказка, тот и герой»), но и персонажей эпизода, чья этническая принадлежность, по всей видимости, объясняется иными принципами.

В белорусской сказке «Как пан конем был»[21] ворами-конокрадами становятся цыгане, образ которых прописан до мельчайших деталей – от стереотипных черных волос, крупных носов, золотых серег и красных рубах до многообещающей реплики «Мы с тобой кого хошь надуем!». При этом ни один литературный источник не содержит каких-либо ссылок на этническую принадлежность незначительных персонажей, в мультфильме представленных глупо-хитрыми бродягами. Следует ли трактовать этот факт как намеренную стигматизацию цыган, выяснить сложно – по всей видимости, это воспроизведение стереотипов сценаристов/режиссеров/членов худсовета, подкрепленное отсутствием рефлексии[22].

Показательный пример несколько другого плана – использование в проекте образа китайцев. В одном из первых фильмов активизируется лишь стереотип многочисленности и внешней похожести: под добродушный комментарий повествователя «Тут их налетело ви-и-идимо-невидимо!» на экране появляется огромное количество идентичных внешне маленьких фигурок[23].

Последняя на сегодняшний день сказка – «Сердце зверя»[24] – апеллирует к более серьезным категориям: китайцы (в характерных треугольных головных убо-

[21] Белорусская сказка «Как пан конем был», Телегин В., Веселова О., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т. 1 / Рубин. 2004.

[22] Интересно, обращались ли режиссеры в поисках информации к носителю культуры, был ли готовый материал согласован с официальным представительством?

[23] Русская сказка «Петр и Петруша», Пронин Ю., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т. 3 / Аметист. 2004–2005.

[24] Амурская сказка «Сердце Зверя», Соколов А., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т. 5 / Сапфир. 2006.

рах) оказываются захватчиками-поработителями, которые жгут селения, убивают мужчин, уводят женщин и... отнимают у детей плюшевых мишек. Вероятнее всего, мы наблюдаем пересечение фобии китайской экспансии и необходимости образа «внешнего врага», которым, согласно известным советским установкам, Восток станет вслед за Западом.

Наконец, завершающий этап анализа – особенности речи персонажей: действующие лица большинства нерусских сказок либо не говорят вообще (их реплики озвучивает рассказчик), либо говорят с акцентом. Например, герой эскимосской сказки в начале фильма говорит на «смешном» непонятном наречии (актуализируется представление о забавности незнакомого языка), и повествователь принимает функции переводчика[25]. Наличие акцента у представителей определенных этнических групп считается естественным – один из респондентов заметил, что «в кавказских сказках оно напрашивается», у других – вызывает трудности – «сложно определить, как этот акцент должен звучать»[26].

Сам процесс придания речи «этнических» интонаций не определен строго: иногда звуковые нюансы прописывает сценарист, иногда это рекомендация режиссера, в некоторых случаях инициатива актера. Отдельные постановщики специально приглашают для озвучивания актеров-носителей языка, чтобы придать полученному акценту «достоверность» и «не обидеть» зрителей:

«Это такая тонкая вещь. [...] Когда актер – не носитель языка, он, допустим, имитирует дагестанский акцент, а дагестанец возьмет и скажет “что это он с грузинским говорит”»[27].

Вообще, многие режиссеры новых фильмов отказываются от «акцентизации» речи персонажей, называя тотальную имитацию ее особенностей откровенной пошлостью и не желая затрагивать тонкие этические вопросы. Один из респондентов отмечает: «К этому [к акценту] нужно очень внимательно относится, иначе это может быстро войти в стереотип. [...] Колорит утрачивается, пошловато получается, если кто-то изображается и говорит обязательно с грузинским, например, акцентом»[28].

На смену пришла новая концепция придания сказке «национального колорита» – в рамках проекта запланировано дублирование фильма на языке оригинала, с использованием местных выражений.

[25] Эскимосская сказка «Про ворона», Алексеев А., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т. 2 / Изумруд. 2004.

[26] По материалам интервью с одним из режиссеров проекта С. М. от 22.03.07 г.

[27] Там же.

[28] По материалам интервью с одним из режиссеров проекта С. Б. от 23.03.07г.

Тем не менее, в существующих фильмах акцент, прежде всего, «напрашивающийся», широко эксплуатируется. Корректировке подлежит даже речь не антропоморфных персонажей – в даргинской сказке с акцентом разговаривают и волк, и старая яблоня[29].

Часто такие персонажи приобретают и антропологические черты: их «черты лица» оказываются похожи на фенотип «стереотипного представителя» этнической группы. Так, персонажи якутской сказки «Непослушный медвежонок» лось, суслик, медведи по задумке авторов наделены узкими глазами[30], а персонажи ительменской сказки – даже одеты в национальные костюмы. Наделение животных «этническими чертами», по словам одного из режиссеров, – также один из принципов придания сказке «национального колорита»[31].

Наиболее интересным примером снова становится импровизация авторов – этнитизация неожиданных действующих лиц. Так, второстепенный персонаж русской сказки «Не скажу» орел разговаривает с «кавказским» акцентом и обладает увеличенным и чрезмерно изогнутым клювом[32]. Кто именно внес вклад в становление образа – неясно: акцент мог быть инициативой актера, а внешний вид – ассоциациями художников после прослушивания текста, возможно, влияние оказали рекомендации режиссера[33]. Тем не менее логика вышеописанной этнической карты сработала уже на участниках процесса: персонажи, которые живут на известной территории (в данном случае – в горах), должны теперь не только выглядеть, но и разговаривать определенным образом.

В итоге картина конструирования этнического дискурса в обществе вырисовывается довольно четко.

Политическая потребность в популяризации мультикультурного проекта реализуется посредством массового, публичного детского жанра. При этом сам проект изначально апеллирует групповыми (а точнее – этнокультурными) категориями, однако из простой советской модели сборника сказок народов СССР, удовлетворяющей критерию «многонационального», но игнорирующей критерий

[29] Даргинская сказка «Шейдулла-лентяй», Шарафутдинов Р., Гордеев С., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т. 1 / Рубин. 2004.

[30] Якутская сказка «Непослушный медвежонок», Березовая Н., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т. 5 / Сапфир. 2006.

[31] Ительменская сказка «Ворон-Обманщик», Кузнецов А., реж., в сб. «Гора Самоцветов», Т. 4 / Янтарь. 2005–2006.

[32] Русская сказка «Не скажу», Чернова Е., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 4 / Янтарь. 2005–2006.

[33] Процесс озвучивания может проходить до появления эскизов персонажей, параллельно с работой художников или с использованием уже готовых визуальных материалов.

«единого» государства, он трансформируется в развлекательно-просветительский мультипликационный сборник сказок народов России.

Профессионалы-мультипликаторы, вдохновленные доброй идеей объединения разных «народов», искренне стремятся наглядно показать его самобытность, уникальность и красоту его культуры, что в этнографических рамках неплохо и даже похвально, но не отвечает главной заявленной цели «Горы Самоцветов». Так, режиссеры и художники, в свою очередь, обращаются к экспертам, чья точка зрения изначально этнически детерминирована (ученые-этнографы, представители национальных объединений и т.д.). Появляется готовый продукт с «этнокультурным компонентом».

Идеи, цели и форма проекта вдохновляет профессионалов, и они прилагают максимум усилий для расширения сферы действия проекта[34]. Потребитель с успехом усваивает изложенные положения мультикультурализма и демонстрирует вполне закономерные реакции: в лучшем случае – этнические стереотипы, в худшем – практическое соблюдение принципов «этногеографической карты».

Программа по толерантности не сработала, круг замкнулся.

Наконец, принципы предлагаемого мультикультурного проекта ясны.

Во-первых, групповые категории, на которых он основан по определению, из культурных превратились в этнические, «этнокультурные», что, в свою очередь, превращает проект в попытку конструировать не национальную (гражданственную), а этнонациональную идентичность (и в успехе этой попытки сомневаться, к сожалению, не приходится).

Во-вторых, вместо общего для мультикультурализма положения о равенстве культур проект «Гора Самоцветов» приводит в действие принцип культурной представленности, выстраивает вполне различимую иерархию от культуры большинства – к культуре наиболее многочисленного меньшинства и далее по убыванию. Идея представительства, по мнению одного из критиков мультикультурализма Ф.-О. Радтке, закрепляет существующие идентичности, утверждает восприятие человека через его «групповую принадлежность». «Культурная принадлежность» становится «неотъемлемым благом», а желание каждого человека осознавать символическую представленность «собственной культуры» воспринимается как априорное. Если благо это возводится «в антропологическую константу, резонно предположить, что непризнание этого блага будет необходимым образом вести к оскорблению коллективного достоинства и к конфликтам»[35].

[34] Многие школьные учителя используют мультфильмы как наглядный материал в работе по программе «Толерантность».

[35] *Радтке Ф.-О.* Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред.В.С. Малахова и В.А. Тишкова, М.: РАН; Институт этнологии и антропологии; Институт философии, 2002. С. 113.

Воплощение принципов такой «этнокультурно-географической» системы может привести не только к формированию у зрителей этнической картины мира, но и к реальным дискриминационным и сегрегационным практикам. Учитывая действенность выбранной для трансляции идей формы – мультипликационных фильмов – выводы неутешительны.

P.S. В 2006 году стартовал новый проект студии «Пилот» и ее партнера компании «Аэроплан» под названием «Мы живем в России» («Мультироссия») – сборник анимационных миниатюр о разных «народах», регионах и городах России. Цели проекта, структура, методы их создания напоминают принципы существования роликов-заставок «Горы Самоцветов». За некоторым исключением – рассказчик-повествователь в «Мультироссии» визуализирован и представлен в образе медведя, рассказывающего детям об уникальности их страны. Завершающий кадр каждого ролика – бурый медведь на фоне российского флага, объявляющий: «Люди разные – а страна одна».

Авторы проекта отрицают политическую подоплеку анимационных фильмов и всякую связь с символом партии власти, однако пафос аудиовизуального материала все-таки вызывает определенные ассоциации.

Литературные источники

1. *Уленбрух Б.* Инсценировка мифа: о фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский» // *Балина М. и др.* (ред.) Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Х. Гюнтера. СПб.: Академический проект, 2002.
2. *Карпенко О.* И гости нашего города // Отечественные записки, 2002, №6. http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=328 (доступ 13 апреля 2007 г.)
3. *Лебедева Н.М. и др.* Межкультурный диалог: Тренинг этнокультурной компетентности. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов; Институт этнологии и антропологи РАН, 2003.
4. *Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998.
5. *Друбек-Мейер Н.* Mass-message/массаж масс: советские масс– медиа в 30-е годы // *Балина М. и др.* (ред.) Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Х. Гюнтера. СПб.: Академический проект, 2002.
6. *Радтке Ф.–О.* Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия // *В.С. Малахов и В.А. Тишков* (ред.) Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: РАН; Институт этнологии и антропологии; Институт философии, 2002.

7. *Серл Дж.* Политика и гуманитарное образование // Отечественные записки, 2002, № 1.

8. *Шнирельман В.* Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // *Воронков В. и др.* (ред.) Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейа, 2002.

Видеоисточники

1. Амурская сказка «Сердце Зверя», Соколов А., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 5/Сапфир. 2006.

2. Белорусская сказка «Как пан конем был», Телегин В., Веселова О., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 1/Рубин. 2004.

3. Даргинская сказка «Шейдулла-лентяй», Шарафутдинов Р., Гордеев С., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 1/Рубин. 2004.

4. Заставка к башкирской сказке «Лиса-сирота», Гордеев С., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 2/Изумруд. 2004.

5. Заставка к карельской сказке «Про барана и козла», Березовая Н., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 1/Рубин. 2004.

6. Ительменская сказка «Ворон-Обманщик», Кузнецов А., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 4/Янтарь. 2005–2006.

7. Русская сказка «Кот и лиса», Бронзит К., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 1/Рубин. 2004.

8. Русская сказка «Не скажу», Чернова Е., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 4/Янтарь. 2005–2006.

9. Русская сказка «Петр и Петруша», Пронин Ю., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 3/Аметист. 2004–2005.

10. Эскимосская сказка «Про ворона», Алексеев А., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 2/Изумруд. 2004.

11. Якутская сказка «Непослушный медвежонок», Березовая Н., реж., в сб. «Гора Самоцветов», т. 5/Сапфир. 2006.

Интервью с режиссерами проекта «Гора самоцветов» С. М., С. Б., Л., (22–23 марта 2007 г.).

Николай Карбаинов[1)]

Второе премия и специальный приз памяти Николая Гиренко

«Эй хунхуз куда идешь?! Здесь братва и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ

В данной статье я хочу рассмотреть феномен «уличных войн» в столице Бурятии между молодежными группировками с 50-х годов XX в. до настоящего времени. В последние годы тема молодежных группировок Улан-Удэ вызвала большой интерес среди исследователей[2]. В целом это феномен в отечественной науке стали исследовать с конца 1980-х гг. в рамках криминологии и социологии девиантного поведения[3]. Согласно А.Л. Салагаеву и А.В. Шашкину, молодежным группировкам свойственны следующие характеристики: установленная возрастная стратификация, жесткая формальная иерархия и организация: распределение ролей, обязательные сборы членов, собирание «дани» и вкладывание денег в общую кассу, участие в групповых драках, «охрана» территории и т. п[4].

Для нескольких поколений жителей Улан-Удэ молодежные группировки были, по их словам, «школой жизни», или, переводя на научный язык, одним из институтов социализации. Существование этих группировок очень сложно

[1] СПбГУ, факультета социологии, аспирант

[2] *Халудорова Н.* Молодежь Улан-Удэ: «султанки», «генералы», «чанкайшисты» и другие // Вестник Евразии, 1996, № 1. С. 167–172; *Бадмаев А.* Неформальные молодежные ассоциации в Улан-Удэ // Вестник Евразии, 2002. № 1 (16). С. 89–103; *Митупов К.* Группировки семидесятых: воспоминание-комментарий к статье А. Бадмаева // Там же. С. 104–109; *Карбаинов Н.* Формирование городской субкультуры Улан-Удэ (неформальные молодежные объединения 50–90 гг. XX века) // Евразийское пространство глазами молодых, или Новое поколение о… Альманах Школы молодого автора 2003. Вып. 2. М., Наталис, 2004. С. 220–228; *Карбаинов Н.* «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) // Вестник Евразии, 2004. № 2 (25). С. 170–183.

[3] *Салагаев А.Л., Максудов Р.Р.* Подросток в городе: проблема социализации. Казань, 1988; Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990; *Агеева Л.В.* Казанский феномен: миф и реальность. Казань, 1991; *Прозуметов Л.М.* Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993; *Булатов Л.М., Шеслер А.В.* Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Казань, 1994; *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002, T.V, №1. С. 151–160; *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Молодежные группировки – опыт пилотного исследования // Социс. 2004, №9, с. 50–59 и др.

[4] *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Молодежные группировки – опыт пилотного исследования // Социс. 2004, № 9. С. 50.

представить без «уличных войн» между ними. В данном случае метафора «уличные войны» принадлежит не мне, а моим информантам. Так, например, один из них отмечал: *«Это были не просто стычки пацанов, это были войны, уличные войны ... резали и убивали по-серьезному»*. В этой статье я прежде всего сделаю акцент на «идеологиях» противоборствующих сторон в «уличных войнах». Важная составляющая часть «уличной идеологии» – это конструирование образа «врага»/«чужака»: *«Они были чужими и только за это их надо было бить»*. Мне интересно посмотреть, как изменялся образ «врага»/«чужака» в историческом контексте и какие формы он приобрел в настоящее время.

При сборе эмпирического материала автор использовал следующие методы исследования: интервью, как с представителями современной молодежи Улан-Удэ, так и с представителями старших поколений, метод включенного наблюдения (первоначально «неосознанного», так как сам автор – коренной улан-удэнец). Также весьма важным источником для написания статьи выступили сообщения с форумов, информация с сайтов Интернет, публикации местной республиканской прессы.

«Пацан Властелин Земли!»

За точку отсчета своего повествования я возьму 30–50-е годы XX века. Именно в этот период Улан-Удэ было суждено превратиться из уездного купеческого городка (до 1934 г. Верхнеудинск) в крупный промышленный центр Восточной Сибири, столицу национальной республики. Улан-Удэ, как и многие другие города СССР, в 1930–1950-е годы формировался как совокупность рабочих поселков при промышленных предприятиях. В результате социальное пространство Улан-Удэ к 1950-м годам стало представлять собой конгломерат разрозненных самодостаточных поселковых миров. Именно на этой основе стали создаваться так называемые *чавские бражки: Зауда, Батарейка, ПВЗ (или Пацанка; ПВЗ – «Пацан Властителин Земли!»), Шишковка (или Водопад), Мясокомбинатовские (пос. Мясокомбината), Стекольские (пос. Стеклозавода) и др. Чавы (или братва, братки)* – это общее самоназвание всех этих молодежных группировок. *Чавы* – своеобразная социальная среда или образ жизни молодежи рабочих поселков. Первоначально в *чавских* группировках состояли дети из семей рабочих, в основном русские. Причины этого во многом кроются в особенностях урбанизации Улан-Удэ. Так, с 20-х годов XX века активное участие в заселении города приняли представители «титульной» нации – буряты. Именно в Улан-Удэ, который получил в 1923 г. статус столицы Бурят-Монгольской АССР, устремился основной поток бурят-переселенцев. Этому весьма способствовала политика властей, направленная на *«коренизацию»* и *«создание национального отряда рабочего класса»*. При этом буряты, прибывающие в город, охотнее включались в ряды *«интеллигенции»* (партийные кадры, преподаватели вузов, врачи, работники культуры и т.п.), чем в ряды *«рабочего класса»*, который в основном пополнялся русским населением. В дальнейшем этот фактор проявился как тенденция к «классовому» воспроизводству, когда дети из семей бурятской интеллигенции шли по стопам своих родителей, получая высшее образование и место работы в «непроизводственной» сфере, а дети из русских рабочих семей становились продолжателями *«трудовых династий»*, работая на заводах и фабриках.

На формирование *чавского* образа жизни большое влияние оказал *блатной* тюремный мир. Интенсивный рост населения за относительно короткий период времени породил многочисленные социальные проблемы: жилищный кризис, рост преступности и т. д. Сложная социальная ситуация способствовала влиянию тюремной культуры на жителей города. Это влияние еще более возросло после войны: «безотцовщина», массовые амнистии заключенных после смерти Сталина. Многие бывшие заключенные оседали в Улан-Удэ на рабочих окраинах. Как поется в одной из дворовых песен:

«Есть на свете город небольшой,
Славится он речкой Селенгой.
Здесь каждый третий – вор, бандит,
И каждый день ты будешь бит.
Ах, Улан-Удэ, любимый мой!»

Влияние *блатного* мира на молодежь рабочих поселков выражалось, например, в сборе *общака* (сбор денег, продуктов и вещей для помощи заключенным), в использовании таких понятий, свойственных тюремной среде, как: *«Все менты – суки!»*, *«От каждого немножко – не кража, а дележка!»*, *«Стремись к общему!»*. Авторитетом среди *братвы* пользовались лишь те, кто сделал *ходку* (т. е. побывал за решеткой), а еще лучше – несколько *ходок*. В разговорах *чавы* активно использовали тюремный сленг – *феню*.

Интересно также отметить влияние цыганского языка, которое нашло отражение в *чавском* сленге. Так, само слово *чава*, происходит от цыганского *«чавело»* – брат. В *базаре* (от слова *«базарить»* – говорить) *заудинских братков* имелись следующие фразы цыганского происхождения: *«Терде чава!»* – стоять чава!; *«Яводарик!»* – иди сюда!; *«Лаве исы?»* – деньги есть?; *«Нане»* – нет; *«Девала!»* – погляди!; *«Авэн!»* – пошли!; *«Рая!»* –милиция и др.

Стандартная одежда *чавы* где-то уже в 60–70-е годы состояла из следующих элементов: в теплое время года – на голове *бакланка* (кепка), пиджак большого

размера – *лепень*, рубашки навыпуск, штаны-клеш, на ногах домашние тапочки; зимой – *телаги* – телогрейки, мохеровые кепки. На улицах города *чаву* можно было узнать не только по жаргону и одежде, но и по своеобразной походке вразвалочку.

Один из информантов, кроме деления *братвы* по территориальному (поселковому) признаку, предложил еще одно деление, по которому все *чавские* объединения делились на *басоту* – низшие слои *братвы* и ее «элитный слой» – *шпану*. Так, к *басоте* он относил *водопадовскую братву* (поселок Шишковка), а к *шпане – путейских* (район железнодорожного вокзала). Отвечая на вопрос: *«В чем различия между ними?»*, информант привел в качестве примера следующую историю: *«Просыпается браток, который из басоты будет, после пьянки и базарит:* "*Опа-на, где мой садык* (шапка – Н. К.)?!" *На что ему кент* (друг, товарищ – *Н. К.*) *отвечает:* "*Ты че, братан обострячешься?! Твой садык по шпане ушел. Возьми мой садык!*" *В подобной ситуации шпанец сказал бы:* "*Кто скрысячил мой садык? Надо догнать!*" *Для басоты безразлично у кого воровать,* "*Я не воровал, а ущипнул*", *то шпана простых людей трогать не будет, но с большой охотой обворует богатеньких, интеллигентов, государство, так как они нас сами обворовывают»*. Влияние тюремной культуры на молодежь рабочих поселков вовсе не означает, что все молодые люди уходили на *зону*, но, так или иначе, *чавская* среда продолжала транслировать свои ценности на подрастающие поколения.

Периодически *чавские бражки* вступали в столкновения с друг другом – «стенка на стенку», но излюбленным объектом травли для *чав* были *«налимы»*. Так *чавы* презрительно называли представителей бурятской молодежи. Как мне говорил один из участников *чавской бражки* конца 1950-х годов: *«Мы любили ходить на рыбалку и ловить жирных налимов* (Смеется. – *Н. К.*) *...Понаехали налимы из улусов и заняли все жирные места! Вот мы и заставляли их сынков делиться с братвой!»*

В 1960–70-е годы ситуация на улицах города кардинально меняется – у *чав* появляются сильные конкуренты – группировки *чуваков*.

«От моста до ПВЗ нет сильнее HHZ!»

В 60–80-е годы население Улан-Удэ продолжает расти, и город продолжает интенсивно застраивается новыми благоустроенными районами. В результате в Улан-Удэ стал ощущаться социально-территориальный контраст: с одной стороны, элитные благоустроенные микрорайоны (например, так называемое «Дворянское гнездо»), а с другой – барачная застройка рабочих окраин. Эти обстоятельства способствовали росту напряженности в молодежной среде. *Чавы* из рабочих поселков, по рассказам информантов, все сильнее подвергали пре-

следованию молодых жителей новостроек. Как ответная реакция на давление *батарейских,* в центре Улан-Удэ возникает объединение *гортоп*. В начале 70-х годов в Октябрьском районе как ответ на преследования со стороны *заудинских*, появляется *организация чанкайшистов* (*чанок*) – ул. Геологическая, Терешковой, Ключевская. Эти группировки стали первыми объединениями *чуваков*. Первоначально *чуваки* себя позицировали как *«бурятские команды»*, которые защищались, по словам информанта, от *«синих русаков»*.

Несколько позже появляются другие команды *чуваков*: *хунхузы* (ул. Профсоюзная), *проспектовские* (проспект Победы), *LST – 63* (Lenin street 63 – по названию двора дома, в котором оформилась эта *организация*) и др. После того как в 70–80-е годы в Октябрьском районе города были построены так называемые *Квартала*, в них возникают близкие по многим характеристикам с *чуваками* организации пацанов – *шошоны*, *генералы* (обе – ул. Павлова, школа № 35), *делавары* (20-й квартал, школа № 17), *самураи* (41–44 кварталы), *анархисты* (часть ул. Терешковой – *«Анархия»*), *гунны* (ул. Солнечная – *«Гунния»*) и др.

В отличие от *чав*, влияние криминального мира, по крайней мере до перестройки, на *чуваков* было минимальным. Отсутствовала связь с *зоной*, не собирался *общак* и т. д. *Чуваки* предпочитали одеваться в костюмы, плащи, дубленки, галстуки, туфли, джинсы, тем самым подчеркивая свой высокий социальный статус. Так, один из информантов называл *чуваков – «джинсовыми командами»*. Одежда становилась важным индикатором, по которому можно было отличить «своего» от «чужого»: *«Хунхуз не должен был быть неопрятным и если он приходил на пятак* (место сбора. – *Н. К.*) *в непоглаженных гэлсах* (расклешенные брюки. – *Н. К.*), *получал по морде»*.

В 1960–70-е годы городское пространство представляло собой поле боевых действий между различными группировками: *«За 1988 г. неформальными группировками организовано в районе четыре массовых драки, в которых с каждой стороны участвовало от 10 до 50 человек. Многие из них были вооружены палками, камнями, ножами. Эти драки были своевременно прекращены органами милиции. Однако 31.08.88 года при столкновении группировки* "*ЛСТ-63*" *(Советский район) с группировкой* "*самураев*" *одному из них было нанесено ножом тяжелое телесное повреждение, опасное для жизни»*[5].

При этом столкновения происходили не только между *чавами* и *чуваками*, но имели место и внутри перечисленных лагерей. Для примера, *чанкайшисты* вступали в «войну» с *ЛСТ-63*, или п*эвээвские* выясняли отношения с *аршански-*

[5] Откуда взялись «Чанки» и прочие…? // Молодежь Бурятии, 18 марта 1989.

ми. Для более успешной борьбы многие команды сколачивали коалиции. Но при этом *чуваки* создавали коалиции с другими *чуваками*, а *чавы* тяготели к *чавам*. Чаще всего столкновения происходили в дни проведения дискотек в местах отдыха молодежи: Городском парке культуры (или *Огороде*), парке им. Орешкова, ДК «Строитель» и др. Также излюбленным местом драк были городские пляжи. В бой участники группировок шли под своими боевыми кличами: *чанкайшисты – «Уги-няс!», проспектовские – «Проспект – няс!», хунхузы – «Ураг-ша!»* (что в переводе с бурятского языка означает «Вперед!»; *«Наша банда велика, клич хунхузов: «Урагша!»), шошоны – «Let it be!»* (по названию песни «Beatles»), *LST-63 – «Viva LST – 63!», генералы – «С нами бог!», делавары – «Viva fort!», новянка – «Кич – А!»* и др. На домах и на заборах нередко можно было встретить граффити, с помощью которых различные *движения* метили свои территории (HHZ – *хунхузы*, CHKSH – *чанкайшисты* и т.д.), а также надписи с угрозами в адрес врагов: *«Эй браток куда идешь? Здесь хунхуз и ты умрешь!»* или *«Эй хунхуз куда идешь? Здесь братва и ты умрешь!»*.

С конца 70-х годов наиболее сильные организации чуваков начали создавать *(«выводить»)* по всему городу свои филиалы: у *чанкайшистов* это были «шанхаи», у *хунхузов* – «цинхаи». Так *чанки* создали семь «шанхаев»:

«Семь «шанхаев» – много нас.

Вместе крикнем: «Уги – няс!»

Если *чанкайшисткие* «шанхаи» были в основном сосредоточены в Октябрьском районе Улан-Удэ, то «цинхаи» *хунхузов* уже к началу 90-х годов были разбросаны по всему городу.

«От моста до ПВЗ,

Нет сильнее HHZ!»

HHZ – это абрревиатура выполняла роль эмблемы для всех *хунхузов*, с помощью которой они метили свои территории. К этой абрревиатуре лишь оставалось добавить номер того или иного «цинхая»: «Первый цинхай» (HHZ-1) – находился в центре Улан-Удэ, по улице Профсоюзной (где, собственно и зародилось *движение хунхузов*); «нулевой цинхай» (HHZ-0) – на проспекте 50-летия Октября (несмотря на свою «цифру», возник он позже «Первого»); «Пятый цинхай» (HHZ-5) – в 47-м квартале; «Третий цинхай» (HHZ-3) – на Шишковке; «Четвертый» (HHZ-4) – на *«Пентагоне»* (ул. Норильская); а «Седьмой» – на ПВЗ в районе улиц Октябрьской и Комсомольской. При этом последние три «цинхая» возникли в районах традиционного базирования *чав*.

Увеличение численности *чуваков*, их большая сплоченность и организованность, привели к тому что *чавы* из рабочих поселков со временем были вынуждены перейти от экспансии к обороне «своих» территорий. Как поется в одной дворовых песен:

А мы ребята с Зауды,

Мы не боимся «Чанкайши!»

Они кричат нам: «Уги-няс!»

А мы кричим им: «Х... в глаз!»

Несмотря на поддержание духа подобными песнями, реальный перевес сил был в то время все-таки на стороне *чуваков*.

Если в 60–70-х годах для движений улан-удэнской молодежи было характерно деление их по социально-этническому принципу, когда чавы – это в основном жители рабочих поселков, русские, а чуваки – жители благоустроенных районов, буряты, то в 80-х годах состав группировок становится все более и более смешанным, вне зависимости от социального и этнического происхождения. При этом наиболее активно этот процесс шел у чуваков. Именно в этот период для улан-удэнской молодежи наметилась тенденция, когда этничность в «уличных войнах» перестает выполнять роль границы между группировками: *«Это было в начале 80-х. Я тогда еще провинциальный пионер, брел по столице и решил искупаться в Селенге, в районе автовокзала. И вот, значит, купаюсь, радуюсь жизни, подходят веселые ребята, приличные такие, и спрашивают, мол кто я, чава или чувак, а я так честно говорю, что вы, ребята, я – бурят. Они поугарали, похлопали по плечу и попросили померить мои новые кроссы, привезенные из Болгарии. Без задних мыслей разрешаю примерить, конечно. Они одели, попрощались вежливо и ушли. Благо, было лето»*[6].

К середине 90-х годов разница между *чуваками* и *чавами* начинает стираться и в отношении к криминальному миру. Если первоначально группировки *чуваков* противостояли влиянию тюремного мира, то с приходом рыночных отношений они все больше и больше начинают втягиваться в криминальную жизнь города. Например, к середине 90-х годов в районе Шишковки существовали две противоборствующие *организации:* «Третий цинхай» (*третьевские хунхузы*), которые считали себя *чуваками,* и *колонисты* (CLN – 3), которые относились к *чавам*. Но та и другая имели схожий социально-этнический состав участников, были связаны с *зоной*, обе *«уделяли на общак»*, принимали активное участие в рэкете и разбое и т. д.

В результате в середине 1990-х годов городские группировки перестают существовать в той форме, в какой они существовали до этого времени, их противостояние теряет прежний смысл. Этому также способствовала политика ор-

[6] Форум «сайт Бурятского народа». Тема: «Как нам республику назвать, или страна Головария» // buryatia.org

ганизованной преступности направленная на «объединение» города – создание единой *шпаны*: *«Зачем вы деретесь, если вы уделяете в один общак?!»* Снятию противоречий между городскими группировками также способствовало усиление сельско-городской миграции.

«Головар хама угэ, места нет в Улан-Удэ!»

Как я уже говорил, в 90-е годы противостояние между городскими движениями теряет прежний смысл и с этого времени более важной границей между «своими» и «чужими» становится граница между *городскими* и *головарами*.

Еще в 70-е годы, несмотря на противостояние *чав* и *чуваков*, все разногласия забывались, когда речь заходила о борьбе с *головарами*. Так называли и называют представителей сельской бурятской молодежи, которая прибывала в Улан-Удэ в основном за получением образования. Есть несколько легенд происхождения слова *головар*. Одна из них гласит: деревенские ребята, плохо зная город, все свои встречи назначали у «Головы» – памятника Ленину на площади Советов – центральной площади Улан-Удэ. Отсюда и *головар*. Сельские ребята никак не вписывались в сложившуюся систему отношений по поводу городского пространства: *«У них не было своей территории, они были чужими, и только даже за это их нужно было бить!»*. Чтобы как-то противостоять городским *движениям*, сельчане были вынуждены создавать свои группы, которые формировались либо по месту учебы, либо по земляческому принципу. И если до 90-х годов они только защищались, то в дальнейшем они перешли в наступление, и Улан-Удэ, как полушутливо говорили мои друзья, подвергся *головаризации*. Город стал контролироваться *головарскими* группировками, или командами «спортачей», как они сами себя называют.

В настоящее время, несмотря на разнородность городских (это может быть и «продвинутый» представитель «золотой» молодежи, и панк-«неформал», и «правильный пацан», живущий по «понятиям»), есть то общее, что их объединяет, – это негативный образ «чужого», «некультурного», т.е. *головара*. *«Вот что я думаю о головарах: 1) Как правило, это сельский бурят, но не обязательно; 2) Не отягощен высшим образованием, но бывают исключения; 3) Плохо говорит по-русски, иногда и по-бурятски, не связывает слов без мата, причем даже в эпистолярном жанре; 4) не знает, что такое эпистолярный жанр и вообще его словарный запас состоит в основном, из жаргонных и блатных выражений; 5) любит выпить, причем пьет все что горит; 6) редко бывает в городе, основной приток головаров идет при поступлении на учебу, где головары долго не задерживаются; 7) любит подраться в пьяном виде, желательно с людьми из других районов. Обычно*

безобиден; 8) не любит городских; 9) слушает «Руки вверх», «Стрелок» и Ваню Кучина. В общем – неинтеллигентный тип»[7].

То, что *головар* – это прежде всего сельский житель, имеется в представлениях многих *городских*. Так, в жаргонном словаре на сайте «Самое о самых» дается следующее ироничное определение: *«Головар – житель сельской местности, несколько обалдевший от городской жизни»*[8]. Или вот еще мнения с форумов Интернета: *«Не каждый выходец из деревни – головар, но каждый головар – выходец из деревни. Это факт... Характеристика головара: 1. из деревни, 2. борец, 3. имеет поддержку среди «огородившихся» борцов»*[9].

Для *городского* в Улан-Удэ досуговое социальное пространство четко разграничено: есть места, где собираются одни *головары*, следовательно, *городскому* там делать нечего, и места, где можно нормально расслабиться: *«Ну и где могет нормальный чел отдохнуть в городе?...амый ужасный и стремный клуб из мне известных – это "Восточные Ворота" (ул. Геологическая). При желании, с входными в 50 рублей, попивая газировку из пластмассовых одноразовых стаканчиков (или что другое), толкаясь и ругаясь с головарами города, под черт поймешь какую музыку и портя себе тусовочное настроение, милости просим...»*[10].

Городские фиксируют свое отличие от головаров также на уровне одежды: *«Не обладающие даром физиогномистов, отличающих наивные лица головаров от непростых ликов "продвинутых", безошибочно узнают головаров по китайским "гриндерам", тайваньским толстовкам и шапкам-домикам»*[11].

Важной чертой, которой наделяют *городские* образ *головара* – это его грубость и агрессивность: *«...проявление высшего восторга у него такое: ЖЖЖЖЕСТКО, МЛЯ!!! Высший комплимент в его устах: ЖЖЖЕСТКИЙ ХРАСАВЧИК, МЛЯ!! Самая жестокая угроза: Проход ноги, мля! Бросок через бедро! На пике возмущения он говорит: Ты, чо, Нах..., НАПРЯЖЕЕЕНКААА ЖЕЛАЕШЬ!»*[12].

Приезжая в Улан-Удэ, сельская молодежь попадает в чуждое для нее социальное пространство, в котором необходимо адаптироваться. Разумеется, это социальное пространство занято освоившими город с детства *городскими*, которые

[7] Форум «сайт Бурятского народа». Тема: «Как нам республику назвать, или страна Головария» // buryatia.org

[8] «Самое о Самых». Жаргонный словарь // www.baikalmet.ru

[9] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема: «Убей головара» // buryatia.org

[10] «Самое о Самых». Жизнь глазами Самых (истории и рассказы) // www.baikalmet.ru

[11] *Бадуева Н.* Современные зунтугло, головары и прочие… // Информ Полис, 3 декабря 2003.

[12] Форум «сайта Бурятского народа». Тема «Правила настоящих улан-удэнцев» // buryatia.org

живут по своим «правилам» и которые пытаются навязать свою «картину мира» приезжим сельским ребятам. Одно из центральных мест в этой «картине» занимает противопоставление *городских головарам*. *«После окончания школы я приехала в Улан-Удэ, чтобы поступать в университет... когда я шла на первый экзамен, встретила двух городских девиц. Они на меня так презрительно посмотрели, а когда оказались за спиной, одна из них сквозь зубы произнесла:* "*Вон головарка прошла!*". *Правда, я тогда не поняла, что это значит»*.

По моему мнению, для того чтобы адаптироваться к городу, сельским ребятам приходится выбирать одну из двух стратегий: либо стратегию принятия, либо стратегию отрицания. Первая стратегия предполагает, что сельчанин принимает стандарты городских и стремится им соответствовать. И тем самым преодолевает в себе «головарство»: *«Когда начала жить в Улан-Удэ, я была такой головаркой: одевалась как головарка, вела себя как головарка! А сейчас я чувствую, что я ничем не отличаюсь от городских!»*. Выбравшие эту стратегию стремятся устанавливать новые социальные контакты: *«Поначалу я в основном общался с земляками с моего села, района, прошло пять лет, и сейчас большинство среди моих друзей городские»*. Иногда эта стратегия понимается очень упрощенно. Это хорошо показано, пусть и в утрированной форме, в следующем анекдоте: *«Приехали как-то два головара в Улан-Удэ, походили, побродили маленько, а на них никто не обращает внимания и разговаривать с ними не хотят. И вот думают, как же им городскими стать. И тут кто-то им сказал, чтобы стать городским, надо залезть на голову Ленина. Пошли они на площадь Советов и давай карабкаться на голову, но залезть так и не смогли. Тогда один из головаров говорит: ты меня подсади, и тогда я залезу на голову. Тут другой головар его подсадил, и тот залез на голову Ленина и сидит там. А второй ему давай кричать, мол, давай я тоже залезу. А тот, который на голове, говорит ему:* "*иди на фиг, головар хренов!*"». Вторая стратегия направлена на отрицание установок *городских* и на создание своей схемы восприятия. Что удивительно, так это то, что понятие *головары* в этой схеме также продолжает активно использоваться, но при этом в несколько ином смысле. Это понятие в представлениях многих сельских ребят теряет тот социально-этнический смысл, которые вкладывают в него городские. *«Все-таки не каждый сельский бурят, откуда-нибудь с Курумканского или Еравнинского района, есть головар. Я, например, всю сознательную жизнь, по крайней мере ее большую часть, прожил в деревне, и ничуть не стыжусь этого»*[13], *или «Что вы понимаете под термином «головар» г-да горожане? Если головар, по мнению многих продвинутых ребят, это сельский житель то я – головар. Если же под словом головар понимать некую мировоззренческую позицию, на которую есть хорошее русское слово жлобье, то да, жлобье маст дай»*[14].

Взамен дихотомии *«городские и головары»* сельчане пытаются ввести противопоставление по линии *«мы и головары»*. Слово *головар* становится в устах некоторых сельчан ругательством: *«человек, для которого нет ничего святого, в общем, моральный урод»*. Часто оно обращено на уроженцев других сельских районов: *«У нас в Усть -Орде головаров нет, но их много приезжает с Тунки, Закамны...»* Среди выбирающих вторую стратегию более важным является общение с земляками из своего села, района (которые, разумеется, не являются в их представлениях *головарами*), чем приобретение новых социальных контактов. В результате даже на городских они смотрят через призму землячеств: *«В городе нет городских, а есть тункинские, хоринские, баргузинские и другие землячества»*. Тем самым подвергается сомнению существование единства *городских*, и их «право» на символическое доминирование в социальном пространстве Улан-Удэ. В то же время слабость земляческих отношений среди *городских* воспринимается как существенный недостаток: *«Городские оторвались от корней, они не чтят традиций, не уважают старших...»*. Все это создает в глазах сельчан легитимность действий, направленных на подчинение социального пространства города. Часто эти действия находят свое выражение в физическом насилии против *городских*, по принципу – *«не мы их, так они нас!»*.

***

Таким образом до 80-х годов XX века молодежные группировки Улан-Удэ формировались по этносоциальному принципу – «русские чавы» из рабочих поселков и «бурятские чуваки» из «центра», и соответственно в «уличных войнах» конструировались этнически окрашенные образы «врага» – «налим», «синий русак». В 80-е годы состав группировок становится все более и более смешанным, вне зависимости от социального и этнического происхождения, и в 90-е годы противостояние между «чавами» и «чуваками» теряет прежний смысл. Происходит это во многом благодаря появлению нового образа «врага» – сельского «головара». «Уличные войны» между «русскими» и «бурятскими» группировками сменяются «войнами» между «городскими» и «сельскими».

На мой взгляд, пример «уличных войн» в Улан-Удэ хорошо показывает нам, как формирование одной формы толерантности, например в межэтнических отношениях, достигается за счет появления новой формы интолерантности, в нашем случае противостояния между городом и селом.

[13] Форум «сайт Бурятского народа». Тема: «Как нам республику назвать, или страна Головария» // buryatia.org)

[14] Форум «сайт Бурятского народа». Тема: «Убей головара» // buryatia.org

Анастасия Цыганкова[1]

Вторая премия

Слышащие – Глухие: 1–0

«Ну да, я мог пользоваться своим удостоверением, ездить в метро бесплатно. Но я его никогда не показывал. Покупал жетоны. Ну, мне стыдно всегда было как-то»…

Глухота... Медицинский диагноз и «заключение» на всю жизнь.

Эти люди ограничены в доступе к самым важным ресурсам в нашей жизни: социальным, экономическим, политическим, информационным... Они работают на низкооплачиваемых работах, им негде проводить досуг, субтитры и бегущая строка изредка появляется в информационных программах в отведенное на это время. Глухие и слабослышащие не могут полноценно отстаивать свои права, наравне со всеми решать потребительские задачи... В настоящий момент, по данным Санкт-Петербургского отделения правления Всероссийского общества глухих (ВОГ), в Санкт-Петербурге проживают около 12500 людей с полной или частичной потерей слуха. На основании медицинского диагноза члены сообщества глухих официально считаются инвалидами по слуху и по достижении четырнадцати лет автоматически становятся членами Всероссийского Общества Глухих (ВОГ). Государство с самого начала заключает данное сообщество в своеобразные социальные рамки, навязывает модели поведения и функционирования в обществе, ставя на человеке штамп. С самого начала определяя его жизнь. Даже не жизнь... Выживание.

Поле для игры

Неслышащие и слабослышащие люди социально изолированы от мира слышащих. Они используют специфическую коммуникацию, склонны испытывать недоверие и подозрительность к любому слышащему, проявляющему интерес к ним и их ситуации.

Первая попытка вхождения в поле была осуществлена в 2002 году в школе № 10 для глухих и слабослышащих детей. Разговор с директором данного учебного заведения носил жесткий односторонний негативный характер. Просьбы об исследовании данного сообщества имели отрицательный результат и аргументировались отсутствием у меня родственников с ограниченными слуховыми

[1] ПбГУ, факультет социологии, аспирантк

возможностями, незнанием исследователем жестового языка и, как следствие, непониманием специфики, а также «тонкой душевной организации» данных людей.

После данной встречи в голове сразу возникло огромное количество вопросов: «Почему так трудно попасть в данное сообщество, кто, собственно, оберегает границы своего пространства: изнутри или снаружи, что плохого могут сделать глухим слышащие люди, откуда такой негатив? ...»

Вследствие данных событий исследовательскую стратегию пришлось изменить. Я совершенно случайно познакомилась с девушкой, которая работала педагогом в школе-интернате для глухих и слабослышащих. Обучение жестовому языку происходило в процессе непосредственного общения с глухими и слабослышащими, а также при помощи методической литературы. Использование жестов расценивалось членами сообщества как знак уважения к их культуре и показывает желание слышащего «*действительно понять*» их. Выраженное мною желание изучить жестовую речь способствовало позитивному принятию моего присутствия на «их территории». Следует подчеркнуть, что сами глухие относятся к себе как к особым людям, чье отличие от большинства состоит не в отсутствии слуха, а в особом способе коммуникации – жестовом языке, который не пользуется, по их мнению, достаточным вниманием со стороны слышащего большинства. Успешность полевой работы во многом зависит не только от фактического знания жестовой речи, но и от умения общаться в пространстве жестового языка. Это умение означает знание и понимание правил и норм общения в среде глухих, которое достигается только при условии непосредственного контакта с членами сообщества. Правильному пониманию и интерпретации жестов информантов способствовало присутствие практически на всех интервью Марии С. Мое присутствие в данном сообществе как исследователя я не скрывала, но и не афишировала.

Исследуя сообщество глухих, я применяла качественные методики, которые считаю наиболее адекватными специфике изучаемой группы.

Мяч

«Приезжаю. У двери нужной квартиры меня охватывает неожиданная робость. Быстро нажимаю два раза на звонок. Мне открывают дверь. Знакомые жесты: «Здравствуйте! Проходите, пожалуйста!». Жесты – это тот мост, который сразу сближает двух незнакомых «жестоговорящих» людей. И потекла беседа»[2].

[2] Переводчики жестового языка // Мир глухих. № 3, март 2006 г. .

Одним из важных аспектов, которые способствуют еще большему добровольному исключению, являются коммуникации. Я буду говорить о вербальной коммуникации. Лишенные возможности самовыражения посредством вербального общения в большом мире, глухие могут эффективнее проявлять свою индивидуальность только в сообществе людей, которым понятна и доступна жестикулярная речь.

В целом же лингвистическая среда глухих не однородна и включает:

1) жестовую речь, которая имеет следующие разновидности: *разговорная жестовая речь, калькирующая жестовая речь и дактилология (ручная азбука);*

2) устную и письменную словесную речь.

В области сурдопсихологии, как правило, изучаются следующие вопросы: особенности понимания глухими школьниками эмоциональных состояний человека или «связных высказываний», анализ самооценки и уровня притязаний глухих школьников, особенности мышления и речи глухих школьников, развития словесной памяти.

Разговорный жестовый язык является самостоятельной линг-вистической системой. Принципиальное отличие этого языка от любого словесного заключается в том, что его структура – это визуально воспринимаемые языковые конструкции. Поэтому, овладевая ими и используя их, неслышащим людям не приходится преодолевать специфические трудности, связанные с отсутствием слуха. В разговорной жестовой речи не существует склонений, иной порядок слов в предложении, отсутствуют предлоги. Глагол, существительное, прилагательное показывается одним и тем же жестом.

В русском языке в словаре Ожегова 90 тысяч слов, в то время как глухие используют только 10 тысяч. Таким образом, один жест может иметь множество значений. Когда глухой показывает жест «место», что именно он имеет в виду – собственно «место», «оставаться»,«положить на место» – можно понять только из общего контекста разговора.

Существует также ряд жестов, при незначительном изменении положения пальцев в которых изменяется жест, что приводит к непониманию внутри данного сообщества, не говоря уже о слышащих людях, профессионально занимающихся жестовым языком.

По данным газеты «Пчела» №15 (сентябрь 1998 г.), только 15% глухих понимает в полной мере язык телевизионных сурдопереводчиков. В настоящее время мало что изменилось. На мои вопросы о доступности информации по телевизору мне отвечали следующим образом: *«Сурдоперевод по ТВ непонятен совсем. Где они берут эти жесты? С лицами сидят каменными. Вообще ничего не разобрать. Хорошо, что сделали бегущую строку, но очень многие глухие медленно читают. Навык не развит, и читать начинаешь только в Павловске, так как это необходимо при обучении. Так что смотреть телевизор возможно только, когда есть кто-нибудь из слышащих и может перевести. Или смотреть на картинки»*.

Хотелось бы отметить, что это рассказала мне глухая девушка, которая практически заканчивает обучение литературному жестовому языку. Получается, что общество как бы и создает и предоставляет глухим и слабослышащим возможность полноценного участия в обществе слышащих, но, с другой стороны, настолько это поверхностно и формально, что только еще больше подчеркивает для членов данного сообщества невозможность полноценного функционирования, еще более стигматизирует глухих людей.

Каждый год ВОГ проводит аттестацию переводчиков жестового языка разного возраста с различным опытом работы с глухими. В качестве контрольного задания на аттестации предлагается видеосюжет, в котором герой рассказывает историю на жестовом языке без звука. Глухие в большинстве случаев не используют голос, а общаются молча, на жестовом языке. Нужно перевести историю, рассказанную героем. Многие соискатели не справляются с переводом с экрана.

«Иногда мы переводчиков жалеем, понимаем, что не так просто переводить язык глухих и особенно малообразованных. И себе говорим: это отголоски ложных догматов, когда считали, что глухие никогда не смогут быть самостоятельными, что их язык убог и беден»[3].

Так высказывает свое отношение к аттестационному процессу МГО ВОГ (Московская Государственная Организация Всероссийского Общества Глухих). Но подчеркивается необходимость проведения подобных аттестаций и их значимость для глухих людей.

Одна переводчица не постеснялась сказать на аттестации, что любит и жалеет «глухонемых»... Глухие не нуждаются в жалости со стороны сурдопереводчиков, они нуждаются в полноценной, точно переводимой информации. Другого от сурдопереводчика не требуется[3..]

В специализированной прессе отмечается, что молодое поколение переводчиков лучше относится к глухим, лучше понимает их проблемы, интересуется историей глухих, искренне восхищаются меткими жестами и жестовыми выражениями. «*Называют уважительно: глухие (вместо привычного стереотипного* “*глухонемые*”*)»*.

[3] На безрыбье и рак переводчик, или «Мне бы вторую Котельскую…» // Мир глухих, № 3, март 2006 г. .

Оценки, данные переводчикам на аттестации, часто не совпадают на практике. Глухие очень быстро «выбирают» для себя переводчика, быстро распространяют в своей среде информацию о достоинствах и недостатках каждого переводчика. Ситуация, когда глухой человек требует того или иного сурдопереводчика, – встречается часто.

«И снова все упирается в статус жестового языка. Бьемся всем миром, чтобы жестовому языку придали официальный статус в Российской Федерации. Чтобы на основании закона можно было на серьезном уровне готовить переводчиков и повышать их квалификацию»[4].

Поиски решения данной проблемы начаты давно, но, как правило, они не результативны. Ярким примером может служить обучение в г. Павловске. Акцент в программе обучения студентов поставлен на усвоении «правильного литературного» языка жестов. Но отсутствие его распространенности и в своей референтной группе, и в сообществе глухих вообще приводит к быстрой утрате данного навыка. Таким образом, полученное образование (и сам институт) теряют свою ценность внутри сообщества. Не хватает сурдопереводчиков, качество и уровень данных специалистов не всегда соответствует должному. Порой уходит несколько лет жизни, чтобы исправить и/или доказать в суде неправильность перевода. Очень актуальной темой внутреннего дискурса в СМИ является обсуждение и осуждение слышащих за отсутствие понимания организации, ошибки, отказ от взаимодействия со стороны слышащих в сфере здравоохранения, образования и т.д.

Огромное количество конфликтных ситуаций между слышащими и неслышащими происходит из-за того, что государство как институт не может обеспечить даже обычной дееспособности глухого человека.

Необходимость постановки проблемы на государственном уровне очевидна уже не один десяток лет, одним из способов решения ее может быть определение официального статуса для жестового языка в Российской Федерации. Однако государственная толерантность не легитимизирует терпимость к любым социальным явлениям и формам практического поведения.

Встает очередной вопрос: готово ли наше общество по-настоящему принять и сосуществовать с иными социальными общностями?

Продолжительность игры. Начало и возобновление игры.

Накануне третьего тысячелетия в системе образования России, как и других стран мира, ведущие позиции в обучении детей с проблемами в развитии, все

[4] На безрыбье и рак переводчик, или «Мне бы вторую Котельскую…» // Мир глухих, № 3, март 2006 г. .

более и более активно занимает интеграция. Несмотря на различные трудности, связанные с обучением детей с нарушением развития в массовой школе, процесс их интеграции в порядке эксперимента или стихийно все-таки реализуется. Интеграция детей с нарушенным развитием в общеобразовательную школу не является массовым явлением. Это, как правило, работа с конкретным ребенком и его родителями, а также в той или иной степени с детским садом или школой, куда интегрирован ребенок.

Успех интегрированного обучения во многом зависит от хорошо организованного психолого-педагогического сопровождения учащихся как со стороны специальной, так и массовой школы. Организация специальной поддержки учащихся с проблемами в развитии в условиях интегрированного обучения в массовой школе исследована крайне недостаточно как в научном, так и в практическом плане.

Л.С. Выготский указывал на необходимость создания такой системы обучения, в которой удалось бы органически увязать специальное обучение с обучением детей с нормальным развитием. Он писал, что при всех достоинствах наша специальная школа отличается основным недостатком, что она замыкает своего воспитанника – слепого, глухого или умственно отсталого ребенка – в узкий круг школьного коллектива, создает замкнутый мир, в котором все приспособлено к дефекту ребенка, все фиксирует его внимание на своем недостатке и не вводит его в настоящую жизнь. Специальная школа вместо того, чтобы выводить ребенка из изолированного мира, обычно развивает в нем навыки, которые ведут к еще большей изоляции и усиливают его сепаратизм[5].

Ни один из моих информантов не учился в массовых школах.

*«Она(*мама)*хотела меня определить в нормальные ясли, я поначалу ходил в нормальные ясли, но у меня общения с детьми не было. Я был так, в сторонке. Они там что-то говорили, играли, а я фактически не слышал ничего, что там, как. Ну вот, мама пошла в Исполком, там всех депутатов протрясла как следует, чтобы меня определили в нормальные ясли. Чтобы там меня уже адаптировали ко всему этому. И меня определили там, на Московской есть ясли для неслышащих»* (слабослышащий мужчина, 24 года, потерял слух в 2 года).

Родителям, у которых оказался ребенок с отклонениями в развитии, рекомендуют поместить его в специальное учреждение с самого начала. После детского сада у родителей уже, как правило, не остается выбора в определении дальнейше-

[5] *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Смысл, ЭСКМО, 2003.

го образовательного учреждения. Государство регламентирует, где и как должен учиться человек. Свобода выбора при отсутствии выбора.

«А школу твоя мама нашла через детский сад?

Да, именно детский сад посоветовал маме именно туда идти, в эту школу. И мама вот решила меня туда отдать, потому что, по-любому, бы меня не взяли именно в нормальную школу, а там, чтобы я немного адаптировался и я мог бы пойти уже в нормальную школу, ну а там уже посмотрела, что все вроде нормально, учусь нормально, у меня уже были там друзья, ну и не стала, как говорится, ломать мне психику».

В данном случае важно, что существует факт понимания установок «нормальных» и факта своего обладания стигмой самими членами сообщества.

Родители глухих и слабослышащих детей выбирают обучение в массовых школах в связи с различными причинами:

– отсутствием достаточной информации о системе специального обучения ребенка с нарушением слуха;

– престижностью пребывания ребенка с нарушением слуха в массовой школе;

– объективной оценкой готовности ребенка с нарушением слуха к обучению в массовой школе;

– нежеланием отправлять ребенка в интернатное учреждение.

В системе специальных образовательных учреждений основным типом школы является школа-интернат, обслуживающая особые образовательные потребности обширных территорий, которые по площади нередко значительно превосходят многие европейские страны. Ввиду огромных расстояний дети пребывают в интернате круглогодично, приезжая домой только на каникулы. Подобные институционально навязываемые правила существенно увеличивают дистанцию между слышащими и глухими, закрепляют и определяют дальнейшие модели поведения и взаимодействия глухих с культурным большинством.

До сих пор в нашей стране к интеграции в образовании относятся с определенной сдержанностью. Причины, которые при этом обычно указываются, относятся к тому, что общеобразовательные школы не укомплектованы специальными кадрами и что дети не смогут получать полный набор необходимой помощи, если они будут посещать обычные классы в этих школах.

Однако глухие и слабослышащие люди, выбравшие в своей жизни получение высшего образования, самым прямым образом сталкиваются с интегрированным образованием. Специализированных высших учебных заведений не много. Непосредственно в нашем городе это только Межрегиональный Реабилитационный Центр, который находится в пригороде Санкт-Петербурга, г. Павловске.

Мною был проведен небольшой телефонный опрос некоторых вузов нашего города. Представившись мамой, имеющей слабослышащего сына, я интересовалась, имеет ли он возможность поступления в данное учебное заведение. Не было цели проведения полноценного телефонного опроса, был важен информативный аспект, а также (негативный/позитивный) характер коммуникации. Практически во всех вузах требуются медицинские заключения относительно «нормальности» (как мне ответили в одном из учреждений) ребенка. В остальном поступление происходит на общих основаниях, исключая спортивные вузы. «Но он все равно не поступит», – сказали мне в очередной приемной комиссии.

Один из моих респондентов, Сергей Р., слабослышащий, возраст – 26 лет, получал высшее образование в Государственном Университете им. Герцена на факультете сурдопедагогики.

«Да, экзамены. Ну, я наравне со всеми сдавал. Мы как, мы сдавали в письменном виде, но если я мог говорить, то я, конечно, говорил. И выступал в роли переводчика. Со мной учились еще двое глухих девчонок, которые абсолютно не слышали. Ну, я им переводил, с ними общался, т.е. был как переводчик. А так мне помогали. Я вот, например, на лекциях сижу, мне надо писать, и нам давали списывать. То есть вот так они пишут, и мы сидим списываем. А так, ну по учебникам»[6].

Экзамены сдаются на общем основании. Обучение, как правило, в вузах происходит без участия сурдопереводчиков. Это происходит только потому, что нет достаточного количества специалистов. Кроме сложностей в самом образовательном процессе, возникают проблемы и со слышащими. Чаще всего это выражается в негативном отношении не только ровесников, но и со стороны преподавательского состава.

«Ну, были такие, что не хотели иметь дело с нами, но мы ходили к ректору, говорили, что так и так. Он давал этому преподавателю соответствующие указания, там, замечания, мол, что за притеснение, люди ходят, учатся, а вы их просто отшиваете» (слабослышащий мужчина, 24 года).

Вот и происходит, что, с одной стороны, декларируемая доступность образования, по существу таковой не являющаяся, и с другой стороны – высокие психологические барьеры, которые существуют в представлении глухих и слабослышащих людей, как правило, ведут к тому, что они чаще всего даже не выбирают прикладывать усилия к получению высшего образования. Следствием чего является собственный выбор исключения сообщества из «мира слышащих».

[6] Лексика респондента сохранена.

Судья, помощники судьи, экипировка игроков

Существует основная организация, объединяющая глухих Санкт-Петербурга – Всероссийское общество глухих (ВОГ), его основная задача – сопровождение глухих в течение всей жизни, а именно правовая поддержка и забота о людях с ограниченными возможностями.

В то время как число трудоспособных глухих составляет почти 6500 человек, на предприятиях ВОГ работает в общей сложности 1550 человек. Остальные либо работают на госпредприятиях (в основном рабочими, не имея сурдопереводчиков), либо безработные (в большинстве своем женщины).

С целью помочь глухим в трудоустройстве в августе 1997 г. при содействии городских комитетов по труду и социальной защите и по занятости населения создана Биржа труда для инвалидов по слуху. Обещанная информация о вакансиях из городского банка данных на Биржу не поступает. Биржа располагает информацией только от тех предпринимателей, которые непосредственно обращаются на Биржу, это, как правило, свои же глухие предприниматели. На рынке труда существует ограниченное количество видов работ, которые могут быть доступны глухим. Как правило, это неквалифицированный труд.

Вопрос о трудоустройстве был одним из самых проблемных в моих беседах с респондентами.

«А где, вообще, как правило, глухие работают?

Ну, набирают. Сейчас вот есть такие специальные группы, ну вот, Адмиралтейские верфи там, тяжелые работы какие-нибудь, рубщиком, например. Там шумы огромные, а для глухого это же ничего, но там, конечно, очень сильная вибрация. Очень тяжелая работа. Балтийский завод. Некоторые художниками работают. Ну, по блату-то, конечно, реально (слабослышащий мужчина, 24 года).

Должности, которые занимают глухие и/или слабослышащие, чаще всего минимизируют необходимость коммуникации: уборка помещений, работа на заводах. Встречаются также профессии, которые самими глухими оцениваются как престижные: массаж, набор печатных текстов на компьютере, пошив одежды, все они требуют дополнительной профессиональной подготовки, потому являются редкими. Хотелось бы также отметить ценность для каждого человека своего рабочего места и особое ответственное отношение к труду, которое я нечасто встречала среди слышащих.

Вопросами трудоустройства, как я уже указала ранее, в нашей стране занимается Всероссийское Общество Глухих. Фокус моего исследовательского интереса не был направлен на то, чтобы рассматривать ВОГ как организацию неслышащих, задачей было выяснить значимость данной организации для сообщества глухих.

Многие глухие высказываются против членства в ВОГ своих слышащих товарищей и считают, что в Устав ВОГ нужно внести соответствующие поправки. Они предпочитали бы работать со слышащими на контрактной основе. Основной аргумент, который выдвигают глухие, состоит в том, что они не имеют возможности участвовать в решении своих проблем и поэтому не чувствуют себя достаточно защищенными. Наиболее радикальные из них открыто высказываются за признание общества глухих как лингвистического меньшинства со своим языком и культурой[7].

Формально главным досуговым центром для глухих Санкт-Петербурга и Ленинградской области считается Дом культуры. Но его посещает в основном только старшее поколение. У людей с нарушенным слухом намного меньше увлечений и развлечений, чем у людей, имеющих слух. Люди идут в кино, когда появляется фильм с субтитрами, не уточняя порой его название.

Таким образом, разрыв между открытыми пропагандируемыми возможностями, с одной стороны, и фактически невозможной полноценной интеграцией, с другой стороны, ведут к тому, что глухие и/или слабослышащие начинают создавать границы своего сообщества, в котором им легче и комфортнее осознать собственную идентичность.

Очень редко глухой ребенок имеет полноценную возможность общения со слышащими сверстниками. Это касается, в основном, тех детей со слуховой депривацией, которые обучаются в массовых общеобразовательных учреждениях. Но если это и происходит, то это приводит к нормальному развитию полноценной личности.

Одной из главных задач специальных общеобразовательных учреждений является адаптация глухих к самостоятельной жизни среди слышащих людей. Эта задача решается с помощью создания досуга для неслышащих школьников: кружки, спортивные секции, межрайонные соревнования, ДОЛ (Детские оздоровительные лагеря), экскурсии, выезды за границу, походы по Ленинградской области, школьные и городские мероприятия (например, «Вера. Надежда. Любовь» – межгородской конкурс среди инвалидов, в котором неслышащие дети могут проявить свои творческие способности). Решение данной задачи необходимо для возможности навыка общения двух сообществ («говорящего» и неслышащего).

[7] *Матыцина Т.* Петербургское Сообщество глухих еще ждет перестройки // Пчела, № 15, сентябрь 1998.

По мнению одного из моих экспертов: «среди неслышащей молодежи есть неверный стереотип о слышащих компаниях молодых людей. Так, например, глухой подросток, видя выпивающую нормальную молодежь, думает, что это хорошо и правильно, так как они слышат и знают, что и как надо делать. За счет этого начинается формирование неформальных группировок (наркоманов, карманников, токсикоманов, алкоголиков, воров, мошенников). Среди воров бытует мнение, что самые лучшие карманники – это глухие люди, так как у них очень сильно развито чутье, ловкость рук и замещение слуха глазами. К сожалению, в наше время немало таких группировок, так как особенно глухим очень трудно найти работу» (женщина, 27 лет, сурдопереводчик).

В настоящий момент вопрос о воровстве, участниками которого являются глухие, широко транслируется в СМИ. Некоторые слышащие люди выдают себя за глухонемых, желая привлечь других неслышащих и слышащих людей в свои неформальные группы и тем самым формируя негативное общественное мнение относительно людей с нарушениями слуха. Кроме того, неформальные сообщества формируются и на профессиональной основе (продажа книг, журналов в электричках, «брелочничество», т. е. распространение значков, маленьких игрушек и т.д.). В любых подобных объединениях существует иерархия, роль лидера в которых занимает либо слышащий человек, либо человек с наименьшей степенью тугоухости. Он является посредником между глухими и слышащими, и зачастую владельцем общего денежного капитала. Члены объединений доверяют ему денежные операции, полагаются на его авторитет при решении каких-либо конфликтных ситуаций. Это происходит из-за вынужденной зависимости всех членов неформальных образований от лидера.

Когда я просила своих респондентов, в том числе и экспертов (слышащих людей) рассказать немного о различных объединениях в среде глухих, они использовали следующую характеристику данной ситуации: *«Да, им же как-то нужно выживать!»*. Приведу еще одну очень яркую цитату одного моего информанта: «*Мир глухих очень маленький. Здесь каждый будет беречь друг друга. Как им еще противостоять остальным?»* (глухой мужчина, 25 лет).

Очевидна огромная дистанция, страх, потребность хоть что-нибудь «ухватить» в мире несправедливости, нападок и обид со стороны слышащего большинства.

Положение «вне игры»

Под понятием «одиночка» я имею в виду положение в обществе человека, потерявшего слух во взрослом возрасте. На мой взгляд, немаловажно рассмотреть такое положение людей, чтобы проследить процесс конструирования границ,

а также это может помочь в выявлении инициаторов конструирования исключения.

Причины глухоты могут быть различны: спортивные травмы, травмы, полученные в результате дорожно-траспортных происшествий, а также вследствие запущенных стадий простых медицинских заболеваний, к примеру, ОРЗ. Потеря слуха в осознанном возрасте является также и огромной психологической травмой для людей.

«Я оглох в 20 лет. Все нормально было, боксом занимался, мне дали по уху, половина лица у меня отнялась, перепонка лопнула, потом перекинулось на второе ухо, полностью оглох. Что делать, даже не знаю. Было время, когда я даже хотел покончить жизнь самоубийством, потому что я не представлял, что там, как, чего, как жить дальше, но спасибо, что нашлись такие люди, направили в реабилитационный центр» (позднооглохший молодой человек, 25 лет, потерял слух в возрасте 20 лет).

Или:

«Я чуть с ума не сошел от отчаяния. В ход пошли экстрасенсы, пробовал даже иглоукалывание. Помню дату как сейчас, 10 декабря 1988 года у меня оглохло последнее ухо» (позднооглохший мужчина, 40 лет, потерял слух в возрасте 22 лет).

После потери слуха взрослый человек стоит перед следующими задачами:

– определением собственной идентичности;

– выбором дальнейшего существования (коммуникативное пространство слышащих и/или глухих людей).

Общение позднооглохших с глухими людьми затруднено, т.к. грамматически у глухих неправильное построение фраз, из-за этого становится непонятен смысл сказанного.

Даже если человек постоянно общается со слышащим обществом (например, родственниками, друзьями, близкими), то его речь становится с гнусавым оттенком (человек начинает большинство звуков произносить через нос).

«Когда потерял слух, друзей почти не осталось, так осталось 1–2 человека. Можно сказать, что они потихонечку-понемножечку пропали».

Постепенно слышащее общество перестает воспринимать позднооглохшего своего «товарища» полноценно, у них возникают различные интересы, потребность постоянного объяснения, что кому кто сказал, что кто сделал, приводит к снижению желания взаимодействовия.

«Потому что, и правда, со слышащими как-то вот все реже и реже стали куда-то ходить. Я же привык со слышащими общаться, а с глухими никогда до этого не общался. Конечно, контраст большой, они малограмотные, есть такие нор-

мальные люди, но их мало очень, и то между ними ничего общего. Я вот привык со слышащими общаться, всю жизнь я так делал, не знаю, как говорится, или туда или сюда».

На мой взгляд, определение ситуации, в которой находится человек, потерявший слух уже во взрослом возрасте, как положение «одиночки» в обществе верное, а вопрос о собственной идентичности у позднооглохших людей остается актуальным в течение всей жизни.

Как вам мир глухих, не отличается от слышащих? Где уютнее?

Отличие огромное. А где уютнее, я и сам не знаю. Среди глухих я, можно сказать, «белая ворона». Но умные глухие меня уважают. У меня есть друзья среди глухих.

А отличие в чем? В уровне знаний, общения или…?

И знания, и общение. И вообще люди разные, глухие с детства не поймут того, что потерял позднооглохший».

Как правило, позднооглохшие люди занимают маргинальную позицию по отношению и к обществу слышащего большинства, и к сообществу глухих людей.

Это не единственные проблемы, возникающие у глухих людей из-за разности понимания мира и общения. Одной из главных проблем, является также формирование личных отношений для совместной жизни. Как правило, позднооглохшие люди редко состоят в браке, это связано с тем, что у них намного лучше развиты умственные способности, чем у людей с врожденной глухотой. Позднооглохшим людям очень трудно адаптироваться в «стране глухих» и остаться полноценным человеком в «стране слышащих».

Нарушение правил и недисциплинированное поведение игроков. Штрафной и свободный удары.

В этом аспекте мне представляется интересным и необходимым озвучить, что при проведении интервью все опрашиваемые, вне зависимости от возраста и степени слуховой депривации, сами, без моей инициативы, затрагивали тему брачных отношений и норм, искусственно созданных самим сообществом. Ни один информант не хотел бы связать свою жизнь со слышащим человеком из-за боязни осуждения внутри своего сообщест-ва. Демонстративные рассказы о нарушении неписанных норм, как правило, свидетельствовали о негативном опыте подобного рода. Воспитатель школы-интерната, слабослышащая, имеющая взрослую глухую дочь, следующим образом характеризовала свое отношение к этому вопросу:

«Моя дочь пробовала встречаться со слышащими, но как-то не очень удачно. И потом, я ей всегда говорила – «ищи среди «своих», тогда всем нам будет легче». Я же должна ей объяснить, как нужно правильно поступать в жизни».

В ходе исследования при общении с людьми с нарушением слуха более старшего поколения (от 40 лет), я встретилась с жестко структурированным настроем младших членов своего сообщества против слышащих. Предписанной нормой поведения служит избегание. В то время как в детском и подростковом возрасте у людей с ограниченными возможностями очевидно наблюдается тяга к общению со слышащими и позиционирование себя как «нормального» индивида внутри большого сообщества.

«Конечно, мы когда гуляем с детьми на улице, они пытаются и со слышащими, там, поиграть, и даже поговорить с ними пытаются. Но я стараюсь следить за ними, и говорю им: "Не надо тебе с «ними» общаться, они тебя обидят потом, придешь плакать ко мне. А они обидят. Я точно знаю. Так ведь почти всегда и бывает..."»

Происходит искусственное конструирование реальности, которое не всегда основывается на личном опыте, а зачастую является стереотипами, принятыми данным сообществом относительно слышащих.

Более того, хотелось бы отметить, что в подростковом периоде общение со слышащими людьми оценивается внутри сообщества глухих как престижное. И только в более поздний период зависимые от мнения группы неслышащие люди осознанно предпочитают и дружеские, и романтические отношения только с людьми с подобной слуховой депривацией. Приведу ниже цитату из беседы с респондентом, слабослышащим молодым человеком, Сергеем Р.

Правильно ли я понимаю, что глухие женятся на глухих?

Да, а потому что со слышащими они не могут. Щас многие слышащие девушки кто пойдет за глухого. Ну, вот кто? Хотя помню глухой женился на слышащей, она влюбилась в него. Она выучила язык, родила детей, а потом что-то вот. Дело в том, что она устала от того, что все родственники против него <…>

Ее родственники. Они не хотели его принимать, потому что он такой ущербный. Она говорил: «как вы не понимаете, я его люблю», а они до такой степени давили, что ей пришлось уйти, расстаться с ним. Потому они и предпочитают друг друга, они же на руках разговаривают. Понятно, можно выучить, но ведь все равно.

То есть порой мешает даже не непонимание, а давление окружающих?

Да, он ведь и сам не может выдержать такого давления, тех издевательств над ним, над ней».

Все случаи о браках вне своей собственной группы, которых было минимальное количество, рассказанные мне информантами, носили негативный характер и все заканчивались разрывом отношений.

Это происходило по двум причинам:

– непонимание друг друга на уровне психологической совместимости;

– осуждение со стороны доминирующей культурной группы.

Процедуры определения победителя матча или по итогам матчей дома и в гостях.

Толерантность, или терпимость, стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми. Мы объединяемся в одной общности с теми, кто разделяет наши убеждения, или с теми, кто разговаривает на том же языке или имеет ту же культуру, что и мы, или с теми, кто принадлежит к той же этнической группе. Общность языка и чувство этнической близости на всем протяжении человеческой истории выступают в качестве оснований сообщества. В то же время мы склонны враждебно или со страхом относиться к «другим» – тем, кто от нас отличается. Различие может быть на любом уровне биологической, культурной, социальной или политической реальности.

Социальные институты являются первичными инициаторами создания границ между сообществом глухих и слышащих людей. Декларируемая возможность интеграции в общество слышащего большинства на практике оказывается не только неэффективной, но, более того, замыкает людей с ограниченными слуховыми возможностями внутри своей группы. Как правило, люди, потерявшие слух во взрослом, осознанном возрасте, занимают маргинальную позицию по отношению и к обществу слышащего большинства, и к сообществу глухих людей.

В сообществе людей с ограниченными слуховыми возможностями происходит искусственное конструирование реальности, которое не всегда основывается на личном опыте, а зачастую является стереотипами, принятыми данным сообществом относительно слышащих. Старшее поколение в сообществе глухих имеет тенденцию прививать модель поведения в форме избегания и игнорирования слышащих. Что является следствием эндогамной традиции заключения браков в исследуемом сообществе. Лишенные возможности самовыражения посредством вербального общения в «большом мире», глухие могут эффективнее проявлять свою индивидуальность только в сообществе людей, которым понятна и доступна жестикулярная речь. Но! Только 15% глухих понимает в полной мере язык телевизионных сурдопереводчиков, что минимизирует полноценное участие глухих в жизни доминирующей культурной группы. Таким образом, становится очевидной необходимость легитимизации проблемы на государственном уровне, одним из способов достижения которой является определение официального статуса для жестового языка в РФ.

На мой взгляд, анализ повседневных практик взаимодействия, внутреннего и внешнего дискурса, проблемно-ориентированные и экспертные интервью, институциональная, социальная политика нашей страны очень однозначно показывают отсутствие толерантного отношения общества к глухим людям...

Вместо послесловия

Однажды в детском доме №46 заболел ребенок. «Скорая помощь» прибыла без задержки. Врач осмотрел малыша и подтвердил: надо в больницу. Стали звонить по детским больницам, чтобы узнать, где есть место. Места были, но врач «скорой» натыкалась на отказы. Три больницы – одна за другой не соглашались взять к себе ребенка из-за... его глухоты! Не хотели лечить.

– Пришлите сурдопедагога – тогда возьмем. А так – не знаем, как с ним разговаривать...[8]

Литература

1. Быть вместе. Интегративный родительский клуб, февраль, март, 2004.

2. *Выгодская Г.Л.* Обучение глухих дошкольников сюжетно-ролевым играм. М.: «Просвещение», 1975.

3. *Выгодский Л.С.* Проблемы дефектологий. М.: Просвещение, 1995

4. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Смысл, ЭСКМО, 2003.

5. *Гофман И.* Ритуалы взаимодействия. М.: Смысл, 2005.

6. *Зайцева Г.Л.* Жестовая речь. Дактилология. Москва: Владос, 2004.

7. *Зайцева Г.Л.* История глухих: предмет и объект // Материалы Первого московского симпозиума по истории глухих. М.: Загрей, 1997. С. 6–12.

8. Мир глухих. Информационное газетное издание

9. htpp://nashideti/narod.ru/

10. htpp://www.deafnet.ru/

11. htpp://www.deafworld.ru/

12. http://deaflife.nm.ru/

13. http://www.alda.org

[8] Бесчеловечность // Мир глухих. 2006, № 10, октябрь.

Ирина Костерина[1]

Вторая премия

Конструирование образа «врага русского народа» в блогосфере Рунета

Интернет стал неотъемлемой частью повседневности многих россиян[2]. Узнать новости, пообщаться с друзьями, пофилософствовать или высказать наболевшее теперь можно, не вставая с домашнего или офисного кресла. Для этого не обязательно искать специализированные сайты – отдельно новостные, отдельно чаты или форумы и отдельно «философские». Особое пространство – блогосфера – удовлетворит все эти потребности. Блоги – это сетевые дневники, размещенные на собственном сайте или на специальных блог-хостингах (например, LiveJournal. com, LiveInternet. ru, Diary. ru и Blogs. mail. ru). На долю LiveJournal. com (Живого журнала, или ЖЖ, как его чаще называют) приходится около половины всех записей на русском языке. По мировой статистике большинство блогеров являются юношами и девушками до 35 лет, поэтому блогосфера (как, впрочем, и весь интернет) – в большей степени молодежное пространство, и, как утверждает Д. Рашков, юноши и девушки являются более опытными пользователями современных электронных медиа, чем их родители: «...типичный образ современного юноши или девушки обязательно связан с возрастающим влиянием Интернета, пользователи которого бродят по глобальному виртуальному пространству, собирая и делясь информацией, и совершенно не зависят от институциональной власти»[3]. Последний аспект чрезвычайно важен для понимания мотивации использования сетевых дневников. Отсутствие контроля (или иллюзия его отсутствия) порождает новый тип «свободного» поведения, экспериментов с идентичностью.

Современная блогосфера Рунета представляет собой новый тип медиа. Об этом пишут как исследователи, так и сами блогеры. В отличие от, например, американских сетевых дневников, которые являются, собственно, исповедально-интимными документами, предназначенными для того, чтобы делиться своими переживаниями и держать в курсе событий близких друзей, родственников и любимых, российские блоги являются дискуссионными площадками, где формируется иной способ коммуникации, виртуализация общественных отношений активно включается в повседневность. В этом контексте блоги выступают инструментом Интернета, позволяющим молодым еще активнее приобщать к своему личному пространству других людей. Так, Дэвид Вайнберг говорит о том, что «исповедальная» природа блогов сдвигает грань между публичной и частной сферами нашей жизни[4]. Широко распространенное представление о том, что «живой журнал» (далее – ЖЖ) является преимущественно интимным дневниковым пространством, каким он и создавался, уходит в прошлое. Сейчас формируется представление о превращении ЖЖ в площадку для обсуждения важных общественно-политических событий и явлений, причем это обсуждение имеет полупубличный характер, так как в нем участвует довольно ограниченное количество пользователей (постоянные «френды» и читатели), и автор журнала имеет возможность модерировать его, т. е. по своему усмотрению закрывать (делать скрытыми) некоторые темы и комментарии.

Формируемая в блогосфере коллективная идентичность предполагает наличие факторов внутренней консолидации и неких внешних угроз, которые проявляются в конструировании коллективных или персональных «других» и «чужих», в крайнем проявлении маркируемых как «враг». Об этом же пишет И. Нойманн, который полагает, что коллективная идентичность создается путем противопоставления одного коллектива другому, причем это не реальный, а воображаемый «Другой», определяемый совокупностью политических и культурных реалий эпохи[5]. Л. Гудков также пишет, что «концепт “образ врага” стоит применять для анализа тех случаев, когда выражение негативизма в адрес какого-либо социального объекта имеет результатом (фактической/латентной целью) не причинение ему ущерба, его уничтожение и т.п., но повышение солидарности в некотором сообществе – субъекте этих негативных переживаний, аффектов»[6].

Для описания способов конструирования врага в ЖЖ-сообществе важно понять, какими характеристиками должен обладать объект вражды, чтобы

[1] ведущий специалист Научно-исследовательского центра «Регион» г. Ульяновск; ассистент кафедры рекламы Ульяновского государственного университета; аспирантка УлГУ.

[2] Статья написана на основе исследования «Гражданские ценности молодежи в блогосфере Рунета», выполненного НИЦ «Регион» по просьбе А. Золотова (за совместную работу над проектом автор выражает благодарность Ольге Доброштан), а также исследования автора, посвященного образу врага в Интернете.

[3] *Rushkoff, D*. Children of Chaos: Surviving the end of the world as we know it. London: Routledge, 1997.

[4] *Миллер К., Шеферд Д.* Ведение онлайн-дневника как социальное действие: жанровый анализ блогов //http://sociologist.nm.ru/articles/miller-shepherd.htm

[5] http://www.polit.ru/science/2006/07/21/nojman.html

[6] *Гудков Л.* «Идеологема врага»: враги как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков, ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005. С. 277.

быть отнесенным к «чужим», «другим» и «врагам». Образ врага конструируется не только исходя из его «реальных» характеристик и действий, он также связан с линией демаркации – символической границей, отделяющей «своих» от «чужих». Важной функцией наличия врага является способность консолидировать сообщество для победы над ним и утверждение собственного превосходства. Как отмечает О. Рябов, «враг должен порождать чувство опасности, вызывать убежденность в моральной правоте Своих и неправоте Чужих. Гнев, отвращение, безжалостность – еще один «кластер» чувств, который призван вызывать образ врага; они связаны с использованием такого пропагандистского приема, как дегуманизация Врага. Наконец, Враг должен быть изображен достаточно слабым и комичным, чтобы Своих не покидала уверенность в том, что их победа неизбежна»[7].

Фигура общего врага является крайне важной для формирования коллективной идентичности, которая обладает такими качествами как референтность, контекстуальность и гетерогенность[8]. То есть конструирование врага происходит как маркирование «своих» и «чужих», процесс овражествления происходит ситуативно (а значит, контекстуально), и приписываемые врагу характеристики могут меняться и варьироваться. И, наконец, гетерогенность коллективной идентичности проявляется в том, что внутри группы «своих» могут выделяться как «более свои», так и «менее свои», что приводит к формированию внутреннего врага.

Для анализа в рамках настоящего исследования были отобраны сетевые журналы, принадлежащие наиболее рейтинговым блогерам рунета и проанализированы относящиеся к теме статьи посты (так называются записи в блогах) и комментарии к ним за период с сентября 2006 по март 2007 года. Принцип отбора основывался на рейтинге Яндекса и сочетал в себе два показателя: авторитетность и количество читателей.

Содержание записей у этих блогеров различно и включает в себя как посты личного характера, маркируемые обычно отдельно, так и новостные и дискуссионные темы. Выбранных блогеров отличает высокий уровень блог-активности (от 10 до 70 записей в месяц), большое количество читателей и комментариев к постам. Некоторые пользователи по своим идеологическим установкам могут быть названы традиционными националистами, в то время как другие могут быть

[7] Рябов О.В. Межкультурная интолерантность: гендерный аспект // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 165–179

[8] *Курнаева Н.А, Рябов О.В.* «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // Гендер: Язык. Культура. Коммуникация. М., 2004

названы новыми националистами или либералами. Остальные пользователи являются представителями типичной «модной» интеллектуальной ЖЖ-тусовки. Судя по цитируемости этих блогеров с ЖЖ и характеру обращений к ним, они могут быть названы лидерами мнений, или авторитетами.

Согласно заданной схеме формирования и маркирования врага, можно выделить следующие группы/индивиды и олицетворяемые ими институты, которые привлекают внимание блогеров и конструируются в качестве «врагов»:

1. враг этнический (не русские, не славяне);
2. враг государственный (Путин, Кремль, Единая Россия, официальные структуры, лояльные Кремлю политики);
3. *другая* молодежь (прокремлевские молодежные движения: «Россия молодая», «Молодая гвардия», «Наши», молодые амбициозные политики, дети богатых родителей, «мажоры»);
4. фашисты и националисты;
5. антифашисты;
6. отдельные публичные люди и общественные деятели (Анна Политковская, Егор Гайдар, Ксения Собчак);
7. олигархи;
8. американцы, США и Дж. Буш;
9. журналисты, падкие до сенсаций, телевидение;
10. враги ЖЖ – люди и компании, стремящиеся взять под контроль блогосферу и затруднить процесс сетевой коммуникации (Алексей Носик, компания «Суп», Брэд Фицпатрик).

На примере некоторых из этих групп будет показано, как и почему конструируется этот враг.

Проект создания «официального» врага

Одним из примеров массового конструирования врага в Интернете стал проект депутата от ДПНИ Курьяновича, который разместил на своем блоге список «Сто врагов русского народа»[9], в который вошли известные политики, правозащитники, журналисты, писатели, общественные деятели. Кроме фамилий, там указывалась аффилиация персоналий, служащая причиной отнесения их к врагам, наиболее популярными являются ярлыки «агент вражеских спецслужб», «русофоб», «преступник». Встречаются и такие «забавные» причины для отнесения к врагам народа, как «калоед» (Владимир Сорокин), «сатанист-убийца»

[9] // soberminded.livejournal.com (в настоящий момент блог не работает).

(Бродский Артем) и «соавтор идеи убрать с герба России православные кресты» (Аширов Нафигулла). Этот документ стал популярен у неонацистов и многих «пропатриотически» ориентированных блогеров, выражающих свое согласие и солидарность с ним. Функционирование такого списка в сети является типичным примером создания «моральной паники» и актуализации угрозы для «русских и России». Не вдаваясь в подробности самого списка и причин его создания, отметим лишь реакцию на него ЖЖ-сообщества: для одной части блогеров этот список стал выражением коллективного мнения и солидарности. До этого эфемерный «враг» получил материальное воплощение, поэтому стало понятно «против кого» дружат пропатриотичные блогеры. Для другой части сообщества такие списки являются предметом иронии, демонстрации несостоятельности и наивности «правых» идей и праворадикальных движений, в частности ДПНИ. Поэтому списки превращаются в предмет шуток, издевательств и нередко дополняются именами их создателей. Таким образом «серьезность» и пафосность угрожающих списков оборачивается иронией, сарказмом и комичностью.

Популярность «расстрельных списков» в сети объясняется производимым ими информационным и эмоциональным эффектом. Они являются новым инструментом антивражеской пропаганды и позволяют очень лапидарно и пафосно маркировать «чужих» благодаря эффекту априорной правоты документа. Кроме списков популярны фотоколлажи, когда имена и фамилии «врагов» не подписываются, и предполагается, что все «просвещенные» блогеры должны знать их лицо. Но для необразованных устраиваются ликбезы, где раскрывается инкогнито персон и подробно излагается их вина. Такие списки часто изобретаются и распространяются по сети неонацистскими и религиозно-патриотическими организациями и дополняются и переделываются другими блогерами. Например, в случае с убийством правозащитника Юрия Гиренко и журналистки Анны Политковской в таких списках их фотография перечеркивалась крестом и добавлялась надпись вроде «Кто следующий?» или «Важна не последовательность, важен факт ликвидации». Таким образом, список должен был приобрести характер пророческого документа и служить доказательством его серьезности.

Этнический враг

Другим примером функционирования враждебной риторики может служить конструирование врага в этнической плоскости. Сюда относятся посты, в которых поднимаются вопросы или высказываются идеи национализма, фашизма, антисемитизма, русофобии, украинофобии, деятельности различных националистических движений и организаций, например ДПНИ, скинхедов, Славянского союза и т. д. По аналогии с оффлайном в блогах можно выделить «традиционные» этнические и расовые группы, по отношению к которым наблюдается ксенофобия. Чаще всего это «евреи», выходцы с Кавказа, «негры», «американцы», азиаты.

Некоторые блогеры позиционируют себя как принципиальные националисты. Например, блогер Крылов (http://krylov.livejournal.com) в своем «профиле» пишет: *«Я русский националист, русист. Я много пишу на соответствующие темы, в том числе и здесь, в этом дневнике. Я ненавижу и презираю людей, сообщества, народы и государства, которые ненавидят и презирают Россию и русский народ... Если я о них вообще говорю, то, как правило, безо всякого уважения»*. Поэтому его посты в основном не о личном, а об «общественно-политическом», есть и пространные размышления о мессианской роли России, о ее уникальности и превосходстве русских как этноса, и примеры «неадекватности», «хитрости» и «коварства» других национальностей. К таким постам также относятся многочисленные примеры «теории заговора» и «вредительства» по отношению к «русскому народу»: *«Когда я только начал работать, я обратил внимание, что многочисленные армяне, азербайджанцы, грузины, и пр., учившиеся со мной, не спешат ехать работать в свои ненаглядные Ереваны, Нахичеваны и Кутаисы. Будучи студентами, выпивая с нами, они не забывали поведать, как им здесь плохо, холодно и как хорошо у них дома. Какие у их хорошие люди. Но, окончив институт, оставались работать хирургами в русских больницах. Причина оказалась простой – ее поведал мне грузин: чтобы хорошо устроиться у себя, они должны "набить руку..." Набивать руку на грузинах и грузинках им никто не даст, приходится париться здесь еще 2-3 года». (http://krylov.livejournal.com).*

Таким образом, этнический враг часто конструируется благодаря характеру самого повествования – задушевные «истории из жизни» вызывают чувство доверия и достоверности происходящего и, соответственно, возмущение и негодование нелицеприятным, изощренно-злодейским и коварным поведением «врага». В таких постах важнее не только сами излагаемые факты, но и риторика, лексика сообщений, интерпретация деталей, которые и порождают негативизм и выдают нам «невидимые» доселе характеристики врага. Природа блога такова, что публикуемые темы воспринимаются, с одной стороны, как личное мнение автора, но с другой (благодаря высокой цитируемости или большому количеству комментариев) – как медиатекст, обладающий авторитетностью, доказательностью, компетентностью.

У многих авторов ЖЖ есть свои «излюбленные» «проблемные» национальности и вопросы. Самое большое количество претензий и «приколов» приходит-

ся на долю «евреев», которых многие пользователи рассматривают с примордиалистских позиций, когда принадлежность к этому этносу автоматически подразумевает наличие таких «еврейских» черт, как расчетливость, практичность, жадность, стремление к власти и использование развитых родственных сетей. Но в отличие от более агрессивных и недоброжелательных высказываний в адрес украинцев и выходцев с Кавказа, антисемитская риторика более дружественная и толерантно-юмористичная. Например, некоторые блогеры, идентифицирующие себя как евреи, с охотой иронизируют над собственной и чужой «еврейскостью».

Посты за исследуемый период содержали большое количество комментариев к антигрузинской кампании, кульминация которой пришлась на сентябрь 2006 года. Значительное количество тем было посвящено критике проамериканизма Саакашвили, желающего разорвать отношения с Россией и заполучить более сильного покровителя в лице США. У многих блогеров вызывали неприязнь и возмущение грузины как нация в общем, им вменялись в вину лень, изворотливость и желание паразитировать на русских людях. Грузия как государство мыслится националистически настроенными сетевиками как антирусское и антироссийское образование.

Согласно общей ЖЖ-тенденции любая националистская кампания тут же обрастает своими сетевыми «приколами» – нелепыми фотографиями, картинками, сделанными в фотошопе, стихами. Такое «народное творчество» снимает агрессивный и собственно шовинистский характер, делая из сильного и опасного «врага» нелепый и смешной образ.

В то же время с началом антигрузинской кампании осуждение *действий российских властей* оказалось более мощным стимулом и перекрыло по своей информационной активности предыдущие антигрузинские высказывания. Теперь все разговоры о грузинах сводились к обвинениям Путина и его политики. На фоне недовольства президентом России любые действия Грузии воспринимались как вполне адекватные сложившимся условиям. Можно сказать, эта ситуация является примером иерархичности врага, когда враг вызывает сочувствие, жалость и даже симпатию в случае проявления более сильного/серьезного/опасного врага. Тем более что первый враг является «внешним» и ситуативным, в то время как второй – это «внутренний» и перманентный враг.

Попытки привить российскому обществу толерантность как новую востребованную ценность вызывают в блогосфере прямо противоположный эффект. Для «продвинутых» блогеров толерантность (так же как и «американская политкорректность») ассоциируется с очередной попыткой государственных структур контролировать общество, навязывать ему свои ценности и идеи. Не отрицая

нравственных смыслов толерантности и не противореча им, лидеры блогосферы противятся самому термину как искусственному и неадекватному. Это своего рода протест против мейнстрим культуры, от которой блогеры хотят отмежеваться.

Вообще тему национализма и ксенофобии можно назвать модной в ЖЖ-сообществе, многие рейтинговые блогеры часто разыгрывают именно карту национализма как интересную, провокационную, привлекающую сетевых читателей. Особой чертой блоговой ксенофобии является «игра в национализм». Например, Самсон Шоладеми (http://sholademi.livejournal.com) подчеркивает, что хотя он – наполовину нигериец, но не любит негров. Можно проинтерпретировать эту ситуацию так, что его этническая инаковость дает ему право на ксенофобные высказывания, так как он в отличие от русских националистов, казалось бы, является жертвой, объектом национализма, и поэтому сам априори не может быть националистом. Поэтому, подшучивая над «фашистами» и «патриотами», он в то же время позволяет себе откровенно ксенофобные высказывания, используя свою неприкосновенность и сохраняя тем самым свой статус кво. Его ЖЖ – типичный пример модного националиста, для которого национализм – не идеология и не цель, а лишь прием, особая «фишка», способ привлечь внимание и не быть скучным.

В то же время крайние проявления ксенофобии и национализма осуждаются блогерами. В частности, в качестве смешных, нелепых, недалеких личностей выставляются люди, открыто демонстрирующие свои фашистские, националистские и традиционилистски-патриотичекие взгляды. Снижению серьезности и пафосности их идей, взглядов и действий способствует сетевая «антифашистская» лексика[10]: фошистег, поцреот, ноцыаналист. Эти неологизмы позиционируют собеседника в иерархичном блоговом ценностно-идеологическом пространстве, а также используются в качестве лакмусовой бумажки – теста на знание сетевого зыка и сетевых правил. Усваивая этот язык многие неонацисты успешно включаются в Интернет-коммуникацию, что привело к созданию таких понятий, как «гламурный фашизм», «гламурный национализм». Например, если человек называет себя «фошистегом», это воспринимается как несерьезность его идеологических установок, как вполне допустимая «игра в фашизм», временная Интернет-идентичность.

Другим примером создания общего врага являются высказывания рядовых блогеров относительно известных политических и общественных деятелей, жур-

[10] Основой которой является язык «компьютерщиков» и «албанский язык», получивший распространение на блоге udaff.com, визитной карточкой которого является выражение «ПрЕвед, медвеД!».

налистов. Большой резонанс и дискуссию в сети вызвало убийство известной журналистки Анны Политковской. Дискуссия была спровоцирована следующим постом: *«Вчера убили врага моего народа – Анну Политковскую. Гибель любого человека непоправимая трагедия. Однако одним врагом стало меньше, а это всегда радует»* (http://alekcei.livejournal.com). Это высказывание встретило множество как одобрительных, так и возмущенных комментариев, а также породило дискуссию о том, какими чертами должен обладать человек, чтобы быть названным врагом. Одним из аргументов «защитников» Политковской было то, что она – женщина. Поэтому право создавать врагов и быть отнесенным к врагам имеет гендерный оттенок и связано с представлением о нормативной мужественности и женственности. Например, Валерию Новодворскую могут называть врагом благодаря тому, что ее женские качества не соответствуют представлениям блогеров о нормативной женственности, и этот факт снимает моральное напряжение и не нарушает этику блогеров.

Враг внутренний (государство)

Как уже отмечалось выше, государственный бюрократический аппарат и олицетворяющая его действующая власть являются одним из самых серьезных «внутренних» врагов для блогеров. Основными объектами критики выступают действующий президент РФ В. Путин, а также некий абстрактный «Кремль», куда относят как правительство, так и Путина и его единомышленников, а также проправительственных журналистов. Критике подвергаются действия президента и правительства, новые федеральные законы и программы, личности политиков, их внешность и манеры.

Основной список «претензий» к Путину состоит из осуждения методов его политики, его тоталитарной позиции в государстве, применения силовых методов. Кроме того, принято обвинять в контроле всех сфер жизни российские спецслужбы, которые с помощью своего протеже Путина теперь фактически управляют страной, – всесильному и вездесущему «ГБ» инкриминируют организацию и провокации на Русском марше, разжигание межнациональной розни, стравливание интересов различных групп, попытки контроля блогосферы.

Тем не менее сама фигура и личность президента здесь не столь важна – в сети налицо тенденция критики любой официальной власти просто потому, что она – власть. А ЖЖ-сообщество, претендующее на роль «свободной зоны», отрицает любую власть и возможность контроля.

Сеть полна различными приколами, карикатурами, комиксами и анекдотами про Путина. Многие блогеры регулярно выкладывают ссылки на знаменитый

блог Владимир.владимирович™ (vladimir.vladimirovich.ru), который не является дневником по содержанию, а лишь по форме, где каждый день выкладываются две-три истории из «жизни президента». Этот блог дает возможность воспринимать президента не как авторитарного диктатора и опасную силу, но как персонажа веселой книги, знакомого всем с детства. Риторика, лексика и функции этого проекта напоминают знаменитый телесериал «Куклы», где есть набор фиксированных героев и забавные приключения, происходящие с ними в «ненастоящей» жизни. Таким образом, vladimir.vladimirovich – это типичный Интернет-симулякр, вызванный к жизни накопившимся протестом и невозможностью его выразить на других публичных площадках.

Другими приемами, создающими образ врага как нелепого, жалкого и глупого противника, являются анекдоты, метафоры, «приколы», фотошопные коллажи.

В результате введенного эссеистом и блогером Д. Ольшанским в оборот неологизма «кремляди» в ЖЖ появилось целое движение, рассуждающее о политической номенклатуре в таких терминах, всем членам ЖЖ-сообщества предлагается высказаться в поддержку «кремлядей» и «бушлядей». К первым относят людей, лояльных президенту и его окружению и поддерживающих и пропагандирующих их действия, ко вторым – сторонников оппозиционных лидеров и американской политики.

В сатирическом виде это разделение в ЖЖ выглядит следующим образом:

кремлядь (поддерживаете Путэна, Суркова, Ведмедика, российскую армию и милитаризм, СУ-39, Т-90, SS-20 (Satana), торпеды «Шквал», подлодки класса «Юрий Долгорукий», атомный крейсер «Петр Великий», «Единую Россию», Глеба Павловского, Алешечку Чадаева),

бушлядь (поддерживаете оппозицию и Касьянова, Лимоноффа, Каспарова и др. лохов, вторжение в Ирак, F-118, танки Abrahms, Trident II, Tomahawk, «Справедливую Россию», Стаса Белковского, Володиньку Голышева). (http://moska.livejournal.com/2555821.html)

Вообще для коллективной идентичности «настоящих» блогеров это одна из тех группообразующих тем, «против которых» дружат блогеры. Поэтому фигура Путина входит в список «обязательных тем» для упоминания. Высказать свою позицию по отношению к официальной политике – значит заявить о себе, спозиционировать себя в ЖЖ-сообществе.

Естественно, что все проправительственные организации и чиновники также попадают в категорию «объектов для критики». Чаще всех остальных в этой связи упоминается партия «Единая Россия» или едросы (ЕдРо), как их называют в сети.

Отдельной темой выделяются посты, обсуждающие действия работников силовых структур: ГИБДД, милиционеров, ОМОНовцев. Как правило, такие сообщения носят уничижительный или оскорбительный характер, делается акцент на незаконности их действий, на их жестокости, коррумпированности, низком уровне интеллектуального развития. Особо беспощадной критике подвергаются «менты», которых называют самым большим злом России. В этом контексте Россия признается страной парадоксов, где люди больше всего боятся именно милиции, гораздо больше, чем «бандитов», в отличие от других «цивилизованных» стран, где полицейских уважают и на них рассчитывают в минуты опасности.

При этом делаются ироничные замечания, что у нас менты имеют схожие с бандитами привычки и пристрастия, например любовь к русскому шансону:

«*Государство – это ОПГ. Дело в том, что государство и государственные служащие и менты в том числе – это и есть бандиты, только "окультуренные". Что такое налоги? Это окультуренная за столетия форма рэкета. Так что их борьба с обычными бандитами – это не антиподия, а конкуренция. Низовые сотрудники разных группировок в мирное время вместе пьют и слушают одни и те же песни*»... «*Менты – это бандиты узаконенные, оттого они в 10 раз опаснее для общества!*» (комментарий на сообщение http://alekcei.livejournal.com).

Особое внимание уделяется в ЖЖ работникам ГИБДД – гаишникам, которые конструируются как комические фигуры, малообразованные и тупые. Второй чертой, на которой концентрируется внимание блогеров, является их взяточничество и страсть к наживе, халяве. В этой связи долго дискутировался новый закон о правилах дорожного движения, где предусмотрены новые штрафы и повышение расценок.

Основными приемами конструирования негативного образа сотрудников правоохранительных органов и работников ГИБДД являются истории – байки, телеги, анекдоты, приколы. Поэтому «менты» воспринимаются как неизбежное и непреодолимое зло, но тем не менее это зло иногда рассматривается как некая изюминка, специфика российской культуры.

Враг молодой

Наряду с этническими и политическими врагами обозначились другие измерения вектора свои – чужие. Так, многие «продвинутые» блогеры начали «войну» против молодежных политических движений и организаций. Наиболее часто упоминаемыми являются пропутинское антифашистское движение «Наши», «Молодая гвардия» и «Россия молодая» (Румол, как называют ее в сети), а также отдельные молодые политики – Маша Гайдар и Олег Кашин. С одной стороны,

критика именно этих движений следует общим настроениям против всей «официальной» власти и против лояльности действующему политическому режиму. С другой стороны, претензии формулируются именно в отношении «правил ЖЖ-сообщества», того, что блоги – это пространство личных записей, мыслей и высказываний, и любые неличные технологии, тем более связанные с зарабатыванием денег и манипуляцией общественным сознанием, здесь неуместны.

Еще одним поводом для насмешек являются антифашисты (или антифа)[11], которые воспринимаются как нелепая оппозиция, «выпендривающиеся» и амбициозные, но при этом недалекие мальчики и девочки. Много негативной информации о них в анализируемый период связано с проведением Русского марша. «*Я даже не беру в расчет российскую профессиональную антифу – это вообще запредельная гнусь. Но даже* "*приличные вроде бы люди*" *не брезгуют разыгрывать истерики на эту тему – поминая при этом всуе* "*отцов и дедов*"*, которые* "*остановили фашизм*"» (http://krylov.livejournal.com).

Поэтому образ врага в лице неугодных блогерам молодежных политических движений формируется по интернетовским правилам: с помощью специфических смешных и ироничных словечек, высмеивания их действий, принижении их культурного и интеллектуального уровня, их политической компетентности и в целом малопрестижности такого занятия, как политика:

«*Молодежная политика – это онанизм и позерство. Позерство, потому что большинство акций рассматривается только с эстетической точки зрения... Пся гафкает, караван идет. Какой-то тухлый базар раскочегарился опять. Пусть их себе "нашествуют" и "румольствуют", проку от них все одно пока не видать, сами гоношатся, им интересно, ну так в путь. Есть и поважнее дела, чем эти марионеточные "молодежки" с их суетой щенячьей*» (http://sholademi.livejournal.com).

По мнению ЖЖ-сообщества, подобные организации специально создают блоги, где публикуют как можно больше постов, что является особой пиаровской стратегией. «Простые» блогеры осуждают такую стратегию как «ненастоящую» по отношению к ЖЖ-идентичности и полагают, что человек должен быть искренним и писать по велению души, а не по указке «партии». Вообще отношение к пиару в Интернете и внутри ЖЖ-пространства крайне негативное. Многие блогеры употребляют неологизм «пеар» – это очередной лингвистический продукт сети, который призван подчеркнуть, что технологии пиара имеют манипу-

[11] Несмотря на то что движение «Наши» позиционирует себя как антифашистское, в сети их воспринимают лишь как лояльную Кремлю (и финансируемую им) организацию. В то время как антифашистами называют представителей некоммерческих и негосударственных общественных объединений.

лятивный характер и лишены ценности простого человеческого общения, которое являются главным достоинством ЖЖ.

Враг ЖЖ

Осенью 2006 г. в сети появляется новый «враг № 1» – корпорация «СУП», основанная американским предпринимателем Эндрю Полсоном и российским бизнесменом Александром Мамутом, которая получила от компании Six Apart лицензию на обслуживание русскоговорящих пользователей. Под этим понятием подразумеваются все пользователи ЖЖ, проживающие на территории бывшего СССР, а также пользователи из других стран, пишущие в своих дневниках на кириллических языках (например, жители Болгарии, Сербии и Монголии). Этот факт вызвал волну протеста в Рунете – пользователи боялись введения обязательных платежей за пользование ЖЖ, возможной тотальной цензуры и гонений на нелояльных официальной власти и неугодных СУПу и его приверженцам блогеров. Обнаружившаяся возможность уязвимости и «продажности» свободного пространства, которым казался русскоязычный ЖЖ его резидентам, вогнала многих пользователей в депрессию, апатию и даже побудила их демонстративно закрывать свои журналы (уйти, хлопнув дверью). В перекупке русского ЖЖ видели «сионистский заговор» и покушение на права и свободу слова блогеров, стремление контролировать их мысли и тексты, как писали тогда в ЖЖ, *«евреи под руководством долбо...ба захватили весь Интернет»*[12].

Инцидент с СУПом имел еще и ценностный оттенок. Дело в том, что в публичном дискурсе Интернета ЖЖ представлен как пространство свободы самовыражения, в том числе и политической. Причем право выражать свое мнение по тому или иному вопросу высоко ценится. Это подтверждают обсуждения вопросов контроля блогосферы вообще и записей на блог-хостинге LiveJournal.com. Поэтому напряженность от структурных изменений, связанных со «сделкой века», лежит вдоль двух основных векторов. Первый – это возможность ужесточения контроля за записями и комментариями блоггеров со стороны государства в связи с предстоящими выборами. Направление второго вектора лежит вдоль возможности финансовых сделок компании «СУП» с партиями, которые будут использовать ЖЖ как инструмент в реализации своих политических проектов. И первый, и второй варианты чреваты изменениями в Живом Журнале, с которыми большинство пользователей не желает мириться.

[12] http://dolboeb.livejournal.com – блог Антона Носика.

Осложнялась ситуация тем, что известный блогер Антон Носик, выступающий в сети под ником dolboeb, получил в СУПе должность руководителя службы блогов (chief blog officer) и стал фигурой власти, которая одним своим присутствием ставит под сомнение возможность безграничного самовыражения пользователями в рамках сетевого сообщества. Поэтому многие пользователи расценили это как провокацию, – рядовой пользователь, которого все хорошо знали и читали, вдруг оказывается «монархом всея ЖЖ», как нарекли его в Сети. С другой стороны, резкие и непродуманные высказывания Носика на страницах своего дневника спровоцировали новую волну возмущения и подозрений в его «продажности». Многие блогеры боялись, что теперь Носик начнет сводить счеты со своими ЖЖ-оппонентами и конкурентами.

Поэтому после назначения Носика на столь высокую должность один из известных блогеров Mizgol объявил, что в знак протеста он уничтожает свой журнал. Как писали потом блогеры, «Мицгол застрелился». Эта символическая смерть стала единственно возможной виртуальной реакцией и «местью» новому врагу.

В целом ситуация с СУПом стала демонстрацией возможностей распространения моральной паники в Интернет, формирования нового корпоративного врага и нового мифа об «особости» и уникальности ЖЖ-пространства и идентичности его резидентов. СУП стал новым общим врагом, коммуникация «против которого» еще сильнее объединила блогеров.

В любом случае блогосфера выполняет несколько универсальных функций, отвечающих потребностям блогеров. С одной стороны, это собственно дневниковость, потребность делится с друзьями информацией о насущном, о своей повседневности и своих переживаниях. С другой – популярные блоги, дневники тысячников предоставляют им возможность сделать настоящую карьеру, получить выгодное предложение о работе и сотрудничестве (такие случае описаны в дневниках анализируемых нами ЖЖ-стов). Кроме того, блогосфера является удобной и эффективной площадкой для использования новых PR-технологий (что, кстати, осознается, обсуждается и пользователями, и потенциальными заказчиками, правда, блогеры в большинстве своем против коммерциализации, как разрушающей представления о «свободной зоне» ЖЖ). И наконец, посещаемость самых популярных ЖЖ уже приближается к показателям Интернет-версий официальных СМИ. И важным плюсом блогов как новых СМИ является повсеместное наличие обратной реакции, что делает эту коммуникацию более мобильной, открытой и чутко реагирующей на происходящие изменения.

Общими для всех этих «групп врагов» является то, что они конструируются в сети как угроза коллективной блоговой идентичности и даже физическому существованию блогеров. Враг этот приобретает государственные, этнические или институциональные формы и воспринимается не как личный враг, но как враг некой общности, под которой обычно понимается «русский народ», «молодежь», «нормальные люди». Важными качествами такого врага оказываются имманентность сети, его неуничтожимость и непобедимость, но в то же время осознание собственного превосходства и инаковости. То есть блогосфера воспринимается как сообщество единомышленников, коммуницирующих в рамках локального пространства, создающих правила этого пространства и контролирующих их выполнение. Коллективные враги покушаются на это пространство, его свободу, стремятся его контролировать, нарушают правила и подрывают устои сети. В то же время враг должен быть «естественным», то есть блоги должны сами выбрать или назначить врага, потому искусственные проекты, как, например, список Курьяновича, не приживаются и имеют шансов создать серьезную и долговременную Интернет-дискуссию. Снижению страха перед врагом и повышению собственной коллективной самооценки способствуют такие способы, как стеб, высмеивание, принижение интеллектуальных, габитарных, человеческих качеств врагов, возможность смоделировать виртуальный образ и виртуальные жизни врага (сайт Vladimir.vladimirovich.ru), фотошопные приколы (например, депутат Шандыбин в образе Шрека). В то же время создание врагов – это символическая борьба за власть, право быть первыми, рейтинговыми, читаемыми, определять повестку дня и формировать мнения. Не случайно в сети ведутся разговоры о предстоящей конвертации рейтингов в материальные выгоды, когда наиболее популярные и модные блогеры будут за деньги размещать у себя рекламную информацию.

В любом случае блогосфера является новым, абсолютно уникальным пространством, с ярко выраженным новым типом идентичности, создающим новые постмодернистские тренды, такие как «гламурный или модный национализм», и новым типом иерархизации социального мира.

Евгений Настоящев[1]

Вторая премия

Толерантность в отношениях светского религиоведения и теологии: российская специфика и перспективы

Российская социологическая энциклопедия определяет толерантность следующим образом: «1. Терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям; 2. Выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам; 3. Отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию»[2].

В справочниках издательства «Большая Российская энциклопедия» толерантность рассматривается не только в контексте социогуманитарного знания, но и в естественнонаучном контексте: «1. Иммунологическое состояние организма, при котором он не способен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам. Проблема толерантности имеет значение при пересадке органов и тканей; 2. Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды; 3. Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению»[3].

При всей заведомой слабости биологической аналогии, все-таки имеет смысл говорить о толерантности как социальном явлении в связи с иммунологическим значением рассматриваемого термина. Через упрощение предмета исследования мы приходим к модели той ситуации, к которой применимо анализируемое понятие, а именно – это ситуация, в которой имеет место если не взаимодействие, то, по крайней мере, соприкосновение двух гетерогенных объектов, перед каждым из которых стоит проблема сохранения своей специфики. При этом толерантность может толковаться и как условие для сохранения этой специфики, и как то условие, под воздействием которого специфика теряется.

[1] РГПУ им. А. Герцена, аспирант

[2] Российская социологическая энциклопедия / Под. общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1999. С. 579. См. также: Социологический энциклопедический словарь: На русском, английском, немецком и чешском языках / Редактор-координатор Г.В.Осипов. М., 2000. С. 370.

[3] Цит. по: Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 18. М., 2001. С. 114.

Наиболее остро проблема толерантности стоит в политической сфере, поскольку, с одной стороны, сохраняется ясность различения двух соприкасающихся объектов, почти та же, что и в системе организма, а с другой стороны – появляется конфликт интерпретаций происходящих процессов, детерминированный тем обстоятельством, что в качестве интерпретаторов могут выступать представители заинтересованных сторон.

Ясность различения определяется самой спецификой политического, определяемого нами в русле политологических построений Карла Шмитта: «Специфическое политическое различие, к которым восходят политические действия и мотивы, – это различение друга и врага»[4]. Конфликт интерпретаций возникает в результате политического конфликта, в связи с тем обстоятельством, что интерпретации порождаются участниками конфликта или исследователями, не преодолевшими (не снявшими и не оставившими) свои политические симпатии в процессе исследования или даже прежде, чем его начать.

В промежутке между иммунологической определенностью и политической неоднозначностью располагаются все иные случаи, к которым применимо понятие толерантности при условии, что суть рассматриваемых ситуаций вообще можно выяснить. В иммунологии «враг» или «чужак» (в данном случае скорее метафорический) определяется изначально, в политике именно определение того, кто есть враг, является главной проблемой; в остальных ситуациях предзаданность или волюнтаристичность определения врага разнообразно сочетаются.

При этом в политологии политическая толерантность определяется следующим образом: «позиция тех или иных политических сил, выражающая их готовность допускать инакомыслие в своих рядах; в случае, если эти силы находятся у власти, политическая толерантность проявляется в их политике допускать деятельность оппозиции в конституционных рамках, трактуемых с максимальной широтой»[5].

В объективной науке сам факт наличия оппозиции или разномыслия не может рассматриваться как заведомое благо, поскольку объективная наука, в общем-то, не предполагает наличия заведомого блага как такового и тем отличается от морализаторства и пропаганды. Этот момент приобретает особое значение, если рассматривать науку с точки зрения философии XX века, «общим местом»[6] и наиболее радикальным достижением которой является экзистенциализм.

[4] Цит. по: *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997. С. 394.

[5] Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И.Аверьянов. М., 1993. С. 375.

[6] См.: *Бадью А.* Манифест философии. СПб., 2003. С. 23–28. (Глава «Хайдеггер в качестве общего места»)..

«Вместе с Богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостигаемом мире. Не может быть больше блага a priori, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил»[7]. Если Бога нет – значит и оппозиции необязательно быть, и никто никем не вынужден заранее рассматривать инакомыслие не как (мысле-) преступление, а как-то иначе.

Вместе с тем толерантность предстает как средство смягчения конфликта в ситуации, когда конфликтующие стороны, не имея третьей стороны, заведомо не заинтересованной в исходе противостояния (а таков Бог, не зависящий от собственного творения и трансцендентный по отношению к нему), вынуждены считаться только друг с другом. И здесь проявляется противоречивость толерантности, с одной стороны, позволяющей более слабому противнику сохранить свое существование и особость перед лицом противника более сильного, а с другой стороны – сохраняющей возможность при переходе конфликта в другое русло привести в конечном итоге к победе одной из сторон. Снижение чувствительности к враждебному или, воспользуемся не столь эмоционально окрашенным словом, чужеродному воздействию – не отменяет само по себе последствий этого воздействия. Только весьма огрубляя, можно сказать, что толерантность, помогая слабейшему выжить, при этом ослабляет сильнейшего; на самом деле и ослабление, и гарантия выживания, и усиление – могут рассматриваться как различные последствия все той же, подчеркнем – одной и той же, толерантности. Просто не стоит упускать из виду, что именно «практика достойных форм признания своего поражения в политической борьбе – одно из свидетельств климата политической толерантности в партии или движении, а также в стране в целом»[8]. Толерантность в своем политическом проявлении экстраполируется на все иные случаи проявления толерантности в социальном контексте – с теми оговорками, о которых речь шла выше.

Далее мы рассмотрим специфику проявления толерантности в контексте соприкосновения светского религиоведения и теологии, причем учитывая принципиально важную в данном случае специфику и даже уникальность ***российского опыта*** указанного соприкосновения. При этом нужно иметь в виду, что, хотя в количественном плане больше важных событий произошло в западной науке, развитие отечественной науке определяется одним событием, имеющим, однако, решающее значение. Та ситуация, которая сложилась в религиоведческой науке как таковой, где российские исследователи играют второстепенную роль, может

[7] *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А.Яковлева. М., 1989. С. 327.

[8] Политология: Энциклопедический словарь. С. 375.

быть гораздо легче разрешима именно у нас, в силу уникальности российского опыта. Кроме того, следует оговориться, что речь пойдет об исследовании данной ситуации с социологической точки зрения, а «социология науки основывается на постулате, что истина продукта – даже если речь идет о таком сугубо специфическом продукте, как научная истина, – заключается в особом роде социальных условий производства, а точнее, в определенном состоянии структуры и функционирования научного поля»[9]. То есть научные концепции не отделимы от социальных условий их создания и, значит, от соответствующих ***практик***.

На этапе становления для светской науки о религии характерна секуляристская, а по сути – антиклерикальная и антитеологическая направленность. Светские науки, обратившиеся к религии как предмету своих исследований, противопоставляли себя исторически более ранним способам изучения религии – что вполне понятно, потому что если новый способ не отличается от старого, то нет причин говорить о его новизне и даже необходимости. При этом становление науки о религии происходило на Западе, и отечественная наука в данном случае могла только повторять западные схемы развития, хронологически предшествовавшие и поэтому данные в качестве образца.

Ранние религиоведческие школы появляются на базе более широких (в смысле общих, а не специальных) концепций. Так, мифологическая школа основывается на построениях немецкого романтизма и на сравнительных исследованиях мифологии и языков индоевропейских народов, антропологическая школа – на философии Фейербаха, социологическая школа Дюркгейма – на контовском позитивистском проекте.

По мере развития светской науки о религии все более настоятельной задачей стало снятие противоречия между теологическим и секуляристским подходами к исследованию религиозной проблематики. В связи с этим представляется важным рассмотреть противоположность подходов Фрейда и Юнга (в рамках развития психологии религии), а также классиков антропологии и Элиаде (в рамках развития как собственно антропологии, так и истории религий).

Фрейд интересовался прежде всего примитивными религиями, пытаясь найти историческое начало религии как явления и понять ее именно с точки зрения того, с чего она началась. При этом концепция Фрейда – секуляристская (хотя нельзя сказать, что свободная от мифологии), появление религии объясняется, исходя из психологических потребностей человека – как реакция на событие «убийства отца», причем доказать историчность этого события не представляет-

[9] *Бурдье П.* Поле науки // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 473.

ся возможным. Эта теория не только не нуждается для объяснения религиозных феноменов в откровении или гипотетическом существовании Бога, но прямо отрицает возможность истолкования религии как проявления чего-то потустороннего. Никакой Бог не давал Моисею никаких скрижалей, просто евреи убили Моисея – и иудаизм родился из болезненной реакции на это событие.

Юнговская концепция коллективного бессознательного и концепция архетипов оставляет открытым вопрос: является ли религия просто отражением структуры психики или психика структурирована Кем-то так, чтобы человек был религиозен, причем религиозен вполне определенным образом. В работе о догмате Троицы[10] доказывается, что при всем разнообразии проявлений архетипа Троицы более всего ему соответствует его христианская трактовка, причем с филиокве. Остается открытым вопрос о происхождении этого архетипа, остается возможность ответа: этот архетип встроен в человеческую психику собственно Кем-то из, образно выражаясь, заинтересованных Лиц. Тут важно то, что этот ответ звучал задолго до юнговского вопроса – в творениях Отцов Церкви и мистиков Нового времени (к примеру, Я. Беме). При этом Юнг не перестает быть светским ученым и не становится апологетом какой-то конкретной христианской традиции, он также не уходит в паранауку и мистицизм: это выводы из его построений могут быть мистическими, а сами по себе построения таковыми не являются. С тех же позиций анализируются Юнгом нехристианские религии[11], и, как и в случае с анализом догмата о Троице, допустимы различные толкования юнговского анализа.

Под антропологией в социогуманитарных науках понимается не столько учение о человеке, сколько исследование первобытных обществ и первобытной культуры. Классическими считаются труды Э.Б. Тайлора («Первобытная культура»), Дж. Фрэзера («Золотая ветвь», «Фольклор в Ветхом Завете»), А.Р. Рэдклифф-Брауна, Б. Малиновского. Как нам представляется, классике антропологии противостоит Мирча Элиаде, причем это противостояние в существенных чертах аналогично противоречиям между Фрейдом и Юнгом.

В то время как классическая антропология рассматривает религию как результат сугубо человеческой деятельности и выявляет развитие более сложный религиозных представлений и практик из примитивных: анимистических, тотемических, магических и т. п., Элиаде акцентирует внимание на том моменте, который как раз и делает религию религией. Он исследует явление иерофании, т.

[10] См. *Юнг К.Г.* Попытка психологического истолкования догмата о Троице // *Юнг К.Г.* Ответ Иову. М., 2001. С. 99–186.

[11] См., напр.: *Юнг К.Г.* Тибетская Книга Мертвых: психологический комментарий // Тибетская Книга Мертвых. Бардо Тхедол. М., 2005. С. 8–37.

е. проявления сакрального «в жизни человеческого сообщества, человека»[12]. Подобно тому, как исследование эволюции стихосложения не объясняет (или объясняет недостаточно), почему современный человек пишет стихотворение, картина эволюции религии не дает ответа на вопрос о том, что же случается такого, после чего начинается религия – не как историческое явление, существующее едва ли не столько же, сколько существует человечество, а как часть жизни конкретного человека: хоть древнего, хоть современного.

Если классическая антропология опровергала религию как таковую рассмотрением ее как чисто человеческой деятельности, то антропология и история религии Элиаде может быть истолкована как в секуляристском, так и в религиозном ключе.

Подчеркнем еще такой нюанс: секуляристским концепциям классиков антропологии и основателя психоанализа противопоставлялись также и религиозные концепции, такие как концепция первобытного монотеизма (В. Шмидт) или мистическое учение о бессознательном как вместилище бесов. Эти концепции в разной степени соответствовали или не соответствовали требованиям научности, но объединяла их полемичность по отношению к антирелигиозным выводам науки. Полемичность Юнга по отношению к Фрейду и Элиаде по отношению к классической антропологии также имеет место, но это другая полемичность: здесь имеет место не столько отстаивание альтернативной точки зрения, сколько установка на создание ситуации, где число возможных альтернатив вырастет, при сохранении как объективности, так и критичности исследования.

Снятие противоречий между клерикальным и атеистическим взглядами на религию представляется маловероятным, по крайней мере если проблему формулировать именно так и добиваться разрешения ее в рамках науки – в то время как проблема появилась за пределами науки и основной конфликт протекает там же. Нам представляется перспективной такая задача: выработка такого языка религиоведческой науки, на котором в принципе нельзя ни проповедовать веру, ни пропагандировать неверие. Важным представляется появление таких текстов, из которых невозможно понять позицию автора относительно религии. Таким образом, достигается объективность исследования: религия является здесь наконец-то не личным делом, а объектом исследования.

[12] См.: *Петрухин В.Я.* Комментарии // *Элиаде М.* Избранные сочинения: очерки сравнительного религиоведения. М. 1999. С. 428. – Сам Элиаде избегает давать четкое определение иерофании, указанное его сочинение издавалось в 1958 г. под указанным названием, а в 1949 г. под названием «Трактат по истории религии» (русское издание под этим названием – СПб., 2000. В 2 т.).

То есть науке о религии предстоит раскрытие ее объективного характера: от объединения в своих рамках исследователей, по-разному относящихся к религии как таковой или отдельным религиям, но использующих один и тот же язык полемики, – до создания языка исследования, на котором полемика в религиозном или идеологическом смысле невозможна. Архетипы Юнга и иерофании Элиаде – это как раз понятия такого языка, на котором нельзя сказать: «Бога нет» или «Бог есть» – в том смысле, в каком об этом говорится в ученых диспутах о вере или в ходе конфликтов между представителями религиозных и нерелигиозных социальных групп. Полемика между конфессиями и между религией и атеизмом должна вестись за пределами поля научного исследования религии. В связи с этим представляет интерес, к примеру, эссе Эмиля Чорана «Новые боги»[13], в котором рассматривается ситуация триумфа христианства в Римской империи, в том числе спор императора Юлиана с современными ему великими христианскими мыслителями. По этому эссе решительно невозможно судить, на чьей стороне находится автор: он так обличает христиан, что обличение переходит в апологию, и он так восхваляет язычников, что их крах кажется совершенно закономерным. Этот публицистический образец рассмотрения религиозной проблематики, при всей его отдаленности от научного подхода кажется нам прообразом новой объективности научной теории религии.

В то время как на Западе противоречие между теологическим и секуляристским подходами в определенной степени сглажено, поскольку борьба их не достигла наивысшего проявления, когда один из подходов побеждает и занимает однозначно господствующую позицию, в России имело место именно многолетнее господство одного из подходов, а именно секуляристского, причем в наиболее радикальном его проявлении.

Советская эпоха представляется нам ключевой для понимания тенденций развития российской религиоведческой мысли. Имеет смысл сначала разобраться с этой эпохой, а потом – через нее – рассматривать дореволюционный и постсоветский, современный, периоды.

В советский период место религиоведения занимает научный атеизм, появившийся на основе марксистского социально-философского проекта. В связи с этим провозглашалось, что «вера в бога обусловлена прежде всего объективными отношениями зависимости людей от природы и от господствующих над ними общественных сил»[14]. Первая часть процитированной формулы восходит к Фей-

[13] *Чоран Э.М.* Злой демиург // *Чоран Э.М.* После конца истории. СПб,; 2002. С. 37–54.

[14] Диалектический и исторический материализм / Под общ. ред. А.Г. Мысливченко, А.П. Шептулина. М., 1988. С. 446.

ербаху[15], вторая – к основоположникам марксизма[16]; в целом формула по сути атеистическая, неприемлемая для религиозного сознания – таким образом, если наука основывается на таких постулатах, то религиозный человек этой наукой заниматься не может. Таким образом, противоречие между теологией и наукой обостряется до крайности, что находит свое отражение в формулировке задач не только научного атеизма в целом, но и его отдельных отраслей, в том числе социологии религии: «В буржуазном религиоведении постоянно обсуждается вопрос о соотношении социологии религии и теологии. Сама постановка этого вопроса вытекает из признания права теологии на "познание" религии»[17]. В то время как «теология противоположна науке, она представляет собой конструкт ложных идей»[18].

Подобный подход появился в России не на пустом месте. Было бы странно предположить, что исключительно теологическое рассмотрение темы «религия и общество»[19] вдруг, безо всякой подготовки, сменилось исключительно антитеологическим. Еще страннее предположение, что советские атеисты на правах победителей не нашли бы своих единомышленников в предшествующем периоде развития российской мысли[20], тем более что основания для этого имеются: «предтечей научного подхода к религии можно считать секулярную идеологию российского Просвещения»[21]. В качестве предшественников советского атеизма называют: Радищева, декабристов, революционных демократов, естествоиспытателей-материалистов, революционных народников[22]. Материалистическое толкование религии возводится в первую очередь к Н.Г. Чернышевскому[23], концепция социальной природы религии (ключевая не только в научно-атеистической социологии религии, но и в научном атеизме в целом) – к М.А. Бакунину, П.Л. Лаврову, П.Н. Ткачеву[24].

При этом на сегодняшний момент представляется невозможным сбрасывать со счетов социально-философские достижения русских религиозных мыслителей, начиная с Илариона (чьи идеи пересказаны на современный лад Вышеславцевым в «Этике преображенного Эроса»), заканчивая философами Серебряного века и эмиграции. И без того заостренно поставленная проблема соотношения науки и теологии еще более обостряется в связи с поставленной В.С. Соловьевым задачей философского «оправдания веры отцов». Если эту задачу как минимум не игнорировать (при том что относиться к ней можно как угодно и в любом случае иметь в виду, что это задача – для отдельных исследователей, а не философии или научного религиоведения как таковых), то однозначно атеистическая по своему характеру социология религии оказывается односторонней и необъективной.

В современной российской социологии религии речь может идти максимум о «методологическом атеизме»[25] как средстве достижения объективности полученного знания, при том, что заниматься этой наукой, в принципе, возможно и с целью атеистической проповеди, и с целью религиозной апологетики. При этом сейчас представляется продуктивным не возврат к дилемме теологического или атеистического подхода, а выход на ту же проблему, которая стоит перед западной наукой о религии, – проблему выработки такого языка, с помощью которого вообще невозможно достичь ни апологетических, ни пропагандистских целей. Не возврат к атеистической пропаганде, которой «мешает» научная нейтральность, но и не возврат к конфессионально ангажированному исследованию, которому «мешает» научная критичность, а – поиск нового качества научной объективности, в котором преодолевается вся-

[15] «Основу религии составляет чувство зависимости человека… Природа есть первый, изначальный объект религии» (*Фейербах Л.* Сущность религии // Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 421). Обращение к процитированной работе Фейербаха позволяет существенным образом уточнить его взгляды на религию, обычно выражаемые формулой «антропология есть тайна теологии», уточнение: христианской теологии, а не теологии как таковой. Противоречие между человеком и природой как объектами религиозного поклонения снимается в дюркгеймовой теории общества как такого объекта указанного поклонения, который одновременно и включает человека, и является чем-то объективным и внешним по отношению к нему.

[16] Концепция тесной связи существования религиозных представлений с существованием эксплуатации восходит ко второй главе «Манифеста Коммунистической партии».

[17] *Яблоков И.Н.* Социология религии. М., 1979. С.17.

[18] Там же. С. 18.

[19] Как это представлено, например, в: Социология религии в России // Развитие социологии в России с момента ее зарождения до конца XX века / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2004.

[20] Еще Зеньковский отмечал: «Книги, посвященные обзору неомарксистской философии, хотят… представить т. наз. диалектический материализм как завершение и высшую точку в развитии материалистических идей, будто бы все ярче и настойчивее проявлявших себя в истории русской мысли. В этом освещении материализм является чуть ли не основным национальным русским движением» (*Зеньковский В.В.* История русской философии. М.; Харьков, 2001. С. 708.)

[21] *Смирнов М.Ю.* Тема религии в русской дореволюционной социологической мысли // Российская социология: Историко-социологические исследования / Под ред. А.О. Бороноева. СПб., 2006. С. 195.

[22] См. *Сухов А.Д.* Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980. 228 с.

[23] «Лишь отсталость русской жизни, говорит Ленин, помешала Чернышевскому "подняться до диалектического материализма"» (*Сухов А.Д.* Указ. соч. С. 123)./

[24] Там же. С. 217–221. См. так же: *Володихин А. И., Шахматов Б.М.* Атеисты, революционеры, народники // Встань, человек! / Сост. А.И. Володихин, Б.М. Шахматов. М., 1986. С. 5–44.

[25] *Гараджа В.И.* Социология религии. М., 1996. С. 14.

кая ангажированность: церковная, сектантская, секуляристская. Российская наука здесь находится в более благоприятном положении, нежели западная, поскольку у нас теологический тезис и атеистический антитезис получили более яркое историческое воплощение и, соответственно, можно более четко разграничить собственно религиозную и секулярную тенденции в исследовании религии. А поэтому и снятие противоречий между теологией и атеизмом легче достижимо.

При этом на Западе противостояние секуляризма и клерикализма не может на данный момент быть описано посредством четкого разграничения антагонистических тенденций. Осознавая всю (двойную) порочность военной метафоры, все-таки рискнем прояснить суть дела так: имеет место не позиционная («странная») война, а решительная схватка («смешались в кучу кони, люди»). Об итогах этой схватки говорить как минимум преждевременно, а на сегодняшний день еще и затруднительно в связи с ее идейным и социальным контекстом.

В идейном плане мы имеем в виду философский (герменевтический, эстетический, этический, гносеологический и т. д.) тупик постмодернизма, в котором говорить о чем-то конкретно осмысленном, однозначном и при этом всеобщем[26], в том числе – о чьей-то победе, невозможно.

В социальном плане мы имеем в виду тупик политического проекта секуляризации, все успехи которой обернулись на данный момент тем, что единственной сверхдержавой руководит протестантский фундаменталист[27], а открыто противостоять этой сверхдержаве могут только исламские фундаменталисты же. Впрочем, описанная ситуация более-менее случайна и характеризует только те события, которые происходят на поверхности, в то время как расцвет оккультизма и неоязычества – с одной стороны и появление исламского фактора в мировой политике (и возрастание влияния мусульманских общин в наиболее секуляризованных государствах Европы) – с другой стороны, позволяют как минимум предположить, что «секуляризация» – это обозначение «эпохи смены религиозных парадигм». Нам здесь важно не то, как охарактеризовать происходящее с точки зрения интересующей нас проблемы, а сама ситуация тупика и неопределенности.

[26] Постмодернизм отвергает всеобщее в пользу частного, как «большой нарратив» в пользу «малого». См. основополагающий текст *Лиотара* «Состояние постмодерна» (М.; СПб.: 1998. 160 с.).

[27] Процитируем и такое суждение о современной Америке, как «стране, разделенной на политических реакционеров и религиозных маньяков», где «либерала встретишь не чаще, чем ходячее дерево или горящий куст» (*Видал Г.* Почему нас ненавидят. Вечная война ради вечного мира. М., 2003. С. 129.)

Отношение теологии к науке трактуется в диапазоне от «религиозное мировоззрение во имя самосохранения выступает неизбежно как сила, враждебная науке»[28] до выделения типов взаимодействия богословия и науки, включающих, помимо конфликта и независимости: диалог, интеграцию, гармонию, ассимиляцию[29]. В религиоведении как совокупности дисциплин, имеющих своим предметом религию, указанные отношения осложняются в большей степени, чем где-либо еще. Это связано в том числе с тем, что светская наука о религии может с успехом брать на себя задачи теологии и справляться с этими задачами. Подкрепим это утверждение.

Исследователи примитивных религий часто сталкиваются с тем, что наряду с подробно разработанной ритуальной стороной религиозной жизни и достаточно четкой (по меркам примитивного общества) социальной структурой, выстраиваемой на основе религиозной деятельности, имеет место чрезвычайная расплывчатость и неопределенность религиозных представлений. Исследователи ищут, например, у примитивного религиозного человека анимизм, но сколько его ни спрашивай, он никак не может сформулировать анимистический или хотя бы какой-то другой, но конкретный, взгляд на мір. Примеры подобных затруднений описаны и обобщены в книге С.А. Токарева «Ранние формы религии»[30]. Существует пропасть между языком примитивного человека и языком современной науки, в отсутствие письменности и иной фиксации расплывчатых, но все же достаточно определенных формул религиозных воззрений, эта пропасть становится практически непреодолимой. И исследователь – светский, да и вообще максимально далекий в своих представлениях от верований первобытной эпохи человек – вынужден затрачивать собственную мыслительную энергию на доведение первобытной религии до стандартов, приближающих ее к теологии христианства или ислама или любой другой религии, для которой характерно наличие письменности и хотя бы минимальный отрыв от мифологии. Что это, как не теологическое творчество, выполняемое для нужд светской науки и в рамках светского научного исследования?

Парадокс заключается в том, что если исследователь работает с религией, у которой не развита собственная теология, его исследование превращается в набросок этой теологии.

[28] *Гараджа В.И.* Критика теологической интерпретации науки // Наука и теология в XX веке: Критика теологических концепций науки / Под ред. В.И. Гараджи, А.Д. Сухова. М., 1972. С. 68.

[29] Приведена классификация Д. Полкинхорна, см.: *Полкинхорн Д.* Наука и богословие: Введение. М., 2004. С. 29–31.

[30] *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990. С. 25–28.

Ситуация осложняется в связи с некоторыми тенденциями развития собственно теологии, а точнее, либеральной христианской теологии, которая есть направление или этап в развитии западной христианской теологии. Как направление она рассматривается теологами-традиционалистами, причем как направление, им оппозиционное. Как этап – самими либеральными теологами (по крайней мере – некоторыми из них) в рамках следующей схемы: мір изменился, христианство должно отреагировать на эти изменения, потому что старые ответы больше не актуальны.

Родоначальник либеральной теологии – Фридрих Шлейермахер, для которого характерно смещение центра теологического исследования с Самого Бога на человеческое восприятие Его, более того – на религиозное чувство[31]. В связи с этим Шлейермахер разрабатывает герменевтическую[32] проблематику, оказываясь основателем современной философской герменевтики. Впрочем, его влияние, помимо герменевтического наследия, на последующее развитие общепринятых представлений о религии имело ограниченный характер.

Гораздо большее значение для либеральной теологии представляет Серен Кьеркегор. Для него характерно необычайно острое переживание тех моментов человеческой жизни, которые делают актуальными религиозную проблематику. Важнейшие его труды[33] посвящены библейскому эпизоду жертвоприношения Авраама, фигуре Иова, а также исследованию положения человека, поставленного в ситуацию жестокого и принципиального выбора «или – или». Причем подобные по напряженности моменты имеют место, по мысли Кьеркегора, в жизни любого человека. Кьеркегор вводит в современный оборот понятие «экзистенция» и является, таким образом, основателем экзистенциализма. Конец его жизни ознаменовался разрывом с «официальным» христианством. Основание этот разрыв находит в крайне индивидуалистической позиции, характеризующей кьеркегоровскую мировозренческую позицию.

Идеи Кьеркегора оказали незначительное влияние на современников. «Ренессанс Кьеркегора» связан с выходом в свет в 1919 г. комментария Карла Барта на Послание к Римлянам. Продолжателем кьеркегоровской традиции стал Лев Шестов,

[31] «Как вы назовете… сторону чувства? Какая жизнь должна им составляться…? Я полагаю,что это есть религиозная жизнь» (*Шлейермахер Ф.Д.* Речи о религии, обращенные к образованным людям, ее презирающим: Монологи. СПб., 1994. С. 83).

[32] См.: *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб., 2004. 242 с.

[33] *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993. О Кьеркегоре см.: *Шестов Л.* Киркегард – религиозный мыслитель // *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998 (краткий и чрезвычайно емкий очерк кьеркегоровской философии).

который нашел в построениях датского философа нечто крайне схожее с собственными воззрениями, для которых характерен разрыв со светской рационалистической традицией и с традиционным христианством. Ширящаяся известность Кьеркегора и перевод его сочинений с датского на более распространенные языки стали предпосылками формирования экзистенциалистской философской школы. Представители этой школы, как религиозного (Габриель Марсель, Карл Ясперс), так и атеистического (Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Мартин Хайдеггер) направлений внесли серьезный вклад в понимание религиозности. Особый интерес представляет точка зрения Эмиля Чорана (Сиорана), занимающая неопределенно-промежуточное положение между религиозностью и атеизмом: «Бог есть. Даже если его нет»[34].

В лице экзистенциализма либеральная теология до неразличимости сближается с современной философией. К примеру, тексты пастора Пауля Тиллиха[35] вполне можно рассматривать как сочинения чисто философские. Достигнув пика своего развития, либеральная теология максимально сближается со светским взглядом на религию. Наиболее радикальная версия либеральной теологии – теология секуляризации, в том числе – так называемая «теология смерти Бога».

Осмысление секуляризации как положительного с точки зрения христианской системы ценностей процесса связано с именем Фридриха Гогартена и в дальнейшем достигло своего апогея в теологических построениях Дитриха Бонхеффера, который высказал мнение, что человечество достигло в своем развитии такого этапа, на котором оно не нуждается больше в Боге. Эта «взрослость» человечества не отменяет значения христианской теологии, но изменяет это значение, теология должна приспособиться к изменившейся ситуации, признать смерть Бога и существовать, не принимая в расчет Божество.

Теология, отказываясь от идеи Бога и от самого слова «Бог» в своих построениях, теряет свою специфику, но, оставаясь теорией религии, становится практически неотличимой от философии религии (особенно в экзистенциалистской версии) и от ряда направлений светского религиоведения.

Заслуживает также внимания близость секуляристских толкований религиозных текстов к проекту демифологизации Евангелия, предпринятому Рудольфом Бультманом[36]. Демифологизация предполагает отделение абсолютно истинного

[34] *Чоран Э.М.* Записные книжки 1957–1972 // *Чоран Э.М.* После конца истории: Философская эссеистика. СПб., 2002. С. 535.

[35] *Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. М., 1995. 479 с.

[36] См.: *Бультман Р.* Избранное: Вера и понимание. В 2 т. М., 2004. 752 с. О Бульмане см.: *Горин А.* Краткий богословский анализ программы демифологизации — экзистенциальной интерпретации Рудольфа Бультмана. (Режим доступа: http://www.krotov.info/library/g/

содержания священного текста от относительно адекватной формы изложения, сюжет Евангелия рассматривается не как рассказ о действительно имевших место событиях, а как способ донесения до читателя информации, доступной только при применении экзистенциального метода толкования. За исключением последнего момента данный подход в принципе применим как для проповеди Евангелия, так и для опровержения христианства, то есть это ценностно-нейтральный подход, вполне соответствующий в этом отношении критерию научной светскости.

В связи с теологией смерти Бога историки теологии говорят о «христианском атеизме»[37], который, по сути, является атеизмом методологическим – характерным для социологии религии в последовательно секуляристском понимании ее специфики[38].

В ранних, умеренных, вариантах либеральной теологии уже присутствует нечто, заставляющее теологов-традиционалистов отказываться признавать либеральную теологию собственно теологией. «Можно сказать, что А. Гарнак сводит бога к культуре, Э. Трельч – к религиозному чувству, а Б. Ричль – к этике»[39]. Этика есть предмет исследования одной из отраслей философии, культура – предмет культурологии, чувство (хоть и религиозное, но человеческое) психологии; для теологии (хотя бы паре слов о Боге как Таковом) тут нет не только места, но и повода. В поздних, *радикальных* версиях либеральной теологии, связанных с именами Дж. Робинсона[40], Г. Ваханяна, Г. Кокса, П. Ван-Бурена, У. Гамильтона, Ш. Огдена, Дж. Кобба, Т. Альтицера и др., сами либеральные теологи, по сути, отрицают за собой право и возможность именоваться теологами.

В России либеральная теология представлена двумя школами: школой Владимира Соловьева («софиология») и школой Александра Меня («меньшевизм» – ироническое прозвище, отсылающее не только к течению в социал-демократии, но и к таким прозвищам, как «славянофилы» и «западники»). На сегодняшний момент наибольшее значение имеет вторая (и позднейшая в плане хронологии) школа. Это связано с тем, что софиология потеряла свое значение именно в том контексте, в котором она может хоть что-то значить: «Софиология в настоящие дни вряд ли представляет интерес для молодых православных богословов, которые предпочитают преодоление раздвоения между природой и благодатью на путях

gorin.html); *Лезов С.В.* Рудольф Бультман как историк и теолог. (Режим доступа: http://www.biblicalstudies.ru/Books/Lezov11.html).

37 См.: *Хегглунд Б.* История теологии. СПб., 2001. С. 350.

38 См.: *Гараджа В.И.* Социология религии. М., 1996. С. 14–15.

39 *Алексеев В., Григорьев А.* Религия антихриста. Новосибирск, 1997. С. 87.

40 *Робинсон Дж.* Быть честным перед Богом. М., 1993. 158 с.

христоцентрических, библейских, святоотеческих»[41]. Важнейшая характеристика школы Меня – скуляризированность, обращение к социальной проблематике с внетеологических позиций, доходящее (особенно в публицистике) до антиклерикализма, в рамках которого данная школа также выпадает из контекста, в котором может иметь хоть какой-то смысл.

Таким образом, проблема толерантности применительно к взаимоотношениям светского религиоведения и теологии, несомненно, актуальна. Во-первых, необходимо считаться с политизированным противостоянием сциентизма и антиклерикализма, с одной стороны, и клерикализма, а также теологического решения религиоведческой проблематики – с другой. Во-вторых, необходимо учитывать тенденции в развитии теологии, в некоторых направлениях сближающейся со секулярной философией и обмирщенной идеологией, так и науки о религии, которая сближается с теологией в самых неожиданных точках научного исследования религии. При этом толерантность проявляется во всем своем противоречивом значении: как условие для мирного сосуществования сторонников светско-научного исследования религии и исследования теологического, и как возможность взаимопроникновения теологии в науку, а науки в теологию.

При этом толерантность здесь получает как субъективное, так и объективное содержание. В соответствии с первым: появляется возможность характеризовать толерантные или интолерантные мотивы и сами действия участников рассмотренных процессов. В соответствии со вторым: можно говорить о логике процессов, неподвластной субъективному воздействию.

В российском религиоведении более остро, в сравнении с западным, стоит проблема противоречия секулярного и теологического подходов, следствием чего, вероятно, может явиться более легко достижимое снятие противоречий между указанными подходами. Это снятие противоречий, что вытекает из логики развития религиоведческих дисциплин, достигается не через преобладание одного из данных подходов, а через оставление существующего противоречия и выход на третий подход, не создающий возможности ни для теологической апологии, ни для атеистической деструкции религии. Основной причиной того, что сложилась такая ситуация, является многолетнее преобладание секулярного атеистического подхода, позволяющее как обнажить противоречия между светской наукой и теологией, так и выяснить те случаи, когда даже в неблагоприятных социально-политических условиях наука будет толерантна по отношению к теологическому исследованию.

41 *Мейендорф И.Ф.* Православие в современном мире. Клин, 2002. С. 236. «Настоящие дни». 1969 год.

Современные молодежные сообщества в культуре и политике

Девятый конкурс, 2008 год

Вера Галиндабаева[1]
Первая премия

«Иногда я русский, а иногда бурят»: стратегии конструирования «метисности» в молодежной среде Бурятии

В СССР в результате противоречивой «национальной политики», обоснованной эссенциалистской теорией этноса Ю. Бромлея[2], за 70 лет было сформировано этноцентрическое сознание. Здесь мы будем использовать определение В.С. Малахова: под этноцентричным мышлением подразумевается такой способ теоретического упорядочения (классификации, организации) социальной реальности, при котором базисной категорией является «этнос», в свою очередь понимаемый в эссенциалистском смысле как самодостаточная данность, которая выполняет роль субъекта истории и самостоятельного агента социального действия[3]. С 1932 по 1998 г. этническая принадлежность индивидов («национальность») фиксировалась в паспортах и могла иметь принципиальное значение для доступа к социальным благам. При этом паспортная система закрепляла этническую принадлежность как биологическую, определяемую «по крови», а не по самосознанию. В рамках этой модели нация выступает как кровнородственное сообщество, а не гражданское. Не удивительно, что этнические различия стали восприниматься в качестве главных и решающих в системе социальных отношений[4]. Представление об этносах как «биосоциальных организмах» позволило советской этнографии использовать классификацию человечества по расам: кроме языка, культуры и территории расселения каждому этносу был приписан «характерный» для него «антропологический тип», свое «лицо». Вследствие этого фенотип человека стал считаться определяющим критерием приписывания этнической идентичности и на уровне по-

[1] Вера Галиндабаева – аспирантка кафедры истории, археологии и этнографии Бурятского государственного университета, призер конкурса (1 место) (Улан-Удэ).

[2] *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 2008. 440 с.

[3] *Малахов В.С.* Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004. С. 85.

[4] *Малахов В.С.* Настоящее и будущее «национальной политики» в России // Прогнозис осень. 2006. № 3(7). С.146.

вседневных практик. Так называемый традиционный/биологический расизм был встроен в теорию этноса и этноцентричный дискурс. В.С. Малахов считает, что в современной России в ходу теперь не аргументы крови, а аргументы цивилизации и культурцентристский расизм постепенно приходит на смену традиционному[5]. Однако мое исследование проблемы «метисов» в Бурятии показывает, что биологический расизм не утратил своего места в этноцентрической логике повседневных практик и в начале XXI века. Культурные практики являются дополнительными по отношению к «чистоте крови», определяемой по соответствию фенотипа человека каноническому образу «истинного бурята» или «истинного русского».

В рамках политики институционализации национальных территорий, языка, элит была сформирована «бурятская социалистическая нация», получившая собственное государственное образование (Бурятскую АССР). А население республики было поделено на «коренное» – бурят, эвенков и «пришлое» – русских, украинцев, татар и др. Конструирование «бурятской этнонации» в советский период проходило в процессе социо-культурной модернизации, которая была связана с началом строитель-ства крупных промышленных предприятий в городе Улан-Удэ с конца 30-х годов XX века. И. Г. Балханов выделяет два поколения мигрантов «бурят» в городе (60-е и 80–90-е) на основе отношения к своей «этнической» идентичности и языковой компетенции[6]. Так как знание русского языка являлось залогом успешной социализации в городе и карьерного роста, то функциональность бурятского языка снижалась. В условиях унификации языкового и культурного пространства в пределах города главными отличиями «русского» от «бурята» на уровне повседневности стали «антропологические признаки». «Чистого бурята» по «антропологическим признакам» относят к монголоидной расе: высокие скулы, эпикантус, невысокий рост, жесткие темные волосы, смуглый цвет кожи, карие глаза и т. д. «Чистого русского» – к европеоидной: светлая кожа, мягкие и волни-стые волосы, узкий и резко выступающий нос, тонкие губы, ортогнатизм и т. д[7]. Тот, кто совмещает эти признаки, маркируется как «смешанный» или «метис». «Метис» в узком смысле слова означает потомка от брака представителей двух рас, монголоидной и европеоидной. Хотя в политическом дискурсе понятие «метис» отсутствует и каждый гражданин имеет право выбрать этническую идентичность по своему усмотрению, в научном дискурсе и на уровне повседневности воспроизводится разделение на «чистокровных» и «смешанных». «Метис» в данном

[5] *Малахов В.С.* Скромное обаяние расизма // Знамя. 2000. № 6. С. 185.

[6] *Балханов И.Г.* Двуязычие и социализация – УУ.: ВСГАКИ, 2002. С. 170.

[7] www.ru.wikipedia.ru

контексте – это человек, отличающийся от «чистого» представителя этноса не только фенотипом, но и неопределенными врожденными личностными качествами, обусловленными «смешением кровей».

В рамках этноцентрического сознания понятия «межнациональный» брак и «метис» несут негативное значение, так как ведут к размыванию «этнических» границ. Но это не стало препятствием для роста этих браков и численности детей с «двойной этничностью» в повседневной жизни Улан-Удэ. С 50-х годов XX века в Бурятии наблюдается рост «межнациональных» браков, и сегодня это стало ординарным явлением, а понятие «метис», «смешанный» прочно вошло в словарь горожан. Тема «метисности» косвенно затрагивалась при исследовании причин роста «межнациональных браков» в дискурсе примордиальной теории. Г.С. Махарова в ходе исследования пришла к выводу, что причиной заключения «межнациональных браков» в Бурятии является, как ни странно, любовь. Причинами увеличения числа таких браков автор называет накопленный в советское время позитивный опыт межэтнического общения и общемировые тенденции интернационализации общественной жизни. А «метисы» рассматриваются как маргинальная «этническая» группа[8]. Исследований, посвященных специально формированию конструкта «метисности» в республике, не проводилось.

Цель статьи – исследование конструкта «метисности» в молодежной среде Бурятии, приписывания «метисности», выстраивания стратегий самоидентификации молодежи в этноцентристском обществе. В исследовании использовались интервью с теми, кого называют «метисами» (от 24 до 35 лет), материалы сайтов www.buryatia.org и www.vkontakte.ru, а также личные воспоминания (учитывая тот факт, что автора тоже относят к «метисам»).

Кто такие «буряты» и «русские», я узнала еще в детском саду благодаря моим родственникам. Одни называли меня «русской», а другие «буряткой», но слово «метиска» никогда в моей семье не использовали и даже запрещали, так как считали, что этот термин привнесен из животновод-ства и для человека совсем не подходит. Начиная со школьного возраста я, как и другие «метисы», должна была указывать «национальность» по матери или по отцу в официальных документах. Ведь еще в школе дети заполняют учетные карточки и табели, где есть такая графа. *«У нас в семье разделения на русских и бурят никогда не было, я всегда считала себя русской. Думала, что в классе со мной учатся одни русские. А когда стали заполнять учетные карточки за 9 класс, оказалось, что всего 7 русских, а все остальные – буряты. Помнишь, В. Тарасова со мной училась, я считала ее русской, а*

[8] *Махарова Г.С.* Национально-смешанные браки в республике Бурятия на современном этапе. Автореф. дисс. … канд. социол. наук по спец. 07.00.07. УУ.: ИМБИТ, 2003. 25 с.

она оказалась буряткой, у нее отец бурят, оказывается. И таких много было («метисов». – *Авт.*)» (жен. 35 л.).

Актуализация проблемы определения национальной идентичности «метисов» проходит в процессе образования и взаимоотношения с «чистыми» представителями «этносов», по мнению которых они являются «смешанными»: *«Меня стали спрашивать, почему я не похожа на маму: сама черненькая, глаза темные. Говорил: «глаза лучше с мылом мой» и т.п. Я говорю: «У меня папа бурят». Говорят: «Нет, ты что-то совсем на бурятку не похожа, ты похожа на узбечку, или на татарку, или там еще на кого... Получается у нас как бы вот так: мама светлая, я черная, ребенок мой и папа его светлые. А если все вместе, то я вообще никакая, не из этой семьи. Ну, че – я с ребенком еду, а он мне «мама, мама». А другие: «Вы что, ему мама? Ой, а мы думали, вы его просто из садика забираете»* (жен. 33 г.). Определяющими признаками «чистоты» называли следующие: *«истинный русский – у него характерные черты лица... Бурятская национальность – там разрез глаз, кожа»* (жен. 35 л.); *«родственники у меня блондины голубоглазые»* (жен. 33 г.); *«у всех настоящих бурят были в детстве синеватые пятна на попе»* (так называемые «монголоидные» пятна. – *Авт.*)[9]. То есть «антропологические» признаки в данном дискурсе остаются решающими, а соблюдение традиций, знание или незнание языка, религиозная принадлежность являются дополнительными «опциями». На мой вопрос «как можно понять, что человек – метис?» один информант ответил: *«он больше похож на русского, блондин с раскосыми глазами. А бывают – смуглые, но с европейскими чертами»* (жен. 35 л.). Приписывание национальности происходит сугубо по фенотипическим чертам человека: *«а я похож на выходца со Средней Азии (у меня 50 на 50 бурятской с русской кровь)»* или «*у меня есть знакомый метис (русский отец и мать метиска, наполовину бурятка) – так он похож на красавца-араба»*[10].

Современный научный дискурс обосновывает практики биологического расизма, транслируя их через образование: *«Как-то на лекции по этнологии мой любимый препод... привел дебильный пример про метисов: «Метисы – это дворняжки, они не породистые, подобно чистокровным народам (к слову, он – западный бурят* (в Бурятии распространено мнение, что «западные», или «иркутские», буряты являются «смешанным» населением. – *Авт.*)). *В аудитории метиска была только я, представьте мою реакцию!.. Когда я спросила: «Вам нормально такое говорить?», он сказал: «Не расстраивайся, дворняжки долго живут»*[11]. И сегодня в

[9] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «За кого из азиатов вас принимают?» с. 3// www.buryatia.org

[10] Там же с. 1–3// www.buryatia.org

[11] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Метисы – кто они?» с. 8//www.buryatia.org

Интернете большая часть сайтов, релевантных слову «метис», посвящены судьбе щенков-метисов: «Метис лайки, собака 10 мес. Нора в добрые руки!»[12].

Распространение практики приписывания «национальности» по расистской классификации приводит к тому, что этническая самоидентификация «метиса» не совпадает с реакцией окружающих. В таких условиях те, кого называют «метисами», выбирают различные стратегии выстраивания своей идентичности, которые могут использовать в разные периоды своей жизни: 1) выбирают «этническую» идентичность и постоянно доказывают свою «культурную чистоту»; 2) ситуативная идентичность, когда «этническую» идентичность выбирают по обстоятельствам; 3) переходят к общегражданской идентичности «русский» – «россиянин». В рамках каждой стратегии создается определенный конструкт «метисности» и отношение к вопросам «чистоты».

Комплекс «культурной чистоты»

Понятие «национальность» на уровне повседневных практик и научного дискурса включает в себя не только определенный фенотип, но и «психологические особенности»: приписывание национальности в соответствии с этими стереотипами позволяет человеку выбирать стратегию поведения по отношению к другому: «Недавно со мной случай забавный произошел. Я села в маршрутку на переднее сиденье, подаю водителю деньги, а он говорит: "Ты что, с земляков денег не беру!" Я спрашиваю: "Вы откуда?" Он: "Из Душанбе". Вот и получается: я повсюду иностранец и повсюду я вроде бы свой... Я думаю, человеку тяжело быть этническим “маргиналом”. В любом случае предпочтение отдается одной из религий (православие-буддизм), национальности. Если этого не происходит, начинаются психологические проблемы»[13]. Вообще любой «метис» может рассказать подобные истории из своей жизни, но реакция на такие казусы неодинаковая. Как отмечает Владимир Малахов, одним из следствий этноцентричной логики является установление прямой связи между этнической и конфессиональной принадлежностью индивидов[14]. Так, в Бурятии «русскость» связывается с православием, а «бурятскость» с буддизмом и шаманизмом. Поэтому этническая идентичность, в данном дискурсе предполагающая и определенную религиозную принад-лежность, представляется как основа развития полноценной личности:

[12] www.pitomez.ru

[13] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Метисы – кто они?» с.5//www.buryatia.org

[14] Малахов В.С. Национальные отношения и этнополитика // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2003. – С.195.

отрицание выбора или совмещение становится показателем внутриличностного конфликта и отклонения от нормы. Одним из аргументов моих родственников в пользу моей «русской идентичности» всегда была моя религиозная принадлежность – православная. Надо сказать, что если православные священники проговаривают связь между религиозной идентичностью и национальной, то для буддизма вообще такой связи не существует: реинкарнация ведет душу через все облики, и все в колесе сансары суть иллюзия.

«Метис» вынужден проговаривать и аргументировать свой выбор постоянно, в отличие от «чистокровного» на вид «бурята/русского»: *«я наполовину бурятка, наполовину русская... все говорят, что я русская...* но *я-то себя буряткой чувствую...»*[15]; *«А так я русская, и мой родной язык русский»* (жен. 35 л.); *«каждый раз приходится доказывать, что я своя своим же. У меня с детства бурятская семья, бурятский язык»*[16]. Этноцентричный дискурс систематически влечет за собой отождествление культурной и этнической идентичности индивидов, фиксацию культурной принадлежности в зависимости от этнической аскрипции[17]. Поэтому навязанный комплекс «нечистоты» происхождения они пытаются преодолеть, акцентируя внимание на культурных практиках, знании национального языка и религиозной идентичности: «генетическая примесь» компенсируется «культурной чистотой». «*Не могу понять, когда метисы говорят "я бурят, но не знаю бурятского языка", это же абсурд, по меньшей мере это называется обрусение и ассимиляция. По идее, я на столько же бурят, на сколько и русский, но бурятский язык я не знаю (и ничуть по этому не сожалею)... я полностью себя ассоциирую с русским этносом, русская история – моя история*»[18]. Причем для «метисов», репрезентирующих «бурятскую» идентичность, вопросы «культурной чистоты» более важны, чем для других. В определенной степени это связано с тем, что в республике с 90-х годов политизируется проблема «потери бурятского языка и культуры»: бурятский язык здесь рассматривается как основа бурятского самосознания и культурное достояние народа. К людям, которые не смогли определиться с выбором, решить «конфликт этнических идентичностей», добиться «культурной чистоты»,

[15] Гр. «Метисы рулят» на сайте «Вконтакте». Обсуждения «Ты кто по национальности?»// www.vkontakte.ru

[16] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Ассимиляционные процессы с русским населением»//www.buryatia.org

[17] *Малахов В.С.* Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004. С. 85.

[18] Гр. «Метисы рулят на сайте «Вконтакте». Обсуждения «Ты кто по национальности?»// www.vkontakte.ru,

применяется понятие «*этнического маргинала*»: *«Я буду чувствовать себя настоящим Бурятом, только когда выучу язык! А пока я маргинал...»*[19]. Примордиальная трактовка этничности, являющаяся сегодня частью обыденного знания, поддерживается в первую очередь научным дискурсом: «родной язык, безусловно, определяет национальную принадлежность индивида»[20].

Доказывая «национальную полноценность», сами «метисы» следуют в русле этногенетической теории советской этнографии: *«Антропологические признаки играют, несомненно, огромную роль. Но вы не запретите мне быть буряткой только потому, что я слегка отличаюсь внешне и во мне течет "кровь предателей" или как еще там покруче. Метисы потому и особенные, что имеют возможность выбирать, кем быть»*[21].

В то же время городские буряты в большинстве своем не знают бурятского языка, используют такие же стратегии поведения в повседневной жизни, что и русские: то есть отличают «русского» от «бурята» исключительно по фенотипическим чертам. Фактически родным языком для бурятской молодежи в городе является русский. Хотя доверять этносоциологическим исследованиям, проводимым в Бурятии, сложно, но приведу некоторые данные: только 12,8% опрошенных городских «бурят» говорят дома преимущественно на бурятском языке, 47,7% респондентов используют бурятский и русский языки, 38,5% – говорят преимущественно на русском[22]. Так как бурятский язык с 70-х годов функционировал только в семейно-бытовой сфере, то основные замеры сегодня производят именно в этой области. Надо заметить, что «метисы» из таких опросов исключаются только по принципу «крови». Горожане, не владеющие «родным» языком, акцентируют внимание на вопросах «крови»: *«бурят – это в крови сидит, так же как и русский, да вообще любая другая кровь, она всегда дает о себе знать»*[23]. Сельского же бурята, который чисто говорит на бурятском, следует «национальным традициям», в Улан-Удэ чаще всего называют пренебрежительно «головаром»[24].

[19] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Ассимиляционный процессы с русским населением» //www.buryatia.org

[20] *Балханов И.Г.* Двуязычие и социализация: монография .УУ.: ВСГАКИ, 2002. С. 55.

[21] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Ассимиляционные процессы с русским населением» 7с.//www.buryatia.org

[22] Буряты: репертуар идентичностей в современном социокультурном контексте http:// www.irkutsk.iriss.ru/pub/buryat3/2_3.html

[23] Гр. «Метисы рулят» на сайте «Вконтакте». Обсуждения «Ты кто по национальности?»// www.vkontakte.ru,

[24] *Карбаинов Н.* «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) // Вестник Евразии. 2004. №2 // www.eavest.ru

Следуя этноцентричной логике, «метисы» не видят другого выхода, кроме как выбрать определенную этническую идентичность. Однако окружающие, «чистые» представители этносов, так или иначе указывают на их несоответствие фенотипическому образу «бурята/русского». Сам вопрос «Ты кто по национальности?», который не стесняются задавать «метисам» почти все новые знакомые, уже ставит под сомнение их принадлежность к выбранному «этносу». Поэтому «метисы» начинают связывать «этническую чистоту» с соответствием культурным практикам «народа» и знанием «родного» языка как показателями «этнического» самосознания. В Бурятии у многих на вид «чистых бурят/русских» есть какая-нибудь «этническая примесь», но никто не интересуются их «национальностью», потому что они обладают «стандартным» набором «антропологических» признаков.

«Метис – и красивый, и умный»

Пройдя сотни раз через ситуацию, когда «свои» же не признают, «метисы» пытаются принять это «пограничное» положение: придумывают двойные этнонимы («русский бурят», «русский с бурятскими корнями» или «бурят с русскими корнями») или делают выбор в пользу новой идентичности – «метисы»: *«Мне не нравится, когда меня называют буряточкой или русской... обычно на такой вопрос я отвечаю, я метиска!!! :)»*[25]. В связи с этим подсчитывание «процентов крови» является распространенной практикой: «генетические примеси» высчитываются простым делением: *«Я всего на 25% бурятка, квинтилианка или как там еще на одну четверть называют? У меня ведь папа всего наполовину бурят, и то он считает себя русским»* (жен. 24 г.)

Другие ставят под вопрос само существование «чистых этнических групп» и важность «этнической» идентичности: *«я не могу определиться до сих пор, какой национальности. Да вообще, к чему все это, в России ведь уже давно нет чистых наций... все мы, так или иначе, метисы=россияне=русские»*[26]. В данном случае деконструкция «чистокровности» производится через апелляцию к общегражданской идентичности.

Хотя приписываемые по внешности «национальности» в данном случае воспринимаются как «анекдот», все же большинство пытается опровергнуть неверное суждение о себе и рассказать свою «историю»: *«Во мне столько кровей понамешано... китайцы, буряты, русские, монголы, уйгуры... а когда в Новосибе жил и в Хабаровске... меня все с казахом и узбеком путали... прям на улице подходили и о чем-то мне рассказывали на казахском и узбекском»*[27]. До определенного времени я тоже пыталась объяснить другим, почему у меня такая внешность, потом мне просто надоело по-вторять одно и то же разным людям в разных регионах. Теперь я просто соглашаюсь со всеми «национальностями», которые мне приписывают. Так вырабатывается стратегия ситуативной идентичности: с русскими я русская, с бурятами бурятка, с узбеками узбечка и т.д. Когда на первом этаже Эрмитажа ко мне обратились два узбека как к своей землячке, я не стала их разубеждать, так же как и работника этого музея, который отослал меня к итальянской группе в соседний зал на третьем этаже. И еще одна «удобная стратегия» – не отрицать мусульманскую идентичность: люди сразу начинают относиться с уважением и осторожностью. Иногда такая стратегия вырабатывается как защитная реакция, когда «метисы», выезжая в другие регионы России, сталкиваются с дискриминацией: *«тут кто не русский хоть немного – тот «чурка»... если менты или старые бабки-националистки, то русский, ибо по свидетельству о рождении так, если друзья и знакомые – то бурят»* (муж. 26 л.). В Улан-Удэ наличие «метисов» вполне ординарное явление, и многие без лишних вопросов могут определить такого человека. Благодаря СМИ среди «метисов» нередко существует страх дискриминации по расовому принципу со стороны контролирующих органов власти в столичных городах: *«Кто-то мне сказал, не помню, что у меня чеченские черты лица... Я думаю, что когда я приеду в Москву или Ленинград, то меня на каждом углу будут останавливать менты и будут проверять документы»* (жен. 35 л.).

Хотя основой рассуждений также остается примордиальная интерпретация идентичности, «метисы» в данном дискурсе не «маргиналы», а «особенные люди». Определяющей характеристикой внешности «метиса» называется экзотическая красота: *«Метисы вдвойне красивые и умные, потому что в них сосредотачиваются аж вдвое больше национальностей, а значит, и хороших генов»*[28]. «Смешение генов» воспринимается как залог более крепкого здоровья, чем у «чистокровных»: *«Папа женился на украинке, тоже блондинка, красивая женщина, очень красивая. И он очень красивый парень. И он пишет, что он заболел очень сильно, и вот он жил в Кемерово тогда, он должен был умереть. И врач ему говорит, что смешанная кровь сильнее и что она его спасла»* (жен. 25 л.). Для данного дискурса языковая компетенция не является каким-либо показателем, а объясняется чисто утилитарными

[25] Гр. «Метисы рулят» на сайте «Вконтакте». Обсуждения «Ты кто по национальности?»// www.vkontakte.ru,

[26] Гр. «Метисы рулят» на сайте «Вконтакте». Обсуждения «Ты кто по национальности?»// www.vkontakte.ru,

[27] Гр. «Метисы рулят» на сайте «Вконтакте». Обсуждения «Ты кто по национальности?»// www.vkontakte.ru,

[28] Гр. «Метисы рулят» на сайте «Вконтакте». Обсуждения «Кто он метис?»//www.vkontakte.ru,

требованиями: *«если не сталкиваешься с этим* (необходимостью разговаривать на бурятском. – *Авт.*), *скажем, на работе, то зачем, не надо. Моя мама русская, врач-педиатр, она ездила в советское время по районам. Так вот, она выучила определенный набор фраз, чтобы разговаривать с детьми»* (жен. 35 л.).

Те качества, которые приписываются «метисам» в обществе «этнических» границ, в данном случае просто меняют свою оценку с «минуса» на «плюс». «Метисы» в два раза умней, красивей и сильней, чем «чистокровные» представители потому, что совмещают два «абсолютно разных» набора генов. Они выбирают идентичность «метис» как маркер «необычности», а не как расистский ярлык неполноценности. В то же время ставится под сомнение «чистота» этнических групп на территории России, и на первый план выдвигается общегражданская идентичность – «россияне». А проявление ситуативной идентичности представляется как способ адаптации в «этноцентричном» обществе.

«Метис» – угроза вырождения бурятского «народа»

В конце 90-х годов группа бурятских ученых подняла вопрос о «культурной ассимиляции» бурят русскими и неравноправном положении второго государственного языка республики – бурятского[29]. Проблема сразу приобрела политическую окраску и с тех пор является весьма спекулятивной темой. Форумы «Сайта бурятского народа» www.buryatia.org являются образцом этого дискурса «потерянной самобытности». В рамках этого подхода определение «метис» приобретает негативное содержание, созвучное с радикальными расистскими теориями XIX века. «Метисация» приравнивается к «ассимиляции» и вырождению «бурятской нации». Красота «метисов» объявляется общественным мифом, за которым скрывается суровая правда жизни. В доказательство приводится мнение экспертов, которое публично ими не озвучено нигде: *«Есть такой расхожий общественный миф, что якобы метисы умнее и красивее получаются, чем обычные люди ;)) но у этого мифа есть и обратная сторона – например, со слов самих работников, их, так сказать, эмпирических обобщений, процент вызовов скорой психиатрической помощи в г. Улан-Удэ самый большой – именно среди метисов, нечто похожее и с неотложной наркологической помощью»*[30]. Надо заметить, что статистического учета «метисов» не ведется, и в амбулаторных карточках должны указывается только определенные государством национальности, поэтому непонятно, откуда такие данные.

[29] Национальный вопрос в Бурятии / Урбанаева И.С., Михайлов Т.М., Рандалов Ю.Б., Бураев И.Д. УУ.: ИМБИТ, 1989. 25 с.

[30] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Метисы – кто они?» 7с. //www.buryatia.org

Интересно то, что доказательством становятся даже цитаты статей фашистских сайтов (типа «Норд») без ссылки на источник? конечно, так как эти сайты утверждают неполноценность всех рас, кроме европей-ской. Они вырывают из контекста слова, доказывающие биологическую обусловленность неполноценности «метисов»: «*Смешанные браки в конечном итоге приведут к сокращению численности суперпопуляции ввиду постоянного накопления генетических отклонений, в какой-то момент способных вызвать эпидемию самоуничтожения»*. Даже любовь у «бурят» и «русских» разная и несовместимая: «*Нам с детства вдалбливают, что любовь превыше всего, она не знает границ, преодолевает любые барьеры. Да, если эти границы или барьеры не стоят в душе человека. По-русски/по-бурятски любовь – похоть, если впереди межвидовая несовместимость, психическая и физиологическая ненависть, бесплодие или страдающие наследственными болезнями дети и т.д. Любовь же устойчива в одновидовой гармонии, в близком психическом складе, традициях вида, что и составляет счастье»*[31]. И тот же человек приводит ссылки на Ветхий завет: *«Священная книга как иудеев так и христиан – Ветхий Завет учит, что смешение с другими народами – ГРЕХ»*[32]. И дальше: *«все межрасовые и межнациональные браки являются преступлением против природы либо Бога, кому как нравится. Попробуйте, скрестите среднеазиатскую овчарку с афганской борзой, либо с пуделем, таксой, либо с обыкновенной дворняжкой, и попробуйте назвать новую породу собак от этого помета»*[33]. Стоит отметить, что абсолютно отсутствуют ссылки на буддистскую литературу и духовенство, так называемую «традиционную религию бурят». Буддизм не раз на форуме назывался сдерживающим фактором ассимиляции, важной составляющей бурятской культуры, но ссылка на лам была сделана совсем другая: *«Мне лама сказал, что буряты – это тоже смешанный народ. Так что не парьтесь»*[34].

Но даже если не учитывать «генетические проблемы», еще одним пороком *«русско-бурятских детей метисов»* является то, что они чаще выбирают «русскую» идентичность. Во-первых, существует мнение, опять же поддерживаемое этнографией, что «метисы» выбирают национальность по матери: *«По моим наблюдениям,* ***самый не лучший тип, когда мать русская, а отец бурят, именно от таких браков очень часто дети ненавидят или просто не любят свою бурятскую сторону»***[35]. А во-

[31] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Ассимиляционные процессы с русским населением», 7с. //www.buryatia.org

[32] Там же, с. 3.

[33] Там же, с. 5.

[34] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Метисы – кто они?» 6 с. //www.buryatia.org

[35] Форум «Сайта Бурятского народа». Тема «Ассимиляционные процессы с русским населением» //www.buryatia.org

вторых, «русская» идентичность, как представителя государственно-образующей нации, по мнению форумчан, более престижная: *«Ребенок от смешанной русско-бурятской пары чаще выбирает русскую сторону – влияние русской культуры, пропагандируемой на российском телевидении и радио. Ему будет комфортнее считаться русским и чувствовать причастным к русской истории и культуре, чем истории и культуре нацменьшинства – бурят»*[36]. И тут же замечает, что «смешиваться» надо с другими нацменьшинствами, так как бурятская идентичность в данной ситуации более конкурентоспособна. В итоге на основе статьи Грибановой Л.[37] он указывает, что «детям-метисам» тяжело жить в России из-за проявлений бытового расизма со стороны «русских» и правоохранительных органов.

Стратегия ситуативной идентичности «метисов» оценивается негативно: такое поведение считается показателем неполноценного развития личности и ненадежности. *«А с другой, я часто сталкивался с тем, что многие метисы, когда им надо, говорят, что они русские, только с бурят-ской кровью, а когда им надо (ситуация встречается гораздо реже) – я, мол, бурят, но с русской кровью. Такой вот перевертыш выходит, с ситуациями. С таким каши не сваришь, в разведку не пойдешь. ...А про то, что метисы красивее, умнее, лучше и вообще идеальнее – да ладно, пусть. Этот миф служит своего рода уравновешивающим грузом – компенсация за утраченную (ну или ослабленную) связь»*[38]. Понятие «ослабленной связи с этносом» официально поддерживает научный дискурс: «метисы» считаются промежуточной этнической группой с ослабленными этническими свойствами. Интересно, что не указывается никаких «ослабленных свойств», кроме «антропологических»[39].

Дискурс «потери аутентичности», поддерживаемый региональным научным и политическим кругами, на уровне повседневности представляет собой радикальные расистские воззрения XIX века: на первое место многие форумчане ставят вопросы биологической «чистоты» и «этнической несовместимости».

***

Советская этнография, декларируя неприятие дискриминации по расовому признаку и теорий о неравенстве рас, все же использовала понятие «раса» как дополнительный показатель этнического определителя. Таким образом, практики традиционного расизма, подкрепляемые политическим и научным дискурсами,

[36] Там же.

[37] *Грибанова Л.* Дети-метисы в России // www.inter-pedagogika.ru

[38] Форум на «Сайте Бурятского» «Метисы – кто они?» //www.buryatia.org

[39] *Махарова Г.С.* Национально-смешанные браки в республике Бурятия на современном этапе. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук по спец. 07.00.07 УУ.: ИМБИТ, 2003. С. 23.

стали частью этноцентричного мышления. Обособленность «этнических» групп на уровне повседневности теперь стала мыслиться в биологических терминах. Биологические факты стали определяющими и в социальных практиках: идентичность «метис» свидетельствует, в первую очередь, о биологической неполноценности «крови», а во вторую – о неопределенной или даже неполноценной личности. Почти все стратегии конструирования «метисности» в молодежной среде, кроме выбора гражданской идентичности, осуществляются в рамках этноцентризма. В то же время «межнациональные браки» и «метисы» своим существованием свидетельствуют о размывании «этнических» границ и отказе от расовых предрассудков.

Литература

1. *Балханов И.Г.* Двуязычие и социализация. УУ.: ВСГАКИ, 2002. 253 с.
2. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 2008. 440 с.
3. Буряты: репертуар идентичностей в современном социокультурном контексте http://www.irkutsk.iriss.ru/pub/buryat3/2_3.html
4. Г*рибанова Л.* Дети-метисы в России // www.inter-pedagogika.ru
5. Группа «Метисы рулят» г. Улан-Удэ на сайте «В контакте»//www.vkontakte.ru
6. *Карбаинов Н.* «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры за молодежное пространство города)// Вестник Евразии. 2004. № 2 // www.eavest.ru
7. *Малахов В.С.* Настоящее и будущее «национальной политики» в России // Прогнозис, осень. 2006 №3(7). С. 144–159.
8. *Малахов В.С.* Национальные отношения и этнополитика // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 193–200.
9. *Малахов В.С.* Скромное обаяние расизма // Знамя. 2000. № 6. С. 178–186.
10. *Малахов В.С.* Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004. С. 85–103.
11. *Махарова Г.С.* Национально-смешанные браки в республике Бурятия на современном этапе: Автореф... дисс. канд. социол. наук по спец. 07.00.07. УУ.: ИМБИТ, 2003. – 25 с.
12. Форумы «Сайта Бурятского народа» по темам: «Метисы – кто они?», «Ассимиляционные процессы с русским населением», «За кого из азиатов вас принимают?»//www.buryatia.org

Анатолий Бреславский[1]
Первая премия

Молодежь в «движении» – сообщество в пространстве субкультуры

Фокус анализа данной статьи – конструирование социального пространства «блатных поселков» участниками молодежных неформальных группировок. В нашем случае все они могут быть объединены общим названием (а точнее самоназванием) – *движение*. Быть в *движении* – значит являться частью блатного сообщества, все члены которого «ведут»[2] соответствующий «зоновским» понятиям образ жизни.

В качестве кейсов, на основе которых было проведено исследование[3], выступили три поселения Заиграевского района Республики Бурятия. Каждый из них попадает под обыденное определение «блатного поселка» или «криминальной деревни». В таких поселениях *«не как в обычной деревне – в поле работают, скотину выращивают, а по большей части воруют, воруют поголовно... Криминал здесь во всем, поменять что-то никому не удается, да никто и не старается. Движуха перекрывает все и вся»* (участник движения, 20 лет).

Молодежь, проживающую в рассматриваемых поселках, можно условно разделить на непосредственно участвующую в *движении* и активно сопротивляющуюся ему – «нормальную»[4]. Взаимодействие «блатных» и «нормальных», часто принимающее форму физических столкновений, в данном случае, думается, все же сопоставимо со своего рода «символической борьбой за социальное пространство».

[1] Анатолий Бреславский – студент 4 курса Бурятского государственного университета, кафедра экономики управления, призер конкурса (1 место) (Улан-Удэ).

[2] Беру слово «ведут» в кавычки, потому как в действительности многие представители криминального мира в тех сообществах, о которых пойдет речь в статье, нередко нарушают блатные, «зоновские» понятия. К примеру, воруют у «своих», сотрудничают с органами внутренних дел (милицией) и пр.

[3] Исследование проводилось в июне–июле 2005, июле 2006 года качественными методами (неструктуированное включенное наблюдение и нарративное интервью). Выход в «поле» не был для меня сопряжен с особыми трудностями во многом благодаря наличию необходимых социальных связей с представителями обеих сторон – «блатной» и «нормальной».

[4] Такую категорию определяют для себя сами респонденты («нормальных у нас по пальцам можно пересчитать»).

Дальнейшие рассуждения будут выстроены в рамках следующей теоретической предпосылки. Культура/субкультура «возникает в форме игры, культура первоначально разыгрывается» (Хейзинга, 1992, 61). «Пространство как поле сил, соотношение относительных позиций социальных агентов формируется в процессе борьбы (игра как состязание. – *А. Б.*) за капитал материального или инкорпоративного свойства» (Бурдье, 1993, 53–54).

Основные гипотезы анализа:

Блатное движение, рассматриваемое самими его участниками как своего рода игра, опирается на действия с определенными образами, на известное преображение действительности. Оно организовано как субкультура в рамках базовой культуры и может быть рассмотрено как содержательная культурная форма, несущая смысл и имеющая определенную структуру, а также как социальная функция.

Социальное пространство блатных поселков конструируется на основе укоренившихся в сообществе норм и ценностей («понятий»), характерных для блатного движения. Последнее определяет характер культурных и властных отношений, хозяйственных практик, повседневных взаимодействий. Положение агента и группы в этом пространстве напрямую зависит от занимаемой ими позиции в движении (социальный капитал) и наличия специфических знаний и навыков, полученных в процессе социализации – участии в движении (культурный капитал).

«Вне игры»

Субкультурное *движение* наделено и одновременно ограничено внутренним и внешним пространствами, внутри которых оно разыгрывается. Эти пространства могут быть обозначены как материально, так и идеально, преднамеренно или как бы само собой подразумеваясь. В данном разделе речь пойдет о внешнем пространстве, в границах которого сформировалось и, главное, до сих пор существует рассматриваемое нами явление. Особое внимание будет уделено внутрирегиональным особенностям и специфике социокультурного поля Бурятии и Заиграевского района, в отдельности.

На территории республики сегодня функционируют четыре исправительно-трудовые колонии: «Гусинка» (в Гусиноозерске), «Южлаг» (п. Южный г. Улан-Удэ), «Цолга» (Мухоршибирский район), «Выдрино» (Кабанский район). Еще со времени царской России Восточная Сибирь, и в частности Бурятия, была местом массовой ссылки заключенных, причем не только политических. Множество

уголовников со всей России уже в то время попало в местные остроги, на каторгу. Позднее, *отбыв свое*, многие из них осели в эти краях.

Вышеупомянутые места заключения уже мало походят на своих далеких предшественников, однако неизменным долгое время оставался принцип «набора» в них: большинство осужденных прибывало из других регионов России. На сегодняшний момент ситуация обстоит так, что четыре зоны «обслуживают потребности региона».

Заиграевский район отделяет от Улан-Удэ около ста километров. Во многих его поселках до недавнего времени функционировал ряд заводов, которые, по существу, были градообразующими. Из различных регионов страны, со всей Бурятии согласно государственной программе в эти места съезжались люди для того, чтобы сначала построить заводы, затем – чтобы работать в них. Кто-то приехал по распределению, у кого-то здесь жили родственники и друзья. Прибыло и немало заключенных, которым с отметкой в паспорте в городе найти работу и жилье было нелегко: «*Вот деревня и завод – это в самый раз!*» (житель Заиграевского района, 38 лет). Многие из них обзавелись семьей, кто-то постарался забыть о своем криминальном прошлом, однако были и те, кто по-прежнему жил по принципу «*украсть легче, чем заработать, работа – это не по понятиям*» (житель Заиграевского района, 42 года). Укорененность криминальных практик в сознании населения наглядно проявляется на примере существующих здесь в немалом количестве целых «воровских» династий: «*Это когда вся семья ворует. Они только и знают одно дело – воровать. У них никто не работает. Отец отсидел, дети тоже. Только выйдут, слышишь, их опять закроют. Со мной в классе учился Женя, погоняло* (прозвище. – *А.Б.*) *Зэк, вот из такой семьи. Так он не знал, зачем нужен паспорт и с детства сам ходил с отцом воровать*» (участник объединения, оппозиционного *движению*, 18 лет).

«Рыночные преобразования» 1990-х, общая экономическая нестабильность привели к закрытию местных заводов, свертыванию производств. Общее ухудшение жизненных условий, отсутствие поддержки населения государством привели к девальвации старых и появлению в обществе, в частности в среде молодежи, новых жизненных стратегий, наиболее удобных для выживания. Эти подростки установили свои законы и стали жить по своим понятиям, которые в целом свойственны криминальному миру.

От некогда процветающих рабочих поселков сегодня остались лишь серые кирпичные коробки полуразрушенных домов, разобранные заводы и «чувство общности рабочего класса», реализованное в *движении*: «*Мы к себе берем только своих, простых, проверенных, маменькиных нам не надо – мы с ними "работаем"*» (участник движения, 17 лет).

Итак, обозначенная негативная социально-экономическая обстановка в определенный момент становится повседневной реальностью. В существующем социальном пространстве, «поле сил», меняются социальные позиции, роль тех или иных форм «капитала» в овладении вла-стью. В этом «беспорядке» индивид или группа стремится к «порядку». В случае с *движением* происходит «пространственное отторжение игры от «обыденной» жизни. Возникает некое замкнутое пространство, будь то материальное или умозрительное, которое отделяется, обособляется, ограничивается от повседневного окружения... внутри сферы игры законы и обычаи мира повседневности перестают иметь силу» (Хейзинга, 1999, 23–31).

Малолетки

Участники *движения* называют себя *малолетками, шпаной* или *кругом братвы*, употребляя также понятие «*басота*». Внешне они легко опознаваемы: каждый из них, от мала до велика, одет в одном и том же стиле. Вся одежда: брюки, туфли, жилет, куртка, кепка-восьмиклинка, «часто снятые с кого-нибудь», «папочка» и барсетка, – как правило, одного цвета – черного. В этом прослеживается и дань блатной жизни (на зоне только воры носят черную одежду), и практический смысл (одежда черного цвета немаркая).

Движение формируется в основном за счет подростков из неблагополучных семей. Для них оно становится средством выхода из безысходно-сти, иллюзией власти, возможностью заявить о себе, самореализоваться и самовыразиться. Их субкультура – одно из возможных решений проблем бедности, низкого статуса, недостатка возможностей сельской молодежи. Разочарование в школе и других местах преодолевается статусом и чувством собственного достоинства, достигнутыми внутри системы ценностей субкультуры преступности (Большой социологический словарь, 2001, 309).

Возможность не только в мечтах, но и в реальности «*выбиться в люди*», стать сильнее, «*брать и не отдавать*» – серьезный повод для отказа от «нормальной» жизни. Для подростков это игра в «*блатные понятия*», в «*сильных и крутых парней*». В ней они устанавливают свои правила, вознося себя выше общества.

В *движении* есть своя общепризнанная идеология[5], основу которой составляют «понятия». Понятия – это своего рода жизненные императивы «реальных,

[5] Отличительная особенность *движения* – наличие у подавляющего большинства его членов «идеологического стержня», который начинает формироваться у них практически с детства. Многие улан-удэнские неформалы – стритовщики, панки, готы, КиШники, ДДТшники и т. п. – конструируют лишь внешнюю атрибутику, лишены отчетливых внутренних убеж-

здравых» пацанов. Они образуют «внутри игрового пространства собственный, безусловный порядок. У каждой игры свои правила. Они диктуют, что будет иметь силу внутри ограниченного игрой временного мирка, а что нет. Правила игры обязательны и не подлежат сомнению» (Хейзинга, 1999, 20–23). У понятий помимо организации «порядка» есть еще одна функция: они представляет собой маску, окружающую группу неким ореолом таинственности и в некотором смысле даже святости. Романтика блатной жизни очень часто оказывается привлекательной для молодого поколения.

Говоря о жизненных установках членов рассматриваемой субкультуры, важно отметить тот факт, что большинство из них, формально причисляя себя к «басоте» – блатной части криминального сообщества, – в действительности редко руководствуется в своей деятельности и конкретных поступках блатными «понятиями». Согласно им, блатные не должны сотрудничать с милицией (*«ментами», «погонами»* – так их называют местные *блатные*), давать показания, доносить, работать. В реальности «*практически все они на проверку оказываются гнилыми, готовы сдать всех своих товарищей, зачастую отказываются от своих слов... Таких людей тяжело назвать блюстителями воровского закона*» (сотрудник ОВД Заиграевского района, 36 лет).

Среди характерных для *движения* внутренних установок особо выделяется «силовая принципиальность. Она выражается в комплексе норм демонстрации и использования физической силы и предполагает наглядное умение “стоять за себя”, “отвечать за себя”, быть источником активного действия, занимать активную позицию, постоянно демонстрируя готовность к силовому действию, это и умение управлять действиями других без активного применения силы, используя скорее демонстрацию ее наличия и возможные последствия ее применения» (Волков, 1999, 80–86).

Постоянное противостояние между участниками движения и детьми из благополучных семей, основанное часто на изначальном социальном неравноправии (низкое социальное положение родительской семьи, отсутствие внимания родителей, «серое» детство), толкает их к восстановлению справедливости. Делается это посредством рэкета («*с каждого понемножку – не кража, а дележка*»), физического и психологического подавления. При этом подобные действия расцениваются их инициаторами как правые, как дела чести либо возмездия: «*я дома не сижу, в школу неохота. С утра со шконки спрыгну и с братишкой к пацанам. Пойдем кого-нибудь обуем (*отберем, украдем и т. п. – *А.Б.*), *денег возьмем, пиво купим, и с девками на реку. Народ здесь есть не бедный*[6] *, а делиться не хочет, вот и приходится все брать с транвая* (силой. – *А.Б.*)*, чаще по ночам*» (участник *движения*, Онохой, 21 год).

В рассматриваемых поселках любому подростку так или иначе приходится решать, с кем «дружить»: стать частью *басоты* или с боем остаться *нормальным*. Начиная с 13-14 лет все проходят через движение: «*Через родных, через друзей, знакомых, знакомых знакомых и т.д.*» (участник *движения*, 18 лет). Только с одними это происходит во дворе дома, а с другими в стенах школы.

Загнанные в подобные рамки подростки оказываются перед важным жизненным выбором – стать частью этого мира, приняв его установки, либо сделать все, чтобы остаться в стороне. Второе решение заведомо сопряжено с рядом социальных санкций: отчуждением, непониманием, всесторонним – психологическим и физическим – давлением сверстников. Вырваться из пространства зачастую не представляется возможным, поэтому исход чаще всего оказывается очевидным: «*они все общаются, просто все до одного, мне нечего противопоставить, поэтому делаю вид, что как они. А белую ворону здесь сразу порвут*» (участник движения, Новая Брянь,18 лет).

Участие в движении напрямую соотносится с финансовой «*помощью*», со ставшим уже пресловутым общаком: «*Большинство отдает деньги, скрипя зубами, но бывают и такие, кто готов отдать всего себя во имя здравого дела. Многие действительно верят в то, что отданные ими деньги идут на зону... Помимо рэкета справедливости* (а по сути – уравнять. – *А.Б.*) *можно добиться, сняв с кого-нибудь шапку или куртку*» (участник объединения, оппозиционного *движению*, 17 лет). В целом поведение членов рассматриваемой субкультуры носит негативный, открыто враждебный характер.

Структура организации проста и производится по возрастному прин-ципу: все делятся на *младшаков* (их еще называют *малолетками* и *перхотью,* до 14-15 лет) и с*таршаков* (после 15*)*. Во главе и тех и других находится *смотрящий*.

дений. Говоря языком изучаемой субкультуры, они «не скажут за себя, за своих». Все они – модные веяния и изменчивы настолько, насколько изменчива их основа. *Движение* возникло «не от хорошей жизни», оно было выстроено на основе социально неблагополучной среды и, возможно, поэтому может считаться «больше» субкультурой (как индикатором состояния базовой культуры), нежели названные объединения.

[6] Совокупный доход в некоторых семьях – 15-20 тыс. руб. – считается вполне высоким. Вообще существенную часть жителей рассматриваемых сообществ составляют наемные рабочие малых предприятий и бюджетники (работники государственных и муниципальных учреждений), имеющие довольно низкие заработки – 5-10 тыс. рублей в месяц. Финансово успешной группой населения можно назвать предпринимателей (особенно тех из них, кто занимается частным пассажирским извозом, вторичной переработкой металла, работает в лесодобывающей отрасли, имеет крупные торговые площади).

Движение существует в большинстве поселений Заиграевского района. Сила его именно в количестве членов и связях. В кризисные ситуации многие ездят за помощью в соседние поселки и в Улан-Удэ: «*за пару звонков можно собрать целую толпу. Или, допустим, меня кто здесь обидел, я своим звоню в Брянь, Заиграево, и его везде найдут и ко мне привезут, а я уже решу, что делать с козлом*» (участник *движения*, 17 лет).

Важнейшей категорией, специфической коммуникативной практикой, характеризующей данную субкультуру, является «*общение*». Оно как культурный код, некое знание, обладая которым можно стать частью сообщества: «*Я ему говорю, ты кто такой? С кем общаешся? А он: я – заиграевский. Ну, ладно, думаю, свой пацан – трогать не буду*» (участник *движения*, 19 лет). Здесь *общение* – не просто обмен информацией, не обыденные разговоры, а нечто большее, определяющее саму субкультуру, придающее ей особый колорит (так же как байкера нельзя представить без мотоцикла, так и любого члена *басоты* нельзя представить вне *общения*). Отказ от него означает выход из *движения*, что само по себе опасно, здесь «один в поле не воин»: *«простая проверка на вшивость. Спрашивают, общаешся или нет. Если нет, то ты получаешься один, тебя можно бить, прессовать, все делать, поэтому хочешь – не хочешь, а прописываться где-то надо*». (участник объединения, оппозиционного *движению*, 18 лет). Обучаются *общению* с детства. Происходит это, как правило, во дворе, в качестве учителей выступают *старшие товарищи*. «Искусство», игра слов оттачивается в ежедневных практиках, чаще всего используются схожие схемы: «*Подвести – дела нет* (доказать своему собеседнику его неправоту легко. – *А.Б.*). *Кто не общается, он че скажет-то. Стоит молчит. Ты ему накидываешь, потом бабла срубишь. Да тут главное: делаешь так, чтобы он виноватый был. С одним не получилось, можешь другого, все равно ничего не будет*». Мастера *общения*, многие из которых не окончили даже начальных классов, не умеют писать и читать, дают фору ученикам – отличникам. «*Когда ты говоришь одно слово, тебе в ответ выдают десять. Самое паршивое, какая-нибудь мелочь стоит перед тобой, пальцы гнет, а ты знаешь, что ничего с ней сделать не сможешь, потому что за ней еще человек двадцать*» (участник объединения, оппозиционного движению, 18 лет).

«*Стрелки*» – различного рода встречи, на которых решаются текущие проблемы, обсуждаются планы действий на будущее, собирается *общак*. *Стрелки,* как правило, собираются раз в неделю в строго определенном месте. Подобные встречи проводят как сами *смотрящие*, так и другие члены движения (в основном *старшаки*).

«*Стрелки забивают*» всем тем, кто отказывается отдавать деньги, оказывает физическое или психологическое давление на членов *движения*, приезжим («*новеньким*») и «*вообще по беспределу*». Традиционно *накатывают* с вопросами типа: *«Чем дышишь?»* (по каким понятиям живешь?), *«Чей будешь?»* (с кем общаешься?), *«Кто по/от жизни?»* (кем себя считаешь?) и т. д. Подобные вопросы и составляют суть *общения*.. *Откусаться*, *вывезти* (доказать свою правоту. – *А.Б.*) *стрелу* зачастую не представляется возможным: *«Отстоять себя здесь невозможно, противостоять себе дороже: правда пресекается кулаками*» (участник объеденения, оппозиционного движению, 20 лет). *Сохануть* (пропустить. – А.Б.) стрелу означает нажить себе еще больше проблем, за которые надо будет ответить. «Эффективность наказания определяется здесь его неотвратимостью» (Фуко, 1999,15).

Участие в *движении* накладывает особый отпечаток на формирующуюся личность, характерное для представителей данной субкультуры отношение к спиртному, курению и наркотикам калечит людей. «*Озлобленность на всех и каждого, частое применение насилия при решении каких-либо вопросов, отсутствие элементарного воспитания и образования не дают возможность многим реализовать себя в цивилизованном обществе*» (сотрудник ОВД Заиграевского района, 36 лет).

Итак, что же заставляет обычного *пацана* пойти в *движение*? Во-первых, финансовый стимул. Каждый участник *движения,* по сути, наделен «правом легетимного рэкетирства» – возможностью осуществлять денежные сборы с тех, кто в движении не участвует, и, что немаловажно, оставлять часть этого сбора себе. Второе – стремление к власти (хотя бы над сверстниками), которое может быть определено как желание навязывать другим людям свое мнение и определять их возможные действия. Третья причина – непривлекательность традиционных форм деятельности (образование, спорт), досуга молодежи (творческие кружки), определяемая наряду с другими причинами установками самого движения. В-четвертых, молодых людей удивительно привлекает романтика блатной жизни (игра в настоящих мужчин, решающих взрослые задачи «по понятиям»). Но все-таки главным мотивом участия в *движении*, думается, выступает само *движение*, точнее – фактическое отсутствие у молодых людей возможности остаться за его границами.

Смотрящий

Традиционно понятие «смотрящий» ассоциируется с человеком, являющимся лидером крупной криминальной группировки и занимающимся «крышеванием» различных организаций. На селе нет ни крупных промышленных предприятий,

ни финансовых ассоциаций. Поэтому поселковые смотрящие «вынуждены» работать с мелкими собственниками (владельцами магазинов, торговых точек и т. д.). Главная их роль в *движении* заключается в координации групповых действий и установке «игровых» правил, а также контроле за их исполнением.

В роли *смотрящих* в рассматриваемых мною случаях сегодня выступают в основном молодые люди в возрасте 18–25 лет. Далее их «*либо опускают, либо они садятся в места не столь отдаленные. Немногие после выхода из движения обзаводятся семьей и ведут достойную жизнь*» (участник объединения, оппозиционного *движению*, 19 лет). Основной причиной, по которой молодые люди стремятся занять положение местного *смотрящего,* является прежде всего возможность властвовать, «*иметь в своем подчинении толпу минимум до 50 человек, каждый член которой готов сделать все, что ему будет сказано. Это и успех у противоположного пола. Мало кто становиться смотрящим по идеологическим идеям. Это же немалые деньги, взятые, кстати, из общака*» (участник объединения, оппозиционного *движению*, 19 лет). Последнее деяние, именуемое «крысятничеством», является зачастую главной причиной смены смотрящего. Среди других причин можно выделить воровство у «своих» и другие грубые нарушения *понятий*. «При этом тот, кто притворяется, что соблюдает их (правила. – *А.Б.*), в обществе играющих легче находит прощение, нежели тот, кто правилам этим не подчиняется. Нарушитель игры, не признавая правил, обнажает тем самым относительность и хрупкость игрового мирка, ломает и губит его. Поэтому он должен быть уничтожен, ибо угрожает самому существования игрового сообщества» (Хейзинга, 1992, 22).

Смотрящие меняются довольно-таки часто (бывает, и раз в неделю. – *А.Б.*), однако бывают и такие, что «правят» несколько лет. Удерживаются, как правило, те, кто имеет четкую установку лидера, яркие харизматические черты личности. Именно таких людей уважают, на них равняются, приводят в пример. Но подобных фигур, как отмечалось выше, мало. Чаще всего место *деревенского смотрящего* занимают слабые здоровьем и духом молодые люди: «*Они лишь марионетки в руках более сильных представителей криминальной структуры*» (сотрудник ОВД Заиграевского района, 36 лет).

Овладение пространством

В середине 1990-х годов в рассматриваемых поселках в *движении* участвовала уже практически вся молодежь. В открытой физической борьбе[7] «блатной» и «нормальной» молодежи первыми была одержана победа. Наи-

[7] Физические столкновения я также склонен рассматривать как часть символической борьбы за социальное пространство.

более активные участники *движения*, располагая «свитой» в несколько сотен человек, но не имея в то же время каких-либо стабильных заработков, начинают реализовывать еще более амбициозные планы по укреплению своей власти, уводящие нас в поле хозяйственной деятельности. «Позиция агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, то есть в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле. Позиция тем прочнее, чем больше полей находится во власти агента» (Бурдье, 1993. 53–54).

Сегодня мы можем стать свидетелями существования таких социо-культурных феноменов, как блатная культура, блатная экономика, блатная повседневность и т. п., которые и наполняют содержанием пространство «блатных поселков».

В поселениях, где большинство населения (практически вся молодежь и значительная часть взрослых. – *А.Б.*) воспроизводит криминальные ценности, базовая «нормальная» культура в скором времени изживается, на ее место приходит культура криминальная, а в нашем случае еще и *блатная*. Она проявляет себя в коммуникациях, повседневных взаимодействиях отдельных индивидов и социальных групп: «*У нас в школе смотрящий приходит, у учителей требует за своих... и ему не отказывают, потому что боятся. Его же все знают, и он всех, если что, может прийти в гости или на улице со своими подкараулить* (ученик школы,17 лет); *я с ними* (со шпаной. – *А.Б.*) *каждое утро на учебу езжу в Улан-Удэ и каждый раз жалею, что села, но выбора другого нет. А они маты гнут, тупо хохочут, да и просто неприятно*» (студентка, 22 года); *у нас дома свой комендантский час: после восьми вечера на улицу не ходим. Тут ведь что ни день, то драка. У баров эти поножовщины, у клуба. Я вообще не могу понять, свои своих же бьют... цепями, с палками... нормальным людям жизни нет*» (женщина, 45 лет). Беседы с «нормальными» людьми чаще всего были наполнены ненавистью и, прежде всего, моральным возмущением.

Финансовая основа движения – общак. Он наполняется за счет поборов, рэкета, воровства и хозяйственной деятельности наиболее предприимчивых участников движения.

Поборы и рэкет были и до сих пор остаются обыденной практикой. Большинство местных торговцев относят свой бизнес к числу рискованных, называя рэкет и постоянные «наезды» криминальных структур главной причиной своих хозяйственных неудач: «*Каждое предприятие, расположенное на территории рассматриваемых поселков, если оно, конечно, не принадлежит кому-нибудь из своих* (участнику движения. – *А.Б.*)*, облаживается налогом. Бандитов здесь больше боятся, чем налоговую. С ними в любом случае приходится договариваться. Потому что денег не*

дашь, они стекла побьют или вообще сожгут, что у нас часто бывает» (владелец магазина, 48 лет).

Сегодня становится очевидным: блатное движение в рассматриваемых исследовательских кейсах с каждым годом обретает устойчивые формы. Из высокодинамичного социального движения 1990-х оно превращается в относительно стабильное общественное образование, определяющее и регулирующее поведение уже не только членов субкультурного движения, но и жителей местных сообществ в целом.

Воровство – еще более укоренившаяся здесь практика («как быть в блатном движении и не воровать!»)[8]. Регулярно обворовывают дома, домохозяйства, предприятия. Органы внутренних дел проводят розыскные и профилактические работы, но это мало отражается на масштабах ситуации: «*Мы по мере сил стараемся брать. И мелкие, и крупные бывают, но часто очень трудно бывает доказать по законодательству. Молчат все, потерпевшие сами с жалобами не идут. Очень часто, наоборот, к смотрящему ходят. Все же воруют шпанцы* (участники движения. – *А.Б.*), *а смотрящий все знает. Люди ему денег дадут, а он им телевизор или магнитофон, там смотря что украли, у своих возьмет и вернет* (такой вариант криминальной сделки вполне отвечает понятиям, так как в выгоде остается и смотрящий, и те, кто совершил кражу. – *А.Б.*). *Ему еще и благодарными остаются*» (сотрудник Заиграевского ОВД, 27 лет).

Некоторые смотрящие, а чаще всего просто предприимчивые участники *движения* сами ведут хозяйственную деятельность, организуя торговые точки, пассажирские маршруты, станции техобслуживания и т. п. (их иногда тоже отбирают, как в детстве одежду). При этом хозяйственная власть, а вместе с ней и хозяйственная культура формируются «по старинке», на основе императивов криминальной субкультуры, что проявляется в деловой этике, объеме трансакционных издержек: «*привыкли быковать по-малолетке и продолжают в бизнесе то же... Они ж почуяли власть, теперь с ними по-людски не поработаешь, приходится по-ихнему, а я очень часто деньги теряю*» (водитель «блатной» маршрутки, 41 год).

Окрепнув экономически, многие стремятся к политической власти (участие в выборах глав поселковых администраций). К классической предвыборной программе (листовки, статьи, подарки, выступления) в этом случае добавляется еще и адресное запугивание населения. Но подобные попытки, как правило, сразу же

[8] Автор, проживавший, кажется, во много более благополучном Баргузинском районе Республики Бурятия, был искренне удивлен наличием в рассматриваемых поселках *решеток на окнах.* Да, в городах это привычно, но чтоб в поселке или деревне!

просекаются ОВД. Субъекты административного поля, поля политики пока еще сохраняют свою групповую независимость.

***

Некоторое повышение уровня благосостояния и правопорядка в нашем обществе в последние годы должно было, по логике вещей, подорвать основы существования исследуемой молодежной субкультуры. Однако реальность говорит совсем о другом: романтика блатной жизни, высокая мобильность в *движении*, широкие возможности для самореализации позволили ему не только выстоять в новых условиях, но и сохранить привлекательность для новых поколений молодежи. Быть ее членом сегодня означает относиться к передовой, продвинутой части молодого поколения, нормальными (не относящими себя к *шпане*) оказываются подростки из малообеспеченных семей. Качественно изменился состав *движения*: в нем активное участие стали принимать девушки: «*они как парни общаются, дерутся друг с другом...*» (девушка, 19 лет) и подростки из благополучных семей. Находясь под влиянием ценностей криминальной субкультуры, они сегодня готовы совершать и совершают незаконные действия. При этом в их умах трансформировалось понятие законности. Свое поведение они не расценивают как *девиантное.* Все попытки органов правопорядка и образования изменить существующее положение заканчиваются зачастую провалом. Потеряв контроль однажды, тяжело восстановить его вновь.

Литература

1. *Бурдье П.* Социальное пространство и генезис классов // Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos., 1993
2. *Бурдье П.* Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004..
3. *Волков В.В.* Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, Том 2. № 3.
4. *Джери Д., Джери Д.* Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я) / Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 2001.
5. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
6. *Хейзинга Й.* «Homo ludens». Пер. с нидерл./ Общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

Катерина Губа[1]
Вторая премия

Неформальное интеллектуальное сообщество, или Куда пойти, куда податься студенту в университете?

Одним из любимых вопросов социолога, исследующего образование, является изучение мотивации студентов к его получению. Объяснения колеблются между когнитивными причинами и причинами в духе «циничной» социологии. Первые пытаются найти в студентах жажду знаний, рассматривая образование, например, как условие всестороннего развития личности. Вторые занимаются поиском скрытых мотивов, которые говорили бы об истинном предназначении университетского образования. Все эти объяснения касаются «видимой» институционально закрепленной структуры, где студенты обучаются по государственному образцу, посещают лекции и семинары, а при выходе из учебного заведения получают общепризнанный диплом[2].

Мне бы хотелось обратиться к несколько иной структуре образования и рассмотреть неформальные интеллектуальные сообщества, созданные по инициативе их непосредственных участников. Интерес к таким сообществам возник в связи с поиском ответа на простые вопросы: Что привлекает их участников? Почему они тратят свое время, участвуя, казалось бы, в ненужной и необязательной деятельности? В дискуссионных клубах или в проектных группах они не получают официальных документов, которые могли бы стать видимым и очевидным бонусом[3].

[1] Губа Катерина – слушатель Европейского университета в Санкт-Петербурге, призер конкурса (2 место).

[2] Недавно увиденная автором классификация студентов с точки зрения их мотивации в той или иной мере отражает как когнитивные причины, так и объяснения «циничной» социологии. Классификация включала в себя следующие типы. «Академики», которые хотели бы посвятить себя той дисциплине, которую изучают; они ищут качественное образование. «Халявщики», озабоченные лишь количеством усилий, которые необходимо затратить, чтобы сохранить статус студента и получить в итоге диплом. И наконец, «профессионалы», которые соединяют черты обеих групп. Обычно это люди, которые хотели бы посвятить себя одной из смежных специальностей и поэтому озабочены максимизацией качества одних курсов – и минимизацией затрат на все прочие (Соколов 2008).

[3] Этой интерпретацией можно, например, объяснить повальное увлечение вторым высшим образованием, отнимающее достаточно времени у студентов старших курсов. Затраченные усилия обычно окупаются выходом на рынок труда с двумя дипломами.

Можно предположить возможные интерпретации, тяготеющие или к когнитивным причинам, или к циничным поискам истинных мотивов акторов, действующих исходя из собственных интересов. Возможно, студенты ищут в таких сообществах недостающие знания? Или нишу для интеллектуального общения? А может, они хотят установить профессиональные связи? Или, может быть, амбициозные и дальновидные студенты стремятся подкрепить свое резюме? Не будем забегать вперед. Пока я не буду настаивать на значимости того или иного объяснения. Читатель получит возможность выбрать наиболее симпатичную ему интерпретацию[4].

Материалом для интерпретации послужили интервью[5] с участниками региональной Школы молодого автора[6] 2005-2007 гг. С одной стороны, информанты являлись участниками тренинга как формата точечного погружения. С другой стороны, логическим продолжением Школы стало создание молодежной факультетской редколлегии. Тогда ШМА можно рассматривать и как форму длительного взаимодействия, что увеличивает познавательную ценность объекта исследования.

Здесь мне бы хотелось отказаться от реконструкции мотивов участников, несмотря на то что поиск мотивации является законным делом социолога. Я попытаюсь ответить на вопрос о том, что привлекло студентов к участию в тренинге и в редколлегии, посмотрев не на их первоначальную мотивацию. Скорее более важно попытаться посмотреть, что дало им участие в этом интеллектуальном сообществе. Во многом восприятие собственных мотивов у информантов уже тематизировалось через полученный опыт взаимодействия в редколлегии. Сложно найти точный ответ на то, что подвигло студентов к участию в тренинге и в редколлегии. В интервью мы не находим деталей, похожих на «увидела объявление – прислала заявку – пришла на тренинг», но получаем рассказ, тематизированный через призму того, что участник получил в этом сообществе. Например, если участница говорит о роли редколлегии как о встрече «*людей, с которыми действительно можно поговорить, пообщаться, которые тебя поймут*», то и мотивом для нее будет поиск

[4] Хотя это, безусловно, лукавство. Ведь авторский текст вольно или невольно направлен на некоторое убеждение читателя

[5] Было проведено 12 полуформализованных интервью с бывшими участниками ШМА, проводящейся ежегодно на философском факультете Томского государственного университета. Участники разделялись на две группы: первая группа – это те респонденты, чей опыт участия в неформальном образовании ограничивался лишь ШМА (участники 2007 года). Вторая группа – участники прошлых факультетских ШМА (2005 и 2006 гг.), для них более важным стало участие в молодежной редколлегии факультета, созданной по итогам первой ШМА 2005 г.

[6] Далее Школа или ШМА.

людей для общения и взаимодействия. Поэтому я попытаюсь реконструировать не конкретные мотивы информантов, а самое важное для участников сообщества.

Прежде всего, необходимо осветить контекст существования Школы молодого автора и редколлегии: историю возникновения, содержание и трансформацию. Затем я попробую реконструировать, что привлекло студентов к участию в интеллектуальном неформальном сообществе. И закончу свою работу размышлениями о том, что способствует возникновению различных неформальных сообществ и мероприятий в структуре формального университетского образования.

Школа молодого автора: введение в контекст

Тренинг Школа молодого автора является частью образовательного компонента проекта ОИИЦ «Вестник Евразии»[7], где печатаются в основном провинциальные авторы. Обычно уровень статей таких авторов оставлял желать лучшего. Поэтому главному редактору С. А. Панарину пришла в голову идея о «выращивании» хороших авторов, ведь «учить авторов, давно пишущих, – дело почти безнадежное: авторское самолюбие прочно закрепилось у них вместе с навыком писать, не задумываясь о форме» (Панарин и Дятлов 2003), в то время как студенты старших курсов и молодые аспиранты являются более восприимчивыми к новым знаниям, тем более что в большинстве случаев система образования не предусматривает обучение навыкам написания и редактирования научных статей. Была разработана форма интенсивных пятидневных тренингов дважды в год: одна Школа проводилась в Сибири, вторая в европейской части России. Первая такая Школа была проведена в 2002 году. В 2003 году состоялись региональные Школы в Томске и Улан-Удэ, в дальнейшем наряду с большими «европейскими» и «сибирскими» Школами стали проводиться региональные Школы.

Первая Школа молодого автора на философском факультете Том-ского государственного университета представляла собой несколько видоизмененный формат. Она практически не была связана с «Вестником Евразии». Идея ее проведения на факультете принадлежала бывшей выпускнице региональной Школы. В организации был задействован образовательно-исследовательский центр Con-text:

Проектор взяли с кафедры, аудиторию дал деканат, канцелярию Con-text. Скинулись на кофе-брейки. Денег никаких нет, собственно говоря, только аудиторию организуй. Юлька помогла канцелярию закупить на деньги Con-text, там еще какие-то деньги оставались. И кофе-брейки, нужно было собрать участников и какое-никакое интервью с ними провести. И сделать содержание[8].

Ее участниками стали студенты и аспиранты философского факультета. В течение четырех дней они знакомились с навыками работы с текстом, разбирали научную статью как жанр, рассматривали ее структуру и стиль, а также редактировали тексты друг друга. По итогам Школы была сформирована молодежная редколлегия, чьей задачей стало редактирование факультетского сборника. В течение года члены редколлегии занимались правкой статей студентов, рекомендовавшихся к публикации по итогам студенческой конференции. Весной 2006 г. члены редколлегии провели уже вторую ШМА на факультете, важным отличием этого тренинга стал выезд, когда участники два дня слушали лекции в аудитории и два дня редактировали статьи друг друга в санатории. Кроме того, в роли организаторов и преподавателей Школы выступили ее бывшие участники, соответственно, расширился круг людей, занимающихся тренингом ШМА. Далее состав редколлегии пополнился по итогам второй Школы, весь следующий год они также занимались правкой статей. История ШМА на философском факультете заканчивается проведением третей Школы 2007 г., в ее организации приняли участие только члены редколлегии и бывшие участники ШМА. На этот раз произошло возвращение к формату аудиторных занятий, в то же время содержание расширилось новыми занятиями по логике, аргументации и презентации научного исследования.

В чем же состоит суть тренинга Школа молодого автора? Во-первых, содержание тренинга и его подчиненность одной проблеме. Данный момент отмечали практически все участники школ: *«здесь все идеи одной подчинялись»*. Во-вторых, особенностью тренинга является соединение теоретических материалов и практических заданий, когда шло чередование постулатов, презентаций с практическими заданиями после каждого занятия. В-третьих, многое было направлено на обмен опытом, как между участниками, так и между организаторами и участниками. Установка на обмен опытом превращала занятия в диалог, когда участники могли прервать лектора, чтобы высказать свой комментарий или привести пример из своей авторской и редакторской деятельности. В Школе сущест-вовала установка на неформальное общение, на что были направлены кофе-брейки и работа в группах. Организаторы прикладывали специальные уси-

[7] Подробнее см.: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-1_pan.htm

[8] Курсивом выделены цитаты из интервью.

лия на создание свободной атмосферы через проведение игрушек на знакомство и создание командного духа.

Познакомив читателей с особенностями тренинга, посмотрим теперь, какую роль он сыграл в формировании редколлегии как неформального интеллектуального сообщества.

Неформальное сообщество: что привлекло его участников?

Прежде чем обратиться к точке зрения самих участников, следует осветить точку зрению создателей ШМА. С.А. Панарин и В.И. Дятлов одной из причин организации Школы назвали «застарелую болезнь отечественной высшей школы – выпуск молодых специалистов, не умеющих писать научные тексты» (Панарин и Дятлов 2003). Сами они могли судить об этом по тому уровню статей, которые присылались молодыми учеными из провинции. По их мнению, тренинг по написанию научных статей должен был восполнить данный пробел в системе высшего образования.

Кроме того, организатор первой ШМА на философском факультете указывала на то, что, по ее замыслу, Школа должна была «*заполнить вакуум*», существующий на факультете. Вакуум означает отсутствие поля для взаимодействия и личностного роста. По ее мнению, университет, являясь формальной структурой, не развивает у студентов чувство ответственности за свое образование, которое становится частью внешней навязанной среды. В редколлегии же участники могли пробовать заняться чем-то отличным от лекций и семинаров университета, возможно, выйти на другой уровень общения и взаимодействия:

Вещи-то делаются людьми, когда ты находишься во взаимодействии. Когда ты находишься в вакууме, то ты ничего делать не сможешь. Это для всего справедливо, в том числе и для науки. Наука – это социальная среда... в том числе и взаимосвязи. Если ты хорошо взаимодействуешь, ты кого-то знаешь. И даже дело не в блате каком-то. Ничего не рождается вне взаимодействия. Вот это взаимодействие Школа и обеспечивает. А у нас на факультете на самом деле этого взаимодействия толком нет.

Такова точка зрения самих организаторов. К чему же обращаются в своих рассказах об опыте участия в Школе и в редколлегии их непосредственные участники? Начнем с самого очевидного. Участвуя в неформальных событиях и сообществах, студенты получают определенные **знания** и **навыки**. Школа молодого автора направлена на развитие навыков написания научного текста. Для многих студентов, занимающихся научной деятельностью, такие знания являются актуальными. Им приходиться писать не только курсовые работы,

но и научные статьи по итогам конференций. Соответственно, такие знания необходимы, но учебный план факультета не предполагает курсов по навыкам писания научных текстов. Этот тренинг дает возможность получить такие навыки «*структурированно, в полном объеме и сразу с конкретной практической ориентацией*». Причем, хотя ШМА и посвящена навыкам написания научной статьи, она же ориентирует на написание любого научного текста.

Тем не менее я не стану категорически утверждать, что содержание тренинга было исключительно важным для всех его участников. Участники недавней Школы 2007 г. четко были ориентированы на содержание тренинга, их привлекла возможность получить знания и навыки по написанию текстов, по его структурированию и оформлению. Отмечалась нехватка подобных знаний и умений, что и стало определяющим фактором, по словам многих информантов. Также они были заинтересованы и возможностью получения опыта редакторской деятельности. Многие уже знали, что на факультете существует редколлегия, были знакомы с ее деятельностью, поэтому и решили попробовать себя «*на этом поприще*»:

Интерес, наверное, к организации редакторской работы. Мне почему-то всегда казалось, что я могла бы этим заниматься, что это мне могло бы нравиться и нравиться. Я люблю копаться с текстом. Я просто хочу иметь эти навыки...

В интервью же участников, которые участвовали в Школе несколько лет назад, можно найти удивительно мало отсылок к содержанию тренинга. Если они и говорили о когнитивном содержании, то затрагивали не столько конкретные навыки (например, придумывание заголовка или правильное составление библиографического списка), сколько изменившиеся установки на написание и восприятие текста. Появилась ответственность за свой текст, когда уже «*не хочется самому плохо писать после Школы молодого автора*», сама деятельность по написанию текста стала рефлексироваться, участники уже могли рассказать, как они сейчас пишут и читают тексты. Также возникло чувство формы, когда текст перестает восприниматься только с точки зрения его содержания: начинает оцениваться его форма. Текст представляет собой в этом случае некоторое взаимосвязанное целое: состоит из заголовка, аннотации, введения, основной части, заключения и библиографического списка. Тогда текст воспринимается этими участниками именно как взаимосвязь этих элементов. Для них это возникшее чувство формы стало важнее некоторых лекций. Оно же повлияло на чтение текстов. Если раньше участники больше внимания уделяли содержанию статей, а форма практически не рефлексировалась, сейчас уже стали обращать на это внимание:

Статья же это особый жанр, она состоит как из текста, так и из таких вещей формальных, но на которые возможно больше обращают внимание. Я уже говорила про заголовок, ссылки библиографические, как преподносится информация об авторе статьи. Я смотрю, какой у него статус. перед тем, как читать статью. Могу посмотреть библиографию, на кого он ссылается, если я в теме. Потом посмотрю введение и уже потом пробегусь глазами по абзацам и заключению. И если на этом этапе я заинтересуюсь, то да, я буду читать.

Данный момент отсутствовал в интервью участников ШМА 2007 г. Я думаю, это связано с тем, что необходимо какое-то время, чтобы пришло осознание написания текста как отдельной деятельности со своей спецификой и особенностями. У бывших участников было время для осознания всей полученной информации, также у них был достаточный опыт редактирования текста, как своего, так и чужого.

Кроме того, в деятельности ШМА и редколлегии их уже привлекали отнюдь не знания и навыки. В интервью они чаще рассказывали о важности общения и профессионального взаимодействия. Рассмотрим это более подробно.

Казалось бы, если участниками Школы были студентами одного факультета[9], то они должны были хорошо взаимодействовать друг с другом. Но многие из них говорили о недостаточности общения и взаимодействия между студентами на факультете:

Ее не было особо (научной коммуникации. – *Г.К.*)*, потому что у нас в группе както, по крайней мере, раньше не принято было, сейчас как-то активнее стали говорить, обсуждать, в узкой такой группе свои курсовые работы. А на ШМА подобрались такие люди, с которыми просто интересно поговорить. Социологи там подобрались, которые просто повернутые на своей специальности, которым действительно интересна теория. Причем это чувствовалось, потому что люди обсуждали это, говорили. Взаимодействие происходило.*

С этой точки зрения редколлегия представляет собой некоторую площадку для взаимодействия, обмена информации и нахождения людей, которые «*тебя понимают*». Через ШМА и редколлегию была получена возможность **установить контакты** как с другими студентами, так и с молодыми преподавателями. Когда бывшие участники ШМА говорили о мотивации к участию в тренинге, они не эксплицировали намерение установить полезные знакомства. Лишь один участник прямо сказал, что такое намерение было, причем оно родилось из наблюдения взаимодействия других участников редколлегии, с которым тот общался до участия в ШМА:

Понимал, что она будет такая немножко формальная, но там будут возможные пути выхода. Чему я тебе совершенно завидовал, что ты начинала общаться с нашими кафедральными. Я бы до того общения снизойти вряд ли бы смог. По причине как раз институциональных барьеров, которые очень хорошо чувствуются.

Установление связей происходило во многом спонтанно. И рождалось оно, с одной стороны, из общения на профессиональные темы, с другой стороны, прилагались дополнительные усилия организаторами Школы для установления научной коммуникации. Участники, пообщавшись за время ШМА, получили возможность узнать человека с точки зрения его профессиональной компетенции, появился выход не про-сто на интересных людей, а на людей, «*с которыми можно уже что-то делать*». В результате установления таких контактов стало возможным привлечение участников и в другие проекты.

Кроме того, связи поддерживались со стороны организатора Школы, которая делилась информацией о конференциях, семинарах, летних и зимних школах. Во многом она выступала как связующее звено между участниками: предлагала сходить в чайный клуб для установления более неформальных контактов, помогала в каких-то технических и профессиональных вещах – «*после тренинга отношения как-то улучшились, она мне всегда помогала, диктофон давала, литературу советовала, на каких-то людей выводила*». Таким образом, через общение и взаимодействие родилось маленькое сообщество – молодежная редколлегия философского факультета. Для участников этого сообщества важным было как общение ради общения, так и установление профессиональных контактов. Кроме того, было важно само чувство принадлежности к какому-то сообществу, с появлением редколлегии участники получили возможность реализации себя в новой деятельности. Через эту новую деятельность они смогли закрепить свой статус, также получили возможность взаимодействия в определенной среде. С этой точки зрения интересно было мнение о редколлегии информантки, которая уже окончила университет, но осталась в редколлегии:

А с университетом я не хотела, чтобы у меня так было. Редколлегия для меня в том числе – это повод появиться в университете, поддерживать связи с вами, с преподавателями, с Ольгой. Отчасти поэтому, потому что редколлегия – это еще и среда. Для меня важно было остаться.

[9] На философском факультете ТГУ на одном курсе обучается не больше 100 человек, их количество постепенно уменьшается к концу обучения.

Существование сообщества проявилось при поиске участников для третьей Школы. Организаторы Школы занимались подбором участников под свое сообщество. Информация была направлена на определенных людей факультета, которые не только могут заинтересоваться в подобном тренинге, но и в каком-то смысле адекватны уже существующему кругу общения. Подбирались не случайные люди, а те, которые смогут влиться в коллектив и станут полезными в редколлегии. Ведь, в конечном счете, Школа существовала под редколлегию, и подобный отбор шел не на собеседовании, а еще раньше, когда организаторы выходили на своих знакомых, «правильных» людей, подходящих для тренинга.

Установление связей происходило через **общение** по профессиональным интересам. В таком общении участники реализовывали интерес к своей специальности, отмечая, что на факультете редко предоставляется такая возможность.

Но интересно было пообщаться с этими людьми. Общения вообще не хватало на факультете, у нас-то в группе можно только с двумя людьми пообщаться. На тему социологии, науки, вообще интересные темы, а не о том, куда сходили, где повеселились.

Началом такого общения стала ШМА, зарождалось оно во время чтения лекции, обсуждения вопросов написания текста, чему во многом способствовала живая свободная атмосфера тренинга. Но возможность общения на профессиональные темы реализовалась во время группового редактирования статьи внутри редколлегии. Особенностью такого редактирования стало взаимодействие участников, принадлежащих к разным дисциплинарным областям. Далее я бы хотела представить фрагмент расшифровки обсуждения статьи для того, чтобы показать, как зарождалось и складывалось такое общение:

Ф. – Суть дискурс-анализа в чем? В том, что мы пытаемся исследовать какие-то языковые структуры, которые управляют нашей жизнью, которые структурируют нашу повседневность, и фишка в том, что это структурируется через язык.

Л. – Тем самым мы можем объяснить то, что содержится в реальности, через изучение языка. Язык у нас сконструировал ту самую реальность.

Ф. – Да, да, да.

А. – Возвращаясь к экстравертности и прагматичности и ценностной экспрессии...

Л. – Ценностная экспрессивность, сейчас попытаюсь объяснить...

А. – Я так понимаю, что прагматический – это, условно говоря, сред-ство касательно внешней среды, а ценностно-экспрессивная – это внешняя среда как цель.

Ф. – Почему внутренняя среда как цель? Нет?

А. – Если говорить о внутренней среде, то с точки зрения прагматиче-ского дискурса – это будет средство...

Л. – Стоит говорить с точки зрения повседневности, если брать феноменологический контекст, то прагматический дискурс – это дискурс повседневности, это концентрация рутинных практик и не осмысливание этих самих практик в терминах экспрессивного опыта. Этот опыт, который индивид получает в повседневности, не является фактором возбуждения экспрессивного опыта.

Ф. – Насколько я понимаю, прагматический дискурс связан с языком принимающего сообщества. Человек, когда приезжает в другую страну, ему нужно говорить на другом языке, при этом этот язык, дискурс, он не ассоциируется с ностальгией. Он не вызывает чувство коммуникативного комфорта, что все родные. В состоянии эмоциональной комфортности человек не будет говорить на этом языке.

Л. – Ну так, если по-человечески объяснить.

Подобным образом шло обсуждение всех статей, большое внимание уделялось разбору содержания статьи, автору предлагались новые идеи и развороты тематики. Зачастую обсуждения затягивались до четырех часов. В ходе общения автору приходилось эксплицировать свои мысли, предоставлять объяснительные схемы, обсуждать полученные результаты. Все это происходило через взаимодействие с другими участниками.

Далее общение уже шло в рамках редколлегии, когда участники также могли прийти и рассказать, как у них продвигается работа с курсовой или что они планируют рассказать на конференции. Обычно участники встречались раз в неделю на одной из факультетских кафедр: обсуждали процесс редактирования, сложности во взаимодействии с авторами или просто пили чай и общались на околопрофессиональные темы, из которых уже потом вырастали новые проекты. Общение на научные темы и установление профессиональных связей нашло свою дальнейшую реализацию уже вне деятельности редколлегии. Участники, которые входили в состав редколлегии, реализовали несколько проектов внутри факультета. Во-первых, они написали свою первую заявку на получение небольшого исследовательского гранта. Грант они не выиграли, хотя неформальный лидер получил возможность поучаствовать в серьезной выездной школе. Во-вторых, вдохновленные своим опытом неформального общения, участники провели альтернативную секцию на ежегодной студенческой конференции, превратив это событие в своего рода небольшой перфоманс.

Итак, вы видим студентов, стремящихся стать частью научного сообщества, найти людей, *«с которыми можно что-то делать»* и которые так же заинтересова-

ны в своей профессиональной деятельности. Получаемые знания не играли здесь решающей роли. Тренинг Школа молодого автора выступил толчком и местом, где все началось, редколлегия же стала площадкой для неформального интеллектуального сообщества, в котором студенты могут общаться на научные темы и установить профессиональные связи.

Когда я делилась своими наблюдениями с преподавателями университета, некоторые из них недоуменно спрашивали, почему студенты не могут общаться или создавать свое общество в рамках формального университетского образования? Ведь все они посещают семинары и лекции, участвуют в конференциях. Разве это не дает им возможность пообщаться на научные темы, узнать профессиональные интересы друг друга, найти людей для совместных проектов?

Возможно, кто-то возразит и спросит: разве университет вообще должен предоставлять площадку для научного взаимодействия? Разве не должен он просто предоставить знания для студентов и выпустить квалифицированных специалистов? Но почему информанты ожидали, что они смогут найти все это именно в университете? Их рассказы о роли ШМА и редколлегии как о площадке взаимодействия начинались с рассказа о том, что на факультете нет научной коммуникации между разными курсами. По рассказам участников редколлегии, факультет выглядит как совокупность обособленных групп студентов, не поддерживающих профессиональные контакты. Студенты могли писать курсовую работу на одну и ту же тематику, но даже не знать этого. На семинарах и конференциях им сложно было найти таких же заинтересованных студентов, которые были бы так же увлечены исследовательской деятельностью. Многие говорили о достаточно формальном характере семинаров и конференций:

Я не встречала заинтересованности на конференциях. По большей части лишь бы отчитаться. И заинтересованности на тех же семинарах, заинтересованности вообще любого какого-то события. Такого я не помню, чтобы люди хотели что-то делать, и делали это хорошо к тому же.

Даже когда информанты рассказывали о содержании тренинга, о знаниях и навыках, они начинали с того, что не могут получить такие знания на факультете. Здесь, безусловно, нужно учитывать контекст, у части информантов[10] отсутствовал специальный курс по написанию курсовых работ, где бы уделялось специальное внимание тому, как поставить научную проблему, как не смешать исследовательскую и социальную проблему, как соотносится проблема и цель, чем отличается цель и задачи:

Да, никто не учит студентов писать курсовые работы. Есть единичные преподаватели вроде N... он всегда рассказывает на своих семинарах, но проблема в том, что он ведет не у всех... Хотя есть структурно, институционально, но они своей функции не выполняют. На самом деле, это дубляж идет. Место на это есть, дело в людях. А поскольку люди у нас не все хотят этим заниматься, поэтому навыков-то не хватает.

Важно, что участники рассказывают о своем участии в ШМА на фоне обучения в университете. Зачастую они противопоставляют тренинг и редколлегию тому, что получают в формальных институтах, фиксируя точки напряженности между двумя формами образования. Получалось, что ШМА и редколлегия стали восполнять эти моменты. Студенты там получили новые знания, которые были нужны, но отсутствовали возможности их приобретения в системе университета. Они познакомились с новой формой подачи материала, которая показала им недостатки традиционного лекционного способа подачи информации. И самое важное, участники ШМА и члены редколлегии смогли через общую деятельность реализовать потребность в научном общении и коммуникации, что было сложно осуществить в формальной структуре университета.

Возможно, моменты напряженности возникали из-за того, что университет как социальный институт является рациональной системой. Вспомним концепцию рационализации М. Вебера, который писал о том, что современный западный мир становится все более рациональным, когда доминирующими категориями становятся эффективность, предсказуемость и технологии, не подразумевающие человеческого участия. Вебер создал свою теорию в начале XX века, а в начале XXI его идеи о рационализации общества за основу взял Д. Ритцер. Для него современное общество характеризуется не процессами рационализации, а процессами все большей макдональдизации общества. Под макдональдизацией общества Ритцер понимает процесс, посредством которого принципы фаст-фуда – эффективность, исчисляемость (calculability), предсказуемость и контроль – становятся все более доминирующими во всем мире (Ritzer 2004). По этим принципам строится деятельность не только ресторанов быстрого питания, но и многих социальных институтов, например высшего образования. Для

[10] Данная ситуация характерна именно для студентов-философов, особенно младших курсов. Студенты специальности «социология» не отмечали значимость занятия по логике исследования. Это объясняется тем, что на первом курсе они слушают курс «Жанры презентации исследования», где знакомятся с правилами написания курсовой работы, ее структурой и особенностями.

системы высшего образования США характерна ситуация, когда «большинство курсов подразумевает всегда стандартное количество недель и соответственно часов в неделю... внимание уделяется не качеству образования, а количеству студентов, прошедших через систему» (Ritzer 2004: 70). В итоге система образования становится все более формальной, следуя принципам рационализации или макдональдизации.

Ритцер анализировал образование США, но посмотрим на россий-ские университеты. Не так давно был принят закон о ЕГЭ, межличност-ные экзамены все чаще заменяются тестированием, что, естественно, приводит к большей эффективности. Ведь проверка знаний студентов при непосредственном взаимодействии требует значительно большего времени, что неэффективно в современных условиях. Интересно, что сейчас подобная ситуация, связанная с тестированием, характерна и для гуманитарных факультетов, хотя еще несколько лет назад тестирование являлось скорее исключением из правил. Причем российские университеты изначально характеризовались большей формальностью в самом процессе обучения. Студенты не могут выбирать и формировать сами свой учебный план, они обязаны посещать все лекции и семинары, где прямо диктуется, что нужно прочитать. И если мы сейчас обсуждаем Аристотеля, значит, мы обсуждаем именно Аристотеля. Когда-то Вебер писал, что с приходом формальной рациональности институализированные правила начинают диктовать индивидам, что делать и как действовать (Цитируется по Ritzer 2004: 70). Так и в системе образования тебе во многом диктуют, что изучать, и в какие сроки: нужно читать педагогику Амонашвили, когда хочется почитать Фуко.

В таких условиях во многом единственной формой творческой и интеллектуальной самореализации становится написание курсовых работ, но парадокс в том, что для большинства студентов написание курсовых работ является чуть ли не самой тяжелой обязанностью. Во многом это опять же связано с формальностью работы, необходимостью постоянной отчетности перед руководителем. Бывают случаи, когда тема курсовой прямо диктуется руководителем. Даже в ситуации, когда студент действительно интересуется изучаемой тематикой, происходит отчуждение от написания текста:

Но так как в такой формальной сфере не всегда находишь интерес и не всегда понимаешь, зачем тебе это нужно. Здесь, ты спрашиваешь зачем, и ты находишь ответ. А вот, например, писать диплом, я не нахожу ответ. Я нахожу, конечно, ответ, что мне нужно окончить университет. И нужно получить диплом, но это не экзистенциальный ответ.

У студентов отсутствует сфера приложения собственных интеллектуальных усилий, где они сами могли бы решать, чем им заниматься, в какие сроки, когда перед ними не было бы внешней отчетности – лишь личная ответственность. Такая ситуация говорит о том, что в системе высшего образования нет источников внутренней заинтересованности, ее формальность вызывает у студентов желание сделать что-то свое, заняться чем-то отличным от лекций и семинаров, пообщаться не в рамках семинара с его привязкой на «вопрос-ответ», а в более свободной атмосфере. Все это можно было реализовать, участвуя в Школе молодого автора и в факультетской редколлегии. Поэтому ее участникам так понравились свободная атмосфера лекций с их диалоговой формой, поэтому редактирование статей превращалось в настоящий *«взрыв мозга»*, обмен идеями и мыслями. У студентов появилась возможность поговорить о социологии, философии, политологии, не задаваясь рамками семинара, а одной лишь исследовательской проблемой. Участники получили выход на людей, заинтересованных в научном общении и взаимодействии. Поэтому, на мой взгляд, формальность и рациональность системы высшего образования можно рассматривать как некоторый фон, который превратил Школу молодого автор и редколлегию в неформальное интеллектуальное сообщество, где их участники смогли найти себя и единомышленников[11].

Использованная литература

1. Соколов М. Соцфак МГУ: Можно ли что-то сделать? Публикация на http://www.polit.ru/science/2008/03/13/sokolov.html
2. Панарин С. А., Дятлов В. С. 2003. Школа молодого автора в 2002 г. [Электронный ресурс]. Образовательный и издательский центр «Вестник Евразии» Режим доступа: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-1_pan.html
3. Ritzer G. 2004. The Mcdonaldization of society. Sage, Thousand Oaks.

[11] К сожалению, у автора не осталось места для выявления мотивов в духе «циничной» социологии. Можно лишь отметить, что иногда профессиональные контакты действительно приносили ощутимые бонусы, когда для участия в проекте или школе первым делом приглашались «свои» участники. Так, автор впервые побывала на выездной школе по неофициальному приглашению главного редактора редколлегии.

Анна Желнина[1]

Вторая премия

Мобилизация университетского сообщества: политизация аполитичного

Введение

Данный текст основан на исследовании, которое не было запланировано и структурировано заранее. «Поле», которое предоставило мне материал для анализа, само нашло меня, и ориентироваться в нем, подбирать «исследовательский инструментарий» пришлось буквально «на ходу». Ситуация, на примере которой я попыталась рассмотреть вопрос «политической» активности молодежи, – закрытие в феврале-марте 2008 года Европейского Университета в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб), вызвавшее не только широкую общественную дискуссию, но и четкие активные действия слушателей Университета – молодых людей, которые до упомянутых событий были аполитичны и связывали возможность собственных активных действий исключительно с научной работой.

Контекст событий таков: ЕУ СПб, учебное заведение постдипломного образования, закрыли в феврале 2008 года в связи с требованиями пожарной инспекции. Однако из «технической плоскости» дискуссия сразу переместилась в политическую, или, скорее, в сферу проблем гражданского общества. Основная рамка этой дискуссии легко реконструируется при анализе основных публикаций в прессе[2]: независимая организация (ЕУ СПб) столкнулась с бюрократической машиной, которая, исходя из интересов неопределенных, но обладающих большой властью агентов, несправедливо применяет административный ресурс для уничтожения этой организации.

В этом контексте возникло явление, которое и стало предметом анализа в данном тексте, – мобилизация и коллективное действие[3] молодых ученых, «аутичных интеллектуалов», от которых мало кто ожидал осознанного, спланированного и эффективного действия. Сформировавшаяся в ходе защиты ЕУ СПб Инициативная группа слушателей, выпускников и абитуриентов ЕУ СПб активно вела подписные кампании, проводила публичные акции и т.п. (среди них отправка собранных подписных листов в Министерство образования РФ, губернатору Санкт-Петербурга, проведение флешмобов, фотовыставки и пресс-конференции, посвященные ЕУ СПб, нескольких заседаний Уличного Университета – семинаров и дискуссий под открытым небом и т.д.).

Целью данной работы является описание и анализ динамики развития общественного движения слушателей ЕУ СПб как коллективного действия, а также реконструкция мотивов, которые заставили выйти на «активистскую сцену» молодых людей, изначально не ориентированных на выступления подобного рода. В представленном тексте мы постараемся показать, что мобилизация молодежи возможна и эффективна для защиты гражданских прав и своих личных жизненных перспектив.

Поскольку дизайн исследования, как уже упоминалось, не был разработан заранее и «полевой этап» предшествовал какому-либо осмыслению и теоретизации, в качестве наиболее адекватного способа представления материала было выбрано аналитическое описание ситуации. Как активный участник событий, которые и сформировали «поле» моего анализа, я имела возможность использовать метод включенного наблюдения, интервью с другими активистами, а также активно пользоваться методом самонаблюдения или саморефлексии – эти материалы и составили основной корпус данных.

Активизация акторов. Формирование сообщества

Почва, на которой «произросла» инициатива слушателей ЕУ СПб по защите своего учебного заведения, с первого взгляда не кажется благодатной. Небольшие интервью, которые давали слушатели ЕУ СПб в период, когда университет был закрыт, позволяют следующим образом охарактеризовать позицию как учебного заведения, так и его слушателей по отношению к внешнему миру: жизнь университета была достаточно закрытой, слушатели и аспиранты в основном были ориентированы на научную деятельность, не обращая особого внимания на происходящее в политической и общественной жизни страны. До закрытия ЕУ СПб функционировал как замкнутый, закрытый мир, в котором комфортно «проживали» и вели научную деятельность пара сотен человек. Это ощущение закрытости и уютности передает цитата из интервью с одной из слушательниц:

Когда я пришла, меня очень привлекла атмосфера, которая есть в Европейском Университете <...> И мы, когда заходили в университет... По крайней мере, я... У

[1] Анна Желнина – аспирантка факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге

[2] В частности, ситуацию регулярно освещали «Коммерсантъ», Фонтанка.ру, Полит.ру, радиостанция «Эхо Москвы» и др. Мне известны около 500 статей о ситуации вокруг закрытия ЕУСПб.

[3] John McCarthy and Mayer N. Zald. Resource Mobilization and Social Movements // American Journal of Sociology (82). 1977.

меня было такое ощущение, что я от другого мира закрывалась, и вот можно было быть в уютной для себя атмосфере, обстановке и заниматься тем, что тебе нравится. И мне, конечно, было очень хорошо то, что очень плотный был график.

Между тем в качестве «благодатной почвы» могла послужить та роль, которую играет ЕУ СПб в жизни слушателей. В университете обучается значительное количество так называемых «региональных» студентов, которые приехали в Петербург специально для обучения в ЕУ СПб. Для большинства из них переезд и поступление в ЕУ стали серьезным шагом, определившим значительные перемены в их жизни. Однако такая значимость не всегда осознавалась самими студентами. Все это вышло на первый план в момент закрытия ЕУ, которое стало серьезной **угрозой личным жизненным планам** слушателей, в которых ЕУ занимал определяющее место. Большинство участников Инициативной группы слушателей ЕУ СПб сообщали о том, что начали активные действия именно потому, что возникла угроза потери «чего-то хрупкого», «несправедливо отнятого», важность чего вдруг стала очевидной.

Важно подчеркнуть, что в процессе развития активистского движения из пункта в личной биографии ЕУ СПб стал превращаться в «**общее дело**», которое объединило людей в «коллектив». Объединение и, в итоге, успешные действия стали возможны только тогда, когда индивидуальное и атомизированное существование слушателей сменилось осознанием себя как коллектива, как сообщества:

И даже если через год-два мы уйдем отсюда и не сохраним тесных связей с ЕУ, его место в нашей жизни будет гораздо значительнее, чем было бы без этих событий. Мы сплотились, за это время качественно изменилось само понятие «мы» (А.Н., член Инициативной группы).

«Мы» и другие: внешнее позиционирование

Помимо того, что произошла кристаллизация внутриуниверситет-ской идентичности и единства, по классической схеме должны были начаться и процессы сопоставления себя с другими и позиционирования себя по отношению к ним[4].

В период закрытия ЕУ СПб слушатели оказались против своей воли выброшены во **внешний мир**, который до сих пор являлся для них лишь предметом исследовательского внимания, а не пространством их собственной активности, в котором они занимали бы определенную позицию. Когда оказались опечатаны аудитории, им пришлось занимать позиции участников событий. Во «внешнем

[4] Hall, S. Introduction: Who Needs Identity? // Stuart Hall, Paul du Gay (eds.): Cultural Identity. London: Sage. 1996. P. 416.

мире» при этом уже существовали определенные идеологические, политические позиции и группы интересов, из которых новые акторы условного гражданского общества должны были либо выбирать свою позицию, либо определять свою дистанцию по отношению к ним. «Внешний мир» и существующие там группы прямо задавали вопросы.

Нам постоянно говорили: «Определитесь, кто вы такие». Далее предлагались разносторонние варианты в спектре от аутичных интеллектуалов до оранжевых активистов. «Кто вы? Созидатели науки или студенты, жаждущие протеста?» (А.К., член Инициативной группы).

Например, «**политическое поле**» («понимаемое одновременно как поле сил и поле борьбы, направленной на изменение соотношения этих сил, которое определяет структуру в каждый данный момент»[5]) тут же предложило на выбор несколько позиций, к которым можно было присоединиться. Среди них в первую очередь были те оппозиционные организации, партии, идеологические группы, которые видели в ситуации, сложившейся вокруг ЕУ СПб, результат действий своего «врага» – несправедливой государственной машины. Объединение с этими организациями было более чем возможно – на почве противостояния общему «врагу».

Однако занимать определенную позицию в политическом поле Инициативная группа не стала. Конкретной целью сложившегося движения была ликвидация противоправных действий «врага», а не уничтожение его самого, в то время как многочисленные потенциальные союзники требовали от движения действий и высказываний именно такого радикального толка. В этой ситуации Инициативная группа слушателей осталась группой **целевой,** не стала идеологической или политической, продолжая эксплуатировать свой легитимный статус слушателей, выдвигая конкретные требования («Мы хотим учиться!» оставалось лозунгом кампании до самого конца и не превратилось в более глобальные или абстрактные требования). Это является важной характеристикой всего процесса мобилизации слушателей ЕУ СПб: исключительно целеориентированный характер действия, не предполагающий выхода в более широкие активистские, политические контексты[6].

Возможно, такое положение обусловлено тем, что группа была изначально неоднородна – активисты были объединены только угрозой Университету, иде-

[5] Бурдье П. Политическое представление // Социология социального пространства. М.-СПб., 2005. С. 181.

[6] О расширении контекста протеста см. например: Закирова М. Мобилизация жильцов как стратегия борьбы за социальное пространство двора. (Дис. ... магистра социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге). 2006.

ологически, психологически при этом являясь очень разными людьми. Другое важное объяснение – неавтономность Инициативной группы. При том, что на практике активность слушателей была абсолютно независима от руководства Университета (которое никак не участвовало и даже не высказывалось по поводу действий слушателей), слушатели не могли не ориентироваться на саму организацию – ЕУ СПб, руководство которого также делало со своей стороны все возможное для спасения университета. Инициатива слушателей не могла вылиться в отдельное общественное движение, политическую инициативу, поскольку всегда должна была балансировать в рамках общего русла действий, предпринимаемых для открытия ЕУ СПб разными акторами.

Интересно, что отказ Инициативной группы занять четкую идеологическую позицию был негативно воспринят некоторыми «возможными союзниками» из «политического поля», которые желали в обмен на свою поддержку в реализации цели открытии ЕУ СПб получить новых активных единомышленников, «профессиональных оппозиционеров», которых из слушателей ЕУ не получилось.

Карта позиций

Итак, с самого начала, в том числе с подачи руководства ЕУ СПб (которое всячески избегало интерпретации ситуации вокруг ЕУ СПб в контексте политического противостояния несправедливых властей и оппозиционного учебного заведения, делая упор на противостояние гражданского общества и «давшей сбой» государственной машины), активность приняла «аполитичное» звучание.

В ходе первых обсуждений был найден наиболее компромиссный вариант поведения слушателей: аполитичного, но четкого заявления своей позиции. Уже в процессе подготовки открытого письма, что стало первым действием Инициативной группы слушателей, стало понятно, что общественность ЕУ разделилась на несколько групп, которые по-своему видели судьбу университета и позицию его сотрудников и слушателей.

– «**Отчаявшиеся**» (не принимали участия в попытках защитить ЕУ),

– «**Революционеры**» (стремились к максимальному расширению контекста протеста, выведению его за рамки конкретной проблемы),

– «**Умеренные коллективисты**» (ориентированные на достижение цели, открытия ЕУ СПб, – активисты, которые отвергали вариант острой политизации ситуации, стремящиеся тем не менее к коллективным действиям и открытому протесту),

– «**Умеренные индивидуалисты**» (ориентированные на достижение цели, но призывающие ограничиться написанием писем в инстанции, не переходя к стадии публичных акций),

– «**Радикальные индивидуалисты**» (открыто высказывающие протест – в том числе выходящий за рамки конкретной конфликтной ситуации),

– «**Элитные переговорщики**» (индивидуально и непублично задействовавшие свои контакты в «высоких сферах» для решения проблемы, не выводя вопрос в публичную плоскость).

Активные слушатели в основном попали в категории «революционеров» и «умеренных», и именно попытки интегрировать усилия двух этих групп характеризуют весь последовавший процесс мобилизации. Поиски баланса, компромисса и продуктивной коммуникации между «революционно настроенными» и «умеренными» активистами в ходе всей кампании потребовали больше времени и сил, чем собственно организация публичных акций.

При этом движение носило «демократический» характер и не имело лидера: практически все решения принимались коллегиально в результате общих обсуждений группы активистов. Эта группа включала не только слушателей и выпускников ЕУ СПб, но также неравнодушных представителей «внешнего мира», о которых речь шла выше. Был создан Координационный Совет, на котором регулярно собирались около 20 человек.

Необходимо отметить, что в активистское движение в защиту ЕУ актуализировало «**социальную сеть**» университета: к активным действиям подключились некоторые люди, не имеющие прямого отношения к ЕУ СПб, однако находящиеся в его «сети» – собирающиеся поступать, связанные партнерскими отношениями и совместными проектами, имеющие друзей и знакомых среди слушателей и сотрудников и т.п. Интересно, что «материализации» этих сетей способствовали виртуальные сети: постоянное использование для оповещения сообществ на сайтах Livejournal и Blogspot, портала «В контакте», рассылок по электронной почте, активная электронная переписка – способствовали не только организации встреч «в реальном времени», но и подготовке и проведению акций, обмену информацией с ключевыми людьми и организациями, чей опыт и помощь оказались решающими (мало кто из активистов, например, имел опыт проведения уличных акций, и консультации в области права от опытных людей были необходимы, что и было получено с помощью активизации связей через Интернет).

Результат действий и последующая динамика

Саму активность в поддержку ЕУ можно охарактеризовать как достаточно эффективную, однако для нас интерес в данном случае представляет не столько структура коллективных действий, сколько динамика позиции активистов: как уже говорилось выше, из аполитичных и занятых своими делами молодых уче-

ных активные слушатели ЕУ СПб довольно быстро трансформировались в целеустремленных акторов, создающих и направляющих события, нацеленных на защиту своих прав, своих жизненных планов. Интересно то, что происходит с активистами теперь, когда конкретная проблема решена и ситуация исчерпана.

Группа активистов на практике познакомилась с приемами активистской борьбы и уже существующей расстановкой сил на активистском поле. На поверхность вышли многие общественно-политические проблемы, требующие вмешательства и решения (например, актуализировавшиеся в дискуссии проблемы системы высшего образования и науки в России). Были аккумулированы навыки и «связи», которые можно продолжать использовать – в том числе для активизма в более широком контексте. Другой важный момент – фактически «принудительное» расширение контекста протеста. Закрытие ЕУ СПб в ходе публичной дискуссии оказалось вписано в общую рамку проблем образования и науки, их взаимодействия с государственной бюрократией. В эту же рамку попадали такие случаи, как формирование инициативной OD-группы на социологическом факультете МГУ, требующей повышения качества образования, активистов Саратовского Госуниверситета и т.п. Помимо этой «дискурсивной» связи случаев появилась и более осязаемая: переписка и личное знакомство.

Однако лишь единицы из активистов – защитников ЕУ СПб высказали желание и готовность переключаться на новые цели и более широкую гражданскую активность. Большинство активных участников событий вернулись к своему состоянию «до конфликта»: к написанию магистер-ских и кандидатских диссертаций.

С одной стороны, можно увидеть в этом «крах надежд» на возможность активных гражданских и политических позиций у молодежи: решив свою местную проблему, слушатели университета отказались идти дальше и бороться с «первопричиной» своих проблем. С другой стороны, Инициативная группа ЕУ СПб продемонстрировала: молодые представители академической среды способны быстро и эффективно мобилизовываться и организовывать действие; в случае угрозы гражданская активность возможна; для этого находятся ресурсы, в том числе «мировоззренческие» (готовность на действие и высказывание критической позиции).

В любом случае, активистский опыт повлек за собой как изменения во внутренней жизни университета (о переосмыслении концепта «мы» и образа сообщества выше уже было сказано), так и перемены в самоопределении и личных планах и установках участников событий, «молодых ученых»[7], которые против

[7] Doug McAdam. The Biographical Consequences of Activism // American Sociological Review, vol 54, no. 4 (October 1989).

воли и вопреки своему стилю жизни оказались в центре активности гражданского общества.

Использованная литература

1. Hall S. Introduction: Who Needs Identity? /By ed. Stuart Hall, Paul du Gay: Cultural Identity. London: Sage. 1996.
2. McAdam B. The Biographical Consequences of Activism// American Sociological Review, vol 54, no. 4 (October 1989).
3. McCarthy J., Zald M.N. «Resource Mobilization and Social Movements»// Ameri can Journal of Sociology (82). 1977.
4. Бурдье П. Политическое представление // Социология социального пространства. М.-СПб., 2005.
5. Закирова М. Мобилизация жильцов как стратегия борьбы за социальное пространство двора. (Диссертация на соискание степени магистра социологии, Европейский университет в С.-Петербурге). 2006.

Евгений Валиков[1]

Третья премия

Солидарность в левых молодежных движениях Санкт-Петербурга

Проблема солидарности в общественных движениях, в частности, в молодежных общественных движениях, остается малоизученной обла-стью в социологии и политологии общественных движений. В данной работе я постараюсь раскрыть тему солидарности в левом молодежном спектре как «одного из основных факторов мобилизации»[2], групповой идентичности участников движения, а также объединяющие и разъединяющие факторы солидарности движений, для чего мною будет проведен анализ сайтов молодежных левых движений СПб. Главная задача анализа – выявление различий в радикальности тех или иных движений, качест-венные различия в содержании документов этих организаций. Также я попытаюсь разобраться, какие организации в СПб могут считаться молодежными левыми, как происходит их мобилизация, высок ли уровень коллективных действий, каковы структуры организаций, их активность и идеологизированнось. Данная тема заинтересовала меня в связи с тем, что левые молодежные движения в целом, а также тема их внутренней солидарности остаются неизученными. Не проводилось специальных исследований и региональных молодежных левых организаций.

В современном российском обществе сложилась необходимость в левых идеях и ценностях, что отражается не только в успехах крупных партий, позиционирующих себя левыми, на прошедших нескольких выборах, но и в наличии множества молодежных левых объединений, как в России, так и в Петербурге, в частности. В этой связи главным вопросом среди молодых левых встает вопрос о координации действий, мобилизации ресурсов через солидарность, дабы стать – если не количественной, то качественной – альтернативой: «старшим коммунистическим» партиям, во многом растерявшим идеологическую и организационную основу, нарастающему протесту либеральной оппозиции, ультраправым национал-патриотам, сложившемуся политическому режиму в целом. «Для того, чтобы победила революция в обществе, левое движение должно совершить революцию внутри себя»[3]. Чтобы совершить такую революцию внутри левого молодежного движения, нужно понять факторы и механизмы солидарности.

[1] Евгений Валиков – студент 2 курса кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики.

[2] Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. – 138 с.

Определение объекта и предмета исследования

Объектом исследования являются левые молодежные движения СПб. Чтобы определить необходимые организации, нужно установить рамки того, кто может называться «левым». Учитывать всех, кто сам называет себя «левым» в популистских целях, будет ошибочно.

Так, например, в Википедии определяется, что «левыми традиционно называются многие направления и идеологии, целью которых являются (в частности) социальное равноправие и улучшение жизненных условий для наименее привилегированных слоев общества. К ним относят социализм, социал-демократию, коммунизм, социальный (противопоставленный классическому) либерализм, анархизм. Противоположностью являются правые»[4]. Социолог Александр Тарасов определяет левых следующим образом: «Те движения, которые выступают против капитализма, расового или национального неравенства, царства частной собственности, отчуждения и эксплуатации человека человеком, являются, безусловно, левыми. Это — обязательный набор. Если что-то из этого набора выпадает, вы имеете дело уже не с левыми, даже если они сами себя так маркируют»[5]. Можно вывести несколько параметров, по которым будут определяться левые движения: 1) борьба за экономическое равенство, 2) борьба за социальное равенство, 3) интернационализм, 4) антикапитализм, 5) антифашизм/антинацизм, 6) поддержка угнетенных социальных слоев.

Исходя из установленных выше параметров, проанализируем (прежде всего программные) документы молодежных движений, имеющих свои отделения в СПб и позиционирующих себя как левые. Так, в Уставе[6] и Программе[7] Авангарда Красной Молодежи (далее АКМ) установлено, что «АКМ твердо стоит на позициях пролетарского интернационализма»; «Для достижения уставных целей АКМ решает задачи: Объединение молодежи для осознанной революционной борьбы против любого вида эксплуатации человека человеком... Активное уча-

[3] Кагарлицкий Б.Ю. Политология Революции. – М.: Алгоритм, 2007. 576 с. (Левый марш).

[4] http://ru.wikipedia.org/wiki

[5] Тарасов А. Левые в России находятся на докружкой стадии // Левая Политика. Аналитический журнал. 2007. №2. Левые в России и мире.

[6] http://www.akm1917.org/doc/ustav.htm

[7] http://www.akm1917.org/doc/ak6-1.htm

стие в постановке и решении актуальных социальных, экономических и иных проблем трудящихся... Организация политических акций в защиту прав и свобод граждан... Свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех»; «Мы солидарны с государствами реального социализма, мировым рабочим и национально-освободительным движением, всеми антиимпериалистическими силами мира». Исходя из этих данных, можно сказать, что АКМ соответствует молодежному левому движению, так как отвечает всем признакам левой организации, если и не прямо, то это логически вытекает из документов.

Анализируя Устав[8] и Программу[9] Союза Коммунистической Молодежи Российской Федерации (далее СКМ РФ), можно отметить следующие моменты: «... основными задачами СКМ РФ в настоящее время являются: организационное и идейное объединение молодежи, выступающей с левых и патриотических позиций»; «борьба за уничтожение всех форм эксплуатации»; «распространение среди молодежи знаний о теории и практике социализма, пропаганда необходимости возвращения России на путь социалистического развития»; «борьба за создание союзного государства, объединяющего народы России с братскими им народами»; «воспитание молодежи на принципах справедливости, солидарности, патриотизма и интернационализма»; «формирование у молодежи активной жизненной позиции, навыков активной политической деятельно-сти; защита прав и интересов рабочей и учащейся молодежи; содействие интеллектуальному, творческому, нравственному и физическому развитию молодежи; приобщение молодежи к ценностям мировой и отечественной культуры...». Здесь тоже можно видеть логическое соответствие признакам молодежного левого движения.

Рассмотрим Манифест и Программу[10] Движения Сопротивления им. Петра Алексеева (далее – ДСПА): «В международной сфере: Мы против национализма и имперского шовинизма. Если граждане метрополий не признают право угнетенных наций на самоопределение, вплоть до полного отделения от угнетающего государства, их интернационализм останется пустым и словесным (т.е. ДСПА стоит на принципах интернационализма и антинацизма). Способ производства, основанный на частной собственности и конкуренции и нацеленный на извлечение прибыли любой ценой, мы предлагаем заменить гуманистической экономикой солидарности и созидания (Принципы антикапитализма). Ключевое условие этой замены – обобществление (превращение в общенародное достояние) клю-

[8] http://www.skm-rf.ru/viewpage.php?page_id=6

[9] http://www.skm-rf.ru/viewpage.php?page_id=12

[10] http://www.dspa.info/content/view/11/33/

чевых отраслей экономики, недр, земли, угодий и лесов... Мы за демократизацию отношений на производстве: за рабочее самоуправление и рабочий контроль над экономикой, государство нового типа, построенное снизу вверх на основе широкой сети гражданских и профсоюзных организаций, равное участие всех трудовых слоев и классов общества в управлении государством (т.е. следование принципам экономического и социального равенства)».

В Программе Социалистического Движения «Вперед!» (далее СД «Вперед!») заявляется: «...решение проблемы безработицы путем создания новых рабочих мест на основе государственных инвестиций и сокращения рабочего времени при сохранении реальной заработной платы»; «нет приватизации социально значимых услуг: здравоохранения, образования, услуг ЖКХ»; «нет частной собственности на землю, недра, лесные и водные ресурсы, за монополию государства на эксплуатацию природных ресурсов»; «Мы выступаем также против любой дискриминации – трудовой, социальной, культурной, политической, – основанной на расовых или национальных признаках, дискриминации на почве пола, возраста, религиозных убеждений или сексуальной ориентации, а также против дискриминации в связи с ограниченностью физических способностей или болезнями. Одновременно мы выступаем против любых политических организаций, идеология которых основана на такого рода дискриминации, в первую очередь – расистских и фашистских»[11]. Все признаки левой организации так или иначе присутствуют в программном документе движения.

Революционный Коммунистический Союз Молодежи (большевиков) (РКСМ(б) отмечает в Программе[12] и Уставе[13] следующее: «Революционный комсомол... несет в молодежные массы классовое сознание, пролетарский интернационализм»; «Мировой капитализм будет побежден мировой коммунистической революцией. РКСМ(б) поднимает молодежь на активное участие в грядущих классовых битвах»; «Коммунизм (для РКСМ(б)) предполагает: свободу и полное удовлетворение разумных потребностей личности, свободный творческий труд для каждого члена общества». Соответственно, относим РКСМ(б) тоже к левому движению.

Рассмотрим документы Федерации Социалистической Молодежи Санкт-Петербурга (ФСМ СПб). В Программе[14] и Уставе[15], разработанных десятилетие назад, можно выделить следующие элементы, соответствую-щие признакам левой организа-

[11] http://www.vpered.org.ru/program4.html

[12] http://rksmb.ru/prog.php

[13] http://rksmb.ru/ustav.php

[14] http://www.fsm-spb.ru

[15] http://www.fsm-spb.ru

ции: «Членство в ФСМ несовместимо с поддержкой идей тоталитаризма, буржуазного либерализма, национального, религиозного и расового превосходства или дискриминации»; «ФСМ считает себя ответственной за то, чтобы добиваться действительно равных возможностей для всех граждан, выступая за эффективное, общедоступное и бесплатное образование, здравоохранение, за право на труд и жилище, за право на достойное существование для каждого члена общества независимо от происхождения, пола, возраста, национальности и отношения к религии»; «ФСМ руководствуется в своей деятельности принципами свободы, равенства, справедливости и солидарности».

Все рассмотренные организации соответствуют признакам левого движения и представляют объект моего исследования. Еще раз их перечислю: Авангард Красной Молодежи (АКМ), Союз Коммунистиче-ской Молодежи Российской Федерации (СКМ РФ), Движение Сопротивления им. Петра Алексеева (ДСПА), Социалистическое Движение «Вперед!» (СД «Вперед!»), Революционный Коммунистический Союз Молодежи (большевиков), Федерация Социалистической Молодежи Санкт-Петербурга (ФСМ СПб).

Предметом исследования являются факторы солидарности, рассматриваемой в аспекте групповой идентичности. Приведем одно из определений солидарности: «Единство убеждений и действий, взаимопомощь членов социальной группы, основывающиеся на общности интересов и необходимости достижения общих целей; совместная ответственность»[16]. Е.А. Здравомыслова в монографии «Парадигмы западной социологии общественных движений» отмечает, что «групповая идентичность выражается, в частности, в солидарности участников движения, которая считается в социологии общественных движений одним из основных факторов мобилизации»[17]. «По словам А. Мелуччи, групповая (коллективная) идентичность как процесс имеет три стороны: когнитивную, коммуникативную и эмотивную. Когнитивная сторона формирования коллективной идентичности заключается в формировании идеологических схем, интерпретирующих цели, средства и сферы коллективных действий. Коммуникативная сторона заключается в активизации взаимоотношений между субъектами, которые влияют друг на друга, договариваются и принимают решения в процессе формирования коллективной идентичности. Эмотивный аспект характеризуется усилением эмоциональных контактов и связей, которые формируют сплоченность участников движения»[18]. Социолог Дмитрий Владимирский определяет солидарность следующим образом: «Солидарность, в порядке общего служения, объединяет людей делом, служением одному предмету и внешне чаще всего выражается в форме сотрудничества. В этом смысле солидарность является основой всех трудовых и творческих коллективов, включая сюда и нацию. Ни общее приобретение, ни общее использование экономических благ так не сближает людей, как сотрудничество, ибо в этих случаях мы имеем лишь условное объединение, в котором люди отделены один от другого своими эгоистическими интересами. Солидарное сотрудничество, напротив, никогда не остается на уровне только технического взаимодействия и согласования. Так как в процессе труда люди сближаются много полнее и глубже, тем более что в результате совместного труда его производительность значительно выше при уже наличном объединении людей»[19]. Исходя из вышеприведенных определений, можно сказать, что солидарность представляет собой мощный фактор мобилизации, целью которого является сближение участников движений на почве идеологии, организационных основ и эмоциональных составляющих.

Рассмотрим когнитивную сторону солидарности движений: идеологические схемы, цели организаций, средства к достижению этих средств – на основе анализа различных документов движений.

Когнитивная сторона солидарности движений

Говоря об идеологических схемах, можно сказать, что каждое левое движение основывается на определенной теоретико-идеологической базе. Так, например, в Уставе АКМ прописано: «1.4. Идеологией АКМ является марксизм-ленинизм, который является не догмой, а идейной основой и творческим методом решения жизненно важных проблем современности. Мы наследуем идеям и делам Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а также их учеников и последователей»[20]. При этом в Программе АКМ заявлено следующее: « Наши великие учителя – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Вместе с нами – Мао Цзэдун, Ким Ир Сен, Хо Ши Мин. Мы солидарны с государствами реального социализма, мировым рабочим и национально-освободительным движением, всеми антиимпериалистическими силами мира. Мы берем пример с молодогвардейцев и героев-комсомольцев, Фиделя Кастро и Че Гевары, членов «Красных бригад» и «RAF», парижских студентов 1968 года, современных антиглобалистов и политзаключенных-коммунистов»[21].

[16] http://www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/slovar_k_teme2.html

[17] Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. 138 с.

[18] Там же

[19] http://ntsrs.nm.ru/liter/bibl_sol/ph8/5-8.htm

[20] http://www.akm1917.org/doc/ustav.htm

[21] http://www.akm1917.org/doc/ak6-1.htm

Из данного материала следует, что АКМ солидарен с различными идеологическими и научными левыми школами, представленными в истории. Это, как мне кажется, обеспечивает организации условия для притока молодых лево ориентированных людей, вне зависимости от особенностей их взглядов.

Преемственность разным учениям может обеспечить движению лучшую солидарность с другими движениями. Однако из документов не совсем ясно, как должна быть построена совместная работа представителей различных по взглядам членов движения. Также нельзя забывать о том, что «марксизм, превратившийся в марксизм-ленинизм, являлся официальной и, что особенно важно, священной доктриной советского государства. Понятно, что подобную доктрину нельзя критиковать или исправлять – это само по себе становится покушением на основы политического порядка. Нельзя же, например, дописывать или изменять главы из Евангелия!»[22]. Сложно понять в связи с этим логику документа, как членов «RAF» и парижских студентов 1968 года сложно назвать последователями марксизма-ленинизма. Ясно одно: данная идеологическая «каша» в документах, вероятно, искусственно создана для количественной мобилизации в движение.

Марксизм-ленинизм рассматривается в качестве научно-идеологической основы и СКМ РФ, что изложено в Программе движения: «Идейной основой СКМ РФ является марксизм-ленинизм, творчески примененный к современным условиям общественного развития. Анализируя процессы и явления в стране и в мире, СКМ РФ исходит из необходимости их диалектико-материалистического понимания, применения классового подхода, с учетом быстрых изменений в социальной структуре российского общества. СКМ РФ опирается на опыт предшествующих коммунистических движений, в особенности на опыт большевизма. Союз Коммунистической молодежи Российской Федерации полагает, что интересам большинства классов и социальных групп страны, безусловно, соответствует возврат России на путь социалистического развития. При определении конкретной модели такого развития считаем заслуживающим особого внимания и изучения современный опыт стран социалистического выбора – Китая, Кубы, Вьетнама»[23]. Здесь еще сложнее.

Из истории советских левых идей, как уже выяснилось, видно, что всякие «новации, которые шли в разрез с официальным марксизмом-ленинизмом, воспринимались крайне негативно. В результате возникла теоретическая культура средневекового типа, когда автор, пытавшийся объяснить какой-либо тезис, не

[22] Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 59–60.

[23] http://www.skm-rf.ru/viewpage.php?page_id=12

только не претендовал на творческое открытие, но, напротив, пытался доказать, что ничего нового он не придумал, а лишь вычитал нужную мысль у классиков»[24]. Не совсем ясно, как СКМ РФ собирается «творчески применять к современным условиям общественного развития» марксизм-ленинизм. Неясно также, почему движение относит Китай и Вьетнам, страны, которые уже давно перешли на капиталистический путь развития при сохранении политического монополизма компартий, к странам социализма. При этом о солидарности с идеями Хо Ши Мина или Мао Цзедуна речи нет ни сколько. Создается впечатление, что задачами СКМ являются построение капиталистиче-ского государства при создании как минимум авторитарной политической модели, основанной на марксизме-ленинизме, что, безусловно, является серьезной помехой в идеологической солидарности движения с другими левыми.

Рассмотрим Манифест ДСПА[25]. Исходя из названия организации, центральной фигурой движением выбран Петр Алексеев[26], первый русский рабочий-революционер, одним из первых предсказавших будущую революцию в России. В связи с тем, что Петр Алексеев ничем выдающимся не отличился и, исходя из политической биографии лидера ДСПА Дмитрия Жвания[27], можно предположить, что данное название организации имеет целью, так же как и размытая идеология АКМ, мобилизацию различных молодых людей левых взглядов в движение. Рассмотрим некоторые тезисы манифеста: «В 60-70-е годы XX века неомарксисты (Герберт Маркузе, Эрих Фромм и другие) указывали, что "кибернетический капитализм" превращает человека в "моноцеребральное" существо, в "человека одной мысли" («одного измерения»). И этот "одномерный человек" напоминает хронического шизофреника»; «Как справедливо заметил участник мексиканского национально-освободительного движения сапатистов субкоманданте Маркос, «все человеческое, что возникает вне рыночной логики, объявляется враждебным и подлежит уничтожению»; «Карл Маркс был совершенно прав, доказывая, что гибель капитализма неизбежна»; «Никакое усилие мысли, никакой прогресс знаний, никакая логическая индукция не разъясняет той таинственности, которая окружает социализм, – утверждал французский синдикалист Жорж Сорель в книге «Размышления о насилии». – Эта неясность и таинственность относятся к тем рассуждениям, при помощи которых хотят опре-

[24] Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 60.

[25] http://www.dspa.info/content/view/11/33/

[26] http://ru.wikipedia.org/wiki

[27] Жвания Д. Путь Хунвейбина : (документальный роман).СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. – 419 с.

делить конечную цель социализма»; «Нас вдохновляет опыт Парижской коммуны 1871 года, русского революционно-демократического движения XIX века, русской революции 1905–1907 годов, когда впервые появились рабочие Советы, русской революции 1917 года, а также всего революционного социалистического сопротивления», – эти и другие цитаты Маркса, Энгельса и проекта Парижской Коммуны отражают идейный плюрализм движения.

В отличие от предыдущих документов, манифест ДСПА использует цитаты различных левых мыслителей, привязанных к современной общественно-политической и социально-экономической обстановке как в мире, так и в России. Это, безусловно, серьезный плюс движению, особенно в плане идеологической солидарности и мобилизации люд-ских ресурсов. Однако подобная идеологическая разнообразность и непростой марксистский анализ общественных процессов может также стать препятствием для солидарности: можно предполагать, что в соответствии с принципом «краткость – сестра таланта» многие, особенно молодежь, не сумеют понять и принять идеи организации. Отмечу, что в сравнении с АКМ и СКМ РФ о марксизме-ленинизме в этом документе речи не идет, что также, возможно, не будет воспринято другими левыми движениями.

Программа СД «Вперед!»[28] представляет довольно сложный неомарксистский анализ общественно-политической и социально-экономической ситуации в России и в мире. Однако, в отличие от манифеста ДСПА, в нем полностью отсутствуют какие-либо цитаты. Несколько раз упоминается Ленин и Троцкий. Часто упоминается контекст «мы, революционные марксисты». Можно предположить, что СД «Вперед!» является наиболее сложным с точки зрения идеологической солидарности движением. Однако, как и в случае с ДСПА и АКМ, «размытость» идеологии должна подтолкнуть к мобилизации различных людей левых взглядов в движение.

В программе РКСМ(б) сказано, что «Революционный коммунистический союз молодежи – РКСМ(б) идеологически опирается на научное и творческое применение марксизма, на исторический опыт мирового коммунистического движения (в особенности на большевистский)»; «воспитывает молодежь в духе коммунистических идеалов»; «несет в молодежные массы классовое сознание, пролетарский интернационализм»; «помогает выработке диалектического мировоззрения, умения объективно познавать действительность, ведет борьбу против идеализма, религиозных предрассудков и прочего мракобесия»[29]. Бросается

[28] http://www.vpered.org.ru/program4.html

[29] http://rksmb.ru/prog.php

в глаза борьба с религиозными предрассудками. Такое в документах движений встречается впервые и может оттолкнуть от РКСМ(б) многих потенциальных сторонников, что также можно рассматривать в качестве препятствия солидарности с другими движениями, выступающими с позиций толерантности по отношению к религиям. Но движение таким образом ограждает себя от так называемой «шизы» – различных людей, выступающих с позиций смешивания религии и левых идеологий. Но с позиции идеологической солидарности это безусловный минус. Неясно также, в духе каких коммунистических идеалов обязуется движение воспитывать своих членов. Возможно, имеется в виду так называемый советский патриотизм, т.е. патриотизм в отношении СССР, а не современной России? Но опыт мирового коммунистического движения, в частности большевистский, настолько огромен, что остается неясным, что имеется в виду.

В уставе ФСМ СПб сказано: «2.1. Целью создания и деятельности ФСМ, опирающейся на демократические и социалистические ценности мирового рабочего и левого движения, является переустройство общественной системы на принципах социальной справедливости, свободы и солидарности, широкой экономической и политической демократии; 2.2. ФСМ видит свою задачу в том, чтобы, объединив усилия лево ориентированной молодежи, встать на защиту всех граждан, для которых основной источник средств к существованию – их собственный труд или система социального обеспечения»[30]. Программой организации заявляется: «Федерация социалистической молодежи рассматривает себя как неотъемлемую часть левого политического спектра Санкт-Петербурга и Российской Федерации, последовательно выступает за единство левых сил. ФСМ объявляет о приверженности таким ценностям международного левого движения, как равенство, справедливость, народовластие, свобода, солидарность, самоуправление, интернационализм, экологизм»[31]. Можно видеть, что идеология, как и у других описанных выше движений, остается размытой, что имеет, по моему мнению, свои плюсы и минусы.

Четко, по моему мнению, идеология ФСМ СПб изложена в интерпретации социолога Е. Мироновой: «ФСМ не создает какой-либо самостоятельной идеологии, а соединяет общепризнанные в рядах левых лозунги и идеи в комбинацию, с которой заведомо согласились бы все участники. При вступлении в Федерацию ни одному из них не приходится идти на уступки. Общие принципы и цели Федерации формируют совпадающий сектор идей и принципов. Несмотря на идейные расхождения, органи-

[30] http://www.fsm-spb.ru

[31] http://www.fsm-spb.ru

зации – члены Федерации тем не менее смогли выработать некоторые программные принципы, которые послужили основой к их объединению. В политических вопросах участникам Федерации пока трудно добиться единой позиции. На данном этапе всех объединяет то, что они находятся в оппозиции к действующей власти в России»[32]. ФСМ СПб здесь интересно рассматривать с точки зрения того, что в отличие от остальных рассмотренных движениях, Федерация включает в себя несколько субъектов, несколько движений. Это, отчасти, объясняет идейную «размытость» документов, преимущество которых в солидарных действиях описано выше.

Отношение к безопасности как фактор солидарности

Рассматривая когнитивную сторону солидарности левых движений, наиболее интересным и спорным становится вопрос об отношении движений к мягкой и жесткой безопасности. Что же такое безопасность? «Сегодня под «безопасностью» понимают «отсутствие обстоятельств или факторов, способных прервать существование той или иной системы в том или ином значимом качестве, то есть нанести ей ущерб»[33]. «*Человеческая*, равно как *общественная* и схожая с ними *гражданская, концепции безопасности* основаны на утверждении, что именно человек (социальные группы), а не национальное государство или его политические институты, является объектом процесса обеспечения безопасности, «которая в результате принимает социальный характер»[34]. Концепция всеобъемлющей безопасности трактуется широко, однако расхождения в определении ее природы заключаются в необходимости соотнесения ее с жесткой и мягкой видами безопасности. Так, одна из позиций заключается в том, что всеобъемлющая безопасность связана с «различными невоенными вопросами, включая политические, экономические, общественные, природоохранные факторы»[35], противоположная точка зрения представлена утверждением о том, что всеобъемлющая безопасность основана «на сотрудничестве, что подразумевает более широкий спектр субъектов и объектов безопасности – от безопасности людей до безопасности нескольких государств одновременно»[36], т.е. включает как мягкие, так и жесткие аспекты. Жесткую безопасность можно определить как безопасность в традиционном понимании. Данный подход рассматривает состояние безопасности как состояние, когда суверенитет национального государства не подвергается угрозам военного характера или, по крайней мере, государство способно защитить свой суверенитет. Основным фактором безопасности признается обороноспособность государства. Итак, защита суверенитета и укрепление обороноспособности являются основаниями понимания жесткой безопасности.

Мягкая безопасность в исследовательской литературе в целом определяется как комплекс невоенных аспектов обеспечения безопасности. «В отличие от сторонников "жесткой" трактовки безопасности, их оппоненты полагают, что суверенитет – это источник опасностей, поскольку борьба за него традиционно лежала в основе войн между государствами и массового насилия»[37]. В данном контексте к рискам и угрозам безопасности причисляют существование ядерных объектов, проблемы коррупции, различия в уровне социально-экономического развития как между социальными группами внутри страны, так и между странами и группами стран, загрязнение окружающей среды, производство наркотиков и наркотрафик, международная (в т.ч. трансграничная[38]) преступность, миграционные потоки и т.д.[39]

Выделяются следующие элементы мягкой безопасности: 1) защита свобод и прав личности, 2) приоритет решения внутригосударственных экономических, политических и социальных проблем над геополитическими, 3) защита окружающей среды, 4) решение миграционных проблем.

Если говорить о левых организациях в целом, то исторический опыт показывает множество противоречий по отношению к этим понятиям. Опыт Советского Союза и некоторых современных социалистических стран, таких как КНДР и Куба, который не могут не учитывать современные левые организации, показывает, что вопросы жесткой безопасности стоят выше вопросов безопасности мягкой. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, недружественное капиталистическое окружение социалистических государств постоянно подталкивает к поддержанию боеспособности вооруженных сил, усилению затрат на оборono-

[32] http://subculture.narod.ru/texts/book1/mironova.htm

[33] Макарычев А. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на Балтийский регион // Публичная политика в сфере мягкой безопасности: Балтийское измерение. СПб., 2003. – С. 67.

[34] Макарычев А. Безопасность как феномен… С. 71.

[35] Балуев Д. Понятие human security в современной политологии // Международные процессы. 2005. №1. Доступно на сайте журнала: http://www.intertrends.ru/one/008.htm

[36] Ерекешева Л.Г. Глобализация и концепция безопасности в Центральной Азии (постановка проблемы). На сайте Центра внешней политики и анализа Республики Казахстан: http://www.cvi.kz/old/text/Safety/Global_concept.html

[37] Макарычев А. Безопасность как феномен… – С. 71.

[38] Троицкий М. «Мягкая» безопасность: российско-балтийский аспект // Международные процессы. 2003. № 1. – С. 138.

[39] Ломагин Н. «Мягкая» безопасность в представлениях федеральной и региональной элит (на примере Северо-Западных областей России) // Международные процессы. 2003. № 2. – С. 108.

способность, превращению государства в некий единый «барак». Авторитаризм и закрытость власти, цензура, влияние спецслужб и т.д. – все эти факторы становятся непосредственными спутниками таких государств. Во-вторых, идеи распространения влияния социализма в мире вместе с принципами защиты некоего «центра» этого распространения тоже приводят к усилению жесткой безопасности. Но в теории подобная практика для левых возможна в крайних случаях.

Из истории левых политических идей видно, что принципы интернационализма, антикапитализма и борьбы за права низших слоев населения являются основными в левой идеологии и противоречат принципам, по которым существовали и существуют некоторые социалистические государства. Так ли это сейчас, особенно в молодежной среде? Что изменилось и каков взгляд в молодежных левых движениях на подобные проблемы в настоящее время?

Исходя из Программного заявления АКМ, можно увидеть, что одним из главных принципов организации является борьба за «поэтапное восстановление СССР через создание Советов»[40]. Если исходить из того, что СССР было государством с жесткой безопасностью, то можно считать АКМ организацией, выступающей за жесткую безопасность государства. Однако в программе и «Постановлении 8-го съезда АКМ об основных направлениях работы АКМ на 2007–2008 годы»[41] можно видеть, что движение выступает с демократическими требованиями, т.е. в защиту мягкой безопасности: «содействие созданию и развитию различных структур народного самоуправления – Советов, Комитетов и т.д., активная работа представителей АКМ в указанных структурах»; «укрепление контактов с рабочими коллективами, независимыми профсоюзами, а также проведение различных политических акций совместно с рабочими»; «проведение широкой протестной кампании с требованиями национализации и расследования незаконных приватизационных сделок»; «правозащитная деятельность, борьба против политических репрессий, защита политзаключенных»; «проведение широкой агитационно-пропагандистской кампании по тотальному бойкоту буржуазного государства»; «проведение акций в защиту социальных прав граждан (ЖКХ, образование, медицина)»; «содействие формированию всесоюзного центра антифашистского сопротивления». Но в документах АКМ отсутствуют положения об окружающей среде и миграционном вопросе.

Рассматривая Устав СКМ РФ, читаем: «Целями СКМ являются... содействие защите национальных интересов Отечества»[42]. Однако какого отечества,

[40] http://www.akm1917.org/doc/ak6-1.htm

[41] http://www.akm1917.org/doc/ak6-1.htm

[42] http://www.skm-rf.ru/viewpage.php?page_id=6

буржуазной или социалистической России, из данного контекста не понятно. «Патриотизм мы понимаем как сохранение исторических и культурных традиций народов России и Советского Союза; воспитание молодежи в духе любви к своей родине; стремление к восстановлению союзного государства; решительное противодействие попыткам США и других империалистических стран насадить в России западную идеологию, культуру и образ жизни; противодействие проектам империалистической глобализации», – написано в Программе СКМ РФ[43]. Из этого следует, что СКМ РФ выступает за жесткую безопасность в культурном плане. Однако главными задачами для движения являются: «...борьба за уничтожение всех форм эксплуатации; воспитание молодежи на принципах справедливости, солидарности, патриотизма и интернационализма; защита прав и интересов рабочей и учащейся молодежи; решение конкретных проблем молодежи через реализацию социальных, культурных, образовательных, спортивных и иных программ», – сказано в программе.

Можно сказать, что жесткая безопасность как для АКМ, так и для СКМ РФ являются неким идеологическим пережитком, доставшимся от СССР и являющимся частью «советского патриотизма». Сами же движения выступают с явных позиций мягкой безопасности, несмотря на то, что многие вызовы глобализации в документах организаций не учитываются.

В Принципах ДСПА заявляется: «Мы против: командно-административной системы; чиновничьего произвола; неограниченной власти президента; всевластия спецслужб; национализма и имперского милитаризма. Мы за: государство нового типа, построенное снизу вверх на основе широкой сети гражданских и профсоюзных организаций; осуществление власти вольными трудовыми советами и коммунами; равное участие всех трудовых слоев и классов общества в управлении государством; выборность чиновников всеобщим голосованием и сменяемость их в любое время по воле граждан»[44]. Как видим, об отстаивании хоть каких-нибудь принципов жесткой безопасности речи не идет. Это связано во многом, как мне кажется, с личностью лидера организации – Дмитрия Жвания, позиционирующего себя как борца против системы, в том числе и СССР конца 1980-х годов[45].

Теперь рассмотрим политическую программу СД «Вперед!»: «Предельное расширение глобального рынка и интернационализация капитала приводят к

[43] http://www.skm-rf.ru/viewpage.php?page_id=12

[44] http://www.dspa.info/content/view/15/39/

[45] Жвания Д Путь Хунвейбина : (документальный роман). СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. – 419 с.

положению, когда национальное государство уже не может служить проводником интересов транснациональных корпораций»; «Вместе с тем многократное возрастание мощи транснациональных корпораций требует усиления военно-политических функций ведущих империалистических государств»; «Современное буржуазное государство удерживает свое господство не только и не столько при помощи репрессивного аппарата, а устанавливая и поддерживая отношения политической гегемонии»; «Это государство не случайно оставляет за собой право на введение чрезвычайного положения, state of emergency, – закона, отменяющего все остальные законы, – в момент как бы общей опасности для этой как бы общей демократии. Буржуазная демократия, трактуемая как общая ценность для всех классов общества, оказывается в праве защищать себя любыми методами, вплоть до полного демонтажа всех основных демократических свобод»; «Современная Россия – периферийное капиталистическое государство, возникшее в результате распада СССР»[46].

Как и в случае с ДСПА, жесткая безопасность является неприемлемой для СД «Вперед!». Требования мягкой безопасности содержатся, в частно-сти, в следующих тезисах: «нет приватизации социально значимых услуг: здравоохранения, образования, услуг ЖКХ»; «нет частной собственности на землю, недра, лесные и водные ресурсы»; «за монополию государства на эксплуатацию природных ресурсов»; «свободу слова, собраний и организации (в том числе числе на предприятиях, в государственных учреждениях, воинских и милицейских частях)»; «ликвидация полиции, упразднение спецслужб и освобождение всех политических заключенных»; «отмена паспортов, полная свобода передвижения и переселения; ликвидация полиции, упразднение спецслужб и освобождение всех политических заключенных»; «за прямую власть органов рабочего самоуправления снизу доверху – советов, избранных по профессиональному и территориальному признакам». Можно видеть, что впервые на обсуждение выносятся вопросы экологии и радикальное предложение по решению вопроса миграции.

Можно отметить, что у ДСПА и СД «Вперед!» отсутствуют советские предрассудки к вопросам жесткой безопасности. Исходя из документов, государство может быть довольно слабым (или не быть вообще). Однако принципы различных свобод и самоуправление снизу доверху должно соблюдаться.

В Программе РКСМ(б) формулируется: «Мы считаем, что победа коммунистических производственных отношений невозможна реформистским путем. Единственный путь победы коммунизма – коммуни-стическая революция, первым этапом которой будет социалистическая революция, которая приведет рабочий класс к власти – диктатуре пролетариата, как последней форме государства»[47]. Более развернутых определений государства в этом небольшом документе нет. Исходя из определения диктатуры пролетариата, данного Марксом и Лениным: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата», «Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, то есть исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа, — вот каково видоизменение демократии при переходе от капитализма к коммунизму»[48], – можно сделать вывод, что РКСМ(б) выступает против буржуазной демократии и солидаризуется с рабочей демократией. Но какие социальные группы движение подразумевает под рабочим классом и как будет осуществляться его борьба, не сказано ни слова. А формулируемые требования – «свобода и полное удовлетворение разумных потребностей личности»; «свободный творческий труд для каждого члена общества»; «раскрытие и реализацию творческих способностей человека во всех областях деятельности» – все-таки близки к положениям о свободе личности в концепции мягкой безопасности.

Последней рассмотрим программу ФСМ СПб: «И в 1990-е годы, и в настоящее время ФСМ однозначно выступала и выступает против курса российских властей, утверждая, что он идет вразрез с интересами большинства населения; Принципиальные цели ФСМ: изменение государ-ственного строя в сторону демократической парламентской республики при максимальном развитии местного и производственного самоуправления; радикальное сокращение бюрократического аппарата и установление всестороннего контроля над ним со стороны граждан и общественных организаций», – видно, что движение выступает против жесткой безопасности государства, если бы не одно но: «восстановление авторитета России в международных отношениях как самостоятельного, мирного и сильного государства», – это, по моему мнению, элемент «тоски по СССР», «советского патриотизма», целью которого является игра на поле патриотично настроенной молодежи. «Сохранение и развитие социальных гарантий и свобод, основных прав трудящихся», «ФСМ объявляет о приверженности таким ценностям международного левого движения, как равенство, справедливость,

[46] http://www.vpered.org.ru/program4.html

[47] http://rksmb.ru/prog.php

[48] http://ru.wikipedia.org/wiki

народовластие, свобода, солидарность, самоуправление, интернационализм, экологизм» и «полное и всестороннее обеспечение прав человека и гражданина в современной России» – говорит о том, что движение поддерживает мягкую безопасность.

Подводя итог, можно отметить, что в современных условиях глобализации и наступления неолиберализма на социальные государства и права граждан левые в России выступают с позиций мягкой безопасности, защиты личности, прав трудящихся слоев населения и молодежи. Выступают за социалистические преобразования в общественно-политической и социально-экономической сферах общественной жизни на принципах всесторонних свобод и самоуправления. Однако, как выяснилось, некоторые левые движения отстаивают и некоторые принципы жесткой безопасности в культурном и военно-патриотическом плане, что, в свою очередь, является частью так называемого советского патриотизма, «тоске по СССР» и, безусловно, является уникальностью постсоветских левых. Можно также отметить, что вопрос о мягкой и жесткой безопасности является для левых одним из факторов когнитивной солидарности[49].

Если АКМ, СКМ РФ и ФСМ СПб имеют больше схожих элементов в понимании безопасности, исходя из которых можно предполагать и возможность совместной солидарности, то ДСПА и СД «Вперед!» значительно отличаются от них, однако аспектов для взаимной солидарности у них достаточно. В данной работе я рассмотрел концепции безопасности на основе документов различных левых движений Санкт-Петербурга, что показывает возможности анализа когнитивной солидарности в левом движении, которые можно реализовать в последующих исследованиях. Из данной работы также видно, что база для идеологической солидарности среди различных левых движений существует.

Использованная литература

1. Кагарлицкий Б.Ю. Политология Революции. – М.: Алгоритм, 2007. – 576 с.
2. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 480 с.
3. Жвания Д. Путь Хунвейбина : (документальный роман). СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. – 419 с.
4. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.:Наука, 1993. – 172 с.
5. Левая Политика. Аналитический журнал. 2007. №2. Левые в России и мире.

[49] Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.:Наука, 1993. – 138 с.

6. Макарычев А. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на Балтийский регион // Публичная политика в сфере мягкой безопасности: Балтийское измерение. СПб., 2003. – С. 67.
7. Балуев Д. Понятие human security в современной политологии // Международные процессы. 2005. №1. – Доступно на сайте журнала: http://www.intertrends.ru/one/008.htm
8. Ерекешева Л.Г. Глобализация и концепция безопасности в Центральной Азии (постановка проблемы). На сайте Центра внешней политики и анализа Республики Казахстан: http://www.cvi.kz/old/text/Safety/Global_concept.html
9. Троицкий М. «Мягкая» безопасность: российско-балтийский аспект // Международные процессы. 2003. №1. – С. 138.
10. Ломагин Н. «Мягкая» безопасность в представлениях федеральной и региональной элит (на примере Северо-Западных областей России) // Международные процессы. 2003. №2. – С. 108.
11. http://ntsrs.nm.ru/liter/bibl_sol/ph8/5-8.htm
12. http://www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/slovar_k_teme2.html
13. Миронова Е. Левая молодежная организация: развитие, структура, акции. (На примере Санкт-Петербургской Федерации Социалистической Молодежи) // Молодежный Петербург: движения, организация, субкультуры. СПб. – СПб филиал ИС РАН, 1999. http://subculture.narod.ru/texts/book1/mironova.htm
14. http://rksmb.ru – официальный сайт РКСМ(б)
15. www.vpered.ru – официальный сайт СД «Вперед!»
16. www.fsm-spb.ru – официальный сайт ФСМ СПб
17. www.akm1917.org – официальный сайт АКМ РФ
18. www.skm-rf.ru – официальный сайт СКМ РФ
19. www.dspa.info – официальный сайт ДСПА
20. http://www.wikipedia.ru/ – электронная интернет-энциклопедия Википедия

Анна Агафонова[1]
Третья премия

Особенности включения молодежи в общину христиан полного евангелия и участия в ее жизни

В данной работе рассматриваются особенности участия молодежи в жизни протестантских религиозных общин. Работа основана на результатах включенного наблюдения в церквях Христиан полного евангелия в Петербурге и области, а также на результатах исследований Фонда «Общественное мнение», доступных на сайте www.fom.ru.

Для определения понятия молодежи используется сочетание характеристик, выделенных Е. Омельченко, и определения, данного Ю. Епановой, с признаками, по которым такая идентичность – молодежь – приписывается внутри общины христиан полного евангелия.

Как пишет Епанова, «молодежь – группа, возникновение которой обусловлено существующим в современном обществе разрывом между возрастом достижения биологической и социальной зрелости»[2]. Согласно Омельченко, в определенном возрасте (от 11 до 25 лет или от 15 до 29 – в разных традициях) индивиды переживают период, на протяжении которого свободны от семейных обязанностей, поскольку еще не имеют собственной семьи? и относительно независимы от типа занятости[3].

Таким образом, молодежь характеризуется, во-первых, принадлежностью к определенной возрастной группе, во-вторых, самостоятельно-стью – это не дети, практически полностью зависимые от взрослых, а индивиды, способные делать выбор, – и, в-третьих, некоторой маргинальностью, поскольку период детства, в котором происходило связывание идентичности индивида с индентичностью его родителей, уже пройден, а новая идентичность, связанная с построением собственной семьи и карьеры, еще не приобретена.

Что же касается христиан полного евангелия, для понимания того, каким образом определяется ими молодежь, необходимо обратиться к структуре церкви.

[1] Анна Агафонова – студентка 3 курса факультета социологии Санкт-Петербургского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики.

[2] Епанова Ю.В. К вопросу о специфике субкультурной идентификации молодежи: http://www.regioncentre.ru/generation/publications/publication15/

[3] Омельченко Е. Поп-культурная революция или перестроечный ремейк? Современный контекст молодежного вопроса // Неприкосновенный запас, 2006, №1(45): http://magazines.russ.ru/nz/2006/1/om20.html

Христиане полного евангелия (далее – ХПЕ) – одно из направлений пятидесятничества, которое появилось в 1907 г. в Финляндии, а в 20-е годы распространилось по всей территории России[4]. В 90-е годы, после принятия новой Конституции, в которой провозглашалась свобода вероисповедания, последовала волна создания новых церквей. К их числу принадлежит община, в которой летом 2007 г. была проведена основная часть полевой работы.

Молодежь в общине ХПЕ

Община была основана в 1992 г. в одном из поселков Ленинградской области. При том, что постоянное население поселка – приблизительно 6000 тысяч человек[5], число прихожан церкви ХПЕ составляет в среднем от 20 человек в будние дни до 100 по воскресеньям. Прихожане – *братья* и *сестры* – делятся на *членов церкви* и *приближающихся*, которые еще не приняли водного крещения, являющегося актом инициации, в силу отсутствия готовности к этому или из-за чересчур юного возраста. В отличие от православных, которые допускают крещение новорожденных, ХПЕ считают, что акт крещения должен быть совершен сознательно, и поэтому ограничивают возраст вступления в общину: обычно в качестве нижнего порога называют 18 лет, но на практике нередки случаи, когда крестят пятнадцати-, шестнадцатилетних. После того как приближающийся проходит крещение, он становится полноправным членом церкви: получает право молиться особым образом, участвовать в *членских собраниях*, во время которых решаются вопросы общинной жизни, и проповедовать во время общих служений.

Помимо общих служений общины, существуют *детское* и *молодежное* служения. Детское служение представляет собой двухступенчатую воскресную школу, занятия в которой проводятся молодыми сестрами, за которыми закреплена эта обязанность. Дети разделены на группы дошкольного и школьного возраста, но граница очень гибкая: желания ребенка достаточно для того, чтобы задержаться подольше в младшей группе или немного раньше перейти в старшую. Те, кто посещает служения старшей детской группы, могут также принимать участие в молодежных служениях. Таким образом, возраст участников молодежного служения – *молодежи* – варьируется от 13 до 30 лет.

Нужно уточнить, что в молодежном служении участвуют далеко не все прихожане названной возрастной категории, а только те, кто принимает наиболее

[4] Интервью пастора пятидесятнической Церкви Завета Виталия Максимюка для газеты «Честное слово». Александр Оконишников, «Честное слово» по: http://www.church.uz/page_id228/

[5] По данным официального сайта поселения.

активное участие в общинной жизни. Эта молодежь отличается от большинства, для которого применимы выделенные Омельченко черты. Среди верующих достаточно распространены вступление в брак в возрасте 18-22 лет и быстрое появление в семье детей, что отметает одну из характеристик – свободу от семейных обязанностей. Можно условно разделить молодежь ХПЕ на семейную и несемейную и говорить в дальнейшем только о несемейной, как о сохранившей характеристики молодежи вообще – группы индивидов, находящихся в переходном положении. Так поступить удобно, потому что вступившие в брак, помимо утраты свободы от семейных обязанностей, как следствие, теряют и независимость от типа занятости, то есть на практике становятся скорее *взрослыми*, чем *молодежью*, но до определенного возраста тем не менее воспринимаются как молодежь.

Молодежь в общине имеет невысокий статус по сравнению со старшими по возрасту. Это выражается в том, что проповедь почти никогда не читается братом младше сорока, молодые редко выступают на общих собраниях, предпочитая высказываться во время молодежных служений, которыми руководит брат, чей возраст приближается к пятидесяти. В хоре поют пожилые люди, пожилые женщины носят статус *сосудов божиих* – пророков. Однако молодежь имеет широкое пространство для самореализации в специально отведенных им сферах, к которым относятся уже упомянутые молодежные служения. Кроме служений внутри церкви, ХПЕ устраиваются ежегодные молодежные конференции, представляющие собой служения, состоящие из молитв, песнопений и выступлений тех, кто специально для этого подготовился. Практически каждый год устраивается летний лагерь для христианской молодежи. Молодые женщины работают с детьми в воскресной школе, молодежь участвует в благотворительности в качестве волонтеров. О наличии в общине молодежи говорят как о залоге эффективной благотворительной работы. В целом, по данным криптоправительственного института, среди всех конфессиональных групп протестантская молодежь наиболее склонна в свободное время посещать общинное помещение (57,1% опрошенных, для сравнения: второе место – мусульмане – 13,3%)[6].

Все эти сферы деятельности доступны в первую очередь для людей, не имеющих собственной семьи, в то время как неудобства, сопряженные со статусом *молодежи*, распространяются и на семейных тоже. Активная молодежь в общине ХПЕ – это в основном молодежь несемейная, что особенно верно для девушек, у которых после вступления в брак редко находятся время и силы на какую-либо активность, кроме той, что накладывают на них семья и работа.

[6] Россия на рубеже веков. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, РОССПЭН; 2000. 447 с. по: http://www.krotov.info/history/20/1990/mchedl.html

Выше мы говорили о молодежи, которая прочно включена в жизнь общины ХПЕ. Теперь посмотрим, каковы пути попадания молодых людей в общину, и попробуем предположить, чем оно обусловлено.

Молодежь в состоянии перехода

Молодежь может оказаться включенной в общину несколькими путями. Учтем, что большая часть общин ХПЕ возникает в 90-е годы. Это значит, что родители части нынешних двадцатилетних прихожан стали первыми членами церквей ХПЕ, и их дети получили включенность в общину как часть родительского человеческого капитала. Их с детства приводили на служения, они приобрели определенные связи, навыки, усвоили систему норм и ценностей, присущую церкви. Но в какой-то момент молодые люди, с детства включенные в общинную жизнь, попадают в состояние перехода, аналогично со всей остальной молодежью, и могут покинуть церковь. У нас в распоряжении недостаточно материалов, чтобы всерьез рассуждать о том, каким образом и с кем это происходит, но можно отметить одну тенденцию: из церкви уходят девушки, которые вступают в близкие отношения с мужчинами-нехристианами. Иногда спустя какое-то время они возвращаются в общину, иногда, если сумели достаточно хорошо устроиться вне общины, покидают ее навсегда.

Можно рассуждать о том, какой капитал община дает верующим, помимо связей внутри нее, и как этот капитал позволяет в дальнейшем устроиться во внецерковной жизни. Как следует из наблюдений, для детей в первую очередь оказывается полезным приобретение коммуникативного навыка. Взаимодействие в церкви ХПЕ построено таким образом, что *общение* оказывается одним из важнейших его аспектов. Дети играют все вместе, свободно перемещаются по помещениям, взрослые с готовно-стью прикасаются к ним, берут на руки, играют, разговаривают с ними. Высока вероятность того, что наличие опыта подобного взаимодействия в детстве дает индивиду в дальнейшем преимущество при построении социальных связей, и пользоваться коммуникативными навыками этот индивид может как в общине, так и вне нее. Вопросом остается, от чего в первую очередь зависит уход или продолжение пребывания в церкви. Не исключено, что на это влияет соотношение прочности внутриобщинных и новых, вне нее построенных связей, перспективы, которые открываются перед индивидом внутри и вне общины, но это – тема для отдель-ного исследования.

Молодежь, которая не была включена в религиозную общину с детства из-за принадлежности к ней кого-то из членов семьи, также может в ней оказаться в тот самый период перехода, временной аномии. Практически всегда это происходит через знакомых. Редко кто приходит в протестантскую церковь, не имея в

ней никаких связей: в силу культурного контекста с большей вероятностью это будет православная церковь.

Еще один путь в протестантизм открыт для детей и подростков из неблагополучных семей, для сирот, нарко и алкозависимых – словом, всех тех, на кого направлена благотворительная работа протестантских общин, причем надо заметить, что эта работа ведется протестантами куда активнее, чем представителями всех других религиозных конфессий, и направлена не столько на членов общины, сколько на невоцерковленных, благодаря чему сочетает благотворительность саму по себе с привлечением новых верующих[7].

По какой причине приходят новые братья и сестры? Как пишут Садлер и Томас, «одиночество – это ощущение, которое появляется в форме потребности быть включенным в какую-то группу»[8] и которое появляется особенно часто у людей, которые по каким-либо причинам оказались отвергнутыми обществом: к ним относятся не только явные девианты вроде гомосексуалистов или преступников, но и «живущие на грани общества» подростки. Протестантская община в полной мере позволяет индивиду почувствовать себя включенным в группу: через непосредственное, живое общение, через участие в ритуальных действиях, совместную деятельность, внешние атрибуты групповой идентичности и т.п. Обращаясь все к тем же Садлеру и Томасу, можно заметить, что именно религиозная община, как никакая другая, способна утолить наиболее всеобъемлющее «космическое» одиночество, страдающий от которого человек испытывает потребность в постижении себя как цельной реальности, причастности к мистическим аспектам жизни и т.п.

Интересно, что подростки, идентичности которых зачастую носят временный характер, могут воспринимать участие в жизни религиозной общины точно так же, как принадлежность к любой другой, нерелигиозной субкультуре. Налицо ряд внешних сходств между светскими и религиозными молодежными движениями. Это внешняя атрибутика, которой часто особенно дорожат неофиты (длинные юбки и особый способ повязывать платок для девушек), особая система ценностей, отличающаяся от светской (например, чтение Библии как обязательное занятие), особый внутриобщинный язык (обращение «брат» или «сестра», ссылки на Библию в повседневной речи). В отличие от большинства светских молодежных субкультур, христианская субкультура подразумевает, что индивид будет оставаться внутри нее и после того, как будет пройден период

[7] Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 308-315.

[8] Уильям А. Садлер и Томас Б. Джонсон. Лабиринты одиночества: Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989 по: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/loneano1.htm

молодости, но в действительности это происходит далеко не всегда, и ряд прихожан, пришедших в церковь в период юношества, покидает ее по завершении этого периода.

***

В заключение нужно отметить, что на сегодняшний день процент считающих себя верующими среди опрошенных в возрасте от 18 до 35 лет примерно равен тому же показателю для респондентов от 36 до 50[9]. Вступление в религиозную общину достаточно привлекательно для молодежи в качестве способа обретения идентичности, и, хотя часть подростков покидает общину в период перехода или, напротив, по завершении этого периода (в зависимости от причин попадания в нее), значительная часть людей остается до конца жизни. При этом протестантские общины – в числе наиболее активно привлекающих новых членов[10].

Использованная литература

1. Епанова Ю.В. К вопросу о специфике субкультурной идентификации молодежи по: http://www.regioncentre.ru/generation/publications/publication15/
2. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с.
3. Александр Оконишников. Интервью пастора пятидесятнической Церкви Завета Виталия Максимюка для газеты «Честное слово» по: http://www.church.uz/page_id228/
4. Омельченко Е. Поп-культурная революция или перестроечный ремейк? Современный контекст молодежного вопроса. «Неприкосновенный запас» 2006, №1(45) по: http://magazines.russ.ru/nz/2006/1/om20.html
5. Уильям А. Садлер и Томас Б. Джонсон. Лабиринты одиночества: Пер. с англ. /Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989 по: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/loneano1.htm
6. Россия на рубеже веков. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, РОССПЭН; 2000. 447 с. по: http://www.krotov.info/history/20/1990/mchedl.html
7. Официальный сайт Фонда «Общественное мнение»: http://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel_rel/religion/t001435/
8. Официальный сайт поселения, в котором проводилась полевая работа, – не может быть назван в целях сохранения анонимности.

[9] Официальный сайт Фонда «Общественное мнение»: http://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel_rel/religion/t001435/

[10] Интервью пастора пятидесятнической Церкви Завета Виталия Максимюка для газеты «Честное слово». Александр Оконишников, «Честное слово» по: http://www.church.uz/page_id228/

Права человека: история и современность

Десятый конкурс, 2009 год

Надежда Мацакова[1]

***Первая** премия*

РАССТРЕЛЯН ЗА ВЕРУ И ПРАВДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошедшим горе и унижения.
Погребенным в безвестных могилах.
Оставшимся в нашей памяти...
... Чтобы не повторилось..
.

Эти слова, высеченные на памятном знаке, установленном в деревне Вогваздино (Усть-Вымский р-н, респ. Коми) на месте бывшего Усть-Вымлага в знак скорби по безвинно осужденным жертвам ГУЛАГа, едва ли могут кого-то оставить равнодушным (см. приложение 1).

Жертвы ГУЛАГа…

В истории человечества ничего подобного не было. Мы не должны забывать страницы нашего прошлого. На этих страницах – исковерканные судьбы людей, которые прошли через ад сталинских лагерей. ГУЛАГ– это горькие строчки нашей истории...

Задача нашего поколения – изучать и помнить черные дни, проведенные соотечественниками за колючей проволокой. Безвинные жертвы ГУЛАГа, жертвы политических репрессий – кто они?

За каждой фамилией в многочисленных списках осужденных – судьба людская.

Людям запрещалось высказываться, иметь свою веру, необходимо было подчиниться законам того времени. «Враг советской власти» – это черное клеймо ложилось даже за неосторожно сказанное слово. Активно велась борьба с противниками большевиков, к которым, естественно, относилось и духовенство. Священникам не было места в социалистическом обществе, так как они были приравнены к кулакам.

Борьба с религией велась по всей стране, особенно в Коми – поскольку на территории края активно действовали секты (в некоторых деревнях сектантами являлись до 75% населения). Коми край являлся одной из самых больших провинций ГУЛАГа, куда ссылали и врагов советской власти.

[1] Санкт-Петербургский университет МВД России, факультет подготовки следственных работников, 3-й курс

Преследование духовенства происходило с 1918 года. Если с 1917-го по 1936 год включительно к расстрелу в Коми АССР было приговорено 4 священнослужителя из 109 осужденных, то в 1937 году было расстреляно 38 человек из 48. Из числа осужденных подавляющее большинство составляли иереи и монахи (соответственно 93 и 23 человека), 5 человек принадлежало к высшему составу духовенства – епископы. В 1937 году было 2 вида наказаний: расстрел и 10 лет заключения в концлагерь. Пик репрессий приходится на 1937 год (см. приложение 2).

В этом исследовании на основе архивных документов и воспоминаний старожилов моего родного села Усть-Вымь (респ. Коми) и деревни Казанский Иб М.В.Поповцевой, А.П.Пономарева, К.И.Подоровой, А.А.Быковой, А.А.Кызъюрова и В.П.Логиновой восстановлены факты из жизни моего земляка, священника Павла Малиновского, одного из многих иереев, попавших в жернова политических репрессий.

ДЕЛО № 6058 ...

О, люди, люди с номерами,
Вы были люди, не рабы,
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.
(А. Жигулин, поэт ГУЛАГа)

Большой отпечаток в истории страны оставили 30-40-е годы, когда Коми край стал одним из важнейших частей «механизма» под страшным названием «ГУЛАГ». История моей малой родины, моего родного села складывается из судеб его жителей, а на их долю выпало немало испытаний.

Середина 30-х годов XX века жителям села Усть-Вымь запомнилась тем, что одним росчерком пера были уничтожены древнейшие архитектурные памятники, простоявшие почти 200 лет. Усть-Вымский церковный ансамбль XVI в., один из лучших образцов церковного зодчества в Коми крае, был уничтожен почти полностью (приложение 3). Сохранились лишь Стефановская (приложение 4) и Михайло-Архангельская церкви (приложение 5), так как их использовали как хозяйственные помещения[2].

В годы сталинских репрессий особо тяжелый удар был нанесен по церкви. Десятки тысяч священнослужителей и просто верующих людей были арестованы, многие из них погибли. В этот большущий список попал и мой односельчанин,

[2] *Мацакова Н.А.* Дорога, ведущая в храм // Сб. тезисов. Молодые исследователи – Республике Коми // Сыктывкар. -2002. С. 73-74.

служитель церкви – Малиновский Павел Васильевич (приложение 6), который был расстрелян в печально известном 1937 году как враг народа.

Напрашивается вопрос: за что? Какие враги народа были в глухой тайге, в маленьком селе, где не было ни радио, ни телевидения, где основная масса людей была неграмотной, где главной целью было – выжить? Ответы на эти вопросы я решила искать в архивах столицы Республики Коми – г. Сыктывкаре, неоценимую помощь оказали мне многие старожилы села.

Интересно, но люди преклонного возраста об этом страшном времени помнят почти все до мелочей. Сначала рассказывали с опаской, неоднократно напоминая, чтобы я, не дай Бог, где-то случайно не написала в своей работе ту или иную фамилию. Люди боятся даже в наши дни. В некоторых домах все еще висят портреты Ленина и Сталина в деревянных рамках, аккуратно обернутых фольгой из-под чая....

В Коми Республиканском «Мартирологе» жертв массовых политических репрессий я прочитала следующее:

«Малиновский Павел Васильевич, 1874 года рождения, русский, место рождения Шелота Вельского уезда Вологодской губернии. Место проживания – село Усть-Вымь, Коми АССР, священнослужитель. Арестован 6 августа 1937 года. Осужден 23 августа 1937 года Тройкой при УНКВД Коми АССР по статье 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания»[3].

1437 год. Усть-Вымь – обычное коми село, где люди работали от мала до велика, чтобы выжить. Самым главным утешением была вера. Вера в добро, справедливость... В праздничные дни и воскресенья, как на праздник, люди шли в церковь.

Что же проповедовали священнослужители, чтобы поплатиться за все это жизнью?

Недолго думая, иду в церковь. Службу ведет о. Стефан. Вслушиваюсь в его слова: «...Помоги нуждающимся, не кради, не убивай, живи с чистой совестью...». После службы беседую с о. Стефаном. Приятный собеседник, грамотный, добрый... Мне так легко с ним общаться, а моя душа как бы очищается от всего негативного. Что со мной происходит – объяснить трудно.

Мысленно представляю перед собой о. Павла. За что его осудили к высшей мере наказания?

Еду в Сыктывкар, в Национальный архив Республики Коми (приложение 7), листаю пожелтевшие от времени листы Клировых ведомостей:

[3] *Рогачев М.Б., Таскаев М.В.* Крестный путь // Покаяние: Мартиролог. Т. 1. Сыктывкар, 2002.

«Малиновский Павел Васильевич, протоиерей. В 1894 году окончил Вологодскую Духовную семинарию со званием студента. 13 декабря 1894 года назначен на должность надзирателя Усть-Сысольского духовного училища, в каковой состоял до 31 декабря 1897 года. Епископом Вологодским и Тотемским Алексием 14 ноября 1897 года определен на должность священника Усть-Вымской Благовещенской церкви. 28 января 1898 года епископом Великоустюжским Гавриилом рукоположен во священника. Состоял настоятелем Усть-Вымской Благовещенской церкви до ее закрытия в 1933 году.

С 1898 года состоял заведующим и законоучителем Усть-Вымской мужской двухклассной церковно-приходской школы. В 1906-1910 годах был законоучителем Вогваздинского земского училища, в 1909-1914 годах – заведующим Усть-Вымской женской церковно-приходской школы.

В 1902-1905 годах состоял в должности депутата по делам следственным и хозяйственным по 2-ому округу Яренского уезда. За усердную и полезную службу 29 марта 1905 года награжден набедренником, 14 апреля 1910 года – скуфьей. Определением Святого Синода от 25 марта 1917 года награжден камилавкою. Награжден серебряной медалью в память 25-летия церковных школ.

После 1918 года проживал в Усть-Выми. После закрытия Благовещенской церкви служил в Ибской Свято-Казанской церкви того же прихода (приложение 8). *После закрытия в июне 1935 года Ибской Свято-Казанской церкви занимался крестьянским хозяйством»*[4].

Из всего сказанного выше непроизвольно напрашивается следующий вывод: о. Павел (Малиновский) получил прекрасное образование, много времени отдавал преподавательской работе, неоднократно награждался за усердную и полезную службу, всей душой, всем сердцем служил своей вере.

Далее, решаюсь поехать в Сыктывкар, в архив Управления ФСБ по Республике Коми, чтобы увидеть страшный документ– Дело № 6058[5].

С замиранием сердца прикасаюсь к делу № 6058...

Обычная тоненькая, немножко потрепанная папка со строгой пометкой в правом углу «Совершенно секретно». Всего 27 листов, но эти листы – свидетели того короткого времени с 6 по 23 августа 1937 года, которое провел о. Павел (Малиновский) в тюремном аду. На этих листах – жизнь священника длиною в 17 дней.

Санкция на арест, обыск, протокол обыска, постановление об избрании меры пресечения и предъявление обвинения, анкета обвиняемого, протокол допросов, обвинительное заключение и выписка из протокола с постановлением: «*Расстрелять. Дело сдать в архив*».

[4] Национальный архив Республики Коми, ф. 231. Оп.1, Клиров. Ведомости.

[5] Архив УФСБ по Республике Коми, Ф. Р-2165, Оп. 2, Д . 6058.

Возникает масса вопросов...

Третий лист – ордер № 66 на арест и обыск... Интересно, почему в качестве понятого присутствует житель деревни Арабач, что находится в 40 километрах от села Усть-Вымь?

Ответ нашла из беседы со старожилами села. Устьвымчане очень уважали священника и не хотели брать грех на душу. Никому не хотелось видеть унижение ни в чем не повинного человека. В маленьких населенных пунктах люди знают друг друга, и все село отвернулось бы от совершившего такой поступок.

Читаю протоколы допросов. Пытаюсь найти, какую контрреволюционную агитацию вел священник: *«...обвинялся, в частности, в том, что систематически вел контрреволюционную деятельность за открытие церкви в деревне Казанский Иб, не хотел сдавать церковные ценности, говорил о приближении войны, вел агитацию о перемене власти...»* [6]. Вот за это и стал он врагом народа.

Меня смущает выписка из протокола заседания Тройки УНКВД Коми АССР. Написано, что Малиновский Павел Васильевич привлекался два раза по статье 58-10 УК РСФСР.

В архивных документах нет таких данных, по данной статье был арестован 6 августа 1937 года и расстрелян 25 августа того же года. Видимо, сотрудники УНКВД в спешке сами не заметили ошибку, а, может быть, это нужно было для немедленного приведения приговора в исполнение. Еще и еще раз изучаю дело № 6058. Неужели этого достаточно для такого страшного приговора, как расстрел?

Отправляюсь к старожилам села.

Из бесед с ними и документов Национального архива я узнала, что батюшка был высоким, красивым, с бархатным голосом, порядочным, добрым человеком, готовым прийти на помощь нуждающимся. Он был женат на Афанасии – дочери священника, служившего в Благовещенской церкви, о. Павла (Мотохова) (приложение 9). Из года в год семья увеличивалась. У Малиновских было 13 детей (приложение 10), для которых отец был примером для подражания. Сдержанный, спокойный, в меру строгий, своих детей учил быть честными, добрыми, справедливыми. Такое воспитание не прошло для детей бесследно. Все они были трудолюбивыми, обязательными, скромными.

[6] Архив УФСБ по Республике Коми, Ф. Р-2165, Оп. 2, Д . 6058.

После рождения 13-го ребенка его жена, матушка Афанасия, умерла... Все легло на плечи о. Павла. Но не оставили люди в беде священника, все устьвымчане старались поддержать его, помочь в трудную минуту. Сильный духом о. Павел не опускает руки, а все силы отдает воспитанию детей и служению своей вере.

Люди еще сильнее тянутся к нему и с горем, и с радостью.

Вроде бы и все понятно: служил в церкви священник, воспитывал своих детей, никому не делал зла... Однако из документов Национального архива узнаю следующее: *«В 1918 году обложен контрибуцией в 500 рублей. В 1921 году привлекался за то, что не сдавал церковные ценности. В 1936 году привлекался к ответственности по статье 192 УК РСФСР, но был оправдан по суду»*[7].

В 30-е годы служители культа были приравнены к кулакам. Их, как единоличников, облагали непосильными налогами.

Из документов Национального архива города Сыктывкара выясняю, что Павла Васильевича Малиновского неоднократно штрафовали за несдачу продналога.

Как же мог бы сдать больной шестидесятилетний священник 250 килограммов мяса? Передо мной справка, выданная врачом в октябре 1934 года: *«П. В. Малиновский – инвалид 2-й группы. Может выполнять легкие физические работы. Диагноз: порок сердца, общий артериальный склероз, грыжа»*[8].

Преследование духовенства происходило с 1918 года. Служители культа вытеснялись из общества. Административные ссылки, заключения в концлагеря, расстрелы стали одним из массовых способов барьбы с противниками новой партии, а ими было, в основном, духовенство.

Антицерковная политика новых властей не оставляла шансов на выживание священникам.

Отец Павел хотел одного: чтобы не закрывали церкви против воли народа, чтобы не облагали крестьян непосильными налогами. Его больше всего беспокоило то, как сохранить Усть-Вымские церкви и церковные ценности от разрушения и уничтожения. Он прекрасно понимал, что атеизм губителен для страны, ведь «Православие на Руси веками формировало души людей, воспитывало нравственность, сплачивало в трудные для Руси времена»[9].

Отец Павел частенько нелестно отзывался о колхозных активистах, которые еще совсем недавно слыли лодырями и бездельниками. Он открыто говорил, что

[7] НА РК р.93, оп.1 , д. 248. 327л.

[8] НА РК ф.690, оп., т.2, 37л..

[9] Из бесед со сторожилами села.

коллективизация – губительный шаг советской власти, что кулаки, у которых конфисковали все нажитое своим трудом, которых сажали в тюрьмы – это лучшие представители села.

Трудно представить состояние батюшки, отца 13-ти детей. Он знал, что по всей стране начались аресты священников, но не бросил своего дела. После закрытия Благовещенской церкви в 1933 году о.Павел начинает служить в Свято-Казанской церкви в д. Казанский Иб.

Далее, иду в деревню Казанский Иб, которая находится в 7 километрах от села Усть-Вымь. Обычная коми деревенька, где живут одни пожилые люди. Уныло смотрят на мир божий покосившиеся крестьянские дома...

Кызьюров Алексей Ардальонович, старожил деревни, с грустью рассказывает о единственной гордости – деревянной церкви, которая сгорела в 2000 году. Остался только фундамент – это огроменные камни, какие редко встречаются в природе.

Из беседы я узнаю, что о.Павел служил в Ибской Свято-Казанской церкви только 2 года, ведь власти решили закрыть и ее. Переживала вся деревня, но с властями бороться было бесполезно. Люди боялись всего и всех. Не знали, что их ожидает в будущем. Даже в глубинке очень серьезно велась антицерковная политика. Нередко обыскивались дома, и за обнаружение иконы или крестика виновных наказывали. За каждое неосторожно сказанное слово ожидала тюрьма. Однако люди шли к священнику со своими проблемами, и он никому не отказывал. Приходилось таинства совершать ночью. До сих пор в деревнях обязательным считается отпевание покойника, крещение младенца, исповедование, да и просто вера в Бога. В какой-то мере это тоже послужило аресту. Между 6 и 23 августа – сухая хроника допросов...

«Виновным себя в том, что я вел контрреволюционную агитацию, не признаю, о перемене власти никому ничего не говорил, так же о хоз-политмероприятиях. В Николин день 1937 года в деревне Тыдор Оквадского сельского совета в доме Одинцова Алексея встречался с Подоровым Тихоном, он показывал мне книгу, но какую – не знаю, говорил пророчество, но я уже не помню, о чем. О перемене власти, выборах в советы – я не припоминаю такого разговора. В этом я его не поддерживал. Я не говорил, что скоро советский порядок изменится, и не призывал женщинам выгнать милиционера в 1930-х годах. О том, что я говорил в 1926-27 годах в церкви, что в школах детей развращают, делают безбожниками, не надо записываться в пионеры и так далее, призывал не слушать коммунистов и бороться с ними – припомнить не могу...»[10]

[10] Архив УФСБ по Республике Коми, Ф. Р-2165, Оп. 2, Д. 6058.

Обвинительное заключение по делу священника Павла Малиновского: *«Следствием установлено, что Малиновский Павел Васильевич, бывший протоиерей, ярый тихоновец, систематически вел контрреволюционную деятельность за открытие церкви в деревне Казанский Иб, писал единолично заявления об этом. В июле месяце в доме Выборова Герасима Васильевича вел агитацию о предполагаемом перевороте, приближении войны. В 1933 году в селе Оквад вел агитацию о развале колхозов. В 1927 году в церкви села Усть-Вымь вел агитацию, в проповедях призывал верующих не слушать коммунистов, бороться против них, не пускать детей в школу и записываться в пионеры, говоря, что скоро власть переменится. В 1927 году Малиновский, получив от Часовского священника Попова воззвание Соловейчика, направленное против советской власти, нелегально распространял его. Хранил у себя документы контрреволюционного характера о голоде в стране. Имел связь с активным сектантом Подоровым Тихоном и священником Потеминским, вели разговоры о выборах попов в Советы. Обвиняемый виновным себя признал частично...»*[11].

И в конце Дела № 6058 аккуратно подшита выписка из протокола заседания Тройки УНКВД Коми АССР с постановлением: «РАССТРЕЛЯТЬ»!

И приговор был исполнен незамедлительно...

Роковым для о. Павла Малиновского, как и для многих священников Коми края, стал 1937 год. Аресты священников проводились и до этого. Репрессиям подвергались как местные, так и ссыльные священнослужители, но пока еще приговоры были относительно мягкими. В 1918-1936 годах репрессиям были подвергнуты более 50 священнослужителей, из них 4 были расстреляны, остальные отправлены в ссылку или получили от 3 до 5 лет лишения свободы. В 1937-1938 гг. были арестованы практически все священники, оставшиеся на свободе (некоторые из них уже прошли ранее ссылку и лагеря). Можно предположить, что была отдана команда сверху приступить к ликвидации местного духовенства, потому что почти все аресты и приговоры приходятся на очень небольшой отрезок времени – август-сентябрь 1937 года. Из 38 священников, арестованных в эти месяцы, 30 были расстреляны, 8 – осуждены на длительные сроки лишения свободы (почти никто из них из лагерей не вернулся).

Судебные процессы были фальшивыми от начала и до конца. Но отделу УНКВД необходимо было любыми способами разоблачать «врагов народа». В партийных органах и УНКВД, по существу, развернулось негласное соревнование за увеличение числа репрессированных, получили широкое распространение доносы. В 1937 году, наверное, многие палачи добились больших успехов, перевыполняя план по разоблачению. Работникам УНКВД, которые недостаточно активно выявляли врагов народа, самим грозила подобная участь – их обвиняли

[11] Архив УФСБ по Республике Коми, ф. Р– 2165, оп. 2, д. 3471; КП 5591. «Дело №4879», архив УФСБ РФ по РК. Арх. № КП-6058.

в пособничестве врагам со всеми вытекающими из этого последствиями. В число смертников для общей численности были включены и Усть-Вымские священники, расстрелянные за якобы имевшую место антисоветскую деятельность.

На служителей культа всегда можно было найти компрометирующий материал.

Хорошая работа следователя оценивалась количеством признавших свою вину. Эти следователи и другие многочисленные работники тогдашнего УНКВД пользовались случаем, когда судили людей без защитника, без права осужденного на апелляцию и даже без права подачи просьбы о помиловании. Как же о. Павел, зная, что не виновен, мог согласиться с протоколами допросов? Как он мог признать вину?

Следователи УНКВД выбивали признание из любого арестованного. Нетрудно догадаться, каким образом признал вину, приписанную во время следствия, отец Павел, 63-летний инвалид 2-й группы.

Такова история одного дела под номером 6058.

Мне очень хочется назвать фамилии палачей, но в Управлении ФСБ с меня взяли расписку о неразглашении этой тайны.

Радует одно, что дошла волна реабилитации до имени Малиновского Павла Васильевича, который оказался безвинной жертвой сталинских репрессий.

Нужно было много мужества, силы, чтобы быть священником в те жестокие времена, не отрекаться от своей веры, не предавать Бога, оставаться человеком. Они дарили людям надежду, укрепляли, помогали выживать в нечеловеческих условиях. Таких истребляли, уничтожали.

25 августа 1937 года под Сыктывкаром было расстреляно 8 священников. Двое из расстрелянных – Николай Доброумов и Павел Малиновский причислены к лику новомучеников и исповедников Российских XX века.

Нижний Чов – это местечко на окраине нынешнего разросшегося вширь Сыктывкара. Именно здесь проводились массовые расстрелы. Поклонный крест п*оставлен в память о расстрелянных священниках.*

«Коми земля! Исстари, как только помнит себя коми человек, он называл тебя землею-матерью. Что с тобой случилось? Почему ты стала злой мачехой для своих сыновей и дочерей? Кто на тебя напустил порчу, что погубила десятки тысяч твоих радетелей? Знаешь ли счет погубленным тобой людям? Сколько и в каких местах ты прячешь эти братские рвы?

Нижний Чов ныне застроен. Верхний Чов застроен частично, и можно еще «нащупать» общие могильные рвы заключенных. Настала пора установить расположение рвов-могил и причину массовой гибели людей. Об этом взывают души погибших к ныне живущим. Это наш долг»[12]**.**

[12] *Худоев М.Е.* //Зырянская боль//, стр. 119 « Родники пармы», Сыктывкар, 1990.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кто не помнит своего прошлого,
обречен пережить его вновь.

Джордж Сантаяна

Вот и надо ставить последнюю точку в моей работе, хотя чувствую и знаю, что необходимо еще и еще работать, так как нужно столько рассказать о старожилах нашего села, которым пришлось пройти через унижения и несправедливость. Сейчас я на жизнь смотрю совсем другими глазами. Пропустив через свое сердце все события из жизни села Усть-Вымь и священника П.В. Малиновского в те далекие 1920-30 годы, мне хочется во всеуслышание еще и еще раз сказать: «Люди! Опомнитесь! Не повторяйте подобные ошибки! Не допускайте кровопролития на нашей Земле! Да пусть проклянет Бог тех, из-за кого гибнут безвинные люди и страдают дети!»

Пока писала работу о священнике, всем селом проводили в последний путь активнейших моих помощников, свидетелей того загадочного времени – Логинову Валентину Павловну (1924 г. р.) и Подорову Ксению Ивановну (1914 г. р.). Живых свидетелей остается все меньше и меньше. И долг нашего поколения – собрать как можно больше материала о тех страшных временах.

Дочери о. Николая, Августине Николаевне, более 80-ти лет, недавно перенесла инсульт. Ей тяжело передвигаться, разговаривать. Она попросила меня об одном: обратиться в Епархию с ходатайством – отнести к лику великомучеников ее отца, то есть канонизировать. Надеюсь, мне удастся выполнить ее просьбу.

В своей работе я попыталась рассказать о тяжелых временах в истории нашей страны, пробудить удивление и восхищение людьми, которым пришлось противостоять тоталитарному режиму, которые не отступились от своих целей и убеждений даже перед угрозой смерти.

Необходима кропотливая работа, чтобы можно было поклониться каждой жертве сталинских репрессий, каждому невинно погибшему в стенах ГУЛАГовских тюрем. Мы обязаны рассказать будущим поколениям о «черных полосах» истории, чтобы никогда не повторились годы кровопролития без войн на нашей земле.

Без траурных флагов на башнях казенных
Без поминальных речей и свечей
Россия простила невинно казненных;
Казненных простила и их палачей
Неизвестный автор

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Амосовой С.С.
2. Воспоминания Быковой А.А.
3. Воспоминания Логиновой В. П.
4. Воспоминания Овчинниковой А.Л.
5. Воспоминания Подоровой К.И.
6. Воспоминания Пономарева А.П.
7. Воспоминания Кирилловой А.Н.
8. Воспоминания Кызъюрова А.А.
9. Воспоминания Поповцевой М.В.
10. Национальный архив Республики Коми, ф. 231. Оп.1, Клиров. Ведомости.
11. НА РК ф.231. оп. 1., Клиров. Вед., 13 л.
12.НА РК ф.690, т. 1, 17 л.
13. НА РК ф. 690, оп.4, т.2, 37 л.
14. НА РК р.93, оп.1, д. 248. , 327 л.
15. Архив УФСБ по Республике Коми, ф. Р– 2165, Оп. 2, Д. 6058.
16. Архив УФСБ РФ по РК. Арх. № КП-6058.
17. Господь вас не оставит // Вера – Эском, 1997. № 256–257.
18. Кириллова А.Н. О замученном, но не сломленном. Сыктывкар, 2001.
19. Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе 1927-1937 годы/ Северо-зап. издательство,1964.
20. Ленский А.А. // Коми му/ № 15.
21. Мацакова Н.А. Дорога, ведущая в храм // Сб. тезисов. Молодые исследователи – Республике Коми // Сыктывкар. – 2002. С. 73–74.
22. Мацакова Н.А. Первая церковь Коми земли //Респ. газета для подр. «Радуга». Сыктывкар, 2002. №. 9. С. 5.
23. Мацакова Н.А. Священная земля села Усть-Вымь / Респ. газета для подр. «Радуга». Сыктывкар, 2002. № 8. С. 4-5.
24. Мацакова Н.А. Чужаніной, Емдін сиктой! // Респ. газета для молодежи на коми языке// Сыктывкар, 2002. № 21, 24 мая.
25. Очерки истории Коми областной организации КПСС.
26. Покаяние: Мартиролог. Т. 1. С. 859, 921.
27. Последний священник владычного града / Вера– Эском, 1993. № 103–104.
28. Рогачев М.Б., Таскаев М.В. Крестный путь // Покаяние: Мартиролог. Т. 1. Сыктывкар, 2002.
29.Советская историческая энциклопедия. Т. 8. С. 3.

30. Усть-Вымь: Страницы истории/ Отв. за выпуск А.С. Михейченко. – Сыктывкар, 1992. -16 с.

Выражаю благодарность старожилам села Усть-Вымь и деревни Казанский Иб (респ. Коми):

Поповцевой Марии Васильевне, 1916 г. р.,

Пономареву Александру Питиримовичу, 1910 г. р.,

Кызъюрову Алексею Ардальоновичу,

работникам Управления ФСБ по Республике Коми, Национального архива РК, старшему научному сотруднику историко-этнографического музея села Усть-Вымь Сальникову С.В. за оказанную помощь в написании моей исследовательской работы.

Приложение 1

Приложение 2

Из совершенно секретного приказа наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов»

30 июля 1937 г.

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывавшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Часть вышеперечисленных элементов, уйдя из деревни в город, проникла на предприятия промышленности, транспорта и строительства.

Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим ПРИКАЗЫВАЮ: с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов.

При организации и проведении операции руководствоваться следующим: контингенты, подлежащие репрессии.

1. бывшие кулаки, вернувшиеся после отбыгия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. бывшие кулаки, бежавшие из лагерей и трудпоселков, а также кулаки, скрывавшиеся от раскулачивания.

3. наиболее активны антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов – белые, сектантские активисты, церковники и проч., которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

4. репрессиям подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне – в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе – на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

О мерах наказания репрессируемых:

1. Все репрессируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных элементов.

Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – РАССТРЕЛУ.

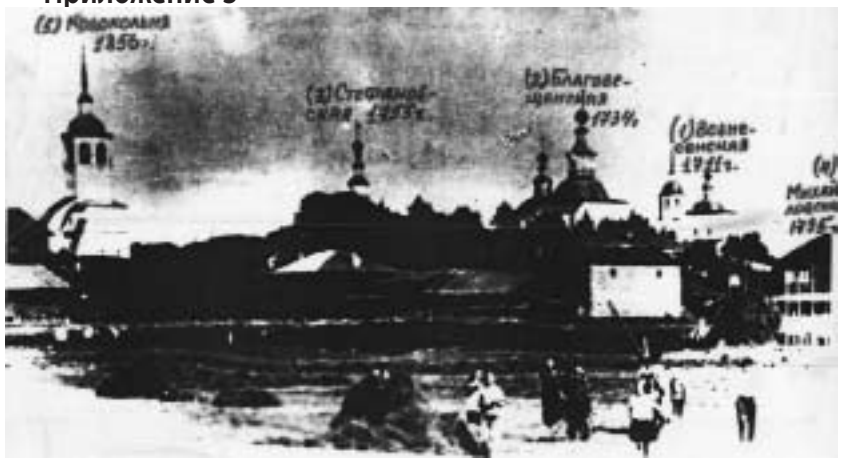
б) ко второй категории относятся все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение.

Н.Ежов

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 59-77[13].

Приложение 3



Копия фотографии 1909 года (из архива Усть-Вымского историко-этнографического музея).

Церковный ансамбль с.Усть-Вымь до середины 30-х годов 20 века

[13] История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М.: 2002. 380-381 с.

Приложение 4

Стефановская церковь в наши дни

Приложение 5

Приложение 6

Молодые иерей Павел и матушка Афанасия Малиновские

Приложение 7

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

РАЗРЕШЕНО НА ВЫДАЧУ .....

Т Р Е Б О В А Н И Е

на выдачу документальных материалов

Для кого Мацаковой Надежды Алексеевны

Цель и тема занятий материалы по теме „Судьбы священников села Усть-Вымь"

Название фонда	№ фонда	№ описи	№ ед. хр.	Заголовок ед. хр.	Количество листов
Верховный суд	р670	1т2	2565 2541	отст.	37 17
Яренское ДП	ф231	1	137 138	клиров. вед — " —	11 13

28 марта 1992 2005 Подпись: [illegible]

Коми [illegible]	р3 оп1	д2110	закр. цер.	43
Усть-Вым. РИК	р93 оп1	д248 249	жалобы — " —	327 239

Приложение 8

Ибская Свято-Казанская церковь (д. Иб, Усть-Вымский р-н, респ. Коми)

Приложение 9

Отец Павел с женой и детьми

Приложение 10

Семья Малиновских

Алина Коновалова[1]

***Вторая** премия*

Дискурс прав человека в политических нарративах Ангелы Меркель

Введение

Современные международные отношения построены на фундаментальных либеральных принципах, вследствие чего права человека становятся важным элементом взаимодействия государств на международной арене. С момента принятия в 1948 году Всеобщей декларации прав человека начала развиваться глобальная система защиты прав человека, а данная тема стала все больше и больше обсуждаться на международном уровне. Права человека являются одним из предметов обсуждения и на встречах глав государств Германии и России.

ФРГ на данный момент – главный экономический партнер РФ в Европейском союзе. Германия, в свою очередь, заинтересована в России как в энергетическом партнере. Обе страны нацелены на установление надежных партнерских отношений, так как их взаимная заинтересованность является достаточно высокой. Также налажено сотрудничество в области культуры и образования.

Ангела Меркель, занимающая пост Федерального канцлера Германии с ноября 2005 года, в своих выступлениях постоянно затрагивает тему прав человека, считая это одним из ключевых вопросов международного сотрудничества. Данная проблема озвучивается как в речах Меркель и ее интервью, так и при проведении пресс-конференций. По мнению Канцлера, европейские страны не должны закрывать глаза на нарушения прав человека, происходящие в других странах, включая Россию. Существует необходимость обсуждать данные вопросы и искать пути их решения.

Права человека в международной политике могут являться как важным фактором, влияющим на отношения между государствами, так и номинальной фигурой, которой хотя и придают определенную значимость, однако не в тех случаях, когда речь идет об экономических интересах страны.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, факультет филологии и искусств – Смольный институт свободных искусств и наук

Методология

Для того чтобы определить, в каком качестве права человека выступают в заявлениях Канцлера Германии, автором был проведен дискурсный анализ ее речей, интервью и пресс-конференций. Автора интересует, каким образом политический дискурс о правах человека представлен в официальных выступлениях Ангелы Меркель.

В данной работе описана практика использования прав человека в качестве аргумента в международной политике. Автора этого исследования, в первую очередь, интересуют способы говорения на языке прав человека и то, как они представлены в официальных нарративах Федерального канцлера.Особое внимание уделяется тому, что Канцлер понимает под правами человека, какую роль они, по ее мнению, играют при взаимодействии государств, а также является ли соблюдение прав человека необходимым критерием для определения страны как части Европы или исключения ее из европейского пространства.

Работа посвящена следующим темам: защита каких прав для немецкого Канцлера является приоритетной, как Ангела Меркель понимает права человека, какое влияние, по ее мнению, на данный вопрос оказывает международная система защиты прав человека, какую роль сейчас играют права человека на международной арене и придается ли им значение в случаях, когда речь идет об экономическом сотрудничестве, выступают ли они как обособленный объект или же они напрямую связаны со всеми аспектами партнерских отношений между государствами.

Одним из самых распространенных подходов к изучению данной темы является анализ соответствия высказываний западных политических деятелей реальной практике. В большинстве случаев констатируется факт, что они сильно расходятся, что права человека выступают в речах в качестве номинальной фигуры, о которой нужно упомянуть, но которая не выступает как необходимый элемент международного сотрудничества. Западные страны в результате представлены как государства, которые придают значение правам человека исключительно на словах, а на деле действуют, следуя исключительно экономическим и политическим целям.

В отличие от этого подхода, автора данной работы интересует то, каким образом права человека описываются и трактуются в официальных выступлениях Ангелы Меркель. Исследование посвящено исключительно анализу текстов и не касается соответствия или несоответствия декларируемых положений политической практике.

В настоящей работе проводится дискурсный анализ официальных политических выступлений Федерального канцлера Германии Ангелы Меркель. Источниками его являются речи Меркель, пресс-конференции с ее участием и ее интервью. Все указанные материалы представлены на сайте Федерального канцлера (www.bundeskanzlerin.de), а также на официальном сайте Ангелы Меркель (www.angela-merkel.de) на немецком языке. Разумеется, что речи, интервью и пресс-конференции представляют собой источники несколько разного рода. Однако цели данного исследования позволяют использовать их в качестве равнозначных, так как основным критерием для отбора материала является факт наличия прямой речи Канцлера.

Права человека как аргумент в официальных заявлениях Ангелы Меркель

Политика, по мнению Ангелы Меркель, должна быть направлена, прежде всего, на благо человека: «Центром наших политических действий является человек, честь которого неприкосновенна»[2]. Поэтому внутренняя и внешняя политика государств должна быть неразрывно связана с защитой прав человека, хотя это до сих пор не является само собой разумеющейся необходимостью во всех странах. Это связано, в первую очередь, со сложностью данного вопроса. В каждой стране мира существуют проблемы, связанные с защитой прав человека, и нарушения также имеются в каждой стране, однако необходимо стремиться к решению данных вопросов путем обсуждения наиболее эффективных механизмов и развития международного права и международных институтов по защите прав человека.

Как считает Канцлер, человеческое достоинство является в равной степени важным во всех государствах, независимо от культуры и религии. Поэтому, по мнению Меркель, традиции не могут являться оправданием для нарушений прав человека, а зачастую некоторые государства именно приверженностью к культуре и традициям объясняют нарушения в области прав человека.

Иными словами, согласно представлениям Меркель, существуют универсальные права человека, которые должны быть приняты в каждой стране. Они не могут отвергаться государствами по причине их несоответствия традициям, культурным или религиозным особенностям.

В своих речах Федеральный канцлер достаточно часто касается прав человека, не обходит она и позицию Российской Федерации по данному вопросу. Частые заявления по поводу неудовлетворительной ситуации с правами человека в

[2] Der Mittelpunkt unseres politischen Handelns ist der Mensch, dessen Würde unantastbar ist : Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der Konferenz der Vertreter der Europa-Ausschüsse der nationalen Parlamente der Mitgliedsstaaten der Europäischen Union sowie des Europäischen Parlaments. 14 мая 2007 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2007/05/2007-05-14-rede-bkin-bei-cosac-konferenz.html

России в рамках пресс-конференций и интервью при встречах глав немецкого и российского государств также имеют место быть.

В политических выступлениях Меркель делается особый акцент на нарушении права на свободу слова, свободе проведения мирных демонстраций (Марши несогласных), ограничении свободы деятельности неправительственных некоммерческих организаций, содержании в местах лишения свободы (Михаил Ходорковский), а также на проблеме смертной казни.

Одним из важнейших для Федерального канцлера является вопрос свободы слова. По ее мнению, наличие свободного доступа к различным средствам массовой информации, возможность высказывать посредством СМИ разнообразные мнения является одним из главных принципов, которые должны соблюдаться во всех демократических государствах. Обеспечение свободы СМИ представляется особенно важным во время проведения предвыборной кампании и непосредственно самих выборов, так как СМИ помогают гражданам сделать выбор.

Как считает Меркель, в России в недостаточной степени обеспечено соблюдение данного права. В Российской Федерации не все граждане имеют право выражать свое мнение, это касается, как свободы СМИ на высказывание точки зрения альтернативной мнению центральной власти, так и выражения своего мнения по поводу действующей власти в рамках проведения демонстраций, например таких, как Марш несогласных. По заявлениям Канцлера, она неоднократно указывала на то, что существование различных мнений в государстве является нормальным, и каждый имеет право его высказать, а создание условий, при которых свобода слова ограничивается, является неприемлемым.

Эта тема также затрагивается в рамках обсуждения хода расследования убийства Анны Политковской, так как насильственная смерть журналиста является для Меркель примером нарушения права на свободу слова. Германия заинтересована в том, чтобы расследование не затягивалось, и преступники были найдены, поэтому Канцлер неоднократно обращала внимание российского руководства на необходимость усиления контроля над ведением данного дела.

Одним из важных аспектов в области защиты прав человека Канцлер считает деятельность общественных организаций. Меркель не одобрила принятие Закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»», так как полагает, что он затруднит деятельность неправительственных организаций и тем самым ослабит общественный контроль над соблюдением прав человека в России. Меркель неоднократно подчеркивает важность общественных организаций и считает, что Россия должна обеспечить больше возможностей для деятельности НКО. В том числе, Российская Федерация не должна препятствовать финансированию российских НКО западными донорами и усложнять процедуру их регистрации и отчетности. Канцлер полагает, что деятельность неправительственных организаций крайне важна для формирования гражданского общества. По ее мнению, они вносят значительный вклад в развитие и укрепление демократических ценностей, поэтому не следует вносить в законодательство поправки, усложняющие их работу.

Затрагивается также вопрос помилования Михаила Ходорковского. В одной из пресс-конференций Меркель заявила, что Германия одобрила бы помилование бизнесмена: «Если имеется возможность помилования Михаила Ходорковского, то, естественно, мы бы очень это приветствовали»[3].

Более того, в своем письме председателю Свободной демократической партии Гидо Вестервелле, опубликованном газетой Berliner Zeitung, Меркель заявляет, что неоднократно указывала Владимиру Путину на неприемлемые условия содержания Михаила Ходорковского.

Канцлер недовольна нарушениями прав человека в местах лишения свободы и призывает Россию к соблюдению международных стандартов в данной области.

Меркель выступает против пыток и смертной казни, однако, не с этической точки зрения, а именно с точки зрения политики в области прав человека. По ее мнению, данный вопрос должен снова и снова подниматься при переговорах со всеми странами, при этом причины отказа принимать и соблюдать соответствующие международные стандарты не могут быть связаны с особыми традициями или с невозможностью отказаться от старых юридических практик. Смертная казнь недопустима в рамках практики защиты прав человека, так как нарушает фундаментальное право человека на жизнь. Вследствие этого Федеральный канцлер призывает все страны к отмене смертной казни.

Не менее актуальна проблема защиты прав национальных меньшинств в рамках обсуждения тем интеграции, а также отделения Косово. Что касается интеграции, то данный вопрос является для Канцлера важным из-за наличия неразрешенных проблем в самой ФРГ. Меркель призывает все страны обсуждать данные вопросы, делясь наиболее действенными механизмами в области интеграции национальных меньшинств, считая, что данная проблема не может быть решена достаточно эффективно на национальном уровне. Она требует присталь-

[3] Sollte es für Michaol Chodorkowski den Weg der Begnadigung geben, wäre das natürlich etwas, was wir auch sehr begrüßen könnten: Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Putin. Москва, 8 марта 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_179150/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2008/03/2008-03-09-pk-merkel-putin.html

ного внимания международного сообщества, так как является проблемой, затрагивающей в той или иной мере все государства.

В рамках обсуждения вопросов Косово затрагивается право наций на самоопределение, что и послужило основанием для отделения Косово. Однако противоречие данного права принципу суверенитета и нерушимости государственных границ является причиной для несогласия России с данной позицией. Сложность самого права не дает возможности однозначно разрешить данные противоречия в точках зрения двух государств.

Проблемы, связанные с правом наций на самоопределение, обсуждаемые на примере Косово, актуальны не только для Германии, но и для всей Европы. Наличие неразрешенных конфликтов в некоторых европейских государствах, например, в Испании и Великобритании, обязывает страны обсуждать данные вопросы и приходить, по возможности, к единогласному решению.

Таким образом, внимание Ангелы Меркель в первую очередь заострено на правах человека первого и третьего поколения, а именно на гражданских и политических правах и правах меньшинств. Возможно, это связано с либеральной позицией Канцлера, а также с отсутствием необходимости решать проблемы, связанные с нарушением социальных прав, на международном уровне. Добавим также, что, по мнению Меркель, социальные права в России соблюдаются в достаточной мере – отсутствуют задержки по выплате пенсий и заработной платы и наличествуют необходимые социальные гарантии – и не нуждаются в пристальном внимании со стороны международного сообщества.

Для проведения последующего анализа, на мой взгляд, необходимо определить, как Ангела Меркель понимает термин «права человека». Как следует из ее высказываний, права человека представляют собой необходимую составляющую общеевропейских базовых ценностей, на которых основано само понятие «Европа».

По мнению Федерального канцлера, все европейские государства объединяют общие ценности – демократия, уважение, принцип свободы и равенства, стремление к миру, верховенство закона, толерантность и справедливость: «Совет Европы существует уже почти 60 лет. Все это время он существует ради демократии и принципа правового государства, ради свободы и мира, ради разнообразия и толерантности, ради справедливости и солидарности. Я верю, что именно эти ценности так сильно связывают Европу»[4]. В этом же ряду стоят и

[4] Den Europarat gibt es seit fast 60 Jahren. Er steht in der gesamten Zeit für Demokratie und Rechtsstaatlichkeit, für Freiheit und Frieden, für Vielfalt und Toleranz, für Gerechtigkeit und Solidarität. Ich glaube, das sind genau die Werte, die Europa in seinem Kern zusammen-

права человека. По мнению Меркель, все европейские страны в одинаковой степени должны разделять и развивать их, так как они представляют собой основу, на которой зиждется Европа.

Таким образом, права человека являются важной частью базовых ценностей, которые сплачивают все европейские страны даже в тех случаях, когда их мнения расходятся. Они представляют собой одну из связующих нитей, которые соединяют Европу в единое целое.

Данная трактовка прав человека является ключевым моментом в анализе официальной позиции Меркель, так как позволяет незамедлительно задаться вопросом о том, что происходит со страной, теоретически вписанной в географическое пространство Европы, однако не разделяющей общие европейские ценности. Иными словами, если государство каким-либо образом отказывается от общепринятого дискурса незыблемости и необходимости соблюдения фундаментальных прав человека, может ли это служить основанием для исключения данного государства из тех стран, которые «имеют право» называть себя европейскими? Данный момент, на мой взгляд, является ключевым в вопросе о том, какую роль права человека играют в отношениях Германии и России.

Меркель, следуя либеральным принципам, неоднократно подчеркивала важность международной правовой системы, представляющей собой опору для защиты прав человека.

В своей речи в Берлине по поводу шестидесятилетия принятия Генеральной ассамблеей ООН Всеобщей Декларации прав человека Канцлер подчеркнула, что это стало одним из важнейших шагов в международной политике, повлекших за собой появление новых глобальных масштабов в области защиты прав человека[5].

Федеральный канцлер делает акцент на необходимости дальнейшего развития международного права в данной области, так как решать проблемы, связанные с правами человека только на национальном уровне, недостаточно. Таким образом, международное право является основой, закрепляющей права человека в качестве объекта, поддерживать и развивать который должны все страны. Оно является га-

halten : Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Parlamentarischen Versammlung des Europarats. Страсбург, 15 апреля 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/04/2008-04-15-merkel-strassburg.html

[5] Rede von Bundeskanzlerin Merkel anlässlich der Veranstaltung “60 Jahre Menschenrechte” von Amnesty International und der Friedrich-Ebert-Stiftung. Берлин, 10 декабря 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/12/2008-12-10-un-menschenrechte.html

рантом того, что государства, подписавшие документ, касающийся защиты прав человека, будут направлять все необходимые ресурсы на соблюдение изложенных в нем норм.

С другой стороны, международное право выступает также в качестве основания для вмешательства в дела другого государства в случае нарушений в области прав человека, так как государство, подписавшее и ратифицировавшее международный договор, обязуется его соблюдать. Несмотря на наличие такого международного механизма, как Европейский суд по правам человека, необходима практика взаимного вмешательства по вопросам прав человека.

Естественно, вопрос глобальной защиты прав человека является очень сложным, так как порождает противоречия, связанные с суверенитетом, из которого вытекает принцип невмешательства во внутренние дела другого государства. Однако, с другой стороны, как считает Меркель, национальный суверенитет часто служит лишь предлогом для того, чтобы беспрепятственно допускать тяжелые нарушения прав человека. Поэтому, несмотря на важность принципа национального суверенитета, в случаях, когда речь идет о правах человека, государства вправе и должны вмешиваться.

Как считает Федеральный канцлер, в вопросах прав человека не может быть внутренних дел страны. Европейские страны должны взаимно вмешиваться в дела друг друга, если имеются факты несоблюдения прав человека: «Поэтому – я хочу подчеркнуть это – хорошо, что в Европе существует долг взаимного вмешательства, когда речь идет о правах человека»[6]. Меркель заявляет о том, что, естественно, не всегда легко принимать критику в свой адрес, однако она позволяет посмотреть на проблему со стороны и увидеть возможные пути решения. Такое вмешательство является необходимым и действительно полезным.

Данная позиция представляется достаточно интересной, так как, во-первых, ставит права человека выше принципа невмешательства в дела другого государства, а, во-вторых, прямо противоречит позиции многих других государств, включая Российскую Федерацию. Официальная позиция России по данному вопросу сводится к тому, что защита прав человека является сугубо внутренним делом страны. Любая критика со стороны представителей других стран (в первую

[6] Deshalb ist es gut – das will ich an dieser Stelle ausdrücklich hervorheben –, dass es in Europa eine Pflicht zur gegenseitigen Einmischung gibt, wenn es um Menschenrechte geht : Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Parlamentarischen Versammlung des Europarats. Страсбург, 15 апреля 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/04/2008-04-15-merkel-strassburg.html

очередь, Европы и США) является необоснованной, так как в самих этих странах достаточно своих проблем в данной области.

Вопрос международной защиты прав человека был затронут при обсуждении необходимости ратификации Россией 14-го дополнительного протокола к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Ангела Меркель осудила руководство Российской Федерации за то, что Государственная Дума, не ратифицировав данный протокол, тормозила реформу Европейского суда, которая бы позволила ему в более короткие сроки рассматривать поступающие жалобы, а, следовательно, сделала бы его работу более продуктивной.

Медленное рассмотрение жалоб, по мнению немецкого Канцлера, подрывает веру людей в данный институт и в возможность эффективной защиты их прав на международном уровне. Поэтому недопустимо, чтобы Россия препятствовала данной реформе: «Я, первым делом, указала на то, что было бы желательно, чтобы Думой был ратифицирован дополнительный протокол к Европейской конвенции»[7].

Как считает Ангела Меркель, падение «железного занавеса» и завершение холодной войны закончили «противоестественное разделение Европы»[8]. На данном этапе Европа представляет собой единое целое. Она объединяет страны, связанные на основе принципов демократии, толерантности и прав человека. Истоки «общеевропейской идентичности»[9] заложены именно в Европейской конвенции, целью которой является защита граждан от произвола государства. Она является документом, который наилучшим образом иллюстрирует ценностную базу европейского общества.

По мнению Меркель, блокада реформы Европейского суда может означать только нежелание государства соблюдать общеевропейские ценности: «Поэтому я отчетливо хотела бы заявить: мы не можем блокировать реформу суда. Тот, кто делает это, отказывается от наших общих базовых ценностей»[10].

[7] Ich habe vor allen Dingen darauf hingewiesen, dass es wünschenswert wäre, dass das Zusatzabkommen zu der europäischen Menschenrechtskonvention auch von der Duma ratifiziert werden würde : Merkel A. Gespräch der Bundeskanzlerin mit dem Präsidenten der Russischen Föderation. Сочи, 21 января 2007 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_179150/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2007/01/2007-01-21-pk-merkel-putin-sotchi.html

[8] die widernatürliche Teilung Europas : Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Parlamentarischen Versammlung des Europarats. Страсбург, 15 апреля 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/04/2008-04-15-merkel-strassburg.html

[9] einer gesamteuropäischen Identität : Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Parlamentarischen Versammlung des Europarats. Страсбург, 15 апреля 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/04/2008-04-15-merkel-strassburg.html

[10] Deshalb möchte ich deutlich sagen: Wir dürfen die Reform des Gerichtshofs nicht blockieren. Wer das tut, der stellt letztendlich unsere gemeinsam gelebte Wertebasis zur Disposition:

Здесь Меркель подчеркивает, что несколько раз говорила с президентом В.В. Путиным о необходимости ратификации протокола №14, однако желаемой реакции не последовало. Следовательно, как ей кажется, Россия отрицает незыблемость общеевропейских ценностей, что является недопустимым.

Совет Европы представляется Меркель органом, следящим за тем, чтобы все европейские государства придерживались общих ценностей. Он, по ее мнению, представляет собой «европейскую совесть»[11] и не позволяет гражданам стран Европы страдать от произвола государственных органов. Права человека, выступающие в качестве одной из составляющих общеевропейских ценностей, являются нормой, за соблюдением которой обязаны следить все государства – члены Совета Европы. Никто из членов не может закрывать глаза на нарушение прописанных в Европейской конвенции фундаментальных прав человека в той или иной стране.

Таким образом, во-первых, такая европейская система защиты прав человека является уникальной. Европейский суд по правам человека представляет собой единственный международный орган, который рассматривает дела частных лиц против государства, касающиеся нарушений прав человека. Во-вторых, как говорилось ранее, все государства должны не только поддерживать, но и развивать систему защиты прав человека. Государства, препятствующие данному процессу, подвергаются жесткой критике и исключаются из списка носителей общих ценностей, а, так как понятие «Европа» способно существовать только в рамках представления о данных ценностях, такое государство исключается из европейского пространства.

Меркель говорит о том, что внешняя политика Германии всегда была основана на определенной ценностной базе, которая непосредственно связана с правами человека, что и по сей день имеет место быть. Таким образом, она подчеркивает, что обсуждение проблем, связанных с правами человека, является таким же естественным и необходимым для ФРГ, как и обсуждение, например, вопросов экономики или безопасности.

Права человека, по ее мнению, являются важным элементом международной политики. Приоритет в международных отношениях при заключении соглашений между государствами должен отдаваться не экономическим целям, а именно защите прав человека. По ее мнению, вопросы прав человека и вопросы экономического сотрудничества не должны существовать обособленно. Они должны обсуждаться государствами в равной степени, так как сотрудничество только на таких основаниях представляется возможным для стран Европы: «Это вопрос также наших ценностей, когда мы даем преимущество перед правами человека торгово-политическим интересам, экономические вопросы и вопросы прав человека не могут обсуждаться отдельно. Поэтому при обсуждении торговых вопросов основные правила также должны быть установлены»[12].

Что касается вопроса о России, то Федеральный канцлер нацелена на тесное сотрудничество с ней, считая ее важным стратегическим партнером и подчеркивая ее значимость как поставщика энергии для Европы. Однако сотрудничество между двумя странами не может ограничиваться исключительно экономическими вопросами: «Важно также иметь хорошее стратегическое партнерство с Россией по таким темам, как права человека»[13].

Более того, в целом ряде случаев Меркель заявляет о том, что права человека должны включаться в ряд российских ценностей, так как, если этого не происходит, сотрудничество становится затруднительным. Поскольку европейские страны всегда активно выступают за защиту прав человека, их партнеры также должны стремиться к этому, иначе построение диалога является проблематичным. Общеевропейские ценности являются основой для сотрудничества европейских государств с другими странами, в том числе и с Россией.

Как считает Федеральный канцлер, будущие отношения между Европой и Россией зависят от того, будет ли РФ разделять общеевропейские ценности: «Но также я подчеркиваю, что конкретное сотрудничество зависит от соблюдения основных принципов, которые важны для нас и незыблемы»[14].

Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Parlamentarischen Versammlung des Europarats. Страсбург, 15 апреля 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/04/2008-04-15-merkel-strassburg.html

[11] europäisches Gewissen: Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Parlamentarischen Versammlung des Europarats. Страсбург, 15 апреля 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/04/2008-04-15-merkel-strassburg.html

[12] Es ist auch eine Frage unserer Werte, ob wir handelspolitischen Interessen Vorrang vor Menschenrechten einräumen oder ob wir uns darauf verständigen, dass Wirtschaftsfragen und Menschenrechtsfragen keine Gegensätze sein dürfen. Deshalb müssen Grundregeln auch bei Handelsfragen eingehalten werden : Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Parlamentarischen Versammlung des Europarats. Страсбург, 15 апреля 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/04/2008-04-15-merkel-strassburg.html

[13] Und bei allen offenen Worten auch zu Themen wie Menschenrechten…eine gute strategische Partnerschaft mit Russland zu haben : Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der Konferenz der Vertreter der Europa-Ausschüsse der nationalen Parlamente der Mitgliedsstaaten der Europäischen Union sowie des Europäischen Parlaments. 14 мая 2007 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2007/05/2007-05-14-rede-bkin-bei-cosac-konferenz.html

[14] Aber ebenso betone ich, dass auch hier die weitere konkrete Zusammenarbeit von der Einhaltung der Grundprinzipien abhängig ist, die für uns wichtig und unverrückbar sind : Rede von

Иными словами, отношения России и Германии, а также Европы в целом, напрямую зависят от факта принятия или непринятия Россией базовых европейских ценностей. Согласно заявлениям Ангелы Меркель, несмотря на важность РФ как экономического партнера, Германия не вправе закрывать глаза на очевидные нарушения прав человека, которые имеют место быть в российском государстве. Требование соблюдения прав человека, как одного из общеевропейских принципов, является основой построения диалога между двумя государствами.

Таким образом, во-первых, Меркель подчеркивает, что первоочередная задача всех политических действий – благо человека. Именно от этой идеи она, на мой взгляд, отталкивается при рассуждении о правах человека и их роли в политике. Во-вторых, в своих выступлениях Канцлер делает акцент на необходимости соблюдения прав первого и третьего поколения.

В-третьих, защита прав человека должна опираться на нормативную базу, которой является международное право в данной области. Оно является, с одной стороны, определенной гарантией соблюдения прав человека, а, с другой стороны, может служить основанием для вмешательства в дела другого государства при нарушениях прав человека, несмотря на национальный суверенитет.

В-четвертых, понимание прав человека как части незыблемых общеевропейских ценностей, представляющих собой практически синоним самого слова «Европа», позволяет допустить тот факт, что государствам нельзя отклоняться от основных принципов в данной области для того, чтобы остаться в рамках европейского пространства. В противном случае государство исключается из поля Европы.

Сотрудничество между Германией и Россией возможно только в случае разделения последней общих европейских принципов, иначе диалог между двумя странами станет затруднительным. Если Российская Федерация заинтересована в ФРГ как в надежном партнере, она не должна ставить под сомнение незыблемость европейских ценностей.

Права человека как «инструмент» построения границ Европы

Данная часть исследования посвящена описанию процесса конструирования пространства Европа при помощи прав человека. Иными словами, основным вопросом этой части работы является следующее: каким образом права человека могут служить

Bundeskanzlerin Angela Merkel in Tallinn. 26 августа 2008 г. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/08/2008-08-26-merkel-kunstmuseum-tallinn.html

в качестве инструмента для построения европейского политического пространства, а также критерия при включении или исключении государства из границ Европы.

Как говорилось ранее, Ангела Меркель определяет Европу через призму общеевропейских ценностей. Автор данного исследования склонна полагать, что в большинстве случаев между этими двумя понятиями можно поставить знак «равно». Согласно трактовке Федерального канцлера, будучи европейским, государство одновременно должно являться носителем общих ценностей: демократии, толерантности, принципа правового государства и равенства всех перед законом, свободы и прав человека, справедливости и стремления к миру. Оно должно всячески поощрять, укреплять и развивать эти ценности.

Таким образом, идентификация «других» происходит путем переноса данных ценностей на реальную ситуацию в той или иной стране. Если они совпадают, то государство может быть идентифицировано как относящееся к европейскому пространству, а, следовательно, представляет собой дружественно настроенного партнера, имеющего ту же ценностную базу, что и Германия, что, по мнению Меркель, значительно облегчает диалог между странами.

Иными словами, согласно выступлениям Канцлера, сотрудничество между Германией и другими странами должно быть построено, в первую очередь, не на экономических и политических интересах, а на базе общих фундаментальных ценностей, которые представляются Меркель незыблемыми.

Что касается России, то в данном случае, как уже отмечалось ранее, она не представляет собой исключения из правила. В случае отказа РФ соблюдать общеевропейские ценности она перестает быть надежным партнером Германии.

Для Меркель существует универсальное понимание прав человека, которое должно быть принято во всех странах, желающих следовать примеру Европы. Иными словами, существует универсальный «язык» прав человека, на котором должны говорить все страны.

Одним из примеров такой унификации служит неоднократно упоминаемый Меркель Европейский суд по правам человека, осуществляющий свою деятельность в рамках Совета Европы и призванный обеспечивать соблюдение прав человека на территории государств, подписавших и ратифицировавших Европейскую конвенцию по защите прав человека и основных свобод. Данная конвенция для всех 47 стран-участников представляет собой единый код, используемый для понимания прав человека. Она является международным актом, трактующим понятие прав человека и устанавливающим, как нужно о них говорить.

Таким образом, государства, подписавшие и ратифицировавшие Европейскую конвенцию, автоматически принимают дискурсивную практику прав человека, закрепленную в ней.

Европейский суд по правам человека представляет собой орган, работающий в рамках этой дискурсивной практики, установленной Конвенцией. «Европейский суд по правам человека... фактически имеет целью установление единообразного толкования прав человека.., способствуя тем самым установлению единой системы реляционных связей между означающим «Европа» и смысловыми структурами, лежащими в основе правоприменительных практик»[15].

В данном случае вопрос о ратификации Россией Протокола № 14 к Европейской конвенции, затрагивающего реформу Европейского суда, является примером того, что происходит в случаях, когда страна отступает от общепринятой практики.

Меркель осудила блокаду данной реформы. Для нее Европейский суд представляется уникальной системой защиты прав человека, которая призвана защитить граждан всех стран от произвола государства. Много лет он работал на благо каждого человека, однако то количество жалоб, которое поступает в Суд, может быть рассмотрено только за достаточно длительный промежуток времени, что отрицательно сказывается на оценке эффективности его работы гражданами стран, подписавших Конвенцию.

Россия – единственная из всех стран не ратифицировала Протокол №14, упрощающий процесс рассмотрения поступающих жалоб, что повлекло за собой блокировку всей реформы, так как данный документ может вступить в силу только в том случае, если его подпишут и ратифицируют все государства-участники.

Подписание Протокола № 14 — это подтверждение факта говорения на одном языке и стремления к единым, общим целям. РФ, отказываясь подписывать данный протокол, таким образом, по мнению Меркель, отвергает общеевропейские ценности и тем самым автоматически исключается из Европы.

Заключение

По мнению Ангелы Меркель, несмотря на некоторые нерешенные проблемы в сфере защиты прав человека в европейских странах, Европа является примером в области обеспечения гарантий в защите прав человека. Остальные страны, желающие быть похожими на нее, должны следовать этому примеру.

Однако, как говорит и сама Меркель, в разных странах существуют разные взгляды на права человека и на то, какие из них являются наиболее значимыми.

[15] *Морозов В.Е.* Россия и другие: идентичности и границы политического сообщества // М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 230

В некоторых из них приоритет отдается не политическим и гражданским правам, которые являются приоритетными для Канцлера, а социальным и экономическим. Другие страны объясняют неприемлемость принятия документов, в которых закреплены те или иные права человека, по причине наличия у них культурных или религиозных особенностей.

Для того чтобы следовать европейскому примеру, требуется обеспечить защиту прав человека и принять тот язык, на котором Европа говорит о правах человека.

В случае России можно сказать о том, что преобладает риторика ее исключения из символического поля Европы. Например, блокада реформы Европейского суда послужила поводом для автоматического исключения из стран Европы. Российская Федерация, как европейская страна, как член Совета Европы, должна являться носителем общеевропейских ценностей, способствуя их развитию. Поэтому в случае, когда ратификация 14-го протокола была задержана, она предстала как государство, подвергающее сомнению ценностную основу всех европейских стран.

Иными словами, существуют две Европы: одна представляет собой географическое пространство, частью которого является и Россия, вторая же является Европой политической, в которую Российское государство может либо включаться, либо нет, в зависимости от обстоятельств.

Литература

Официальные документы

1. Medwedew D.A., Merkel A. Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel nach ihrem Gesprдch mit dem designierten russischen Prдsidenten Medwedjew. 8, Mдrz 2008, in Moskau. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_179150/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2008/03/2008-03-09-pk-merkel-medwedjew.html

2. Medwedew D.A., Merkel A. Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und Prдsident Medwedew. 5, Juni 2008, in Berlin. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_179150/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2008/06/2008-06-05-merkel-medwedew.html

3. Merkel A. Europas Seele ist die Toleranz. 17, Januar 2007, in StraЯburg.

4. Merkel A. Krieg ist immer das Versagen der Diplomatie. Das Interview mit der Wochenzeitung Die Zeit. 7, September 2006. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5300/Content/DE/Interview/2006/09/2006-09-07-interview-merkel-zeit.html

5. Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlдsslich der Konferenz der Vertreter der Europa-Ausschьsse der nationalen Parlamente der Mitgliedsstaaten der Europдischen Union sowie des Europдischen Parlaments. 14, Mai 2007. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2007/05/2007-05-14-rede-bkin-bei-cosac-konferenz.html
6. Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel in Tallinn / Estland. 26, August 2008. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/08/2008-08-26-merkel-kunstmuseum-tallinn.html
7. Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Parlamentarischen Versammlung des Europarats. 15, April 2008, in StraЯburg. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/04/2008-04-15-merkel-strassburg.html
8. Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Merkel anlдsslich der Veranstaltung 60 Jahre Menschenrechte von Amnesty International und der Friedrich-Ebert-Stiftung. 10, Dezember 2008, in Berlin. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/12/2008-12-10-un-menschenrechte.html
9. Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Merkel vor der UN-Generalversammlung in New York. 25, September 2007. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2007/09/2007-09-25-bk-un-vollversammlung.html
10. Merkel A. Toleranz ist die Seele Europas. 8, Juli 2007, in Tutzing. http://www.angela-merkel.de/page/24.htm
11. Merkel A., Putin W.W. Gesprдch der Bundeskanzlerin mit dem Prдsidenten der Russischen Fцderation. 21, Januar 2007, in Sotschi. http://www.angela-merkel.de/page/24.htm http://www.bundeskanzlerin.de/nn_179150/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2007/01/2007-01-21-pk-merkel-putin-sotchi.html
12. Merkel A., Putin W.W. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Prдsident Putin. 8, Mдrz 2008, in Moskau. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_179150/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2008/03/2008-03-09-pk-merkel-putin.html

Монографии

1. Макаров М.Л. Основы теории дискурса // М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
2. Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества // М.: Новое литературное обозрение, 2009.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса // М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Научные статьи

1. Хмельцов А.И. Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс-анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». СПб.: СПбГПУ, 2004. С. 59-71.

Мария Попова[1]
***Вторая** премия*

Права сексуальных меньшинств

Сегодня очень сложно говорить о правах сексуальных меньшинств. В мире не утихают споры на эту тему, и рассматривать данный вопрос зачастую приходится через призму законодательства и правоприменительной практики конкретного государства. В настоящей работе я постараюсь рассказать о самих правах сексуальных меньшинств, об их соблюдении и нарушении как в Российской Федерации, так и в других странах, кроме того поделюсь результатами собственных наблюдений и исследований. Эта тема актуальна лично для меня, как представительницы нетрадиционной сексуальной ориентации, так и для моих друзей, знакомых и вообще миллионов людей в мире.

Права человека и права сексуальных меньшинств

Права человека как высшая и фундаментальная ценность закреплены в универсальных и региональных стандартах, например, во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. (далее ВДПЧ), Международном пакте о гражданских и политических правах (далее МПГПП) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее МПЭСКП), Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г. (далее ЕКПЧ) и многих других документах. В большинстве стран они прописаны в конституциях и иных законодательных актах. В теории прав человека существует множество подходов к их классификации, так, например, по субъектам выделяют права различных уязвимых категорий населения: женщин, детей, лиц с ограниченными возможностями, беженцев, национальных меньшинств и иных групп.

Я считаю, что права сексуальных меньшинств являются частью прав человека, просто не все авторы выделяют их в отдельную группу. При этом данная группа прав и свобод имеет свои специфические особенности и требует, в том числе, серьезного научного исследования. В целом данную группу прав можно отнести к правам третьего поколения, так как их законодательное закрепление приходится на вторую половину XX – начало XXI века. Однако права сексуальных меньшинств могут быть как коллективными, так и индивидуальными по реализации. Например, к коллективным

[1] ГОУ ВПО Московский городской педагогический университет, юридический факультет, 2-й курс

можно отнести запрет на дискриминацию по признаку сексуальной ориентации (ст. 2 ВДПЧ, ст. 14 ЕКПЧ, ст. 2, 26 МПГПП, ст. 2 МПЭСКП, ст. 20 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека), а к индивидуальным – запрет на вмешательство в частную и личную жизнь, право на уважение частной жизни (ст. 12 ВДПЧ, ст. 8, 12 ЕКПЧ, ст. 17 МПГПП, ст. 9 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека); право на создание семьи, право на уважение семейной жизни, а также обязанность государства по охране семьи (ст. 12, 16 ВДПЧ, ст. 8 ЕКПЧ, ст. 17, 23 МПГПП, ст. 10 МПЭСКП, ст. 16 Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, ст. 9 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека).

Современные исследователи, обращаясь к анализу прав сексуальных меньшинств, наиболее часто в литературе освещают три их составляющие: право на заключение однополого брака или партнерства, а иногда и сожительства, право на усыновление (удочерение) детей и право лесбиянок на допуск к искусственному оплодотворению. На мой взгляд, в рамках настоящей работы целесообразно рассмотреть прежде всего проблемы реализации и защиты в мире и современной России именно данных прав и свобод сексуальных меньшинств.

Право на брак

В современном мире существует несколько вариантов однополых отношений: гражданский (зарегистрированный) брак, партнерство: зарегистрированное, пожизненное, социально-экономическое, региональное, местное, корпоративное; сожительство.

Первой страной, которая узаконила однополые браки, стала Голландия. Это произошло в 2001 году после вступления в силу закона об открытии доступа к браку однополых партнерств[2]. А первые гражданские союзы – партнерства начали регистрироваться в Дании еще с 1989 года после принятия Датского акта о зарегистрированном партнерстве[3]. С тех пор количество стран, разрешающих однополые браки или союзы, продолжает увеличиваться.

На сегодняшний день заключить однополый брак или партнерство можно на территории таких европейских государств, как Нидерланды, Бельгия, Испания, Германия, Дания, Великобритания, Франция, Чехия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Израиль, Гренландия, Исландия, Словения, Венгрия, Финляндия, Порту-

[2] Wet van 21 december 2000 tot wijziging van Boek 1 van het Burgerlijk Wetboek in verband met de openstelling van het huwelijk voor personen van hetzelfde geslacht (Wet openstelling huwelijk), Staatsblad van het Koninkrijk der Nederlanden (Official Journal of the Kingdom of the Netherlands), Jaargang 2001, nr. 9 (11 January).

[3] The Danish Registered Partnership Act, Act 372 of 7 June 1989.

галия, Люксембург, Хорватия, Андорра. Кроме того, это разрешено в ЮАР, Канаде, некоторых штатах США (Массачусетс, Айова, Вермонт, Нью-Гемпшир, Калифорния), на Австралийском континенте (отдельные штаты) и в Новой Зеландии.

В настоящее время во многих странах разработаны и обсуждаются законопроекты, направленные на легализацию однополых браков. Такими странами, например, являются: Австрия, Сербия, Греция. А вот власти Японии официально разрешили гражданам страны вступать в однополые браки с иностранными партнерами в тех странах, где подобные браки являются законными.

В Российской Федерации ситуация с легализацией однополых браков обстоит очень сложно. Реальным препятствием является укоренившаяся в сознании россиян гомофобия. Так, с 23 по 31 марта 2009 года, в третий раз в нашей стране проходила Неделя против гомофобии. В завершение этой межрегиональной информационно-просветительской акции неправительственными организациями России был представлен Президенту Российской Федерации и в органы государственной власти доклад о «Дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в России». В рамках настоящего раздела своей работы я хотела бы обратить внимание лишь на часть отраженной в докладе информации, касающейся права на брак.

Право на брак также закреплено в указанных выше международных документах, таких как ВДПЧ, МПГПП, ЕКПЧ и др. В данных документах отражено, что мужчинЫ и женщинЫ имеют право вступать в брак. И такая формулировка делает возможным заключение однополых браков. Однако в Семейном кодексе Российской Федерации записано, что брак – это союз, который могут заключить мужчинА и женщинА.

Таким образом, Российская Федерация, ратифицировав перечисленные международные документы и взяв на себя обязательства по их исполнению, должна отразить международные стандарты во внутреннем законодательстве. И данный доклад еще раз заставил обратить внимание на этот вопрос. Мне бы очень хотелось, чтобы Российская Федерация в ближайшем будущем пополнила ряды стран, которые, соблюдая международные обязательства и обеспечивая реализацию прав человека, легализовали однополые браки.

Право на усыновление (удочерение) детей

Право на усыновление (удочерение) детей, на мой взгляд, является наиболее важным для счастливой семейной жизни. От его реализации зависит не только судьба взрослых, самостоятельных людей, но и, пожалуй, в большей степени, от этого зависит жизнь, развитие и воспитание детей.

Я проводила различные опросы среди представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, в том числе узнавала о том, как они относятся к праву на усыновление (удочерение) детей однополыми семьями, партнерами. Практически все опрошенные утверждают, что данное право для них ценно и необходимо. Особенно болезненным является настоящий вопрос для тех, у кого уже есть дети. Тяжелой с моральной, психологической и правовой точек зрения является ситуация, когда представителем нетрадиционной сексуальной ориентации с рождения воспитывается ребенок, но при этом он никем респонденту не приходится, а такой родитель не может представлять официально его интересы. Существует несколько позиций по данному вопросу. Например, мне очень нравится высказывание одной моей подруги: «Право на усыновление, безусловно, необходимо. Думаю, неправильно лишать ребенка возможности расти в любящей семье из-за того, что эта семья не соответствует чьим-то стереотипам...» Такой точки зрения придерживаюсь как я, так и очень многие опрошенные мной люди. Даже представители гетеросексуальной ориентации соглашаются с данной позицией. Но, к сожалению, таких людей не так много. Поэтому в мире ведутся серьезные дискуссии на эту тему. Все они зачастую перерастают в эмоциональную перепалку, в которой каждый считает свою точку зрения единственно верной.

Вопросы охраны жизни и здоровья детей, создания наилучших условий для их развития являются приоритетными для каждого конкретного человека, общества, государства и мира в целом. Но предлагаемые пути решения данных вопросов в разных странах мира различны. В рамках рассматриваемого вопроса все государства можно условно разделить на две группы: страны, где официально разрешено усыновление (удочерение) детей однополыми партнерами, и страны, где данное право отсутствует. Однако страны, не дающие возможность усыновления (удочерения), также можно разделить по отношению к однополым семьям с детьми. Для примера сравним Российскую Федерацию и США. Как и в нашем государстве, в США официально не разрешено усыновление (удочерение) однополыми партнерами, настоящий вопрос положительно решен только на региональном уровне, например, в Нью-Джерси. Однако нынешний президент страны Барак Обама пригласил на ежегодно устраиваемый праздник Пасхи однополые семьи[4]. На лужайке перед Белым домом не существовало различия между гетеро- и гомосексуальными семьями. Дети были равными вне зависимости от того, кем были их родители, да и сами взрослые были в первую очередь любящими родителями, а не лицами определенной сексуальной ориентации. Показательный пример. А вот представить по-

[4] Gay.Ru/Lesbi.Ru Подготовила Александра Лопата

добное в Российской Федерации довольно затруднительно. А очень бы хотелось реального равноправного отношения к гетеро- и гомосексуальным семьям.

Право на усыновление (удочерение) детей представителями нетрадиционной сексуальной ориентации включает в себя 3 важнейших правомочия: право на усыновление (удочерение) однополыми парами чужого ребенка; право на усыновление (удочерение) ребенка партнером или партнершей биологического отца или биологической матери ребенка; право на усыновление (удочерение) чужого ребенка представителем нетрадиционной ориентации индивидуально[5].

Данные правомочия по-разному законодательно отражены и закреплены в современном мире. Так, например, с 2001 года в Голландии, в соответствии с законом об усыновлении[6], разрешается усыновление (удочерение) ребенка одного из партнеров другим партнером и совместное усыновление (удочерение) партнерами чужих детей, а также разрешается индивидуальное усыновление ребенка лицом нетрадиционной сексуальной ориентации. Дания, Исландия, Норвегия предоставляют право усыновления (удочерения) детей гомосексуального родителя его партнеру. Законодательство Великобритании не препятствует индивидуальному усыновлению детей гомосексуалистами. В Канаде, США, Австралии право на усыновление регулируется на региональном уровне. Кассационный суд Франции и Верховный суд Израиля вынесли решение, что однополым парам можно усыновлять (удочерять) биологических детей своего партнера.

Что же касается Российской Федерации, то, анализируя российское законодательство, можно заметить, что с правовой точки зрения индивидуальное усыновление возможно и для гомосексуалиста, так как в ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации прямо не указано, что усыновителем не может быть лицо нетрадиционной сексуальной ориентации. Однако правоприменительная практика такова, что реализовать данное право в современных условиях крайне затруднительно.

Право лесбиянок на допуск к искусственному оплодотворению

Вопрос осуществления права лесбиянок на доступ к искусственному оплодотворению является сложным и противоречивым. Противники практической реализации данного права приводят аргументы, связанные с морально-нравственным воспитанием детей, которые рождаются в однополых семьях. Многим не нравится тот факт, что лесбиянки прибегают к процедуре искусственного оплодотворения в силу нежелания осуществлять данный процесс естественным путем. Для меня такая точка зрения является ярким проявлением нетолерантного отношения и скорее даже гомофобии.

Некоторые станы мира прямо запрещают доступ лесбиянок к механизму искусственного оплодотворения, другие делают это косвенно или на практике. Но существуют и позитивные примеры. Например, в Голландии данное право не имеет ограничения по признаку сексуальной ориентации матери, главное, чтобы она состояла в зарегистрированных отношениях вне зависимости от того, разнополыми или однополыми они являются. Законодательство Соединенного Королевства не запрещает оказание услуг по искусственному оплодотворению лесбиянкам независимо от того, одиноки они или состоят в партнерских отношениях. Данный запрет отсутствует также в Финляндии, Бельгии, Ирландии, Греции.

В Российской Федерации, согласно ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан: «Каждая совершеннолетняя женщина детородного возраста имеет право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона. Искусственное оплодотворение женщины и имплантация эмбриона осуществляются в учреждениях, получивших лицензию на медицинскую деятельность, при наличии письменного согласия супругов (одинокой женщины)». Таким образом получается, что в нашей стране возможен доступ к искусственному оплодотворению и лесбиянок.

Дискриминация по признаку сексуальной ориентации

Дискриминация (лат. discriminatio — различие) — любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках пола, расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, вероисповедания и иных основаниях, имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни. Одним из оснований дискриминации в современном мире и в России является признак сексуальной ориентации. Я провела опрос среди гомосексуалистов и выявила наиболее частые случаи проявления данного явления в нашей стране.

Я задавала всем одинаковый вопрос: подвергались ли Вы когда-либо дискриминации по признаку сексуальной ориентации, если да, то какой? Наиболее

[5] Алексеев Н.А. Гей-брак: Семейный статус однополых пар в международном, национальном и местном праве. М.: Издательство БЕК, 2002, С. 210–211.

[6] Wet van 21 december 2000 tot wijziging van Boek 1 van het Burgerlijk Wetboek (adoptie door personen van hetzelfde geslacht), Staatsblad van het Koninkrijk der Nederlanden (Official Journal of the Kingdom of the Netherlands), Jaargang 2001, nr. 10.

часто мне рассказывали о том, что людей не пускали в различные публичные заведения, просили из них удалиться. В частности, к молодой красивой женской паре в одном из ресторанов города Москвы подошел администратор и попросил их удалиться как пару с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Поводом к этому послужил тот факт, что одна из девушек положила свою руку на руку своей спутнице. Также удалиться просили и группу девушек из боулинг-клуба после того, как одна из них поцеловала другую в щеку. А если девушка является открытой лесбиянкой или парень является открытым геем, то шансы попасть в гетеросексуальный клуб значительно уменьшаются.

Конечно, перечисленные случаи являются в принципе безобидными, хотя и очень неприятными. Но встречаются ситуации, когда дискриминация приобретает более тяжелые последствия. Одна из девушек-респондентов подверглась избиению, по факту которого она попыталась написать заявление в правоохранительные органы. После того как она сообщила сотрудникам милиции о том, что причиной избиения явилась ее сексуальная ориентация, они отказались возбуждать уголовное дело, отправили девушку домой, комментируя происшедшее некорректными и малоприятными высказываниями. При этом следует отметить, что такая ситуация достаточно типична особенно для провинциальной России. Более того, аналогичный случай с геем мог бы закончиться более плачевными событиями.

Таким образом, дискриминация по признаку сексуальной ориентации осуществляется по отношению как к отдельным лицам, так и ко всему гомосексуальному сообществу, в рамках одного конкретного государства или всего человечества в целом. При этом существует значительное количество норм, закрепленных в различных универсальных и региональных договорах, запрещающих дискриминацию по признаку сексуальной ориентации. Среди них есть универсальные обязательные к исполнению и перечисленные ранее международные документы, а также имеющие рекомендательный характер нормативные акты, например, рекомендации Совета Европы: Рекомендация Комитета Министров No. R(97)20 относительно враждебных мнений, Рекомендация Комитета Министров No. R(97)21 относительно СМИ и содействия культуре терпимости, Рекомендация Комитета Министров No. R(85)2 относительно юридической защиты против половой дискриминации, Рекомендация Комитета Министров No. R(2007)17 относительно стандартов и механизмов гендерного равенства, а также Рекомендация Комитета Министров No. R(2008)1 относительно включения гендерных различий в политику здравоохранения, Рекомендация Парламентской Ассамблеи 924 (1981) относительно дискриминации гомосексуалов, Рекомендация Парламентской Ассамблеи 1117 (1989) относительно положения транссексуалов, Рекомендация Парламентской Ассамблеи 1470 (2000) относительно ситуации геев и лесбиянок, а также их партнеров относительно предоставления убежища и иммиграции в государствах — участниках Совета Европы, Рекомендация Парламентской Ассамблеи 1474 (2000) относительно ситуации лесбиянок и геев в государствах — участниках Совета Европы, Рекомендация Парламентской Ассамблеи 1635 (2003) относительно лесбиянок и геев в спорте, Рекомендация Конгресса региональных и местных властей 211 (2007) относительно свободы собраний и мнений для лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов[7].

В России запрет на проведение гей-парада я считаю одним из проявлений дискриминации. Согласно Федеральному закону Российской Федерации № 54-ФЗ от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», «законодательство Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях основывается на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и включает в себя настоящий Федеральный закон и иные законодательные акты Российской Федерации, относящиеся к обеспечению права на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований». Однако проведение любого из подобных мероприятий лицами с нетрадиционной сексуальной ориентацией запрещается. Свой отказ представители власти чаще всего объясняют аморальностью данного мероприятия. Моя позиция по данному поводу такова: настоящее мероприятие не имеет целью распространение гомосексуальных отношений, так как повлиять на выбор людей, на выбор их сердца, на любовь к кому-то невозможно. Каждый сам решает, кого ему любить. Цель мероприятия – показать, что представители гомосексуальной ориентации есть, что их много, они такие же, как и все люди. Это можно считать одним из шагов на пути преодоления такого явления, как гомофобия. В мире в разных странах периодически проходят гей-парады. Данные мероприятия зачастую красочные, многолюдные. И приятно смотреть, когда они проходят в миролюбивой обстановке, а не как в нашей стране, когда попытки подобных мероприятий заканчиваются разгоном правоохранительными органами. В этом году европейский гей-парад пройдет в Цюрихе, причем на открытии данного мероприятия выступит новоиспеченный мэр города Цюриха Корин Моух, которая и сама является лесбиянкой.

Борьбу с дискриминацией начали и представительницы исламской культуры. 28 марта 2009 года прошла первая конференция арабок нетрадиционной сексу-

[7] Доклад Московской Хельсинкской группы и Российской ЛГБТ-сети «Дискриминация по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности в России». М., 2009.

альной ориентации. Инициаторами проведения столь необычной для Ближнего Востока акции стала организация «Асват – палестинские лесбиянки». На конференции обсуждалось огромное количество проблем, с которыми сталкиваются арабки-лесбиянки. В частности, речь шла о дискриминации по признаку сексуальной ориентации. На повестке дня стояли вопросы о том, как может арабская женщина открыто признаться в своих сексуальных пристрастиях, как объединить усилия в борьбе за свои права всех палестинских женщин нетрадиционной сексуальной ориентации. Осуществить такие действия может лишь ничтожный процент арабок, так как в разных исламских государствах лесбиянок ждут различные наказания, от общественного осуждения до публичного избиения плетьми и смертной казни.

Причиной любой дискриминации, по моему мнению, является лежащая в ее основе гомофобия.

Гомофобия

Четкое определение данному социальному явлению дать достаточно сложно. Гомофобия (от др.-греч. омо с — подобный, одинаковый, фо бос/ — страх, боязнь) — собирательное определение для различных форм негативной реакции на проявления гомосексуальности, а также на связанные с ней общественные явления[8]. Резолюция Европарламента «Гомофобия в Европе» (18 января 2006 г.) определяет гомофобию как «иррациональный страх и отвращение к гомосексуальности и к лесбиянкам, геям, бисексуалам и трансгендерным людям, основанные на предубеждении, подобном расизму, ксенофобии, антисемитизму и сексизму». Гомофобия, согласно сексологической энциклопедии: нерефлексируемая, иррациональная и гипертрофированная неприязнь к гомосексуалам (преимущественно к мужчинам), часто обусловленная страхом перед собственными сексуальными фантазиями и побуждениями[9].

Иначе говоря, гомофобия — негативная реакция на представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. Эта реакция имеет различные проявления, например, прекращение общения, избегание, оскорбление, избиение и т.д. К сожалению, данное явление имеет широкое распространение в мире. Не является исключением и Российская Федерация. Очень жаль, что гомофобия укоренилась в сознании людей и с ней очень тяжело бороться. Однако это не мешает проводить в жизнь определенные меры по ее уменьшению. Позитивным примером является проведение Недели против гомофобии. В России данное мероприятие проводится с 2007 года и представляет собой межрегиональную информационно-просветительскую акцию, с целью обратить внимание на проблему гомофобии как части ксенофобии (иррациональной боязни и ненависти к непохожим) и ее опасность для всего общества. Я считаю подобные мероприятия очень важными и нужными. Они позволяют людям задуматься над этой проблемой, подумать о себе, о своих знакомых. Мне очень нравится надпись на одной из открыток, которые распространялись во время Недели против гомофобии в этом году: «Гомофобия вредит всем. Люди отгораживают себя от своих близких, друзей, родственников: родители не знают о своих детях, дети о родителях, друзья о друзьях. Они отгораживаются друг от друга, не допуская в свои жизни. Гомофобия делает жизнь эмоционально беднее». Самое страшное, что так оно и есть. И это касается очень многих людей. К сожалению, получить достоверную информацию о том, сколько гомосексуалов в России, невозможно по ряду причин. Однако тот факт, что на знаменитом молодежном сайте «В контакте» численность людей в нетрадиционных группах может составлять 16 тысяч человек уже говорит о многом[10]. И у каждого есть родители, дети, родственники, друзья. Гомосексуалы теряют близких, родных, любимых людей только из-за того, что любят не тех. А кому решать, кто кого должен любить?! Любовь – это то, что не поддается контролю. Я люблю женщин и никто никогда не сможет заставить меня любить мужчин, тем более просто потому, что они мужчины, а я женщина. Очень больно терять людей из-за этого. Мне иногда просто непонятно, почему другим людям так интересно, с кем живут, имеют сексуальные отношения другие люди? У каждого есть своя частная жизнь, и любое вмешательство в нее – недопустимо.

На уже упомянутом мной сайте есть группа по борьбе с гомофобией. Мне очень нравится реалистичное высказывание в этой группе: «Я – девочка, которую выгнали из собственного дома, потому что я призналась матери, что я – лесбиянка. Я – проститутка, которая работает на улице, потому что никто не хочет принять на работу транссексуальную женщину. Я – сестра, которая крепко обнимает своего брата-гея этой ночью. Мы – родители, которые похоронили свою дочь слишком рано. Я – мужчина, который умер в одиночестве, потому что ко мне в палату не пустили человека, с которым я прожил 27 лет. Я – ребенок-сирота, просыпающийся ночью от кошмаров, потому что моей единственной любящей семьей могли быть двое отцов. Хорошо бы они могли усыновить меня.

[8] http://ru.wikipedia.org

[9] http://www.neuro.net.ru/bibliot/b003/

[10] http://vkontakte.ru

Я думаю, я – счастливчик. После нападения я был в коме три недели, но спустя год я, вероятно, снова смогу ходить. Я не из тех, кому повезло. Я убил себя за несколько недель до окончания школы. Я просто не мог всего этого вынести. Мы – пара, которой было отказано в съеме квартиры, как только оказалось, что двое мужчин хотят снять комнату с одной кроватью. Я – человек, который не знает, каким туалетом воспользоваться, чтобы избежать скандала и вызова охраны. Я – мать, которая не может увидеться с детьми, которых я выносила, нянчила и растила. Суд решил, что я – недостойна быть матерью, раз я живу с другой женщиной. Я – жертва домашнего насилия, на которую сразу стали косо смотреть и постарались побыстрее отделаться в службе поддержки, когда поняли, что мой партнер – женщина. Я – жертва домашнего насилия, и мне некуда обратиться за поддержкой, потому что я – мужчина. Я – отец, который никогда не обнимал собственного сына, потому что всю жизнь боялся демонстрировать чувства к другим мужчинам. Я преподаю домоводство, хотя хотела быть тренером по спорту, пока мне не сказали, что «они все лесбиянки». Я – мужчина, который умер, так как врачи скорой помощи прекратили лечить меня, поняв, что я – транссексуал. Я – человек, который все время чувствует себя виноватым. Мне кажется, что у меня не должно быть недостатков, раз мне приходится жить в обществе, которое ненавидит меня. Я – человек, который больше не ходит в церковь. Не потому, что я потерял веру, но потому, что для «таких как я», двери церкви закрыты. Я – человек, который вынужден скрывать то, в чем больше всего нуждается этот мир – любовь»[11].

Проблема гомофобии остро стоит не только в нашей стране, она типична для всего постсоветского пространства. Например, в Беларуси также проходят мероприятия по борьбе с гомофобией. Так, с 17 апреля по 17 мая 2009 года ЛГБТ-активисты намерены провести акцию «Месяц против гомофобии». Это второй опыт подобной агитационной кампании, основные мероприятия которой пройдут в трех городах – Минске, Гродно и Лунинце. Основными целями Месяца против гомофобии в Беларуси являются: противодействие любому физическому, моральному и символическому насилию по отношению к людям с другой сексуальной ориентацией или гендерной идентификацией; проявление солидарности со всеми лесбиянками, геями, бисексуалами и транссексуалами мира, в том числе там, где они не имеют возможности выступать за свои права; проведение более широкой кампании по защите прав человека[12].

[11] http://vkontakte.ru/club6038228

[12] Gay.Ru по материалам Gay.By http://www.gay.ru/news/rainbow/2009/03/09-14960.htm

Заключение

Права сексуальных меньшинств являются неотъемлемой частью прав человека. Они законодательно закреплены в международных универсальных и региональных стандартах, признаны на национальном уровне во многих странах мира, но зачастую фактически не соблюдаются. Безусловно, в каждой стране вопросы признания прав гомосексуалистов воспринимаются по-разному. Однако ситуация с реализацией и защитой прав сексуальных меньшинств в современном мире осложняется распространяющейся гомофобией, стереотипами и нетолерантностью, дискриминацией по признаку сексуальной ориентации во всех сферах жизни общества.

Очень жаль, что не все люди понимают, что любовь не имеет пола, что частная жизнь человека касается его личного выбора и является только его заботой. Больно от осознания, что тебя не просто не могут понять, а не хотят понимать и пытаются превратить твою жизнь в ад из-за разницы во взглядах и предпочтениях.

В России реальное решение настоящей проблемы, создание условий для эффективной реализации и защиты прав сексуальных меньшинств зависит от множества факторов: политической воли государства по соблюдению взятых на себя обязательств при ратификации важнейших международных документов универсального и регионального характера и их имплементации в национальное законодательство, постоянного информирования общественности и проведения кампаний, направленных на формирование толерантного отношения к представителям ЛГБТ и искоренение гомофобии в российском обществе, укрепления совместных усилий институтов гражданского общества и государства и т.п.

Хочется надеться, что очень скоро ситуация изменится в лучшую сторону, что уже можно будет без боязни заявить о своей ориентации. Возможно, именно тогда я смогу сказать своей маме: «Мама, я – лесбиянка, но я – все та же любящая дочь»...

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета, №235 от 10.12.1998.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 1966 года. В кн.: Действующее Международное право. Т. 2, М.,1997.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. В кн.: Действующее Международное право. Т. 2, М.,1997.

4. Европейская конвенция о защите основных прав и свобод от 4 ноября 1950 года. В кн.: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т.2, М., 2000.

5. Семейный кодекс Российской Федерации. ФЗ №223 от 29.12.1995 с изменениями от 30.06.2008 // СЗ РФ №1 от 1 января 1996 г.
6. Федеральный закон № 54-ФЗ от 19.06.2004 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ №25 от 21 июня 2004 г.
7. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан № 5487-I от 22.07.1993 с изменениями от 08.11.2008 // Российские вести №174 от 9 сентября 1993 г.
8. Алексеев Н.А. Гей-брак: семейный статус однополых пар в международном, национальном и местном праве. М.: Издательство БЕК, 2002.
9. Доклад Московской Хельсинкской группы и Российской ЛГБТ-сети. «Дискриминация по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности в России». М., 2009.
10. Wet van 21 december 2000 tot wijziging van Boek 1 van het Burgerlijk Wetboek in verband met de openstelling van het huwelijk voor personen van hetzelfde geslacht (Wet openstelling huwelijk), Staatsblad van het Koninkrijk der Nederlanden (Official Journal of the Kingdom of the Netherlands), Jaargang 2001, nr. 9 (11 January).
11. Wet van 21 december 2000 tot wijziging van Boek 1 van het Burgerlijk Wetboek (adoptie door personen van hetzelfde geslacht), Staatsblad van het Koninkrijk der Nederlanden (Official Journal of the Kingdom of the Netherlands), Jaargang 2001, nr. 10.
12. The Danish Registered Partnership Act, Act 372 of 7 June 1989.
13. Gay.Ru/Lesbi.Ru Подготовила Александра Лопата

Интернет-источники:
http://ru.wikipedia.org
http://www.neuro.net.ru/bibliot/b003/
http://vkontakte.ru/club6038228
http://www.gay.ru/news/rainbow/2009/03/09-14960.htm

Александр Беззубцев-Кондаков

Третья премия

Добровольная несвобода: советский опыт

Фабрика «новых людей»
Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
Не надо мне прав человека
Я давно уже не человек.
Владимир Соколов

XX век стал для России веком грандиозных социальных экспериментов. Большевики стремились осуществить коренную переделку человека, вывести новую людскую генерацию – *«хомо советикус»*, для которой существовало бы, прежде всего, совершенно измененное понимание *личной свободы и личного права*. В деле создания идеологии нового общества особое место занимали мероприятия, связанные с радикальным «перевоспитанием человека». В 1919 году Ленин писал, что новой власти придется «строить социализм немедленно и из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены»[1]. Однако в советской действительности возникло явление, которое с полным правом можно определить, как «лаборатории» или «парники», где предстояло вырастить генерацию людей, жизнь коих будет проходить уже в условиях полностью коллективного быта. Бытовые и производственные коммуны, которые активно создавались в студенческих и рабочих коллективах, и были такими лабораторными «парниками».

В марте 1930 г. в Ленинграде существовало 110 бытовых коммун[2]. Ко времени расцвета коммунитарного движения по всей стране насчитывалось около 400 бытовых коммун, объединяющих около 50 тысяч человек[3]. Уже в начале 1930-х годов численность коммунаров начинает сокращаться, многие коммуны прекращают свое существование, а в общественном сознании формируется негативное представление о них. В Ленинграде были хорошо известны коммуны Ленинградского электротехнического института, Педагогического института имени Герце-

[1] *Ленин В.И.* Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. ПСС.Т.38.С.54.

[2] Революция и культура. 1930. № 7. С. 56.

[3] *Гнатовская Д.Ю., Зезина М.Р.* Бытовые коммуны рабочей и студенческой молодежи во второй половине 20-х–начале 30-х годов// Вестник МГУ. Серия 8. История. №1. С. 42.

на, Химико-технологического института. О них восторженно писала городская и столичная пресса, о них говорили на комсомольских и партийных собраниях как о «ростках нового быта». А на улице Рубинштейна возник знаменитый «дом-коммуна инженеров и писателей», которому, по воспоминаниям одной из коммунарок – Ольги Берггольц, вскоре дали шутливое прозвище «Слеза социализма». Коммунары претендовали на роль привилегированного сословия, которое должно было считаться наиболее «прогрессивным», «сознательным» – то есть состоящим из «людей будущего», чья деятельность является главным двигателем общественного прогресса. Мотивация людей, вступавших в коммуны, была разно-образна – одни приезжали в большой город учиться или работать и, становясь коммунарами, обретали крышу над головой и гарантированное пропитание, а вторые были охвачены энтузиазмом переустройства быта на революционных началах. Но всех коммунаров объединяло одно: за право участия в этом «проекте социалистического будущего» они жертвовали своей личной свободой.

Служители революционного культа думали, что движение производственно-бытовых коммун станет «повивальной бабкой» новых общественных отношений. Казалось бы, логично предположить, что пролетарскую молодежь загоняли в коммуны силой, принуждали объединяться точно так же, как крестьян – в колхозах. Однако даже беглого знакомства с источниками по истории советского коммунитаризма достаточно для того, чтобы сделать ясный вывод об исключительной добровольности этого массового движения. Показательно, что нередко коммуны создавались не только без поддержки комсомольских и партийных органов, но даже при их откровенно враждебном отношении. Когда секция социалистического переустройства быта Ленсовета провела отдельный пленум по теме «О состоянии коммун и коллективов», в котором приняли участие представители коммун Политехнического института, завода «Большевик», коммуны имени IX съезда ВЛКСМ и др., многие выступавшие с горечью говорили, что движению коммун «ни одна организация не уделяет достаточного внимания»[4]. «Коммуны и коллективы до сих пор были беспризорными, ими никто не руководил и работу их не направлял»,– отметил один из выступающих[5]. А представитель коммуны имени IX съезда ВЛКСМ безапелляционно заявил, что у коммун вообще «нет никакого руководства со стороны комсомола»[6]. Расхождение коммунитаризма с «генеральной линией» партии, как ни странно, было неизбежным, ведь коммунары были уверены в том, что они ближе подошли к созданию коммунистического общества, чем все остальные советские люди. Коммуны стали параллельной политической реальностью, конкурирующей с советскими государственными структурами. А учитывая массовость движения, в производственно-бытовых коммунах можно было увидеть реальную угрозу командно-административной системе СССР и вызов однопартийному монополизму. Точку в коммунитарном проекте поставил И.В.Сталин на XVII съезде ВКП(б), где он назвал коммунарскую «уравниловку» в области потребностей человека «нелепостью, достойной какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического общества...»[7]. После этого грозного «сигнала» в общественном сознании коммуны из «образца светлого будущего» превращаются в подобие религиозных сект. Восторженный тон публикаций в комсомольской печати мгновенно меняется на разоблачительный.

[4] ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.11. Д.23. Л.4.

[5] Там же.

[6] Там же.

Вырождение соборности и казенная общность

Вот и вышел человечек, представитель населенья.
Вот и вышел гражданин, достающий из штанин.
Иосиф Бродский. Представление

Жить в коммуны уходили люди, которые делегировали свои права даже не государству, а закрытым организациям, начинавшим говорить от имени своих бессловесных участников. Распространение таких организаций «добровольной несвободы», как коммуны (фаланстеры), возможно лишь в обществе духовной смуты, которое переживает острый кризис такой социальной ценности, как права человека, – будь то Российская империя 1860-х годов или Советская России середины и конца 1920-х гг. Вступление человека в коммуну, как правило, сопровождалось настроением бегства от «проклятой свободы», от необходимости принимать непростые решения в психологически более комфортную среду, в которой жизнь подчинялась писаным и неписаным нормам и потому являлась куда более предсказуемой и стабильной, чем существование в «большом мире». Советский коммунитаризм, как некий «идеальный» дискурс социалистической идеи, поставил под сомнение право человека на достоинство, право на неприкосновенность частной жизни, на свободу совести и мысли.

После Октябрьской революции в России произошло «второе постижение» идеи коллективизации быта. В XIX веке и в России, и в странах Европы и Амери-

[7] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.,1934. С. 29.

ки неоднократно предпринимались попытки организации коммун-фаланстеров. Они создавались, как правило, одиночками-мечтателями или политическими маргиналами, у которых не существовало иных мотивов к организации коммуны, кроме желания реализовать философскую идею. Коммуны образовывались с целью *«пропаганды действием»* утопических мечтаний Фурье и Оуэна. Процесс образования коммун в России пошел особенно интенсивно после публикации в 1863 году романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?». Четвертый сон Веры Павловны, как известно, был посвящен обитателям фаланстера. Идея полной коллективизация быта, несмотря на многократно повторявшиеся при своем воплощении неудачи, не изжила себя в течение XIX века и поэтому несла в себе нереализованный потенциал, оставалась привлекательной для многих. Очевидно, российскому обществу необходимо было пройти путь «добровольной несвободы» до самого конца, испробовать все варианты коллективизации быта, чтобы понять утопичность «переделки» современного человека.

Однако пройден ли сегодня этот путь до конца?.. Вряд ли кто-либо решится утвердительно ответить на этот вопрос. По крайней мере, никто еще не провозгласил: «Коммунитаризм мертв!»

Для советского общества была характерна коллективистская психология, которая имеет глубокие исторические корни, связанные с общинной жизнедеятельностью народа. Как заметил философ и социолог Александр Зиновьев, самое страшное для советского человека – быть оторванным от коллектива, ведь душа его «лежит в... приобщенности к коллективной жизни»[8]. Однако если идеологема русской соборности предполагала объединение усилий людей во имя общенародной пат-риотической цели, то советский коллективизм приводил к созданию безликого людского конвейера, в основе которого лежал принцип *«незаменимых нет»*. Опираясь на архетип соборности, большевизм безжалостно подавлял ту личную свободу, которая является первейшим условием соборного сознания как духовной общности народа. Большевизм создавал *казенную общность*, лишь внешне воспроизводя черты архетипической национальной соборности. Сущность славянофильского понимания общинности можно объяснить известной шутливой фразой А.С. Хомякова: «Русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревней нельзя не пустить». Схожим образом рассудили и советские коммунары: отдельный гражданин не войдет в светлое коммунистическое царство, а коммуной – сумеет. Община, как полагали славянофилы, не позволяет образоваться антагонистическим классам в сельской среде. Среди общинников невозможен такой

[8] *Зиновьев А.* Гомо советикус. Пара беллум. М., 1991. С. 87.

конфликт, который возникает между безземельным крестьянином и собственником земли. В будущем, считали славянофилы, земледельческая община сменится общиной промышленной, то есть производственной коммуной. Славянофильский прогноз оправдался – уже при большевиках, которые славянофилов с истинно классовым чувством отвергли как сумасшедших идеалистов...Рассматривая мероприятия большевиков по подавлению индивидуализма, А.Вишневский пришел к выводу, что предпринятая в 1920-30 годы «переделка человека» осуществила «поворот (разумеется, замаскированный) к старой соборной идеологии»[9]. В частности, он справедливо отмечает, что в раннем советском обществе «апофеоз коллективизма... не позволяет разглядеть отдельного человека. По существу, это тот же общинный крестьянин, но переодетый в городскую одежду и получивший современное образование»[10]. Показательно, что в студенческие бытовые коммуны легче и быстрее организовывались те, кто приехал на учебу из сельской местности, как это произошло на рабфаке Тимирязевской сельскохозяйственной академии: «Рабфаковцы-колхозники объединились в колхозную группу и единодушно всей группой решили организовать студенческую коммуну в 34 человека»[11]. Коммуну, этот «апофеоз коллективизма», можно оценивать как выхолощенную парадигму соборности, ибо коммуна строилась на принципах отрицания прав человека, это был своего рода путь «коллективного спасения», растворенности личности в коллективе, реализации идеи «общинного быта», который, как некогда писал славянофил Ю.Самарин, «основан не на личности и не может быть на ней основан, но он предполагает высший акт личной свободы и сознания – самоотречения»[12]. «Коммуна – не общежитие, – подчеркивал советский публицист М.Янковский, описывая коммуну Ленинградского электротехнического института, – здесь индивидуальная болячка является общим заболеванием, здесь все за одного, а поведение одного ложится пятном и на остальных»[13].

Псевдособорная идеология советского коммунитаризма утверждала, что не бывает личной беды («болячки»), не может быть индивидуальной вины, индивидуального проступка, все это становится «общим», за отдельного члена всю полноту ответственности, как при круговой поруке, несет коммуна. Проступок же отдельного человека всегда определялся социальной средой, в которой он жил, и, напри-

[9] *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.,1998. С.115.

[10] Там же. С.117–118.

[11] *Герасимов А.* Коммуна колхозников//Красное студенчество. 1929. № 5. С. 11.

[12] *Самарин Ю.* О мнениях «Современника», исторических и литературных// Самарин Ю. Сочинения. 1877. Т.1. С. 52.

[13] *Янковский М.* Коммуна ста тридцати трех. Л., 1929. С. 145.

мер, когда в декабре 1931 г. покончил с собой коммунар Ленинградского химико-технологического института Окулов, члены партфракции коммуны объяснили самоубийство тем, что «Окулов указывал, что он рабочий, в то время не имея рабочего стажа, следовательно по социал[ьной] категории не рабочий» и «жил все время в мелкобуржуазной обстановке»[14]. Как «мелкобуржуазный элемент» в пролетарской среде, несчастный студент истомился и наложил на себя руки...

Добровольность членства – это необходимое условие функционирования коммуны как явления идеологического порядка. Принцип добровольного вступления был свойственен как «фаланстерам» XIX века, так и советским производственно-бытовым коммунам. Например, члены «интеллигентной» общины Криница, основанной в середине 1880-х гг. на черноморском побережье Кавказа, в своей программе заявляли, что лишь «путем воздействия на *самого человека* можно изменить существующий порядок вещей», и далее, в частности, подчеркивали: «Мы безусловно против всякого насилия, против всяких искусственных мер, клонящихся к изменению существующего строя в обществе; тем более мы против насилия над личностью в нашей среде»[15]. Несовершенства в политической сфере объяснялись, по мнению криничан, нравственным несовершенством человека, поэтому воспитание в человеке духовности, по их суждению, являлось единственным способом переустройства общества.

Конечно, участники советского коммунитарного проекта никогда не обращались к дореволюционному («буржуазному») опыту. Однако невольно они воспроизводили матрицу «интеллигентных общин» XIX века, поскольку и русские утописты-народники, и советская студенческая молодежь были детьми одной утопии – мифа о «коллективном спасении», ставшего одним из национальный архетипов.

Без права на личную жизнь

Я не представляю себе, что такое свобода... Быть может, это всегда лишь то, что непредставимо для нас. Однако, когда мы сталкиваемся с несвободой, мы ее узнаем...

Дж. М. Кутзее. Железный век

В начале 1930-х годов в советских архитектурных мастерских создавалось множество утопических проектов «домов-коммун», в которых не было ни отдельных

[14] ЦГА ИПД . Ф.1060, Оп. 2, Д.82. Л.34–36.

[15] *Василевский Г.* Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб, 1908. С. 51–52.

кухонь, ни индивидуальных квартир, зато были «спальные отсеки» для коммунаров. Эти «мертворожденные» проекты – памятники той эпохе, когда каждая человеческая жизнь была лишь строительным материалом советской Вавилонской башни. Мишель Фуко писал об «архитектуре, которая создается... ради осуществления внутреннего упорядоченного и детального контроля, ради того, чтобы сделать видимыми находящихся внутри»[16]. То есть здание может выступать в роли аппарата надзора над личностью и механизма муштры, а также «инструментом преобразования индивидов... Камни могут делать людей послушными и знающими»[17]. Наблюдения М. Фуко применимы к архитектурным проектам коллективного жилья советских людей. Дома-коммуны воспринимались как прообраз будущих социалистических городов. Одним из идеологов переустройства города выступил Л. Сабсович, автор программной книги коммунитарного проекта «Социалистические города». «Жилые дома в социалистическом городе, – писал он, – должны строиться так, чтобы они представляли наибольшее удобство для коллективной жизни, коллективной работы, коллективного отдыха трудящихся (...). В этих домах не должно быть отдельных квартир с кухнями, кладовыми и пр. приспособлениями для индивидуального домашнего хозяйства, так как обслуживание бытовых нужд трудящихся будет полностью обобществлено. Они также не должны заключать в себе помещений для обособленной жизни каждой отдельной семьи, ибо семья... безусловно исчезнет»[18].

Наиболее ярко тоталитарный характер советского коммунитаризма проявился в «семейной политике». От человека отбиралось право на устройство собственной жизни. Во многих коммунах только на «общем собрании» коммунару могло быть дано разрешение на вступление в брак. Однажды жених коммунарки столичного завода АМО не захотел входить в коммуну, и в результате девушка ушла из коммуны. «Примус, значит, заводите? – упрекнули ее. – Ну, что же с тобой делать? Иди...»[19] Вполне объяснимо желание молодого человека строить свою семейную жизнь в соответствии с традиционными представлениями, и далеко не каждый позволит, чтобы вопрос о его женитьбе решался «общим собранием». На такое способен лишь человек, фанатично, до самозабвения преданный идее коллективизации быта, полностью отрицающий индивидуализм.

Пожалуй, ни в какой другой сфере жизни так жестко и решительно не сошлось «старое» и «новое», как в вопросе о коллективизации быта.

[16] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 251.

[17] Там же.

[18] *Сабсович Л.* Социалистические города. М., 1930. С. 44.

[19] *Мар А.* Зеленые побеги // Смена. 1929. № 19/139/. С. 3.

Случай, одновременно и курьезный, и жутковатый, произошел в коммуне Ленинградского электротехнического института. У одного из коммунаров была неблагозвучная фамилия – Сопливенко. Из-за своей фамилии парень стал объектом насмешек. И на общем собрании было сказано: «Надо, ребята, ему фамилию новую дать! Даешь новую фамилию, никаких тебе Сопливенок!» В течение нескольких дней шло обсуждение вариантов новой фамилии. Решено было наконец, что отныне коммунар Сопливенко будет носить фамилию Разин: «и героично, и лирично»[20]. Коммуна брала на себя право решать не только то, когда человеку просыпаться по утрам, когда обедать, как выглядеть, на ком жениться, но и даже – какое имя носить.

Бронислава Яковлевна Коган была членом коммуны, насчитывавшей около тридцати человек, которые работали в одной артели по изготовлению детских игрушек. В данную коммуну входили люди как холостые, так и семейные, в коммуне состояли две семьи. В коммуну Б.Я.Коган попала только из-за того, что ей негде было жить. В 1930 году в возрасте 19 лет она приехала в Ленинград, случайно узнала о существовании коммуны и вступила в нее. Ленинградцев среди коммунаров не было, все были приезжие, для которых коммуна являлась единственно возможным пристанищем. Когда Б.Я.Коган вышла замуж, ее супруг (приезжий, как и она) тоже вынужден был какое-то время находиться в коммуне. «Директор коммуны получал за нас зарплату, и нас кормили, но кормили очень плохо»,– вспоминала Б.Я.Коган. В коммуне производилось полное обобществление средств. На обобществленные деньги происходило снабжение коммунаров весьма скудным пайком и бельем, а «из одежды почти ничего не было. Я прожила в коммуне полтора года, и за все время мне купили одну шляпу...»[21] – свидетельствовала впоследствии коммунарка. Отдавая всю зарплату в «общий котел», коммунары не имели возможности купить даже такую мелочь, как носовой платок. По словам Б.Я.Коган, директор коммуны просто-напросто эксплуатировал коммунаров, так как «жена у него не работала, у него была домработница, и он жил за счет коммуны»[22]. От пребывания в коммуне у нее остались самые мрачные воспоминания, как о самом трагическом периоде жизни. Одной из главных трудностей было полное отсутствие возможности побыть в одиночестве. Человек сам себе не принадлежал, все стороны его жизни оставались на виду и контролировались коллективом. В памяти Брониславы Яковлевны запечатлелся

[20] *Янковский М.* Указ. соч. С. 48–49.

[21] На корме времени. Интервью с ленинградцами 1930-х гг. СПб., 2000. С. 206.

[22] Там же.

один особенно обидный случай из коммунарской жизни, относящийся к тому времени, когда она уже жила в коммуне с мужем: «На завтрак готовили отварной картофель, который варился накануне вечером, немножко подогретый на маргарине или постном масле. А я была дежурная... и я мужу, в его порцию картошки, положила немного лука для вкуса. И меня потом вызвали на собрание... Почему я выделила его?»[23] Чтобы меньше времени проводить в коммуне, молодые люди вечерами старались подольше гулять или, если находились деньги, шли в кино.

Многие организации в деле коллективизации заходили так далеко, что начинали «обобществлять» все личные вещи, включая даже нижнее белье. «Пора приступить к обобществлению костюмов, так, чтобы их принадлежность была общественная, а пользование индивидуальное, как в армии, – утверждалось в «быт-журнале» коммуны ЛЭТИ. – Коммуна сейчас имеет 50 костюмов»[24]. «В области обобществления мы имеем успехи, – утверждали коммунары ЛЭТИ в вузовской многотиражке. – В этом году будут обобществлены рабочие костюмы, туалет, подсобно-хозяйственные предметы»[25]. «Обобществление белья было начато еще в начале учебного года, – говорилось в другой заметке «Красного электрика». – Сначала были обобществлены простыни, наволочки и носовые платки. Теперь обобществление распространено на полотенца и носки. Кроме того, уже начата работа по обобществлению нижнего белья»[26]. В уставе московской «Красноворотской коммуны» было сказано: «Коммунары вносят в общий котел все до единой копейки, все вещи, белье, платье и последующие заработки»[27]. Рабочий-коммунар со станции Песочная Брянской области свидетельствовал: «Коммуна следит за своими членами при покупке вещей: например, шелковых платьев покупать не разрешает, потому что у других нехватка постельного или нижнего белья»[28].

В 1929 году увидел свет забытый ныне роман Ильи Рудина «Содружество», который стал единственным литературным воплощением советского коммунитарного проекта. Роман этот вызвал неоднозначную реакцию читателей и критиков, которые обвинили автора в том, что он оклеветал современную молодежь... Описанная Рудиным студенческая коммуна «Задруга» представляла собой «небольшой кружок приятелей, объединенных не только общими академическими

[23] Там же. С. 207.

[24] Из быт-журнала коммуны // Красный электрик. 1930. № 8 (52). 19 ноября.

[25] Коммуна вчера и сегодня // Красный электрик. 1930. № 2–3. 28 сентября.

[26] Новое в работе коммуны // Красный электрик. 1930. № 9 (33). 1 марта.

[27] Цит. по : *Вебер Ю.* Красноворотская // Красное студенчество. 1929. № 6. С. 20.

[28] Цит. по: *Бэр Ю.* Коммуна сегодня. М., 1930. С. 74.

интересами, но и правилами внутреннего распорядка»[29]. Весьма примечательное определение. С одной стороны «академические интересы», с другой – «внутренний распорядок», но ни слова о товариществе, привязанности, дружбе. Коммунары разработали своеобразное определение «экономической дружбы», дружбы как «рационализации борьбы»[30]. Обычная человеческая привязанность, душевная симпатия – эти «пережитки» были коммунарами отвергнуты. Описание повседневной жизни коммуны показывает, что ничего этого действительно нет в помине. Коммунар Дорош так характеризует основное содержание коммунарской жизни: «Мы живем не для выгоды, а для удовлетворения гуртовой жизни. Человек одинокий легко портится, в гурте же он воспитывает чувство множественности»[31]. В коммуну «Задруга» объединились люди, духовно чуждые друг другу. В центре внимания Ильи Рудина – осуществление социального эксперимента (воспитание «чувства множественности»), проводимого несколькими молодыми людьми, которые добровольно поставили себя в условия, не приносящие никому из них ни покоя, ни радости.

Автор пытается понять, что же удерживает этих людей в коммуне, почему они не разбегаются от этой, в сущности, кошмарной жизни. Коммунары «Задруги» ведут коллективный дневник, в котором записывают все свои самые тайные, самые сокровенные мысли, поступки, или, что тоже возможно, лишь имитируют друг перед другом откровенность, приписывая себе те постыдные поступки, которых на самом деле не совершали. Они словно бы стремятся превзойти друг друга в степени открытости, в саморазоблачении, доходящем до какого-то самобичевания, добровольного унижения. Коммунары не только исповедуются друг перед другом, но и устраивают взаимные обыски. Подразумевается, что коммунары должны знать друг о друге все без исключения, даже самые сокровенные подробности жизни, которые неприлично выставлять на всеобщее обозрение; однако для членов «Задруги» не должно существовать вещей, лежащих за гранью приличия. Открыв чемодан коммунара Синевского, они обнаруживают накрахмаленные воротнички, щегольские галстуки, флакон духов, пилку для ногтей. «Эстет поганый!» – презрительно бросают товарищи Синевскому[32] так, будто тот уличен в чем-то действительно крайне постыдном.

Это саморазоблачение коммунаров – отнюдь не фантазия Ильи Рудина, во многих источниках мы можем найти свидетельства подобных публичных отче-

[29] *Рудин И.* Содружество. М., 1929. С. 38.

[30] Там же. С. 276.

[31] Там же. С. 80.

[32] Там же. С. 185.

тов комсомольцев перед коллективом о своей личной жизни. Так, в Ленинграде комсомольцы Ветеринарного института в 1924 году ввели практику проведения «коммунальных бань», то есть отчета каждого комсомольца о своей личной жизни: «тут и половой вопрос, тут и выпивка»[33]. После «доклада» происходили «прения», комсомольцам задавались самые интимные вопросы, требовавшие чистосердечного и исчерпывающего ответа. Само слово «баня» указывало на то, что происходило как бы публичное обнажение каждого человека. Саморазоблачения в советской пропаганте именовались «самокритикой». «Организовываем веселый час самокритики...» – сообщала новости коммуны газета «Основа» ленинградской фабрики «Рабочий»[34]. «Одна из форм воздействия – личные «отчеты», – отмечает В. Лейзерович, описывая Мокринскую коммуну в Москве, – но отчеты эти особенные: в них рассказывается все – об учебе, о работе, о настроениях и планах. Затем взаимная критика, обсуждение... »[35]. Коммунар исповедовался перед коллективом, словно бы повторяя христианский институт исповеди священнику, после чего получал «отпущение грехов». Подразумевалось, что коллектив имеет право на полную, исчерпывающую информацию о каждом коммунаре, и утайка чего-либо могла восприниматься как признак неблагонадежности. Публичные исповеди давали возможность коллективу манипулировать личностью. По мнению советолога Романа Редлиха, критика и самокритика сталинского СССР «никогда не направлена на искоренение того или иного положения вещей, но всегда имеет целью разыскать... всегда мнимого виновника и сделать его жертвой критики, на которую, однако, жертва может отвечать только самокритикой», и критика, по сути, это «форма открытого доноса, узаконенный самосуд, расправа над беззащитным, ибо нападение всегда производится в плоскости чистейших фикций и не допускает никаких возражений по существу»[36].

Закат коммунитарного движения в СССР приходится на то время, когда обезличенное отношение к членам партии сменилось признанием необходимости «индивидуального подхода» к каждому коммунисту[37] – эта индивидуализация ответственности начала 1930-х годов явилась прологом к «большому террору».

[33] Комсомольская баня // Красный студент. 1925. № 3 (26). С. 31.

[34] Основа. 1932. № 17 (95). 27 марта.

[35] *Лейзерович В.* Коммуна молодежи. М.,1929. С. 46.

[36] *Редлих Р.* Советское общество. Очерки большевизмоведения. Книга 2. Franfurt/Main, б.д. С. 40–41.

[37] См. *Хархордин О.* Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.-М, 2002. С. 201.

Как отмечает политолог Олег Хархордин, «доктринальное внимание к индивиду присутствовало в партийном дискурсе и ранее (до начала 1930-х гг. – А.Б.-К.), но в течение 1920-х гг. основное внимание уделялось коллективу, партийной ячейке»[38]. В условиях, когда в партийном дискурсе речь преимущественно шла о коллективном труде и о коллективной ответственности за результаты деятельности, производственно-бытовые коммуны могли рассматривать свои организации как прямое воплощение в советской повседневности этого дискурса, начавшаяся же в 1930-е годы индивидуализация ответственности шла вразрез с развитием коммунитаризма.

В XX веке коммунитаризм как идеология, неожиданно оказавшаяся популярной также и в западном обществе, стал восприниматься в качестве альтернативы сугубо индивидуалистским концепциям благосостояния. Востребованность этой идеи знаменовала разочарование в современном либерализме и рыночных отношениях, которые привели к взаимному отчуждению людей, к приоритету *«прав человека»* перед *«обязанностями гражданина»*. Необходимо понимать, что те проблемы развития либерализма, которые сегодня нам кажутся актуальными как никогда, определяют идеологический ландшафт Европы на протяжении уже многих десятилетий. Они появились не сегодня и исчезнут не завтра, а значит, мы должны быть готовы к тому, что на стандартные «вызовы» либерализма могут быть даны стандартные же «ответы».

Литература

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1060, Оп. 2, д. 82.
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 11., д. 23.
3. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б).Стенографический отчет. М., 1934.
4. Амантаев Б.А. Социалистический коллективизм. Алма-Ата, 1986.
5. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
6. Бэр Ю.Коммуна сегодня. М.,1930.
7. Василевский Г. Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб, 1908.
8. Вебер Ю. Красноворотская // Красное студенчество. 1929. № 6.

[38] Там же. С. 204.

9. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР.М.,1998.
10. Герасимов А. Коммуна колхозников // Красное студенчество.1929. № 5.
11. Гордеева И. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003.
12. Гнатовская Д.Ю., Зезина М.Р. Бытовые коммуны рабочей и студенческой молодежи во второй половине 20-х начале 30-х годов // Вестник МГУ. Серия 8. История. №1.
13. Дубнер П., Козырев М. Коллективы и коммуны в борьбе за коммунистические формы труда. М.-Л.: 1930.
14. Зиновьев А. Гомо советикус. Пара беллум. М., 1991.
15. Из быт-журнала коммуны // Красный электрик. 1930. № 8 (52). 19 ноября.
16. Комсомольская баня // Красный студент. 1925. № 3 (26).
17. Коммуна вчера и сегодня // Красный электрик. 1930. № 2–3. 28 сентября.
18. Кожаный П. Дома-коммуны и товарищеское харчевание. М., 1925.
19. Кудашов В.И. Делает ли соборное сознание свободным своего носителя?// Индивидуализм, коллективизм, соборность в структуре русской духовности. Комсомольск-на-Амуре, 1994.
20. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
21. Лейзерович В. Коммуна молодежи. М., 1929.
22. Ленин В.И.Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. ПСС.Т.38.
23. Мар А. Зеленые побеги // Смена. 1929. № 19/139.
24. На корме времени. Интервью с ленинградцами 1930-х гг. СПб., 2000.
25. На пути к новому. Наказы 1 культурно-бытовой конференции ВЛКСМ ЦГР. Л., 1929.
26. Новое в работе коммуны // Красный электрик. 1930. № 9 (33). 1 марта.
27. Ольшанский Д.В. Социальная психология «винтиков» // Вопросы философии. 1989. № 8.
28. Редлих Р. Советское общество. Очерки большевизмоведения. Кн. 2. Franfurt/Main, б.д.
29. Рудин И. Содружество. М., 1929.
30. Сабсович Л. Социалистические города. М.,1930.
31. Самарин Ю. О мнениях «Современника», исторических и литературных // Самарин Ю. Сочинения. 1877. Т.1.
32. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: города. М., 2001.
33. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.,1999.

34. Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.-М., 2002.
35. Янковский М. Коммуна ста тридцати трех. Л.,1929.
36. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917-1920-х годов. СПб., 2002.

Егор Лазарев[1]

***Третья** премия*

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

– ...Как нам смертная казнь нужна! Товарищ Сталин, верните нам смертную казнь!! – от души, ласково просил Абакумов, приложив пятерню к груди и с надеждой глядя на темноликого Вождя.

И Сталин – чуть-чуть как бы улыбнулся. Его жесткие усы дрогнули, но мягко.

– Знаю, – тихо, понимающе сказал он. – Думал.

Удивительный! Он обо всем знал! Он обо всем думал! – еще прежде, чем его просили. Как парящее божество, он предвосхищал людские мысли.

– На днях верну вам смэртную казнь, – задумчиво говорил он, глядя глубоко вперед, как бы в годы и в годы. – Эт-та будыт харешая воспитательная мера.

Еще бы он не думал об этой мере! Он больше их всех третий год страдал, что поддался порыву прихвастнуть перед Западом, изменил сам себе – поверил, что люди не до конца испорчены.

Александр Солженицын. «В круге первом»

Вопрос смертной казни стоит на повестке дня человечества с древнейших времен. С возникновением государства обычай кровной мести обрел форму закона и трансформировался в уголовное наказание – смертную казнь. Ожесточенная дискуссия вокруг смертной казни развернулась в эпоху Просвещения, однако лишь с развитием концепции прав человека, проблема вышла за рамки споров юристов и получила социальное и политическое измерение.

На наш взгляд, исследование смертной казни в категориях прав человека должно начинаться с концептуализации проблемы – изучения нормативно-правовой базы, истории вопроса, эмпирических данных и аргументации сторонников и противников применения высшей меры наказания.

К 2009 году 90 стран полностью отменили смертную казнь за все преступления. Еще 11 стран сохранили ее только для отдельных особо тяжких преступлений, совершенных в военное время. Тридцать два государства не применяют смертную казнь на практике: законодательство данных стран предусматривает подобную меру наказания, однако приговоры не приводились в исполнение на протяжении последних 10 и более лет. Считается, что эти страны придерживаются политики либо устоявшейся традиции не приводить в исполнение смертные приговоры.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет; факультет философии и политологии, кафедра политических институтов и прикладных политических исследований

Таким образом, к настоящему времени в мире насчитывается 133 страны, отменивших смертную казнь на законодательном уровне или на практике, и 64 государства, которые сохраняют и продолжают применять эту меру.

Согласно данным организации Amnesty International («Международная Амнистия»), в 2008 году были казнены 2 тыс. 390 человек в 25 странах. Наибольшее количество смертных казней имело место в Китае – 1718, в Иране число казненных составило, как минимум, 346, в Саудовской Аравии – 102, в США -37, в Пакистане – 36, в Ираке – 34.

Крайне сложно подсчитать общее количество приговоренных, находящихся в камерах смертников. Расчеты, сделанные на основе сведений правозащитных организаций, сообщений в прессе, а также скудной официальной статистики, позволяют говорить приблизительно о двух десятках тысяч человек.

На фоне этих цифр существенным достижением последних лет выглядит оформление в нормах международного права обязательства государств не применять смертную казнь. Протокол № 6 к Европейской конвенции о правах человека является соглашением об отмене смертной казни в мирное время. Два других региональных протокола предусматривают полную отмену смертной казни, но оставляют за государствами право в виде исключения применять смертную казнь в военное время. Протокол № 13 к Европейской конвенции о правах человека предусматривает полную и безусловную отмену смертной казни.

Казенное определение сводится к тому, что смертная казнь – это разрешенное законом лишение человека жизни в качестве наказания за особо тяжкие преступления.

Мы постараемся доказать, что смертная казнь это форма административного убийства, убийства, санкционированного законом. Наш основной тезис заключается в том, что смертная казнь нарушает не только право человека на жизнь, но и другие фундаментальные права.

Опросы общественного мнения во многих странах мира показывают положительное отношение населения к применению смертной казни за особо тяжкие преступления. Из этого можно сделать вывод, что отмена смертной казни вступает в противоречие с принципами демократии. Однако демократия – это не только правление большинства, но и учет интересов меньшинства. В этой связи очень важна идея Альбера Камю, что смертная казнь нарушает права людей, для которых она является морально неприемлемой[2].

В работе «Надзирать и властвовать» другой великий философ Мишель Фуко, представляя историю смертной казни во Франции, показывает ее превращение

[2] *Камю А.* Размышления о гильотине // Кестлер А., Камю А. Размышление о смертной казни. М., 2003.

из публичного ритуала в убийство, совершаемое втайне, предстающее как унижение, которому правосудие стыдится подвергать осужденного[3].

Оба мыслителя сходятся во мнении, что смертный приговор не наказывает преступника, а лишь удовлетворяет общество, которое требует жертвоприношения. Здесь нельзя не вспомнить слова Фридриха Ницше: «о жертве и жертвоприношении жертвенные животные думают иначе, чем зритель, но им никогда не давали и слова вымолвить об этом».

То, что смертная казнь, по существу является местью – арифметической компенсацией совершенного убийства, признают даже сторонники такой меры. Их аргументация, сводится к тому, что жертва не может за себя отомстить, поэтому государство должно совершить ответное насилие.

Огромную роль в развенчании таких идей и осмыслении проблемы в целом сыграло письмо А.Д. Сахарова в организационный комитет симпозиума по проблеме смертной казни, состоявшегося в 1977 году[4].

Смертную казнь один из самых известных гуманистов XX века называет «пережитком варварских обычаев мести» и не оставляет никакого интеллектуального пространства для ее моральных и практических оправданий.

Сахарову удается убедительно показать, что смертная казнь является жестоким и безнравственным институтом, подрывающим устои общества. Он пишет, что невозможно говорить о наказании по отношению к человеку, который перестает существовать. На наш взгляд, это один из самых сильных и тонких философских аргументов против смертной казни.

На протяжении последних десятилетий наиболее последовательным и принципиальным борцом со смертной казнью является международная неправительственная организация Amnesty International. Во всех без исключения случаях организация выступает против смертной казни, независимо от сути совершенного преступления, личности преступника и методов, к которым прибегает государство, чтобы лишить жизни заключенного.

Исходным пунктом просветительской деятельности Amnesty International стало определение смертной казни как предумышленного хладнокровного убийства человека, совершаемого государством во имя справедливости, и признание такой практики грубейшим нарушением прав человека[5].

[3] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. М., 1999.

[4] *Сахаров А.Д.* Письмо в организационный комитет симпозиума по проблеме смертной казни. Хроника-пресс. – Нью-Йорк, 1977.

[5] Amnesty International. The Death Penalty, Questions and Answers. ACT 50/010/2007.

Необходимо начать с того, что смертная казнь нарушает право человека на жизнь, закрепленное во Всемирной декларации прав человека, принятой в 1948 году на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций. Сторонники смертной казни считают, что человек, совершивший тяжелое преступление, должен лишаться такого права, или даже больше – права называться человеком. «Это зверь, а не человек, раз он совершил такое!» – классическое заклинание для оправдания такого же звериного акта в ответ. Мы твердо стоим на позиции, что если позволить кому-либо, даже опираясь на закон, определять, кто является человеком, а кто нет, такие документы, как Всеобщая Декларация, превращаются в простую бумагу.

В основе прав человека лежит принцип неотчуждаемости. Равные права присущи каждому, независимо от пола, возраста, национальности, вероисповедания, социального положения. Этих прав невозможно лишить за совершение преступления. Права человека в равной мере защищают всех людей.

Концепция универсальных прав основывается, прежде всего, на принципе человеческого достоинства. Смертная казнь унижает достоинство человека. Ожидание смерти уничтожает в человеке все человеческое. Наиболее ярко процессы «умирания личности», глубочайшие психологические изменения перед смертной казнью описаны в новелле Жан-Поля Сартра «Стена».

Таким образом, применение смертной казни нарушает еще и статью 5 Всеобщей декларации прав человека, которая гласит, что «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию».

Представленные аргументы являются, на наш взгляд, необходимыми и достаточными для полной отмены смертной казни, однако феномен представляется крайне сложным и многомерным, чтобы ограничиться формальными правовыми нормами.

Мы считаем необходимым доказать, что смертная казнь является нарушением политических прав и гражданских свобод и оказывает большое влияние на политический процесс.

Смертная казнь есть концентрированное воплощение веберовского государства – монополии на легитимное насилие. Применение высшей меры наказания предусматривает создание института смертной казни и, прежде всего, аппарата насилия, который рискует стать государством в государстве, живущим по своим законам. В государстве с неограниченными полномочиями аппарата принуждения институт смертной казни может оказывать очень значительное влияние на характер политических отношений.

Согласно классическому определению Карла Шмитта, политика – это всегда разделение на друга и врага[6]. Уничтожение врага ведет к увеличению политического капитала. Простая логическая цепочка. Однако она вполне объясняет страсть авторитарных режимов к применению физического насилия против собственных граждан. Вырастающая из коллективного бессознательного агрессия, воплощаясь в убийстве «преступника», позволяет повысить легитимность власти. Определение «чужих» среди «своих» сплачивает общество, поэтому поиск врага и его уничтожение – обязательный элемент политики авторитарного режима.

Для того чтобы оправдать свои действия, политические элиты стремятся представить идею отмены смертной казни как навязывание западных ценностей, чуждых культурным традициям и социальным нормам своих стран. При этом культура здесь не играет принципиальной роли. Смертная казнь выполняет вполне определенные политические функции.

В современном Китае смертная казнь выступает одним из средств поддержания равновесия политического режима. Высшая мера наказания за коррупцию позволяет контролировать бюрократию и экономические группы интересов – наиболее мощные с организационной и ресурсной точки зрения силы, способные бросить вызов господству Коммунистической партии.

В Иране смертная казнь усиливает жесткие нормы поведения, основанные на исламе.

В соседнем Ираке смертная казнь была применена к политическим лидерам – Саддаму Хусейну и его ближайшему окружению, что стало, прежде всего, элементом политической борьбы, а не результатом судебного процесса.

Для подавления оппозиции смертная казнь также применяется в таких жестких авторитарных государствах, как Мьянма, Куба и КНДР.

Как отмечает Роджер Худ, «во всех этих странах смертная казнь имеет гораздо большее символическое, чем практическое значение»[7].

Смертная казнь позволяет государству сконцентрировать колоссальный символический ресурс, оказывая психологическое давление на членов общества, которому оно в идеале призвано служить.

Смертная казнь использовалась и будет использоваться в будущем как инструмент политических репрессий, позволяющий уничтожить оппонентов власти и создать психологические барьеры для политического участия. В большинстве случаев жертв приговаривают к высшей мере наказания в ходе несправедливых судебных разбирательств.

---

[6] *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. — 1992. — № 1.

[7] *Hood R.* The Death Penalty: A World-wide Perspective, Oxford, Clarendon Press, third edition, 2002.

Привлекательным механизмом для репрессий смертную казнь делает ее бесповоротность.

До тех пор, пока смертная казнь остается законной формой наказания, возможность для использования ее в политических целях остается открытой. А даже такая возможность нарушает права гражданина.

Важно показать, что, несмотря на действие от имени государства, право на страшное необратимое решение по лишению человека жизни присваивают такие же люди. Смертные приговоры выносятся и приводятся в исполнение избирательно. Исследования «Международной амнистии» показали, что смертная казнь – дискриминирующая мера. Среди казненных всегда особенно много представителей беднейших слоев населения, этнических и религиозных меньшинств[8].

«Реалии смертной казни таковы, что часто не характер преступления, а национальная или социальная принадлежность или политические взгляды обвиняемого играют решающую роль при решении вопроса, обречь его на смерть или даровать жизнь». Эти слова принадлежат члену Верховного суда США Т. Маршаллу. Таким образом, политическое измерение смертной казни неизбежно включает в себя проблему социальной дифференциации населения. Даже сам вопрос об использовании или отмене высшей меры наказания до предела поляризует общество, что говорить о конкретных делах.

Монополия на убийство однозначно расставляет акценты в отношении человека и государства. Смертная казнь способствует становлению враждебного по отношению к человеку государства. А жестокость государства не способна привести ни к чему, кроме ответной жестокости человека. Получается замкнутый круг насилия.

Власти государств, в которых сохраняется подобная мера наказания, пропагандируют идею, что смертная казнь нескольких или даже сотен заключенных позволит решить острые политические проблемы и будет способствовать сокращению преступности.

Однако это спекулятивные утверждения. Научные исследования, проведенные по заказу ООН, показали, что между уровнем преступности и применением смертной казни в качестве высшей меры отсутствует статистически значимая связь[9]. Смертная казнь не оказывается более сильным сдерживающим механизмом, чем пожизненное заключение.

[8] Amnesty International. The Death Penalty V. Human Rights: Why Abolish the Death Penalty? ACT 51/002/2007.

[9] *Hood R.* The Death Penalty: A World-wide Perspective, Oxford, Clarendon Press, third edition, 2002.

К сожалению, часто научные факты не влияют на принятие политических решений. В нашем случае это объясняется еще и тем, что смертная казнь как нельзя лучше подходит для реализации страшной формулы «есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы». Смертная казнь является примитивным ответом на сложные социальные вызовы, ведь преступление не совершается в вакууме – общество очень часто имеет тех преступников, которых заслуживает. Кроме того, такое наказание не оставляет возможности исправления в случае судебной ошибки.

Ни в одной стране мира не удалось и никогда не удастся создать судебную систему, работающую без ошибок, так как неизбежно проявляется субъективный фактор. Соответственно, при вынесении смертного приговора вероятность лишить жизни невиновного человека совсем не иллюзорна, что доказывает многолетняя практика. До тех пор пока сохраняется смертная казнь, существует риск убийства невиновных руками государства.

Серьезную проблему в контексте прав человека представляет применение смертной казни в отношении несовершеннолетних преступников. Международные соглашения в области прав человека запрещают вынесение смертных приговоров лицам, которым в момент совершения преступления не исполнилось 18 лет. Соответствующие положения содержат Международный пакт о гражданских и политических правах, Американская конвенция о правах человека и Конвенция о правах ребенка. Однако у Amnesty International имеются данные, что некоторые страны продолжают выносить смертные приговоры детям[10].

В современном мире особую актуальность тема смертной казни приобрела в связи с проблемой терроризма.

Смертную казнь необходимо признать крайне неэффективной в борьбе с терроризмом и другими политическими преступлениями. В этом случае она является лишь катализатором ответной жестокости и массового психоза. Действия фанатиков, руководствующихся тоталитарной идеологией, невозможно остановить наказанием, предполагающим лишение жизни. Перспектива быть казненным террориста не только не остановит, но может даже стимулировать. Казнь сделает из него мученика за идею, что послужит сплочению и ожесточению его единомышленников. Еще Сахаров в упоминавшемся выше письме отмечал, что «тюремное заключение, быть может, с принятием закона, запрещающего в установленных судом случаях досрочное освобождение, является более разумным

[10] Amnesty International. The Death Penalty V. Human Rights: Why Abolish the Death Penalty? ACT 51/002/2007.

для физической и психологической изоляции террористов, для предупреждения дальнейших актов террора».

Характерно, что и в России идея возвращения в силу смертной казни стала широко обсуждаться после теракта в Беслане. Хорошо, что руководство страны по этому вопросу занимает предельно жесткую критическую позицию. Владимир Путин на встрече с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» 14 сентября 2007 года заявил, что «смертная казнь бессмысленна и контрпродуктивна. Бессмысленность смертной казни доказана тысячелетней историей человечества и современной цивилизации».

Сегодня в России действует мораторий на смертную казнь. Второго февраля 1999 года Конституционный суд РФ вынес Постановление, в котором признал неконституционной возможность вынесения смертных приговоров в отсутствие судов присяжных во всех регионах страны. Данный запрет имеет временный и исключительно технический характер, и вопрос о смертной казни нельзя назвать полностью решенным.

Между тем, вопрос о смертной казни как нарушении прав человека становится особенно резким, если провести мыслительный эксперимент и соотнести преступления, которые совершает индивидуум, и преступления, которые совершает государство.

Сегодня необходимо понимание того, что общество должно защитить себя не от отдельного человека, который может пойти на преступление, а от государства, для которого наличие смертной казни открывает пространство для сведения счетов с оппозицией и манипулирования страхом.

Полная отмена смертной казни во всех странах стала бы публичным провозглашением принципа, что ценность человеческой жизни выше ценности государства.

В заключение, чтобы нанести последний удар по смертной казни, приведем слова Альбера Камю: «Ни в сердцах людей, ни в нравах общества не будет прочного мира до тех пор, пока смерть не будет поставлена вне закона».

Анжелика Кравцова[1]

Третья премия

Эффективность Европейского суда по правам человека для Российской Федерации

Европейский суд по правам человека, European Court of Human Rights, Cour europйenne des Droits de l'Homme (ЕСПЧ) является международным инструментом, осуществляющим контроль над соблюдением обязательств, принятых на себя государствами – участниками Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ). Изучая эффективность работы ЕСПЧ, нельзя не упомянуть о целях самой Конвенции. Этот международный акт (ЕКПЧ) является наиважнейшим регулятором и гарантом прав и свобод человека. Принимая во внимание Всеобщую Декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, Конвенция ставит перед собой цель «обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление закрепленных в конвенции прав». Одним из способов реализации поставленных и перед самим Советом Европы, и перед данной Конвенцией целей является организация Европейского суда по правам человека. Так, в соответствии с 46-й статьей второго раздела ЕКПЧ для сторон (участников Конвенции), в отношении которых было вынесено постановление Суда, обязательны его сила и исполнение соответствующих решений[2].

Россия приняла на себя обязательства, вытекающие из Европейской конвенции в 1998 году. В Федеральном законе от 30 марта 1998 «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» содержится положение, что «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает ipso facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет, 2-й курс

[2] Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS #5) заключена в Риме 4 ноября 1950.

Федерации». Данная норма соответствует ранее закрепленному в Конституции Российской Федерации положению (часть 3 статьи 46) о том, что «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Но именно после окончательного принятия Конвенции право на такое обращение стало носить и практический характер: каждому гарантируется обязательность исполнения решений, вынесенных в отношении них межгосударственным органом, государственными органами РФ. Как повлияло данное признание на соблюдение прав и свобод человека в России?

Цель данной работы: на основе произведенного комплексного анализа выявить уровень эффективности деятельности ЕСПЧ для Российской Федерации.

В ходе изучения статистики, опубликованной Европейским судом, обнаружилось, что по количеству поданных жалоб в период с 1998 года и до конца 2007 года (последние данные, так как результаты деятельности в 2008 г. еще не обработаны) Россия занимает первое место, притом с большим отрывом. Только зарегистрированных жалоб больше 46 тысяч (для сравнения, гражданами Германии было подано около 10 тысяч жалоб)[3].

Естественно, значение имеет и численность населения Российской Федерации, на ее территории проживает около 150 млн человек. Но даже при вычислении индекса, полученного при отношении количества жалоб на число жителей определенной страны, Россия остается в первых рядах.

На мой взгляд, такой наплыв обращений в ЕСПЧ со стороны российских граждан, в первую очередь, говорит об эффективности работы Европейского суда. Если россияне с каждым годом все больше и больше проявляют интерес к данному межгосударственному органу, то они видят в этом должное решение проблемы. Будь ЕСПЧ бессмысленным, вряд ли бы граждане боролись такой немалый срок за справедливое решение.

С другой стороны, это говорит об увеличении уровня правосознания российских граждан. По-видимому, с каждым годом растет число людей, которые знают, что такое права человека и как можно их защитить.

Вместе с тем, нельзя не учитывать и некоторые проблемы в соблюдении прав и свобод человека российским государством. Например, обращение в ЕСПЧ по поводу нарушенного права на справедливый суд (по статистике, самое большое количество жалоб) не возникнет на пустом месте. Жалобы по схожим вопросам

[3] European Court of Human Rights. Survey of activities 2007. Registry of European Court of Human Rights: Strasbourg, 2007.

(жалобы-клоны) наталкивают на мысль, что необходимы изменения на государственном уровне. Таким образом, Европейский суд помогает определить, в частности, какие существуют пробелы в законодательстве Российской Федерации, что нуждается в доработке или реформе.

Чтобы разрешить вопрос об эффективности ЕСПЧ, необходимо рассмотреть значение деятельности Суда в разных аспектах.

Во-первых, какую роль играют решения ЕСПЧ в отношении российских граждан, обратившихся за помощью в этот международный орган? По какому количеству поданных жалоб выносятся постановления? В чем состоит основная проблема, которая ограничивает возможность решения большего числа дел?

Во-вторых, как решения ЕСПЧ влияют на законодательство РФ? Какое место они занимают в судебной системе России? И с какими проблемами в целом сталкивается государство при правоприменении постановлений Суда?

В 2007 году количество постановлений, вынесенных Судом по жалобам против России, составило 192 (13% от общего числа постановлений), в большинстве из них было отмечено нарушение хотя бы одного положения Конвенции. Так, с помощью Европейского суда по правам человека этому числу граждан удалось добиться восстановления нарушенных российским государством прав. Был установлен ряд так называемых конкретных мер, и Россия, в соответствии с вышеупомянутыми нормами, обязана, насколько это возможно, вернуть заявителя в то положение, в котором он или она находились бы, не будь против них совершено нарушений.

Но в том же 2007 году было зарегистрировано около 10 тысяч жалоб от граждан РФ, таким образом, очень небольшое число из них дождались решения. Страны Совета Европы осознают проблему длительности работы ЕСПЧ и огромного потока жалоб, с которым, при всем желании Суда, трудно справиться, ничего не меняя. В 2000 году конференция министров стран СЕ признала необходимость срочных мер для усовершенствования работы суда.

Внести необходимые изменения предполагалось, по обычаю, протоколом к Конвенции, а именно Протоколом №14. В 2004 году текст был утвержден и открыт для ратификации. В 2006 году Россия подписала протокол, и, по сообщениям Государственной Думы и Правительства, в скором времени собиралась ратифицировать его. В том же году все государства – участники Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ратифицировали новый Протокол, кроме Российской Федерации. Большая часть депутатов Госдумы РФ проголосовали против реформы Суда. Таким образом, Россия остановила уже почти завершившуюся реформу, и ЕСПЧ продолжает свою работу в преж-

нем порядке. Как следствие, доступ граждан к страсбургскому правосудию стал еще более затрудненным, так как с каждым годом в ЕСПЧ поступает все больше жалоб, особенно от России. Например, по предварительным данным, на 2008 год их около 27 тысяч. С этим уменьшается шанс, что дело конкретного гражданина, наконец, рассмотрят.

Кроме установления конкретных мер, возможно еще и применение мер общего характера, они также обязательны к исполнению государством-участником, которое нарушило Конвенцию и в отношении которого было издано соответствующее постановление ЕСПЧ.

Общие меры служат для устранения не последствий нарушения, а именно причин нарушения (например, на законодательном уровне). Исполнение обеспечивается Комитетом министров, а не самим Судом, но именно такое давление со стороны других государств-участников считается наиболее эффективным. Такие меры, по сути, ведут к некой основополагающей цели и Конвенции и Суда, а именно к тому, что и на государственном уровне граждане будут получать помощь при нарушении их прав.

Так, перемены произошли в российской уголовно-исполнительной системе, в настоящее время идет работа по реформированию некоторых аспектов судопроизводства, исполнения решений судов.

Отвечая на вопрос, как решения ЕСПЧ влияют на законодательство РФ, можно отметить последние изменения Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В статью 5 данного Закона были внесены поправки, которые запретили правоохранительным органам в ходе оперативно-розыскной деятельности подстрекать граждан к совершению противоправных действий, а также фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности[4]. Такие новшества в законодательстве основаны на решениях Европейского суда по делам «Худобин против России», «Ваньян против России» и должны обеспечить освобождение ЕСПЧ от подобных дел в последующем.

Кроме того, сейчас решается проблема инстанции надзора. По Европейской конвенции отмена любого окончательного решения суда путем возбуждения надзорного производства и отмена в надзоре окончательного решения суда автоматически влечет за собой нарушение статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола 1 к Конвенции, то есть права на справедливое судебное разбирательство и

[4] Федеральный закон № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями от 18 июля 1997 г., 21 июля 1998 г., 5 января, 30 декабря 1999 г., 20 марта 2001 г., 10 января, 30 июня 2003 г., 29 июня, 22 августа 2004 г., 2 декабря 2005 г., 24 июля 2007 г.).

права на частную собственность. По статистическим данным Европейского суда, жалобы, касающиеся этих двух положений составляют в совокупности львиную долю всех жалоб от граждан России. И в практике ЕСПЧ до сих пор не было ни одного случая, когда надзор был бы оправдан[5]. В 2007 году Верховным судом в Государственную Думу был внесен законопроект, который предполагает изменения в Гражданско-процессуальном кодексе для упорядочения и ограничения возможности пересмотра в надзорном порядке вступивших в законную силу судебных решений. При этом Верховный суд ссылался именно на необходимость исполнения решений ЕСПЧ[6].

Несмотря на значительные преобразования на государственном законодательном уровне в России, существует ряд проблем, которые ограничивают эффективность деятельности ЕСПЧ. Главным образом, недостатки имеют место в процессе исполнения решений Суда в части мер общего характера.

На мой взгляд, основная проблема заключается в том, что никак не определен порядок взаимодействия между органами власти, и достаточно трудно установить, кто именно будет нести ответственность за неисполнение решений. Отсюда новая проблема: отсутствие должного конт-роля над исполнением. Также, те общие меры, которые принимаются в отношении государства-нарушителя, не носят комплексный характер, а зачастую нацелены на один узкий аспект. Поэтому процесс следования решениям ЕСПЧ и целям Конвенции затягивается. Например, впервые Суд столкнулся с делами против России по надзору в 2003 году, а только сейчас начали предприниматься более-менее масштабные действия во избежание подобных нарушений, но они снова носят узкий характер: вносится законопроект об устранении инстанции надзора в гражданском судопроизводстве, а изменения Уголовно-процессуального кодекса откладываются.

Одним из важнейших элементов исполнения обязательств Конвенции, а следовательно, и обязательств, вытекающих из постановлений Европейского суда, на мой взгляд, является приведение всей судебной практики Российской Федерации в соответствие с решениями ЕСПЧ.

Возникает вопрос, правомерно ли судам РФ ссылаться на постановления ЕСПЧ, если, с формально-юридической точки зрения, решение суда – это пре-

[5] Европейский суд по правам человека: процедуры и практика. Серия «Права человека». СПб. Составитель – Санкт-Петербургская правозащитная организация «Гражданский контроль», 2008. С. 16.

[6] Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 4 от 6 февраля 2007 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации"».

цедент, а прецедент не является в российской правовой системе источником права?

В отечественной литературе данный аспект работы ЕСПЧ и его эффективности на территории Российской Федерации является наиболее дискуссионным. С одной стороны, так как в российском законодательстве прямо не закреплено, что решения Европейского суда по правам человека и позиции, содержащиеся в них, относятся к источникам права, то они ими не являются[7]. Другие авторы исходят не из общетеоретического определения понятия «источника права», а из положения упомянутого ранее Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Согласно такому подходу, Россия обязательно должна признавать обязательность постановлений ЕСПЧ, вынесенных в отношении РФ, приоритет правосудия межгосударственного над национальным, возможность «ссылаться в судах на Конвенцию в том смысле, в каком она толкуется Страсбургским судом», и, как итог, внедрение в правовую систему РФ не только Конвенции, но и позиций Европейского суда[8].

Изучив соответствующие материалы, я склоняюсь к мнению, что в российскую правовую систему входят те решения, которые вынесены в отношении России. Нельзя не признавать силу подобных судебных прецедентов, во-первых, хотя бы для должного соблюдения Конвенции прав человека и основных свобод, во-вторых, потому что работа органа базируется все-таки на судебной практике. В то же время трудно признать за источник права весь прецедентный комплекс ЕСПЧ, так как на данный момент в российском государстве не регламентирован порядок подобного правоприменения.

Изложенную позицию подтверждают ссылки судов различной юрисдикции и различных уровней на практику ЕСПЧ.

Главным образом, решения ЕСПЧ используют в своих постановлениях суды федерального уровня. Конституционный, Высший Арбитражный и Верховный суды начали прибегать к этому «источнику права» уже сразу после ратификации Европейской конвенции. Что касается судов низших инстанций, то они стали постепенно ссылаться на постановления ЕСПЧ после соответствующих указаний Высшего Арбитражного и Верховного суда. Одним из таких документов является, например, Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации №5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», но даже оно не дает ясной инструкции к применению правовых позиций и решений Европейского суда.

[7] *Канашевский В.А.* Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации//Журнал российского права. 2003. №4. С. 125.

[8] *Марченко М.Н.* Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2. С. 13.

Существует ряд проблем, которые затрудняют доступ к инкорпорированию страсбургских решений.

В России отсутствует официальный перевод и официальное опубликование решений ЕСПЧ, на сегодняшний день дела переводятся и публикуются негосударственными организациями. Эти публикации пусть и способствуют информированию юридического сообщества и должностных лиц о практике ЕСПЧ, но они не могут использоваться судебными и административными органами при вынесении решений по конкретным делам. Отсутствие порядка официальной публикации решений ЕСПЧ препятствует приведению судебной практики в соответствие с требованиями ЕСПЧ.

Еще одной проблемой, отчасти связанной с предыдущей, является редкое обращение к практике Европейского суда судами нефедерального уровня. Это может быть обусловлено особой ролью высших судов, осуществляющих контроль над практикой нижестоящих судебных органов, либо менее высоким уровнем профессионализма судей низших судов и ограниченным доступом к информации и экспертным ресурсам.

С каждым годом увеличивается частота ссылок на решения ЕСПЧ. Это означает, что в ближайшем будущем данная проблема решится. Но для этого необходимо и введение официального перевода и опубликования, и признание решения Европейского суда (либо правовой позиции) источником российского права и частью российской правовой системы.

Подводя итог, можно сказать, что Российская Федерация двигается в направлении обеспечения большей эффективности работы ЕСПЧ и в отношении граждан, и в отношении государства в целом. Отсылки российских судов к правовым позициям и решениям Европейского суда по правам человека дают возможность полагать, что признание авторитета Суда в дальнейшем будет способствовать защите прав и свобод человека в России. Вместе с тем необходимо решить проблемы, возникающие при обращении в Страсбургский суд, исполнении и правоприменении решений Европейского суда, что приведет к большей эффективности деятельности ЕСПЧ для российского государства, к соблюдению провозглашенных Европейской конвенцией принципов и, самое главное, к обеспечению прав и свобод человека в Российской Федерации.

Кристина Ботнарюк[1]
специальный приз памяти Н. Гиренко

Положение рома в сфере образования в России

Все животные равны,
Но некоторые животные
Равны более, чем другие.
Джордж Оруэлл. Скотный двор

Введение

Актуальность темы исследования

Во всем мире стоит проблема дискриминации этнических, национальных меньшинств, в частности рома (рома – самоназвание цыган). Этнические, национальные меньшинства являются представителями других этносов, которые не имеют своих национально-государственных или национально-территориальных образований[2].

Рома подвергаются дискриминации в разных сферах жизнедеятельности: трудоустройстве, здравоохранении, образовании и т.д. В данной работе выделяется дискриминация в сфере образования. Образование – один из важных инструментов социализации. Оно необходимо для того, чтобы развиваться, развивать свои навыки, способности в интересующей сфере, чтобы в дальнейшем применять на работе и в жизни. Можно предположить, что чем больше статус человека, чем выше его уровень образования, тем лучшее предложение в сфере трудоустройства он может найти. Однако, если отсутствует доступ к образованию, нет доступа к хорошо оплачиваемой работе. В Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, дискриминация в сфере образования трактуется как ущемление прав участников образовательных отношений.

Статья 1 этой Конвенции следующим образом трактует слово «дискриминация»: «различие, исключение, ограничение или предпочтение по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического положения или рождения, которое имеет целью или следствием уничтожение или нарушение равенства отношений в области образования, и, в частности: a) закрытие для какого-либо лица или группы лиц доступа к образованию любой ступени или типа; b) ограничение образования для какого-либо лица или группы лиц низшим уровнем образования; c) создание или сохранение раздельных систем образования или учебных заведений для каких-либо лиц или группы лиц; d) положение, несовместимое с достоинством человека, в которое ставится какое-либо лицо или группа лиц.

Основной формой дискриминации рома в сфере образования является сегрегация. Сегрегация – разновидность расовой дискриминации, которая заключается в ограничении в правах на основании национальной принадлежности или цвета кожи[3].

Сегрегация больше всего практиковалась в США, где белые дети учились отдельно от черных, и в Южной Африке, где сепаратизм поддерживал систему апартеида[4]. Сейчас она признана незаконной, но практикуется, тем самым нарушаются Европейская конвенция прав человека, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция по правам ребенка и положения Конституции РФ.

Степень разработанности проблемы

Политический словарь определяет дискриминацию как «любое различие, исключение или предпочтение, которое отрицает, или умаляет, равное осуществление прав. Дискриминацией называется лишение отдельных лиц, групп или целых сообществ равных социальных, политических или экономических прав; преследование по причине этнического происхождения, национальности, мировоззрения или других социальных факторов. Она означает действие, совершаемое против других людей, на основании их принадлежности к определенной группе, в частности, отказ предоставить членам другой группы возможности, которые могли бы быть предоставлены членам, которые принадлежат своей группе»[5].

[1] Санкт-Петербургский государственный университет – Смольный институт свободных искусств и наук

[2] Дубровин Ю.Д., заместитель руководителя аппарата Комитета Госдумы по делам национальностей, к.ю.н. Проблема правового регулирования и защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации.www.lawcenter.ru/publisher/c2.htm – 12k -

[3] Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=efremova

[4] Sarah Muscroft. Children's rights: Equal Rights? Diversity, Difference and the issue of discrimination. Published by The International Save the Children Alliance. First published November 2000

[5] Дискриминация (Discrimination). Политический словарь.www.hro.org/editions/glossary/5/discrim.htm – 8k -

Александр Осипов говорит о прямой и косвенной дискриминации в своей работе «Современный антирасизм – решение проблемы или часть проблемы?»[6].

Прямая дискриминация: необоснованное неравное обращение к людям или группам, которое приводит к последствиям, являющимся неблагоприятными для кого-то из сторон. Косвенная дискриминация: возникает, когда существует некое нейтральное условие, которое ставит группу лиц или человека в доминирующее положение по отношению к другой группе.

Он приводит пример доказывания дискриминации цыган в деле «Начова и другие против Болгарии» в 2004 году. Дело разбиралось в Европейском суде по правам человека, в практике которого дискриминация определяется, как «проведение различия при отсутствии разумного и объективного обоснования, и основное бремя доказывания дискриминации возлагается на заявителя».

Дело было об убийстве двух дезертиров – цыган по происхождению офицером военной полиции. При рассмотрении дела появились все основания признания того, что убийство могло исходить из этнической и расовой неприязни офицера военной полиции. И хотя правительством Болгарии не было представлено доказательств того, что преступление не было совершено на основе расовой и этнической неприязни, и несмотря на то, что со стороны следствия не было исследовано таких аспектов, как расовые мотивы совершения убийства, Большая палата ЕСПЧ выдвинула обвинение лишь за нарушение процессуальных аспектов ст.14 Конвенции о правах человека и основных свободах, которая касается запрета дискриминации. Это говорит о том, что ЕСПЧ, когда дело касается этнических меньшинств, склоняется к общей тенденции – презумпции дискриминационного обращения.

Из приведенного материала можно сделать вывод, что дискриминация осуществляется и со стороны государства и со стороны государственных органов.

В Восточной Европе положение рома также неудовлетворительно. Они подвергаются дискриминации.

Золтан Барани в своей работе «Этническая мобилизация без всяких условий: цыгане Восточной Европы»[7] говорит о том, что после перехода от социалистического к демократическому режиму у рома появилась возможность облегчить их политическую маргинальность. После декады мобилизации цыгане остались

[6] *Осипов А.* Современный антирасизм – решение проблемы или часть проблемы? Социальные права и социальная политика. Санкт-Петербург. Смольный институт (в печати).

[7] *Barany Zoltan*. «Ethnic Mobilisation without prerequisites: the East European Gypsies». World Politics, vol. 54, no 3 (apr., 2002). P. 277–307. The Johns Hopkins University Press. http://www.jstor.org/stable/25054189. Accessed: 15.04.2009.

недостаточно представленными в государствах Восточной Европы. Одна из фундаментальных целей этнополитической мобилизации – давление на государство, чтобы сформулировать и осуществить политику, благоприятную для этнической группы.

Золтан Барани делает акцент на то, что правительства меняют свою политику относительно меньшинств вообще и в частности рома, мотивируясь внешними факторами, такими как желание присоединиться к ЕС. Другой причиной является важность проектирования положительного международного образа страны.

Майкл Уолтцер в своей работе «О терпимости» рассуждает о толерантности относительно различных культур и религий. Он говорит о недопустимости существования дискриминации, убежден в том, что толерантный режим должен быть распространен на всех детей, независимо от их групповой принадлежности.

Уил Кимлика, профессор кафедры философии Университета Оттавы и научно-исследовательский директор Канадского центра по философии и общественной политике, в своей книге «Мультикультурное Гражданство: Либеральная теория прав меньшинств» (1995), говорит о неспособности правительства быть культурно нейтральным, даже если оно того желает. Культура большинства принимает государственный язык и образование, в то время как культуры меньшинства помещены в неравное и несправедливое положение.

Я не беру идеи и теории вышеперечисленных авторов как основополагающие, однако я во многом с ними согласна, в частности я рассматриваю желание Румынии и Венгрии вступить в Евросоюз, как один из внешних факторов эффективности политических курсов, направленных на защиту прав меньшинств (я раскрою это подробнее далее).

В России экспертами рома являются преимущественно этнографы и историки, в частности Н. Бессонов, Н. Деметер, В. Кутенков. Политологических исследований о правах рома и их положении в России нет. Правозащитные отчеты о положении рома в России пишутся лишь негосударственными организациями. Именно поэтому я решила провести исследование о положении рома в сфере образования в России.

Цель и задача исследования. Объект и предмет исследования

Я рассматриваю опыт России в сфере борьбы с дискриминацией в области образования рома. Главный исследовательский вопрос, на который я буду отвечать: каковы факторы эффективности защиты прав рома в России (под эффективностью я понимаю включенность национальных меньшинств в общество)?

Методы, которые я буду использовать в своей работе: сравнительное изучение законодательства и проектов НКО России. Предметом моего исследования является социальная политика в отношении рома. Объектом – интеграционные проекты по реинтеграции и социализации рома. Цель моей работы – выявление факторов эффективности защиты прав рома в России.

Задачи, поставленные мною: выявить факторы и меры, которые предпринимаются законодателями и НКО для защиты прав рома, описать интеграционную политику, определить эффективность, причины эффективности/неэффективности.

Для проведения своего исследования я буду использовать следующие источники: нормативно-правовые акты, мониторинги, проекты НКО. Это даст мне понимание того, что предпринимается в сфере защиты прав рома на государственном уровне, международном, НКО, и насколько это эффективно.

Положение рома в России

1.1. Общая характеристика ситуации

Считается, что цыгане в России появились в XVIII веке, об этом свидетельствуют некоторые документы, например, именные резолюции и указы Анны Иоанновны (1733 г.). Эти документы говорят о том, что цыгане, как и остальные жители России, облагались налогом на содержание полков[8].

К цыганам России относятся следующие этнические группы: кэлдэрары, русска рома, ловари, крымы, сэрвы, влахи и др. Все цыгане занимались гаданием, попрошайничеством, занятия мужчин зависели от их принадлежности к тому или иному племени. Преимущественно в России живут цыгане кэлдэрары. Это одна из самых многочисленных групп, как в России, так и во всем мире. Эта этническая группа была сформирована в Румынии, в середине XIX века. По-румынски caldarar значит котельщик, лудильщик. Именно поэтому цыгане этой этнической группы так себя называют. Женщины занимаются гаданием. Помимо России, кэлдэрары живут в Румынии, Болгарии, Хорватии, Словакии, Чехии, Сербии, Германии, Польше, Дании, Швеции, Италии, Испании, Франции, Канаде, США, Бразилии, Мексике, Перу, Аргентине, Колумбии, Великобритании[9].

[8] *Бессонов Н.* Цыгане в России: Принудительное оседание. www.zigane.pp.ru/history32.htm. (статья о репрессивной политике советского государства по отношению к цыганам. Стр. 631–640.) Последнее посещение 13.04.08.

[9] *Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган. Новый взгляд. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая / Под ред. проф. Г.С. Деметера. Книга издана при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) и Проекта по Этническим Отношениям, Принстон, штат Нью-Джерси, США. Воронеж, 2000.

В 1956 году, 26 октября было опубликовано Постановление Совета Министров РСФСР № 658 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством», после чего цыганам нужно было принять оседлый образ жизни, иначе им грозили репрессии. С этого момента уклад жизни цыган существенно изменился, возникли цыганские поселки, таборы. Рома живут преимущественно за чертой городов, в пригородах, деревнях. По данным Переписи населения 2002 года, численность цыган, проживающих на территории России, составляет 183000[10](182000[11]). Однако, вероятно, не все рома, проживающие на территории России, попали под перепись населения. Отсутствие точной цифры говорит об исключенности рома.

Цыгане являются меньшинством, которое подвергается дискриминации на протяжении долгого времени. Это и социальная дискриминация, и юридическая, и расовая.

Рома сталкиваются с рядом проблем: дискриминацией в сфере трудоустройства, здравоохранения, образования. Цыгане являются в первую очередь визуальным меньшинством. Женщин легко можно распознать по их одежде, национальным украшениям. Люди на улицах, при встрече с ними, стараются их обойти, с опаской проходят мимо. Цыгане также становятся жертвами милиции, которая, выгоняя их с места жительства, применяет слишком много силы[12]. Достаточно вспомнить операцию «Табор», когда сотрудники милиции, чтобы цыгане выселялись из своих домов, пугали их выстрелами из оружия, избивали женщин, а потом сожгли дома. Так можно говорить о насилии с их стороны, о коррупции. Также рома становятся жертвами скинхедов. Анализируя СМИ, можно выявить следующий факт: происходит переход от языка вражды к отсутствию информации о цыганах. Итак, дискриминация осуществляется со стороны общества, государства, государственных органов, СМИ.

1.2. Анализ законодательства

«Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам» гласит статья 26 Всеобщей декларации прав человека. Являясь одним из главных инструментов социализации, образование обеспечивает людям возможность развиваться, добиваться каких-то целей, дает возможность найти хорошую работу.

[10] *Бейо Марион*. «В России нарушаются права цыган». The Washington Times www.interethnic.org/News/091004_6.html – 26k -сайт центра международного сотрудничества.

[11] Правозащитный отчет АДЦ «Мемориал» о положении цыган в России. Февраль 2002г. http://www.memorial.spb.ru/catalog/?p=197

[12] Там же.

Однако право на образование рома ущемляется. Рома сталкиваются с дискриминацией в сфере образования, а именно с сегрегацией, недостойными условиями для получения образования в школах и с ограничением доступа к образованию.

Россия несет ряд юридических обязательств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международному пакту о гражданских и политических правах, Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенции МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий, Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств и другим договорам в области противодействия расовой дискриминации и защиты национальных меньшинств. Безусловно, должны выполняться все пункты договоров, ратифицированных Россией.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах содержит следующее положение (ст.13): государства признают право каждого человека на образование, образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и создание ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам, образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами и содействовать работе Организации Объединенных Наций по поддержанию мира. Участвующие в настоящем Пакте государства признают, что для полного осуществления этого права:

a) начальное образование должно быть обязательным и бесплатным для всех;

b) среднее образование в его различных формах, включая профессионально-техническое среднее образование, должно быть открыто и сделано доступным для всех путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования;

c) высшее образование должно быть сделано одинаково доступным для всех на основе способностей каждого путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования;

d) элементарное образование должно поощряться или интенсифицироваться, по возможности, для тех, кто не проходил или не закончил полного курса своего начального образования;

e) должно активно проводиться развитие сети школ всех ступеней, должна быть установлена удовлетворительная система стипендий и должны постоянно улучшаться материальные условия преподавательского персонала.

Россией предпринимаются меры для ликвидации дискриминации в сфере образования. В частности, Россия, ратифицировавшая Конвенцию о борьбе с дискриминацией, как и остальные государства, которые являются сторонами Конвенции, согласно статье 3, обязуется: a) отменить все законодательные постановления и административные распоряжения и прекратить административную практику дискриминационного характера в области образования; b) принять, если нужно, в законодательном порядке меры, необходимые для того, чтобы устранить всякую дискриминацию при приеме учащихся в учебные заведения; c) не допускать в том, что касается платы за обучение, предоставления стипендий и любой другой помощи учащимся, а также разрешений и льгот, которые могут быть необходимы для продолжения образования за границей, никаких различий в отношении к учащимся – гражданам данной страны со стороны государственных органов, кроме различий, основанных на их успехах или потребностях; d) не допускать в случаях, когда государственные органы предоставляют учебным заведениям те или иные виды помощи, никаких предпочтений или ограничений, основанных исключительно на принадлежности учащихся к какой-либо определенной группе; e) предоставлять иностранным гражданам, проживающим на их территории, такой же доступ к образованию, что и своим гражданам.

Также, согласно статье 4, государства обязуются разрабатывать, развивать и проводить в жизнь общегосударственную политику, использующую соответствующие национальным условиям и обычаям методы для осуществления равенства возможностей в области образования, и, в частности:

a) сделать начальное образование обязательным и бесплатным; сделать среднее образование в различных его формах всеобщим достоянием и обеспечить его общедоступность; сделать высшее образование доступным для всех на основе полного равенства в зависимости от способностей каждого; обеспечить соблюдение предусмотренной законом обязательности обучения;

b) обеспечить во всех государственных учебных заведениях равной ступени одинаковый уровень образования и равные условия в отношении качества обучения;

c) поощрять и развивать подходящими методами образование лиц, не получивших начального образования или не закончивших его, и продолжение их образования в соответствии со способностями каждого;

d) обеспечить без дискриминации подготовку к преподавательской профессии.

Тем не менее, в нашей стране практикуется дискриминация в сфере образования. В статье 26 Всеобщей декларации прав человека сказано, что «Образование

должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами, и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира».

В России нарушаются статьи Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Статья 1 раздела 1 гласит: «Защита национальных меньшинств и прав и свобод лиц, принадлежащих к этим меньшинствам, является неотъемлемой частью международной защиты прав человека и в качестве таковой является областью международного сотрудничества».

В частности, нарушается статья 4 раздела 2, в соответствии с которой национальные меньшинства должны иметь право на равенство перед законом и на равную защиту закона. Представители правопорядка, милиционеры зачастую останавливают рома с просьбой предъявить документы из-за их внешнего вида. Рома являются визуальным меньшинством. «Мы цыган определяем по внешнему виду и по одежде», – слова начальника псковского Управления исполнения наказаний С.Иконникова[13]. В соответствии со статьей 5 лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, должна быть предоставлена «возможность сохранять и развивать свою культуру, а также сохранять основные элементы из самобытности, а именно: религию, язык, традиции и культурное наследие». Как видно, положения этой статьи также нарушаются.

Право на образование является неотъемлемым конституционным правом граждан Российской Федерации. Согласно статье 26 Конституции РФ «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». Однако из-за того, что цыгане общаются на своем языке, одеваются в национальную одежду, они подвергаются дискриминации.

Согласно статье 19 Конституции Российской Федерации (ч. 2): «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Более того, в России существует Закон «Об образовании», в котором есть положение о том, «Гражданам Российской Федерации гарантируется возможность получения образования независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям (объединениям), возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости. Ограничения прав граждан на профессиональное образование по признакам пола, возраста, состояния здоровья, наличия судимости могут быть установлены только законом» (ст.5). Положения этого закона нарушаются.

[13] Правозащитный отчет АДЦ «Мемориал» о положении цыган в России. Февраль 2002г. http://www.memorial.spb.ru/catalog/?p=197

В статье 14 ФЗ «Об образовании» говорится о том, что «Содержание образования должно обеспечивать интеграцию личности в национальную и мировую культуру».

Согласно статье 51 названного документа, «образовательное учреждение создает условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья обучающихся, воспитанников». Положения этой статьи также нарушаются.

1.3. Случаи дискриминации в сфере образования

В России рома живут в Архангельске, Санкт-Петербурге, Калужской, Ивановской, Новгородской областях, Чебоксарах, Екатеринбурге и т.д.

Мной было проведено исследование в поселке Пери (Всеволожский район Ленинградской области), в ходе которого было выявлено, что дети рома сегрегированы от остальных детей. Они учатся в русской школе, но занятия проходят отдельно от русских детей (здесь и в дальнейшем под «русскими детьми» я подразумеваю детей, не являющихся цыганами). В таборе в Чудово (Новгородская область) в одном классе одновременно учатся цыганские дети 1-го и 4-го классов, а в другом классе учатся русские дети, тоже одновременно ученики 1-го и 4-го классов! Сделано это на основании расовой неприязни.

Директор школы ничего не меняет. Возможно, это связано с тем, что у всех детей есть какая-то база и знания, а цыганские дети зачастую по-русски плохо говорят в начальных классах, что мешает им учиться на одном уровне с русскими детьми.

Хотят ли сами дети, цыганские дети, учиться с русскими? Как показал мой опрос, мнения цыганских детей расходятся. У некоторых есть русские друзья. И они не видят к себе плохого отношения со стороны русских. Вот слова одного из учеников-цыган: «Я дружу с русскими. У меня даже друг есть. Он русский, но не обижает меня» (Дима, 9 лет). Но в основном дети сказали о том, что их дразнят и что для них намного лучше учиться от-

дельно. Не все учителя согласны преподавать в цыганских классах, тоже из-за расовой неприязни и предрассудков. Порой неприятные высказывания исходят и от учителей, а слово «цыган» звучит как обидное прозвище.

Помимо сегрегации, дети рома ограничены в доступе к среднему образованию.

Цыганам, проживающим в поселке Пери (Всеволожский район) и в Чудово (Новгородская область), предоставляется обучение лишь в начальной школе, в то время как русские дети получают необходимое среднее образование. Нарушается статья 43, пункт 4, Конституции РФ и статья 19, пункт 3, ФЗ «Об образовании», в которых сказано, что общее образование является обязательным.

Право на образование – одно из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Российской Федерации, и оно нарушается.

Еще одним фактором дискриминации является то, что рома предоставлены недостойные условия для получения образования. В поселке Пери здание цыганской школы на протяжении долгого времени не отапливалось, в нем лишь один санузел – общий, для мальчиков и девочек, в здании нет столовой, горячей воды.

Пери не является исключением. Рома сталкиваются с дискриминацией и в Архангельске, Екатеринбурге, Иванове, Калуге[14] и т.д.

1.4. Способы защиты и оценка эффективности мер

Итак, в России факторами дискриминации в образовании рома являются: сегрегация, недостойные условия для получения образования, ограничение доступа к образованию. Причины дискриминации рома, как мне кажется, заключаются в негативном отношении родителей детей не рома, основанном на расовых предпосылках, в нетолерантности преподавателей, в отсутствии системы подготовительных дошкольных классов для исключенных групп.

На государственном уровне в России недостаточно внимания уделяется этническим меньшинствам и исключенным группам в целом[15]. Плохо развито антидискриминационное законодательство. Отсутствует правовое понятие термина «дискриминация».

Я считаю, что для ликвидации дискриминации и сегрегации необходимо провести следующий политический курс – интеграционную политику. В статье

[14] Правозащитный отчет АДЦ «Мемориал» о положении цыган в России. Февраль 2002г. http://www.memorial.spb.ru/catalog/?p=197

[15] *Бейо Марион.* «В России нарушаются права цыган». The Washington Times www.interethnic.org/News/091004_6.html – 26k -сайт центра международного сотрудничества.

14 Закона РФ «Об образовании» говорится о том, что «Содержание образования должно обеспечивать интеграцию личности в национальную и мировую культуру». Для проведения интеграционной политики необходимо решение следующих задач: формирование подготовительных классов для дошкольников, уничтожение сегрегации в школах, предоставление достойных условий для получения образования, организация интеграционных спортивных мероприятий.

Активную роль в решении проблем рома играют НКО, а именно Антидискриминационный центр «Мемориал». Он оказывает рома юридическую помощь, социальную, психологическую. В частности, «Мемориал» проводит интеграционную политику, а именно был организован интеграционный футбольный матч, в котором принимали участие дети разных национальностей. Летом 2008 года «Мемориалом» был организован лагерь, в котором также отдыхали дети разных национальностей. Это было сделано для того, чтобы убрать все барьеры, чтобы дети искали себе друзей не по цвету кожи и разрезу глаз. В частности, реализуется проект «Терпимость, равенство и интеграция в школьном образовании». Он направлен на поддержку интеграции детей, не являющихся русскими по этническому происхождению. Связано это с тем, что дети не всегда подготовлены к школе, недостаточно хорошо говорят по-русски, сталкиваются с расовой неприязнью. Во избежание этих проблем, разрабатываются методики преподавания русского языка для таких детей, тренинги для учителей.

Говоря о результатах, важно отметить, что уже выпущены некоторые учебные пособия, а именно «Азбука для тех, кто изучает русский язык как неродной» и «Краткое руководство по «цыганскому языку».

Я считаю, что меры, которые предпринимаются «Мемориалом», будут способствовать процессу интеграции исключенных групп. Насколько это будет эффективно, покажет время, однако уже сейчас можно говорить о том, что у рома появилась возможность продвинуться на ступеньку выше в образовании.

Я считаю, что в стране плохо развито антидискриминационное законодательство. Если в европейских странах, в частности в Венгрии и Румынии, акторами проведения политики в отношении рома является как правительство, так и НКО, то в России это преимущественно НКО.

Выводы

Почему в России меньше внимания уделяется правам рома? Каковы факторы неэффективности защиты прав рома в России?

Я предполагаю, что в России происходит деполитизация рома. Деполитизацией является «ослабление политической деятельности отдельных граждан или

социальных групп, а также процесс прекращения существования и деятельности организаций политических партий в государственных учреждениях и организациях[16]». Прежде всего, это связано с институтом регистрации и вытекающими отсюда проблемами, а именно с гражданством и паспортом, которые в свою очередь ведут к социальной исключенности рома. После изменения привычного образа жизни рома, отмены кочевания, они столкнулись с рядом трудностей. Переход к оседлому образу жизни вызвал необходимость иметь паспорта. Как мной уже указывалось, по данным Переписи населения 2002 года, численность цыган, проживающих на территории России, составляет 183000[17](182000[18]). Однако, как мне кажется, те из них, кто не имеет регистрации, не попали под перепись населения, и, следовательно, не имеют доступа к получению образования, работы и т.д. Эта часть рома является деполитизированной.

Кроме того, я считаю, что одним из внешних факторов эффективности политических курсов, направленных на защиту прав меньшинств в Европе, является желание вступить в Евросоюз.

Чтобы вступить в Евросоюз, страны-кандидаты должны следовать Копенгагенским критериям, которые были приняты в Копенгагене на заседании Европейского совета в 1993 году. Согласно этим критериям, в стране должны быть признаны стандарты ЕС (приверженность целям валютного, политического, экономического союза), и должна быть конкурентоспособная рыночная экономика.

Страны, вошедшие в ЕС, должны подчиняться требованиям Европейской конвенции по правам человека.

Согласно статье 14 о запрещении дискриминации, «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам». Согласно статье 1 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, принятой в Страсбурге 1 февраля 1995 г., «Защита национальных меньшинств и прав и свобод лиц,

[16] *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. 1999 www.slovarnik.ru/html_tsot/d/depolitizaci8.html – 10k -

[17] *Бейо Марион.* «В России нарушаются права цыган». The Washington Times www.interethnic.org/News/091004_6.html – 26k -сайт центра международного сотрудничества.

[18] Правозащитный отчет АДЦ «Мемориал» о положении цыган в России. Февраль 2002г. http://www.memorial.spb.ru/catalog/?p=197

принадлежащих к этим меньшинствам, является неотъемлемой частью международной защиты прав человека и в качестве таковой является областью международного сотрудничества». Присоединение к ЕС в 2007 году было главной целью правительства Румынии. Венгрия вступила в ЕС в 2004 году.

Что касается России, то вступление в Европейский союз не является для нее главной задачей, более того, у нее уже есть экономические и политические отношения с ЕС.

Одним из внутренних факторов эффективности политических курсов, направленных на защиту прав меньшинств в Румынии и Венгрии, является то, что в этих странах численность рома намного больше, нежели в России. В Венгрии проживает 580 000 рома, в Румынии 535 250 (по официальным данным, по мнению экспертов, количество рома составляет 1 800 000-2 500 000 человек), в России же проживает 183 000 рома. Возможно, малая численность рома в России приводит к отсутствию политических курсов, направленных на их интеграцию. Однако и Россией, и Венгрией, и Румынией была подписана и ратифицирована Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Согласно статье 12, сторонами должны быть приняты «меры в области образования и научных исследований с целью улучшения знаний культуры, истории, языка и религии как своих национальных меньшинств, так и основной группы населения», созданы «условия для подготовки преподавателей, обеспечения школьными учебниками и облегчения контактов между учащимися и преподавателями из различных общин и обеспечены равные возможности доступа к образованию на всех уровнях для лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам».

Со стороны России можно увидеть политику в отношении рома, проводимую преимущественно НКО.

Помимо основных выделенных мной проблем рома в сфере образования, а именно сегрегации, неравного доступа на получение образования, недостойных условий для получения образования, можно отметить еще одну проблему – отсутствие дошкольных учебных заведений для национальных меньшинств в России.

Согласно Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (статья 14), «в регионах со значительным или традиционным присутствием лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, стороны, насколько это возможно и в рамках своих образовательных систем, в случае достаточной потребности в этом стремятся обеспечить, чтобы лица, принадлежащие к этим меньшинствам, имели надлежащие возможности изучать язык своего меньшинства или получать образование на этом языке».

Согласно Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств (часть 3, статья 8), должен быть обеспечен доступ к дошкольному образованию на соответствующих региональных языках и языках меньшинств. В России эти требования не выполняются, вследствие чего национальные и этнические меньшинства идут в школу неподготовленными, не имея базы, основных знаний.

Заключение

Я перечислила факторы успешной реализации защиты прав рома в России. После проведения исследования могу предложить рекомендации по увеличению эффективности их реализации. Как мне кажется, наиболее важны следующие политические курсы: предоставление финансовой помощи школам (техническим оснащением, учебниками), ведение интеграционной политики, повышение квалификации сотрудников, проведение тренингов по толерантности. Частично эти политические курсы проводятся, преимущественно в Европе. Но они необходимы везде, для повышения качества образования и искоренения барьеров между детьми разных национальностей и этносов.

Также необходима координация действий между НКО и государственными органами, так как, дополняя друг друга, они могут провести более эффективную политику в отношении рома с целью предотвращения дискриминации.

Рамочная конвенция (статья 18) гласит: «Стороны прилагают усилия к заключению в случае необходимости двусторонних и многосторонних соглашений с другими государствами, в частности с соседними государствами, для обеспечения защиты лиц, принадлежащих к соответствующим национальным меньшинствам». Такая мера мне кажется довольно эффективной. В частности, уже была подобная практика. В 2003 году в Венгрии, Будапеште, на конференции «Рома в расширяющейся Европе: задачи на будущее» возникла идея Декады цыганской интеграции, цель которой – улучшение социально-экономического положения и социальной интеграции цыган в региональных рамках. Премьер-министры участвующих стран подписали декларацию о десятилетней интеграции цыган (2005–2015 гг.). Страны-участники: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чешская республика, Венгрия, Македония, Черногория, Румыния, Сербия, Словакия. Я оцениваю идею декады положительно, так как рома являются меньшинством во многих странах, проблема их дискриминации стоит во всем мире и бороться с ее искоренением нужно совместными усилиями.

Россия является многонациональным государством. «И мы должны ясно и четко понимать, если представители... любого, даже самого маленького этноса, не будут чувствовать здесь себя, как дома, мы не сохраним многонациональное

государство. И это зависит не только от руководителей, это зависит от понимания этого ключевого слова для жизнедеятельности такой сложной страны, как Россия. От понимания этого всеми общественными организациями, каждым рядовым гражданином нашей многонациональной родины. И из этого мы должны исходить, в таком ключе воспитывать наших детей»[19], – таковы слова уже бывшего Президента Российской Федерации, В.В.Путина. Необходимо принятие мер для защиты национальных меньшинств, развитие антидискриминационного законодательства, перенятие опыта европейских стран, а именно проведение интеграционной политики, тренингов по толерантности среди преподавателей, сотрудничество правительства и НКО. Думаю, реализация этих мер позволит надеяться на изменение положения рома в России в лучшую сторону.

Я считаю, что интеграционная политика в отношении исключенных групп необходима. Представители этих групп тоже являются гражданами РФ и достойны получения равного доступа к образованию, работе, здравоохранению.

Литература

1. Бессонов Н. Цыгане в России: Принудительное оседание. www.zigane.pp.ru/history32.htm.

2. Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган. Новый взгляд. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая / Под ред. проф. Г.С. Деметера. Воронеж. 2000.

3. Дубровин Ю.Д. Проблема правового регулирования и защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации. www.lawcenter.ru/publisher/c2.htm – 12k –

4. Бейо Марион. «В России нарушаются права цыган». The Washington Times www.interethnic.org/News/091004_6.html – 26k -сайт центра международного сотрудничества.

5. Осипов А. Современный антирасизм – решение проблемы или часть проблемы? Социальные права и социальная политика. Санкт-Петербург. Смольный институт (в печати).

6. Правозащитный отчет АДЦ «Мемориал» о положении цыган в России. Февраль 2002 г. http://www.memorial.spb.ru/catalog/?p=197

[19] Стенограмма встречи Президента РФ с представителями III Всемирного конгресса татар в г. Казани 30 августа 2002 г. С. 3, 25. Текущий архив Министра РФ. Цит. по: Зорин В.Ю. Национальная политика в России. С. 256

7. Стенограмма встречи Президента РФ с представителями III Всемирного конгресса татар в г. Казани 30 августа 2002 г. Цит. по: Зорин В.Ю. Национальная политика в России. С. 256.
8. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=efremova
9. Дискриминация (Discrimination). Политический словарь.
www.hro.org/editions/glossary/5/discrim.htm – 8k -
10. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. 1999.
www.slovarnik.ru/html_tsot/d/depolitizaci8.html – 10k -
11. Sarah Muscroft. Children's rights: Equal Rights? Diversity, Difference and the issue of discrimination. Published by The International Save the Children Alliance. First published November 2000
12. Zoltan Barany. "Ethnic Mobilisation without prerequisites: the East European Gypsies". World Politics, vol.54, no 3 (apr., 2002), pp.277-307. The Johns Hopkins University Press. http:/ www.jstor.org/stable/25054189. Accessed: 15.04.2009.

Содержание

Совсем не научное предисловие....3
Старовойтовский конкурс как академический исследовательский проект: замысел, участники, исследовательские проблемы, публикации 7
Библиография опубликованных работ конкурса научных работ 26

Этничность и национализм в современном мире
Первый конкурс, 2000 год
Ситуативная структура этнической идентичности петербургских студентов 34
Фальсификация этничности 44
Онтология дискриминации в исследовании наций: социальная обусловленность науки и политические последствия....55
Депортационная политика советского руководства в отношении латышского населения в 1940-х годах....69

Защита прав человека в Российской Федерации
Второй конкурс, 2001 год
Свободные БОМЖи свободной страны....90
Ситуация ограничения прав человека: проблема измерения(на примере группы инвалидов войны в Афганистане) 106
Границы применения доктрины прав человека в современной российской культуре: суд над полковником Будановым и его противники....119

Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход?
Третий конкурс, 2002 год
«Чеченский терроризм»: эволюция значений 130
Исламский мир глазами российских СМИ(геополитический аспект проблемы рассмотрен на примере «Общей Газеты») 143
Проблема теоретико-правового дискурса политического (государственного) насилия(юридико-аксиологический подход к проблеме соотношения понятий государственного насилия и правового принуждения)....159
Актуальные проблемы правового регулирования экологического терроризма в РФ 168

Свобода совести и свобода слова в электронную эру: Россия и международный опыт
Четвертый конкурс, 2003 год

Проблемы свободы доступа к экологической информации в современной россии 181
Свобода слова в зависимых СМИ. Возможно ли это? 196
свобода слова и представительная демократия в россии 209
Нужно ли ограничивать средства массовой информации в кризисных ситуациях? Кто должен это сделать: сами СМИ или власть? 231
Свобода самовыражения – свобода от морали?(Репрезентация женской гомосексуальности в современной российской массовой культуре) 236

Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи России в начале XXI века
Пятый конкурс, 2004 год

Обольщение профессией.Исследование рекрутирования молодых петербургских социологов 246
Повседневность. Нормальность. Другие(На материале молодых северян в Санкт-Петербурге) 258
Студенты-северяне в Петербурге: феномен этнокультурной аутентичности в крупном российском городе 273
Интернет-коммуникация как способ воспроизводства паттернов социального неравенства 286
Интерпретация социальной среды Петербурга студентами-северянами 294
Подросток во дворе: особенности преобразования пространства 303

Теория и практика становления и развития гражданского общества в России
Шестой конкурс, 2005 год

История одного успеха: Почему некоторым общественным организациям удается участие в законотворческом процессе? 314
СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: какое оно сегодня, и каким оно может быть завтра 325
Рисковые коммуникации как механизм, способствующий развитию гражданского общества (на примере атомной отрасли) 336
Гражданское общество = права человека + право культуры 349
Деятельность института Уполномоченного по правам человека в России на примере Калининградской области 356

Гражданское общество и избирательная система в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспектива реформирования 371

Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт
Седьмой конкурс, 2006 год

«От “Восстания” до “Мужества” – 15 минут ужаса»: петербургские маршрутки как социальный и культурный феномен 383
Студенческое землячество казахстанцев в Петербурге: общежитие, клубные вечеринки, сети и миграция 397
Новые религиозные практики горожан: движение Анастасии как феномен религиозной и социокультурной жизни современного Петербурга 411
Коллоиды и коагулянты петербургского публичного пространства 424
Коренные народы Сибири и ДальнегоВостока в Санкт-Петербурге: проблемы социальной адаптации студентов Института народов Севера 435

Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность
Восьмой конкурс, 2007 год

Конструирование национальной идентичности в современных российских мультфильмах: Проект «Гора Самоцветов» 456
«Эй хунхуз куда идешь?! Здесь братва и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ 471
Слышащие – Глухие: 1–0 482
Конструирование образа «врага русского народа» в блогосфере Рунета 498
Толерантность в отношениях светского религиоведения и теологии: российская специфика и перспективы 513

Современные молодежные сообщества в культуре и политике
Девятый конкурс, 2008 год

«Иногда я русский, а иногда бурят»: стратегии конструирования «метисности» в молодежной среде Бурятии 529
Молодежь в «движении» – сообщество в пространстве субкультуры 542
Неформальное интеллектуальное сообщество, или Куда пойти, куда податься студенту в университете? 554
Мобилизация университетского сообщества: политизация аполитичного 568

Солидарность в левых молодежных движениях Санкт-Петербурга 576
Особенности включения молодежи в общину христиан полного евангелия и участия в ее жизни 594

Права человека: история и современность
Десятый конкурс, 2009 год

РАССТРЕЛЯН ЗА ВЕРУ И ПРАВДУ 601
Дискурс прав человека в политических нарративах Ангелы Меркель 621
Права сексуальных меньшинств 638
Добровольная несвобода: советский опыт 651
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 665
Эффективность Европейского суда по правам человека для Российской Федерации 673
Положение рома в сфере образования в России 680
Современные молодежные сообщества 705
в культуре и политике 705

Старовойтовский конкурс как академический исследовательский проект: замысел, участники, исследовательские проблемы, публикации

Под редакцией О.В. Старовойтовой, В.В. Костюшева

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор – Фофанова Н.М.
Корректор – Волохонская Н. В., Медведева А.В.
Компьютерная верстка –Павлова А.Ю.
Художник – Куршева Ю.Н.

ISBN 978-5-87857-169-2

Сдано в набор 01.11.09. Подписано в печать 31.05.10.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 44. Тираж 300 экз.
Заказ №
Издательство «Норма», 192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Невская жемчужина».
Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 2.